Сергей Бурмистров

ХЕЙМ

Санкт-Петербург

Геликон Плюс

2012

УДК 821.161.1–31
ББК 84 (2 Рос = Рус) 6 – 44
Б 91

Б 91
Бурмистров С. Л. Хейм: Роман. – СПб.: Геликон Плюс, 2012. – 592 с.
ISBN 978-5-93682-798-3

Великая держава поднимается к мировому господству. Против нее – одинокий человек, бессильный, как свеча на ветру. Что она для него? И что она для тех, кто ее поддерживает?

Философский роман-притча об одиночестве, силе и поражении человека, оставшегося один на один против слепых сил истории.

ББК 84 (2 Рос = Рус) 6 – 44

© С. Л. Бурмистров, 2012
© Геликон Плюс, 2012

ISBN 978-5-93682-798-3

Я, Гай Энний Сервилиан Фламинин, барон Хеглунд, доминатор Гренландии, написал эту книгу не столько для того, чтобы осветить древнейшие страницы истории Ингрии с той стороны, с какой они еще ни разу не освещались, – хотя, конечно, это благородное желание тоже руководило мною, – сколько для того, чтобы сейчас, в выпавшее нам пылающее время, полное страха и тоски – то ли о прошлом, то ли о будущем, кто ведает? – напомнить согражданам моим о корнях, уходящих далеко в пучину времен. В лучах Крылатого Венца мы не видели – и потому не привыкли видеть – глубинного истока культуры, разума и веры, в которой существуем. Думают ли рыбы о воде, в которой живут?

Но ныне, когда Венец, кажется, готов померкнуть, настало время вновь обратиться к истокам, и я спрашиваю себя: почему все было так? Звуки каких голосов слышны были тем, чьи головы венчал Венец? Запахи каких костров вдыхали они? Снега каких зим и воды каких весен сверкали перед ними отблесками утреннего солнца?

Увы, немногим доступны те, пусть и в изобилии имеющиеся в богатых библиотеках книги о прошлом Ингрии, которые имеются у нас. Они написаны сухим научным языком, не так легко понятным простому человеку, как ясная речь прозаика или меднозвучная, величавая поэзия. Да и, надо признать, не так много есть хороших трудов, в которых охвачена была бы вся древность, – большая часть из них касается лишь частных проблем. Даже общие работы не дают столь полного, как хотелось бы, представления о том духе, о тех умонастроениях, которые царили в Ингерманландии во времена Хеддера и Мерилоды. Восполнить этот пробел и дать современному читателю ощутить вкус и аромат древности было моей задачей. Именно поэтому я выбрал для этого жанр романа, а не научного трактата. Смею надеяться, свою задачу я выполнил хорошо.

Да послужит эта книга благу всех живых существ.

Энний Фламинин Хеглунд,
Гренландия, Кангамиут, первый день шестого месяца первого года царствования Его Святейшества Императора Гедеона

Что есть Великое Скитание? Великое Скитание есть движение по неразличенному пространству мира, по миру хаотическому, делающее его упорядоченным, создающее структуру, ставящее метки пространственным объектам, наделяющее их именами, то есть смыслами. Скитающийся движется по Вселенной, имея перед собой мир смутных, туманных образов и оставляя за собой шлейф упорядоченного мира, наделенного именами и символами, мира знаемого. То же и со временем: скиталец во времени движется в нем, не зная будущего, которое для него неизвестно и неопределенно, и оставляя за собой шлейф прошлого, в котором каждое событие уже наделено значением и смыслом. В первом случае из чистого географического пространства творится мир, во втором из чистого физического времени – история. Поистине, адепт, совершающий Великое Скитание, сам творит себе свой мир, свой дом, свою среду обитания – короче, свой GROSSES HEIM, так уподобляясь Вселенной – в могуществе и свободе – и каждым своим поступком творит самого себя – как человека, как бога, как мир, как личность. Единственная опасность, которая может грозить ему, – это неспособность справиться с возникающими конфликтами: между новым и старым, между чувством и долгом, между другом и врагом, между собой и собой. Это приведет к гибели и его Grosses Heim, и его самого.

Гай Клеменций Имхар. «Главы о Великом Скитании»

ПРОЛОГ

В настоящее время для специалистов по истории Великого Хейма существуют лишь три вопроса поистине трудноразрешимых: во-первых, почему Великий Хейм возник; во-вторых, как и за счет чего он достиг своего фантастического могущества; и в-третьих, как и почему он распался.

Вигдис Модольвинг. Предисловие к «Chronica Ingriensis completa»

Стоял теплый, тихий, наполненный ароматом разогретой за день сосновой хвои и смолы, полный покоем и глубоким дыханием леса, светлый вечер конца августа. Заходящее солнце, готовое коснуться свинцово-темного горизонта, заливало мягким медным светом сосновый бор, подступивший к самой окраине города и застывший перед ночью в медитативном молчании. Стройные сосны с темно-малахитовыми кронами, озаренные закатом, казались неподвижно вздымающимися ввысь языками янтарного пламени, на фоне подступающей с востока тускло-лиловой предгрозовой темноты. Закат огнем растекался по западному горизонту, и на его фоне с удивительной отчетливостью вырезались точные черные силуэты портовых кранов, ангаров и маяков, указывавших ночным кораблям вход в бухту.

Ауттова отходил ко сну. Жаркий и полный суеты рабочий день закатывался за пылающий морской горизонт, и город покрывался чуткой тишиной и вечерней дымкой – легкий, прозрачный туман садился с неба на улицы, смешиваясь с дымом из труб и собираясь каплями на ветках малинников и яблонь, на траве, на вывешенном во дворах для просушки белье. Хозяйки готовили ужин, доносился негромкий говор, нежный и мягкий смех, долетал, приглушенный расстоянием, шум никогда не спящих верфей, порта и мастерских в прибрежных кварталах, рокотали двигатели автобусов, развозивших по домам рабочих дневной смены или по цехам – тех, кому выпало работать в ночную. Донеслась из ближних кварталов печально-напевная музыка, и хрустальный женский голос пел что-то, кажется, на оркнейском: эмигранты-оркнейцы, навсегда выброшенные со своей островной родины, пели о земле, которую никому из них не суждено уже увидеть. Песня внезапно смолкла – возможно, фонограф выключили или внесли с открытой веранды в дом.

Томас Холмский сидел в удобном кресле-качалке в садике возле своего дома. Рядом с креслом стоял маленький резной столик из светлого

дерева; на нем были стальной ирландский кувшин с «хвойной водой», высокий стеклянный стакан и керамическая вазочка с песочным печеньем – обычный скромный ужин, чтобы не есть много на ночь.

Холмский, поглаживая бороду, раскачивался в кресле и отдыхал, глядя на город с высоты пологого холма, на котором стоял его дом – удобное расположение в случае, если придется отражать нападение финнов, ижоры или словен: отсюда Ауттова был виден весь, как на ладони. Уже несколько дней Холмский не брался совершенно ни за какие дела, отдав их все заместителям и помощникам, предавался отдыху, слушал печальные песни оркнейцев или протяжные, медитативные напевы на родном языке, читал стихи или смотрел из окна, как в течение дня, от раннего утра к позднему прозрачному вечеру, меняются город, лес и дальнее, но все же хорошо видное отсюда море. Ничем больше он просто не мог заниматься после трех лет непрерывной и порой мучительно тяжелой работы, которая, несмотря на все препятствия, дала ожидаемые результаты – несколько дней назад все хейминги были, наконец, соединены под властью единого государства.

Вспомнилось, как совсем недавно, меньше двух недель назад, он точно так же сидел в кресле, раскачиваясь, но ум его, в противоположность вполне расслабленному телу, работал и работал, анализировал, сопоставлял, припоминал, создавал и отбрасывал проекты, планировал, что надо будет сказать тому, о чем поговорить с этим, что узнать от другого, в чем убедить третьего. Ничего нельзя было упустить, ни одной детали. Хотя к подписанию договора все было готово, Холмский все же тревожился. Как пойдут окончательные переговоры и консультации? Не пойдет ли на попятный кто-нибудь из штадтгальтеров? Все надо было предусмотреть. Для этого, собственно, он и созвал тогда глав штадтов в Ауттова на торжественный ужин, который должен был последовать за переговорами. Накануне он в который уже раз проверил, все ли нужное для пиршества запасено в его кладовых и подвалах: достаточно ли мяса, не заснула ли в чане какая-нибудь рыбина, не дождавшись предначертанной ей судьбой смерти под ножом повара, нет ли среди яблок, груш, персиков, мандаринов подпорченного, какой уже не подашь к столу, хватит ли вина для трапезы и не забыты ли при этом вкусы кого-нибудь из приглашенных на торжество гостей, гастрономические симпатии которых были разнообразны и порой весьма прихотливы. Госпоже Холмской тоже не приходилось сидеть сложа руки: давать наставления слугам, нанятым специально, чтобы прислуживать за столом, вместе с поварами придумывать блюда, до блеска натирать серебро, присматривать за прислугой, убиравшей и приводившей в порядок комнаты, – не так это просто, как кто-то может подумать. Но все это имело одну главную цель – надо быть уверенным, что завтрашние гости будут

довольны. А с вполне довольным человеком, да еще слегка захмелевшим от изысканного вина и от сытости, договориться значительно легче. Холмскому же с другими штадтгальтерами, несмотря на общее согласие подчиниться единой централизованной власти, еще было о чем договариваться.

> ***Хеймингия***. *Государство, возникшее в результате объединения хеймингских штадтов Ауттова, Оккервиль, Хирвисаари, Лахта, Систербек, Валкеасаари, Оллила, Келломяки, Терийоки, Котлин, Лаутаранта и Райвола (так называемый Оллилаский договор, заключенный в штадте Оллила 17-08-I – или 17.VIII.7498 a mundo condito). Столица – до 03-03-II Ауттова, затем – Хеймсстадир. Высший законодательный орган – Сенат; глава Сената – Верховный Министр, согласно Оллиласкому договору избираемый Советом штадтгальтеров сроком на пять лет (позднее, по Хеймсстадирской Конституции – самим Сенатом на четыре года). Сенат избирался общенародным, прямым и тайным голосованием раз в пять лет. Из числа сенаторов Верховным Министром формировалось правительство. Разделение властей еще не было достаточно четким: Верховный Министр соединял в себе функции глав как законодательной, так и исполнительной властей…*
>
> *(Справочник по исторической географии. Издательство Университета Врат Севера, LXXVII, с. 409).*

Началось все с того, что три года назад штадтгальтер Котлина, Максимилиан Стейнгримссон, чуть было не отдал свой штадт со всем его населением, всеми подвластными территориями и всеми ценностями под власть Койвисто. И самым неприятным для остальных хеймингов было то, что значительная часть населения штадта Котлин поддержала своего правителя. К счастью, большинство народа было все же против его решения, а кроме того, чашу весов не в пользу Стейнгримссона склонило то, что переговоры с правительством Койвисто он вел тайно. Он и сам хорошо испортил себе игру: чтобы доказать Койвисто твердость своих намерений, отдал своему флоту приказ атаковать штадт Лаутаранта. Матросы, естественно, выполнять приказ отказались, большинство сторонников союза с Койвисто отвернулись от Стейнгримссона, а когда он попросил поддержки в Койвисто, из Валланлинны пришло пространное и составленное в самых изысканных выражениях письмо, общий смысл которого сводился к следующему: «Спасибо, в Ваших услугах мы больше не нуждаемся» (в подтексте: «Какой дурак будет ставить на заведомо битую фигуру?!»). Стейнгримссона сместили, судили и изгнали на веки вечные из Хейма с

запретом появляться там под угрозой смерти. Повешения он избежал лишь потому, что сам своим указом незадолго до этого отменил смертную казнь в штадте Котлин (предчувствовал, что ли?).

Этот случай заставил всех задуматься. Так ли все благополучно в Хейме, что некоторые из штадтгальтеров предпочитают независимости союз с Койвисто, совершенно чуждым и по культуре, и по языку, и по истории? Не прогнило ли что-то в Хейме? И, возможно, больше других был обеспокоен Томас Холмский, тогда недавно избранный правителем Ауттова. Еще в те времена, когда он был простым купцом и плавал с товарами по морям в Свеаланд, Данию и Норвегию, он видел, насколько успешнее идут дела у торговцев из Койвисто – только потому, что они пользовались поддержкой государства. Хеймингов же, немногочисленных и часто разобщенных, спасало только их несомненное техническое превосходство над всеми известными народами – ни финны, ни шведы, ни оркнейцы, ни тем более нищие и полудикие словене не могли похвастаться той технической мощью, которую даровали хеймингам благая судьба и изобретательность предков. Но для господства над миром одного умения делать электромобили недостаточно, ведь даже в Койвисто, по данным разведки, уже начали строить корабли с торфиновыми двигателями, почти не зависящие от прихоти ветров и волн, а это уже прямая угроза Хейму, в соперничестве за гегемонию над морями и миром шедшему, несмотря ни на что, впереди всех.

Однако теперь, думал тогда Холмский, все трудности позади. Будем надеяться, по крайней мере. Штадтгальтеры, наконец, согласились ограничить свою свободу ради общей цели – после долгих уговоров и после того, как Терийоки потерял Аландские острова, выбитый оттуда флотом Койвисто, а Келломяки спас от полного разорения и разрушения все тем же флотом внезапно налетевший на море страшный шторм. Но теперь осталось лишь уточнить кое-какие детали. Главное уже сделано.

Вспомнился и разговор, состоявшийся тогда. Холмский, сидя за столом и неохотно от излишней сытости ковыряя вилкой десерт – яблоки, запеченные с медом и политые нежным соусом из красного вина, подогретого с сахаром и корицей, – вполуха слушал говор, стоявший в пиршественном зале. Правители городов и их помощники, расслабленные изысканными винами, обильной трапезой и напевными звуками арф, беседовали, шутили, смеялись, кто-то молча сидел за столом, думая о своем, а нежная мелодия плыла, поднималась к потолку и высоким стрельчатым окнам, через которые, окрашенное в радугу стеклами витражей, било прозрачное августовское солнце, смешиваясь с музыкой и нестройным и радостно-оживленным шумом голосов.

Холмский поднялся и, плеснув себе в стальной кубок легкого зеленоватого вина, подошел к окну и стал смотреть на море. Трава на газоне прямо под окном была еще мокрой от прошедшего недавно дождя. По ярко-сапфировому небу величественно плыли облака, подгоняемые порывистым ветром, лившийся с высоты свет был удивительно прозрачен, невдалеке сверкал необычной для него синевой Финский Залив, и с этим пейзажем резко контрастировали стоявшие у пирсов корабли со знаменами штадтгальтеров на мачтах, три мрачных черных боевых вертолета на взлетном поле у моря и множество машин на площади перед фортом – правители соседних городов предпочитали добираться в Ауттова на автомобилях, сопровождаемых машинами охраны.

Из состояния несколько мечтательной задумчивости правителя Ауттова вывел негромкий, с неприятными металлическими интонациями голос, раздавшийся за спиной:

– О чем задумались, Томас Максимилианович?

Холмский резко обернулся, чуть не расплескав вино из кубка. Перед ним стоял высокий, почти на голову выше, худощавый человек с сухим, аскетичным лицом и серо-стальными, коротко стриженными волосами. «Как обычно, застегнут на все пуговицы», – отметил про себя Холмский, бросив быстрый взгляд на черный камзол собеседника, больше похожий на военный мундир армии Койвисто, чем на обычную хеймингскую одежду. Олег Иголин, штадтгальтер Котлина, могущественный (благодаря экономической мощи своего штадта), но не пользующийся симпатией среди остальных штадтгальтеров (из-за упрямства и эгоизма). Сложный человек. Создал больше всего проблем во время предварительных переговоров об объединении Хейма, и Холмскому удалось уломать его, только обрисовав радужные перспективы, которые откроются перед Котлином в составе единого государства, – ну, и приврав при этом, конечно.

– Да так, – нехотя ответил правитель Ауттова, отведя взгляд и сосредоточенно рассматривая открывающийся из окна пейзаж. Впрочем, тут же спохватился: «Нельзя так с ним. Смешает все карты». Обернулся к нему и изобразил самое благожелательное внимание.

– Не отказались еще от мысли перенести столицу на Архипелаг? – спросил собеседник.

«Ну, вот только этой темы мне сейчас и не хватало! – раздраженно подумал Холмский. – Завел любимую песенку, Фенрир тебя загрызи!» Но только вздохнул в ответ:

– Эх, Олег Валерианович, мне бы ваши проблемы! Сейчас главное – добиться, наконец, единства Хейма, иначе финны Койвисто и ижора перестреляют нас всех как зайцев. Нас пока спасает только неорганизованность соседей.

– Вы забываете о Койвисто…

– Вот именно. Финны уже начали организовываться, и если мы прямо сейчас не возьмемся за ум – все, крышка Хейму, извините за выражение. На одном техническом превосходстве мы продержимся недолго, а старый добрый принцип divide et impera тоже, знаете, работает не всегда.

Иголин усмехнулся:

– Да ладно, что вы меня опять убеждаете? Я ведь уже дал свое согласие войти в объединенный Хейм. О чем тут еще говорить?!

«Ага, как же! Хорошо, если ты не изменишь свое мнение в Оллиле!» – чуть было не сказал вслух Холмский, но вовремя осекся. Все же ненадежен этот Иголин. До начала официальных переговоров он вполне может передумать – и начинай все сначала. Возмутить, что ли, народ против него? Но как? Он не поставит сам себе ловушку, как его предшественник Стейнгримссон, он не дурак. Кто тянул его, Холмского, за язык, когда он однажды неосторожно обмолвился при Иголине о своих планах перенести столицу объединенного Хейма на Лавансаари? Вот если бы эта столица переехала на Котлин – ну, тогда совсем другое дело! Тогда Иголин был бы первым среди сторонников Холмского.

– И что вам, в самом деле, дался этот Архипелаг? – продолжал меж тем Иголин, будто не замечая рассеянной задумчивости Холмского. – Далеко, неудобно, никаких условий для работы. Только и хорошо, что флот… А, Томас Максимилианович?

Холмский отрицательно покачал головой.

– Нет, не только флот. Кстати, и это тоже немаловажно, как вы, надеюсь, понимаете. Не мне вам объяснять, какую роль играет флот и власть над морем для Хейма, так что находиться постоянно рядом с главной корабельной стоянкой для правителя единого государства – более чем важно.

– А Гогланд вас не смущает?

– Нисколько! – изо всех сил изобразив безмятежную уверенность, ответил Холмский. – Уж кого точно не стоит опасаться, так это Гогланда. Думаю, что в течение ближайшего года, максимум – двух, он войдет в состав Хейма.

Иголин саркастически ухмыльнулся:

– Ага! Скажите это Асгейрссону!

– Хм! Уж с Асгейрссоном, мне кажется, договориться будет значительно легче, чем с некоторыми хеймингами, – съязвил в ответ Холмский.

Иголин расхохотался, от смеха чуть не расплескав вино из бокала.

– Браво, Томас Максимилианович, браво!

– Напрасно смеетесь, – проворчал Холмский. – Куда же еще прикажете отправить объединенное правительство? На Котлин? Вы сами говорили, что ваших стоянок не хватит, чтобы вместить даже четверть флота Хейма. В Ауттова или Оллилу? Тогда нам придется по три раза в год отбиваться от нападений, и толку от правительства будет с гулькин, извините, нос. Так что постарайтесь мыслить рационально. Впрочем, ладно. Пока рано еще об этом говорить. Сначала надо, наконец, подписать договор.

– Вот именно, – согласился с ним Иголин, залпом допил вино и, кликнув слугу, отдал ему пустой бокал. – Знаете, Томас Максимилианович, поеду я, пожалуй. Не возражаете?

– С чего бы я стал возражать?

– Ну и прекрасно. Дела ждут, знаете ли…

И с этими словами он, повернувшись на каблуках, направился к дверям. А Холмский смотрел ему вслед, и в голове вертелась одна неотвязная мысль: «Хотел бы я знать, какие такие дела ждут тебя на твоем Котлине!»

Несмотря на мрачные предчувствия Холмского, никаких трудностей в Оллиле Иголин не создал, а так же, как и все, подписал договор, обязавшись ограничить свои полномочия в пользу правительства объединенного Хейма. Более того, он даже очень мило побеседовал тогда с Романом Хеддером, хотя, конечно, никого этим не обманул – все знали о натянутых отношениях правителя Котлина с прокуратором Архипелага, от имени всех хеймингов правившим тремя его островами.

От воспоминаний Холмского отвлек голос супруги. Она, тихонько подойдя к мужу, опустилась в свободное кресло рядом с ним и негромко произнесла, глядя на пламенеющий закат:

– На Архипелаге так не будет…

Холмский посмотрел на нее. В свете закатывающегося дня она сидела в кресле, в позе не напряженной и не расслабленной, и не отрываясь смотрела на порт и волны, плещущиеся внизу, у ног города, плавно сбегавшего улицами и кварталами к берегу холодеющего августовского моря, – смотрела так, будто хотела всеми порами души впитать этот огненный пейзаж, чтобы сохранить его где-то глубоко внутри. Но – увы, ничего не получится. «Память всегда обманывает человека», – с неожиданной для самого себя печалью подумал Холмский, глядя, как тихий вечерний ветер нежно касается ее пепельных волос и ее лица, облитого янтарным закатным сиянием, странно далекого в угасающем свете.

– Так ты действительно решил перебраться на Лавансаари? – тихо спросила она, не меняя позы и по-прежнему не отводя завороженного взгляда от моря.

Услышанный от кого-нибудь другого, этот вопрос непременно вызвал бы у Холмского раздражение: он так устал от необходимости объяснять всем и каждому, зачем это нужно. Но сейчас правитель Ауттова только так же тихо, в унисон супруге, ответил:

– Ты же все понимаешь. Архипелаг – это власть над всем Финским Заливом, а власть над Финским Заливом – это контроль над морем. А контроль над морем – это безопасность Хейма. Хейм должен быть сильным, иначе его сбросят в море.

– Почему же нас не сбросили в море раньше?

– Понятия не имею, – пожал плечами Холмский. – Чудо, наверное.

– Тем не менее это чудо продолжается вот уже несколько столетий.

– Если только история не врет, – молвил он. – И потом, даже чудеса не вечны. Мир меняется, и мы должны меняться вместе с ним, иначе… в общем, ты понимаешь.

– Это тебя Хеддер убедил, – констатировала она – как судья, выносящий приговор, или врач, ставящий диагноз.

Холмский рассмеялся.

– Вот уж чего нет – того нет! Хеддер тут ни при чем. Это скорее я его убедил.

– К его выгоде.

– Нет. Нет! К нашей общей выгоде, понимаешь?

Она только усмехнулась:

– Название-то какое вы дали вашей новой столице – Хеймсстадир!

– Чем тебе не нравится? – нахмурился Холмский.

– Слишком претенциозно, – выдержав паузу, ответила она. – Можно подумать, что весь Хейм клином сошелся на Лавансаари и на этом… Хеймсстадире! – Она снова как будто с отвращением повторила это название.

– Можно, – сухо ответил Холмский, не глядя на жену. – И так оно и есть на самом деле. Ты помнишь, где находятся замок Торварда Морехода и святилище Илматар Наскалинен? Не на Лавансаари разве?

Она ничего не ответила. Только смотрела по-прежнему на море и на краешек солнца, уже почти погрузившегося за горизонт. Потом встала и, шурша складками платья, ушла в дом.

А город медленно уходил в лиловую ночную тьму, на кошачьих лапах кравшуюся с востока, с Ладоги, от истоков Невы, и затихал, и гас шум на улицах, и таял янтарный закат, и загорались теплым светом окна в домах и уличные фонари.

I. ЭЙНО МЕРИЛОДА, АДМИРАЛ

Nos habitat, non tartara, sed nec sidera coeli:
Spiritus, in nobis qui viget, illa facit.

Agrippa von Nettesheim[1].

Шоссе, связывающее Валланлинну, столицу княжества Койвисто, и Суолайтури, его главный порт, машины беспокоят нечасто. Несмотря на свое стратегическое значение, оно тихо и сонно, пыль мирно лежит по обочинам, и в ней возятся воробьи, а в двух или трех деревеньках, стоящих вдоль, важно квохчут куры, копаясь в жидкой грязи луж, и перелаиваются друг с другом через забор, отвлекшись от поиска блох в собственной свалявшейся шерсти, бурые собаки. Да и что возить? Разве только те товары, которые сама Валланлинна произвести не может, – плуги, мотыги, механические культиваторы и торфин для них, – словом, все то, что делают не в спокойной, удаленной от суеты моря столице, а в промышленных центрах Койвисто – приморских Суолайтури и Пунасаари.

Одна из этих деревень дремала в августовском полуденном зное. Изнывали от жары собаки, поникли серые от пыли листья в малинниках, оплетших покосившиеся дощатые заборы, даже крестьяне предпочли, пока не спадет зной, сидеть дома, и только курам все было нипочем, и они, как всегда, топтались в пыли, разыскивая там что-то, ведомое лишь им одним.

Но вдруг они встрепенулись, когда со стороны Суолайтури донесся быстро нараставший механический рокот, и с возмущенным кудахтаньем бросились в стороны, когда по шоссе мимо них, поднимая в воздух сизую едкую пыль и распространяя вокруг себя ядовитый запах торфиновой гари, с ревом промчался, не снижая скорости, тяжелый черный автомобиль с затемненными стеклами и с вымпелом военного флота Койвисто на капоте. Если бы не эти затемненные стекла и не скорость, крестьяне за пыльными окнами своих изб и два-три случайных пешехода, испуганно шарахнувшихся к обочине, могли бы рассмотреть в салоне автомобиля двух человек: один из них сидел за рулем и вполголоса, так, чтобы не слышал разгневанный пассажир, ругал свою нелегкую службу, спешку, разбитую дорогу, пыль и еще многое другое, а второй – тот самый пассажир – сидел на заднем сиденье и во всеуслышание проклинал не только дорогу, но и медлительность своего водителя, который, надо сказать, выжимал из

[1] В нас обитает, не в преисподней и не на звездах небесных: Дух, в нас цветущий, это делает. Агриппа Неттесгеймский (*лат.*)

машины все, что мог, и – главным образом – некоего Аарне Виртанена, коему от слов пассажира, надо полагать, должно было стать очень плохо.

Дорога вынесла машину на гребень невысокого холма, с которого столица открывалась вся, как на ладони. В этом месте покрывавшие остров Исо-Койвисто леса расступались, образуя обширное поле, которое когда-то, много лет назад, сплошь покрывали дикие травы и которое сейчас все было разделено на квадраты огородов. В середине его находилось небольшое озерцо, куда сбегали с окрестных холмов несколько речек. Вдоль берега озера раскинулась Валланлинна. С вершины холма она была видна как на ладони – ее невысокие, в один-два этажа, домики, утопавшие в зелени садов, княжеский дворец на пригорке – единственное в городе каменное строение, трехэтажный дом с высокой, стройной часовой башней. С первого же взгляда было ясно, что дворец проектировал архитектор из Хейма – это было видно по массивным пилонам, подпиравшим портик у входа, и по высоким и узким вертикальным окнам с ажурным разноцветьем витражей. По долине кое-где было разбросано несколько деревень, окруженных, как и столица, огородами. По склонам окружавших долину холмов стайками сбегали вместе с ручьями сосны, а на противоположной стороне долины стеной стоял все тот же вездесущий могучий лес.

Машина проревела по пригородной дороге, не сбавляя скорости, распугивая пешеходов на улицах, промчалась по тающей в полуденной жаре Валланлинне, обдавая едким дымом заборы вокруг домов, живые изгороди из шиповника, уже отягченного алеющими в изумрудной листве спелыми ягодами, лавки со всякой всячиной, в которых томились от необычной августовской жары сонные торговцы с медными физиономиями, кур, топчущихся в сохнущих лужах, и взвизгнула тормозами у ворот княжеского дворца. Пассажир, не дожидаясь, пока ему откроют дверь, сам выскочил из автомобиля, быстрыми движениями поправил идеально сидящий серый мундир с вышитым на рукаве гербом Койвисто – пылающим факелом, оплетенным березовыми ветвями, – и стремительно, широким шагом двинулся к портику по посыпанной дробленым гранитом дорожке.

Аарне Виртанен, четвертый князь династии Виртанен, уже более ста лет правившей островами Койвисто и обширными территориями на континенте, сидел, скорчившись, в кресле и постанывал, обхватив руками голову. Голова раскалывалась. От боли в глазах рябило, виски и затылок будто сдавливали клещами, желудок бунтовал, и во рту разливалось кислое. Эта головная боль становилась просто невыносимой. И ведь сколько лет это продолжается! В молодости, будучи еще наследником престола, Аарне возглавлял поход в Каннас, и однажды в небольшой стычке один из местных богатырей так крепко угостил его по голове дубиной, что будущий

князь едва не отправился в Туонелу. Медики его с трудом выходили, но с тех пор его стали мучить головные боли.

Князь прислушался. Стража у входа с кем-то спорила.

– Князь болен!

– Дело государственной важности! Может и выздороветь на часок.

– Нет! Он никого не принимает!

– Меня он примет. Прочь с дороги!

– Нет! Нет!

– Брысь!!!

Из окна Виртанен увидел, как высокий человек в сером мундире и фуражке с черным околышем, оттолкнув стражу, решительно направился к дворцу. Стражники засеменили за ним. Затем на лестнице послышались топот, брань, и в кабинет князя влетел испуганный секретарь.

– Ваша светлость, там адмирал Мерилода. Требует немедленной аудиенции.

– Ох, – простонал Виртанен, – чтоб его Туони… Что ему надо?

– Не знаю, ваша светлость! Он…

Договорить секретарю не дали. Мощная и невежливая рука решительно отодвинула его в сторону, и в дверном проеме возник адмирал. Вполголоса изрыгая проклятия, он ввалился в комнату, а следом за ним загрохотали сапогами по паркету, жалобно застонавшему под их шагами, растерянные и виноватые стражники.

– Ваша светлость, – робко начал капитан стражи, – мы…

– Все вон! – в бешенстве заорал князь, с ненавистью глядя на столпившихся в дверях людей, и те мгновенно стушевались – даже дверь за собой закрыли беззвучно. Только адмирал стоял посреди комнаты, возвышаясь над князем, уперев руки в бока. Князь возмущенно глянул на него.

– Господин адмирал, что вы себе позволяете?

– Адресуйте этот вопрос себе! – рявкнул Мерилода. – Объясните мне, ваша светлость, почему вы, получив сообщение о собрании Совета штадтгальтеров в Оллиле, отправили меня воевать с этим растреклятым Сааремаа?

– А что в этом такого?

– Что?! Вам известно о решении, принятом в Оллиле?

– Да, я знал обо всем уже на следующее утро.

– Так какого же дьявола вы заставили меня в течение двух недель возиться с этим распрепоганым островом, когда я должен был все эти дни громить Архипелаг?!

– Громить Архипелаг совершенно незачем, а вот Сааремаа – наша колония, и я не позволю…

– Не позволите! Вот как! А вам известно, что Холмский у себя там создает регулярную армию, вовсю реконструирует флот, расширяет порты, строит по всему Архипелагу заводы…

– Заводы? За две недели? Не говорите ерунду, герр адмирал!

– Да, заводы за две недели! Представьте себе! Помещения у него, как выяснилось, давно были готовы, осталось оборудование поставить. А ваша разведка все это, между прочим, прошляпила! Я вас много раз просил, отдайте разведку мне – так нет же, зато этот бесплодный Хилтунен для вас, видите ли, идеальный разведчик! Ха!

«Боги мои, ну когда они все оставят меня в покое?» – мысленно взмолился князь.

– Даже если так, что с того?! – проворчал он, не глядя на адмирала.

Мерилода тяжело вздохнул и опустился в кресло, простонав:

– Укко и Рауни! Ну неужели вы не понимаете, что, если хейминги укрепятся на островах, нам всем конец! Ведь Хеймсстадир становится конкурентом Суолайтури! Если наша торговля заглохнет, что будет с Койвисто?!

– Да?– устало пробормотал Виртанен. – Ну и что же вы предлагаете?

– Как это – что?! – Мерилода аж подпрыгнул в ярости. – Воевать! Вышибить хеймингов с Архипелага! Не забывайте, что там живут не только хейминги. Нерва и Киркорви все еще остаются нашими.

– И на какие, извините, шиши воевать?

– А вот это – уже ваша проблема! Не вы ли отправили меня на Сааремаа? Теперь солдаты должны отдохнуть, а так как время уже не терпит, придется набирать новых.

Князь прижал ладони к вискам. Голова болела сегодня с самого утра, а это вторжение Мерилоды еще усилило боль. Аарне Виртанен вздохнул. «Только бы отвязаться от него! Что бы такое сказать, чтобы он от меня отстал?»

– Ладно. Я подумаю над этим. Возвращайтесь к флоту, я вызову вас, когда возникнет необходимость. Идите же!

Мерилода встал с кресла и, отсалютовав, вышел. Князь подошел к окну, прижался лбом к стеклу и долго стоял, глядя в одну точку, не видя ни озера, мирно сверкавшего в лучах полуденного солнца, ни кустов шиповника под окнами, – перед глазами была только жаркая летняя дымка, а в ушах еще слышался голос Мерилоды. «Надо что-то с ним делать», – подумал Виртанен. Что-то… Но что? Много ли можно сделать с адмиралом, которому верят люди, а матросы едва ли не боготворят? Эйно Мерилода. Сколько ему уже? Чуть за тридцать, кажется? И в таком возрасте он уже командует флотом Койвисто. Да еще не финн, кажется. Водин, что ли? Из тех мест откуда-то. Прыткий малый. Подумать только: князь сам назначил

его на этот пост. Сам, своими руками подписал приказ. Хоть бы он тогда сломал себе эту руку! Но сделанного не воротишь. Нет, Мерилода положительно талантлив, даже, возможно, гениален – но неуправляем. И никто не знает, что он выкинет в следующий момент. «Надо что-то с ним делать». Нет, думать сейчас об этом невозможно. Головная боль не дает думать. Князь кликнул слугу и отправил его за врачом. Сегодня ему было особенно худо. Но мысль все равно продолжала работать. И через час, приняв от врача таблетку снотворного, распростершись на холодных шелковых простынях, уже засыпая, князь нашел, кажется, решение.

Адмирал же вернулся в Суолайтури в отвратительнейшем настроении. Сколько времени потеряно зря! Сколько сил растрачено! А Койвисто между тем грозит опасность, о которой князь, кажется, даже и не подозревает. Всю дорогу Мерилода ругался про себя, к флоту вернулся злой, и капитаны кораблей дрожали перед ним, как мальчишки. Вчера вечером флот бросил якоря на рейде Суолайтури, люди действительно устали, а где взять новых?

Остаток дня Мерилода провел в делах и домой, в небольшую уютную виллу на самой западной окраине города вернулся поздно вечером, когда стрелки часов уже шли к полуночи. Сбросил мундир, принял ванну и, отказавшись от ужина, отправился спать.

Проснулся он посреди ночи – часы показывали половину третьего. Долго ворочался в постели, пытаясь заснуть, но сон бежал от него. Наконец Мерилода встал, оделся и вышел из дома на крыльцо.

Его мучили опасения. Ему не раз доводилось бывать в переделках. Он сумел уцелеть и даже победить в смертельных рифах архипелага Ахвенанмаа, где его эскадру захватили врасплох корабли Свеаланда. Он бесстрашно смотрел в лицо опасности под стенами Иоханнеса, где земля после битвы была усыпана трупами, как осенний лес – палыми листьями. Наконец, он смог подавить мятеж на далеком и еще почти не приручennом Сааремаа, что также стоило ему немалых сил. Но то, что он затевал сейчас, по опасности своей ни в какое сравнение с прежними подвигами не шло. Напасть на Хеймсстадир! Месяц назад это было еще не очень сложно, невзирая даже на хеймингскую технологию и на то, что объект нападения находится на острове, но теперь… Постоянные гарнизоны всех поселений Архипелага увеличены, создается система раннего оповещения о нападении. Небезопасно. Но напасть все равно необходимо. Напасть и победить.

Затем Мерилода вспомнил о недавней беседе с князем, и это тут же испортило ему настроение. Он ведь решился на такое опасное дело, а этот царственный увалень, это бревно великодержавное наверняка подведет его, причем в самый последний момент, когда ничего уже нельзя будет сделать.

Так что полагаться придется лишь на свои силы. А сделать надо многое. Раздобыть деньги, разослать во все концы Койвисто и даже в дебри Каннаса агитаторов, распорядиться о соответствующей оснастке кораблей, об оружии. Есть, правда, надежда, что князь предоставит ему эскадру Ууpаса, а возможно, даже и его арсеналы – там есть и броненосцы, способные легко сломить сопротивление противника, и вместительные десантные корабли, много отличного оружия, боеприпасов, однако шансы невелики, ибо Уурас – форпост Койвисто в заливе Вийпурилахти – районе, до сих пор еще недостаточно освоенном, непокорном и весьма неспокойном, где требуются военные силы. Значит, придется рассчитывать лишь на собственные силы да отчасти на деньги князя. Впрочем, в силу исключительной скупости монарха Койвисто, больших субсидий не предвидится.

Так Мерилода размышлял, стоя на крыльце и рассеянно скользя взглядом по притихшим кустам в саду, по песчаному берегу, по волнам моря, озаренного полной золотистой луной. Было совсем тихо, стоял полный штиль, на безоблачном августовском небе величественно мерцали звезды, а за спиной адмирала, со всех сторон обступив город, стеной высился лес. Вдали, среди лесов и болот Исо-Койвисто, печально кричала ночная птица. Четырежды ударил колокол на башне княжеского дворца в Валланлинне. В воздухе слабо пахло морской водой, рыбой, тиной. Мир спал. А там, на юго-западе, за неподвижным простором моря, лежала его судьба – Архипелаг, где он должен одержать победу или умереть. И эта судьба страшила его. Там, за горизонтом, на этих островах, лежала сама Опасность, и ему предстояло ее сокрушить. «Какой это странный мир!» – подумал вдруг Мерилода.

Наконец, он стряхнул с себя оцепенение и вернулся в дом. Предстоял трудный день, и надо было еще раз все внимательно обдумать.

Утром адмирал вызвал адъютанта.

– Прикажите подготовить к плаванию какое-нибудь быстроходное судно.

– Вашу яхту?

– Нет, другое. Какой-нибудь легкий ботик вроде рыболовного, быстрый, но не так бросающийся в глаза. Мою яхту слишком хорошо знают.

– Каков будет маршрут?

– До Лавансаари и обратно. Возможно, с заходом на остров Нерва.

– Слушаюсь, герр адмирал.

Адъютант вышел, а адмирал раскинул перед собой карту Финского Залива и задумался. Взгляд его рассеянно блуждал по карте, натыкаясь тут и там на знакомые названия. Койвисто – три небольших острова у берега Каннаса, его нынешний дом. Суолайтури – место, где он сейчас находится,

старый портовый город на южном берегу Исо-Койвисто; из его гаваней когда-то уходили в свои первые плавания корабли Отсо Виртанена, прадеда нынешнего князя. Karjalan Kannas, Карельский перешеек, вся северо-западная часть которого до самой Ладоги давно принадлежит Койвисто, а сопротивление населяющих эту землю карел давно и надежно сломлено – ну, или почти сломлено, если вспомнить, с каким трудом Аарне Виртанен подавил там недавний мятеж. Архипелаг – пять островов в самом центре Suomenlahti, и два из них – самый большой, остров Гогланд, и остров Эскола – до сих пор не принадлежат Хейму; ими правит независимый и несговорчивый норвежец, старик Арни Асгейрссон, повелитель населяющих острова хеймингов, финнов и скандинавов. Еще три острова Архипелага – Лавансаари, Малый и Сескар – находятся под властью Хейма, и управляет ими рыжий толстяк и сибарит Роман Хеддер; странные очертания у этого Лавансаари – с юга в него глубоко вдается бухта – знаменитая бухта Защитная, где сейчас готовится к зимовке хеймингский торговый флот. Дальше, западнее, по северному берегу Финского Залива – страны Кюми и Ууденмаа, захваченные еще отцом нынешнего князя Койвисто, а за ними – Ахвенанмаа, огромный архипелаг, из которого не так давно финны Койвисто выбили хеймингов. А восточнее Койвисто лежит Хейм. Маленькая страна – всего и владений, что нижняя, западная часть Невской низменности от холмов Аро до моря да узкая полоска каннасского берега. Но как Койвисто ни пытается передвинуть границу своих владений восточнее, ничего не получается. Все усилия наталкиваются на бешеное сопротивление хеймингов.

Затем взгляд адмирала переместился южнее, на Лужский залив и остановился на группе из пяти маленьких островков в глубине его. Острова эти носили название Мерилода и были родиной адмирала. Оттуда он приехал в Койвисто пытать счастья, взяв в качестве фамилии название местности, откуда был родом.

Адмирал вспомнил небольшой добротный каменный дом на маленьком, метров семьдесят в поперечнике, каменистом островке, совершенно лишенном растительности, если не считать нескольких пучков травы, жавшихся между валунами. Он вспомнил, как, будучи еще ребенком, завидовал старшим братьям, отправлявшимся каждый день с отцом ставить сети, вспомнил запах свежей рыбы, каждое лето стоявший над их островком.

Семья их жила только морем. Отец и старшие братья ловили рыбу, собирали морские водоросли, а раз в неделю отвозили улов на материк, на рынок, и возвращались, нагрузив баркас зерном, или дровами, или еще чем-нибудь нужным. Однажды отец взял маленького Эйно с собой на базар. Базар потряс его. Там было столько людей, столько разных товаров, столько

звуков и запахов, что временами у него начинала кружиться голова. Сейчас адмирал понимал, что это был всего лишь мелкий kirpuntori, «блошиный рынок», но тогда… ах! какое это было время! Отец купил ему тогда глиняную птичку-свистульку с отверстием для шнурка. Эту безделушку он до сих пор носил на цепочке как талисман.

А затем пришла беда. Спрос на рыбу в тот год резко упал, приходилось жить впроголодь, да еще мать заболела. Дети к тому времени уже выросли, и тогда было принято решение: отец останется на острове с матерью, а детям придется покинуть родину и разъехаться кто куда в поисках места под солнцем. Эйно, успев к тому времени пообтереться среди местных рыболовов и наслушавшись рассказов о финском флоте, решил поехать в Койвисто. Сначала хотел было в Хейм, да незнание языка подвело.

Ему повезло. Будущий адмирал изучал морское дело под руководством знаменитого Эрика Суденсалми и достиг немалых успехов. После двух лет безупречной службы он получил отпуск, достаточно длительный, чтобы навестить родину. Собраться в дорогу было едва ли не минутным делом. Однако, когда Эйно достиг родного острова, то не нашел там ничего. Дом был разрушен, развалины носили явные следы пожара, отцовская лодка исчезла. Сколько ни расспрашивал он знакомых рыбаков, так ничего вразумительного и не добился, если не считать туманного намека на эстонских пиратов, прошлым летом грабивших острова, а к зиме ушедших куда-то на север. Долго Эйно искал родных, но все поиски были, увы, напрасны. В Койвисто он вернулся ни с чем.

Помог случай. Дослужившись уже до капитана корабля, он был направлен в Иоханнес и там, в этом аду, совершенно случайно встретил среди беженцев свою мать, Айно. От нее он и узнал о событиях, происшедших за время его отсутствия на родине.

Как выяснилось, через год после его отъезда, летом, в Лужский залив явились пираты-эсты. Поначалу они не обращали внимания на мелкие островки, предпочитая грабить крупные и богатые береговые селения, но однажды невесть каким ветром занесло пиратский корабль и на их островок. Эсты высадились, вломились в их дом, убили отца Эйно, пытавшегося защитить свое жилище, которое они, видя, что грабить там нечего, попросту разрушили и сожгли. Айно они прихватили с собой и отплыли в сторону Хейма. После недолгого плавания пираты подошли к Оллиле, высадились на берег и с ножами в руках ринулись к стенам местного форта. Но если селение финнов или водинов могут шутя взять полтора пьяных бандита, то для захвата хеймингского поселка требуется по меньшей мере столько же солдат, сколько в нем боеспособных жителей. Кучку оставшихся в живых эстов вместе с Айно погнали на север, в глухие каннасские леса – продавать

в рабство. По дороге женщине удалось бежать. Долго она блуждала по лесам, по болотам, питаясь травой и ягодами, пока наконец ее, уже умирающую, не подобрал проезжий купец. Он привез ее к себе в Иоханнес, выходил и оставил жить у себя как служанку своей супруги. Во время осады Иоханнеса войсками Койвисто купец погиб, имущество его было разграблено, Айно койвистинцы взяли в плен, вероятно, рассчитывая продать ее где-нибудь. Вот здесь, на корабле Эйно Мерилоды, они и встретились.

Эйно с матерью после разгрома Иоханнеса вернулись в Суолайтури, а через несколько лет Айно Мерилода тихо скончалась.

Впоследствии все страдания жителей берегов Лужского залива были отомщены. Предшественник Мерилоды на посту командующего флотом Койвисто был несколько лет назад направлен к берегам Эстонии под предлогом борьбы с пиратством и так хорошо поработал, что на всем побережье искоренил не только пиратство, но и вообще всякое мореплавание. Эсты, бедняги, часто даже на рыбную ловлю на своих утлых лодчонках боялись выходить.

Однако адмирал до сих пор ничего, совсем ничего не знал о судьбе своих братьев. Даже мать ничего не слышала о них с тех пор, как они покинули родной остров.

Наконец, Мерилода вернулся к действительности, сложил карту и вызвал адъютанта.

– Передали приказ подготовить мне корабль?

– Так точно, герр адмирал.

– Когда он будет готов?

– Он уже готов, герр адмирал.

– Вот как?

– Это разведывательный корабль с постоянной командой. Он ждет вас.

– Ну что ж, чудесно.

Адмирал достал из ящика стола подробную карту Лавансаари и в сопровождении адъютанта отправился в порт. Там у причала уже стоял готовый к отплытию корабль-разведчик – одномачтовая посудина метров двадцати пяти длиной, способная, судя по форме корпуса, развивать неплохую скорость. Мерилода поднялся на борт, отдал приказ отплывать и прошел в предназначенную ему каюту. Забегали по палубе матросы, были отданы швартовы, подняты паруса, и через несколько минут судно уже неслось по волнам на запад, к острову Нерва.

Адмирал задумчиво созерцал карту Лавансаари. Курс на Нерву был взят по его приказу – необходимо было рассмотреть на месте возможности организации на острове военной базы для атаки на Лавансаари. А пока надо

было изучить объект нападения. Бухта Защитная… Глубокий залив, вдающийся с юга в каменную громаду Лавансаари. С запада вход в нее охраняет мыс Опасный, с востока – мыс Линейный. «Названия-то какие говорящие!» – подивился Мерилода. На обоих мысах – форты. На юг от мыса Опасный в море уходит длинная каменистая коса – острова Киэросаарет. В центре острова – озеро (единственное на Архипелаге), из него вытекает река, на северном берегу которой расположен Хеймсстадир; облегчает нападение то, что все главные причалы расположены на западном берегу бухты Защитной, а от Хеймсстадира к ним ведет дорога, перекрыв которую, можно задержать местный гарнизон и, прежде чем сцепиться с войсками Верховного Министра, успеть уничтожить хеймингский флот. Придется заготовить зажигательные снаряды, брандеры. Однако делать все это придется быстро, очень быстро – форма бухты такова, что единственный выход из нее легко перекрыть, и тогда финская эскадра окажется в ловушке. Финнов просто перестреляют, как зайцев. Главное, чтобы хейминги сообразили, что происходит, только тогда, когда все будет уже кончено, – и чтобы на мысах, закрывающих вход в бухту, не стояли хеймингские артиллерийские батареи. Надо создать информационную «дымовую завесу». Хейминги должны быть уверены, что ничего, кроме обычных плановых учений, Мерилода со своим флотом проводить не намерен. Если не сработает, они вполне могут усилить форты дополнительной артиллерией. С Хилтуненом, что ли, об этом поговорить? Впрочем, нет, ему доверять нельзя. Да еще надо разослать по всему Архипелагу разведчиков. И забросить несколько отрядов в Киркорви под благовидным предлогом. Или нет? А если хейминги заподозрят что-то? У них ведь тоже разведка не спит, а наше преимущество – только во внезапности. А может быть, лучше сначала напасть с моря на Хеймсстадир, а потом уже громить стоянку в бухте? А может, и не лучше. Сам Мерилода на Лавансаари никогда не бывал, да и карта была далеко не наилучшего качества, но от собственных разведчиков он знал, что дно моря в районе Хеймсстадира мелко и каменисто, да и в бухте стоят не все корабли – самые тяжелые, с большой осадкой, суда вынуждены стоять на внешнем рейде, у гряды Киэросаарет. Ладно, разведка покажет. Кстати, надо будет вытряхнуть из Хилтунена всю информацию по Архипелагу – все то немногое, чем тот располагает, – на случай, если собственная разведка Мерилоды что-то упустит. При воспоминании о начальнике разведки Койвисто Мерилода брезгливо поморщился. «Этот самодовольный индюк кого угодно доведет до бешенства».

Адмирал отложил карту, вышел на палубу и осмотрелся. Жара вчерашнего дня спала, небо было обложено серыми тучами, вода тускло поблескивала темной сталью. Бил порывами в лицо резкий, влажный,

холодный ветер. Волны свирепо налетали на корабль и с шипением разбивались о его металлический корпус. Небо нависало над волнами совсем низко; казалось, еще немного – и оно коснется верхушки мачты. Мерилоде оно напомнило спящего человека, несчастного, пережившего много страданий, которому даже сон не приносит успокоения, ибо во сне он еще раз переживает выпавшие на его долю злоключения; стоны ветра казались печальными вздохами спящего. Хлопал парус, кричала чайка в высоте; в воздухе пахло морской водой и дождем; за кормой виднелась на горизонте узкая полоска земли – острова Койвисто. Грустное зрелище.

Наконец на горизонте показался остров Нерва. Когда корабль подошел поближе, Мерилода сумел внимательно рассмотреть его.

Остров представлял собой клочок суши метров ста пятидесяти в поперечнике – беспорядочное нагромождение серых скал. Между громадными моренными валунами жались мелкие кусты, жалкие, изогнутые стволики осин и берез. Когда корабль стал на якорь в сотне метров от берега, с острова ветер донес запах гниющих водорослей. На берегу, перед якорной стоянкой, сгрудились десятка полтора каменных хибарок.

Адмирал сел в только что спущенную на воду шлюпку и, пока матросы на веслах лавировали между подводными камнями, задумчиво рассматривал население Нервы, высыпавшее на берег посмотреть на новое судно, пришедшее в неурочный день. Жалкое зрелище представляли собой эти люди: загоревшие почти до черноты, грязные, одетые в грубые одежды из гормовой ткани – кажется, даже на льняную денег у них не было. Когда шлюпка достигла берега, Мерилоде помогли выйти и пригласили в одну из хижин. Он принял приглашение.

Изнутри хижина выглядела еще более жалко, чем снаружи: закопченные, черные стены, окна без стекол (как объяснил хозяин, в плохую погоду они закрываются деревянными ставнями), даже потолка в доме нет – вместо него над головой бесстыдно голые стропила с настеленной на них кое-как соломенной крышей. Мерилода вспомнил, что на Нерве нет пресной воды, и жители пользуются морской. Правда, соленость вод Финского Залива невелика, но это, вероятно, не спасает местных жителей от болезней.

– Как же вы тут живете?! – воскликнул адмирал.

– Хорошо живем. Продаем соль и рыбу, тем и кормимся. Завтра утром должен прийти корабль и забрать нашу соль и наш улов.

– Почему же вы не купите себе ни нормальной мебели, ни приличной одежды, ни даже мыла?

– Э-э, господин, да нам наших промыслов только на еду и хватает! За метр льняной ткани просят весь дневной улов. Рыба, говорят, дешевая, ее и без нас много ловят, не покупает никто.

Мерилода, сочувственно хмыкнув, вышел из хижины и пошел к другому берегу острова. Даже беглый осмотр не оставлял сомнений – на военно-морскую базу на Нерве надеяться нечего. Организация ее потребует бешеных денег и уйму времени, которого у Мерилоды, увы, нет. Видимо, на Нерве больше делать нечего. Вперед, к Лавансаари.

Адмирал повернулся, воинственно глянул на стальную мачту маяка, раскинувшую, подобно листьям какого-то фантастического дерева, четыре солнечные батареи, изготовленные, кстати, по заказу в хеймингской Ауттова – и зашагал к шлюпке. Начинало смеркаться.

И вот снова посвистывает в высоте ветер, шипят волны, разбиваясь о борт корабля, а впереди, в спустившейся темноте, мерцает красным светом маяк Киркорви – единственная колония Койвисто на Лавансаари.

Перед тем, как отправиться спать, Мерилода приказал капитану:

– Держите курс на Киркорви и бросьте якорь где-нибудь в километре от него. Как рассветет, разбудите меня и снимайтесь с якоря.

С рассветом Мерилода проснулся сам, не дожидаясь, когда его разбудят, вышел на палубу и столкнулся там с капитаном. Тот, отдав честь, побежал распоряжаться об отплытии, а адмирал, взяв в каюте бинокль, стал изучать берег.

Лавансаари выглядел гораздо привлекательнее, чем Нерва. Он тоже был каменистым, но, в отличие от Нервы, был густо покрыт растительностью. Невысокие сосенки и березки не выглядели жалкими. Далеко в море выдавалась каменистая, покрытая кустарником коса Киркорви; на мысу, которым она заканчивалась, находилось одноименное селение.

Мерилода отдал приказ обогнуть остров с запада, и корабль медленно двинулся в западном направлении.

Северный берег острова был сильно изрезан. Помимо Киркорви, в море с юга на север выдавались еще два длинных полуострова. Бухточки между ними глубоко вдавались в сушу; по их водам было разбросано несколько живописных островков. На мысу, которым оканчивался самый западный из полуостровов, носившем странное название «Шило», находилось известное святилище Девы Илматар Наскалинен[1]. Металлические крыши двух башенок его поблескивали в лучах солнца между деревьями.

Корабль повернул на юг и пошел вдоль западного побережья острова.

Берега поросли невысоким сосняком, над каменистым берегом кружили чайки. Еще через некоторое время судно обогнуло скалистый мыс

[1] Naskali – шило (*финск.*).

с маяком и, держась на почтительном удалении от берега, взяло курс на юго-восток. Отсюда открылся Мерилоде вид на Хеймсстадир.

Здесь, на диком и каменистом южном берегу острова, когда-то рос могучий сосновый лес, но пришли люди, взяли топоры, и теперь вместо леса здесь был город. А над городом, на невысоком холме, возвышалась темная громада крепости с ее массивными стенами из базальта и тремя башнями, увенчанными блестевшими на солнце полусферическими куполами из алюминия. Над одной из башен, более высокой, чем другие, развевался флаг Великого Хейма – синий с белой каймой крест на желтом поле. Это был Торвардастейнур – резиденция прокураторов Архипелага, основанная в древности знаменитым Торвардом Мореходом.

Затем взор адмирала переместился с крепости на море. Между кораблем и берегом по водной глади неторопливо двигались два земснаряда – шли дноуглубительные работы. На берегу также шло строительство – возвышались какие-то машины, груды песка и щебня, лежали бетонные плиты, тарахтели, катаясь взад-вперед, несколько бульдозеров, задумчиво двигались высокие башенные краны. Адмирал вспомнил о давнем намерении Холмского построить здесь порт вместо не очень удобной стоянки в бухте Защитной.

Между тем корабль снова свернул на юг, обошел три острова гряды Киэросаарет, и отсюда открылся Мерилоде вид на бухту Защитная. Вход в нее с обеих сторон охраняли мрачные приземистые форты, темными неприветливыми громадами громоздившиеся на мысах. «Мыс Опасный», – вспомнил Мерилода название западного форта. Темно-серые базальтовые стены, способные, как уверяли хейминги, выдержать прямое попадание снаряда любой корабельной пушки, и все тот же лазорево-золотой стяг Великого Хейма над фортом. Вдоль западного берега маленького заливчика поднимался над морем целый лес мачт – в бухте стояло не менее трех десятков кораблей, как парусных, так и моторных. «А ведь навигация в этом году еще далеко не окончена, – подумал адмирал. – Сколько же всего у них кораблей?!».

В бухту решено было не заходить. Адмирал понял, что нет смысла дальше изучать местность – и так все было ясно. Если что, разведка уточнит. Корабль развернулся и взял курс на Суолайтури.

* * *

Мягкий утренний свет заливал покои князя Койвисто в Валланлинне. Из столовой, где слуги убирали остатки завтрака, в кабинет князя доносился легкий, слабый запах кофе, привозимого сюда, на самый дальний берег северного моря, из далекой Африки, и слышался негромкий звон посуды.

В кабинете тихо тикали часы на стене, с улицы слышался пересвист птиц и голоса торговцев на рынке, расхваливающих свой товар. Князь Аарне Виртанен сидел в мягком покойном кресле, положив ногу на ногу, и, щурясь, смотрел, как солнечные лучи играют на камнях ожерелья на шее его супруги. Эйла Виртанен сидела в непринужденной позе, тоже нога на ногу, на диване напротив, покачивая изящной черной лакированной туфелькой, висевшей у нее на одном большом пальце, и сосредоточенно рассматривала собственные ногти.

– Так что там с этим Мерилодой? – спросила она, наконец, как бы между прочим. – Что ты решил?

– А ну его в Туонелу! – проворчал князь. – Ничего я не решил. Хотя…

– Да?

– Да нет, Эйла, это низко…

– Что ведет к благу государства, то не низко, – рассудительно заметила княгиня. – Так что же?

– Он слишком стал популярен. – Князь, казалось, даже не слышал заданного ему вопроса, и говорил словно сам с собой. – И трон мой из-за него шатается. Но терять такого человека просто так нельзя. И еще вчера вечером я, кажется, набрел на какую-то мысль. Наверное, хорошую. Им надо воспользоваться так, чтобы побить, наконец, возгордившийся Хейм и при этом сбить спесь с Мерилоды.

Из угла раздался хрипловатый низкий голос:

– Есть одно средство, но оно действительно… кхм… подловатое.

Супруги обернулись к человеку, незаметно сидевшему в углу на жестком старом стуле.

– Вы что-то придумали, герр Хилтунен? – спросила княгиня.

Тот поднялся со стула и прошелся по пушистому мягкому ковру, глушившему звук шагов. Потом остановился у окна, достал из внутреннего кармана мундира черную маленькую книжицу, полистал и, поглаживая массивный квадратный подбородок, прочел:

– Поутру Давид написал письмо к Иоаву, и послал его с Уриею. В письме он написал так: поставьте Урию там, где будет самое сильное сражение, и отступите от него, чтоб он был поражен и умер. Посему, когда Иоав осаждал город, то поставил он Урию на таком месте, о котором знал, что там храбрые люди. И вышли люди из города, и сразились с Иоавом, и пало несколько из их народа, из слуг Давидовых; был убит также и Урия Хеттеянин[1].

[1] Вторая книга Царств, 11:14 – 17.

Князь хмыкнул, выразив этим звуком довольно сложную гамму чувств.

– Что мне в вас, в христианах, нравится, – сказал он со смешком, – так это умение виртуозно находить в Библии оправдание любым своим подлостям!

– Ты именно об этом думал? – спросила княгиня.

Князь молча кивнул.

– Между прочим, он прав, – заметила она, продолжая рассеянно рассматривать свои холеные ногти. – Ради государства чего только не сделаешь!

– Но потерять его тоже недопустимо! – ответил Виртанен. – Он, наверное, величайший флотоводец Койвисто со времен моего прадеда, да будет к нему благосклонен Туони!

– С такими подданными, – не без сарказма молвил Хилтунен, пряча Библию обратно в карман, – не нужны никакие враги.

– Вот именно, – поддержала его Эйла Виртанен. – Ты, возможно, и сам заметил, что он – авантюрист но натуре и без высшей руководящей воли таких дров в княжестве наломает, что, боюсь, после него нам понадобится новый Отсо Великий.

– Но с ним нам и хейминги не страшны! – возразил князь. – Кто, по-вашему, окоротил на Ахвенанмаа штадтгальтера Терийоки и короля Свеаланда? А уж его последнее дело, подавление мятежа на Сааремаа – это, знаете ли…

И Виртанен развел руками, показывая, что у него не хватает слов от восхищения адмиралом.

– Если позволите высказать мое мнение, – сказал Хилтунен, опускаясь на стул в углу, – то я предлагаю сделать то, чего хочет и сам адмирал. Отправить его воевать с хеймингами. Мы пока воздерживались от прямых массовых столкновений с Хеймом и ограничивались борьбой за колонии да мелкими пограничными стычками. Но Хейм день ото дня становится сильнее, чего не скажешь о нас, и надо поразить его в самое сердце, пока он не удушил Койвисто. Смотрите: Лавансаари – это самый центр Финского Залива. Если Хеймсстадир обретет то могущество, о котором мечтают Холмский с присными своими, Койвисто наступит конец – хотя бы по той причине, что вся торговля, которая сейчас идет через Суолайтури, пойдет после этого через Хеймсстадир. Мы станем просто не нужны.

– Но сейчас Лавансаари для хеймингов служит просто корабельной стоянкой, – заметил князь.

– Да. Сейчас, – сказал Хилтунен. – Но я ни на секунду не поверю, что так будет продолжаться теперь, после Оллилы.

– Но чего я добьюсь, если позволю ему пойти громить хеймингов? Если он победит, то возгордится так, что мне впору будет отправляться в изгнание, оставив корону ему, а это означает крах Койвисто – ведь никто не знает, в какую авантюру захочется ввязаться Мерилоде, когда он получит такую власть и такие ресурсы. А если он проиграет – то что тогда? Тогда мне тоже останется только отправляться в изгнание – и тебе, дорогая Эйла, вместе со мной! – потому что Хейм нам этого не простит, а сил для сопротивления у нас уже не будет.

Хилтунен мечтательно взглянул в потолок, и его грубое бульдожье лицо чуть искривилось в легкой усмешке.

– Наши силы на битву с Хеймом тратить вовсе не обязательно, – сказал он.

– То есть? – не понял князь.

– Я говорю: наши силы. Наши. Понимаете?

– А чьи же тогда? – возмутился Виртанен. «Вечно он говорит загадками!».

– Вы предлагаете использовать силы мятежников? – требовательно спросила княгиня.

– Именно, ваша светлость! – воскликнул начальник разведки. – Они сейчас сидят по тюремным ямам и только и ждут, чтобы – простите, ваша светлость! – вцепиться вам в глотку. Энергию им девать некуда. Вот и направьте ее на цели, которые нам выгодны. Если они выиграют, то будут боготворить Мерилоду так, как раньше боготворили своих вождей, бросивших их на наши штыки, а уж как заставить Мерилоду вам подчиняться – это, я думаю, и вовсе не проблема. У каждого человека есть такие струны, играя на которых, его можно заставить сделать все, что вашей душе угодно. А если проиграют, вы избавитесь и от неугодного адмирала, и от всей этой каннасской швали. Достаточно просто отдать им приказ «ни шагу назад» и запретить в случае поражения появляться в Койвисто и во всех подвластных княжеству землях. Знаю, ваша светлость, – сказал он, видя, что Виртанен хочет возразить, – знаю. «Мерилода – гений» и все такое прочее. Только на нем свет клином не сошелся. Каннасский мятеж усмирял вовсе не Мерилода, а уж это, поверьте, было посложнее, чем за полуголодными эстами по всему Сааремаа гоняться.

– М-да, – пробурчал Виртанен, – умеете ж вы подлости делать… Политика, чтоб ее…

Он резким движением встал с кресла и поморщился, когда привычная боль опять вгрызлась в его несчастные виски.

– Идите, – сказал он Хилтунену, – пока мне все ясно. А там посмотрим. Эйла, – обратился он к супруге, – прикажи, пусть мне подготовят машину. И к обеду меня не жди.

– Куда это ты?

– В Пунасаари. Давно там не был. Распустились небось без меня.

Через полчаса, садясь в машину и все еще обдумывая утренний разговор, князь с сожалением подумал: «Вот так и делается политика».

* * *

По прибытии в Койвисто Мерилоду ждало приглашение к князю. Адмирал не надеялся на многое, но все же поехал – ссориться с Виртаненом не стоило.

Однако в Валланлинне его ожидало приятное известие. Слуга провел его в княжеские покои.

– Вы вызывали меня, князь? – сухо спросил Мерилода.

– Вызывал. Я поразмыслил над вашими словами и решил, что вы правы. Набирайте солдат, сколько сочтете нужным, я дам денег. В солдаты будете брать, естественно, карел-мятежников. Кроме того, я предоставляю в ваше распоряжение флот Уураса.

Этого Мерилода никак не ожидал. Несколько секунд он стоял неподвижно, ошеломленно глядя на князя, а затем в порыве благодарности преклонил перед ним колено.

– Ну, адмирал, ну что вы, – заговорил явно польщенный Виртанен, – я должен был это сделать. Ведь если угроза так серьезна, медлить было бы преступлением. А Вийпурилахти будет временно контролировать эскадра Киперорта.

Мерилода поднялся и воскликнул с чувством:

– Благодарю вас, князь!

И затем сразу же перешел на деловой тон:

– Время не терпит, ваша светлость. Если я правильно понял, мне придется самому ехать в Уурас?

– Нет, адмирал, Уурасский флот находится сейчас на пути в Суолайтури. Завтра вечером прибудет.

– Ну вот и отлично! Разрешите идти, ваша светлость?

– Одну минуту, адмирал.

Лицо Виртанена вдруг преобразилось. Милостивая улыбка бесследно исчезла, и лицо его стало таким, что Мерилода невольно отшатнулся. Князь подошел вплотную к Мерилоде и, глядя ему прямо в глаза, прошипел:

– Запомните, герр адмирал: если ваше нападение окажется неудачным, вам лучше не возвращаться в Койвисто совсем. Я допускаю, что ваша авантюра может увенчаться успехом, и тогда благодарности моей не будет предела. Но если вы проиграете сражение, то каждый солдат вашего

войска, ступивший на подвластную мне землю, будет обречен на смерть. И вы, адмирал, тоже. Потому что терпеть в своей стране грязных и злобных мятежников, а тем более – безответственных искателей приключений я не собираюсь, слышите? Не знаю, как вам, а мне, адмирал, приключения не нужны! Теперь идите.

Мерилода вышел. Он, несмотря даже на угрозы князя, был очень доволен. Получить в свое распоряжение такой мощный флот, как Уурасский – лучшего подарка князь придумать не мог! А княжеские угрозы можно и проигнорировать. Собственно, и самого князя тоже. Его давно пора бы сместить с трона. Им недовольны буквально все – военные, которым он по неведомым причинам не так давно урезал жалованье, торговцы, с которых он берет слишком большие налоги, чиновники, мучающиеся с нелепыми и противоречащими друг другу законами и инструкциями, крестьяне, рабочие. Карелы-то эти тоже не просто так восстали: в чью-то несчастную голову в нелегкий день пришла мысль об ассимиляции карел, и для этого сам князь подписал «Указ о карельском языке», который тут же прозвали в народе «Указом об искоренении карельского языка», – вот и получил Виртанен пылающую землю от берегов Финского Залива до самой Тиурулы.

А «князь Эйно Мерилода», между прочим, звучит ничуть не хуже, чем «князь Аарне Виртанен»! И уж, во всяком случае, соблюдать интересы военных и торговцев Мерилода будет значительно лучше, чем нынешний правитель.

Виртанен же, когда дверь за адмиралом закрылась, опустился в кресло и удовлетворенно хмыкнул. Остроумно же он придумал! При любом исходе операции он остается в выигрыше. Если Мерилода победит, князь получит в свое распоряжение весь Архипелаг и раз и навсегда собьет спесь с наглеющих хеймингов, низведя их до положения второстепенного народца, каковым они, собственно, и являются. Если же адмирал проиграет, то князь будет избавлен от докучливого и довольно опасного подданного, а уж с хеймингами тогда чего-нибудь придумает. Остроумно, хотя и несколько нечестно, пожалуй.

Остаток дня Мерилода провел в Валланлинне, в военном ведомстве, за многочисленными и неотложными делами, связанными с предстоящим походом, и в Суолайтури вернулся поздно вечером в отличном расположении духа.

Над Койвисто собиралась гроза. Вспышки озаряли северную часть небосвода, долетали временами глухие раскаты грома. Едва адмирал добрался до дома, на землю обрушился ливень. Мерилода с аппетитом поужинал, отослал слугу спать, а затем, стоя в домашнем халате у окна спальни, смотрел, как дождь поливает кусты смородины в саду и поздние цветы, еще не убранные садовником.

На следующий день вечером, как и обещал Виртанен, прибыла Уурасская эскадра и бросила якоря невдалеке от берега. Мерилода на ялике отправился осматривать корабли и принимать командование. По дороге он прямо залюбовался стоявшими на рейде кораблями.

Уурасская эскадра состояла из новейших судов, оборудованных по последнему слову техники. Главный корабль носил имя Великой Прародительницы, Богини-Девы Илматар. Это был мощный бронированный корабль, несший на себе несколько тяжелых дальнобойных пушек и массу всякого другого вооружения. Этот корабль и еще один, «Вяйнямёйнен», также оснащенный дальнобойными орудиями, предназначались для поддержки с моря действий пехоты на суше, для подавления огневых точек противника на берегу. Три других судна, «Илмаринен», «Лемминкяйнен» и «Лоухи», были многоцелевыми, способными бороться как против сухопутных сил противника, так и против его флота. Остальные корабли – катера «Калерва», «Куллерво» и «Унтамо» – предназначались прежде всего для борьбы с вражескими судами. К этим восьми кораблям предстояло присоединить флагман «Меренхаукка», на котором сейчас устанавливали дополнительное вооружение, и три вместительных десантных корабля – «Иматра», «Вуокса» и «Юмалан нуоли». Они недавно вышли из дока и теперь были совершенно готовы к плаванию.

Осмотр затянулся, и домой Мерилода вернулся только к полуночи, однако спать не хотелось совершенно. Дома он в который раз развернул перед собой карту Лавансаари. Ему осталось только ждать, когда соберут солдат, но время даром терять было нельзя.

Адмирал еще и еще раз возвращался к плану нападения, советовался с капитанами. Он не имел права допустить ошибку.

Дожидаться прибытия войск пришлось не неделю, а целых двенадцать дней, которые Мерилода, впрочем, провел не без пользы. Он разослал разведчиков по всему Архипелагу и по городам Хейма, раздобыл провиант (последнее стоило ему немалых усилий), затем, не будучи уверенным в качестве солдатского снаряжения, которое по приказу князя предоставили карельские вассалы, принялся разыскивать его сам. «Туони их знает, – думал он, – что пришлют мне бунтари из Тиурулы. Хлам какой-нибудь… Ничего лучшего от вассалов ждать нельзя».

Наконец на двенадцатый день утром явился адъютант и сообщил, что последний отряд из необходимых ему пяти тысяч прибыл и посадка на корабли начата.

Мерилода возликовал. Наконец-то осуществится его мечта! Он вспомнил о Виртанене и рассмеялся. О боги, какой кретин! Он еще имел наглость угрожать! Да, если так, то пусть оно отправляется к Туони в пасть, это Койвисто! Адмирал не будет рисковать собой и солдатами ради такого

идиота! Он сам будет себе князем, а разве можно придумать лучшее княжество, чем Архипелаг?! Да эти острова скоро будут царить над всей Балтикой!

Впрочем, Виртанену надо отдать должное – этот порфироносный чурбан отдал ему флот Ууpаса и изрядно помог деньгами, за что ему громадное спасибо. Мерилода попытался представить себе выражение лица князя, когда тот получит известие о том, что его верный адмирал отнюдь не собирается сложить лазорево-золотое знамя Хейма к его ногам. Тогда Виртанену придется навсегда смириться с потерей лучшего полководца, лучшего флота, значительной части армии и всех надежд на владычество не только на Балтике, но даже на востоке Финского Залива. Ничего другого ему не останется, ибо на уговоры Мерилода поддаваться не намерен, а силами князь уже не будет располагать – если он с оставшимися силами сумеет хотя бы сохранить те земли, что уже приобрел, то это будет воистину вершиной политической акробатики. А у Мерилоды теперь лучший во всем Заливе флот и огромная армия.

Однако после смотра войск оптимизма у адмирала несколько поубавилось. «Рога и зубы Хийси! – ужасался он, рассматривая полуголодных оборванцев, покрытых тюремной грязью. – И вот эти люди четыре месяца сопротивлялись княжеской армии?!». Впрочем, все возможно. Хилтунен, из которого Мерилоде удалось-таки добыть нужную информацию, признавался, что в этом мятеже видит явный хеймингский след: слишком хорошо были подготовлены мятежники, слишком хорошо вооружены, а некоторые из их тактических приемов были будто списаны из «Руководства по тактике» легендарного Аврелия Северина, одного из первых штадтгальтеров Оккервиля. Так что оружие держать эти, с позволения сказать, «солдаты», во всяком случае умеют, а остальное – не такая уж большая проблема. Главное – что их много. «Не сможем взять умением, – думал Мерилода, – возьмем числом, что бы там ни писал Северин в своем учебнике».

Итак, посадка начата. Она продлится до вечера, а так как снаряжение, боеприпасы и прочее уже погружено, завтра с первыми лучами солнца можно отправляться.

Утро выдалось хмурым, пасмурным. Низко нависали над морем тучи, закрывшие собой все небо, стлался пеленой над Заливом мелкий дождь. Промозглая сырость проникала во все щели.

Мерилода проснулся и долго лежал в кровати: погода за окном и холод в комнате отбивали всякое желание вставать. В пробуждающейся памяти всплывали события вчерашнего дня: жертвоприношение Туури в Валланлинне, последний разговор с князем, смотр кораблей. Наконец, сделав над собой усилие, Мерилода отбросил одеяло, оделся и пошел в

ванную. Горячая вода разбудила его, взбодрила, смыла лень, и из ванной он вышел повеселевшим, а плотный завтрак окончательно привел его в великолепное расположение духа.

Однако пора было ехать на пристань. Адмирал оделся, дал дворецкому кое-какие распоряжения по поводу ухода за домом в его отсутствие и вышел. Через полчаса он был в порту. На пристани в это время уже читал заклинания, стоя на самом краю причала, верховный жрец княжества, простирая руки к морю и прося морских богов и духов об удаче и милости, а рядом с ним, повторяя за ним магические формулы, молились младшие нойды. Адмирал, прежде чем подняться на борт, преклонил перед ним колени, и верховный нойд, возложив руки ему на голову, возгласил гимн к Юмале. После этого помощники притащили жертвенного кабана, поднесли к его горлу ритуальный обсидиановый нож, и в золотой кубок в руках жреца побежала, пенясь, яркая кровь. Адмирал взял кубок из рук нойда и, мысленно воззвав к Ахти и Веден-эма, под пение жрецов вылил священную кровь в волны моря. «Пусть море будет ко мне благосклонно», – мысленно молился он, поднимаясь на борт «Меренхаукка». Зажегся на вершине мачты флагмана зеленый огонек, быстро были подняты якоря, забегали матросы, взревели двигатели, и эскадра медленно двинулась на юго-запад.

Мерилода стоял на капитанском мостике и задумчиво смотрел, как форштевень рассекает свинцово-серые воды Залива. Вдали, за кормой, маячила еще полоска оставленного им берега, а впереди ждала лишь неизвестность. Адмирал оглянулся на свои корабли и залюбовался ими. Эскадра шла вперед, ощетинившись жерлами пушек, извергая клубы черного дыма, разбивая волны серыми корпусами этих плавучих крепостей, медленно, неуклонно, неумолимо. Устрашающее зрелище.

Впереди замаячила полоска суши – остров Лавансаари. Подойдя на расстояние двух километров к острову, эскадра разделилась. «Илматар», «Калерва» и «Лоухи» повернули на запад. В их задачу входило обстреливать Хеймсстадир, чтобы не дать хеймингам опомниться и воспрепятствовать высадке десанта. Остальные же корабли двинулись на юг. Они должны были высадить десант в бухте Защитной.

Корабли Мерилоды медленно двигались вдоль восточного берега острова. Согласно плану операции, в четверть первого пополудни «Илматар» и ушедшие с ним корабли должны были открыть огонь по Хеймсстадиру, а десантная эскадра – начать высадку десанта. Немного времени еще оставалось. Проплывали мимо лесистые берега, серые валуны торчали из холодных вод Залива. Не переставая моросил дождь. У Мерилоды слегка засосало под ложечкой. Что-то будет…

II. НАПАДЕНИЕ

Змея, пожравшая змею, становится драконом.

«Эберсгардский бестиарий»

Эскадра осторожно обогнула мыс Линейный и медленно вошла в бухту. Мерилода взглянул на часы; они показывали 12:14. Отступать было уже некуда. Матросы стояли на своих постах, ожидая команды, орудия были заряжены, корабли были готовы по первому сигналу ринуться полным ходом к видневшейся в миле отсюда сквозь пелену дождя пристани.

Время пришло. Адмирал поднял руку с пистолетом вверх и выстрелил; в небо взвилась красная ракета. Через несколько секунд из-за гряды Киэросаарет взлетела такая же ракета. Завыли сирены, взревели машины, и эскадра, рассекая свинцовые волны, ринулась в бухту. Долетели издалека тяжелые раскаты грома – это заговорила артиллерия «Илматар» и «Лоухи». Над фортом, охранявшим пристань, взвились султанчики дыма. Эскадра, остановившись невдалеке от берега, открыла огонь, кося защитников острова. Рявкнули пушки «Вяйнямёйнена», сокрушая беспомощный форт. «Юмалан нуоли», прикрываемый огнем эскадры, двинулся вперед, к пирсам. На борту его столпились готовые к высадке солдаты. Осторожно, медленно он подошел к пирсу, и люди стали спрыгивать на берег.

И тут произошло то, чего Мерилода никак не ожидал. С нескольких хеймингских кораблей, стоявших у причалов и казавшихся с виду мирными торговыми судами, по финским солдатам был открыт ураганный пулеметный огонь. Все, кто был в тот момент на пирсе, менее чем через минуту были мертвы. «Юмалан нуоли» дал задний ход, пытаясь уйти от огня, но безуспешно – рявкнула с берега хеймингская артиллерия, и над ним взвились клубы черного дыма. Корабль, потерявший управление, продолжал двигаться по инерции, заметно кренясь на правый борт, и наконец медленно затонул, а хейминги с берега косили пытавшихся спастись людей шквальным огнем. В ответ заговорила артиллерия «Лемминкяйнена» и «Илмаринена». «Вяйнямёйнен», перестав расстреливать уже разрушенный форт, обратил всю мощь своих пушек против стоявших у причалов кораблей. Над хеймингскими кораблями вздыбились клубы пламени, взлетели к небу черные горящие осколки, повалил густой дым, расцвели над пирсами гигантские желто-оранжевые цветы взрывов. С этой опасностью было, казалось, покончено, и можно было продолжать высадку, но тут Мерилода оглянулся случайно назад – и обомлел: с юга по водам бухты

мчались шесть хеймингских кораблей, недвусмысленно поворачивая орудия в сторону финской эскадры.

Опомнившись, Мерилода приказал открыть по ним огонь. Его приказание было выполнено, но то ли пушкари целились плохо, то ли еще что, а вражеские корабли, целые и невредимые, не останавливаясь, из всех стволов ударили по финнам. Их первой жертвой стал «Куллерво». Катер отважно бросился навстречу хеймингам, но вражеский снаряд попал в его корму, повредив рули. Корабль круто изменил курс, понесся по инерции к берегу, налетел на подводный камень и остановился, неестественно накренившись. На него тут же обрушился настоящий шквал огня. Люди в поисках спасения стали спрыгивать в воду, но и там находили их хеймингские пули. Над катером взвились столбы ревущего пламени, затем вздыбился огонь взрыва, и когда пламя угасло и дым рассеялся, от «Куллерво» осталась только часть палубной надстройки, жалко торчащая над водой.

«Надо уходить, пока нас всех здесь не перебили, – сказал сам себе адмирал. – Выходит, все усилия разведки и контрразведки пошли прахом». Флагман, набирая ход, двинулся на юг. За ним последовала и вся эскадра. Однако хейминги, видимо, не собирались выпускать их из мышеловки. Хеймингский снаряд пробил корпус «Вуоксы» ниже ватерлинии, и от взрыва корабль разломился. Ему потребовалось двадцать две секунды, чтобы затонуть. Никому из находившихся на нем спастись не удалось. Это была третья жертва хеймингов.

Финны яростно ринулись навстречу врагу. Хеймингские корабли, шедшие до этого шеренгой, расступились и начали обстреливать эскадру с двух сторон. Один из снарядов разорвался на юте «Вяйнямёйнена». Пылающий корабль изменил курс и неожиданно для всех протаранил вражеское судно, и оба корабля стали медленно тонуть, а люди на палубах отчаянно схватились врукопашную. Финский фрегат, погружаясь под воду, успел произвести несколько удачных выстрелов и вывел из строя еще один хеймингский корабль, чем слегка ошеломил противника и дал возможность эскадре спастись из ловушки.

Эскадра полным ходом ринулась на юг, а за ней бросились и хейминги. Адмирал решил искать защиты у тех трех кораблей, что были отправлены обстреливать Хеймсстадир, ибо их преследователи по мощности и вооруженности теперь значительно превосходили финнов, однако когда флот обогнул южную оконечность гряды Киэросаарет, Мерилоде представилась жуткая картина. На рифах у западного берега гряды лежал, накренившись, горящий «Лоухи». Поодаль, на отмели южнее Хеймсстадира, стоял, также охваченный пламенем, «Илматар», а навстречу эскадре мчался, преследуемый вражескими катерами, «Калерва». Когда он

подошел достаточно близко, с гряды Киэросаарет раздался выстрел, судно вспыхнуло и на полном ходу протаранило борт «Илмаринена». Удар пришелся по пороховому погребу, от грохота взрыва заломило уши, и оба корабля окутались черным дымом.

Остаток эскадры помчался на северо-запад вдоль берега острова, но тут со стороны Хеймсстадира на него обрушился целый град снарядов – на берегу была укрыта артиллерийская батарея. Преследователи отстали, но из открытого моря, с запада, к эскадре приближались несколько мощных вражеских кораблей. Если бы остаток финского флота продолжал идти прежним курсом, то должен был бы пройти между Хеймсстадиром, где находилась батарея, и хеймингской эскадрой. В этом случае финские корабли были бы неминуемо расстреляны в упор. Оставалось одно – попытаться обойти остров с востока. Эскадра повернула назад, но с хеймингских кораблей заметили это и пустились в погоню. Финны, идя полным ходом, за несколько минут достигли мыса Линейного и собиралась уже повернуть, но из-за мыса выскочили три вражеских катера. Выстрелом с одного из них был поврежден двигатель «Лемминкяйнена». Фрегат начал разворачиваться, намереваясь протаранить вражеские суда, но уловка не удалась – катер, на который нацелился капитан «Лемминкяйнена», сумел увернуться, а сам корабль, произведя несколько выстрелов, не принесших врагу никакого вреда, со скрежетом врезался в берег.

Погоня продолжалась. Корабли неслись на восток, расположившись равнобедренным треугольником, в вершине которого находилась «Меренхаукка, «Иматра» и «Унтамо», а в углах при основании – хеймингские суда. Целый час продолжалась гонка. Как только финны пытались изменить курс, хейминги брали курс наперерез, попутно обрушивая на преследуемых шквал артиллерийского огня. Наконец они достигли Сескарского архипелага. Чтобы избежать местных коварных рифов, Мерилода приказал взять право руля. Этот маневр дорого им обошелся – ураган хеймингского огня настиг «Унтамо», и катер с почти полностью снесенной надстройкой, с пробитым сразу в нескольких местах корпусом начал терять ход и наконец, отстав, попал в лапы хеймингов. Еще несколькими снарядами была сильно повреждена «Иматра», и Мерилода краем глаза заметил, как за кораблем разливается по волнам темное маслянистое пятно вытекающего из поврежденных танков торфина. Два или три вражеских снаряда попали и в «Меренхаукка»: один основательно повредил двигатель, лишь по счастливой случайности не выведя его из строя совсем, другой снес носовую орудийную башню, третий оказался зажигательным, и адмирал с ужасом смотрел, как по палубе стремительно растекается жадное голодное пламя. В довершение всех бед поднялся шторм, и хищные волны бросались на корабли, толкая их израненные

стальные корпуса, швыряясь холодной пеной, и небо плевалось промозглым серым дождем, повисшим между низкими сизыми тучами и растревоженным морем. Вражеские корабли еще некоторое время следовали за финнами, но потом отстали, решив, видимо, что начатое ими дело довершит буря.

Между тем «Меренхаукка» и взятая им на буксир «Иматра» с трудом тащились сквозь дождь и ветер в юго-восточном направлении. Мерилода не знал, куда именно они плывут. Надо было достичь берега до того, как двигатель флагмана выйдет из строя; счастье еще, что удалось потушить, наконец, пожар на палубе. Выл ветер, хлестал по воде дождь, яростно бросались на корабли серые волны Финского Залива, ворчал, заикаясь, мотор. Адмирал мерил шагами капитанский мостик, как тигр в клетке, нервно кусал губы и даже не замечал, как по его лицу бежит тонкая струйка крови из рассеченного случайным осколком лба.

Наконец, уже на исходе дня, когда на море спускались сумерки, раздался крик вахтенного матроса флагмана:

– Земля!

Мерилода взглянул в бинокль. Да, прямо по курсу вдоль горизонта тянулась узкая полоска – долгожданная суша. Адмирал приказал сбавить скорость, опасаясь наткнуться на рифы или сесть на мель. Один из матросов постоянно измерял глубину воды под килем и наконец доложил, что глубина уменьшается. До берега было еще далеко, и адмирал сообразил, что здесь, вероятно, отмель. Он приказал встать на якорь, решив не рисковать и заняться высадкой на берег завтра.

– Утро вечера мудренее! – сказал он сам себе, а затем улегся, не раздеваясь, на койку, и мгновенно заснул.

* * *

– Дождь собирается, – с ноткой недовольства в голосе сказал Холмский. – Сентябрь!

– Не любите осень?

– Терпеть не могу!

– Понимаю. Мне тоже больше нравятся весна и лето. Интересно, а что сказал бы сейчас Мерилода, если бы был здесь?

Холмский искренне расхохотался:

– Ну и вопросы же у вас, Роман Карлович!

– Хм! Вопросы как вопросы, – невозмутимо пожал плечами его собеседник.

Они стояли на смотровой площадке Южной башни Замка Торварда, глядя на расстилающееся под ними серое дождливое море и лежащий внизу

Лавансаари, на сентябрьские тучи, сплошь обложившие небо, и на растворяющийся в дальней влажной дымке горизонт. Холмский зябко кутался в теплый плащ и прятал в поднятый воротник лицо от налетавшего порывами сырого морского ветра, которому на открытой со всех сторон смотровой площадке не было никаких препятствий. Его собеседник, напротив, стоял в расстегнутом плаще, и ветер невозбранно трепал полы его одежды и щегольской темный галстук. Прокуратор Архипелага, Роман Карлович Хеддер, всегда безупречно элегантный, несмотря на невысокий рост и довольно заметную полноту, нисколько не боялся холода.

Хеддер подошел к бортику площадки, приложил к глазам бинокль, висевший у него на шее на стальной цепочке, и, подстроив оптику по своим глазам, некоторое время молча рассматривал смутный влажный горизонт.

– Надо вознаградить нашу контрразведку, – сказал он наконец, не отрывая бинокль от глаз. – Малевич прекрасно сработал.

– Да уж, надо бы, – согласился Холмский. – Талантливый специалист. Назначить его своим советником, что ли?

– Хорошая мысль, – поддержал его Хеддер. – В будущем его умения нам пригодятся еще не раз.

На площадке воцарилось молчание. Только ветер плакал в вышине о чем-то своем, да шуршал по древним камням начавшийся мелкий, противный, промозглый дождь.

– Горит-то как! – недовольно проворчал Хеддер. – В порту, кажется, все пожарные команды острова, и то не справляются. Этот Мерилода, хоть и сунулся в воду, не зная броду, все же сумел нам насолить. Судя по всему, не меньше половины кораблей в бухте годны теперь только на дрова. И форт Опасный разрушен почти совсем – неприступный форт, драконьи зубы! И причалы основательно пострадали. Сколько талеров сгорело сейчас в бухте – подумать страшно.

– Ничего, – спокойно ответил Холмский. – Все это поправимо. Ладно, пойдем лучше вниз, а то холодно здесь.

– Холодно? – Хеддер отнял от глаз бинокль и весело посмотрел на Верховного Министра. – Ну, что ж, пойдем тогда. Тем более – время обедать. После сегодняшних волнений неплохо бы подкрепиться!

Он убрал бинокль в футляр, пригладил густые рыжевато-каштановые волосы, чуть обрызганные дождем, расправил пышные усы.

– Теперь на повестке дня – вопрос о Койвисто! – шутливо-официальным тоном провозгласил он Холмскому. – А Мерилоду предоставим его богам!

И они рука об руку покинули площадку, и осенний, полный дождя ветер остался один – оплакивать свою холодную и бесприютную судьбу и свое вечное заоблачное одиночество.

III. В СТРАНЕ ВОДИНОВ

И заплакал Вяйнямёйнен,
очутясь на побережье,
на мысу, где раньше не был,
с сотней рваных ран на теле,
с целой тысячею ссадин.
Он не знал, куда податься,
как найти ему дорогу
в край далекий, в край родимый,
где он прежде жил когда-то.

«Калевала», руна «Месть Йоукахайнена»

Утром Эйно Мерилода проснулся на борту «Меренхаукка» со страшной головной болью: в голове будто молоты били – мерно, ритмично, следуя биениям сердца, методично раскалывая бедную голову, мешая думать, не давая ни спать, ни проснуться. Все же адмирал с трудом стряхнул с себя остатки сна, заставил себя подняться с койки и выглянул в иллюминатор. За неширокой полоской моря был виден лесистый берег. Мерилода долго не мог окончательно пробудиться и сидел на неубранной койке, тупо уставившись в угол. Что-то произошло. Что-то… вчера. Или позавчера? Головная боль не давала вспомнить. Мерилода энергично потряс головой, будто хотел вытряхнуть боль, но от этого движения она только усилилась. «Как мы здесь оказались? И “здесь” – это где?». Кажется, есть что-то знакомое в очертаниях берега. Но что? Адмирала бесила эта неспособность мыслить и вспоминать. Он быстро умылся холодной, ледяной водой, от которой заныли кости в пальцах, оделся, сам, как всегда, заправил койку, со злобой швыряя вещи, и вызвал адъютанта.

– Где это мы?

– Не могу знать, герр адмирал!

Только сейчас Мерилода вспомнил, что произошло с ним вчера, и выругался про себя. Понесла же нелегкая на этот клятый Архипелаг! А теперь вот стоим у неизвестного берега, и неясно даже, сможем ли отсюда уплыть.

– Главного механика ко мне! – пытаясь придушить в себе набирающую силу злость, распорядился адмирал. Адъютант выбежал, а через несколько минут в каюту вошел главный механик «Меренхаукка».

– Что с двигателем? – спросил Мерилода.

– Плох двигатель, много повреждений.

– Работать еще может?

– Нет.

– Починить можно?

– Нет. Фактически мы лишились двигателя. Теперь это просто куча хлама.

– А что, если перекачать наше топливо на «Иматру»?

– Не выйдет по двум причинам. Во-первых, у них в цистерне для топлива пробоина.

– Ее можно заделать.

– Можно. Но есть вторая причина – топлива у нас осталось километров на двадцать пути, а мы, насколько я могу судить, на южном берегу Suomenlahti и не дотянем даже до его середины.

– А если мы возле Каннаса?

Механик отрицательно покачал головой.

– Нет. Точно нет. Сказать определенно, где мы оказались, не могу, но это южный берег. Взгляните на компас.

Адмирал вздохнул:

– Ладно, идите.

Оставшись один, он задумался. Как же добраться назад, в Койвисто? И стоит ли? Ведь за потерю Уурасской эскадры с него голову снимут. Что там князь, будь он неладен, говорил? Что не возвращаться под страхом смерти? Впрочем, и так понятно, что теперь его военная карьера в Койвисто закончена. Да и не доберешься в Суолайтури отсюда, если мы действительно на южном берегу Suomenlahti. Под парусами ни флагман, ни «Иматра» ходить не могут. Придется, видимо, переоборудовать их. Или поискать топлива для «Иматры». Но сейчас надо заняться высадкой на берег – у них мало продовольствия, придется искать его там.

Адмирал вышел на палубу со своим биноклем и стал осматривать берег. Ему опять показалось, что когда-то он уже бывал здесь. Что-то знакомое было в очертаниях этого широкого неглубокого заливчика… отмель… на востоке – болотистый полуостров, поросший соснами… И тут адмирал вспомнил. Он бросился в каюту и схватил карту, чтобы проверить свою догадку. Так и есть! Ох, и занесло же их! Копорская губа. Земля водинов на южном побережье Suomenlahti. Отсюда до Койвисто километров шестьдесят, если не больше. Ну как теперь отсюда выбираться? Сколько времени пройдет, прежде чем они успеют переоборудовать свои корабли в парусники или раздобыть топливо, неизвестно, а Залив замерзнет, между прочим, через два месяца!

Мерилода опять вспомнил про Виртанена. Накануне отплытия Виртанен вызвал его к себе и вручил пакет, повелев вскрыть только в случае неудачи операции. Адмирал подошел к сейфу, достал оттуда пакет, вскрыл его и начал читать, а когда кончил, лицо его было мрачнее тех туч, что висели над Заливом.

Текст, содержавшийся в пакете, был коротким:

«Адмирал! Вы потерпели неудачу. Если бы это было не так, вы не читали бы сейчас эти строки. Это значит, что Вы потеряли лучшую часть военного флота Койвисто, бывшую опорой нашей военной мощи на море. Это значит также, что Вы своим нападением восстановили против Койвисто хеймингов, поставив княжество в условия, при которых любая агрессия Хейма против нас будет только оправданным возмездием и ничем иным. Это значит также, что Вы ошиблись в своих планах и расчетах, что заставляет нас усомниться в Вашей пригодности для поста адмирала флота Койвисто. Ваши солдаты и матросы – бывшие карельские мятежники – нашей милостью получили возможность искупить свою вину, но если битва проиграна, то это значит, что рвение их было недостаточным, а это, в свою очередь, свидетельствует об их неблагонадежности и о лелеемых ими крамольных мыслях. В наказание за это мы запрещаем Вам и Вашим матросам и солдатам возвращаться в Койвисто и появляться на какой-либо территории, подвластной нам. Каждый, кто нарушит это предписание, будет наказан смертью. Бунтарям и безответственным авантюристам нет места на священной земле Койвисто, как мы уже однажды изволили сообщить Вам.

Светлейший князь Койвисто Аарне Виртанен».

Самые черные ожидания оправдались. В почерке невозможно было не узнать руку Виртанена. Мерилода тяжело вздохнул и обрушил мысленно на голову «светлейшего князя» все проклятия, какие были ему известны. Ведь они теперь просто брошены здесь! Возвращаться не имеет смысла. От былой популярности адмирала не осталось, вероятно, ни следа, так что Виртанен казнит его, не боясь народного гнева. Значит, надо подумать о том, как выжить на этом диком берегу, в Стране водинов.

Адмирал отдал распоряжения о переезде на берег и сам принял участие в этом деле, решив за работой отвлечься от черных мыслей. Сообщать всем о содержании письма князя он не стал, отложив это на потом.

К вечеру другого дня переезд был закончен. На берегу был разбит лагерь, горели костры. По периметру лагеря ходили часовые.

Мерилода сидел в своей палатке и думал, и думы его были невеселы. Неприятнее всего было то, что почти всем солдатам приходилось ночевать под открытым небом – во всех палатках, кроме трех, занятых командирами флота и самим адмиралом, располагался госпиталь. Предполагалось, что в Хеймсстадире жилье найдется, поэтому палаток было мало. Продовольствия тоже было не слишком много, так что надо было срочно изыскать способ добычи пропитания для тысячи глоток. Здесь прокормиться было невозможно – весьма скудных даров водской земли едва хватало самим водинам, да и что можно раздобыть сейчас?

В палатку чинно вошли капитаны флагмана и «Иматры», штурманы – высшее командование их ничтожного войска. Был здесь и главный механик «Меренхаукка», который, видно, знал, куда их занесло, гораздо раньше самого адмирала.

– Вызывали, герр адмирал?

– Да. Садитесь, господа. Я вызвал вас для того, чтобы решить один вопрос – куда нам идти дальше?

– Как это – куда? – удивленно спросил Тойво Ахола, капитан «Иматры», давний товарищ Мерилоды, прошедший с ним вместе не одну переделку. – В Койвисто, разумеется!

– В Койвисто? – адмирал усмехнулся. – Слушайте!

Он поднес к глазам листок бумаги и начал читать, и лица собравшихся от ошеломления вытягивались и мрачнели. Когда он кончил, в палатке раздались возгласы изумления и гнева. Ахола в ярости стукнул кулаком по столу и грязно выругался.

– Это предательство!

– Совершенно верно, – ответил Мерилода. – Однако гневными возгласами делу не поможешь. Что делать будем?

– Полноте! – воскликнул штурман с «Меренхаукка». – Вас не надули случаем?

– Невозможно. Смотрите сами – подпись и печать князя Виртанена, его почерк. Это серьезно.

Штурман взял документ в руки, прочел долго осматривал его и наконец вздохнул:

– Да, верно. Это не обман, – и передал письмо сидевшему рядом с ним Ахоле. Тот также долго изучал его и согласился:

– Действительно… Да, господа, дело принимает серьезный оборот.

Наконец, с документом ознакомились все.

– Вы видите теперь, господа, – сказал Мерилода, – что на родину мы возвращаться не можем, оставаться здесь – тоже.

– Почему? – спросил кто-то.

– Это очень скудная земля. Самим водинам плодов ее еще хватает с грехом пополам, но нам они здесь жить не дадут. Вы, наверное, знаете, как этот народ контролирует рождаемость – ведь любой рост плотности населения здесь грозит голодом.

– Тогда, может быть, пойдем на юго-запад, к эстам? – предложил главный механик.

Ему ответил Ахола:

– Не пойдем. Эсты ненавидят нас с тех пор, как мы однажды расправились с их флотом. Они ведь до сих пор не могут его восстановить.

Воцарилось молчание. Его прервал капитан флагмана. Вздохнув, он произнес:

– Ну что ж… Остается одно – пойти к хеймингам, поклониться им в ножки и попроситься на службу. Может, и примут.

– Нет! – воскликнул вдруг Ахола. – Знаю, куда идти! Не к хеймингам, а как раз совершенно в другую сторону – на юг, к словенам!

– Почему туда? – спросил удивленно Мерилода.

– Это сказочно богатая земля. Откуда мы зерно и лен получаем? Оттуда! У них там всего этого в избытке, раз они этим торгуют. Я несколько раз бывал там – в Новгороде, среди торковичей, в других местах. Изобилие! Не хуже хеймингов живут, хоть и дикие по сравнению с ними.

– И что же дальше? – спросил главный механик. – Прийти туда и побираться?

Ахола презрительно фыркнул.

– Побираться? Зачем побираться? Нет! Прийти туда и подчинить себе какое-нибудь племя. Пусть кормят нас!

– А вы уверены, что нас самих не подчинят и не сделают рабами? – спросил Мерилода.

– Уверен! У нас есть оружие, нас много, а они разобщены и плохо вооружены. Если не считать Новгорода, там для нас не будет серьезных противников. Вы ведь знаете, адмирал, что в этих местах даже простенькие ружья – редкость, а уж словене, кажется, вообще до сих пор каменными топорами воюют!

«Хотел бы я надеяться!» – заметил про себя адмирал, но вслух сказал:

– Есть какие-нибудь замечания, возражения?

Возражений не было.

– Итак, предложение принято, господа, – сказал он. – Если так, то наше заседание можно считать закрытым. Все свободны.

На следующий день Мерилода поручил командирам собрать солдат на центральной площадке лагеря. Когда все собрались, он влез на небольшой валун и заговорил:

– Солдаты! Мы все терпим здесь лишения. Мы разбиты, многие товарищи наши погибли в море, другие лежат здесь в госпитале, и неизвестно еще, сколько осталось им жить. Ясно одно: в этих местах долго мы не протянем. Волей богов мы оказались в Стране водинов, земле дикой и бесплодной. Пропитания нам здесь не найти, а водины будут уничтожать нас, как чужих, как пришельцев. Зима, которая и без того уже на носу, начинается в этой стране рано и обычно бывает суровой. Учитывая все это, мы решили – надо идти на юг. По дороге придется преодолеть много опасностей и трудностей, но это единственный способ выжить. На юге

тепло, зима там мягкая и начинается позднее, чем здесь. Там зерно и лен, там богатые, но плохо вооруженные и раздробленные народы.

Адмирал нетерпеливым жестом прекратил начавшийся было ропот.

– Тихо! Слушайте. Что вы ропщете? Вы думаете, я изменяю Койвисто и его князю? Нет! Нет, говорю я вам! Это Койвисто изменило нам! Это князь Аарне Виртанен предал нас! Не верите? Ну так слушайте! Это письмо князя Койвисто.

Он начал читать, и когда дошел до последних слов, из тысячи грудей вырвался вздох, стон, рев негодования и бессильной ярости.

– Таковы собственные слова князя! – сказал Мерилода громко, чтобы слышали все. – Он предал нас и бросил на произвол судьбы. Нам остается только попытаться выжить самостоятельно.

Толпа снова возроптала, послышались возгласы: «Подлог! Подделка! Он предал князя и письмо подделал, чтобы нас с собой увести!».

– Подлог?! – крикнул адмирал. – Подделка?! Выйдите, сомневающиеся, выйдите сюда и убедитесь, что письмо настоящее!

Из толпы начали выходить люди. Они читали документ, осматривали его и, сокрушенно качая головой, отходили.

– Убедились?! – воскликнул Мерилода. – Нет теперь сомнений?!

– Есть сомнения! – послышался возглас, и из толпы вышел невысокий коренастый матрос. Он нахально посмотрел на Мерилоду и спросил:

– А почему мы должны идти за вами, адмирал? Что, у нас своей головы на плечах нет?

– Вам придется идти за мной, потому что я знаю, куда идти, а вы – нет, – сухо отрезал Мерилода.

– Да? – вскинулся тот. – А что нас ждет там, куда вы нас поведете? Что мы найдем там? Скольких из нас убьют по пути? Нет, – обратился он к войску, – мы не пойдем за командирами! Если уж князь не пускает нас обратно, нам остается только рассеяться и искать счастья поодиночке! Мир велик, в нем всем хватит и места, и пищи, и воздуха – всего. Кругом столько возможностей! Можно податься к эстам, можно к хеймингам – куда угодно можно пойти! Так неужели мы всей толпой пойдем за адмиралом?!

– Рассеяться?! – гневно возразил Мерилода. – Что ж, рассейтесь! А я посмотрю, кто из рассеявшихся выживет! Вероятно, никто. К эстам идти? Ха! Да вы с ума сошли! Они же зарежут всякого, кто явится к ним из Койвисто, а уж определить, кто откуда родом, умеет каждый. Вы же, наверное, вепса с финном не спутаете? К хеймингам идти?! К тем самым хеймингам, которые погубили две трети нашего войска?! Проситься к ним на службу?! Да вы, я вижу, предатель хуже любого Виртанена! Запомните! Все запомните! Поодиночке погубить нас легко, а вот когда мы вместе –

невозможно. Если вам надо сломать пополам тугую связку прутьев, как вы это сделаете? Разумеется, разделите ее на отдельные прутья и сломаете их по одному. А если попытаетесь сломать всю связку разом, ничего не получится. А что касается того места, куда мы все направляемся, – герр Ахола, вы знаете это лучше меня. Расскажите!

С этими словами Мерилода сошел с валуна, и на импровизированную трибуну поднялся Ахола.

– Солдаты! – заговорил он. – Мы с вами брошены здесь, и у нас нет иного выхода. Мы должны идти. Однако не пугайтесь этого пути – ведь он ведет в землю, много более изобильную и богатую, чем Каннас или Койвисто. Из этой земли, из верховьев Луги, идет к нам лен, зерно, множество других товаров. Если местное население продает нам эти товары, значит, у них есть излишки. Так неужели не найдется там доли и для нас? Ведь мы хорошо вооружены, нас много, а те, кто живет в южных землях, даже ружей часто не имеют. Если мы разобьем одно из местных племен, соседи будут даже рады такой беде, случившейся с их заклятым врагом.

– Откуда вы все это знаете? – крикнул кто-то из толпы. – Может быть, вы выдумали все это!

– Я бывал там! – воскликнул Ахола. – Я дважды бывал на Верхней Луге и раз пять в других местах, и я знаю, как живут там люди. К северу и востоку от этой реки живут ижора и водь, в землях которых нам делать нечего, но зато за Лугой, к югу от нее, живут словене, справиться с которыми будет легко. Они не очень многочисленны, не отличаются храбростью, но обладают немалыми богатствами. Вот что я знаю.

Ахола уступил место на валуне Мерилоде. Адмирал сделал знак солдатам, чтобы замолчали, и сказал:

– Итак, вы слышали все. Выбирайте. Кто хочет идти с нами на юг, чтобы стать самостоятельным народом, независимым от Койвисто, и вести жизнь, достойную человека – встаньте справа от меня. Кто же предпочитает последовать предложению одного из ваших товарищей, стать отщепенцем и идти к эстам – и быть убитыми, или вернуться в Койвисто, или остаться здесь – и тоже быть убитыми, или идти к хеймингам – и быть униженными – встаньте слева. Выбирайте!

Минут через пять стало совершенно ясно, на чьей стороне войско. Подавляющее большинство народа стояло справа от Мерилоды. Слева стояли всего сотни три человек.

– Я рад, что вы сделали такой выбор, – молвил адмирал. – Я благодарю вас за доверие и сделаю все, чтобы оправдать его. Те же, кто не желает идти со мной, должны до сегодняшнего вечера покинуть лагерь. Мы же с вами, – обратился он к стоявшим справа, – пойдем завтра на поиски лучшей жизни. Теперь мы – свободный, самостоятельный народ, полностью

независимый от других финнов, от Койвисто, от князя, и помощи поэтому ждать неоткуда. Мы брошены здесь. Кругом враги. Так что наберитесь мужества и будьте уверены: мы сумеем отстоять свою жизнь и свободу – во что бы то ни стало! Верите ли вы мне, солдаты?

И многоголосый гул, сначала нестройный и негромкий, с каждым новым выкриком усиливаясь, ответил:

– Верим! Верим!

– Пойдете ли вы со мной, куда бы я ни пошел? – крикнул Мерилода.

И снова сотряс воздух над берегом грубый тяжелый рев:

– Пойдем! Пойдем!

– Будете ли вы верны мне, пока смерть не освободит вас от долга верности?

– Будем! – взревела толпа. – Будем!

– Клянетесь ли вы в этом?

И опять исступленный рев заглушил все звуки, прокатившись над притихшей ночной водой:

– Клянемся! Клянемся!

– Кажется, герр адмирал, вам принесли присягу верности, как князю, – заметил Ахола, помогая Мерилоде спуститься с валуна. Тот только хмыкнул неопределенно в ответ, но про себя подумал о древнем сейде, на котором принимали корону князья Койвисто. Этот огромный, в человеческий рост высотой валун был первым троном первого правителя Койвисто, Отсо Великого, который выстроил вокруг этой святыни крепость – Валланлинну, «Крепость Власти», давшую название столице княжества. В результате завоеваний, отодвинувших границы княжества далеко от его сердца, эта маленькая деревянная крепость очень скоро потеряла свое прежнее военное значение, и еще отец нынешнего князя не единожды порывался приказать разобрать ее, но каждый раз отменял это решение, и старая крепость так и стояла на окраине города, покинутая и постепенно ветшающая под сонным присмотром почетной стражи, пробуждаясь лишь для коронации нового князя да еще раз в год – для ритуала «обновления власти».

А вот теперь таким же священным камнем, нерушимым троном стал древний валун, в незапамятные времена принесенный сюда морскими великанами, для самого адмирала Мерилоды. Сбылась его мечта – стать князем. Только к добру ли сбылась она?

Вечером того же дня Мерилода сидел задумчиво за столом в своей палатке и пытался осмыслить происходящее. По столу перед его глазами бегала весточка с родины – большой рыжий таракан, который мог попасть сюда только на одном из кораблей Мерилоды. «В этой глуши даже тараканы не водятся», – подумал адмирал.

Чувство нереальности происходящего все более овладевало его сознанием. Он ведь планировал все совершенно иначе. Правление Аарне Виртанена ему не нравилось, но какой леший дернул его лезть со своей армией на Архипелаг?! Вернее, почему он полез именно на Архипелаг, понятно – владеть этими островами значит владеть всем Финским Заливом. Непонятно другое – почему хейминги разгромили его войско, хотя он так хорошо подготовился? Почему его занесло именно в Копорский залив, а не куда-нибудь в другое место? И почему, наконец, он согласился на предложение Тойво Ахолы идти на юг? Ведь если бы он вернулся в Койвисто и огласил перед народом содержание княжеского письма, то, наверное, в тот же день занял бы место Виртанена.

Мерилода затряс головой и вернулся от своих дум к действительности. Он долго наблюдал за весело бегавшим по столу насекомым, затем набрал в легкие воздух и дунул на него. Таракан, сорвавшись с края стола, сделал в воздухе сальто-мортале, грохнулся на пол и с решительным видом дал стрекача по направлению к самому темному углу палатки, а адмирал, не обращая на него более никакого внимания, встал из-за стола и вышел.

Вечер был ветренный, холодный, сырой. Над темным морем висели, закрывая звезды, тучи. Берег был освещен пламенем костров, вокруг которых мелькали тени. Было очень тихо, не было слышно ни шума волн, ни песен солдат. Люди лишь негромко перебрасывались изредка словами между собой и затем умолкали.

Меж кострами по направлению к адмиральской палатке двигалось несколько фигур. Когда они приблизились, Мерилода узнал в них членов своего Komentajain neuvosto, Совета командиров, помогавшего ему теперь управлять народом, волей богов выброшенным на этот дикий берег.

– Приветствуем вас, адмирал, – сказал возглавлявший шествие Тойво Ахола.

– Здравствуйте, господа, – ответил им Мерилода. – Проходите.

– Итак, господа, нам предстоит теперь наметить путь, – сказал он, войдя в палатку. – Вот карты. Есть предложения?

– Лучше всего, я думаю, – заговорил Ахола, – идти через Ижорские холмы, на юго-восток. Это довольно богатые районы, где можно будет весьма неплохо обеспечить себя и продовольствием, и одеждой.

– А не слишком опасно? – возразил ему штурман с «Меренхаукка», Ээро Рантанен. – Возможно, местное население не горит желанием отдать нам свое имущество!

– Разумеется, не горит! – усмехнулся Ахола. – А оружие у нас на что?

– Нет, господа, – прервал их Мерилода, – с ижорой связываться не будем. Они вооружены совсем не так плохо, как южные словенские племена. По некоторым сведениям, их поддерживают сами хейминги.

Ахола тихо прошептал в сторону: «Чтоб их Туони! Опять они, сволочи!», Рантанен же в задумчивости склонился над картой.

– А может быть, – пробормотал он как бы самому себе, – пройдем между водью и ижорой? Смотрите! Мы можем пройти по северной границе Ижорских холмов на восток, а затем – на юг, по долине этого большого притока Луги.

– Не стоит, – возразил ему Мерилода. – Нам придется пройти слишком близко от Хейма. Войско более чем в тысячу человек не может пройти незамеченным. Да и потом, я не думаю, что по тамошним болотам мы уйдем далеко. Кстати, кто на этой реке живет?

Ему ответил Ахола, знавший этнографию Ингерманландии, кажется, лучше всех:

– Там смешанное население. Ижора, водины, словене, множество местных мелких племен. Вообще это малонаселенная территория. Плотность населения там меньше, чем даже в Стране водинов.

– Хм-хм… Что же делать? – задумался вслух адмирал, и тут его осенило. – А почему вы не смотрите на запад, господа?! Взгляните! Недалеко отсюда протекает речушка, берущая начало в болотах севернее Луги. Мы можем пройти по ней вверх по течению до истока, и тогда выйдем в Лужскую долину вот здесь, около этой деревни. – Он ткнул пальцем в карту и, наклонившись, прочел название. – Каскола!

– Знакомое имя! – криво усмехнулся Ахола.

Рантанен же заметил:

– Но ведь вдоль Луги на многие километры тянутся болота! Как мы преодолеем их?

– Обойдем. Или найдем тропы. Этот путь, во всяком случае, короче, чем путь по Оредежу.

– А ведь мы можем идти не по реке, а по озерам, – заметил Ахола. Видите эти три длинных озера, которые тянутся вглубь страны от берега?

– Действительно! – воскликнул Мерилода. – Можно пройти берегами озер, а между ними правильный путь укажет рельеф местности. И выйдем мы, между прочим, все к той же Касколе! Итак, решено: идем вдоль озер, а затем прямо на юг до Луги. Все согласны? Вижу, что все. Хорошо. Теперь надо подготовиться к походу. Герр Ахола, составьте списки наших солдат и разбейте их на подразделения. Возьмите себе в помощь кого-нибудь, на ваше усмотрение. Завтра к вечеру справитесь?

– Справлюсь, – уверенно кивнул Ахола.

– Ну и отлично. Тогда все свободны.

Командиры стали по одному выходить из палатки.

– Хотел бы я знать, – молвил Мерилода, провожая взглядом широкую спину Ахолы, – кому перед началом похода приносить жертвы – Тапио или Хийси?

– Принесем жертвы обоим, – отозвался Ахола, обернувшись. – Поможет или нет – не знаю, но уж, во всяком случае, не повредит.

Оставшись один, адмирал взял линейку и склонился над картой. Вероятно, путь до Луги займет дня три-четыре, если не случится чего-нибудь непредвиденного. А еды у них – на восемь дней при строжайшей экономии. Значит, пополнять запасы провизии придется на Луге. Скажем, в районе Касколы. Здесь местное население живет под защитой небольшой крепости, которую, видимо, надо будет взять – оставлять ее у себя в тылу небезопасно. Хотя, может быть, если налететь неожиданно, разграбить три-четыре деревни и быстро уйти, жители опомнятся нескоро и просто не успеют их догнать, и жертв среди финнов не будет. Да, придется делать именно так. Своим народом нельзя рисковать. Или все же нет? Ладно, решим на месте.

Мерилода вышел из палатки и пошел меж кострами к берегу. Он долго стоял у кромки воды, прислушиваясь к тихому плеску волн, и смотрел на едва видные во тьме ночи силуэты кораблей. На него вдруг накатила такая тоска, что он чуть не дал волю слезам. Он чувствовал, что покидает море навсегда, что никогда уже не будет адмиралом, флотоводцем, что никогда не вернется в Койвисто. Смертельная печаль сжимала сердце. Хотелось упасть на землю, заплакать, крикнуть: «Нет! Неправда! Я еще вернусь!». Он наклонился к волнам, набрал в горсть воды и омыл ею лицо. На губах остался солоноватый привкус вод Залива – вкус печали и брошенности. Стал накрапывать дождик, но Мерилода все не уходил с берега. Ему казалось, что сквозь покров ночи и пелену дождя он видит Койвисто – но то была лишь иллюзия. В мозгу его неотвязно звучал мрачный голос, повторявший одно и то же – строки из священной «Калевалы»: «Многие туда попали, да немногие вернулись из жилищ подземных Туони, из селений вечных Смерти»[1].

Дождь безжалостно поливал холодную землю, волны бились равнодушно о прибрежные камни, дымили, угасая, костры, сновали вокруг них люди в плащ-палатках. Мир окутывала сырая осенняя ночная мгла.

Несколько дней заняла подготовка к походу. Из составленных Ахолой списков стало ясно, что от некогда могучей армии осталась примерно тысяча голодных, уставших и растерянных людей (из них больше двухсот раненых), плохо вооруженных, слабо подготовленных к

[1] Завершающая строфа 12 руны («Хождение Вяйнямёйнена в Туонелу»). Пер. с финского А. Хурмеваара.

неопределенно долгому походу в безвестные южные страны, о которых никто из них ничего толком не знал. Разношерстный сброд: финны, карелы, хяме, словене. Смотр оружия тоже не утешал: от винтовок и автоматов толку было немного – из-за того, что патронов к ним осталось в распоряжении войска всего пять или шесть ящиков, то есть по одному на батальон. Ничтожно мало. Но хорошо, что уцелело хотя бы это. Есть еще семь штук легких пушек, снятых с оставленных у берега кораблей, да снаряды к ним, но будет ли толк от этого оружия? Не будут ли они только пустой обузой для армии в предстоящем тяжелом странствии по болотистым водским и ижорским землям? Этого Мерилода не знал, однако решил все же на всякий случай взять их с собой. Кто знает, что встретится им на пути?

Накануне начала похода адмирал отправил к месту ближайшей предполагаемой стоянки одну роту – для разведки и подготовки места. После этого, вечером, когда на восточное небо уже всходила ночь, командиры, как и советовал Ахола, принесли жертвы Тапио – чтобы помог в походе, и Хийси – чтобы хотя бы не мешал. Скромными были эти жертвы, но Мерилода не мог позволить себе тратить на них драгоценную пищу – неизвестно, сколько предстояло пройти войску, прежде чем удастся пополнить запасы. Бросая в огонь, разведенный у валуна, последний кусок мяса, адмирал подумал: «Не отдаем ли мы и самих себя в жертву Хийси вместе с этой жалкой солониной?».

Следующим утром Мерилода проснулся рано – часы показывали половину седьмого. Он долго лежал в спальном мешке, мысленно готовясь к предстоящему сегодня походу. Из лагеря начали доноситься голоса людей, потянуло дымом. В палатку вошел адъютант.

– Завтрак готов, герр адмирал. Прикажете подавать?

Это окончательно разбудило адмирала. Он кашлянул и ответил:

– Да-да… Сейчас я встану, и тогда подавайте.

Мерилода выбрался из спального мешка, облачился в свою походную зимнюю униформу – высокие сапоги на меху, льняную рубашку и серый шерстяной мундир – и вышел из палатки.

Лагерь медленно пробуждался. Многие еще спали, завернувшись в плащ-палатки, но уже горели костры, весело булькали котелки со скудным завтраком, донесся негромкий смех. Хмуро сидели у костров часовые, не сомкнувшие всю ночь глаз, стоя на постах и всматриваясь в промозглую сентябрьскую темень.

Адмирал спустился к берегу, погрузил руки в обжигающе холодную осеннюю воду Залива, ополоснул лицо, утерся перекинутым через плечо полотенцем и почувствовал, как в сонное тело, освобождая нервы от остатков сна, втекает бодрость. Он вернулся в палатку, быстро управился со

скромным завтраком, состоявшим из тарелки каши, куска вареной рыбы и кружки ячменного кофе, и вызвал адъютанта:

– Передайте командирам подразделений – пусть готовятся к походу. В девять выступаем.

– Да, герр адмирал.

Адъютант умчался, оставив Мерилоду наедине со своими мыслями, а адмирал, окинув взглядом горизонт, только сейчас заметил – небо посветлело, очистилось от туч и окрасилось на востоке розовым цветом утренней зари. Ветви деревьев, трава, стенки палаток – все было покрыто инеем.

Тем временем денщик адмирала уже сложил все его вещи в рюкзак, а солдаты стали складывать походную мебель и сворачивать палатку. В лагере стало заметно оживление – костры были погашены, люди лихорадочно сновали туда-сюда. К Мерилоде подбежал Ахола.

– Герр адмирал, а что делать с ранеными?

– Кто может ходить – сам пойдет, остальных понесем.

– Но это сильно замедлит нас!

– А что вы предлагаете? Бросить их здесь?

Ахола смутился, пожал плечами и ушел. Палатку тем временем свернули, и Мерилода присел на тюк с нею, ожидая, когда его подданные (так он их теперь называл) наконец соберутся.

Вскоре снова прибежал Ахола.

– Герр адмирал, все готово.

– Как раненые?

– Как вы и приказывали, лежачие – на носилках, остальные своим ходом пойдут.

– Прекрасно. Стройте их в походный порядок.

Мерилода встал, провожая взглядом Ахолу. Тюки с палаткой и вещами адмирала взвалили себе на плечи несколько дюжих солдат. Через некоторое время подбежал адъютант.

– Герр адмирал, войско построено.

Адмирал вздохнул. Казалось, что, уйдя сейчас от моря, он порвет все связи со своей прежней жизнью, должен будет все забыть и начинать строить жизнь заново. Но отступать было уже некуда. Он еще раз вздохнул и произнес обреченно:

– Ладно. Трубите поход.

И твердым шагом направился на запад по берегу к видневшемуся невдалеке устью ручья, вытекавшего, если верить картам, из указанных Ахолой озер. За ним двинулись плотной группой члены его Komentajain neuvosto, а за ними, подгоняемый звуками трубы, потянулся и весь народ. Поход начался.

IV. СУДЬБА КОЙВИСТО РЕШЕНА

Катастрофа Койвисто состояла не только в потере флота и лучшего стратега государства – это еще полбеды, – но и в потере пятитысячной армии Мерилоды. Мятежники, поднявшие восстание против Койвисто, были остатками пассионариев, истраченных княжеством на завоевание колоний, а колониями – на борьбу с Койвисто. Их было немного, всего около четырех процентов от общего числа боеспособного населения, но их потеря предрешила судьбу Койвисто.

Герберт Винклер. «Ранний Хейм и его завоевания»

Князь Аарне Виртанен метался по застекленной веранде своего дворца в Валланлинне, шепотом бранясь. Два дня назад посол Хейма известил его, что Уурасский флот разгромлен у берегов острова Лавансаари. Виртанен тогда этому не поверил, но теперь у него перед глазами стояли живые свидетели происшедшего.

– Так вы, значит, матросы с «Лемминкяйнена»? – спросил князь.

– Да, ваша светлость, – ответил один из матросов.

– И как вам удалось бежать оттуда?

– Да, ваша светлость, просто. Когда мы попытались обогнуть мыс, на нас оттуда выскочили вражеские корабли и повредили двигатель. Наш корабль попытался протаранить один из них, но промахнулся и сел на мель. Хейминги стали наседать, мы отбивались, боеприпасов не хватало. Когда наступила темнота, нас вызвал капитан и сказал: «Я знаю вас как людей смелых и преданных князю и даю вам задание. Оно трудно и опасно, но вы должны его выполнить. Вы должны под покровом темноты пробраться в шлюпке мимо врага, плыть в Койвисто и все рассказать князю». Так сказал капитан, а потом нас повели к шлюпке. Мы сели в нее и в темноте прошли мимо хеймингских кораблей. Как назло, начался шторм, мы долго носились по морю, сбились с курса, поэтому прибыли сюда только сегодня ночью.

Виртанен вздохнул:

– Так… Ну хорошо, можете идти.

Матросы вышли, а князь продолжал ходить по веранде из угла в угол, пытаясь справиться с паникой. Койвисто лишилось теперь лучшего флота. А что, если сюда скоро нагрянут хейминги? И ведь Хийси дернул его передать Мерилоде этот злополучный пакет! Из-за этого письма он потерял лучшего своего адмирала. А если Мерилода вернется? Тогда он потерял свой трон – такого предательства адмирал ему не простит и по возвращении непременно обнародует содержание письма.

Аарне Виртанен упал в кресло и схватился за голову. Подумать только, ведь этот узел он завязал сам! Сам затянул петлю на своей шее. Надо найти нового адмирала и срочно набирать войско для отражения возможной хеймингской агрессии.

Князь вызвал слугу.

– Лехтинена ко мне!

Ари Лехтинен был командующим сухопутными войсками Исо-Койвисто и был известен как один из лучших военачальников государства и человек много более покладистый, чем адмирал Эйно Мерилода. Эта покладистость во многом обусловила тот факт, что он занимал столь высокий пост в возрасте всего тридцати четырех лет.

Виртанен вспомнил все это, продолжая мерить шагами веранду. Наконец слуга вернулся.

– Полковник Ари Лехтинен, ваша светлость!

– Зови!

За дверью послышались шаги, и на веранду вошел наконец долгожданный полковник. Он был высок, тощ, жилист и мог бы казаться старше своего возраста, если бы не полное отсутствие седины в его густой темно-каштановой шевелюре. Лехтинен вытянулся перед князем и вперил в него внимательный взгляд своих серо-стальных глаз, не говоря ни слова.

– День добрый, полковник! – приветствовал его князь. – Вам известно, что флот Уураса разбит хеймингами у Лавансаари?

– Да, ваша светлость.

– О судьбе адмирала Эйно Мерилоды ничего не известно. Вы знаете об этом?

– Нет, ваша светлость.

– Ну так вот, полковник, вы с этого момента будете его замещать.

– Рад стараться, ваша светлость. В течение какого времени я буду исполнять его обязанности?

– Пока он не вернется. А он, может быть, – добавил как бы самому себе князь, – не вернется никогда.

Лехтинен прервал воцарившееся было молчание:

– Какие будут приказания, князь?

– Полная боевая готовность. Собирайте войска, держите наготове корабли. Хейм в любой момент может напасть на нас.

– А почему бы нам не напасть на них первыми?

– Не говорите глупостей, полковник! Мерилода напал – и посмотрите, что случилось с ним, с нашими войсками и с нашим лучшим флотом! Однако, хватит болтовни. Вы свободны.

Лехтинен вышел, а Виртанен продолжал в панике метаться по веранде.

* * *

В конференц-зале Торвардастейнура шло экстренное внеочередное заседание Совета штадтгальтеров. Спор шел уже довольно долго, но, увы, безрезультатно.

– Итак, господа, – говорил Холмский, – флот Койвисто разбит, это государство осталось практически беззащитным, однако опасность, на мой взгляд, еще далеко не устранена. Нет гарантии, что оно не оправится и не станет вновь нашим конкурентом на море. Вопрос состоит в том, как не дать ему оправиться. Проще всего было бы, разумеется, развязать против него войну, но это потребует больших материальных затрат и повлечет человеческие жертвы. Наконец, война – это просто неэстетично. Это был бы некрасивый ход. У присутствующих есть какие-нибудь соображения по этому поводу?

– Я думаю, не стоит бояться войны, – заговорил штадтгальтер Оккервиля Владислав Иннолов. – Это, возможно, и некрасиво, зато эффективно. Материальные затраты для нас также не очень страшны, а вот в том, что касается человеческих жертв, вы абсолютно правы, поэтому войну, ежели таковая имеет начаться когда-нибудь, следует вести возможно малыми силами.

– Войну лучше совсем не начинать, – возразил ему Иголин, – ибо она восстановит против нас всех финнов. Мы выставим себя агрессором.

– Проще всего будет бороться экономическими методами, – сказал Холмский. – Увеличить объем продаж наших товаров на традиционных рынках сбыта Койвисто – в бассейне Луги, в Ижоре, в Стране водинов, в Кюми и Ууденмаа, расширять экономические контакты с Карелией, Норвегией, Свеаландом.

В этот момент в полемику включился Роман Хеддер, до этого с индифферентным видом разглядывавший живописный плафон на потолке.

– Что вы спорите, господа? – молвил он. – Есть способ много более простой, чем война или экономическое удушение. Суть его заключается в том, что надо заставить князя Виртанена постоянно думать, что мы в любой момент готовы начать войну с ним.

– И как же мы это осуществим? – с сомнением в голосе спросил Иннолов.

– Элементарно! Пусть два-три наших быстроходных военных корабля периодически совершают прогулки по территориальным водам Койвисто, причем таким образом, чтобы попасться на глаза их береговой охране, но ни в коем случае не предпринимают попыток нападения, так как это приведет к ненужным жертвам. Если же такую попытку совершат финны – немедленно уходить, избегая вступать в схватку.

– И что с того? – снова недоверчиво спросил Иннолов. – Неужели Койвисто распадется только от одного вида наших военных кораблей?

– Именно! Именно от одного только вида! – воскликнул Хеддер. – Чтобы понять это, не надо быть гением. Иллюзия опасности нападения заставит Виртанена держать армию и флот в постоянной боевой готовности, для чего придется мобилизовать некоторое количество резервистов, а так как князь Койвисто – человек нервный, уж поверьте мне на слово, то после каждого появления наших кораблей у их берегов он будет набирать все новых и новых солдат. Набирать он их будет не только на своих островах, но и на землях вассалов на материке. Непомерно раздувшаяся армия будет бездействовать, ибо воевать ей все равно будет не с кем, а напасть первым Виртанен не решится, и в конце концов вассалы, и без того ненавидящие государей Койвисто, опять возмутятся, и это будет пострашнее, чем недавнее восстание. Если князь использует против них армию, Койвисто сгорит в пламени колониальной войны, если же позволит им уйти из-под своей власти каким угодно образом, то будет свергнут, а Койвисто все равно сгорит в пламени войны, только гражданской.

– А почему вы так уверены, что в последнем случае начнется гражданская война? – спросил кто-то из штадтгальтеров.

– Потому что в этом случае обязательно найдутся сторонники и противники князя, которые непременно сцепятся между собой. Если победят противники, то война продолжится, ибо они разделятся на группировки, каждая из которых будет стремиться посадить на княжеский трон своего человека.

– Прекрасно! – промолвил Холмский. – Ну что же, вы этот план придумали, вам его и осуществлять. Сегодня вечером зайдите ко мне, мы обсудим подробности. Засим считаю заседание закрытым. Все свободны.

В тот же день вечером Хеддер сидел в кабинете Холмского. Сам Верховный Министр стоял у окна, глядя на море.

– Значит, вы решили запугать Виртанена до смерти? – спросил Холмский после недолгого молчания.

– Совершенно верно, – невозмутимо ответил прокуратор Архипелага.

– Так каковы же подробности вашего плана?

– Как я уже говорил, несколько наших кораблей должны постоянно находиться где-нибудь в поле зрения койвистинской береговой охраны. Когда я говорил, что они ни в коем случае не должны пытаться атаковать врага, то, пожалуй, был неправ. Можно нанести удары по некоторым важным объектам – Суолайтури, Пунасаари, Уурас, Иоханнес.

– И что с того?

– Этот вопрос мне уже задавал Иннолов, – заметил Хеддер. – Понимаете, народ Койвисто недоволен правлением Виртанена. Уровень жизни катастрофически падает – по нашей, между прочим, вине – их товары, как правило, не могут конкурировать с нашими, – большие денежные затраты на удержание колоний под властью Валланлинны вызывают рост налогов, колонии жаждут независимости, социальное напряжение растет и в них, и в метрополии; для предупреждения революционного пароксизма князь вынужден увеличивать военный контингент в колониях, а это вызывает еще больший рост напряжения. Армия состоит наполовину из наемников. Наибольшее напряжение – в районе Ууараса и Иоханнеса. Взрыв может быть вызван любой искрой.

– Хм! Понятно… Так… Полагаю, эскадры Эберсгарда вам хватит?

– Думаю, да.

– Учтите еще один факт – зима на носу.

– Думаю, все будет кончено до замерзания Залива. В крайнем случае используем самолеты, но до этого, скорее всего, не дойдет, тем более, что техника полетов в зимних условиях еще не отработана.

– Хорошо. Какие пункты должны первыми подвергнуться нападению?

– Суолайтури, Ууарас, Иоханнес.

– Хм, понимаю… Кстати, рекомендую вам обратить пристальное внимание на Сейвисто.

– Сейвисто? Что-то знакомое… Где это?

– На побережье Каннаса между Койвусалми и Лаутарантой. Там сейчас очень напряженно. А вот Суолайтури лучше не трогать. Небезопасно.

– Между прочим, – сказал вдруг Хеддер, – вы знаете о вспыхнувших недавно в Ууарасе беспорядках?

– Да, разумеется, знаю.

– Это нам на руку. Наши корабли поднимут флаги Койвисто и обстреляют Ууарас. Представляете, в какое бешенство придет народ?!

– Да, – задумчиво проговорил Холмский, – это будет нечто ужасное.

– Они – я имею в виду беспорядки – вспыхнули, кажется, после того, как местное население пронюхало о разгроме эскадры Ууараса?

Холмский кивнул утвердительно:

– Почуяли слабину во власти Койвисто и решили ударить, пока княжество не оправилось. Так когда финны будут атакованы?

– Да хоть сейчас. Корабли готовы. О ситуации на восточном побережье Вийпурилахти, то есть в Иоханнесе, Ууарасе и так далее, я собрал исчерпывающую информацию.

– Ну что ж, прекрасно! Так когда?

– Завтра в полдень пять наших кораблей покинут гавань Эберсгарда. Из них два продефилируют вдоль южных берегов Исо-Койвисто, а три, подняв флаги Койвисто, обстреляют Уурас.

– Вы уверены, что эти последние справятся с таким заданием?

– Уверен. Вообще-то я не готовил команды этих судов именно для нападения, но людей подобрал знающих, так что с такой задачей они справятся.

Холмский вздохнул.

– Хорошо, – сказал он. – Я полагаюсь на вас. Идите.

Вообще-то, подумал он, поступать так с врагом не очень хорошо. Но ведь не оставлять же Койвисто под боком у себя! Увы, кто хочет вычистить хлев, тому придется запачкать руки, как говорил святой Фома, легендарный прародитель хеймингов.

* * *

Поздним вечером в кабинет князя Аарне Виртанена вошел слуга:

– Ваша светлость, вам две срочных депеши.

– Откуда бы это?

– Одна – из Суолайтури, другая – из Ууараса.

– Давай сюда.

Князь с легким волнением вскрыл пакет из Суолайтури. Срочность депеши оставляла мало надежд на то, что в ней не содержится печального известия.

В последнее время, после получения известия о поражении Эйно Мерилоды, князя преследовало чувство, что он сидит на бочке с порохом, готовой взорваться в любую минуту. Из-за этого он и назначил Лехтинена на пост адмирала Койвисто, хотя и временно, и поручил ему собирать армию. Князь был уверен, что полковник справится с этой задачей, но отнюдь не был уверен в другом: как отнесутся к этой рекрутчине его подданные, среди которых давно уже ширилось и росло недовольство правлением Аарне Виртанена. Его беспокоили также недавние беспорядки в Уурасе, до сих пор еще толком не подавленные. Бунт, к счастью, не перекинулся на другие колонии, но весь остров Уурас напоминал сейчас растревоженный улей. Виной всему были местные сепаратисты, устроившие в столице острова демонстрацию под лозунгом «Vapaa Uuras!»[1]; полиции, пытавшейся усмирить их, они оказали яростное сопротивление. Кое-где на улицах города шли настоящие бои. Виртанену пришлось пойти на переговоры с главарем мятежников.

[1] Свободный Уурас (*финск.*)

Князь извлек из конверта бумагу, пробежал ее глазами и побледнел. Вот оно! Началось. Начальник береговой охраны Суолайтури сообщал, что вчера в территориальные воды Койвисто вошли два хеймингских корабля и долго дефилировали вдоль берегов Исо-Койвисто, как бы дразня береговую охрану, а когда финские корабли попытались атаковать их, те развернулись и полным ходом двинулись в сторону Архипелага, утопив при этом метким выстрелом одно из финских судов.

Виртанен дрожащими пальцами провел по бледному лбу. Да, теперь хейминги с ними расправятся! Как удачно они выбрали время! Он машинально вскрыл другой пакет, вынул письмо, начал читать… и едва удержался, чтобы не упасть. Этого еще не хватало! Восстание в Уурасе. Уурас, Иоханнес, Вийпури, Кеттусаари и еще несколько островов в заливе Вийпурилахти объявили о своей независимости. Правительственные войска ведут отчаянные бои с мятежниками. Губернатор Ууараса убит. Почему? Князь ничего не мог понять. Ведь он же пошел на переговоры с сепаратистами! Они уже почти обо всем договорились!

Однако через несколько минут все разъяснилось. Вошел слуга и объявил:

– Господин Йорма Парттимаа, ваша светлость!

Это был главарь сепаратистов. «Ах, чтоб их всех Хийси! – подумал князь. – За каким бесом он примчался сюда из своего Ууараса? Что за спешка?». Такое поведение предводителя мятежников не предвещало ничего хорошего.

Парттимаа вошел, не поздоровавшись, сел без приглашения в кресло и заявил:

– Князь, я не знал, что вы – такой подлец!

Виртанен опешил и непонимающе воззрился на него. Парттимаа же, налюбовавшись произведенным его словами эффектом, продолжал:

– Скажите, почему вы отдали приказ обстрелять Уурас? Ведь переговоры шли так хорошо!

Князь посмотрел на него еще более удивленно и наконец нашел в себе силы спросить:

– Как?! Обстрелять Уурас?!

– Да, князь! – ответил мятежник. – Позапрошлой ночью остров Уурас был обстрелян с моря из тяжелых орудий. А накануне вечером, перед заходом солнца, у входа в Вийпурилахти с островов видели три корабля под флагами Койвисто, шедших по направлению к нашему острову. Корабли были военные.

– Военные?!

– Тяжелые крейсера.

– Быть того не может! Я не отдавал такого приказа!

– Да? А кто же, по-вашему, его отдал?

– Не знаю… Ничего не могу понять. Да у нас и нет таких кораблей!

– Откуда же они взялись? – саркастически усмехаясь, спросил Парттимаа. – Не хейминги ли вам их прислали?

Князь лишь руками развел:

– Не знаю, – повторил он. – Могу только сказать, что моей вины тут нет.

Парттимаа встал.

– Я не намерен более задерживаться в Валланлинне и возвращаюсь в Уурас, – сказал он. – Если вы действительно отдали этот приказ, вы подлец, что я уже имел честь сообщить вам, если же это не ваших рук дело, то вы – плохой правитель, раз не можете справиться с собственной армией, и она делает, что ей заблагорассудится. В любом случае переговоры прекращаются. Да, – сказал он, обернувшись, уже от двери, – не удивляйтесь, что я явился к вам практически без охраны. Вы понимаете, что, если со мной что-то случится, смерть ваша будет страшной. – И он злорадно ухмыльнулся.

Выходя, мятежник столкнулся в дверях с полковником Лехтиненом. Вот уж чьего появления князь никак не ожидал! Полковник вошел, отдал честь, внимательно посмотрел Виртанену в глаза и с едва сдерживаемой яростью с голосе спросил:

– Ваша светлость, зачем вы приказали обстрелять Уурас?

Этого вопроса его светлость ожидал еще меньше, чем самого появления Лехтинена. Он воинственно глянул на стоявшего перед ним полковника и с сарказмом ответил:

– Я у вас хотел бы спросить об этом! Зачем *вы* приказали обстрелять Уурас?!

От Лехтинена князь такой наглости не ожидал – тот никогда не оспаривал решения начальства. Следовало немедленно поставить его на место.

Полковник смутился:

– Я не отдавал такого приказа!

– Вот как? – ехидно спросил Виртанен. – Значит, ваши войска вам уже не подчиняются? Творят, что хотят, без вашего ведома? Как интересно!

– Но я…

– Не возражать! Если немедленно не найдете способа поправить ситуацию, я прикажу вас повесить!

Перепуганный Лехтинен отдал честь и выбежал.

Излив на полковника всю свою ярость, вызванную наглым поведением Парттимаа, князь немного успокоился. Однако наорать на него – еще не значит решить проблему. Князь задумчиво ходил из угла в угол по

кабинету, лихорадочно ища выход из создавшейся ситуации. Чтоб вас всех в Маналу! Надо же было быть таким ослом: послушаться тупицу и солдафона Хилтунена и собственную, чтоб ее, женушку, умеющую только служанок по щекам бить да ногти красить! Отовсюду опасность! Направить против восставших войска? Тогда, чего доброго, взбунтуются вассалы – людей-то брать придется у них! Переговоры провалились, обещаниями мятежников уже не успокоишь… А если позволить Уурасу уйти из-под власти Койвисто? Его пример может оказаться заразительным. Да и население метрополии, хотя и воспитанное в духе полного подчинения монарху, недовольно. Взбунтуется еще, чего доброго, да низложит своего князя. Прецеденты подобные в других странах уже бывали.

Наконец князь вздохнул, махнул рукой и решил подумать об этом утром. А пока надо бы подкрепиться на сон грядущий. Виртанен вызвал слугу и велел подавать ужин в столовую.

V. НАЧАЛО ПОХОДА

...страны дальние
хороши для того,
кто и сам неплох!

«Беовульф»

Адмирал Эйно Мерилода шел с задумчивым видом впереди войска по едва заметной тропинке, извивавшейся вдоль берега ручья. Вокруг сырой стеной стоял туман, и из него на людей наплывали, как странные призраки, стволы деревьев. Из-за висевшей в воздухе сырости одежда была влажна; на ворсинках мундира осели капельки воды. Мох, росший вдоль тропы, стоило только наступить на него, выделял темную ржавую воду с тяжелым болотным запахом. Было промозгло и холодно, и Мерилода то и дело поеживался в своем шерстяном костюме. Сзади доносились ободряющие возгласы, шум шагов его армии, его народа.

Туман постепенно рассеивался и часа через два исчез совсем. Вскоре лес начал заметно редеть, а затем перед глазами адмирала в неярком свете осеннего солнца блеснуло озеро – первое из трех, мимо которых они должны были пройти. Бежали по воде волны, и бежали блики солнечного света по поверхности озера. По берегам стеной стоял дикий, безмолвный еловый лес. Тропа здесь терялась, исчезая меж древесных стволов и в цепких зарослях дикой малины, и финнам предстояло идти вдоль берега, чтобы не сбиться с пути.

Мерилода объявил привал и подозвал одного из солдат.

– Сбегай, осмотри, каков лес впереди, каков берег.

Солдат убежал, а Мерилода присел на кочку у только что разведенного костра. Здесь, на берегу, дул легкий ветерок, от которого по озеру бежала рябь. Молча стоял вокруг бивака дремотный глухой лес.

Вскоре вернулся посланный на разведку солдат и доложил:

– Вдоль кромки берега – заросли тальника, дальше от озера – густой дремучий лес. Пройти можно только между тальником и чащей.

– Почва?

– Сравнительно сухая. Пройдем.

– Прекрасно. Ты свободен.

Адмирал крепко задумался. Сколько им еще идти через этот лес, одному Юмале известно. И никто не знает, что ожидает их впереди. А продовольствия – на пять дней, считая и сегодняшний, и укрытием от непогоды служат людям только плащ-палатки.

Отдохнув и слегка подкрепившись, адмирал встал и отдал приказ об отправлении. Краем глаза он заметил, что с запада постепенно наползает стена туч. Значит, снова зарядят дожди. Неприятно.

Немало сил пришлось потратить финнам в этом путешествии по берегу озера. С одной стороны глухой стеной стоял угрюмый еловый лес, с другой – дремучие заросли ивы. В довершение всех неприятностей на землю обрушился такой ливень, что в двух сотнях метров уже ничего не было видно. Вся армия, естественно, промокла до последней нитки. Правда, эта стена воды обрушивалась на людей и все, что их окружало, недолго, но зато успела вымочить единственное топливо – еловые ветки – и превратила дорогу в трудно проходимое болото. Солдаты вязли, ругались, кутались в плащи, но все же шли вперед.

Особую проблему представляли собой семь легких пушек, которыми было усилено вооружение «Иматры» и «Меренхаукка» и которые Мерилода приказал на всякий случай прихватить с собой. Колеса лафетов и тележек со снарядами поминутно вязли в раскисшей почве, и немало потов сходило с людей, прежде чем их удавалось вытащить оттуда, но только для того, чтобы через пару десятков шагов они снова завязли. Кое-кто из командиров предлагал взвалить пушки со снарядами на спины солдат, но Мерилода сразу же отмел эти предложения, ибо солдаты и без того были нагружены: личные вещи, личное оружие, боеприпасы и остаток запасов продовольствия – все это являло собой груз весьма ощутимый. Впрочем, солдаты и так волокли свои пушки фактически на себе.

Тем не менее к наступлению темноты войску удалось-таки добрести до южной оконечности озера. Застучали по лесу топоры, и вскоре вокруг с трудом разведенных из еловых веток костров расселись мокрые, грязные и до смерти уставшие люди. На продолжавший накрапывать дождь никто уже внимания не обращал. Все наскоро поужинали и прямо у костров повалились спать.

Мерилода тоже едва не падал от усталости. Он промок, замерз и был страшно голоден. Весьма скудный ужин (экономить приходилось все – топливо, пищу, лекарства, даже время) не насытил его, а только раздразнил голод. Адмирал подумал, что неплохо бы поставить ему палатку, но это потребует времени и сил, а народ устал, устал настолько, что вокруг их временного лагеря не было даже сооружено простейшее заграждение из колючей проволоки, предусмотрительно взятой еще из Койвисто. Отдыха себе не могли позволить только часовые, щурившие сонные глаза в мутную чащобную темноту, сжимая в руках оружие.

Адмирал лег на охапку еловых веток, заменявшую ему постель, и подумал – не проспать бы завтра рассвет. Засыпая, он с сожалением вспомнил о своем доме в Суолайтури. Кровать там была такая мягкая!

На следующее утро Мерилода проснулся очень рано. Небо еще только начинало светлеть, кое-где догорали костры. Дождь давно кончился, и над сонным озером слоился липкий и сырой туман. Мерилода достал планшет, вынул карту и, подбросив в огонь веток, принялся изучать ее.

Дальнейший путь лежал, судя по карте, по небольшой ложбине, соединявшей два ближайших озера. По берегу второго (от побережья Залива) озера и вытекавшей из него реке можно было пройти достаточно легко; самый трудный участок пути начинался дальше, на берегах третьего озера и далее до Луги. Дорога шла по болотам и кустарниковым зарослям.

Шум пробуждающегося лагеря вывел Мерилоду из состояния задумчивости. Адмирал сложил карту, торопливо проглотил завтрак и отдал приказ об отправлении.

Этот день прошел точно так же, как и предыдущий. Войско, уйдя от берега озера, долго шло по лесу. Ельники кончились, и вместо них потянулись густые светлые березняки. Старые березы, словно в молитве, возносили свои полуоголенные ветви к небу; опавшие листья уныло и однообразно шуршали под ногами. Холодный осенний ветер, напоенный промозглой влагой, стонал в обнаженных ветвях и однообразно плакал о чем-то.

Наконец добрели до второго озера, перешли вброд впадавший в него ручей и двинулись по берегу. Некоторое время пришлось бороться с небольшим болотцем, не отмеченным на карте. Тем не менее к наступлению темноты удалось добраться до южной оконечности озера и даже пройти пару километров по речушке, соединявшей второе и третье озера. Лагерь разбили на обширной, вытянутой вдоль реки прогалине. Возникли трудности с огнем: мокрые березовые дрова упорно не желали гореть. После долгих усилий все же было зажжено несколько слабых, дымных костров.

Постелью Мерилоде на этот раз служила охапка сухой травы. Правда, сухой ее можно было назвать лишь весьма условно – это были пожелтевшие стебли, жесткие и насквозь пропитанные водой, – однако адмирал не обратил на это внимания и заснул, не успев даже закрыть глаза.

На четвертый день похода войско встало лагерем на краю обширного болота в трех километрах от крепости Кааль – северного форпоста населенной водью земли Каскола, располагавшейся на правом берегу Луги.

Мерилода созвал Совет командиров.

– Господа! – сказал он собравшимся. – Завтра нам предстоит опасная операция – налет на Касколу.

– Сил, я полагаю, достаточно, – сказал Ахола.

– Сил-то достаточно, – задумчиво произнес адмирал, – но весь вопрос в том, как их распределить. Наших больных надо спрятать куда-

нибудь в безопасное место. Эту задачу, – обратился он к Рантанену, – я поручаю выполнить вам. Видите вот эту деревню – на берегу Луги, на самом юге Касколы? Пройдете по лесам вдоль северных и восточных границ Касколы и будете ждать меня южнее этой деревни.

– Может быть, лучше пройти через саму Касколу? – предложил Рантанен.

– Нет, – ответил ему Ахола. – Эта земля представляет собой, как видите, громадную пашню размером больше Валланлиннской долины. Вас заметят и уничтожат.

– Почему?

– Водины Касколы – очень замкнутая этническая группа, они с большой неохотой терпят на своей территории даже соседей, а уж нас, после того, как мы сдуру прилезли сюда когда-то со своим культуртрегерством и со своими войсками, они вообще на дух не выносят.

– А если попробовать ночью?

– Все равно опасно.

– Так, – вмешался Мерилода, – теперь надо решить, что делать остальным войскам. Предлагаю сделать так. Пусть небольшой отряд, взяв артиллерию, обезвредит форт Кааль, а основная часть войска пойдет вот по этой дороге и обчистит несколько придорожных селений.

– Что за дорога? – спросил Рантанен, заглядывая в карту.

– Так называемый Лужский тракт. Он соединяет берег Лужского залива с землями южной ижоры. Касколу он пересекает с северо-запада на юго-восток и является для нее главной сухопутной транспортной артерией, поэтому вдоль него расположена большая часть деревень.

– Где встречаемся?

– У южной границы Касколы, на берегу Луги.

– План неплохой, – молвил Ахола, – но только, прежде чем нападать, надо бы разведку произвести.

– Верно. Вот вы и возьмете разведку на себя. Возьмите с собой несколько человек – много брать не надо, чтобы не обращать на себя внимание – пройдитесь по деревням, осмотрите все. Выйдете завтра утром, к вечеру вернетесь. А тогда можно будет обсудить детали плана.

На следующее утро Тойво Ахола с несколькими солдатами уже шагал по едва заметной лесной тропе, ведшей к полям Касколы. Вокруг тропы величественно высились мрачные ели; на их лапы роняли желтые листья жавшиеся между елями березы.

Вскоре разведчики вышли на Лужский тракт – ту самую дорогу, о которой упоминал вчера Мерилода. Внушительное название ее не соответствовало внешнему виду: это была обыкновенная грунтовая дорога, не очень широкая, но зато очень пыльная. Дождей здесь, видимо, не было

давно, дорога успела высохнуть, поэтому пыль, поднятая проехавшим недавно автомобилем, все еще стояла столбом, хотя шум машины был уже едва слышен где-то как раз в той стороне, куда они направлялись.

Выйдя на дорогу, Ахола свернул налево и не спеша пошел по обочине, рассматривая следы машины. Судя по размеру следов и по заметному запаху гари, это был тяжелый грузовик старой конструкции, возможно, койвистинского производства.

По сторонам дороги расстилался унылый, однообразный пейзаж. По левую сторону вдоль тракта тянулась неширокая полоса, покрытая жухлым желтым высокотравьем. За ней стоял лес; опушку его образовывали почти оголенные уже осины, уныло поднимавшие к серому небу свои черные ветви, и березы, последние мертвые листья на которых, еще не успевшие опасть, печально шелестели под ветром. За ними же молчаливо высились хмурые высокомерные ели.

По правую руку раскинулось широкое поле. Хлеб с него (судя по раскиданным кое-где у дороги кучкам соломы, это была рожь) был уже убран, и оно сиротливо темнело обнаженной чернотой почвы. В двух-трех местах его перерезали канавы с застоявшейся, цветущей буроватой водой, а примерно в километре от дороги оно обрывалось, и за ним начинался все тот же вездесущий, дремучий, непролазный водский лес. На опушке его виднелось несколько довольно жалкого вида строений. Рассмотрев их в бинокль, Ахола решил, что это, вероятно, амбары.

Некоторое время они продолжали идти по этой дороге. Минут через двадцать Ахола остановился. В этом месте от Лужского тракта влево убегала, теряясь между деревьями, другая дорога. Согласно карте, она вела в Кааль.

Ахола подозвал двух своих спутников:

– Пойдете вот по этой дороге. Она ведет к крепости Кааль. Необходимо выяснить, возможно ли применение против форта артиллерии. Все остальные, – обратился он к двум другим солдатам, сопровождавшим его, – за мной.

По дороге он подумал, что очень хорошо сделал, разослав по всей Касколе разведчиков. Большая группа воинов во главе с Ээро Рантаненом идет сейчас через окрестные леса в южную Касколу, и с ней идут, разумеется, и разведчики. Еще одна группа лазутчиков изучает западные границы Касколы. Ему же поручено наиболее важное задание – осмотреть сам объект нападения.

Вскоре они дошли до хлипкого деревянного моста через небольшую реку, название коей на карте обозначено не было. У моста стояла черная, слегка покосившаяся изба, оказавшаяся при ближайшем рассмотрении харчевней. Ахола сразу заметил между кустами убегавшую на юго-запад от

тракта тропинку. «Сколько же здесь всяких дорог!» – подумал он, жестом указывая солдатам идти по ней.

У стены избы стояла машина – та самая, следы которой Ахола рассматривал меньше часа тому назад. В ее моторе копался человек, по внешнему виду – крестьянин: песочного цвета клочковатая борода, волосы с застрявшей в них соломой, грязная, вся в пятнах машинного масла, рубаха; на крыло колеса машины был небрежно брошен длинный и тоже не очень чистый водский кафтан. Сама машина была ничем не примечательна: громоздкий и неуклюжий, допотопного вида грузовик явно койвистинского производства, с торфиновым двигателем, у которого, судя по совершенно закопченной выхлопной трубе и витавшему в воздухе зловонию, было не все в порядке с карбюратором.

Ахола вежливо приветствовал крестьянина:

– Добрый день, почтеннейший!

Мужик мрачно покосился на него и ничего не ответил. Ахола, не дождавшись ответа, продолжил:

– Насколько я могу судить, это здание – харчевня?

– Угу, – промычал мужик нехотя.

– Могу я видеть хозяина ее?

– Ну, я хозяин.

– Видите ли, милейший, я – путник, иду издалека, очень устал и проголодался.

– Ладно. Иди в дом. Сейчас все приготовлю, – недовольно проворчал мужик и снова завозился в машине.

– Да, и еще. Куда ведет эта тропинка? – Ахола указал на замеченную им тропу.

– Эта-то? Да вон к тому лесу, а потом выходит на Киссарантскую дорогу.

Ахоле это название не сказало ничего, но на всякий случай он решил его запомнить. Повернувшись, он решительно вошел в дом.

Изнутри изба выглядела еще менее привлекательно, чем снаружи: закопченные бревенчатые стены, черный от копоти потолок, грубые деревянные столы. Два маленьких подслеповатых оконца почти не давали света. В дальнем углу разевала темную пасть старая печь с облупившейся побелкой.

Следом за Ахолой в дом вошел хозяин и вскоре поставил перед гостем деревянную миску с вареными корневищами гормы и куском жареного мяса и ложку. Вся эта посуда отнюдь не блистала чистотой, мясо пахло дымом и было недожарено, горма переварена. Сам хозяин, встав у соседнего стола, принялся чистить какие-то плоды. Ахола решил заговорить с ним.

– А что, милейший, много ли людей приходится вам кормить сейчас?

– Сейчас – только тебя одного, – мрачно ответил мужик. – Осенью и зимой по Лужскому тракту мало кто ездит. Вот весной, летом, да и в начале сентября много работы. Народ туда-сюда ходит, ездит, зерно и прочую снедь к морю возит, а оттуда возвращается со всякими разными штучками, какие в Хейме да в Койвисто делают. Тогда мне – всех накорми, напои. Но зато и денежки в карман плывут.

– Какими же деньгами вам платят?

Желание поболтать победило в мужике привычную осторожность.

– Да разными… Больше хеймингскими талерами и койвистинскими марками. А вообще разные попадаются – и норвежские кроны, и свеаландские марки, и еще чего-то.

– А что, почтеннейший, – перевел Ахола разговор на другую тему, – хорош ли у вас урожай в этом году?

– Неплохой, не жалуемся. Рожь в этом году хорошо уродилась, овощи вот тоже всякие. Льна вот мало собрали. Теперь лен и масло придется у словен покупать. У них в Новгороде этого добра вдоволь. Их корабли по Луге все время плавают.

– Так у словен есть корабли? – с притворным удивлением воскликнул Ахола.

– Да нет, у них мало кораблей. Вообще-то по Луге больше ходят корабли хеймингов и Койвисто. Кстати, – спросил он вдруг с подозрением в голосе, – а ты-то сам откуда будешь?

– О, я издалека. Из Страны водинов, – уклончиво ответил Ахола. Уточнять эту информацию он не стал, ибо придерживался в жизни двух мудрых принципов: во-первых, никогда не говорить неправду; во-вторых, никогда не стремиться говорить всю правду.

За разговором Ахола успел поесть, встал и протянул хозяину несколько серебряных марок Койвисто, радуясь в душе, что догадался захватить с собой денег. Мужик повертел монеты в руках, попробовал их на зуб и в конце концов сунул в карман, явно довольный щедростью гостя. Выходя, Ахола спросил его:

– Скажите, почтеннейший, а спокойно ли у вас в стране?

– У нас-то? Да, боги милостивы, все спокойно. Последний раз на нас финны напали, хотели тут город какой-то устроить, тамошнему царю нас подчинить, да мы отбились. Кажется, лет десять уже прошло. А больше нас никто не трогал.

Ахола вспомнил, как князь Аарне Виртанен десять лет назад решил подчинить себе южный берег Suomenlahti. Шумное было дело. Организовали десант в Лужском заливе, поднялись вверх по Луге до самой

Касколы, долго боролись с местным населением, но кампания эта потребовала таких затрат, что ее вскоре пришлось свернуть и оставить лужские племена в покое. В этой кампании принимал участие и Мерилода, тогда еще лейтенант, да и самого Ахолу она не обошла стороной – он, будучи в чине мичмана, участвовал в знаменитом сражении близ деревни Лаугансуу, когда водины нанесли финнам тяжелейшее поражение и окончательно дали понять, что никому не позволят закрепиться на своей земле. А теперь вот Касколе снова грозит опасность – конечно, не столь серьезная, как десять лет назад, но все же…

Через минуту Ахола снова брел по Лужскому тракту. Теперь сжатые поля простирались уже по обе стороны дороги; по ним, долбя землю клювами, бродили галки.

Через пару километров лес снова подступил к дороге и высился темной стеной слева; по правую руку за неширокой полосой пашни поблескивала серая лента Луги. Здесь от тракта вправо отходила дорога, ведшая к переправе через Лугу. Ахола свернул направо, дошел вскоре до переправы, но переправляться не стал, а пошел по пыльному проселку вдоль берега реки вниз по течению. Справа от него по-прежнему тянулись черные поля Касколы, а слева матово мерцала поверхность реки.

Через некоторое время за поворотом дороги он наткнулся на деревню. Это была маленькая деревушка, пять или шесть домов. Посередине деревни дорогу преграждала обширная грязная лужа, в центре коей с царственным видом дремал грандиознейший боров. Когда Ахола осторожно обходил по краю лужу, боров открыл глаза, высокомерно покосился на него, саркастически хрюкнул, а затем снова смежил свои ясные очи, потеряв к нему всякий интерес.

К наступлению темноты Ахола без особых приключений вернулся в лагерь. Сопровождавшие его часть пути солдаты уже давно вернулись, и Мерилода дожидался лишь его. Как только Ахола вошел в палатку адмирала, тот сразу кинулся к нему:

– Ну, как там? Рассказывайте!

– Неплохо, – спокойно ответил Ахола, усаживаясь на складной стул. – Места, чувствуется, богатые. Сеют в основном рожь, и в этом году урожай, по их словам, выдался хороший. Военных столкновений не было уже десять лет – с тех пор, как Виртанен пытался закрепиться в Лужском заливе. О грозящей им опасности явно не подозревают. Поля во многих местах перерезаны каналами, точнее, канавами, узкими и мелкими; преодолеть их не составит труда.

– Боеспособного населения много?

– Не очень. Меньше, чем нас. Кроме того, видимо, боеспособное население не организовано в какие-либо регулярные отряды.

– Это всего лишь ополчение, – ввернул один из разведчиков.

– Ага! Ну что ж, прекрасно. Ваши сведения сходятся с той информацией, что принесли другие.

В тот же вечер был разработан во всех деталях план нападения. Ложась спать, Мерилода мысленно возблагодарил могучего Туури, что никто в Касколе про них еще не пронюхал. Сигнал отбоя в этот день прозвучал много раньше обычного.

Подъем на следующее утро протрубили тоже очень рано – было еще темно, мерцали звезды. Полная яркая луна еще разливала свой дрожащий неверный свет на лагерь, на болото, заросшее камышами, на березовое редколесье по его краям.

После поспешного завтрака, едва забрезжил рассвет, лагерь начал быстро пустеть – отряды уходили на исходные позиции. Вскоре и самому Мерилоде пришлось покинуть лагерь. Он взял на себя штурм форта Кааль – единственного места во всей Касколе, где находился небольшой постоянный отряд. После недолгого пути между деревьями мелькнули стены форта. Мерилода послал одного солдата на опушку леса и занялся расстановкой войск.

Согласно составленному вчера вечером плану атака должна начаться одновременно по всем направлениям, поэтому командиру батальона, направленного на самые дальние позиции – на восточную границу Касколы, был дан приказ: по прибытии на позицию дать сигнал ракетой.

Расставив солдат и артиллерию, Мерилода в ожидании ракеты принялся рассматривать Кааль. Эта крепость не производила очень большого впечатления. Ее стены были сложены из простых сосновых бревен, из бойниц торчали жерла нескольких пушек, также не выглядевших уж очень устрашающе. Посередине крепости торчала дозорная вышка, на ее вершине мирно спал часовой.

Наконец прибежал посланный им солдат:

– Герр адмирал! Сигнал!

– Наконец-то! – облегченно вздохнул Мерилода, поднял вверх руку с ракетницей, выстрелил – взвилась в небо красная ракета, сигнал к наступлению, – и скомандовал:

– Огонь!

В этот момент часовой на вышке проснулся и поднял тревогу, закричал что-то своим, но его голос заглушил рев выстрелов финских пушек. Первый же снаряд попал в основание вышки. Взметнулся столб пыли и дыма, и вышка медленно, как бы нехотя, стала крениться и, наконец, с тяжелым грохотом обрушилась наземь, вздыбив к серому небу тучи пыли. Другие снаряды, похоже, не нанесли форту серьезных повреждений, ибо на стены его, пока финские артиллеристы заряжали свои пушки, успели

высыпать защитники Касколы и открыли огонь, сначала ружейный, а потом и артиллерийский. Мимо Мерилоды засвистели пули. Счастье ему, что kaskolaiset с перепугу не успели толком прицелиться и их снаряды благополучно пролетели мимо. Адмирал приказал перевести огонь на бастион, где стояли пушки, и после нескольких попаданий тот превратился в кучу хлама. Через образовавшуюся брешь в крепость ринулись финские солдаты, поливая защитников крепости автоматными очередями, безжалостно тратя скудные боеприпасы. Это произвело на водинов сильное впечатление – на счастье финнов, автоматами были вооружены только койвистинская и хеймингская армии, а другие народы о таком оружии могли только мечтать.

Kaskolaiset попытались сделать против финнов вылазку, но едва они открыли ворота, как их тут же парой пушечных выстрелов загнали обратно.

Через час все было кончено. Среди финнов было с десяток раненых, половина гарнизона крепости была уже на том свете (раненых пришлось добить, чтоб не мучились), а другая половина – в рабстве у финнов. Пленных сделали носильщиками – им предстояло нести то, что их новые хозяева награбили в крепости.

Обчистив Кааль, Мерилода со своим отрядом так быстро, как только это было возможно, двинулся на юг по Каальской дороге, а затем по Лужскому тракту. По пути к нему присоединялись другие отряды, гнавшие перед собой более или менее многочисленные группы пленников, также тащивших на себе награбленное добро. Кое-где над полями поднимались столбы дыма – горели деревни.

Быстрым маршем дошли до самого юга Касколы, где их уже дожидался Рантанен со своим отрядом. Здесь люди, у которых в результате всех событий разыгрался голод, смогли наконец утолить его. Вскоре прибыли несколько оставшихся отрядов. Незадолго до вечера Мерилода построил солдат в походный порядок, и войско двинулось на юг, вверх по течению вдоль берега Луги, чтобы до наступления темноты отойти как можно дальше от Касколы. И вновь потянулись однообразные дни похода. Армия шла вдоль Луги по узкой тропе, невесть кем и когда проложенной. Кругом лежали болота, поросшие осинником. Часто приходилось переходить вброд неширокие каналы в лесу. Говорят, их построили в древности предки современных води и ижоры, чтобы осушить болота. Как бы там ни было, но болота так и оставались неосушенными, а каналы медленно зарастали травой и тиной.

Вечером следующего дня после нападения Мерилода на собрании Совета предложил переправиться на левый берег Луги.

– Опасно идти по правому берегу, – сказал адмирал. – Ижора не дремлет и не откажется напасть на нас, особенно если узнает, как мы разорили Касколу.

– По противоположному берегу будет очень трудно идти, – возразил Рантанен. – Он болотист, и там много каналов. Успеем ли мы дойти до обещанного нам Юга до наступления холодов?

– Успеем! – решительно сказал Ахола. – Холода еще не скоро, а переправиться все же надо. Идти с таким войском под самым носом у ижоры действительно небезопасно.

На следующий день все войско, включая и пленных, взялось за топоры и пилы, и по старому сосновому лесу понесся звон металла и треск падающих деревьев. Солдаты, кляня невозможно низкое качество каскольских инструментов, распиливали стволы на короткие поленья, скрепляли их по два, по три подручными материалами, грузили на них мешки с вещами и провизией. Немало пришлось повозиться с пушками – для них сооружали целые плоты. А затем солдаты, раздевшись и привязав узел с одеждой на голову, вошли в воду и поплыли к противоположному берегу, толкая перед собой поплавки с мешками, пушками и прочим. Мерилода, как всеми любимый адмирал, удостоился чести плыть не раздеваясь, верхом на поплавке из четырех бревен, перетянутых канатом.

Вода была холодная. На том берегу солдаты торопливо одевались и разводили костры из наспех собранных веток, чтобы хоть немного согреться.

К полудню переправа была закончена. Теперь опасность от ижоры им не угрожала. Когда люди немного отогрелись после купания, Мерилода отдал приказ строиться и выступать. За этот день они прошли всего несколько километров и остановились на ночь на берегу небольшого ручья, впадавшего в Лугу.

VI. В САБРИИ

...Нет для человека ничего важнее, чем его место. Не нами открыто: каждому человеку – свое место, каждому месту – свой человек. Ничего не может человек без своего места в обществе, в жизни, во Вселенной.

Авл Ювеналий Лонгин. «Комментарий к истории Хейма применительно к современности»

На десятый день похода войско подошло к широкой реке – притоку Луги. Мерилода решил сделать здесь небольшой привал, чтобы дать отдохнуть людям и разобраться, куда идти дальше. Карта указывала, что река, к которой они подошли, называется Саба и вытекает откуда-то с юга. Адмирал подозвал Ахолу.

– Как вы думаете, стоит переходить эту реку? Не хочется как-то снова подвергать людей холодному купанию.

– Мне тоже не хочется, – вздохнул Ахола, – тем более, что по ней и ее притокам можно дойти до тех богатых земель, куда мы и направляемся. Где-то в тех местах живет племя сабров, поэтому река так названа.

– Что за племя такое?

Ахола пожал плечами.

– Насколько я знаю, ветвь водинов.

– Ну что ж, если так, то идем по Сабе.

Идти здесь было намного легче, чем по Луге. Берега Сабы были далеко не такими болотистыми, как лужские. Реже встречались каналы, но зато чаще стали попадаться несомненные следы пребывания людей. В смешанном елово-березовом лесу было легко найти топливо для костров.

На тринадцатый день похода войско остановилось на ночлег в густом сосновом лесу у брода через реку. Мерилода решил дать людям отдых и завтра самому пройти вперед по намеченному пути – на разведку.

Вечером, когда весь лагерь спал, адмирал лежал на охапке сосновых веток и размышлял. Его снова мучило чувство нереальности, невозможности происходящего, и он не знал, как заглушить его, как ответить самому себе, зачем он здесь. Должен ли он выполнить здесь какую-то миссию? Или то, что произошло, – простая несчастная случайность? Почему и зачем он пошел не к хеймингам, не обратно в Койвисто, а именно сюда? Из каких глубин собственной души пришел ему тот ответ, который он дал Ахоле на предложение идти в земли Юга? Мерилода долго вертелся в «постели», ища ответ, но в конце концов его сморил сон.

На следующее утро он рано пробудился и после быстрого завтрака и недолгих сборов в сопровождении двух солдат пошел вдоль реки. Идти было легко, и так же легко было почему-то и на душе у Мерилоды. Сидевшая на высоком огненном кусте рябины птичка, звонко чирикнув при виде незваных гостей, вспорхнула с ветки и стремглав умчалась куда-то, в полете задев адмирала крылом. Ветка, с которой она взлетела, долго еще дрожала, качаясь и рассыпая капли дождевой росы с потемневших, увядших листиков и с ярко-оранжевых гроздьев осенних ягод.

В пути им пришлось преодолеть несколько мелких ручьев, что, впрочем, не составило большого труда. Вскоре лес стал редеть, и наконец перед путниками открылось широкое пространство громадного озера. Его серые воды отражали в себе такое же серое облачное небо. По поверхности озера бежали легкие волны. По берегам возвышались медно-красные сосны, а на другом берегу сквозь туманное марево виднелись высокие лесистые холмы. Слева, примерно в километре, виднелась на берегу маленькая деревушка. Адмирал двинулся туда.

Встречать гостей высыпало все население деревни. После взаимных приветствий гости были приглашены в самый богатый ее дом. Мерилода подивился тому, насколько их речь похожа на тот язык, на котором сам адмирал говорил когда-то в детстве. Угощали их так, что адмирал сразу сообразил – местные жители безболезненно смогут уделить от щедрот своих даже толпе финнов с их пленниками.

– Вы, я вижу, богатый народ, – полувопросительным-полуутвердительным тоном заметил Мерилода хозяину после обеда.

– Ну, – засмеялся польщенный хозяин (он же – один из старейшин деревни), – живем, не жалуемся. Рыбу ловим, в лесу ягоды, грибы, травы собираем, охотимся, да еще вот зерно покупаем иногда у вердужан.

– Кто такие вердужане?

– Да племя такое. Они там живут. – Хозяин махнул рукой на юго-восток. – Вот за теми холмами их земля.

– А как ваш народ называется?

– Сабры. Вокруг озера обитаем.

– А спокойно ли у вас здесь?

Хозяин помрачнел.

– Нет, неспокойно. Вердужане иногда нападают, да по лесам разбойники шатаются, бродячие словене. Иногда мы их побиваем, иногда они нас.

– Печально, – посочувствовал Мерилода. – Но я могу предложить вам свою помощь. Дело в том, что я – вождь большого бродячего племени. Мы были изгнаны из своей страны и теперь идем, куда глаза глядят, но нас много, и мы очень хорошо вооружены.

– А сколько вас? – спросил заинтересованный хозяин.

– Примерно семь сотен.

– Ой, но вас очень много, нам не прокормить вас, ведь зима на носу!

– Продовольствие можно награбить. Скажем, у тех же вердужан.

– Хм… Здесь надо собрать старейшин всех сабров. Завтра дадим ответ.

– Хорошо. Тогда завтра я приду сюда со своим народом. Если вы согласитесь, мы останемся, если нет – пойдем через ваши земли дальше на юг.

На этом переговоры были закончены. Мерилода встал, вежливо раскланялся со старейшинами и покинул деревню.

Настроение у него было теперь далеко не такое радужное, как тогда, когда он сюда шел. Его народ измотан долгим походом, и неизвестно, какой оборот примут события, если сабры не пустят их в свою землю.

А ведь эти сабры не кажутся диким народом. У них хорошие просторные дома, одеты они в удобную, добротную льняную одежду, да и питаются, судя по всему, неплохо, тогда как все остальные племена в этих диких голодных землях, даже поддерживаемая хеймингами ижора, живут так же, как население острова Нерва, который Мерилода однажды посетил (боги, как давно это было!). С сабрами наверняка можно будет договориться. Погруженный в такие размышления, Мерилода дошел до лагеря, забрался к себе в палатку и вызвал Рантанена. Тот вскоре явился.

– Вызывали меня, адмирал?

– Да. Дело в том, что нам, возможно, предстоит новая военная операция. Каково настроение в войске?

– Люди очень устали и недовольны тем, что мы все идем и идем, а долгожданных богатых земель все не видно.

В этот момент в палатку вошел Ахола.

– И действительно, – продолжал Рантанен, – когда мы придем, наконец, в земли, обещанные господином Ахолой?

– Мы уже пришли, – спокойно ответил адмирал.

– Уже? – удивленно спросил Рантанен. – Как это?

– Я только что был на разведке и выяснил следующее. В одном дне пути от нас, как вы и говорили, живет племя сабров. Это рыболовы, охотники, собиратели. Зерно покупают у соседей. Племя не отличается силой, и наше оружие и наши воины им отнюдь не помешают. Правда, этой своей выгоды они еще не понимают, поэтому нам, вероятно, придется им это объяснять, причем, возможно, посредством оружия, так что надо готовиться к стычке, и не одной. По силам ли нам это?

– По силам, – решительно ответил Ахола. – Хотя я не исключаю, что они, увидев нас, сами откажутся гнать нас из своей земли, хотя бы уже для того, чтобы не заставлять нас силой отнимать у них землю.

– Ну хорошо, – вздохнул Мерилода. – Тогда передайте командирам подразделений: завтра выступаем как всегда. И пусть будут готовы к возможным вооруженным нападениям.

Приготовления к походу на следующее утро заняли несколько больше времени, чем обычно: воины чистили и смазывали оружие, артиллеристы возились с пушками. По-прежнему моросил дождь, в воздухе пахло дымом. Вскоре войско было построено и выступило в поход. Мерилода твердо решил, что это будет последний день похода. Он не меньше своих подданных устал брести по лесным чащам и непроходимым болотам невесть куда, не зная, когда и как все это кончится. Извивалась по насквозь пропитанным влагой мхам и желтым осенним травам узкая, едва заметная тропа, тихо журчала протекавшая рядом река, но адмиралу не было до этого решительно никакого дела. Он до того устал, что шел совершенно машинально, просто потому, что оставаться на одном месте не имело смысла.

Все же до Саброзера финны дошли еще до наступления темноты и встали лагерем на берегу озера, там, где из него вытекал ручей, впадавший в Сабу, в том месте, где Мерилода вышел вчера на берег озера. Озеро выглядело так же, как и вчера: неподвижное, серо-стальное, подернутое дымкой дождя.

Едва установили палатки, к адмиралу подбежал адъютант:

– Герр адмирал! Пришли какие-то люди, говорят, местные старейшины, вас требуют.

– Ага, прекрасно! Зови их сюда.

Через пару минут в адмиральскую палатку вошли несколько мужчин в традиционных водских кафтанах и высоких шапках. Вошедшие были седобороды, с неспешными, полными достоинства движениями, выдававшими в них правителей этих скудных мест, и одежда их тоже свидетельствовала об этом: сшитые из отлично выделанной кожи мягкие сапоги с загнутыми носками и кафтаны из плотного, теплого сукна, отороченные мехом и подвязанные богато расшитыми цветным бисером кушаками, – такие адмирал видал у правителей водских и эстонских деревень. Мерилода, загодя успевший посовещаться с Ахолой относительно местных обычаев, пригласил их сесть. Немедленно были внесены складные столы, на них были расставлены разнообразные блюда, не требовавшие долгого приготовления. Мерилода извинился перед гостями за то, что не все яства еще успели приготовить, и предложил для начала отведать холодных закусок.

Пир затянулся до темноты. Лишь по его окончании адмирал, поглядев на сытые физиономии старейшин, решил заговорить о деле.

– Итак, господа, – сказал он, – вы, я вижу, пришли ко мне с весьма серьезным делом.

– Совершенно верно, – произнес один из старейшин – судя по важному виду и богатству одежды, самый главный из них. – Мы хотели бы попросить вас не задерживаться надолго в наших землях. Сабры – народ небогатый, и нам просто не по силам прокормить вас в течение долгого времени.

– Боюсь, что это невозможно, – вздохнул адмирал. – Мой народ устал, и если я попытаюсь заставить его идти дальше, он взбунтуется, откажется мне подчиниться и останется здесь, чего бы это ему ни стоило.

Старейшины запротестовали:

– Но ведь если вы останетесь здесь, вы погубите и себя, и нас. Мы просто не дотянем до следующего урожая!

– А соседи ваши на что? Ведь можно их пограбить. Их от этого не убудет, а мы достанем себе пропитание.

– Но у нас очень сильные соседи!

– Против наших пушек и пулеметов никакая сила не устоит. Помимо этого, мы можем защитить сабров и от слишком воинственных соседей, и от бродячих племен.

Препирательство продолжалось до позднего вечера. Обе стороны приводили едва ли не тысячи аргументов. На помощь Мерилоде, едва выдерживавшему натиск старейшин, пришли Ахола и Рантанен. В конце концов охрипший и взмокший адмирал махнул рукой и сказал:

– Вот что, господа: утро вечера мудренее. Продолжим переговоры завтра.

Он вызвал адъютанта, приказал ему устроить старейшин на ночлег и сам отправился спать.

На следующее утро переговоры продолжились, но с успехом не большим, чем вчера. Мерилода спорил со старейшинами до самого обеда, но наконец потерял терпение и заявил:

– Мы не уйдем отсюда никогда. Вам не остается ничего другого, кроме как смириться и принять это как должное. Если сами не захотите делиться с нами вашей землей и дарами ее, мы все это возьмем силой. В будущем вы, я думаю, сами поймете все ваши выгоды от нашего присутствия здесь.

Затем в адмиральской палатке был накрыт стол и подан роскошный, насколько было возможно, обед, после которого старейшин со всякими церемониями выпроводили из лагеря. Мерилода наконец вздохнул спокойно и приказал заняться сооружением постоянных жилищ.

Вскоре берег Саброзера огласился стуком топоров, шорохом ссыпаемой в кучи земли и голосами людей. Строительство началось. Почва здесь была хорошая, удобная для сооружения разного рода построек. Предполагалось построить для начала несколько больших домов типа казарм и обнести их крепостной стеной. Впоследствии, когда финны начнут обзаводиться семьями, будут строиться отдельные дома, но на первое время хватит и этого. Инструменты пришлось частично позаимствовать у сабров, которые поначалу не очень стремились их одалживать, но были переубеждены вескими аргументами в виде финских ручных пулеметов.

* * *

Нормализации отношений между финнами и сабрами помог случай. На пятый день пребывания на Саброзере рано утром, сразу после завтрака, в финский лагерь самолично явился один из старейшин ближайшей деревни – той самой, в которую Мерилода ходил на разведку. Едва завидев адмирала, старейшина бросился к нему:

– О! Адмирал! Князь! Царь! Спаси нас, ради всех богов! На тебя одна надежда!

Мерилода удивлено поднял брови:

– Что случилось?

– Грабят! Явились из леса разбойники и грабят деревню!

– Их много?

– О-о! Человек двести…

Адмирал мысленно похвалил себя за то, что постоянно держал один батальон в боевой готовности. Он подозвал адъютанта и приказал трубить тревогу, затем, остановив пробегавшего мимо Ахолу, приказал ему:

– Я ухожу по тревоге к сабрам. На них напали. Останетесь здесь за старшего.

Отряд тем временем успел построиться и вслед за адмиралом и старейшиной почти бегом, с оружием наперевес двинулся по берегу озера.

По дороге Мерилода расспрашивал старейшину:

– Кто это такие – те, кто на вас напал?

– Известно кто – разбойники!

– На каком языке разговаривают?

– На словенском… О-о!

– Чем вооружены?

– Саблями, ножами. У них даже ружья есть! О, горе!

Мерилода посмотрел на старейшину с легкой усмешкой: комично-трогательное зрелище представлял этот маленький седобородый дед, с

носом-пуговицей, покрытым испариной, семенивший рядом с адмиралом, путаясь в полах кафтана, пыхтя, охая и стеная.

Минут за двадцать они добежали до деревни. В деревне творилось невообразимое. Люди в странных одеждах, не похожих ни на финские, ни на сабрские, рубились на мечах с сабрами, волокли на себе мешки, тащили награбленное добро. Огонь с голодным урчанием пожирал стены сараев, и над деревней поднимались косматые клубы сизого едкого дыма. По улицам в панике метались куры, оглушительно лаяли собаки, едва успевая уворачиваться из-под ног рубящихся на мечах мужчин и с причитаниями бегавших по деревне растерянных женщин, блеяли испуганные овцы, мычали коровы, но все это перекрывал злобный рык человеческих голосов.

Мерилода сорвал с предохранителя предусмотрительно захваченный с собой автомат и с воплем «Бей бандитов!» всадил очередь в лоб выскочившему прямо на него из дверей дома грубому глыбообразному мужику в рваном и грязном словенском зипуне. Череп бандита треснул, брызнул во все стороны мозг, и полуобезглавленный труп тяжело рухнул на землю, заливая пыль кровью. Солдаты, которым Мерилода еще по дороге на ходу объяснил, что происходит, кого надо рвать и куда метать, рассеялись по деревне. Отовсюду послышались очереди автоматов, вопли, стоны. Несколько бандитов с ружьями засели в прибрежных кустах ивняка и вели оттуда прицельный огонь. Однако они сильно заблуждались, полагая, будто это им сойдет с рук. Кто-то из солдат бросил в ивняк гранату. Ухнул взрыв, взлетели кровавые ошметки… Больше из кустов не раздавалось ни одного выстрела.

Сабры, увидев столь мощную поддержку, приободрилось и принялись бить бандитов с удвоенной силой. Вот здоровый детина-сабр протащил куда-то на вилах одного из разбойников. Мерилода подивился тому, что зубья вил были воткнуты бандиту в затылок («Это ж надо умудриться так воткнуть!» – подумал адмирал). Бандит извивался, безуспешно пытаясь сняться с вил, и издавал нечленораздельные звуки, а детина злорадно ругал его очень нелестными словами. Чуть поодаль двое финнов ударами штыков гнали из деревни нескольких пленных бандитов.

Вскоре все было кончено. У ног Мерилоды валялось шестеро пленных, неподалеку были свалены в кучу убитые бандиты. Среди финнов и сабров убитых, как ни странно, не было; их потери составляли всего лишь несколько раненых. Пострадала деревня: выбитые стекла в окнах, сломанные двери, рассыпанное по земле зерно, несколько сгоревших сараев. «Ничего! – подумал адмирал. – Восстановим!». Он велел принести сюда жаровню и клещи, которые по его приказу один из солдат стал накаливать на углях. Когда клещи раскалились докрасна, Мерилода указал на них лежавшим связанными бандитам и сказал:

– Видите эти клещи? Вас никогда не пытали раскаленным железом? Вижу, что нет. Так вот, мне от вас нужна правда и только правда, иначе…

Он не договорил и лишь многозначительно ухмыльнулся, не отводя взгляда от лиц бандитов. Те хмуро смотрели в землю.

– Так что, – спросил адмирал, выдержав паузу, – будете говорить?

– Угу, – промычал один из разбойников, не поднимая глаз.

– Хорошо. Итак, велик ли ваш обоз?

Эти шестеро недаром были пойманы в кустах, где они безуспешно старались спрятаться от праведного гнева финнов и сабров. Бандиты ответили почти в один голос:

– Велик, очень велик. Человек триста.

– Кто остался в обозе?

– Женщины, дети, остальные мужики – человек двести с лишним.

– Где они?

– Недалеко отсюда, на Черном ручье, около его устья.

– Прекрасно, – пробормотал Мерилода, заглянув в планшет и найдя на карте названное место. – Сколько бандитов погибло в схватке? – обратился он к адъютанту.

– Пятьдесят два человека ровным счетом. Остальные, видимо, разбежались.

– Прекрасно, – повторил Мерилода. – Я оставляю вас здесь с солдатами. Будете охранять сабров. Я возвращаюсь в лагерь и беру с собой пленных.

Через несколько минут он покинул деревню в сопровождении нескольких солдат и пленных.

Лагерь он нашел в состоянии полной боевой готовности, что немало его порадовало. Ахола, встревоженный известием о нападении на сабров, принял меры предосторожности, хотя, пожалуй, несколько перестарался, ибо поднял на ноги весь лагерь. Все финны вооружились, были возведены временные заграждения и укрытия, часовых по периметру лагеря стояло раза в три больше, чем обычно.

Мерилода сразу же вызвал к себе Ахолу:

– Я беру с собой один батальон. Из этих вот шестерых одного беру с собой, за остальными присмотрите вы.

– Но куда вы направляетесь?

– На Черный ручей.

– Где это?

– Рядом. Там у бандитов обоз.

– Но зачем вам обоз?!

– Скоро узнаете. Ладно, не будем тратить время на расспросы.

Небольшой отряд Мерилоды бандит повел тропой, неизвестной финнам. Она шла через лес севернее того пути, по которому они пришли сюда. Перед отправлением адмирал предупредил проводника, чтобы тот не пытался бежать и завести их невесть куда:

– Учти, что стреляю я неплохо и обещаю тебе в случае попытки побега провертеть несколько больших дыр в твоей многоумной голове. А если ты нас заведешь куда-нибудь в чащу или в болото, то пожалеешь, что не попытался бежать, ибо в этом случае твоя смерть пришла бы быстрее и была бы менее мучительной.

До смерти перепуганный разбойник ничего не понял в этой замысловатой речи, но пообещал делать все, что ни потребует Мерилода, и теперь они шли по размокшей от долгих дождей тропе, на которой явственно отпечатались следы множества ног. Но вот ветер донес до них запах дыма. Адмирал послал одного из солдат вперед на разведку. Тот примерно через час вернулся и рассказал, что действительно нашел у ручья обоз, причем он находится на том же самом берегу, что и финны («А эти словене излишне самоуверенны!» – подумал Мерилода), что в обозе действительно больше двух сотен человек, из коих около полутора сотен – вооруженные мужчины, остальные – женщины и дети. Нападения они совершенно не ожидают. Самое же интересное заключалось в том, что обоз стоял не на самом берегу ручья, а немного поодаль от него, что в случае нападения затрудняло любую попытку добраться до брода.

Мерилода приказал отряду разделиться на пять частей и с пяти сторон медленно подкрадываться к разбойничьему обозу. Вскоре можно было уже ясно различить стоящие между деревьями палатки бродящих вокруг них людей, никто из которых, похоже, даже не подозревал об опасности. Только когда отряды Мерилоды бросились в атаку, разбойники заметили их, но было поздно. Послышался треск пулеметных очередей, запищали дети, завопили женщины, повскакивали со своих мест мужчины (некоторые из коих были тут же сражены меткими финскими пулями), но через несколько минут обоз был в руках воинов Мерилоды. Женщины и дети забились в палатки, и оттуда теперь доносились плач и причитания. Обезоруженные бандиты столпились посреди своего лагеря, вокруг них стояли финны, недвусмысленно направив в их сторону дула своих пулеметов.

Адмирал подозвал к себе проводника:

– Ваш атаман здесь?

– Нет, он сам в наших операциях участия не принимает.

– Тогда пойди, найди всех остальных и вашего главаря и веди их сюда. Расскажи обо всем случившемся и предупреди, что если они

попытаются снова на кого-нибудь напасть или не поторопятся сюда, я расстреляю всех, кто находится в моей власти.

Проводник убежал, а Мерилода сел у костра и взялся за еду – с утра он успел жутко проголодаться.

Ожидать главаря бандитов пришлось долго – до самого вечера. Атаман появился, лишь когда начало темнеть, и долго, с удивлением и тревогой смотрел на свой захваченный лагерь. Адмирал приветствовал его и сразу перешел к делу:

– Видите, что случилось с вашими людьми? Так вот, вы все сейчас у меня в руках. Мои условия таковы: вы должны пойти к вердужанам, или на север, или вообще куда хотите – кроме земель сабров, разумеется, – и награбить там продовольствия столько, сколько я прикажу. С этой целью я отпускаю всех мужчин вашего племени и даю им оружие, но помните: ваши жещины и дети остаются у меня заложниками. Сбежите – продам их в рабство. Принесете слишком мало – буду держать их у себя до тех пор, пока не получу всего, что хочу. Попытаетесь напасть на мой народ или на сабров – расстреляю их.

– Всех? – с ужасом спросил бандит.

– Всех.

– И детей?

– И детей.

– Сколько мы должны принести? – с дрожью в голосе спросил атаман. Мерилода усмехнулся и назвал цифру. У атамана глаза на лоб полезли:

– Не губи, царь! Где же мы столько достанем?!

– Не знаю, – равнодушно пожал плечами адмирал. – Только от условий своих я не отступлюсь. Засим считаю аудиенцию оконченной. – И он, погрузившись в свои мысли, повернулся спиной к атаману. Тот хотел было возразить, но тут рядом с ним вырос солдат, навел на него дуло автомата и кивком головы приказал идти. Он привел атамана на границу лагеря и велел ждать. Через некоторое время туда же под охраной нескольких финских воинов подошла и те полторы сотни бандитов, что были оставлены для охраны. Все они были вооружены. Один из финнов указал пальцем на темноту леса и произнес коротко:

– Menkää tiehesti![1]

Бандиты ничего не поняли, но жест был красноречивее слов. С тяжелым вздохом атаман двинулся во тьму осеннего леса, а за ним потянулись и остальные разбойники.

[1] Убирайтесь отсюда (*финск.*).

А в захваченном финнами лагере часовые всю ночь вглядывались в темноту, готовые в любую минуту поднять тревогу в случае нападения. Но все было тихо.

Утром адмирал приказал свернуть разбойничий лагерь и гнать заложников в лагерь финнов. Снова заплакали дети, запричитали женщины, но финны, не обращая внимания на вопли и плач, грубо погнали их вперед.

До Саброзера дошли без приключений. Мерилода был очень доволен собой. Ведь теперь сабры будут смотреть на финнов совсем другими глазами! А главная заслуга в этом принадлежит самому Мерилоде.

Пленников, чтобы легче было за ними присматривать, поместили в строящейся крепости, точнее, в той ее части, что уже была построена. Едва адмирал разобрался с пленными, к нему явились сабрские старейшины.

– Досточтимый адмирал! Примите наше почтение и нашу благодарность за спасение сабров от разбойников. Как мы могли бы отблагодарить вас?

Адмирал, восхищенный изысканной учтивостью старейшин, ответил не менее вежливо:

– Премного благодарен вам, многоуважаемые! Единственное, чего нам хотелось бы – это вашего позволения остаться здесь навсегда.

Старейшины переглянулись, как бы удивленные тем, что он так мало запрашивает, и согласно закивали:

– Да, да, конечно! Мы ведь не можем изгнать своих спасителей!

Наконец один из них, не сдержав разбиравшего его любопытства, спросил:

– А что же вы сделали с разбойниками?

Мерилода самодовольно улыбнулся и рассказал им о захвате разбойничьего обоза и о своей беседе с атаманом. Последнее вызвало у старейшин бурю восторга, и этот эпизод адмиралу пришлось пересказывать дважды.

Наконец старейшины, довольные, ушли, а Мерилода направился в строящуюся часть крепости наблюдать за ходом работ.

Не то угроза все же подействовала на разбойников, не то атаман нагло врал, говоря, что не в силах собрать такой выкуп, но как бы там ни было, а через пять дней выкуп был Мерилоде предоставлен, причем по разбойникам нельзя было сказать, что добыча его потребовала от них очень больших усилий. Мерилода даже пожалел, что запросил слишком мало. Мешки с провизией сгрузили в крепости, затем адмирал приказал выпустить заложников, и все племя, настороженно косясь на пулеметы в руках финнов, спешно покинуло землю сабров.

За это время в лагере финнов успели произойти большие изменения. Достраивалась крепость, были готовы уже жилые корпуса, строились стены,

башни, склады. Сабры после истории с разбойниками стали относиться к финнам много дружелюбнее, чем раньше. Судя по обрывкам разговоров, слышанным Мерилодой, кое-кто из его подданных успел уже покорить сердца местных дам. Такой прыти адмирал мог только порадоваться – значит, отношения с сабрами скоро совсем нормализуются, а где-нибудь через год можно уже ожидать потомства. Неплохо для начала! Ведь и у него самого тоже есть сын… или дочь… кажется, где-то в Иоханнесе… или на Кеттусаари… а может, и еще где-то…

Мерилода недавно дал их поселению название – Suomenlinna[1]. Сами сабры это название не принимали и говорили, например, так: «Иду к финнам».

В начале зимы строительство было закончено. Крепость была готова. Ее четыре бревенчатых башни возносили свои крыши на высоту двенадцати метров. Башни были соединены между собой стенами четырехметровой высоты, сложенными тоже из сосновых бревен. В южной стене, смотревшей в сторону озера, были сделаны ворота, защищаемые с двух сторон небольшими эркерами. Внутри крепости располагались несколько больших зданий – жилые корпуса. Внутри они были разделены на маленькие комнатки, в коих и обитали подданные Мерилоды. Помимо жилых корпусов, там располагались также несколько зданий поменьше – склады продовольствия, оружия и так далее – и отдельный дом адмирала. Подойти к крепости незамеченным было невозможно, ибо лес на довольно большом пространстве вокруг строительной площадки был вырублен на бревна. Образовавшаяся в результате обширная поляна была достаточно велика, чтобы любой, кто бы ни появился на ней, был сразу замечен часовыми на вершинах башен. В будущем это пространство должно было быть расширено в связи со строительством отдельных домов и расчисткой земли под пашню.

[1] Финская крепость (*финск.*).

VII. НОЙД

Одно из самых загадочных понятий в мифологической географии древних ингрийцев – «пустые земли». Это земли за пределами обжитого мира, населенные чудовищами и нежитью, но трудно говорить о них в терминах обычных расстояний в пространстве. Порой «иным миром» может оказаться и двор твоего же дома, или баня, или овин, или даже собственная твоя душа.

Ари Ярхо. «Лекции по древнеингрийской истории»

Стоял скучный октябрьский вечер. Ветер гонял по двору крепости хороводы желтых березовых листьев, выл, стонал и плакал в безвестных небесных высотах, рвал оголенные ветви деревьев. По небу, гонимые ветром, мчались серые косматые тучи, а над ними в самой высоте висел грязно-желтый плат сплошных облаков, закрывших синеву небес плотной глухой пеленой. Накрапывал дождь. Под тучами летели стаей черные точки – старуха Хейхенейкко гнала свои стада на дальний неведомый юг, в страну Линнумаа, где никогда не кончается лето и никогда не бывает бед.

Адмирал Мерилода стоял у окна, смотрел на эти листья, на сосны, видневшиеся из-за стен форта, и прислушивался к потрескиванию огня в печи. На память ему пришел такой же вечер в далеком Койвисто, в его доме, когда дождь поливал осенние цветы и кусты смородины. Сейчас над Саброзером шел точно такой же дождь, но ни цветов, ни смородины под окнами уже не было, и дождь поливал пыль во дворе крепости. Да и дом его в Суолайтури был отделен от него многими днями пути по непроходимым чащам ижорской и водской земли, по коварным, топким болотам, через широкие холодные реки, по берегам серых стылых озер. Печальная земля под печальным небом… На Мерилоду внезапно нахлынула тоска. Именно нахлынула – как будто окатили из ведра жидкой ледяной болью. Он сжался, съежился и едва не застонал. «Боги, боги! для чего я здесь? зачем я?». Вокруг расплескалась жгучая холодная пустота – чужой мир, чужая жизнь, в которую он вторгся непрошеным гостем, ненужным и нежеланным. Жили сабры тысячу лет без него – и еще тысячу прожили бы. И какой злой дух бросил его сюда, в эту унылую страну, в болота и молчаливые леса, от привычного простора моря, от волн и дальних берегов? Малая его родина, островок в Финском Заливе, разорена и пуста. Койвисто, вторая его родина, навсегда теперь для него недоступна. Как он вернется туда, где сидит на престоле это чудовище Виртанен и только и ждет, чтобы Мерилода очутился в его власти? Бездомный бродяга, лишний всем и никому не

нужный. «И где же мой дом теперь?». И холод внутри – словно было там что-то теплое, живое, и бежали еще так недавно по жилам струйки тепла – когда шла страшная железная армада покорять Хеймсстадир, когда дрожала под ногами стальная палуба и ревели внизу, как поздемные демоны, моторы кораблей – а теперь там, внутри пустота, словно вынули теплое и живое, оставив там зияющую рану. И как найти это теплое и живое – никто не знает.

– Боги, что мне искать?!

Наконец усталость после сегодняшнего тяжелого дня дала себя знать. Мерилода разделся и лег в кровать, свернувшись комочком под одеялом, чтобы согреться. Засыпая, он подумал, что у сабров должны быть какие-нибудь жрецы, гадатели, и надо бы их завтра разыскать. И сразу же погрузился в сон.

На другой день, едва проснувшись, Мерилода вспомнил о принятом вчера решении найти гадателя и, встав с постели, сразу же послал гонца в ближайшую деревню. Адмирал еще завтракал, когда гонец вернулся. Но сообщил посланный им человек неутешительные вести: у сабров в этой деревне действительно был нойд, но недавно он умер, а на его место еще никого не выбрали. Правда, была новость и более приятная: сабры за свое спасение могли бы попросить помочь Мерилоде своего верховного нойда. Может быть, его придется довольно долго упрашивать – он человек занятой и неприветливый – но они могут сделать ради Мерилоды и это. Адмирал, поразмыслив, согласился, и гонец снова убежал к сабрам, чтобы сообщить им его решение.

День тянулся для Мерилоды мучительно долго. Он то валялся дома на кровати, бесцельно глядя в потолок, то стоял на вершине одной из башен крепости, созерцая серые воды озера. Оно было таким удивительно спокойным, но спокойствие это отнюдь не передавалось адмиралу. Какова его судьба? Что скажет жрец в ответ на его просьбу о помощи?

Однако, вопреки всем ожиданиям, особо упрашивать жреца не пришлось. Под вечер вернулся гонец с приглашением посетить завтра утром дом главного нойда в туманных холмах, вершины которых поднимались над лесами за озером. Мерилода, естественно, сразу же согласился, хотя плата, запрошенная нойдом, оказалась очень большой.

На следующий день после завтрака адмирал покинул крепость. В освобожденной им деревне ему дали проводника к верховному жрецу, и они, захватив с собой угощение для духов и плату, двинулись в путь.

Дорога лежала вдоль берега озера. В воздухе стоял слабый запах тины, журчали волны, набегая на берег, слабо шуршали шаги по ковру мхов. Идиллическая картина! Но вскоре дорога вместе с берегом резко свернула направо. Справа от путников (точнее говоря, паломников) по-прежнему

лежало невозмутимое серое Саброзеро, но слева теперь нависали крутые склоны холмов. Лес здесь был заметно гуще, и тропа то петляла между деревьями, то прижималась к самой воде. Шелестели под ветром прибрежные камыши, глухо ревел лес. «Да, именно в таких местах должны жить нойды», – подумал Мерилода.

От озера дорога шла все время в гору и была очень неровной. Путь то и дело пересекали промоины, сама же тропа совершенно размокла и раскисла от дождей. Путники поднимались по склону холма; вершина становилась все ближе. Проводник, ранее уверенно ведший адмирала за собой, теперь шел медленно, шаг его стал нерешителен, но не потому, что он не знал дороги, а, видимо, потому, что место, к которому они приближались, было для сабров совершенно особенным. Эта гора была самой высокой в их стране. Мерилода, кажется, где-то слышал, что, по верованиям сабров, на ее вершине живут (или, во всяком случае, часто спускаются на нее) боги и небесные духи. Кажется, даже само это место почиталось как особый дух или бог. Жить здесь сколь угодно долгое время мог только особенный человек, простым же людям, не умеющим общаться с богами, следовало по возможности избегать этого места, а если и заходить сюда, то только по очень веской причине, и не задерживаться дольше, чем необходимо.

Скоро проводник вывел Мерилоду к вершине. Она представляла собой обширную поляну, со всех сторон окаймленную лесом. Высокие сосны взбегали по склонам холма, но до вершины не добирались, и поэтому с нее открывался, вид на всю страну сабров.

Проводник тронул адмирала за рукав и указал куда-то в сторону. Мерилода взглянул в указанном направлении и увидел, как по тропинке, бежавшей по краю леса от небольшого домика на опушке, к ним приближается человек. Это был старик с длинной густой бородой с проседью, одетый в длинный сабрийский кафтан и такую же, как и у старейшин, высокую шапку. Едва завидев старца, проводник пал ниц, Мерилода на всякий случай последовал его примеру, хотя в облике нойда не было ничего особенно угрожающего – обыкновенный старик, малого роста и, вероятно, не такой уж сильный.

Шаги старика приблизились, и властный голос сказал:

– Встаньте!

Они встали с трепетом. Нойд указал на Мерилоду длинным костлявым пальцем и произнес так же властно:

– Иди за мной!

После чего повернулся и пошел по тропинке к дому. Адмиралу не оставалось ничего другого, как последовать за ним.

Дом нойда скрывался среди буйно разросшихся кустов рябины и старых яблонь, и только крыша его виднелась над верхушками деревьев. Мерилода ожидал увидеть здесь богатое древнее святилище вроде того, какое находилось в Койвисто, на границе Валланлиннской долины, – главный храм, в котором приносили жертвы могущественным богам – покровителям княжеского рода. Но ничего подобного здесь не было – простой дом из почерневших от времени бревен, чуть покосившийся от старости, с подслеповатыми окнами, затянутыми бычьим пузырем, с простым крыльцом даже без козырька над ним.

Внутри тоже не было ничего такого, что могло бы, по мнению Мерилоды, свидетельствовать о принадлежности хозяина к нойдам: большая неуклюжая печь, стол, лавки вдоль стен. Мерилода, нагнувшись, чтобы не удариться о притолоку, вошел вслед за нойдом в дом и стал посреди единственной комнаты, с любопытством оглядываясь. Нойд явно жил один: здесь не было грязно, но все в доме казалось чуть-чуть неухоженным – таким, как обычно бывает в домах старых убежденных холостяков.

– Ну, зачем пришел? – спросил жрец, сняв шапку, сбросив кафтан и садясь на лавку.

Мерилода смутился. Он как-то даже не подумал, что для того, чтобы получить осмысленный ответ от богов и духов, надо точно и четко сформулировать вопрос. Действительно, что он может спросить у духов? Что они могут знать такого, что не знал бы он сам?

– Чего ждешь? – поторопил нойд. – Говори!

Голос его был глубоким, с хрипотцой. Он говорил со странным акцентом, который Мерилоде еще никогда не случалось слышать. Сабры уверяли его, что их главный жрец – саам по происхождению, и это тревожило Мерилоду и одновременно вселяло в него необъяснимую и неопределенную надежду: саамы славились как сильные и искусные, но очень коварные колдуны. Некстати, как обычно, вспомнился Йоукахайнен из «Калевалы» – лапландец, с которым сражались герои священного эпоса, и старуха Лоухи – хищная и страшная хозяйка Севера.

– Хм… Вы знаете, – начал Мерилода, – я был изгнан из своей страны…

– Слышал, слышал, – проворчал нойд, брезгливо скривившись. – Выставили за то, что ты им там всем мешал. Знаю. Так обычно и делается.

Мерилода хотел было спросить, где и кем еще, кроме подлеца Виртанена, так делается, но не стал.

– В общем, – сказал он, почему-то смущаясь, – один из моих помощников предложил мне идти сюда, на юг, а я, сам не знаю почему, согласился…

– А! – Нойд криво усмехнулся. – И ты, значит, хочешь знать, почему ты согласился, хотя мог бы пойти куда угодно еще?

– Да, – кивнул головой адмирал. – И еще я хотел бы знать, почему я потерпел поражение в той битве… и что меня ждет дальше.

– Дальше? – Нойд был, казалось, чем-то недоволен. – Это когда?

– Ну, хотя бы на ближайшие лет пять.

– А сам-то ты гадать не умеешь разве? – с ноткой удивления в голосе спросил нойд.

Мерилода в ответ только отрицательно покачал головой. На мгновение ему показалось, что он вернулся в прошлое, в далекое безвозвратное детство, и выпрашивает что-то у отца, а тот, недовольный его просьбами, раздумывает – давать или не давать. По крайней мере, именно отца напомнил сейчас адмиралу этот старик.

– Так ты хочешь, чтобы я погадал для тебя? – спросил нойд.

Мерилода снова отрицательно покачал головой. Нет, ему уже гадали – вдова жреца из деревни. И ничего осмысленного она сказать не смогла.

– Нет, – ответил адмирал. – Я хочу, чтобы вы спросили богов…

– Богов? – Нойд нахмурился. – Да знаешь ли ты, в каких случаях полагается обращаться к богам?

– Знаю, – сказал адмирал почти умоляюще и сам себе удивляясь – в других обстоятельствах он просто заставил бы жреца делать то, что ему приказывают. И тут же сам себя поправил: «Нет, этому нойду никто не смог бы приказывать».

– И ты не боишься? – спросил старик.

Мерилода пожал плечами.

– Боюсь. Но что мне еще остается?

Нойд ничего не ответил. Встал, откашлялся хрипло и грубо и скрылся за печью.

– Ладно, – донесся оттуда его голос. – Позову богов и духов. Может быть, твое дело действительно стоит того.

За печью послышалась возня, что-то упало с сухим деревянным стуком, нойд вполголоса пробормотал проклятие и вышел из-за печи. В руках у него были большой овальный бубен с колотушкой и несколько грубо вытесанных из дерева звероподобных фигурок.

– Ты знаешь, какую плату я возьму с тебя? – сказал он.

– Знаю, – кивнул головой адмирал. Цена была, что и говорить, немалая, но Мерилода больше не мог мучиться от неопределенности.

– Ну хорошо, – ответил нойд. – Угощение для духов принес?

Мерилода молча указал на узелок, в котором находились кошелек с серебряными марками, туесок с вареным кабаньим мясом и горсткой каши, кусок хлеба и фляга с местным мутным и кисловатым пивом.

Нойд развязал узелок, пересчитал марки и удовлетворенно кивнул.

– Подожди здесь, – сказал он, надел кафтан и вышел. Со двора донесся его голос, приказывавший что-то мужику, с которым адмирал пришел сюда, но что говорил жрец, Мерилода не слышал, – от странного, резкого и неприятного запаха, стоявшего в избе, его слегка мутило, а еще больше мутило от неопределенного мистического страха, который стал постепенно наполнять его душу уже с того момента, когда Мерилода увидел нойда. Снова – и опять некстати – всплыли в памяти строки «Калевалы»: так говорила Лемминкяйнену мать.

Не ходи ты, мой сыночек,
В села Похъёлы далекой,
На поля детей лапландских.
Запоет тебя лапландец,
Заклянет тебя терьянец,
По уста положит в угли,
В пламя голову и плечи,
В жаркую золу всю руку…[1]

Да, от лапландцев всего можно ожидать. Мерилоде было дурно, и во рту от страха пересохло и разливался противный гнилостный привкус.

Наконец, на крыльце опять раздались тяжелые шаги, взвизгнули дверные петли, и свет в проеме двери заслонила широкая коренастая фигура нойда.

– Пошли, – сказал он, – все готово.

Мерилода с трудом поднялся с лавки, взял узелок и медленно, еле держась на ногах, пошел вслед за стариком.

Нойд был уже в полном ритуальном облачении: кафтан был подпоясан узорчатым широким кушаком, на котором болтались несколько грубых деревянных фигурок разного размера, на ноги и руки были повязаны бечевки с кусочками металла, позвякивавшими при каждом шаге.

Во дворе поодаль от дома в землю был вкопан длинный шест. На его вершине легкий ветерок развевал что-то вроде вымпела – грязноватую тряпицу с намалеванным на ней изображением, видимо, какого-то духа. Возле шеста горел небольшой костерок, около него стояли расставленные в ряд деревянные изваяния – нелепые фигуры: одна была похожа на собаку или волка и была, вероятно, для большего сходства даже оклеена шкурой, мех из которой давно облез; другая – простой сосновый чурбан с грубо намеченными в верхней его части чертами лица; третья – такое же простое полено с кое-как приделанной к нему круглой головой, на которой без

[1] Пер. с финского А. Е. Бельского.

всякого видимого порядка росло множество рожек; другие изваяния были ничуть не менее странными. Перед ними прямо на земле, поросшей низкой желтой травой, мужик, вызвавшийся помогать нойду, расставлял деревянные плошки.

– Угощение давай, – буркнул нойд.

Мерилода покорно протянул ему узелок. Нойд развязал его, аккуратно разложил еду по плошкам, налил в глиняные стаканчики пиво и обратился к адмиралу:

– Сядь перед духами. Когда я скажу, задай свой вопрос.

Мерилода сел, чувствуя слабость во всем теле. Его била мелкая противная дрожь, язык, казалось, присох к гортани, а трава была сырая, и от прикосновения влаги Мерилоду пробрал озноб.

Нойд меж тем стал рядом с шестом, некоторое время стоял молча и совершенно неподвижно, а потом ударил в бубен – громко, гулко, с силой, – и бубен отозвался низким глухим рокотом. Еще удар – и опять рокочет бубен, и птицы на ветках замолкли и, казалось, тоже внимают шаману, и даже ветер умолк, и слышно было только дыхание нойда и тихое потрескивание поленьев в костре.

И вот нойд запел. Дикие, никогда не слышанные адмиралом звуки странного, неведомого языка понеслись, мешаясь с еле слышным посвистом ветра в вышине, по лесам, по болотам, по топким мглистым марям этой древней, всеми богами забытой скудной земли. Зазвенели бубенчики на руках и ногах шамана – началась шаманская пляска. Нойд, ударяя в бубен, танцевал вокруг шеста, странно изгибаясь, то воздевая руки к небу, то опуская их почти до самой земли, так что обод бубна касался жухлых бурых травинок. Удивительный, гипнотический ритм был в этом танце и в этой песне, и Мерилода чувствовал, как мерные удары бубна, сопровождаемые низким гортанным пением шамана, постепенно вводят его в странное состояние – где-то на неуловимой границе яви, сна и психотического бреда. Ноздрей коснулся едкий сладковатый запах – помощник, повинуясь неуловимому жесту жреца, подбросил в огонь ароматические коренья, и от них по всей поляне, по всей вершине холма поплыл приторный и чуть горьковатый аромат. Мерилода вдруг почувствовал, что и сам сейчас пустится в пляс вслед за шаманом. Потеряв всякое ощущение реальности, он чувствовал только, как рычит бубен, как хрипло и монотонно поет жрец – или это он сам поет и рычит? Или это поют и рычат уже спустившиеся к предложенному угощению духи? Он не знал. Перед ним была тьма и бездонная пропасть, в которой внезапно, как изображение на проявляемой фотопленке, проступили очертания деревьев и построек, но странные это были очертания – смутные и незнакомые, непохожие сами на себя: и сарай кажется глыбой грязного мрака, и сосны на краю поляны хищно расставили

лапы во все стороны, будто ловят кого-то, ловят, чтобы пожрать несчастную трепещущую плоть, и огонь костра не горит, а лишь смрадно тлеет, распространяя вокруг себя сернистое зловоние. И одновременно с этим адмирал продолжал видеть окружающий мир таким, каким тот и был – таким, где костер был костром, сарай – сараем, а сосны – соснами. И тут Мерилода услышал звук, которого он не ждал здесь никак – откуда-то из-за деревьев, или с неба, или из недр земли, – или из бездн собственной памяти? – донесся вдруг высокий женский голос, певший что-то одновременно с нойдом в сопровождении тихого, угрожающе вкрадчивого звона струн – будто кто-то осторожной рукой трогал кантеле. И песня была словно бы знакомой, но где адмирал слышал ее, он никак не мог вспомнить. Рев бубна становился все громче, нойд уже не пел – рычал, как зверь, гортанно, хрипло, в одно и то же время злобно и умоляюще.

И вдруг – выкрик, громкий и тревожный:

– Задай вопрос! Задай вопрос!

И Мерилода, сам не помня себя, крикнул:

– Почему я изгнан? За что я изгнан? Что ждет меня в будущем?

– Духи слышали твой вопрос, – тяжело, голосом, как могильная плита, молвил жрец – и песня продолжилась. Теперь она стихала, становилась все глуше и глуше, будто нойд удалялся, уходил от места совершения обряда в безвестную даль – на небеса к богам, или в леса к духам, или под землю – к мертвым. Звенел металл, гудел бубен, пел нойд, плыл горький дымный запах, звуки вращались вокруг Мерилоды, будто бы он был центром, осью этого невиданного мрачного ритуала, и весь мир вращался вокруг с утробным звериным ревом, воем духов, криком богов, стоном умерших душ, в ушах стоял тяжелый звон, мерно накатывавший на маленького, слабого человека, осмелившегося потревожить страшных и гневных духов, и так же мерно отступавший. Голос, раздавшийся внезапно в ушах, проревел что-то на незнакомом языке, – должно быть, саамском. Но откуда же ему, адмиралу, знать саамский язык? Страх и безотчетная, безграничная тревога стиснули сердце и побежали дальше, по телу, бьющемуся в холодных когтях безумия, по леденеющим нервам, влились в кости тошнотой и мертвенным холодом. «Наверное, духи уже здесь», – изо всех сил стараясь сохранять равновесие разума, подумал Мерилода. «Но где – здесь? В изваяниях? Или в теле жреца? Или уже в *моем* теле?». В голове гудело, словно целый оркестр дул в трубы, и они ревели на самой низкой ноте, мрачно, зло и угрожающе. Голос нойда сорвался в крик, отчаянный, высокий, полный не то торжества, не то смертного ужаса, бубен бил все чаще и чаще, и грубые, неуклюжие изваяния перед адмиралом, казалось, ожили и задвигались по своей воле – или это только почудилось Мерилоде? Нойд выл и страдальчески кричал, как бы звал кого-то или кого-то

прогонял, не переставая бить при этом в бубен и танцевать. Пляска его становилась все более безумной, он двигался все быстрее и быстрее, танцуя вокруг шеста и костра, с его уст срывался то волчий вой, то собачий лай, то звуки, которые, наверное, не издавал ни один существующий в природе зверь, и вдруг шаман застыл в нелепой позе, вытянувшись вверх насколько мог, с воздетыми к серым небесам руками, и отчаянно прокричал что-то на самой высокой ноте.

И после этого словно стержень из него вынули: он сник и чуть не упал, едва удержавшись на ногах. Но камлать все-таки не перестал. Теперь звуки бубна звучали все тише и тише, песня нойда становилась все более спокойной. Подойдя к изваяниям, он стал низко кланяться им, вполголоса приговаривая, стараясь, видимо, умиротворить духов и призывая их уйти обратно, в свой запредельный мир.

И, наконец, бубен смолк. Нойд устало опустился на траву перед костром и тупо, без всякого выражения смотрел на умирающий без топлива огонь. Рядом с ним сиротливо лежал в мокрой траве старый, залатанный бубен с потемневшей от времени и от долгого использования колотушкой. Мерилода глубоко вздохнул, открыл глаза и осмотрелся. Оказалось, поленья прогорели, и теперь только маленькие робкие язычки пламени еще плясали по багровеющему пеплу. Мужик, приведший сюда адмирала, сидел на скамейке поодаль, возле сарая и старался даже не смотреть в их сторону, с преувеличенным вниманием разглядывая собственный рваный лапоть. Изваяния стояли точно так, как их поставил сюда шаман перед камланием, но плошки и чашки перед ним и были уже пусты. Присмотревшись, Мерилода заметил несколько крошек хлеба возле кострища и почерневший от жара кусочек мяса среди тлеющих угольев.

Нойд тяжело, с трудом поднялся на ноги, поднял бубен и, жестом подозвав мужика, стал вместе с ним собирать посуду и изваяния духов; адмирал заметил, что мужик боязливо сторонится нойда и старается не только не прикасаться к изваяниям, но даже не смотреть на них.

– Пошли в дом, – устало проворчал старик.

Мерилода поднялся и следом за ним на негнущихся ногах пошел в избу.

Рухнув без сил на лавку, нойд некоторое время сидел молча, тяжело дыша и безуспешно стараясь справиться с одышкой. Потом хрипло откашлялся и указал Мерилоде, все еще стоявшему рядом с ним и не решавшемуся сесть, на лавку у противоположной стены. Адмирал повиновался.

– Ну, слушай, адмирал, что мне удалось выведать, – хрипло сказал нойд. – Вряд ли я смогу чем-нибудь помочь тебе в твоем деле. Мои духи-помощники сказали мне, что твою душу украл Хийси. Да не просто украл, а

поместил ее на далеком острове на море, и как ее вызволить теперь оттуда, я не знаю. И сделал он это не сам, а по велению старших богов.

– Но если духи украдут душу человека, он ведь заболевает, разве не так? – нерешительно вставил Мерилода, воспользовавшись паузой.

– Так, – ответил нойд, отдышавшись, наконец. – Так, да не так. Это только тогда, когда Хийси сделает это по собственной воле. А если по приказу богов, то все гораздо хуже. Тогда, если человек не добудет свою душу обратно, не будет ему удачи в делах. Человек пустой становится без души. А боги просто так такой приказ не отдадут! – Острый цепкий взгляд нойда словно обжег Мерилоду. – Что ты такого натворил, что тобой заинтересовались боги?

Мерилода в растерянности потупил взгляд.

– Не знаю, – искренне развел он руками. – Ничего такого я сделать не мог…

– Да? – Нойд усмехнулся, криво и нехорошо. – А с чего тогда самому Юмале вмешиваться в это дело?

– Но ведь боги не могут приносить зло! – воскликнул адмирал. – Только Сюэятар, Хийси и Туони могут вредить…

И тут же осекся, поняв, что сказал что-то не то.

Нойд рассмеялся:

– Плохо ж ты знаешь горний мир, адмирал, если старуху Сюэятар записал в боги! Ладно, – он досадливо махнул рукой и, встав с лавки, принялся укладывать за печью свой шаманский инструмент. – Я тебе сказал: по приказу богов твоя душа похищена и спрятана. Ищи ее или найди сильного нойда, который поможет тебе ее вернуть… Впрочем, – сказал он вдруг, обернувшись, – ты и сам мог бы быть неплохим нойдом. Может, еще и посильнее меня, старого… Ладно, иди уже, не до тебя…

По дороге домой Мерилода никак не мог заставить себя не думать о словах старого шамана. Как так – похитили душу? И на какой остров ее могли запрятать? На Лавансаари, что ли? Впервые в жизни адмирал не понимал, как истолковать слова жреца. В Койвисто все было просто: нойды умилостивляли духов, христианские жрецы тоже молились своему богу, написавшему для них целую большую книгу, но никогда не давали они таких странных объяснений происходящему. Странных и ни в какие разумные схемы не укладывающихся. «А с чего это я вдруг могу сам быть нойдом?». Это уже и вовсе непонятно.

Кое-какими из своих сомнений Мерилода поделился с проводником, но тот тоже только неопределенно повел плечами и сказал лишь: «Саам!». Дескать, что возьмешь с этих северных варваров, колдовских слуг старухи Лоухи! И принялся зачем-то длинно и косноязычно объяснять, что шест – это Мировое Древо, а шаман летал в горний мир, где живут духи-

помощники, которые помогают нойду лечить людей, гонят рыбу в сети и защищают рожь и ячмень от мороза и града, потому что ежели без духов это делать, то что же тогда, и ничего совсем не получится, потому что духи же, а те рожки на голове у идола – это вовсе и не рожки, а другие духи, подчиненные этому, потому что этот сильный, а те ему служат, потому что они… Мерилода не слушал. «Можно подумать, я сам этого не знаю!».

Адмирал вздохнул с неожиданным для себя облегчением, когда увидел впереди ртутно-серые воды Саброзера, подернутые мелкой тусклой рябью от ветра и дождя. Это значило, что недалеко уже и до дома. Вот как: и месяца здесь, кажется, не прожил, а уже «дом». Дом! Кое-как, наспех сложенная из бревен хибара – только чтобы от подступающих зимних морозов защититься. Но это все же лучше, чем совсем ничего.

Несколько дней не шли у Мерилоды из головы слова старого нойда. Адмирал поговорил об этом с Ахолой, но тот только плечами пожимал да крутил головой. И несколько раз Мерилода порывался пойти к жрецу и подробнее расспросить его об этом странном проклятии или как его там… «похищении»! Но каждый раз, едва он делал шаг за околицу в направлении восточных холмов, ноги сами несли его назад. Так и не решился.

VIII. КОНЕЦ КОЙВИСТО

...относительно останков, найденных на западном побережье Суурсаари, ясно лишь то, что датируются они первым годом Э. В. Х. Кому принадлежат эти скелеты и остов лодки, не представляется возможным установить.

Из отчета Карельской археологической экспедиции Новополисского Имперского Университета, код ДОК АРХ 1225ав.

В самом сердце Каннаса, на берегу великой реки Вуоксы, там, где берега расступаются, образуя длинное узкое озеро, горел костер. Со всех сторон его обступала холодная слепая тьма октябрьской ночи. Над огнем висел закопченный котелок, в котором весело булькало аппетитное варево. Чуть поодаль стояла палатка. Она была так мала, что места для сна там, должно быть, хватало двум-трем человекам, а стоять, вытянувшись в полный рост, было явно невозможно. На берегу лежала килем вниз большая, метров пяти длиной, лодка. В середине ее возвышалась мачта, парус бессильно валялся у ее основания.

На стволе поваленного дерева у костра, рассеянно глядя в огонь, сидел человек. Он был одет в высокие сапоги военного образца и длинный непромокаемый плащ с капюшоном. Изредка он вздрагивал, отрывался от своих дум и тревожно озирался вокруг, нервно проводя рукой по лицу, а затем вновь погружался в размышления. Черты лица его выдавали человека властного, привыкшего видеть повиновение любым его приказам, но раздражительного и импульсивного. Сейчас на лице застыло выражение горя и растерянности.

Это был бывший князь Койвисто Аарне Виртанен, и мысли его были невеселы. Сегодня исполняется ровно год с того дня, как он получил известие о восстании в Уурасе. Великие боги, сколько событий произошло с тех пор!

Удержать Уурас тогда так и не удалось. Местное население, до крайности возмущенное обстрелом их острова, наотрез отказалось признавать над собой власть Койвисто, разгромило правительственные войска, посланные подавлять мятеж, и в результате через неделю после неприятного разговора с Йормой Парттимаа Виртанен подписал указ о предоставлении суверенитета Уурасу, Иоханнесу и подчиненным им территориям.

Дальше – больше. Вспыхнул бунт в Сейвисто из-за недовольства повальной рекрутчиной. Виртанен разозлился и послал туда войска. Это

вызвало новый всплеск ярости. Пока князь бился с Сейвисто, росла тревога в его собственном государстве. В народе уже ходили слухи о грядущем нападении хеймингов, вызванные подозрительно частым появлением их кораблей у берегов Койвисто. Просочились в народ и сведения о разгроме Мерилоды, несмотря на то, что правительство держало эту информацию в строжайшей тайне, и это еще подлило масла в огонь. Заговорили даже, что запасов продовольствия во всем Койвисто – от силы на месяц, не более. Виртанен заверял своих подданных, что это не так (это действительно было не так), но слухи не утихали.

Затем произошло совсем неприятное событие – взбунтовался полуостров Киперорт. Местное население, насмотревшись на неурядицы в Койвисто и имея перед глазами весьма убедительный пример бывших колоний Ууараса и Иоханнеса, тоже захотело независимости. Виртанен очень не хотел отказываться от этой колонии, но большая часть войска находилась в Сейвисто и сопредельных территориях, куда уже перекинулся огонь восстания. Пришлось мобилизовать часть населения Койвисто. Однако это не помогло. Правительственные войска потерпели там поражение, и Киперорт получил независимость. Население Койвисто было в ярости. Сколько народу полегло на континенте – и все только ради того, чтобы еще одна колония стала независимой!

Затем события развивались со скоростью водопада. Изгнание правительственных войск из Сейвисто, переход его по инициативе княжеского наместника под власть Хейма, нападение флота Хейма на Ловису – административный центр койвистинской колонии Ууденмаа, которое так и не удалось отразить и в котором были уничтожены остатки флота Койвисто, новое восстание карел по всему Каннасу до самой Ладоги, вторжение их из глубин Каннаса в Койвисто, отраженное ценой чудовищных усилий, кровавое побоище между разъяренной и напуганной толпой и княжескими солдатами, разыгравшееся у складов продовольствия в Валланлинне, и, наконец, государственный переворот, убийство разъяренной толпой княгини и бегство князя. Виртанен вынужден был бежать, бросив все, только чтобы спасти себе жизнь. Так бесславно закончилось его правление.

Его грустные мысли были прерваны шумом шагов, раздавшимся из темноты леса. В круг света, отбрасываемый костром, вошел человек. Он сбросил с плеча вязанку хвороста и, садясь рядом с князем, произнес со вздохом облегчения:

– Ух! Едва не заблудился! Проходил по лесу до темноты… Если бы не ваш костер, так и не вернулся бы. Потерялся бы совсем ваш слуга.

Князь ничего не ответил. Слуга повздыхал еще немного, а затем молча ушел в палатку, где уже храпел его товарищ, и скоро присоединил к

его храпу свой. Виртанен еще сидел некоторое время, а потом, сняв уже готовое варево с огня, подбросил в костер хвороста, завернулся поплотнее в плащ и задремал. Спать так ему было не впервой.

Проснулся он на следующее утро довольно рано от голосов его двоих слуг, готовивших лодку к отплытию. Палатка была уже свернута, вещи лежали в лодке, которую оставалось только столкнуть в воду, чем слуги и занимались.

Наконец посудина все же закачалась на тихих серебристых волнах. После жалкого завтрака погрузились в лодку, и ветер ударил в поднятый парус.

Дул резкий сильный ветер, и лодка быстро шла вперед. Виртанен сидел на ее носу, поеживался от холода, смотрел на воду и предавался воспоминаниям. Хорошо все же удалось ему бегство. У него была прекрасная лодка, двое слуг, неплохой запас продовольствия, деньги – марки Койвисто, которые имели свободное хождение во всем Каннасе, и даже довольно точная карта речной сети между Вийпурилахти и Вуоксой, по которой он и добрался до этой великой речной системы. Сама Вуокса на карте была показана лишь небольшими частями, но Виртанен хорошо помнил расположение всех ее рек, протоков и озер, так что теперь мог идти, если надо, и совсем без карты. Еще одной большой удачей было то, что ему удалось без приключений проскочить инкогнито через Вийпурилахти, где, если бы его узнали, то непременно убили бы. Но все равно это было бегство, пусть удачное, но бегство. Что произошло на его родине с тех пор, как он ее покинул, он не знал, как не знал и того, куда вообще он плывет и зачем он это делает. Грустно быть беглецом.

Но, как это ни странно, Виртанен чувствовал и облегчение. Он ведь уже несколько лет подряд не бывал нигде дальше Суолайтури и Пунасаари. Государственные дела постоянно отвлекали его, поглощали все его внимание без остатка, и теперь он смотрел на мир со всевозрастающим удивлением, как будто видел его впервые. До этого вся его жизнь (не считая давно ушедшей и уже полузабытой юности) была заполнена бесконечными мятежами, войнами, договорами, указами, отчетами, совещаниями, бунтарями, адмиралами, торговлей и этой чудовищной головной болью, которая посещала его почти ежедневно и временами доводила просто до исступления. А за время путешествия боль посетила его лишь единожды – с утра в день бегства, но к вечеру прошла и больше знать о себе не давала. Теперь он питался простой пищей, пил чистую воду и дышал свежим воздухом каннасских лесов, а не спертым воздухом, застоявшимся в кабинете Валланлиннского дворца и в залах заседаний. Все теперь бывшему князю было в новинку: плеск струй под форштевнем лодки, хлопанье

паруса, свист ветра в высоте, вопли чаек. И даже гибель жены теперь казалась ему пустой мелочью, и он сам удивлялся своему спокойствию.

Виртанен сам не заметил, как отвлекся от горестных мыслей об оставленном Койвисто, со все большим интересом рассматривая старые сосны, высившиеся по берегам Вуоксы. Эти древние сосновые леса покрывали почти весь Каннас, и князь вспомнил, что за все время пути не заметил еще ни одной сколько-нибудь значительной поляны, прогалины. Леса здесь, видимо, были намного гуще, чем на островах Койвисто, и покрывали даже многочисленные скалистые островки, усеявшие озера Вуоксы. В реках Каннаса водилась в изобилии рыба, тогда как в Койвисто единственным местом, где еще водилась речная рыба, был Валланлиннский пруд – там ее разводили искусственно.

Утомленный массой новых впечатлений, князь улегся на носу лодки и стал смотреть на воду – вид воды всегда его успокаивал. Вода и на этот раз возымела свое действие – через полчаса князь уже мирно спал.

Пробудился он только перед вечером, когда лодка входила в крупный приток Вуоксы недалеко от порогов Хирвикоски. Ветер все так же хлестал порывами по воде, глухо шумел лес на берегу, по небу стлались тяжелые тучи – собирался дождь.

Наконец лодка обогнула косу и вошла в приток. Течение здесь было довольно быстрым, так что слугам, чтобы заставить лодку идти вверх, пришлось взяться за весла. Подгоняемая порывами ветра и ударами весел, лодка быстро пошла вперед.

Однако близился вечер, и надо было подыскивать место для ночлега. Выбрав удобное место для высадки, они пристали к берегу, расставили палатку. Вскоре на стоянке уже горел костер и готовился ужин.

Спать в палатке Виртанен не захотел. Он успел выспаться за время пути и всю ночь просидел у костра, изредка подбрасывая в огонь ветки. Удивительно спокойными казались теперь ночи. Князь прислушивался к потрескиванию веток в костре, к тишине осеннего леса, и тишина эта неслышно входила в него, успокаивала боль и горечь утраты и изгнания и заменяла их глубоким, нездешним покоем.

Через несколько дней они добрались до маленького поселка Корела, расположенного на берегу Корельского протока, соединявшего Вуоксу с великим Ладожским озером. В Кореле они расположились на ночлег в богатом доме, благо денег с собой захватили достаточно – и благо в Кореле, никогда не бывавшей под властью Койвисто, можно было не опасаться, что кто-нибудь воткнет тебе, спящему, нож под ребра, едва узнает, что ты – князь Аарне Виртанен.

На следующий день Виртанен, проведя ревизию запасов продовольствия, коими он располагал, нашел их недостаточными.

Договориться с прижимистыми и расчетливыми корельцами стоило немалого труда, но все же переговоры увенчались успехом, и около полудня слуги начали грузить в лодку связки сушеной рыбы и грибов, мешки с мукой, а князь в это время отсчитывал в руку одному из старейшин поселка новенькие серебряные марки Койвисто.

Затем начались приготовления к плаванию. Князь самолично проверил, хорошо ли сложены мешки, палатка, одежда, осмотрел днище лодки, и только убедившись, что все в полном порядке, велел сталкивать лодку в воду. Вдруг он повернулся к старейшине и спросил:

– Отсюда до другого берега Ладоги далеко?

– Да нет, не очень, – подумав, ответил старейшина. – Чуть менее полутора суток плавания. Но в этой части Ладоги много островов, так что будьте осторожны и вставайте по ночам на якорь. Среди этих островов есть один, самый большой из них, на котором сможете достать пищи. Он называется Суурсаари и лежит на полпути между Корелой и тем берегом вот в том направлении, – старейшина махнул рукой по направлению, перпендикулярному берегу. – Вообще-то, – добавил он, – мало кто из нас хотя бы раз в жизни осмеливался доплыть до Суурсаари – опасно, Ладога бурная.

Виртанен поблагодарил его – и за продукты, и за информацию. Лодка уже качалась на воде, слуги были готовы поднять якорь. Князь вошел в лодку, якорь был поднят, ударил в парус ветер, и судно легко помчалось по серым ладожским волнам. Корельцы стояли на берегу и смотрели на лодку, увозившую этих странных пришельцев, невесть откуда взявшихся в тесном мирке Корелы и невесть куда уплывающих. Парус мелькал вдали, становясь все меньше и меньше, и скоро совсем пропал из виду в мельтешении волн.

С тех пор ни в Каннасе, ни в Хейме, ни где-либо еще бывшего князя Койвисто Аарне Виртанена не видел более никто и никогда.

IX. В СВЯТИЛИЩЕ ДЕВЫ ИЛМАТАР

Власть всегда опирается на глубинные бессознательные структуры психики, никогда не осознаваемые подвластными и почти никогда – властвующими. Власть – это, в сущности, соблазн. Это утверждение не покажется банальным, если не забывать о том, что власть есть соблазн также и для подвластных, которым она является как стремление подчиняться – подчиняться, так сказать, не за страх, а за совесть. Одно из высших достижений искусства политики – знание об этих структурах, умение их сознательно и целенаправленно использовать и, что особенно важно, умение скрывать от своих подданных, на каких именно струнах их душ ты играешь.

Роман Хеддер. «Психология власти (секретный доклад для Совета штадтгальтеров)»

Стоял уже конец октября. Над Финским Заливом нависали серые тучи, порывами налетал холодный, промозглый и злой осенний ветер, бросая пригоршни дождя на землю Лавансаари, гудел в натянутых между домами проводах, трепал ветки берез на улице Процессий, перед новым зданием Сената, с которого сняты были еще не все леса, крутил хороводы желтых листьев. На набережную Хеймсстадира, злобно шипя, бросались тяжелые свинцовые волны Suomenlahti и с рычанием откатывались обратно в море, оставляя на камнях и стенках волнорезов клочья темно-зеленых водорослей. На рейде, поодаль от берега, виднелись несколько кораблей, ожидавших, пока шторм кончится и можно будет пришвартоваться.

По набережной в сторону святилища Девы Илматар Наскалинен ехал кортеж из нескольких машин с темными стеклами и с флажками Хейма на капотах. На той машине, что шла впереди всех, трепетал на ветру красно-белый вымпел Верховного Министра Хеймингии – государства, созданного год с лишним назад в Оллиле. Томас Холмский вместе с другими членами правительства Хеймингии ехал в храм Девы, чтобы вознести богине, предкам и создателю хеймингов пророку Фоме благодарственные жертвы.

Холмский, откинувшись на мягком кожаном сиденье, смотрел, как бьют по стеклу прозрачные струйки дождя, и с сожалением думал, что в ближайшие дни отдыхать опять не придется. А он так на это надеялся! Сегодня надо совершить все надлежащие ритуалы для Девы Илматар и духов пророка Фомы и Торварда Морехода, завтра предстоит сделать то же самое в буддийском храме, а со многими деталями буддийского ритуала он еще не знаком, так что весь вечер придется посвятить изучению этого вопроса. Потом его ждут в Оккервиле, и тоже с ритуальным визитом – для

совершения благодарственных обрядов предкам Пяти Родов, а это значит, что придется подниматься на древние оккервильские башни с их крутыми и скользкими каменными ступенями, возглашать, стоя на их вершинах, на ненастном вихревом ветру, под дождем, гимны и заклинания на древней речи, которую толком знают только жрецы. Раньше это делал штадтгальтер Оккервиля, а вот теперь это, как и в легендарные времена, когда хейминги были еще единым народом (да и было ли это когда-нибудь?), предстоит делать всеобщему правителю. А обряд основательно подзабыт, и неизвестно еще, что получилось у созданной Холмским комиссии по ритуалам, которая работала, не покладая рук, целый год. Пришлось собирать жрецов по всему Хейму и буквально вырывать у них сведения об исполняемых ими обрядах, которые большей частью хранились в строгой тайне, скрытые от непосвященных, то есть от большей части хеймингов, и никогда не совершались в присутствии посторонних. Как и ожидал Холмский, обрядовые практики – видимо, из-за исключительной секретности – разительно отличались друг от друга даже в соседних храмах, не говоря уже о разных штадтах. И надо было все это свести воедино и восстановить – хотя бы в общих, самых существенных чертах – изначальный ритуал. «Поразительно, – рассеянно думал Холмский, следя взглядом за мелькавшими за окном домами города, деревьями, строительными заборами, из-за которых поднимались задумчивые и медлительные краны и голые бетонные скелеты будущих высотных зданий, – насколько же большую роль в жизни человека играют обряды. Казалось бы, ну какая разница, будут ли совершаться магические ритуалы для умилостивления предков? Ведь сами эти предки давно мертвы и истлели в земле – если только вообще когда-нибудь существовали такими, какими мы их себе представляем! Но народ верит. И здесь надо ему подчиниться». Покопавшись в собственной душе, Холмский не без удивления обнаружил, что и ему самому далеко не безразлично, будут ли обряды совершены правильно.

Перед взором мелькнули залитые дождем, тускло поблескивающие сквозь пропитанный холодной влагой воздух алюминиевые купола башен Замка Торварда. С одной из них больше года назад Холмский вместе с Хеддером наблюдал за разворачивающимся в бухте Защитной сражением. Удивительно: всего год прошел, а кажется, так давно это было! И еще более удивительно: Койвисто, несмотря на свою мощь, превосходившую когда-то даже силу Хейма, оказалось колоссом на глиняных ногах. Понадобилось всего несколько сильных ударов в самые уязвимые места, чтобы все рухнуло. Переворот Тимо Ринталы совершенно разорил это государство. Правлению Ринталы отказался подчиниться остров Северный Койвисто, где власть захватил какой-то авантюрист, вопреки желанию народа объявивший

этот остров независимым, и Западный Койвисто, наместник коего отказался признать Ринталу правителем и потребовал вернуть трон законному князю. На самом же Исо-Койвисто уже вовсю шла гражданская война. Сторонники Ринталы, укрепившиеся в Валланлинне, и сторонники Виртанена, окопавшиеся в Пунасаари и Суолайтури, лупили друг друга почем зря, между тем как банды мародеров – и местных, и с континента – не покладая рук грабили мирное население.

В бывших колониях дело обстояло не лучше. В Сейвисто, Местерьярви и Яппиля, перешедших под власть Хеймсстадира, войдя в состав штадта Райвола, было еще спокойно, в Кюми и Ууденмаа хеймингам тоже не без успеха удавалось удерживать ситуацию под контролем, но в других колониях творилось нечто ужасное.

Иоханнес с Уурасом не поделили какой-то островок и вцепились друг другу в глотки. Кровь льется потоками, а победителей, судя по всему, не будет, ибо окружающие племена уничтожат их значительно раньше, чем кончится эта схватка. Киперорт и Кеттусаари распались на множество независимых поселков, чему немало рады бродячие словенские племена, получившие возможность грабить эти земли, сколько душе угодно. Колония Куолемаярви[1] недавно оправдала свое название – соседи разграбили ее, а затем устроили такую резню, что озеро, на берегу коего она стоит, стало красным от крови.

Верховный Министр оторвался от мыслей только тогда, когда услышал голос водителя:

– Приехали, господин Министр!

Холмский оглянулся по сторонам. Машина стояла посреди небольшой полянки в сосновом лесу, поросшей густой невысокой травой и обрамленной по краям колючими зарослями шиповника. Рядом стояли автомобили сопровождения. Краем глаза Холмский заметил рыжую шевелюру и яркий галстук Хеддера – тот уже вышел из своей машины и, прикрываясь от припустившего дождя большим черным зонтом, спешил укрыться от непогоды под пепельно-серыми сводами святилища Девы, видневшегося поодаль, в самом конце поляны.

Выходить из машины под дождь и шагать по мокрой траве и пропитавшейся влагой склизкой земле не хотелось ужасно. Но – увы: на священную землю вокруг храма можно ступить только своими бренными ногами. Хорошо еще, что осеннее равноденствие миновало и можно войти на территорию храма в обуви – в светлое время года, от весеннего до осеннего равноденствия, и это не позволяется. Холмский с содроганием вспомнил о своем паломничестве к храму несколько лет назад, в самом

[1] *Фин.* kuolema (смерть) и järvi (озеро).

конце марта. Тогда ему пришлось шагать к святилищу по ноздреватому тающему снегу босиком, и он после этого на четыре дня, простудившись, слег в постель.

Внутри было гулко, сыро и сумрачно. Из башенки справа, где находился священный источник, доносился еле слышный плеск бегущей воды – древний священный источник, который, согласно легенде, пробила здесь сама Дева Илматар, создавая воду, отдавал скудную, кристально чистую и ледяную в любое время года влагу громадной каменной чаше с выщербленными и позеленевшими от времени краями, а из чаши вода сбегала по желобкам за стену святилища, орошая и без того пропитанную влагой почву. Слева, из другой башенки доносилось невнятное бормотание жреца, читающего молитвы предкам и богам, и накатывал волнами приторный горьковатый запах благовоний, доносившийся сюда, в крытую галерею между двумя башенками, вместе с сизым и синеватым дымом. Здесь же, в крытой галерее, соединяющей между собой обе башенки святилища, было пусто, темно и холодно. Из открытой двери влетал порывами легкий ветер, заставляя Верховного Министра вздрагивать под теплой одеждой и плотнее кутаться в длинное кожаное пальто.

Слева, от источника донесся негромкий плеск, потом приглушенные голоса, и в дверном проеме показалась округлая низенькая фигурка – Роман Хеддер, тыльной стороной ладони вытирая усы, с вежливым равнодушием слушал жреца, что-то говорившего ему, и было видно, что только правила приличия мешают ему оставить священнослужителя наедине со своими наставлениями. Но жрец, наконец, отстал, и Хеддер с выражением явного облегчения на округлом добродушном лице зашагал к Холмскому.

– Что, Роман Карлович, – улыбнулся Холмский, – не прогневается Будда на то, что вы осмелились посетить этот храм?

Хеддер улыбнулся в ответ:

– А что тут такого? Древние боги – это, в сущности, тот же Будда. У Будды, знаете ли, множество разных проявлений.

В правой башне Холмского уже ждали. Министры и главы штадтов стояли в гулком полутемном зале, скудно освещенном тусклыми лучами дождливого дня, проникавшими сюда через узкие оконца, похожие на волоковые отверстия в курных избах, под самым потолком, и негромко переговаривались о чем-то своем, ожидая, когда Верховный Министр откроет церемонию. Приглушенный гул голосов сливался с монотонным бормотанием священных формул – жрецы в белых ритуальных одеяниях, схваченных на поясе черными кушаками без всяких украшений, однообразно, низкими голосами возносили молитвы, образовав полукруг перед изваянием родоначальника всех хеймингов – пророка Фомы.

Собственно, изваянием как таковым этот предмет не являлся. Это был скорее простой тяжелый слиток чистого золота около локтя в высоту, похожий на те грубые идолы, которыми пользуются при камланиях финские и карельские нойды, и в его очертаниях скорее угадывались, чем были видны черты какого-то животного, отдаленно смахивавшего на грызуна – мышь или крысу, – вставшего на задние лапы: острая мордочка с прорезанными вдоль бороздками – «усами», заостренные, похожие на собачьи, уши, голый чешуйчатый хвост, обвитый вокруг задних лап. Только в «руках» фигурки были предметы, в сущности которых невозможно было ошибиться: длинный меч с покрытым искусной и замысловатой черненой резьбой клинком и огромный щит, вырезанный из цельного куска хризолита. «Меч Конца» и «Щит-Зеркало». «Этот щит есть начало, и рождение, и защита живущим, – сразу вспомнились древние строки, созданные еще тогда, когда предки хеймингов жили в самой глуби континента, где степи сухи, где шелестит под горячим пыльным ветром мертвый ковыль и откуда до моря многие и многие дни пути. – Этот щит есть солнце, ибо он отражает темноту, и голова жертвенного животного, ибо он видит и отзывается, и небо, ибо он проливает дождь над сухой землей, и звук *а*, ибо с него начинается речь. И тот меч есть конец, и смерть, и погибель живущим. Тот меч есть новолуние, ибо приносит темноту, и коготь жертвенного животного, ибо он молчит, и подземный мир, ибо он пьет кровь, как воду, и звук *о*, ибо им кончается речь». Подойдя к изваянию, Холмский принял из рук старшего жреца чашу с благовониями. Их, согласно правилам ритуала, следовало высыпать в огонь, с треском пожиравший смолистые поленья на алтаре перед изваянием. Когда под монотонное горловое пение жрецов Верховный Министр высыпал ароматные коренья и измельченные в пыль сухие травы в огонь и по тесному помещению поплыл тяжелый, сладкий и удушливый запах, верховный жрец возгласил:

– Вспомним пророка и дела его! – Священная формула, призывавшая присутствующих мысленно призвать на помощь себе во всех делах своих дух пророка Фомы и вспомнить, как был создан Хейм.

Невозможно не удивляться тому безразличию, с которым хейминги относились к собственной истории. В этом смысле они чем-то напоминают древних индийцев, известных полным отсутствием чувства истории: ошибка в датировке того или иного события в три-четыре века воспринималась ими как пренебрежимо малая погрешность, и то, что происходило, с нашей точки зрения, в глубочайшей древности или не было вообще, а являлось лишь плодом религиозной фантазии пророков эпохи «Ригведы», самими

индийцами воспринималось как случившееся чуть ли не в прошлом году. Нечто подобное мы находим, как ни странно, и у хеймингов: в рассказах хеймингских информантов даже времен Брута пророк Фома и Торвард Мореход были людьми, правившими как будто еще при жизни предыдущего поколения. То, что нам известно достаточно достоверно, относится лишь к последнему веку перед созданием Великого Хейма, когда хейминги жили в нескольких независимых штадтах и объединялись только перед лицом общей и очевидной опасности. Более ранняя эпоха доныне остается скрытой от историков.

Судить об «эпохе до штадтов», как ее обычно называют современные историки, можно только по данным лингвистики и, как ни странно, фольклора, к которому многие историки относятся с совершенно незаслуженным пренебрежением. То немногое, что говорят легенды и предания хеймингов, касается практически исключительно личности пророка Фомы, а еще точнее – возникновения народа хеймингов, правителем (или – по некоторым версиям этой легенды – создателем) которого был Фома. Все известные нам версии, общим числом 37, отличающиеся и объемом своим, и множеством деталей, можно, тем не менее, свести к двум схемам. Согласно первой из них (23 записи), распространенной в основном на континенте (только 2 записи, соответствующие этой схеме, сделаны на Гогланде), будущий пророк Фома был сначала вполне обыкновенным человеком (в 9 вариантах – сыном царя), который жил в какой-то далекой южной стране. И вот однажды пришло бедствие – началась засуха, вызвавшая болезни и пожары в лесах и степях, и оказалось, что виной тому – подземный змей, который прогневался на страну и ее жителей за непочтение к нему. Интересно, что в очень многих (18) вариантах говорится именно о степных пожарах, хотя хейминги появились в степях (в Причерноморье) только во времена Хеддера. Далее версии мифа начинают расходиться: по одним, змей похитил богиню – подательницу воды, чтобы отомстить царю этой страны или какому-то верховному божеству, по другим – он сам был богом воды и бьющих из-под земли источников. По одной из версий змей согласился вернуть стране воду лишь при условиш, что ему будут ежегодно (или ежемесячно – здесь текст записи хеймингского фольклориста, к сожалению, неясен) приносить в жертву девушек; правда, в другом месте тот же текст совершенно недвусмысленно гласит, что в жертву приносились юноши. Некоторое время эта практика продолжается, пока однажды змей не требует у царя

страны отдать в жертву его собственного сына – будущего пророка Фому, а тот (здесь текст опять неясен – кто? Сам царь или его сын?) отказывается это сделать и решает убить подземного демона. В других же версиях – кроме самой пространной и явно очень позднего происхождения, чуть ли не времен Холмского, версии из так называемых «Рукописей Озерного Храма в Оккервиле», – нет ни слова о том, что змей требовал себе жертв, и в них сам будущий создатель хеймингов решает убить подземное чудовище и освободить воду. Далее все предания единодушны: чтобы убить демона, юноша через щель в земле или пещеру спускается в подземный мир и идет по длинному подземному ходу, где на его пути встречаются ворота. У первых он оставляет свои украшения, у вторых – свою одежду, у третьих же – свой человеческий облик, ибо, как объясняют ему стражи третьих ворот, не может человек в своем земном облике войти в подземное царство (здесь сразу вспоминается шумерский миф о нисхождении богини Иннаны в царство мертвых, к хозяйке подземного мира Эрешкигаль). Чтобы все же войти в подземное царство, юноша принимает облик желтой мыши. Это весьма интересный момент: желтый цвет в некоторых культурах связывался с царством мертвых (китайская мифологема «Желтый Источник»), а мышь – это общеизвестное хтоническое существо, так же связанное со смертью и потусторонним миром (в древнейшей Греции Аполлон был богом чумы и мышей – ее разносчиков). Наконец юноша приходит к берегу реки, на котором толпятся души умерших или демоны низшего ранга. Юноше надо переправиться на тот берег, где находятся «обители великого царя, повелителя бездны» (выражение из «Рукописей Озерного Храма»). Здесь предания темны и противоречивы: только в «Рукописях Озерного Храма» говорится, как юноша переправился на тот берег, остальные же тексты ни слова об этом не говорят, и в них сразу после того как юноша достиг берега реки, идет рассказ о том, как он говорил с подземным духом и как победил его.

И вот здесь снова начинается разнобой в текстах. По версиям записей Арни Асгейрссона (последнего правителя Гогланда, живо интересовавшегося народным творчеством), он сразу же, в своем облике желтой мыши, вступает в схватку с демоном и побеждает его, проникнув в глотку чудовища и прогрызя его тело насквозь до сердца, после чего выходит преображенным, уже в человеческом облике; затем он поднимается на поверхность земли и идет к своему народу, но по непонятным причинам отказывается

жить в своей стране и уходит на север и после долгих странствий приходит на берег моря, где и создает себе новый народ. По версиям Оккервильской исторической школы, записанным в X – XIV гг. Э. В. Х. в Оккервиле и Растаале, он сначала возвращает себе человеческий облик, потом убивает демона и освобождает богиню – хозяйку воды и затем возвращается к людям. Но они, опять-таки по совершенно непонятной причине, прогоняют его, и он уходит на север и, как и в предыдущей версии, создает для себя, придя на берег северного моря, новый народ. В этих вариантах нет ни слова о проникновении героя в тело демона.

Очень интересная версия приводится в так называемых «Записях дома Хонте» – собрании сказаний об истории этого рода, записанных одним из его представителей предположительно в 60 – 50 гг. до Э. В. Х. и переданных впоследствии в архив Хеймсстадирского Университета; эта версия, кстати, частично повторена в весьма эклектичных «Рукописях Озерного Храма». Во-первых, в других вариантах имя героя на протяжении всего повествования не меняется: он носит имя Фома. В версии же дома Хонте, герой носит сначала только имя «Кенхог» и лишь после победы над демоном получает от него, умирающего, новое имя «Фома»; первое имя героя иногда возводят к бореальным корням kena «знание, знать» и hoķi «острый». Во-вторых, только в этом тексте подземный змей сначала пожирает героя, потом исторгает его из себя через глаза (непонятно, почему именно через них) и говорит ему: «Я принял тебя, и пил тебя, как воду» и «Трижды просеян ты и выжат ты». Арнор фон Харденберг (см.: von Hardenberg A. Versiones de geneseos Heimingorum. Editorium Mhac Chinneide, anno LXXV) утверждает, что само имя пророка связано с авестийским «haoma» и древнеиндийским «soma» – священным напитком, вызывающим у человека состояние транса и экстаза. Напомним, что одним и тем же словом в этих языках назывался и напиток, и растение, из сока которого этот напиток приготовляли, так что вполне понятна, исходя из этого, вторая из приведенных только что фраз демона. Однако вызывает сомнение сама возможность фонетической связи [h], [s] ↔ [f], а кроме того, эта точка зрения резко противоречит гипотезе о бореальном происхождении народа хеймингов.

Вторая же схема, по которой строятся в основном сказания, записанные на Архипелаге уже во времена Хеймингии (14 записей, из них лишь одна континентальная, из Лаутаранты), выглядит так. Фома, изгнанный из своей страны (за что он был

изгнан, не говорится ни в одной версии), странствует по миру и нигде не может найти постоянного пристанища; при этом в 6 версиях он странствует не один, а со своей семьей и с четырьмя верными друзьями, которых тоже сопровождают их семьи. В конце концов он приходит на берег моря, где от старого шамана получает предсказание, что ни одна существующая земля не примет его. И тогда он решает создать новую землю и для того, чтобы добыть нужные знания, спускается в подземный мир. Далее все происходит по первой схеме: трое ворот, облик желтой мыши, битва со змеем и победа над ним, получение знаний, возвращение в обычный мир. Любопытно, во-первых, то, что во всех 14 записях змей проглатывает и извергает героя, а потом говорит ему те же слова, что приведены выше, и во-вторых, то, что во всех этих записях герой не убивает змея, а создает новую землю – остров Лавансаари – и наваливает ее на подземного демона. После этого пророк Фома поселяется на острове (в 8 версиях – создает перед этим при помощи магии народ хеймингов), и на этом повествование заканчивается.

Примечательно, что в тех 6 версиях, где Фома странствует с семьей и друзьями, говорится, что он принадлежит к роду Хонте. Представители этого рода пользовались у хеймингов репутацией сильных шаманов, способных легко и непринужденно общаться с потусторонним миром, и остальные хейминги относились к ним с настороженностью и даже, пожалуй, опаской (примерно так, как в позднейшие времена относились финны и карелы к саамам). Само название рода некоторыми лингвистами возводится к ностратическому hońća – «край, конец». И действительно, даже башня рода Хонте в Оккервиле стоит не рядом с другими, а на отшибе, примерно в километре от остальных…

(Туллио Анттикоски. Мифология северо-запада Европы. Cruachan: «Propaganda», LXXVII, с. 121 – 127).

Холодный осенний ветер налетал порывами, швыряя в лобовое стекло капли брызг, серую морскую воду, смешанную с дождем. «Интересно, верит ли еще кто-нибудь в эти легенды?». Эта мысль, опять явившись непрошенной гостьей в душу, как всегда, испортила настроение, и Холмский нетерпеливо и раздраженно пошевелился на мягком сиденье машины, поправляя неудобно, как ему казалось, лежащий плащ. «А верю ли я сам в эти легенды? В пророка Фому, в предание о Пяти Родах Оккервиля, в Торварда Морехода?». Наука пока не дала окончательного ответа на

вопрос о том, существовали ли когда-нибудь вообще все эти исторические персонажи.

Впрочем, было это все или не было – сейчас это не имеет значения. Или, точнее, имеет, но совсем не такое большое, как можно было бы подумать, глядя на торжественные церемонии в храме Девы Илматар. Все равно народу сейчас гораздо интереснее учение Будды, принесенное много лет назад на холодные берега Финского Залива невесть каким ветром занесенными сюда проповедниками. Вот и Хеддер, даром что сын жреца пророка Фомы и внук нойда, тоже буддист, и даже не лень ему было санскрит выучить. Как не свихнулся от этого, непонятно. Холмский с невольной улыбкой вспомнил собственные попытки освоить этот язык. Дальше «namo Buddhāya»[1] так и не пошел, увы. И едва ли может похвастаться тем, что понял сущность буддийского ритуала, совершенного перед входом в святилище Девы с милостивого позволения ее жрецов. Буддийские монахи в шафранных одеяниях перед этим долго выкладывали разноцветным песком на большой квадратной доске мандалу – огромное схематическое изображение буддийской Вселенной. Затратили на это, кажется, несколько дней, трудясь днем и ночью. А сегодня утром вынесли мандалу из святилища и под заунывные песнопения на санскрите смахнули песок на землю. Вот так: просто взяли и смахнули труд нескольких дней и десятка человек. Хеддер объяснил потом, что это означает: все бренно, все преходяще, все, что рождено, обречено на гибель. Такова суть Дхармы Будды.

Но, несмотря на все это – а может быть, и благодаря этому, – учение Будды народу интересно. Впрочем, еще интереснее народу, как дальше он жить будет и какой еще указ издаст Верховный Министр в добавление к уже подписанным. Холмский снова улыбнулся. Вспомнил, сколько всего проделано за прошедший год. Порт расширили едва не в три раза, и все равно пристаней мало, и приходится отправлять корабли в другие порты – Киркорви, маленький и неудобный, Форт-Сескар, побольше, но окруженный опасными рифами, или Форт-Гогланд. Хеймсстадир, тем не менее, строится, хотя из-за страшной тесноты дома приходится сооружать высотные, в десять-пятнадцать этажей. Шутка ли: на пятачке чуть поболее квадратного километра уместить тридцать тысяч человек – именно столько живет сейчас в Хеймсстадире. А в проекте – здания и повыше. Да еще для экономии места решено спрятать заводы под землю, а это тоже страшных денег требует. Впрочем, для страны, которая недавно основала свою первую торговую факторию на Бискайском заливе, это не проблема.

[1] Поклоняюсь Будде (*санскр.*)

Машина шла, шелестя шинами по бетону дороги, и следом за ней мчался эскорт. Хеймсстадир сомкнулся вокруг них, когда кортеж миновал высокие темные башни Замка Торварда и разбитый возле него парк, и замелькали мимо обсаженные обнаженными, унылыми деревьями бульвары, сумрачные, лишенные украшений дома, вершинами уходящие в дождливую дымку, нависшую над городом, люди на улицах, спешившие, несмотря на сырую и промозглую погоду, куда-то по своим делам, фонарные столбы, на которых вот-вот должны были зажечься лампы – с востока подкатывала безмолвная ночная тьма с обложным дождем и тучами, желтыми, как воды подземного мира, от освещавшего их снизу света Хеймсстадира.

Когда мимо мелькнуло белоснежное, с дорическим портиком и металлическим куполом, здание Сената, Холмский опять непроизвольно улыбнулся. Завтра исполняется ровно год с того дня, как он подписал на этом самом месте, где тогда еще не было ничего, кроме куч щебня и бараков для строителей, указ о летосчислении. Этим указом год, в который состоялось подписание договора в Оллиле, был объявлен первым годом новой эры – Эпохи Великого Хейма.

X. ЧЕРЕЗ ТРИ ГОДА

Существеннейшее отличие колониальной политики Койвисто от колонизаторства Хеймингии состояло в том, что койвистинский колониализм базировался на военной силе, Хейм же опутал весь мир сетью экономических связей, сделавших колониальную систему хеймингов практически неуязвимой – по крайней мере, извне. Ингрия под их властью и действительно превратилась в Великий Хейм.

Юлий Паэда. «Политическая история древней Ингрии»

Шел четвертый год правления Верховного Министра Томаса Холмского.

Зима в этом году началась, как ни парадоксально, осенью. Первого ноября температура упала ниже нуля, лужи замерзли, а второго числа выпал снег и шел, не переставая, несколько дней, так что к пятому числу во всех землях от северного Приладожья до самого Новгорода от барахтанья в снегу по самые уши были избавлены только хейминги на своих островах, открытых всем ветрам, сдувавшим с Архипелага снег, остальные же, ежели хотели дойти пусть даже до сарая во дворе, вынуждены были пробираться между громадными сугробами по узеньким тропкам, которые к тому же постоянно заваливало новым снегом.

Томас Холмский, Верховный Министр Хейма, сидел у жарко пылающего камина в личных апартаментах в Замке Торварда, вытянув ноги к пламени. Сегодня был тяжелый день, и он неимоверно устал. Особенно утомил посол Новгорода – отменно вежливый человечек с физиономией ласки, улыбчивый и любезный, поразительно упрямый и очень себе на уме. Как обычно, разговор шел о демаркации границ между Хеймом и Новгородской республикой, и как обычно, ни до чего так и не договорились. Похоже, посадник и князь просто отвлекают внимание Верховного Министра этими бесплодными переговорами, тем временем играя в какие-то свои игры. Вопрос только, в какие? Что пытаются отговорить себе всю Водскую пятину, давно уже фактически присвоенную Хеймом, – это несомненно. Рвутся к морю. Интересно только, как они намереваются это сделать. Поднять восстание? Посеять смуту в самом Хейме? Или спровоцировать мятеж среди самих водинов и ижоры? Холмский покосился на внушительную папку с отчетами, лежавшую возле него на столе. Там где-то среди этого моря бумаги есть отчет разведки о Новгороде и его играх. Надо завтра хотя бы просмотреть. Было бы только время. А то через несколько дней предстоит визит в Данию, и опять переговоры, и опять придется ломать сопротивление датского короля, чтобы не мешал

хеймингским кораблям проходить через проливы. Так не хочется применять там военную силу! Ее и так катастрофически не хватает, ибо Хейм велик, и защита нужна везде – и в Ингрии, и в Карелии, и на Мурмане, и во Фризии, и в балтийском Поморье, и в Аквитании, и еще пророку Фоме ведомо где. Датчанин чего удумал: поднять плату за проливы едва не в три раза! И как прикажете возвращать ему совесть? Не фрегатами? Не бронированными крейсерами? М-да…

Холмский встал с кресла, прошелся несколько раз из угла в угол по полутемному кабинету, освещенному только огнем в камине. Выглянул в окно. За двойными стеклами высокого окна стыл в снежном безмолвии парк Торварда, морозная светлая ночь покрыла ветки деревьев искристой сединой, в молчании лил на снега Хеймингии тонкое серебро лунный диск, и чуть слышно доносился из города ночной шум – Хеймсстадир никогда не спал.

Три с лишним года прошли с того дня, как Холмский был назначен (а фактически – назначил сам себя) Верховным Министром хеймингов. Сколько изменений произошло с тех пор! В Хеймсстадире был построен великолепный порт, несколько крупных заводов. Город разросся, и уже стало заметно недоставать жилья для тех, кто приезжал сюда с материка. Цены на жилье росли вместе с самим городом, и Холмский отчаянно – и небезуспешно, к счастью, – старался справиться с этим новым бедствием. Потом Хейм решил, что пора, наконец, организовать в стране регулярную централизованную систему образования, по приказу Верховного Министра начали открываться школы, а полтора года назад открылся в Хеймсстадире университет. Росли и другие города – Форт-Гогланд и Форт-Сескар не отставали от Хеймсстадира в темпах развития и обещали стать важнейшими после столицы городами Архипелага.

Гогланд к этому времени вошел в состав Хеймингии. Спустя примерно год после Оллилы умер старик Асгейрссон, претенденты на его место оказались упрямые и не хотели сдаваться, служба пропаганды Хейма это время тоже не сидела сложа руки, и после трех месяцев смуты и безвластия население пришло на главную площадь Форт-Гогланда и потребовало от своих властей присоединиться, наконец, к Хейму, что и было сделано, и Гогланд вошел в состав Хейма на правах члена метрополии – Хеймингии. Претендентов же, оставшихся, таким образом, с носом, легко нейтрализовали, назначив их чиновниками и разослав по разным отдаленным факториям и колониям.

Все это стало возможным благодаря устранению главного конкурента хеймингов – княжества Койвисто. Его последний правитель, Аарне Виртанен, исчез три года назад, и больше ничего о нем не было слышно. Говорили только, что недели через две после бунта в Валланлинне

видели на самом севере Каннаса троих человек, говоривших между собой по-фински с заметным койвистинским акцентом, а вот был ли среди них Виртанен, еще неизвестно. В конце концов, мало ли плавает по рекам Каннаса торговцев, бродячих ремесленников да и просто скитальцев без рода, племени и дома, изгнанных из родных мест иногда нуждой, иногда собственными преступлениями, а иногда и тоской по лучшим местам и людям, по той земле, где нет зла и неправедности, и ищущих ее в бесплодных и безрадостных странствиях!

Да и Эйно Мерилода после сражения в бухте Защитной пропал куда-то с остатками своей армии и более не давал о себе знать, если, конечно, не считать погрома в Касколе – весьма вероятно, это его рук дело. Хеймсстадирские остряки шутили, что адмирал, известный своей храбростью, проявлял чудеса мужества, улепетывая во все лопатки от хеймингов, у которых даже в мыслях не было его догонять, и, наконец, столь отважно спрятался, что вот уже три года его никто не может найти.

В тех землях, над коими когда-то властвовало Койвисто, царили хаос, разброд и разрушение. Валланлиннский узурпатор Ринтала правил только той территорией, которая была видна с башни княжеского дворца, то есть небольшим клочком земли в самом центре Исо-Койвисто. Сама Валланлинна в течение всей гражданской войны едва ли не каждый месяц подвергалась разграблению. Война, правда, продолжалась недолго – всего лишь чуть больше года, но бывшая столица, тем не менее, почти обезлюдела. На нее нападали сразу с двух сторон – с юга, из Суолайтури, и с востока, из Пунасаари. Эти две группировки быстро низвели Валланлинну до уровня глухого провинциального городишки, а затем сами передрались по какому-то поводу. Победила пунасаарская группировка; Суолайтури был разрушен и сожжен и практически исчез с лица земли, если не считать нескольких кварталов в западной части города, которые защитники Суолайтури так и не отдали врагам. Однако пунасаарцы положили на это столько сил и средств, что просто надорвались, и когда на одиннадцатый месяц войны на остров напали разбойники с континента – по некоторым сведениям, это были каннасские словене, жившие, кажется, где-то в районе Лейпясуо, а по другим – карелы из Тиурулы, жаждавшие поживиться чем-нибудь в бывшей метрополии, – Пунасаари не смог защитить себя и повторил судьбу Суолайтури. Однако по окончании войны, то есть вот уже два года, обескровленный и опустошенный Исо-Койвисто никто не беспокоил. Участь же других земель Койвисто была много печальнее.

Богатый, но плохо защищенный Северный Койвисто был еще в самом начале войны разорен так, что стал в буквальном смысле необитаемым. Малый Койвисто находился в ненамного лучшем положении – коренное население (две-три жалких сотни) уцелело только в самом

центре острова. Киперорт заселили словене, выгнавшие оттуда всех финнов (а впоследствии опустошившие Северный Койвисто). Финны двинулись на север, в Иоханнес и Уурас. Пять долгих месяцев не утихала резня на берегах Вийпурилахти. Иоханнес, Уурас, Кеттусаари, Вийпури и другие города в итоге оказались лежащими в руинах, население уменьшилось вдвое по сравнению с периодом, предшествовавшим вторжению. Короче говоря, везде была мерзость запустения. Только в хеймингском Сейвисто было сравнительно спокойно.

Сейчас в этих землях дела обстояли так. Центр Исо-Койвисто находился под властью Валланлинны; прошлым летом Ринтала совершал поползновения захватить Пунасаари, в котором обосновалась небольшая группа пришельцев с материка; ему это, кажется, удалось. Иоханнес влачил жалкое существование, правя территорией, сравнимой по площади с владениями Валланлинны, и терпя постоянные набеги карел, финнов, племени хяме и каннасских словен. Уурас был расколот надвое: в северной части острова жили финны под властью Йормы Парттимаа, теснимые обитателями Южного Ууараса – словенами, пришедшими сюда два года назад. На остальной территории в каждой деревне был свой голова, никому не подчинявшийся, а сами деревни нередко ополчались друг на друга.

Впрочем, хеймингские селения на материке тоже переживали далеко не лучшие свои времена, но уже по другой причине – из-за роста могущества Архипелага. Народ уезжал туда строить новое хеймингское государство, и континентальные города пустели. Полное исчезновение не грозило только Котлину и приневским селениям, таким, как Оккервиль, Лахта, Ауттова. Остальные же начали медленно угасать, что, впрочем, не вызывало у большинства хеймингов особого огорчения, ибо исконная хеймингская земля, Исходный Хейм, где покоится прах пророка Фомы, – среднее течение реки Оккервиль – в силу ее удобного географического положения могла не опасаться подобного печального конца. Оккервиль терял свое значение как промышленный пункт, но зато росло его значение как транспортного узла, ибо Хейм начал расширять свои связи с востоком, и транспортный поток по Неве рос непрерывно.

Холмский со вздохом отошел от окна, кликнул слугу и приказал подать чай. Надо сегодня хотя бы просмотреть те документы, которые прислали ему сюда из разведки, правительства, комитетов, от разных частных организаций. Секретари, конечно, работают, но не все же вопросы могут они решить! И вот из-за этого теперь на письменном столе перед ним, на роскошном столе из темного дерева, с резными ножками и застеленной мягким черным сукном столешницей громоздятся сейчас кипой папки. Надо это все хоть пролистать, чтобы определить сразу, чем следует заняться немедленно, а что можно отложить.

Холмский сел к столу, включил настольную лампу, сразу прогнавшую из углов кабинета уютную теплую темноту, и потянул к себе верхнюю папку, украшенную тисненной золотом эмблемой комитета по торговле и колониям, и вынул оттуда первый лист – отчет о торговле с Маарианхаминой… так… где же это?.. Ах, да на Аландах… Записка о развитии новой колонии Абердин… А это где? Холмский вынул из ящика стола атлас Европы и не без труда нашел в указателе это название. Шотландия. Так, отлично… План колонизации Фризии… Доклад о результатах торговой экспансии на юг: порты Каскола, Хилиста, Ижорское шоссе, соединившее Хилисту и крепость Фест… хм, Фест… это где-то в среднем течении Луги, напротив княжества Хийлийоги… ха! «Княжество»! Двенадцать жалких километров левого берега Луги называется княжеством! Ничего, недолго осталось им играть в суверенитет… Что там дальше? Вот отчет экспедиции Ярослава Володарского. Эта экспедиция была отправлена прошлой весной на восток с целью выяснить географические особенности этого района и оценить, хотя бы приблизительно, численность и национальный состав населения, а также возможные затраты и выгоды от колонизации этих территорий. Володарский дошел со своими людьми до Северной Двины и выяснил, что народа в тех местах немного, население в основном смешанное – словене, карелы и вепсы, – район сказочно богат, а для колонизации потребуются значительные людские ресурсы.

Бесшумно вошел слуга с подносом и, храня полное молчание, принялся расставлять на столе чайные приборы, затем столь же бесшумно удалился. Холмский, прихлебывая крепкий терпкий настой, начал было читать длинный отчет о развитии торговых факторий в Норвегии, но почувствовал, что глаза совершенно слипаются и в сон клонит так, что того и гляди заснешь прямо за столом. Решительно отодвинув от себя бумаги, он быстро допил чай и снова позвал слугу, приказав ему готовить постель.

XI. НЕНАВИСТЬ

Станислав Мишинич однажды посетовал мне, что Хийлийоги и Сабрия, лежащие точно на пути между Новгородской республикой и Хеймом, могут стать препятствием для нашей торговли. В общем, нельзя было не признать его правоту.

Томас Холмский. Из воспоминаний.

Эйно Мерилода, бывший адмирал и министр обороны Койвисто, а ныне князь сабров, ранним хмурым утром выбрался из своего дома в крепости, что стоило ему немалых усилий, – он несколько дней проболел, и за это время перед дверью, которой ему в эти дни не приходилось пользоваться, намело изрядные сугробы, – выбрался и остановился на пороге, щурясь на снег, мерцающий под неярким светом серого облачного неба. Бородатая адмиральская физиономия красноречиво свидетельствовала всем, кто мог ее видеть – таковых, впрочем, было немного – только двое часовых на башнях, – что владелец вышеозначенной физиономии пребывает далеко не в самом радужном настроении. И огорчаться было от чего.

Мерилода вот уже два с лишним года был фактическим правителем Сабрии, хотя называли его по-прежнему «герр адмирал». Поначалу у финнов с сабрами возник некий симбиоз. Но вскоре все начало меняться. Роль финского гарнизона – а значит, и Мерилоды – стала расти. Сначала сабрами правили старейшины, финнами – адмирал, и конфликтов по вопросу «кто кем правит» не возникало. Но уже очень скоро сабрская молодежь стала проявлять большую симпатию к финнам и Мерилоде – слишком большую симпатию, по мнению старейшин. Прогнать финнов они боялись, во-первых, потому, что без них сабры рисковали вновь остаться беззащитными перед бродячими племенами и хищными соседями, а во-вторых, из страха, что финны отомстят за себя. Короче говоря, к исходу третьего года пребывания финнов в Сабрии единственной реальной властью в этой земле обладали Мерилода и его Komentajain neuvosto, в который, надо сказать, входили теперь не только финны, но и сабры (правда, из старейшин никто в него не попал). Теперь под началом у адмирала была самая активная часть населения Сабрии.

Но вот не далее, как прошлой весной резко, подозрительно резко участились посещения хеймингскими торговцами районов средней и верхней Луги. А в конце мая хейминги воздвигли на правом берегу Луги, в пятнадцати километрах от города Хийлийоги, столицы одноименного княжества, крепость Фест, а потом затеяли строить от нее дорогу к морю, и, кажется, уже через год это шоссе было полностью готово. От этого-то

Мерилода и бесился. Тойво Ахоле, которого он назначил первым своим помощником, он даже надоел разговорами про Хейм и хеймингов, про то, как низко и подло они поступили с Койвисто, и про то, как жадно они стремятся прибрать к рукам и остальные земли не только на берегах Финского Залива, но и в глубине материка. Всем в Сабрии давно была известна печальная история о гибели княжества Койвисто, которую заезжие торговцы уснащали все новыми и все более фантастическими подробностями, и ни для кого уже не была секретом та роль, которую сыграл Хейм и его правители в уничтожении своего главного конкурента.

Особенно раздражали Мерилоду разговоры о том, где еще хейминги основали фактории и какие еще страны подпали под влияние Хеймингии, а то и прямую ее власть. Рассказы обо всех этих Пруссиях, Норландах, Ханко, Ууденмаа и других, потерявших независимость после появления там хеймингских торговцев, за которыми следом обычно появлялись боевые фрегаты, внушали Мерилоде не просто тревогу – они вызывали у него едва ли не манию преследования, над которой Ахола на правах ближайшего друга позволял себе беззлобно посмеиваться, но которая от его иронии ничуть не уменьшалась. Адмирала давно уже беспокоила экспансия Хейма, а сегодня ночью ему к тому же опять приснилась битва в бухте Защитной, и эти печальные воспоминания всколыхнули в душе немного успокоившиеся ненависть и скорбь. Правитель маленького, но гордого княжества Хийлийоги не сегодня – завтра станет пешкой в руках Верховного Министра, а Мерилоде тогда своей очереди недолго придется ждать. Уж тогда они припомнят ему и бухту Защитную, и налет на Сескар лет семь или восемь тому назад, и захват торгового каравана из Фризии – хейминги тогда понесли ущерб едва ли не в четверть миллиона талеров. «Боги, боги! – едва не застонал он. – Ну почему хейминги постоянно преследуют меня?!».

Он окинул взглядом двор крепости. Здесь за эти годы тоже произошли изменения. Из бараков, в коих поначалу жили его солдаты, сохранились лишь два, в самом дальнем углу двора; теперь они использовались как склады. Освободившееся место частью было отведено под плац, частью (ближайшей к дому адмирала) – под небольшой сад. Сейчас он был совершенно запорошен снегом, и из-под сугробов торчали только желтые метелки трав, да несколько рябиновых деревьев, пересаженных сюда прямо из леса, поднимали к облачному небу голые ветви с висящими на них гроздьями огненно-красных ягод. Народа в крепости было очень мало, и так было уже давно – за три года вокруг нее выросло целое селение. Финны обзаводились семьями, и совсем не редкостью был доносящийся из хижины детский писк.

Мерилода протянул руку, сорвал гроздь рябины и стал задумчиво жевать терпкие, прохваченные морозом ягоды, погруженный, как всегда в

последний год, в тяжкие и, увы, бесплодные раздумья. Его покой был нарушен Ахолой, выражение лица которого не предвещало никаких утешительных известий. Он подошел, приветствовал адмирала и, как бы желая что-то сказать, вдруг замялся и ответ глаза.

– Что такое? – спросил Мерилода, слегка встревоженный.

Ахола вздохнул:

– Ничего хорошего. Гонец только что принес сообщение – наместник Феста предложил князю Хийлийоги принять на службу к себе хеймингского советника.

– А князь?

– Отказался.

– И что теперь?

– Пока неизвестно. Похоже, даже сами хейминги пока не придумали, как сломить непокорного князя. Разве только силой…

– Нет, это вряд ли. Холмский, по моим сведениям, не любит прямых силовых воздействий. Да и сил у них не так много, чтобы сразу объявлять им войну. Силы Хейма сейчас распылены едва ли не по всей северной Европе. Наверное, поступят так же, как и с Койвисто – будут ходить вокруг и угрожающе лязгать зубами, пока князь со страху сам не откажется от престола.

– А тогда, – печальным эхом отозвался Ахола, – нам крышка.

– Да нет, нам-то, может быть, и не крышка, – спокойно ответил Мерилода, – но, по правде говоря, мне они тогда точно жить не дадут. Вы-то что – вам просто назначат сюда какую-нибудь мелкую чиновную сошку – официального представителя или как у них там это еще называется. А вот я тогда закончу свои дни на плахе.

– Да?

– Разумеется! Я им много крови испортил. Одни наши поборы с хеймингских торговцев чего стоят! Сабрия и у Хейма, и у Новгорода – как кость в горле. Да и вообще, я не хочу жить под хеймингами! Я не хейминг, и мне нет никакого дела до Хейма и его дел. Пусть живут сами, как хотят, но не лезут ко мне и вообще в наши сабрийские дела! Довольно того, что они уничтожили Койвисто и захватили наши колонии.

Он бросил недоеденную гроздь рябины и заходил взад-вперед по дорожке сада.

– Я не желаю, – гневно молвил он, – не хочу быть всего лишь вассальным князьком, который пресмыкается перед наместником Хейма. Они воображают, что могут командовать всем миром, и никто их не остановит. Представь себе, Тойво, они даже называют все подвластные им земли Великим Хеймом! А я вырос и стал человеком в Койвисто, я живу здесь, в Ингрии и не хочу, чтобы мне навязывали чужих богов, чужой язык

и чужой образ жизни, я не хочу даже пользоваться вещами, сделанными на Архипелаге. И что мне эти хейминги со всей их властью и со всеми их достижениями? Пойми, Тойво, я их ненавижу!

Адмирал осекся, пораженный этим непроизвольно вырвавшимся признанием. Раньше он не особенно задумывался о своем отношении к Хейму и хеймингам и только сейчас вполне ясно осознал, что если в благословенные времена Койвисто Хейм был для него не более чем серьезным соперником его страны, то теперь это его личный враг.

– Да! – воскликнул он. – Я ненавижу хеймингов! Они лишили меня родины – понимаешь ли ты это?!

– Одумайся, адмирал! – прервал его Ахола. – Неужели хейминги виноваты в том, что князь Виртанен запретил тебе возвращаться в Койвисто? А то, что они нанесли нам поражение – разве ты на их месте поступил бы иначе?

– Ты не понимаешь меня! – с отчаянием в голосе перебил его Мерилода. – Кто спровоцировал гражданскую войну в Койвисто? Хейминги! Если бы не они, то я, даже будучи изгнанником, имел бы надежду вернуться! Виртанен умер бы скоро – я знаю, мне придворный врач говорил – и я мог бы вернуться на родину. А теперь? Койвисто разорено, Суолайтури уничтожен, от Валланлинны осталось несколько жалких домиков! Мне некуда возвращаться!

Адмирал, взметая носками сапог снег, пошел, почти побежал к лестнице, ведшей на стену крепости. Ахола, повинуясь его жесту, последовал за ним.

Взбежав на стену, Мерилода обвел рукой открывающийся пейзаж и с горячностью воскликнул:

– Хочешь, чтобы сюда пришли хейминги? Чтобы они понастроили здесь дорог, как в стране ижоры? Чтобы начали рубить эти прекрасные леса, переделывая их на доски и деготь? Посмотри на это и ответь мне!

Пейзаж, расстилавшийся перед ними, совсем не вязался с гневом адмирала. В морозном воздухе разливалась тихая, светлая печаль. Из сплошной пелены облаков, через которые едва пробивалось белым пятном солнце, на спящую землю лился тонкий серебряный свет. Обширная поляна, по которой были густо разбросаны маленькие, будто игрушечные домики финского поселения, наполовину ушедшие в сугробы, Саброзеро, покрытое льдом, дикие леса, которым человек совсем не препятствовал жить и расти так, как того требует природа – все было покрыто белым-белым снегом, мерцавшим в неярком свете пасмурного дня. Порывами налетал ветер, бросая в лицо горсти колючих снежинок, таявших на воротнике и рукавах, под действием тепла тела превращаясь в крошечные капельки. Снежные вихри серыми тенями метались по сугробам, водили неистовые бесшумные

хороводы на улицах, по берегу, по льду озера. А дальше, за озером скорее угадывался за пеленой тумана, чем виден был другой берег, покрытый таким же густым заснеженным лесом.

Ахола взглянул со стены на мирно спящую землю и ничего не ответил, а Мерилода спустился во двор и вышел из крепости. Идя по улицам селения, он решил – надо снова сходить к нойду. Надо, наконец, преодолеть свой страх и заставить себя. Со времени первого своего посещения святилища он не был там ни разу.

Идти до святилища было не очень далеко. Может быть, так лишь казалось Мерилоде, потому что ему не раз приходилось бывать гораздо дальше. Все подробности этого пути навсегда врезались в его память, и воспоминания были свежи, несмотря на то, что прошло уже три года – такое не забывается, – и он шел уверенно, не сбиваясь с пути. На улицах деревни никого еще не было – зимой работы немного, встают поздно. Адмирал прошел через деревню, через неширокую полосу огородов вокруг нее и углубился в лес.

В лесу было поразительно тихо. Ветер прекратился, пошел снег, и шелест снежинок по кронам сосен только усиливал тишину. Густой лиственный подлесок был совсем запорошен снегом; сухие листья, еще не успевшие опасть, словно детские ладошки, держали в горстях большие комья снега. Попадавшиеся кое-где кусты рябины были увешаны как будто высокими белыми толстыми свечами на огненно-красных подставках. И между всем этим великолепием вилась, огибая сугробы, узкая тропинка. Под ногами тихо похрустывал снег.

Вскоре Мерилода вошел в давно знакомую сабрскую деревню. Здесь тоже все еще спали, и он никого не встретил. Снег пошел сильнее. «Пока все проснутся, снег, наверное, засыплет мои следы, – подумал Мерилода. – Никто и не узнает, что я был здесь». Зимой, когда не надо спешить на покос или пашню, мало кому придет в голову встать, как летом, ни свет ни заря.

За сабрской деревней все так же тянулся высокоствольный сосновый лес, но подлесок изменился: стали часто попадаться маленькие елочки, прятавшиеся в тени гигантов-сосен. На их темных лапах огромными комьями громоздился все тот же вездесущий снег. Ветер возобновился и обрушил с поднебесных сосновых крон дождь снежной пыли. По лесу разнесся монотонный гул, деревья мерно закачались и заскрипели, словно жалуясь, что ни зимой, ни летом нет им покоя от ветра. Каркнула, пролетая над чащами, одинокая ворона.

По правую руку от адмирала виднелось между деревьями Саброзеро. Временами тропинка выбегала на самую кромку берега и змеилась между камнями и зарослями берегового камыша. По серому льду озера, такому

прозрачному, что местами было видно усыпанное мелкими красноватыми камешками дно, бежали струйки поземки.

Тропа круто повернула и побежала вдоль южного берега озера, петляя меж деревьев. Адмирал прибавил шагу и пошел мимо высоких холмов. По прежнему гонял снежные вихри по озеру ветер, гудели леса.

Наконец Мерилода миновал знакомый мыс, прошел по берегу бухточки до устья ручья и свернул на тропинку, вившуюся вдоль него. Здесь, между холмами, лес стал заметно гуще, и ветер, заставлявший адмирала поеживаться в теплой куртке, наконец, стих, но выше, над вершинами сосен, продолжал протяжно свистеть, навевая печаль. Слева из чащи лесов доносилось ритмичное потрескивание – не то птица кричала, ворона, может быть, не то стонала старая лесина.

Через сотню шагов тропа, протоптанная в глубоких сугробах, ушла влево – возможно, к одному из сабрских хуторков, спрятанных меж холмами. Адмирал перешел по льду ручей и пошел дальше, уже по снежной целине. Идти было нелегко. Приходилось преодолевать непролазные осыпающиеся сугробы, из которой торчали черные от морозов мертвые стебли охтеги. Адмирал не раз проваливался в засыпанные снегом рытвины. Тем не менее, скоро он выбрался, весь облепленный снегом, на вершину. Здесь таких сугробов не было – снег сдувался ветром. Отдышавшись и отряхнувшись, Мерилода двинулся к видневшемуся невдалеке домику. Взойдя на крыльцо, он постучал, услышал приглашение войти и отворил дверь.

В избе пахло сухими травами и свежей стружкой. Нойд сидел за грубым деревянным столом, доски которого успели потемнеть от старости и лоснились, вытертые прикасавшимися к ним руками, и вырезал ложку из маленького соснового чурбачка. Когда Мерилода вошел, он оторвался от своего занятия и внимательно посмотрел на него. Адмирал поздоровался и заговорил, волнуясь:

– Нойд! Я знаю, что обо мне тебе известно, наверное, все. Ты знаешь, как я был адмиралом Койвисто, как воевал с хеймингами и как был изгнан с родины. И вот теперь хейминги появились у границ нашей страны. Объясни мне, жрец, почему они преследуют меня? Зачем я им? Как я могу с ними бороться?

Нойд откинулся на спинку кресла и усмехнулся:

– Я все знаю, – сказал он. – Для того, чтобы ответить на все твои вопросы, не надо даже проводить ритуал гадания. Для этого даже не надо быть нойдом. Отвечу кратко: хейминги тебя не преследуют; ты им не нужен, и о тебе почти забыли. Борись с ними, как хочешь, раз уж не можешь не бороться. Ты, вероятно, хочешь знать будущее…

Не закончив фразы, нойд отложил недоделанную ложку, достал с полки деревянную резную шкатулку, встряхнул ее, открыл и, шепча заклинания, высыпал прямо на стол с десяток медных кружков, похожих на монеты, на каждом из которых с обеих сторон были выбиты какие-то знаки. Монеты со звоном рассыпались по столу.

– Да, – сказал нойд, оценивающе рассматривая медные кругляки. – Гадание подтверждает мои слова. Тебе предстоит дальний путь на восток. Точнее, бегство на восток. Это благоприятно. Ты будешь бороться с врагом, который не питает к тебе вражды. Иными словами, ты только думаешь, что он тебе враг, а на самом деле ему ты безразличен. Впрочем, борьба с великим благоприятна тебе, а борьба с малым всегда приносит только несчастья. Вот так.

– Я не понимаю тебя! – вскричал Мерилода. – Скажи ясно!

Но нойд лишь усмехнулся.

– Кто хочет разгадать пути богов и духов, – проговорил он веско, – тот сам должен быть шаманом. Не хочешь потанцевать? А я побью для тебя в бубен?

И он жутковато оскалился.

– Нет, благодарствую, – фыркнул Мерилода. – Ты еще предложи мне медвежью шкуру надеть!

Нойд хмыкнул:

– То-то! Знаешь, что в человечий облик обратно не вернешься…

Он отвернулся и начал собирать со стола в шкатулку монеты. Мерилода помялся немного у дверей, но расспрашивать более не посмел, положил на стол несколько серебряных марок, поклонился и вышел вон.

Домой он возвращался той же дорогой и по пути размышлял, как быть. Во всяком случае, не бежать, что бы там ни говорил нойд. Да и куда бежать? Еще в ту пору, когда Мерилода был адмиралом и не был отрезан от мира так, как сейчас, хейминги уже плавали и в Скандинавию, и в Литву, и по Ладоге и Онежскому озеру, а их торговцы начали осваивать пустые земли на востоке – страны, где никто не знает ни финского языка, ни карельского и живут странные люди, и доходили даже до ледяных морей, где на берегах моря не растет лес и ходят стада серых лохматых оленей, которых пасут бесы – слуги старухи Лоухи, хозяйки севера. А как далеко они продвинулись за прошедшие три года, он достоверно не знал.

Так. Но если не бежать, то что? Бороться? Вновь начать войну? Такая попытка уже кончилась для него изгнанием и потерей родины. К чему приведет вторая попытка, одному Туони ведомо. С другой стороны, отказаться от борьбы и просто дожидаться, когда в Сабрию явятся хейминги и начнут устанавливать здесь свои порядки, тоже плохо. Этак ведь будешь похож на того медведя, которого приносят в жертву в главном храме

Валланлинны на ежегодном празднике в честь Укко и Рауни. И потом, нойд прямо сказал, что борьба с великим благоприятна. Но что это за «великое»? Хейм? Новгород, тоже тянущий лапы к Сабрии? Или еще кто-то? Да еще эти странные слова про похищенную душу… Полно, да правда ли все, что говорит нойд? Сам-то он хоть верит в то, что говорит? А если нет – то, значит, самому Мерилоде придется брать в руки бубен? Хм! Вот только шаманской болезни ему как раз еще и не хватало!

Итак, и бежать – не убежишь, и на месте сидеть, сложа руки – хорошего мало. Видимо, придется еще раз начать войну, еще раз попытать счастья – авось повезет!

Когда Мерилода вечером вернулся, наконец, домой, он уже точно знал, что не дастся хеймингам просто так, что, прежде, чем погибнуть, он сумеет испортить немало крови Холмскому, да и всем хеймингам. Но вот как это сделать? Это необходимо было срочно обдумать. Адмирал велел приготовить ужин, а сам принялся в раздумье мерить шагами одну из двух комнат его дома, служившую одновременно спальней и кабинетом. Потом подошел к висевшей на стене карте Ингерманландии, которую купил недавно у заезжего купца – карта, если верить выходным данным, была совсем новая и специально составлена заново хеймингскими картографами – и стал рассеянно ее разглядывать. Его взгляд случайно наткнулся на название «Хийлийоги», и адмирал, радостно просияв, вдруг хлопнул себя по лбу. Ну конечно же! Хийлийоги!

Территория, непосредственно подчинявшаяся правителю этого княжества, была очень невелика, но соседние племена во всех межплеменных конфликтах по традиции держали сторону Хийлийоги, так что это государство представлялось весьма могущественным. Сейчас над ним нависала реальная угроза потери суверенитета. «Надо срочно заключить с ними союз! – сказал сам себе адмирал. – Заключить военный союз и напасть на Фест. На это у нас, вероятно, достанет сил. Затем следует поднять на борьбу западную ижору. С восточной этот номер не пройдет – слишком сильно влияние соседей, хеймингов. За ними, может быть, последуют нарвские и нижнелужские эсты. А даже если и не последуют, все равно на подавление восстания в Западной Ижоре у Хейма уйдут такие силы, что на всякую колонизацию их просто не останется. Если же они не захотят подавлять восстание – что ж, тем лучше… по крайней мере, оставят Сабрию и ижору в покое хотя бы на время».

От таких мыслей у Мерилоды сразу потеплело на душе. Он прошел в столовую, усмехаясь в бороду, сел за накрытый стол и начал утолять свой разыгравшийся аппетит столь усердно, что, когда он встал из-за стола, у него хватило сил только на то, чтобы раздеться и забраться в приготовленную слугой постель, что и было им благополучно проделано.

Через минуту он уже спал, и всю ночь ему снились Оккервиль и Ауттова, где он был лет десять назад, и на его лице играла блаженная, счастливая улыбка.

На следующий день Мерилода проснулся рано, первым делом вызвал к себе Ахолу и, когда тот явился, задал ему вопрос:

– Сколько всего в Сабрии боеспособных мужчин?

Ахола, подумав секунду, ответил:

– Примерно пять тысяч. Но что ты задумал?

– Я задумал напасть на Фест, – небрежно ответил тот. Ахола воззрился на него, как на сумасшедшего, и осторожно переспросил:

– На Фест?!

– Да-да, на Фест, ни более, ни менее. Это далеко не такая безумная затея, как тебе кажется. Люди у нас есть, оружия тоже хватает.

– Мы одни не справимся!

– Верно. Но мы и не будем одни. Хийлийоги точно будет нашим союзником. Весьма вероятно, удастся привлечь на свою сторону ижору, для чего поручаю тебе отправить туда разведчиков и агитаторов.

– А ты уверен, что князь Хийлийоги согласится на такой союз?

– Уверен. В любом случае у нас нет выбора. Нападение, как известно – лучшая защита.

– А Новгород как на все это посмотрит?

– Вот это тоже надо проверить. Отправь Рантанена к посаднику. Тот тоже не в восторге от экспансии Хейма и, думаю, поможет нам, хоть мы ему и поперек горла во многом. В конце концов, Новгороду от этого прямая выгода – так можно ослабить самого опасного его соперника, а значит, укрепить свои позиции в споре с другим своим главным врагом… как его там…

– Венемаа, – подсказал Ахола.

– Вот-вот! Пусть поговорит там насчет оружия – наше-то, сам знаешь, не того…

Ахола только саркастически усмехнулся. Идти на Хейм с тесаками и саблями было бы безумием, а с ружьями, сработанными местными умельцами, – безумием вдвойне.

– Только вот на какие деньги мы его купим, оружие это? – спросил Ахола, чем сразу охладил оптимизм своего адмирала.

– Хм! – Мерилода нахмурился и в задумчивости почесал бороду. – Ну, положим, нам-то много не надо. Сабров не так много, чтобы тратить на них столько денег. А вот Хийлийоги придется раскошелиться. И наша задача – заставить его это сделать, причем с сделать это с радостью. Собственно, самому же Хейноле это выгодно. Он контролирует все движение по Луге, а значит, в его руках находится вся торговля Хейма с

Новгородом. А Новгород он вообще держит за горло, так как у новгородских кораблей есть только два пути к морю: один – по Луге, другой – через Волхов и Неву, то есть через Хейм. И пока с Хейнолой им договариваться было легче. Ладно, Тойво, не время сейчас разговаривать! Найди человека да пришли ко мне, а я тем временем набросаю для Хейнолы несколько строчек.

Вскоре из ворот финской крепости вышел человек и пошел по дороге, ведшей на север, к Луге. Это был гонец адмирала Мерилоды, и он нес письмо князю Хийлийоги. В письме было написано следующее:

«Эйно Мерилода, адмирал и правитель Сабрии, Светозару Хейноле, светлейшему князю Хийлийоги, желает здоровья и долголетия.

До нас дошли сведения, что Вашему княжеству угрожает большая опасность – хейминги пытаются поставить его под свой контроль. Но мы можем помочь Вам сохранить Вашу страну и Ваш трон, для чего предлагаем, объединив силы Хийлийоги и Сабрии, напасть на крепость Фест, изгнать хеймингов из земель средней Луги, что позволит нашим странам беспрепятственно распространять свое влияние и свою власть на окрестные народы.

Однако время не терпит, а хейминги – тем более. Посему прошу Вас поспешить с ответом».

* * *

Светозар Хейнола в раздумье мерил широкими шагами кабинет своего дворца. Вчера адмирал Мерилода из Сабрии прислал ему письмо с предложением напасть на Фест. Авантюрист же этот Мерилода! Однако предложение дельное, попробовать можно. Тем более, что Хейноле все равно терять нечего – хейминги рано или поздно, тем или иным способом все же поставят его на колени, а тут представляется шанс этого избежать. Луга замерзла, так что по реке хеймингским войскам на подмогу Фесту не пробиться, а Ижорское шоссе можно и перекрыть.

Наконец князь решился. Он сел к столу, взял лист бумаги, обмакнул перо в чернила и стал писать. Затем сложил исписанный лист, вызвал гонца Мерилоды, вручил ему письмо и велел немедленно отправляться обратно. Потом вызвал одного из своих гонцов и велел готовиться в путь, а затем снова сел к письменному столу и начал быстро, мелким бисерным почерком писать еще одно письмо, которое получилось у него гораздо более пространным. Когда гонец вошел, уже готовый к дороге, Хейнола вручил ему запечатанный конверт и приказал как можно быстрее доставить его новгородскому посаднику. «Итак, – подумал Хейнола, когда гонец ушел, – война, считай, развязана. Теперь, как говорится, либо пан, либо пропал».

XII. ФЕСТ И ДРУЖНАЯ ГОРКА

Смысл нравственности – свобода. Если из того положения, в которое ты себя поставил, у тебя есть лишь один выход, ты не просто несвободен – нет, гораздо больше: ты не можешь быть нравственным. Даже если твои действия формально соответствуют требованиям морали – ты низок. «Дорога без развилок» – это равно политически неэффективный и нравственно ущербный путь.

Роман Хеддер. «Этика и политика. Из цикла лекций в Хеймсстадирском Университете»

Стояла середина декабря. Зима уже вступила в свои полные права, и вся Сабрия, все лужские земли, весь мир был засыпан мелким белым снегом, в котором тонули ноги и вязли колеса даже у хеймингских машин, безжалостно вгрызавшихся, готовя землю для строительства города, в мерзлую почву вокруг крепости Фест – опорного пункта власти Хеймингии в этих тихих и угрюмых лесах.

Адмирал Мерилода лежал в своей постели, мысленно готовясь к завтрашнему походу. За эти дни произошло немало событий, но важнейшим из них были переговоры между новгородским посадником Станиславом Мишиничем, Мерилодой и Хейнолой в одном из селений на границе Хийлийоги. В результате был заключен союз и разработан план нападения, согласно которому, предполагалось напасть на Фест с двух сторон, взяв его в «клещи». Сабры не располагали большими силами, поэтому двухтысячная армия Мерилоды была усилена большим отрядом Хейнолы. Особенно много трудностей доставил сам посадник. Мишинич, крупный и грузный мужчина с черной как смоль окладистой бородой и совершенно не вязавшимся с такой внушительной наружностью тонким, почти женским голосом, держался очень настороженно и долго не хотел соглашаться ни на какую помощь, так что Мерилоде и Хейноле пришлось приложить много усилий, чтобы уговорить его хотя бы продать им оружие в кредит и по очень сходной цене. Хейнола в частной беседе с адмиралом за кружкой пива заметил, что это странно – самолично примчаться из Новгорода в такую глушь только ради того, чтобы упорно не соглашаться ни на какие предложения и не идти ни на какие уступки. Впрочем, сам Укко не поймет этих словен. Мерилода предположил тогда, что Мишиничу, видимо, страшно не хочется идти на прямой конфликт с Хеймингией, но при этом он пытается вернуть себе контроль над Страной водинов, отбитой у Новгорода хеймингами чуть ли не при Торварде Мореходе, а на переговоры поехал исключительно для того, чтобы силой или обманом заставить Сабрию и

Хийлийоги, образно выражаясь, таскать для него каштаны из огня. Но все же на участие в этом деле, пусть и нехотя, согласился – уже хорошо.

Вернулись недавно разведчики от ижоры и принесли неутешительные вести: рассчитывать на поддержку с севера не приходится. Первоначально план антихеймингской кампании предполагал, что ижора поможет армии Хейнолы и Мерилоды, но с учетом новых данных он был изменен. По новому варианту, армия должна была, взяв Фест, двинуться на восток и, обогнув с юго-востока земли ижоры, вторгнуться с юга в континентальную часть Хейма.

Затея была рискованная, но адмирал был уверен в удаче. Он теперь не один, с ним громадная армия, обладающая, между прочим, отличной артиллерией. Весьма вероятно, что по пути к землям хеймингов к его армии присоединятся многие люди из племен, через территории которых он будет проходить. Нет, не может эта кампания быть неудачной.

На следующий день слуга разбудил адмирала и доложил:

– К походу все готово, герр адмирал!

Адмирал зевнул, потянулся и, откинув одеяло, вскочил с кровати. Наконец-то! Не удалось разбить Хейм одним ударом – значит, теперь применим другую тактику – будем виться, как комары, вокруг хеймингов, не давая им ни минуты покоя. Авось подохнут, не выдержав такой войны.

Мерилода умылся, быстро оделся и сел за стол. После легкого завтрака он позволил себе пропустить за успех похода рюмочку рябиновой наливки, а затем, надев сапоги, подбитый мехом зимний плащ и шапку, вышел из дома.

Войско было уже построено и дожидалось только сигнала к выступлению. Адмирал, посовещавшись с командирами подразделений и в последний раз уточнив маршрут, встал во главе одного из отрядов, дал знак горнисту и двинулся вперед. Над крепостью, над занесенной снегом деревней, над бескрайними заснеженными лесами понесся протяжный серебряный звук горна. Так начался второй поход адмирала Мерилоды против хеймингов.

Адмирал уверенно шагал по тропе среди запорошенного снегом сосняка, по следам прошедшего здесь вчера авангардного отряда, а за ним длинной лентой тянулась его армия. Вокруг тропы возвышались громадные сосны, и с их вершин, колеблемых пролетающим в высоте ветром, с шелестом сыпался снег. Шла армия, вооруженная лучшим оружием, какое только нашлось в Сабрии и Новгороде. Арбалеты, бесшумно бьющие на большое расстояние; нарезные винтовки, изготовленные еще в Койвисто; мощные пушки, способные превратить в кучу обломков любую стену – все было здесь. За собой войско оставляло широкую утоптанную дорогу, от

которой там и сям убегали в сторону маленькие тропинки, через сотню-другую метров вновь возвращавшиеся к ней же.

Вскоре армия вышла к Сабе. Берега ее были большей частью безлесны и болотисты, и, так как по замерзшему болоту идти было много легче, чем по густой сосновой чаще, воины, вздохнув облегченно, ускорили шаги.

На третий день к вечеру они наконец добрались до Луги. Берега ее были здесь круты, обрывисты и изрезаны оврагами, по одному из которых армия и спустилась к реке. По лощинам сбегали к реке запорошенные снегом ели, над вершинами которых вились взвихренные легкокрылым воздухом снеговые султанчики. Дальний березовый лес на другом берегу был весь белый от инея. Даль терялась в белесовато-серой дымке. Горизонт не был виден, и серое, начавшее уже темнеть небо сливалось с белыми полянами и дремотными сумрачными лесами Ингерманландии.

В условленном месте адмирала дожидалось несколько человек из другой части армии, которой командовал Хейнола. Это значило, что правитель Хийлийоги уже на месте, на берегу Луги ниже Феста, и готов перейти реку. Мерилода отправил людей к Хейноле с известием о своем прибытии. Завтра на рассвете он должен был перейти эту великую реку – главную водную артерию всей Западной Ингрии.

Адмирал был утомлен трехдневным продиранием сквозь лес. Особенно его измучил последний день похода, когда почти всю дорогу по лицу хлестали ветви осин, за ноги цеплялись кустарники и травы, коварно таившиеся под едва ли не метровым слоем сыпучего игольчатого снега. Кроме того, в осинниках было мало топлива, и армии пришлось слегка померзнуть, а здесь, на берегах Луги, рос смешанный елово-сосновый лес, и солдаты могли, наконец, отогреться, так что Мерилода был рад увидеть белую неподвижную ширь великой реки.

Перед наступлением темноты он сделал смотр своему войску, выстроив его на речном льду. Воины выглядели бодро. Мерилода произнес краткую речь.

– Молодцы! – сказал он. – Хорошо выглядите. Думаю, что ваш вид не обманывает меня, и вы сумеете добыть победу в предстоящем сражении. Добыть не мне и не Хейноле, но прежде всего себе. Помните, что хейминги – ваши смертельные враги. Меня и всех присутствующих здесь финнов они лишили родины. Сабры, и вы, поданные Хейнолы! Вы тоже можете разделить нашу участь и оказаться изгнанниками. Единственный способ избежать этого – драться! Драться всем, что может служить оружием, и уничтожить-таки хейминго в. Уничтожить хотя бы здесь, в Фесте, а до остальных дойдет очередь в свое время. Запомните же – я на вас надеюсь!

Затем он отпустил войско спать, с иронией заметив про себя, что сильнее всего действуют на простого человека именно такие слова – пустые и напыщенные.

На следующий день Мерилода не спешил перейти реку вместе с армией. Пока его войско медленно переходило Лугу, он стоял на этом берегу ее и изучал в бинокль Фест, то и дело сверяясь с картой, которую ему добыли разведчики.

Крепость стояла на высоком холме километрах в трех от реки, возвышаясь над ней на шестьдесят с лишним метров, и господствовала над всеми землями в среднем течении Луги – как на правом, так и на левом берегах. Когда рассвело – войска к тому времени успели перейти реку и скрыться в прибрежном лесу, – она стала видна полностью. Белели в свете пасмурного декабрьского утра ее башни, имевшие форму усеченного конуса – круглые, со слегка скошенными внутрь стенами – характерный признак хеймингских фортификационных сооружений; щерились в небо зубцы бетонных стен, выбеленных известью. Посредине крепости возвышалась главная башня, сложенная из блоков черного гранита. На вершине ее развевался хеймингский флаг – золотое полотнище с небесно-синим крестом с белой каймой. Вокруг массивных стен форта по голой вершине холма лепились маленькие, как собачьи конуры, домики – времянки строителей Феста, мерзла в утреннем свете строительная техника. Хейминги намеревались построить здесь город. «Этого не будет!» – сказал Мерилода сам себе и двинулся вслед за арьергардом войска.

Армия, увязая в сугробах, поднялась по оврагу почти к самым стенам Феста и остановилась под вершиной. Здесь Мерилода спешно занялся расстановкой войск. Впрочем, это не было слишком сложно. Артиллерия здесь была расставлена еще ночью, что стоило пушкарям немалых усилий, зато позволяло атаковать хеймингов внезапно. Пехота с оружием наизготовку просто встала у опушки леса перед воротами крепости. На левом фланге стояли финны, нервно сжимая ручные пулеметы; серая одежда делала их незаметными на фоне такого же серого, засыпанного снегом ольшаника. Справа расположились солдаты Хейнолы в черных кожаных штанах и куртках на меху, в волчьих шапках. В центре стояли одетые кто во что и вооруженные кто чем сабры. Справа от основной части войска, на противоположном склоне переходившей в овраг ложбинки, по которой они поднялись сюда, укрывалась в густом подлеске артиллерия.

Адмирал еще раз внимательно оглядел в бинокль стены нависавшей над ними громады Феста и заметил на них лихорадочное оживление. «Нас, похоже, заметили», – спокойно констатировал он про себя. Действительно, сквозь свист ветра и гул лесов из форта доносился шум многих ног, звуки горна, а по стенам мелькали фигурки хеймингских солдат. Из бойниц

начали высовываться жерла пушек, но в этот момент из-за крепости взвилась в небо ракета. Сигнал! Мерилода достал заряженную ракетницу и выстрелил. Этот выстрел послужил сигналом для артиллерии. Взметнулись к вершинам сосен султаны серого дыма, ударил по ушам тяжелый рев новгородских скорострельных пушек. Попадание было точным. У стен форта заклубился пороховой дым, брызнули осколки, взлетели из-под основания стен комья земли и снега, и хейминги оторопели на несколько мгновений. Эти мгновения, однако, позволили канонирам Мерилоды произвести еще несколько выстрелов. Часть снарядов попала в ворота, один упал во двор крепости, наделав, вероятно, немало переполоха. Затем хейминги пришли в себя, бросились к орудиям, и на артиллерию Мерилоды обрушился такой огненный дождь, что спасать там, похоже, было уже некого. Тем не менее, миссия артиллеристов была выполнена – ворота были вышиблены снарядом, разорвавшимся у самых их створок, часть надвратного укрепления разрушилась, и в стене образовалась громадная брешь. И из нее прямо на воинов адмирала высыпала толпа хеймингских солдат – все были облачены в белое и совершенно терялись на снегу. Мерилода гаркнул что было силы:

– Пулеметы! Огонь!

В ответ на его слова из кустарников на опушке раздался яростный металлический рев, оглушающий дробный треск – заговорили станковые пулеметы. Над сугробами взвились белые фонтанчики. Неистовый шквал огня задержал у бреши тех, кто еще не успел выбежать из форта, но остальные хейминги, невзирая на огонь, продолжали продвигаться вперед.

Адмирал решился. Он передал через адъютанта приказ пулеметчикам перенести огонь на зубцы и бойницы Феста, а сам знаком велел своим силам начать продвигаться к форту. Задача была не из легких – поле между лесом и крепостью уже в первые моменты боя оказалось перепаханным снарядами как сабрийской, так и хеймингской артиллерии, и довольно опасна – если маневр провалится, у Мерилоды останется только маленький резервный отряд. Но адмирал был уверен в успехе.

Ровным строем, полукругом, вогнутой стороной обращенным к бреши, двинулось его войско по полю. Пулеметчики работали хорошо и почти совсем не давали хеймингам высунуться из бойниц, но на поле перед Фестом закипела схватка. Сначала солдаты бежали навстречу друг другу, кося друг друга из автоматов, а затем сцепились врукопашную. Союзнические войска отчаянно пытались загнать хеймингов назад в брешь – нельзя было позволить им уйти, они могли зайти в тыл Хейноле. Это означало бы катастрофический провал всей операции. И поначалу союзникам действительно удалось изрядно потеснить врага. Однако затем продвижение союзников замедлилось. И вдруг случилось ужасное. Одним

богам ведомо, как это произошло, ибо Мерилода из-за поднявшейся сухой снежной пыли и начавшегося обильного снегопада мало что мог различить, но он, тем не менее, ясно увидел, как хейминги прорвали его полукольцо сразу в двух местах. Одна группа вражеских солдат сразу же ринулась к пулеметам, а другая начала яростно расширять разрыв, тесня друг от друга солдат адмирала. Мерилода немедленно скомандовал резервному отряду идти на защиту пулеметчиков, но хейминги опередили его. Пулеметы умолкли, и весь огонь со стен и с башен обратился на теснимых союзников. Те изо всех сил сопротивлялись – тщетно! Их начали оттеснять все дальше и дальше, освобождая путь из бреши другим отрядам хеймингов. Но в этот момент – новый странный поворот судьбы – на стенах возникло замешательство. Бойницы Феста перестали изрыгать огонь, а затем враги стали медленно втягиваться в брешь. Хеймингский отряд, схватившийся с резервом Мерилоды, тоже начал отступать. Возобновился пулеметный огонь, не такой неистовый, как раньше, но все же достаточный, чтобы подстегнуть отступающих хеймингов. Союзники явно приободрились, вновь сомкнули ряды и ринулись к бреши, рубя и расстреливая в упор отчаянно сопротивляющегося врага. Мерилода, возглавив шедший в арьергарде резервный отряд, бросился вслед за ними.

Когда они всем скопом ввалились в никем не защищаемую брешь, все стало ясно. От северных ворот Феста остались одни руины, и в форте уже вовсю рубились воины Хейнолы. В башнях, на стенах шла дикая резня. Кровь лилась ручьем, рекой. Союзники не могли пока еще ворваться только в центральную башню. Воины ломали двери, но те не поддавались. Кто-то приставил к башне лестницу, чтобы влезть через бойницу; лестницу откинули. Никак не давалась эта башня!

В этот момент со стороны разрушенных северных ворот показалась группа солдат, тащившая хеймингскую пушку. Мерилода обрадовался: «Вот ключ к башне!». Пушку поставили перед самой дверью центральной башни. Раздался гулкий, оглушительный выстрел, ударила по груди, пресекая дыхание, взрывная волна, брызнули осколки гранита, и в пролом сквозь дым бросились финны Мерилоды. В башне послышались выстрелы, грохот, брань, вылетел из окна человек в гражданской одежде, может быть, наместник или кто-нибудь из местных чиновников. А затем на крыше показались серые финские мундиры. Один из финнов взмахнул тесаком, и лазорево-золотое знамя Верховного Министра, не удержавшись на башне, с тихим шелестом упало к ногам адмирала.

Через час все было кончено. Оставшиеся в живых хейминги сидели, связанные, в подвале Феста. В центральной башне Хейнола и Мерилода со штабом вели подсчет потерь. Подсчет не занял много времени и показал, что союзники потеряли меньше трети войска – удивительно мало

(«Подозрительно мало!» – сказал сам себе Мерилода). Скоро можно было покинуть форт, ибо завтра сюда должны были прийти войска, дополнительно набранные Хейнолой в своих землях и у вассалов. Князь отправил в Хийлийоги гонца с разными распоряжениями относительно пленников-хейнгов и тылового обеспечения союзнической армии.

Вечером Мерилода лежал в постели в одной из жарко натопленных комнат центральной башни. Он испытывал огромное облегчение. Холмский наконец-то получил свое! Адмирал попытался представить себе выражение лица Верховного Министра, только что узнавшего о потере Феста; это развеселило его. Он любовно погладил аккуратно сложенный хейнгский флаг, лежавший у его изголовья. Его решили отдать Мерилоде как предводителю финнов, удостоившихся чести сбросить знамя с башни, в качестве военного трофея.

Такой радости адмирал не испытывал давно; даже в день назначения его адмиралом Койвисто радость не была такой яркой. В этот вечер он заснул поистине счастливым человеком.

Через два дня, на другой день после того, как в Фест пришли вызванные Хейнолой дополнительные отряды, армия покинула крепость. Им предстоял нелегкий путь по заснеженным лесам почти необитаемых южных земель ижоры. Пополненное войско, нагруженное боеприпасами и продовольствием, двинулось в путь.

Путь был мало чем примечателен. Армия шла по слегка всхолмленной местности, болотистой и во всех направлениях пересеченной многочисленными ручьями и каналами, которые не представляли собой в это время года серьезных препятствий. Много больше неприятностей доставляли глубокие, чуть не по пояс, сугробы, из-за которых войско часто бывало вынуждено идти по скользкому и крошащемуся серому льду каналов и рек. Лед не раз проламывался, и тогда приходилось останавливаться, разводить костры и обсушиваться. Впрочем, топлива для костров среди еловых лесов, темных, густых и дремучих, хватало.

Однако на третий день пути мучение со снегом неожиданно было облегчено тропой, невесть кем протоптанной и ведшей как раз в нужном направлении – на северо-восток, к Исходному Хейму.

Мерилода весело шел по тропе во главе одного из своих отрядов. Хейнгский флаг в заплечном мешке грел его сердце, и даже природа, казалось, радовалась вместе с ним его победе. В совершенно чистом, безоблачном, что совсем не характерно для конца декабря в Ингерманландии, небе сверкал яркий золотой глаз солнца. Резкий, веселый холодный ветер дергал вершины елей, посвистывая в вышине. Еще вчера здесь шел снег. Снег был мягкий, влажный, рыхлый, он налипал на еловые лапы, на тонкие голые ветви попадавшихся порой осин и берез, и часто

можно было видеть, как тонкая березка осторожно, словно тончайшую драгоценную вазу, держит громадный ком снега своими хрупкими веточками. Но стоило лишь слегка задеть дерево – и причудливые снежные статуи с тихим шорохом осыпались в сугроб, оставляя после себя только легкие вмятинки на его ровной голубоватой поверхности.

На верхушке ели сидела серая ворона, переминаясь с ноги на ногу и каркая. Адмирал хотел запустить в нее снежком, но вовремя вспомнил, что сзади идут солдаты, и, убоявшись уронить авторитет, не без сожаления отказался от этой мысли.

Ельники скоро кончились, начались березняки. Искать топливо стало намного труднее, но люди не унывали. Привычные к холоду, они вполне могли бы довольствоваться ночлегом даже совсем без костра, просто завернувшись в спальный мешок и зарывшись в снег, тем более, что погода стояла теплая. Без костров, впрочем, не пришлось ночевать ни разу.

На пятый день пути армия остановилась на берегу маленького ручья, извивавшегося среди леса. Его берега сплошь заросли тальником, который вместе с березовым хворостом послужил топливом. Тепла он давал немного, но люди утешали себя тем, что до цели своего путешествия – селения Дружная Горка, самого южного хеймингского поселения в Ингрии – оставался всего один переход.

Мерилода лежал, завернувшись в спальный мешок и сонно щурясь на весело плясавшее по хворосту пламя костра. Сколько дней и ночей он провел в таких переходах, и счесть невозможно! Но только два можно назвать действительно крупными – этот, на Фест и Хейм, и тот, три года назад, через заливаемые осенними дождями леса, по болотам, мимо холодных туманных озер. За всю жизнь он не видел еще таких лесов, да и неудивительно – детство и отрочество он провел на скалистом островке в Лужском заливе, а остальную часть жизни – до той злополучной битвы с хеймингами – вспенивал форштевнями кораблей холодные воды Suomenlahti. Где только Мерилода не бывал! Даже в Норвегию довелось однажды плавать. А вот такого леса, как здесь, видеть еще не доводилось. Леса Койвисто не шли ни в какое сравнение со здешними чащами. Бескрайние, взбегающие на холмы и горы, спускающиеся во влажные болотистые долины, то мирно спящие под одеялом снегов, прислушивающиеся сквозь сон к песням ветра и шепоту снегопадов, то скорбно плачущие под октябрьским дождем, то пробуждающиеся, как ребенок, от весенних гроз, то буйствующие жизнью под лучами летнего солнца; сосредоточенные, замкнутые в себе ельники, радостно прозрачные березовые рощи и величественные, звонкие сосновые боры – лес, великий лес властвовал над всей Ингерманландией. И Мерилода, кажется, начал, наконец, осознавать существо возложенной на него миссии. Он обязан

уберечь лес от хеймингов. Не дать им явиться в эти чащи и вырубить их, и переделать высокоствольные сосны и веселые березы на доски, деготь и скипидар, и понастроить заводов, отходами производства убивающих все живое на многие километры вокруг. «Вот это, наверное, имел в виду старый нойд, когда говорил о потерянной душе!». Свою миссию адмирал понял ясно.

Следующий день – последний день похода – прошел так же, как и предыдущие. Рано встали, позавтракали, загасили костры, собрались и долго шли по непролазной еловой чаще. С еловых лап, если их задевали, на шапку, за воротник сыпался дождем снег. Затем вышли из леса на замерзшее болотце, поросшее жалкими, унылыми серыми осинками. Снег сверкал и искрился под неярким светом зимнего солнца. Торчавшие из сугробов веточки осин гнулись и махали ветками под порывами ледяного северного ветра – не то приветствовали войско, не то помощи просили, не то еще что-то. Снег здесь был не так глубок, но люди старались миновать это место как можно скорее, поеживаясь от прохватывающего до костей ветра. Потом болотце кончилось, и армия снова вошла в лес. Снова потянулись мимо цепкие кусты подлеска, замелькали перед глазами могучие старые ели и маленькие, едва высовывающиеся из-под снега елочки.

Мерилода шагал впереди отряда, как и прежде, уверенно поднимался на холмы и спускался в лощины. Он ужасно устал от постоянно мелькающих перед глазами сосен, осин, берез и елей и очень хотел увидеть, наконец, цель их путешествия – Дружную Горку.

День уже клонился к вечеру, когда Мерилода во главе одного из отрядов поднялся на невысокий длинный холм – и замер в восхищении. Вершина холма была открыта и полностью лишена растительности. От вершины вниз сбегал замерзший ручей, а внизу, под ними, мерцало в лучах солнца большое, вытянутое в длину озеро. Местность ближе к нему плавно понижалась.

Берега озера были большей частью безлесны. Слева от Мерилоды, у северной оконечности озера, по склонам холмов были живописно разбросаны домики селения. Это и была Дружная Горка, городок небольшой, но укрепленный не хуже, чем крупнейшие хеймингские штадты, – форпост Хеймингии в средней Ингерманландии.

Адмирал сделал знак остановиться, затем долго рассматривал местность в бинокль. Потом повернулся и пошел назад по тропе, по которой они пришли сюда, жестом велев следовать за ним. Спустившись с холма, он коротко приказал:

– Стоянку сделаем здесь. Здесь нас, думаю, не заметят. Завтра с рассветом нападаем.

Напасть он решил не на само селение, а на амбары с продовольствием и боеприпасами. Дружная Горка служила перевалочным торговым пунктом на пути из континентального Хейма на верхнюю Лугу, и в ней всегда бывало много товаров, в основном зерна, которое в больших количествах поставляли с Луги в Ауттова и Оккервиль. Именно на эти запасы зерна решил Мерилода напасть. Задача облегчалась тем, что амбары с зерном и прочим продовольствием стояли на отшибе, довольно далеко от селения, и не были из него видны.

В задачу же Хейнолы с основными силами союзнических войск входило обрушиться на гарнизон Дружной Горки, который, по данным разведки, был довольно многочислен и неплохо вооружен, и уничтожить его или хотя бы надежно обезвредить, чтобы объединенное войско могло затем без опасений идти на Ауттова.

Едва войско Мерилоды расположилось на ночлег, от Хейнолы прибежал гонец и сообщил, что отряды князя уже заняли исходные позиции и утром, перед рассветом, атакуют хеймингов. Адмирал удовлетворенно кивнул. Пока все шло по плану.

Этой ночью Мерилода спал мало. Проснулся рано, около четырех часов ночи. Бросил в догорающий костер веток, не спеша поел и стал ждать. Незадолго до рассвета зазвенел неподалеку горн – Хейнола собирал солдат для атаки. Тогда Мерилода разбудил дремавшего рядом горниста и велел трубить подъем. Невдалеке уже слышались какие-то окрики, шум, возня. Адмирал взяв бинокль, поднялся на ближайший холм, с вершины которого вчера осматривал окрестности, и стал наблюдать за продвижением отрядов Хейнолы. Они отдельными группами быстро спускались с холмов, прячась в сбегавших кое-где по склонам ельниках. На гребнях холмов было заметно движение. Это сам Хейнола расставлял артиллерию.

Адмирал вернулся в свой лагерь и порадовался расторопности солдат. Те, покончив с завтраком, уже осматривали в последний раз оружие, снаряжали ранцы, готовили сани для вывоза награбленного. Лейтенанты по приказу адмирала построили отряды в боевой порядок, а Мерилода снова взобрался на холм и стал ждать.

Войска Хейнолы уже спустились с холмов и приближались к укреплениям Дружной Горки. Хейминги успели заметить их, из казарм высыпали вражеские солдаты в черных мундирах и заняли места на внешних укреплениях.

В этот момент над гребнями холмов раздались команды на странно звучащем, полном шипящих согласных хеймингском языке, ее повторили несколько голосов, среди хеймингов стало заметно движение, и в этот момент Мерилоду оглушил тяжелый гулкий рев пушек – по врагу ударила

артиллерия Хейнолы. Над укреплениями взметнулись фонтаны земли и снега, а воины Хийлийоги с победным воплем бросились в атаку.

Мерилода кубарем скатился с холма и бросился к своему лагерю. Солдатам не пришлось даже отдавать команды – они сами, поняв по грохоту выстрелов, что операция начата, пошли вслед за адмиралом. Войско поднялось на холм, спустилось с него, забирая круто влево, и почти бегом двинулось по заснеженной дороге к видневшимся впереди складам. Справа от них кипел бой. С воем пролетали над головами снаряды и врезались в черную массу хеймингов. Склады приближались. Солдаты на ходу перестраивались в цепочку, держа автоматы наготове. Когда амбары были совсем близко, из них высыпали хейминги, а воины Мерилоды стали косить их автоматным огнем. Сам адмирал счел за лучшее отойти в сторонку, взобрался на поросший кустарниками бугорок и оттуда наблюдал за схваткой.

Охрана складов, к счастью, оказалась немногочисленной. После недолгой борьбы она была обезврежена, двери амбаров выломаны, и солдаты принялись грузить мешки с продовольствием на приготовленные заранее сани. Мерилоде в этот момент пришла в голову мысль, что уж очень несовершенна такая система обеспечения армии, когда почти всю еду и боеприпасы приходится отнимать у противника. Нужна другая. Надо будет подумать об этом на досуге.

Солдаты союзнической армии тем временем оттеснили небольшую кучку хеймингов, пытавшихся защитить арсеналы, и оставили Дружную Горку без боеприпасов. Работали они быстро, оперативно, и уже очень скоро к адмиралу подбежал запыхавшийся солдат и сообщил, что сани нагружены. Мерилода, впрочем, и сам все видел. Он сделал знак горнисту, и над полем боя полились звуки трубы. Это был один из боевых сигналов, и, повинуясь ему, отряды адмирала быстро выстроились в походный порядок. Уже через несколько минут они так быстро, как только позволяли нагруженные мешки за плечами и мотосани с электромоторами, захваченные в Фесте, удалялись от места боя на восток.

Вечером они расположились невдалеке от реки Оредеж, у обширной поляны среди елового леса. Едва была окончена организация лагеря, к Мерилоде привели человека. Судя по одежде, это был солдат армии князя Хийлийоги, но какое страшное зрелище он представлял! Весь он был покрыт ранами, в волосах, на одежде запеклась черная кровь, сама одежда была превращена хеймингскими тесаками в лохмотья; кисть левой руки была отрублена, обрубок был замотан кровавой тряпкой. Солдат был едва жив от боли, холода и кровопотери. Он принес известие, от которого у Мерилоды оборвалсь что-то внутри.

Армия Хейнолы сначала весьма ретиво теснила хеймингов, прорвала линию внешних заграждений и подбиралась к вражескому форту, противник явно слабел, более половины хеймингских сил было выведено из строя, и союзники уже собирались праздновать победу. Но хейминги, видимо, успели все же послать просьбу о помощи в ближайшую колонию, и вот, едва линия заграждений была прорвана, небо над Дружной Горкой разорвал пронзительно громкий визг. С неба прямо на поле боя пикировали хеймингские самолеты, с воем рассекая крыльями воздух и страшным пулеметным огнем сметая союзников. Воины Хейнолы впали в панику, бросились было бежать, но приободрившиеся хейминги не дали им уйти и попытались окружить их, и это им удалось с помощью подоспевшего им на выручку отряда из соседней колонии. И тогда хейминги стали уничтожать союзников. Спастись удалось очень немногим.

Но самую неприятную новость солдат преподнес последней, и заключалась она в том, что хейминги идут по следу Мерилоды и, вероятно, скоро будут здесь. Адмирал в ужасе вскричал:

– Откуда ты знаешь?! Говори!

– Я видел, как они шли сюда, шли по вашему следу.

– А как же ты сам сумел опередить их? – спросил адмирал, хватаясь за последнюю надежду, что это неправда.

– На мотосанях ехал, – ответил солдат.

Дозорные, встретившие беглеца, подтвердили это. Мерилода в ужасе схватился за голову. «Юмала, повелитель неба! – думал он. – Опять меня гонят, опять преследуют! Нет мне покоя!». Он едва не застонал в отчаянии, но нечеловеческим усилием взял себя в руки и начал отдавать приказы:

– Потушить костры! Всем приготовиться к бою!

Его слова были прерваны автоматными очередями, раздавшимися из темноты холодного заснеженного леса. Солдаты бросились к оружию и принялись палить наугад во тьму. Ситуация осложнялась тем, что бивак адмирала не был достаточно хорошо укреплен – адмирал понадеялся на ошарашенность хеймингов нападением и силу армии Хейнолы, – и тем, что не успели еще потушить костры, в свете которых солдаты Мерилоды были отличными мишенями, а хейминги ничем, кроме яростного пулеметного огня, себя не проявляли.

Завязалась схватка. Один за другим гасли костры. Слышны были вопли раненых, брань по-фински и по-хеймингски, и все это перекрывалось непрерывным грохотом выстрелов. Но вот издалека донесся негромкий гул. Он быстро нарастал, становился все громче и, что самое странное, как будто придавал хеймингам уверенности. Они начали вытеснять солдат Мерилоды на поляну. Гул между тем перешел в вой, и в свете взошедшей луны в небе закружили крылатые тени. В этот момент хейминги исчезли – просто

быстро и незаметно отступили, словно растворились в лунной полутьме. И тогда с неба обрушился ужас.

Черные тени на бреющем полете проносились над самыми верхушками елей, кося солдат из пулеметов, рассыпая бомбы, от которых при взрыве разлетались во все стороны, с визгом рассекая воздух, смертоносные осколки. Солдаты, никогда не видевшие самолетов, в панике, бросив оружие, разбегались. Тех, кто имел несчастье выскочить на поляну, немедленно настигали хеймингские пули.

Мерилода, подавляя панический ужас и страстное желание броситься куда глаза глядят, заорал что было силы:

– На поляну не выходить! Держаться леса! Все за мной! На восток, к реке! – и бросился вдоль опушки, стараясь держаться тени деревьев, в сопровождении немногочисленного отряда охраны. Командиры отрядов отстали, изо всех сил пытаясь удержать паникующих солдат.

Всю ночь над лесами разносился визг воздуха, рассекаемого пропеллерами и крыльями самолетов. Одно было хорошо – хейминги больше не стреляли. Не то патроны у них кончились, не то они союзников стыдились перестрелять, как зайцев, но теперь самолеты просто летали над лесом, наводя страх на и без того перепуганных солдат. Утро застало Мерилоду на берегу Оредежа. Адмирал сидел у едва тлеющего костерка, тупо смотрел в огонь и ждал, когда командиры отрядов соберут солдат. Он усмехался про себя: его доблестных воинов приходилось собирать, как разбежавшихся овец. Просто анекдот какой-то! Впрочем, неудивительно, ведь далеко не каждый день им приходится отражать хеймингские атаки с воздуха. Здесь, наверное, любой смельчак голову потеряет и бросится бежать, не разбирая дороги. Шутка ли: ночь, холод, зловеще-равнодушная луна в небе, а над головой мечутся едва видные в лунном свете тени, воя, как тот страшный ветер, которым повелевает Лоухи, хозяйка дальней, туманной Похьёлы, и рассыпая чудовищный стальной дождь.

Налетевший ветер заставил Мерилоду плотнее закутаться в зимний плащ, подбросить еловых веток в огонь и обратить, наконец, внимание на закипающий над огнем чайник. Горячий настой мяты с пшеничными лепешками согрел адмирала, и веки стали слипаться. Он начал было гнать от себя сон, но потом подумал, что войско соберется только к вечеру, и, успокоив себя этой мыслью, забрался в некое подобие шалаша из брезента и веток и заснул как убитый.

К вечеру войско было собрано, как и предполагал адмирал. Он вылез из шалаша, поеживаясь от холода, и стал осматривать армию.

Она производила жалкое впечатление. Из нескольких тысяч солдат – и сабров, и финнов, и воинов Хийлийоги – осталось две, да и те были изрядно потрепаны – не столько, впрочем, оружием, сколько страхом. К

счастью, мотосанный отряд не поддался общей панике, и его груз остался цел.

После смотра Мерилода собрал у своего шалаша командиров и сказал:

– Состояние нашей армии, полагаю, видно всем вам. Она небоеспособна. Посему мы должны вернуться. Пойдем вниз по Оредежу до Луги, а оттуда в Сабрию.

Засим он отпустил их. Настроение у него было преотвратительное. Уже во второй раз он получает от хеймингов щелчок по носу. И ведь каждый раз он так тщательно готовился к нападению! При мысли же о предстоящем возвращении у него начинало неприятно посасывать под ложечкой. Одним богам известно, как встретят его в Сабрии. А если даже поражение никак не поколеблет его авторитета, что маловероятно, то все равно остаются хейминги, весьма недовольные разгромом Феста. Уж это они ему точно припомнят, когда их лапы дотянутся до Сабрии. Хийси с рогами! Куда ни кинь, все клин. Но, с другой стороны, возвращаться ему все равно некуда. Будь он один, он ушел бы куда-нибудь на восток, как пророчил ему нойд, или поехал бы в Хеймсстадир, чтобы лично свести счеты с Холмским, пусть даже пожертвовав собственной жизнью. Но это, возможно, будет потом, а сейчас надо помочь своим воинам вернуться на родину. Правда, путь долгий и нелегкий, так что еще неизвестно, сколько из них останется навсегда в снегах Луги и Оредежа.

Однако, хватит размышлений! Мерилода отбросил сомнения, вызвал адъютанта и приказал передать командирам, чтобы завтра были готовы к походу домой.

XIII. НА ВОСТОК

Gott spielt mit dem Geschöpfe.
Diss alles ist ein Spiel, dass Ihr die Gottheit macht:
Sie hat die Kreatur umb Ihret willn erdacht.

Angelus Silesius[1]

Путь, как и ожидал адмирал, оказался тяжелым. Сначала войско шло по льду реки, и идти было достаточно легко, но уже на второй день лед проломился под несколькими солдатами, так что те лишь чудом избежали купания в ледяной воде. После этого решено было, что по льду пойдут только мотосани, люди же будут вынуждены пробираться по кустарникам и сугробам на берегу. Ко всему этому прибавились морозы. Холод стоял страшный, старые хмурые деревья стонали от свирепого мороза, и даже костер от него спасал не всегда.

Мерилода, понурившись, шел впереди войска и все никак не мог оправиться после неудачи. Неужели хейминги так и дальше будут его побеждать, преследовать, неужели так и не оставят его в покое? Эти вопросы мучили его больше всего. Если до Дружной Горки его не покидала уверенность в победе, приданная ему удачей под Фестом, и весь мир, казалось, радовался вместе с ним, то теперь волю, мысли, чувства сковала обреченность. Мерилода не хотел даже глядеть по сторонам, хотя раньше вид природы, вид заснеженных, неисхоженных лесов Ингерманландии радовал его, и лишь устало смотрел себе под ноги.

На десятый день пути они дошли до места, где русло Оредежа поворачивало под прямым углом на запад. Места здесь, по свидетельствам вездесущих торговцев, были более обжитые. До этого на всем пути адмиралу встретились, кажется, всего две или три маленьких словенских деревеньки, а ниже этой излучины селения, если верить карте, встречались едва ли не на каждом шагу. Мерилода приободрился: здесь жило крупное словенское племенное объединение торковичей, и от них можно было ожидать помощи. Более того, адмирал рассчитывал даже восстановить их против хеймингов. Всем была известна фанатическая независимость торковичей и полное неприятие ими любых веяний извне – даже их вассалитет Новгороду был сугубо формальным. Оставалось только придумать, как склонить их на свою сторону. А как это сделать, если они, несмотря на всю свою силу, склонились перед новгородским посадником? Если Новгород, который последние полвека проигрывает Хейму во всем,

[1] Бог играет с творением. / Все это игра, которой отдается божество: / Оно придумало творение для своего удовольствия. Ангел Силезий (*старонем.*)

сумел покорить торковичей, пусть даже формально, то будут ли они воевать с Хеймингией, зная, насколько безнадежно это дело? Не посмеются ли они над адмиралом? Нет, это все пустые мечты. Не будут они ничего делать против Хейма, даже если им прикажет новгородский посадник и все вече вместе с ним. А сам адмирал в этой истории с Фестом опять оказался пешкой в чьих-то непостижимых играх: если раньше его, как шахматную фигуру, разыграли Виртанен с присными своими, то теперь он оказался игрушкой в руках посадника и Верховного Министра. И он, и князь Хейнола, которого он сам, адмирал Мерилода, втянул в это дело, обрекая его, возможно, на верную смерть от руки хеймингского или новгородского шпиона, – все они были только игрушками, а игроками были, как всегда, те, кто сильнее. И что теперь сделают они со своими игрушками, никто не знает. Мерилода закрыл лицо руками и едва не застонал от невыразимого чувства собственного бессилия – бессилия перед Хеймом, перед Новгородом, перед своими же солдатами, которые ждут от него побед, а получают одни поражения, перед судьбой, загнавшей его сюда, в эти заснеженные чащи, перед волей богов, лишивших его души неизвестно за что. «Не хейминги преследуют меня, – подумал Мерилода. – Боги преследуют меня». Перед ним, казалось, стояла стена, преграда, непроницаемая, непреодолимая, неумолимая. Как камень.

Мерилоде вспомнилось, как много лет назад к причалам Суолайтури пристал корабль с Оркнейских островов. Оркнейцы в те времена редко появлялись в водах Ингерманландии, и появление их корабля у берегов Койвисто было событием экстраординарным. Весь город, кажется, сбежался посмотреть на гостей, хотя они, в сущности, ничем от финнов не отличались.

Будущий адмирал (а в то время – простой мичман) познакомился тогда с красивой девушкой-оркнейкой (оркнейцы, в отличие от ингрийцев, не считали дурной приметой присутствие женщины на корабле) и даже выучил с ее помощью немало слов по-оркнейски.

Мерилоде запомнился один эпизод, показавшийся ему очень странным. Оркнейцы отмечали какой-то свой религиозный праздник. Соорудили алтарь из подручных материалов, развели огонь, совершили длительную церемонию жертвоприношения. А затем у алтаря встала его возлюбленная, одетая в простые, строгие ритуальные одежды – все это Мерилода, приглашенный ею на церемонию, видел своими глазами и до сих пор не мог забыть. Заиграла музыка. Музыканты играли очень необычно: казалось, что каждый выводит свою мелодию, нисколько не сообразуясь с тем, что играют его коллеги, но звуки тем не менее сливались в музыку такой дивной красоты и такого странного ритма, что Мерилода затаил дыхание и весь обратился в слух. И, наконец, женщина у алтаря запела.

Песня была странная, такая же, как музыка, сильная, чарующая, гипнотизирующая. Мерилода почти ничего не понимал, голова от голоса жрицы кружилась. Единственными словами, которые он разобрал вполне ясно, были безнадежные слова постоянного, надрывно печального рефрена: «Твой мир, камень…»

С тех пор прошло много, очень много лет, адмирал забыл, как звали ту женщину, забыл ее лицо, но ее голос, та музыка и та песня навсегда врезались в его память и, бывало, снились ему по ночам. И вот теперь печальный мотив песни звучал в его мозгу, такой печальный, как будто вся скорбь Вселенной была собрана в нем, и голос жрицы звенел зовом и отчаянием, и из этого отчаяния исходила сила, способная, как казалось, сокрушить все, даже богов сбросить с золотых тронов и низвергнуть в пыль.

От наплыва чувств Мерилода зашатался, едва не упал и вынужден был присесть на пенек, случайно оказавшийся рядом. На глаза его навернулись слезы. Никогда еще он не испытывал таких сильных и необычных чувств и не мог даже определить, приятны они или неприятны. Он просто переживал их, и все.

К реальности он был возвращен голосом адъютанта:

– Смотрите, адмирал, к нам едет кто-то!

Действительно, по льду реки к ним приближалась самоходная тележка. Внешний вид ее позволял сказать о ее происхождении только то, что одним богам либо лешим известно, где и когда она была сделана. Человек, управлявший тележкой, махал рукой и, кажется, что-то кричал. Когда она подъехала ближе и можно было разглядеть лицо возницы, Мерилода от удивления едва не свалился с пенька: в тачке сидел Тойво Ахола собственной персоной. На его физиономии, не уступавшей по степени бородатости адмиральской и украшенной носом-пуговицей, приобретшим от мороза неопределенный сизо-бордовый цвет, изображалась живейшая радость.

Наконец тележка взлетела на берег, взвихрила единственной гусеницей снежную пыль, подпрыгнув пару раз на сугробах и едва не выбросив седока из седла, и остановилась в двух шагах от адмирала. Ахола соскочил с нее и бросился к Мерилоде, восклицая на ходу:

– Адмирал! И вы здесь?! Какими судьбами?!

– Э, долго рассказывать, – махнул рукой Мерилода. – А вот ты как здесь оказался?

– Да вот, – ответил тот, – решил вас догонять. По следу вашему ехать побоялся. Там, говорят, недавно такие снегопады были, что просто жуть, так что я, чтобы не увязнуть в сугробах, да еще в тех дремучих лесах, решил крюк сделать по Оредежу. Но почему вы здесь? Я рассчитывал, что догоню вас где-нибудь на подступах к Ауттова…

Адмирал усмехнулся невесело и вкратце поведал обо всем – о взятии Феста, о битве под Дружной Горкой, об атаке с воздуха и о долгом пути по реке. Ахола, выслушав рассказ, сокрушенно покачал головой:

– Эх, если бы беда этим и ограничивалась, это было бы еще только полбеды. Все много хуже.

– Что такое? – с легкой дрожью в голосе спросил адмирал.

Ахола только вздохнул:

– Эх-х… Разгневался на нас Юмала. Совсем паршиво. Однако, все по порядку.

И он поведал следующее.

Через восемь дней после того, как Мерилода покинул Сабрию, в Суоменлинну явилась делегация хеймингов с требованием объяснить поведение сабрского князя (сиречь самого Мерилоды), который зачем-то разорил крепость Фест, а теперь направляется в сторону Невы, да еще втянул в свою аферу князя Хейнолу. Послы требовали выплатить им в возмещение убытков большую сумму денег. Когда Ахола назвал цифру, кто-то из стоявших рядом командиров тихо выругался, а Мерилода воскликнул:

– Они, что, совсем с ума посходили?!

Ахола только руками развел:

– Не знаю! – и продолжал рассказ.

Мало того, рассказывал он, хейминги, помимо контрибуции (какова наглость!), потребовали еще, чтобы адмирал принял к себе на службу хеймингского советника. Ахола, естественно, с возмущением отверг эти условия. Тогда послы согласились не брать дань, но потребовали, чтобы князь Сабрии признал себя вассалом Верховного Министра, пригрозив, что в случае отказа Сабрия будет покорена силой. К несчастью, переговоры по требованию послов проводились открыто, и Ахола ничего не мог утаить. Народ потребовал от него подчиниться Томасу Холмскому. Ахола не мог сделать этого и поэтому решил покинуть Сабрию. С ним ушли несколько человек из Komentajain neuvosto и сотни две финнов и сабров. Сейчас все они стояли в небольшом перелеске километрах в трех отсюда.

Выслушав рассказ, Мерилода стукнул себя по колену кулаком и выругался.

– Проклятые хейминги! Проклятые хейминги! – повторил он несколько раз. Помолчав немного и и заставив себя успокоиться, он обратился к Ахоле:

– Вы давно здесь, в земле торковичей?

– Третий день.

– Надо будет поднять торковичей против хеймингов.

– Не выйдет, – безнадежно махнул рукой Ахола. – Я уже пытался.

– И что?

– Либо смеются в лицо, либо просят не приставать с глупостями.

– Быть того не может! – с жаром воскликнул Мерилода. – Неужели они не понимают, какая угроза исходит от хеймингов?

– Не знаю, понимают они или нет, но только жить с Хеймом в мире им явно больше по душе, чем воевать. Между прочим, сюда, кажется, направляется их делегация.

И верно, по тропе вдоль берега к стоянке войска шла группа людей. Все они были пожилыми, весьма почтенного вида мужчинами. «Старейшины, не иначе, – подумал Мерилода. – И здесь геронтократия!». Это умное слово он вычитал несколько лет назад в книге одного хеймингского автора, в которой речь шла об этнографии Ингерманландии.

После взаимных приветствий делегаты сразу же перешли к делу и спросили, откуда эта армия взялась, какова ее численность и так далее. Мерилода отвечал кратко:

– Нас две тысячи. Финны, карелы, сабры, словене. Шли в поход на хеймингов, были разбиты, теперь возвращаемся домой. У нас кончается продовольствие.

Упоминание о продовольствии, как и ожидал адмирал, сразу насторожило делегатов. Они заявили, что зерна у них мало, и поспешили убраться.

Между тем солдаты успели уже развести костры, а для адмирала поставили палатку, чему тот немало порадовался – было не очень приятно стоять на пронизывающем до костей ледяном ветру. Забравшись в палатку, Мерилода устало опустился на стул и в ожидании обеда стал размышлять.

Совершенно очевидно, что возвращаться в Сабрию ему теперь незачем. Хейминги сумели выгнать его и оттуда. Но куда идти? Видимо, на восток. Западная Ингрия скоро окончательно окажется под сапогом Хеймингии, и не только формально, так что там ему больше делать нечего. Но, с другой стороны, Восточная Ингрия – за Волховом и Ладожским озером – велика. Где именно суждено ему поселиться? Одним богам известно.

Ясно также, что вся его двухтысячная армия с ним не пойдет. Большую ее часть придется отпустить домой. Это, пожалуй, даже лучше – маленькое войско легче прокормить, им легче управлять, оно менее заметно для врага. Тех же, кто будет отпущен домой, надо будет разоружить, хотя бы частично; оружие может пойти в уплату за зерно.

Ход его мыслей был прерван слугой, внесшим скромный обед – чашку бульона из концентрата (хеймингского, между прочим, производства), тарелку тушеной капусты и ячменный кофе. Прежде чем взяться за еду, адмирал вызвал адъютанта:

– Передайте командирам отрядов, – сказал он, – чтобы построили солдат.

С обедом Мерилода покончил быстро, но, когда он вышел из палатки, войско было уже построено. Все две тысячи солдат стояли и смотрели на своего адмирала, а он, помолчав немного, начал:

– Воины! Вы прошли через много испытаний. Вы брали Фест, вы бились с хеймингами под Дружной Горкой, вы пережили страшный налет хеймингской авиации. Вы проявили чудеса мужества. Но теперь вам предстоит новое испытание, испытание не только и даже не столько мужества, сколько верности. Солдаты! Вы дрались против хеймингов, за свободу своей земли, дрались не только на земле, но и на море – я имею в виду, разумеется, вас, финны. Многие из нас – те, кто пришел со мной из Койвисто – потеряли родину по вине хеймингов. Но теперь еще и Сабрия и Хийлийоги склонили головы под ярмо Верховного Министра Хеймингии. После штурма Феста хейминги потребовали от сабров и граждан Хийлийоги подчинения, грозя, что в противном случае покорят их силой. Что оставалось делать нашим соплеменникам?! Теперь же выбирайте: или вы вернетесь на родину и будете жить под властью хеймингов, с которыми так долго боролись, или пойдете со мной на восток, чтобы там, в дебрях Восточной Ингерманландии, поднимать народы на борьбу с поработителями.

В этот момент Мерилода вспомнил один день из своей жизни – тогда его народу тоже приходилось делать трудный выбор. Внешне эти дни сильно отличались. Тот день был пасмурным. Море хмурилось вместе с небом. Мелкий дождик то моросил, то переставал, то снова начинался. Ветер обрывал желтые лисья с редких берез.

Сейчас же на совершенно чистом небе ярко сверкало солнце. Было холодно, и дул колючий пронизывающий ветер. Искрился снег. Прямо перед глазами, рассекая синие леса на две половины, лежала могучая, полноводная ингерманландская река Оредеж.

Общим было одно – необходимость выбора. И Мерилода продолжил:

– Те, кто хочет вернуться на родину, пусть встанут слева от меня. Вы должны будете сдать оружие. Те, кто идет со мной, пусть встанут справа.

Ровный строй распался, и через несколько минут перед адмиралом стояли две группы людей. И группа слева была значительно больше.

– Что ж, – сказал адмирал, – хорошо. Вам, – он указал на стоявших слева, – надо будет сдать боеприпасы и огнестрельное оружие. После этого можете уходить. Нам же с вами, – сказал он стоявшим справа, – предстоит долгий и тяжелый путь. Но ничего другого враг нам не оставляет.

В тот же день вечером та часть войска, что решила идти домой, покинула стоянку и двинулась вниз по Оредежу. Теперь предстояло сообразить, куда же идти дальше тем, кто не захотел жить под пятой хеймингов. Об этом и совещались командиры отрядов в адмиральской палатке.

Говорил Ахола:

– Взгляните вот сюда, – он указал на карту, расстеленную перед ними на столе. – Думаю, что нам лучше всего двинуться к Ладоге, куда-нибудь к устью Волхова. Согласен, район небогатый, болотистый, но у него есть важное преимущество – он лежит прямо на пути из Хеймингии в Восточную Ингерманландию. Пройдет немного времени, и именно этот путь станет главной дорогой всей Ингрии – от Архипелага до Онежского озера, по Suomenlahti, Неве, Ладоге и Свири.

Ему возразил Мерилода:

– Да, вы правы, место хорошее, но как мы будем там жить? Посмотрите, ведь там сплошные болота!

– Что ж, – не смутился тот, – в таком случае будем грабить хеймингов, благо их восточные поселения недалеко. У них на берегу Ладожского озера три крупных колонии и наверняка много мелких селений.

– Опять грабить? – вздохнул Ээро Рантанен. – Не хватит ли?

– А что делать? – ответил ему вопросом Ахола. – Таковы реалии нашего мира: если у тебя нет некоего предмета, но ты хочешь его получить, отними его у того, кто его имеет.

– Есть еще и другая проблема, – заметил Мерилода. – Сколько нас? Меньше восьми сотен. Думаете, у нас хватит сил контролировать сколько-нибудь обширную территорию, да еще столь стратегически важную, какой обещает стать устье Волхова? Хейминги вышибут нас оттуда, едва мы начнем им мешать!

– Тогда можно уйти как можно дальше на восток Ингерманландии, – предложил Рантанен. – Собственно, ничего иного нам в таком случае не остается.

– Это и так ясно, – усмехнулся Ахола, – но восток велик. Куда именно?

– Вот сюда. – Рантанен ткнул пальцем в крайнюю юго-восточную точку Ингрии на карте; эта территория была отделена от остальной страны цепочкой высоких холмов. – Видите эту гряду холмов? Это так называемая Тихвинская гряда, а местность за ней называется Загорье. Обратите внимание на речную сеть в этом районе. Ни один водоем – ни река, ни ручей, ни озеро – за грядой никак не соединяется с сетью рек, текущих в Ладогу, Волхов или Свирь. Иначе говоря, Тихвинская гряда – водораздел между бассейном Невы и еще каким-то.

– И что с того? – недоверчиво спросил кто-то.

– Как это что? Вам разве не известно, что почти единственные пути сообщения, признаваемые хеймингами – водные?!

– А Ижорское шоссе?

– Редкое исключение. Хейминги очень не любят строить длинные сухопутные дороги. Я, как вам известно, полтора года назад был по делам в Хеймсстадире и могу вас заверить: сколько полемики было в Хейме из-за этого шоссе – подумать страшно! Большинство народа было против строительства, и неудивительно, потому что дорога – дело дорогое. Шоссе было построено только благодаря вмешательству Верховного Министра. А за Тихвинскую гряду хейминги не полезут. Кто знает, куда текут те реки, что начинаются среди тамошних холмов?

Рантанен умолк. Мерилода глубокомысленно посопел и наконец махнул рукой, молвив:

– Ладно, господа, не будем строить вселенских планов. Для начала надо решить, как раздобыть продовольствие для дальнейшего пути. У нас есть излишек оружия, и его можно выменять на зерно и прочее. И вы, Тойво и Ээро, этим и займетесь.

Засим он отпустил всех. Вопрос о цели путешествия так и не был решен, но Мерилода чувствовал, что сейчас решить его все равно не удастся. Время покажет, а до того им, хотят они того или нет, предстоит идти вперед через холод и темень, голодая и отбиваясь от врагов. Такова участь преследуемых.

Проблемы с закупкой продовольствия продержали их на стоянке еще два дня. Торковичи долго колебались, прежде чем согласились дать войску зерно и прочие необходимые вещи в обмен на патроны и оружие. Ахола и Рантанен, взяв мотосани, метались, как угорелые, по деревням, соблазняя старейшин отличными автоматами, сделанными еще в Койвисто, старейшины же долго не могли понять, на каких таких жутких и свирепых зверей следует ходить с этим оружием.

Все же ценой героических усилий необходимые запасы продовольствия были собраны, а излишек оружия благополучно сбыт местному населению.

День, в который начался новый поход, выдался пасмурным и холодным. Солдаты были разбужены рано утром, задолго до рассвета. Загорелись, как всегда, костры, разливая сквозь туман болезненный свет.

Шум пробуждающегося лагеря разбудил и Мерилоду. Он, широко зевнув, оделся, поеживаясь от холода и сырости, проникающей во все щели, и вылез из палатки. Вид берега, освещенного кострами, мешавшими с туманом дым плохо высушенных веток, вызвал в его душе странное чувство. Оно было похоже на тоску, но, в отличие от нее, не было

направлено ни на какой конкретный предмет. Это чувство как будто пронизывало весь окружающий мир, оно было в молчании леса, в высоте темного неба, в болезненном тумане над рекой. Адмиралу не хотелось сейчас ни бороться с хеймингами, ни думать о том, куда идти его армии, ему хотелось просто не торопясь, без цели шагать по земле Ингерманландии, по сугробам, меж древесных стволов, и ни о чем не думать. «Какой странный мир!» – подумал он и вспомнил, что эта мысль уже приходила ему когда-то. Тогда адмирал стоял на носу флагманского корабля флота Койвисто и размышлял о предстоящем нападении на Хеймсстадир.

При этих воспоминаниях в душе Мерилоды вновь всколыхнулась мучительная тоска по родине, и жажда мести охватила его с прежней силой, снова поднялась в груди горечь и ненависть. А когда он вспомнил о численности своей армии, к ним примешалось страшное чувство собственной беспомощности.

Усилием воли он подавил в себе бурю чувств. Не время сейчас предаваться переживаниям. Есть более важные дела.

Время за последними приготовлениями пролетело незаметно, и, когда рассвело настолько, что по лесу можно было передвигаться не только ощупью, все было готово. Воины, забросив котомки за спины, построились в походный порядок, тихо гудели моторы саней. К саням, стоявшим во главе войска, была прицеплена адмиральская кибитка – большая, длиной в три и шириной в один метр, платформа на трех широких лыжах, которая несла на себе каркас, обтянутый плотной тканью, отлично защищавшей от ветра и холода. Это видавшее виды, но еще прочное сооружение отдал Мерилоде один из местных жителей в обмен на собственный автомат адмирала.

Адмирал забрался в свой прицеп, над рекой раздался протяжный звон горна, и вновь начался поход в никуда.

Медленно, не спеша, ехал вперед экипаж адмирала. Сзади раздавался шум, тот ни с чем не сравнимый шум, который производит войско на марше.

Полулежа в прицепе, Мерилода сосредоточенно прислушивался к своим эмоциям. Его удивляло то, что никаких особо сильных чувств он не испытывал. В душе царило полное спокойствие. Ему совершенно не было сейчас дела ни до хеймингов, ни до похода, ни даже до собственной судьбы. Единственным желанием, которое едва заметно теплилось в груди, было желание свернуться в комок и задремать, но сон не шел к нему.

Наконец Мерилоде надоело лежать без дела, и он перебрался на передок саней, не защищенный тентом.

Вокруг неширокой дороги стоял лес. Сквозь ветви сверкало неяркое зимнее солнце, окрашивая снег и деревья в золотистые тона. «Снег и лес, – подумал адмирал, – лес и снег… Вся Ингрия покрыта лесом, вся Ингрия

запорошена снегом, и нет конца ни лесам, ни снегам». Мерилода даже не пытался связать воедино обрывки бродивших в голове мыслей – ему было лень. Ему просто нравилось сидеть на передке саней, смотреть на широкую спину возницы и щуриться на искрящийся снег. «Где мы остановимся, интересно? – думал он. – И когда кончится поход? И где он кончится?». Отвечать на эти вопросы адмирал не хотел, да и задавал их сам себе только от нечего делать – делать-то действительно было нечего!

* * *

День прошел в скуке. Дважды делали короткий привал, потом поднимались и шли дальше. Солнце равнодушно совершало свой путь по ослепительно чистому небу, рассыпаясь синими искрами по снежным покровам полян и царственно-белым шапкам на кронах сосен. Дорога юркой змейкой то взбегала на отлогий берег, то снова спускалась на лед. Мерилода замерз в своей повозке, вылез из нее и пошел рядом, потом устал и залез под защиту войлочного полога, снова замерз и снова вылез, чтобы согреться движением, и так несколько раз.

Ночью Мерилода долго не мог заснуть. В голову лезли всякие мысли, но если днем они приходили и уходили, не обращая на себя серьезного внимания, то теперь они приходили и оставались, беспокоя и мешая заснуть.

Больше всего мучила неопределенность. Мерилоде сейчас совершенно неважно было, куда приведет их этот путь – на Ладогу, за Тихвинскую гряду или еще куда-нибудь. Ему непонятно было, какая сила заставляет его идти. С самого момента возвращения с острова Сааремаа над адмиралом как будто тяготел непостижимый рок. Цепочка необъяснимых событий загнала его сначала в Сабрию, а теперь и сюда, на самый край земли торковичей. Провал так тщательно подготовленной операции в бухте Защитной, письмо князя, предложение Ахолы идти на юг, на которое Мерилода согласился, а потом – поход на восток по предложению Рантанена и согласно предсказанию сабрского нойда… Да, здесь много непонятного. Мерилоду пронзило мучительное стремление хоть куда-нибудь скрыться. Показалось, будто за ним следит некто или нечто, следит за всеми его мыслями, поступками, эмоциями. Он приподнялся на локте и тревожно оглянулся по сторонам. «Нет, – подумал он, – я, кажется, становлюсь параноиком». Он некоторое время прислушивался, но, наконец, опустил голову на подушку.

Следующий день был не менее скучен, чем предыдущий. Время тянулось так медленно, что Мерилоде очень хотелось его подстегнуть, и он жалел, что не властен над ним.

Вечером дошли до невысоких, очень пологих холмов, разделявших бассейны Оредежа и Волхова. Там и заночевали.

Ночь выдалась прозрачная, ясная. На льдистое темное небо высыпали звезды. Адмирал сидел у костра, прислонившись спиной к прицепу, и, запрокинув голову, смотрел на них. Звезды вызывали в его душе мистический ужас. Он чувствовал себя таким ничтожным перед жуткой бездной расстояний, разделявших звезды, бездной, где ничего нет, где нет даже верха и низа. Не там ли кроется ответ на мучившие его вопросы? Одни боги знают.

А на третий день произошло и вовсе странное событие. Мерилода потом не раз пытался осмыслить и объяснить его, но безрезультатно.

С детства Мерилода очень любил музыку. Когда он ехал в Койвисто, то его заветной мечтой было заняться там изучением музыки, но с этой страстью в будущем адмирале боролась другая страсть – жажда власти и успеха. Койвистинцы никогда не были особо музыкальным народом, поэтому Мерилода, даже попав в придворный оркестр (что было, кстати, невообразимо трудно), не имел бы и сотой доли тех перспектив, которые открывались на военной службе, особенно во флоте. По сей причине он и пошел служить в военный флот Койвисто. Первое время он серьезно увлекался музыкой, научился играть на нескольких инструментах, но со временем служба совершенно поглотила его, и увлечению оставалось все меньше и меньше времени, пока оно совсем не было забыто. В Сабрии у Мерилоды появилось много свободного времени, но, когда он попытался вспомнить былое увлечение, то выяснил, что утратил все навыки игры. Учиться заново уже не хотелось, но он никогда не отказывался послушать сабрских исполнителей. Сабры считались лучшими музыкантами в Западной Ингерманландии, но Мерилода тем не менее находил, что их мелодии довольно примитивны в сравнении с койвистинскими. Впрочем, на безрыбье и рак – рыба.

Адмирал не раз жалел, что, покидая родной дом, не знал тогда ни слова на хеймингском. Только это удержало его от того, чтобы попытать счастья в Хейме. Хейминги были народом, наиболее изощренным в искусстве музыкальной гармонии и композиции. Ни одно мало-мальски заметное событие в жизни любого хейминга не обходилось без музыки и песен. Однако, одним из обстоятельств, в немалой степени способствовавших решению Мерилоды ехать в Койвисто, было исключительное своеобразие мелодики этих песен. Мелодии, ритмы, сочетания звуков были настолько непривычны слуху Мерилоды, что он отнюдь не был уверен, сумеет ли он все это освоить. Если на его родине музыка исполнялась самое большее тремя простыми инструментами, то хеймингские оркестры насчитывали их до десяти-пятнадцати и более. А лет

за двадцать до того, как Хеймсстадир стал столицей, хейминги изобрели новый инструмент, инструмент-оркестр, позволяющий извлекать звуки почти любой высоты и любого тембра, и назвали его «сарвасвара»[1]. Однако игра на нем требовала такого мастерства и такой тренированности слуха и пальцев, что Мерилода, слышавший однажды этот инструмент, сообразил, что почти наверняка с ним не справится. Словом, в Хейм он ехать не решился и отправился в Койвисто. Но потом не раз жалел, что не было у него возможности изучить как следует хеймингский язык.

На третий день воинство спустилось с холмов и двинулось вдоль небольшой речушки, о названии коей карта ничего не говорила. Речушка извивалась по долине столь замысловатыми зигзагами, что Мерилоде стоило немалых усилий сохранять представление о сторонах света.

Вечером остановились у маленькой деревушки, затерянной в бескрайних березовых лесах, вросшей в синие сугробы по самые крыши. Войско было слишком велико и при всем желании не могло разместиться в утлых и почерневших от возраста и ветхости домишках, коих была всего какая-нибудь дюжина, так что в самой деревне расположились только адмирал и его Komentajain neuvosto, основательно поредевший после изгнания из Сабрии. Жили здесь явно небогато. Изба была курная, с совершенно закопченными стенами; вдоль них на грязном земляном полу стояли широкие лавки, покрытые потертыми и засаленными звериными шкурами. В середине единственной комнаты находился стол из грубо оструганных досок. В дальнем углу висела люлька, из которой доносился детский плач. Помимо ребенка, адмирала встретили еще пятеро взрослых – две женщины и трое мужчин. Женщины – одна старуха, другая средних лет – были одеты в одинаковые балахоны неопределенного темного цвета, подвязанные на поясе простой веревкой, и босы. Из троих мужчин двое были одеты так же бедно: в простые штаны и рубахи, такого же цвета, что и одежды женщин. Все одеяния были сделаны из грубой гормовой ткани и грязны донельзя. Эти четверо смотрели на Мерилоду со смешанным чувством недружелюбия и удивления. Причина недружелюбия было понятна – появления войска Мерилоды здесь никак не ожидали, удивление же было вызвано необычно для них богатым мундиром адмирала, с блестящими пуговицами, с нашивками из золотой нити. Старик по-словенски приветствовал Мерилоду и предложил сесть за стол, что тот и сделал.

Третий мужчина был личностью весьма интересной. Когда адмирал вошел, он не изволил даже подняться с лавки, а ограничился тем, что слегка удивленно поднял бровь и затем равнодушно отвел взгляд.

---

[1] Санскр. sārvasvāra – «обладающий всеми звуками».

Он был одет очень богато. На лавке у входа, небрежно брошенные, лежали лисья шапка и доха из плотного синтетического материала, с меховой подкладкой. Высокую фигуру незнакомца облегали пушистый черный свитер и такие же черные брюки. Впечатление довершало лицо человека. Он был узколиц, сероглаз, русоволос и бородат. Над пышной русой бородой и усами красовался узкий прямой нос. «Хейминг, не иначе», – подумал Мерилода.

На приветствие адмирала человек ответил с изысканной вежливостью, на прекрасном финском языке, и тут же спросил:

– Если не ошибаюсь, я имею честь видеть перед собой господина Эйно Мерилоду, бывшего адмирала Койвисто?

Адмирал утвердительно кивнул, но, прежде чем он успел задать естественный вопрос: «А как вы узнали?», незнакомец продолжал:

– Я Владимир Стейнур, торговец из Форт-Гогланда («И действительно, хейминг», – подумал адмирал), возвращаюсь из большого торгового вояжа по Восточной Ингерманландии.

В этот момент перед ними поставили две не блиставшие чистотой тарелки с дымящейся кашей. Мерилода принялся есть, превозмогая отвращение от запаха грязи, дыма и немытых тел и от сальных, грязных, спутанных косм женщин и бород мужчин.

– Мерзкое местечко, – продолжал Стейнур по-фински. – Грязь и вонь такая, будто они здесь не мылись со дня сотворения мира. Между прочим, по-фински можете говорить не стесняясь. Они и наш хеймингский язык с трудом понимают, а уж о финском я и вовсе молчу.

– Они, кажется, словене, – заметил Мерилода.

– Верно, словене, – усмехнулся хейминг, – только изъясняются на таком варварском диалекте, что их даже соседи едва понимают. Впрочем, в этих местах среди словен в каждой деревне – свой диалект.

– Кстати, о языках. – Адмирал перевел разговор на другую тему. – Откуда вы знаете финский?

– Мне раньше часто доводилось бывать в Койвисто, да и в других финских землях бывал не раз, вот и пришлось выучить. Я даже в Маарианхамину плавал.

– А сейчас?

– Сейчас на машине езжу, и хвала Будде Благословенному, что она с электромотором. У государственных транспортных компаний машины мощнее и вместительнее, но работают на торфине, а где его достанешь на Востоке?

– Как торговля идет?

Хейминг вздохнул:

– Ужасно! Вот этим вот полуживотным, – он покосился на хозяев, – удалось продать только дрель и две пачки сверл, но сколько усилий я на это потратил – ни Бояну, ни Вяйнямёйнену, ни Бальдру не описать, даже если очень захотят! Впрочем, не везде так. На Востоке было легче намного, там народ богатый и принимает нас едва ли не с распростертыми объятьями.

Мерилода, слушая речь Стейнура, наконец сообразил, как тот догадался, что перед ним – адмирал княжества Койвисто. Проще простого – он все время позволял хеймингу видеть свой правый рукав с адмиральскими нашивками; на черных погонах его мундира были золотой нитью вышиты венки из ветвей сосны – такие погоны носило только высшее командование Койвисто. А уж то, что адмирал Эйно Мерилода пропал где-то на юге Ингерманландии, Стейнуру наверняка было отлично известно.

В этот момент торговец, видимо, спохватился, заметив, что слишком много рассказывает о себе, и поинтересовался:

– А вас, адмирал, что погнало на восток?

– Сам не знаю, – вздохнул Мерилода и вкратце рассказал Стейнуру о событиях, произошедших после неудачного нападения на Хеймсстадир. Когда он кончил, хейминг только головой покачал.

– Да-а, тяжела ваша участь, адмирал.

Мерилода хотел было гордо заявить, что не испытывает особой нужды в сочувствии, особенно от хеймингов, но торговец продолжал:

– Я, между прочим, как раз еду к торковичам и в Сабрию. Надеюсь, там я найду, наконец, сбыт своим товарам. А вы как думаете?

– Думаю, найдете, – слегка суховато ответил Мерилода. – Кстати, как там, на Востоке?

– Вообще-то на Востоке неплохо, только снега много. Весь Восток – это, кажется, один сплошной лес. Леса там столько, что подумать страшно. На самом юге и в Загорье живут одни словене и вепсы, севернее к ним примешиваются карелы. Дальше на север, за Свирью, обитают уже преимущественно карелы, а словен там мало. Народ не особенно богатый, хотя и далеко не такой нищий, как на Волхове. Отчасти это земледельцы, но большей частью охотники и рыболовы, и торговать с ними значительно легче, чем со здешними жителями. Кстати, я вот вожу с собой одну вещь, и вам она, может быть, понравится.

Стейнур вскочил и, не обращая внимания на жгучий декабрьский холод, вышел за дверь. Минут через пять он вернулся, держа в руках необычного вида коробку. Это был ящичек из странного черного материала (не то стекло, не то металл, не то выкрашенная масляной краской фанера) в три четверти локтя длиной, в ладонь шириной и две ладони высотой. Его передняя стенка была решетчатой, а на верхней блестели непонятные ручки и не очень длинная полированная металлическая трубка, закрепленная с

одного конца. К задней стенке крепилась большая пластина из серого непрозрачного стекла.

Торговец взял сальную свечу и поднес ее ближе к устройству. От прикосновения его пальцев стеклянная пластина отвалилась от корпуса. За ней потянулся тонкий проводок. Стейнур поддел трубку ногтем и стал вытягивать, и телескопическая трубка легко подалась под его пальцами. Потом он поднес пластину почти к самому пламени свечи и нажал на одну из кнопок на верхней панели. Загорелась красная лампочка, и из устройства полилась чарующая музыка.

– Эта штука, – сказал хейминг, – называется приемник. Музыка, которую мы сейчас слышим, исполняется оркестром Форт-Сескара и передается на расстояние, так что мы можем ее слышать.

– Передается? – спросил Мерилода удивленно. – Как?

– Не знаю, – пожал плечами Стейнур. – В школе мне объясняли что-то о радиотрансляции, но с тех пор столько лет прошло, что я уже ничего не помню.

Он крутнул ручку на панели, в приемнике что-то пискнуло, а затем из него послышался ровный мужской голос: «Сегодня Верховный Министр Хейма прибыл с рабочим визитом в Великое Княжество Литовское. В порту Клайпеда его приветствовали…».

– Вот, – сказал хейминг, – «Радио Хеймсстадир», государственная радиостанция Хеймингии.

Мерилода несмело потянулся к приемнику и осторожно повернул ручку. Снова послышалась мягкая ритмичная музыка. Голос пел что-то в сопровождении барабанных ударов и пения труб.

– Это радиостанция «Кантелетар». Передает только классическую ингерманландскую музыку, – сказал Стейнур.

– А для чего вот это? – спросил Мерилода, указывая на пластину, которую торговец держал в руке.

– Это-то? Эта штука, как мне объясняли, преобразует свет в энергию, питающую приемник. Сейчас он работает, как сами можете заметить, не слишком хорошо – свеча дает мало света, но если вы вынесете пластину на дневной свет, то приемник и работать будет громче, и помех будет меньше. Слышите, какой треск?

Действительно, музыка была очень тихой и все время перекрывалась довольно громким шумовым фоном.

– Скажите, – неожиданно для себя спросил адмирал, – а сколько стоит этот аппарат?

– Да немного, – улыбнулся Стейнур и назвал цифру. – А вы, что, хотите купить?

– Да. Я покупаю его.

Мерилода вышел из избы, забрался в свой прицеп, нашарил кошелек с деньгами, отсчитал нужную сумму, вернулся и положил горстку койвистинских марок перед хеймингом.

– Только марки, – сказал он, – других у меня нет.

– Ничего, – рассмеялся очень довольный Стейнур. – Ведь я сколько времени возил его с собой! Уж думал – так и вернусь с ним домой.

Спать в избе адмирал отказался. У него не было ни малейшего желания провести ночь в грязной дымной хибарке. Много приятнее было спать в своих санях.

Лежа в спальном мешке, Мерилода думал, зачем понадобился ему этот приемник, и никак не мог понять. За приемник пришлось выложить изрядную сумму денег, которую можно было израсходовать с гораздо большей пользой. Это, верно, музыка так на него повлияла. Да, та странная песня, совершенно заворожившая его! Он стал как будто сам не свой и не мог противиться силе, заставившей его это сделать. Ах, опять эта сила! «Какая-то». Но какая?!

Всю ночь ему снилась слышанная им мелодия. Она журчала в его ушах, в его мозгу, мягкий голос певца успокаивал и умиротворял. Грезились бездонные зыбкие дали. Мерилоде казалось, будто он птицей мчится над зачарованной снеговой землей. Открывались бескрайние гряды холмов, залитые ласковым рассеянным светом облачного неба; с холмов стекали по склонам синие волны лесов, струились по долинам рек, бушевали, сталкиваясь, на возвышенностях, и – небо, безграничное ингерманландское серое небо! Оно обнимало землю, бережно кутая ее в мягкую пелену облаков, из которой на спящие леса, на реки, озера, холмы и долины бесшумно сыпался снег. И над всем этим ласково звенела музыка, пронизывая странным гипнотическим ритмом неподвижный воздух.

Утром, едва начало светать, войско, как обычно, двинулось дальше. Одновременно с Мерилодой отправился в путь и торговец. Он выехал с заднего двора на своем внушительных размеров грузовике, вежливо распрощался с адмиралом и укатил, взвихрив за собой снежную пыль. Адмиралу же пришлось повозиться с отправлением несколько дольше.

В рассветных лучах он сумел хорошо разглядеть ту деревню, где они только что переночевали. Избы при взгляде снаружи производили не лучшее впечатление, чем изнутри. Жалкие хибарки, частью покосившиеся, почерневшие от времени, почти до крыш засыпанные снегом. Ни одна крыша не была украшена трубой, из чего Мерилода заключил, что все избы здесь курные. «Кошмарное варварство! – подумал он с жалостью. – Как они тут живут?!».

Провожать армию вышло все население деревни. Ничтожная горстка мужиков, баб и детишек – все грязные, пропахшие дымом и потом – стояла вдоль дороги, угрюмыми взглядами провожая солдат.

* * *

Мерилода полулежал в санях. Часть бокового полотнища была откинута, позволяя видеть однообразный ингрийский пейзаж – сосны, ели, осины, березы, поляны, прогалины, ручей, вдоль которого они ехали. Тысячи раз Мерилода видел все это, он жил среди этого, и все же никогда ему не надоедало любоваться тихой природой этой земли. Снаружи палатки, на каркасе, была укреплена пластина – «фотоэлемент», как назвал ее Стейнур. Он говорил, что пластина сделана не из обыкновенного стекла, а из какого-то особенного, небьющегося и вроде бы даже не стеклянного. Мерилода ничего не понял, да и не особо стремился понимать. Он только знал, что материал пластины действительно легче обычного стекла и что именно эта пластина, из чего бы она ни была сделана, позволяет ему слушать божественные мелодии Хейма. Адмирал сам не понимал, что так привлекало его в этой музыке. Может быть, необычность ее, может быть, возможность просто развлечься в дорожной скуке… а может быть, и эта всемогущая «сила»! Кто знает?

Приемник был настроен на волну «Кантелетар». Регулярно, каждые два часа, радио передавало последние новости Хеймингии, и это вызывало у адмирала неприятное ощущение, нечто вроде легкой досады. Ненависть к хеймингам, невзирая даже на недавнее позорное поражение, в последнее время слегка поутихла, но с момента встречи со Стейнуром начала разгораться вновь, чему в немалой степени способствовали хеймингские песни, и Мерилода испытывал теперь странное двойственное чувство. С одной стороны, его терзали ненависть и жажда мести, а с другой – манили и завораживали мелодии Хейма, и он разрывался, не зная, какой из них отдать предпочтение, и то мучительно сожалея, что встретил торговца, то благословляя за это судьбу.

На пятый день дорога пошла под уклон, лес начал редеть и, наконец, расступился. Перед Мерилодой открылось огромное пространство замерзшей реки. Волхов. По его берегам темнел хмурый и торжественный снежный лес. Левый берег, на котором стояло войско, был холмист, густые леса волнами низвергались с его склонов к реке, а вершины холмов гордо вздымались к сияющему чистой синевой небу, овеваемые всеми ветрами Ингерманландии. В самом поднебесье на распластанных крыльях парила птица. Правый же берег, на который воинству предстояло перебраться, был низменным. Синий зимний лес стеной стоял по берегу, как страж,

закрывающий изгнанникам доступ в земли за Волховом. Если смотреть на левый берег, казалось, что небо совсем-совсем близко – стоит только подняться на вершину, и можно будет дотянуться до него. Над правым же берегом небо было недосягаемо высоким, и с этого бесконечно далекого и бесконечно близкого неба на мир изливало холодные лучи заходящее зимнее солнце, заставляя сиять синеву зенита, заставляя сверкать снег. А между берегами в звенящей тишине лежала ширь и даль Волхова. Река убегала в туманные дали на севере, неся свои застывшие волны из струящегося марева и дымок юга, и ее толстый прозрачный лед призрачно мерцал в солнечных лучах.

Мерилода подозвал Ахолу:

– Пусть разбивают лагерь. Стоянка будет здесь.

– А разве на тот берег переходить не будем? Я думаю, до темноты успеем.

– Не будем. Мне надо еще осмотреться и сообразить, что делать дальше.

– Как «что»? Это, кажется, и так понятно – идти на восток. Чего здесь интересного?

– Здесь много интересного, – произнес Мерилода с неожиданной значительностью. – Здесь очень много интересного.

Ахола посмотрел на него слегка удивленно и, пожав плечами, отошел, а адмирал, взяв бинокль, принялся взбираться на ближайший холм. Склон его был покрыт глубоким снегом, так что Мерилода добрался до вершины только через полчаса, взмокший и уставший, и опустился на корточки, прислонившись спиной к дереву.

Холм был высок и покрыт редким лесом, что позволяло хорошо видеть земли за Волховом. Мерилода, передохнув, встал, приложил к глазам бинокль и стал вглядываться в снежную даль.

Пейзаж правого берега был однообразен: леса простирались до горизонта, на плоской равнине лишь кое-где поднимались невысокие пологие бугры, а за лесными дебрями на северо-востоке у самого горизонта скорее угадывалось, чем виделось обширнейшее безлесное пространство. Оно даже на хеймингской карте было отмечено очень условно; не было даже подписано его название. Это место заинтересовало Мерилоду, и он решил, что по пути на восток туда неплохо было бы заглянуть, а затем перевел взгляд южнее. Но там ничего особо интересного не было. Бескрайний синий заснеженный лес, дымка и облака на горизонте, а над ними – начинающее темнеть небо.

Адмирал спустился с холма, основательно выкупавшись в снегу, и побрел к стоянке. Собственно, эта рекогносцировка была ему не очень нужна – карта позволяла довольно точно ориентироваться на местности, –

но стояние на холме на морозе дало возможность сосредоточиться, успокоиться и все обдумать.

В лагере уже был готов ужин. Мерилода погрелся у костра, перекусил, от нечего делать осмотрел, хорошо ли защищен периметр лагеря, и пошел спать.

Ночью его разбудил вой. Мерилода приподнялся на локте и прислушался. Часы показывали половину четвертого ночи. Вой повторился. Он несся с севера, из глухих снегов и лесов нижнего Волхова. Мучительная тоска, голод и одиночество звучали в нем. «Волки», – мелькнуло в голове. Волк завыл снова, и ему ответили; ответный вой донесся, как показалось адмиралу, откуда-то с востока, с правого берега. Вскоре к двум волчьим голосам присоединился третий. Он раздавался совсем рядом, чуть южнее лагеря. Этого концерта Мерилода в конце концов не выдержал, оделся и, взяв бинокль, вылез из прицепа. Подойдя к периметру, вгляделся в лунную полутьму. Река, отлично просматривавшаяся из лагеря, и окрестные холмы были залиты дрожащим, неверным лунным светом. Волховский лед слабо мерцал в ночи. На белой полосе реки появилась черная точка. Мерилода приложил бинокль к глазам и увидел на льду волка. Громадный серый зверюга, с теленка размером, осторожно сделал несколько шагов вперед, принюхиваясь к неподвижному воздуху и навострив уши. Из-за реки донесся новый вопль, и зверь на льду, вытянув морду к луне, завыл в ответ.

Следя за волком, адмирал удивлялся, почему раньше он не замечал волчьего воя, почти каждую ночь доносившегося из окрестных лесов. Волков в Ингерманландии было много, и редко случалось, чтобы они не давали о себе знать ночными концертами.

Тем временем зверь рысью перебежал реку и скрылся в прибрежных тальниках. Мерилода постоял еще некоторое время у периметра, а потом снова залез в палатку.

Наутро, очень рано, когда еще только светало, лагерь был разбужен звуком горна. Уже через полчаса костры были потушены, армия построилась и двинулась к реке.

По льду адмирал шел рядом с санями, не рискуя в них сесть – лед мог и проломиться. Было холодно, и он кутался в теплый зимний плащ, что, впрочем, не спасало от пронизывающего ветра, разгонявшего по Волхову остатки ночного тумана.

До другого берега добрались быстро и без приключений и двинулись вниз по течению. Берег был низкий, пологий и, судя по всему, болотистый. Снег был здесь очень глубок, так что адмирал решил идти не по берегу, а по льду. Сначала он еще опасался, что корка льда на реке окажется ненадежной, и с некоторой тревогой поглядывал назад, на войско, но вскоре успокоился и, устав идти, залез в сани. Устроившись там поудобнее, он

откинул часть бокового полотнища, чтобы видеть берег, включил приемник и настроил его на станцию «Кантелетар».

Плавный, величавый ритм музыки удивительно гармонировал с открывавшимися вокруг однообразными, пепельно-серыми безмолвными пространствами. По берегу Волхова теснились холмы, покрытые серым заснеженным лесом. Темнели на склонах синие еловые чащи, густые, заваленные непроходимыми сугробами; светлыми пятнами выделялись обширные березняки и осинники. Пейзаж, удивительно однообразный, не оживлялся ни одним дымком, ни даже узкой ниточкой дороги. Места были дикие, необитаемые, но Мерилоду это даже радовало. Он ни с кем не хотел сейчас встречаться. Гипнотизирующая хеймингская мелодия, поражающая удивительным сочетанием четкого ритма и струящейся плавности, зачаровала его. Она была, пожалуй, несколько монотонна, ибо состояла из одной, хотя и довольно длинной и сложной, музыкальной фразы, повторяющейся несколько раз и сопровождаемой голосом солиста, которому в определенных местах подпевал хор, но – великие боги, как это однообразие сочеталось с однообразием речных берегов! Река и песня входили друг с другом в такой резонанс, что адмирал, внимая им, совершенно забыл обо всем – о войске, о хеймингах, о покинутой родине, о Сабрии, даже о своем собственном будущем. Сила музыки была такова, что наконец он впал в напряженное оцепенение, он грезил наяву. У него возникло странное желание – раствориться в воздухе и растечься вместе с ним по лесам и холмам Ингерманландии, по ее стылым стальным озерам, хмурым рекам и струящимся под сенью чащ незаметным ручьям, по снегам, по болотам и по дымным деревенькам этой священной земли. Чувство было так мучительно блаженно, что, когда музыка умолкла и голос диктора объявил следующую песню, Мерилода досадливо вздохнул. Досада, однако, очень скоро угасла и сменилась изумлением. Адмирал был изумлен тем, какую власть приобрела над ним музыка, причем музыка его заклятых врагов – хеймингов. Нечто похожее он испытывал в жизни лишь раз – на богослужении у оркнейцев.

Радовало то, что скука теперь его не мучила. Мерилода нашел себе развлечение в приемнике, одновременно получив возможность удовлетворить свой интерес к музыке.

На восьмой день пути армия подошла к устью одного из притоков Волхова. Вправо, на восток убегала лента реки, казавшейся ручейком в сравнении с Волховом, но все же довольно широкой. На карте она была отмечена как Мустайоки, или Черная, и заинтересовала Мерилоду тем, что брала начало в том безлесном пространстве, которое он видел с холмов левого берега Волхова. Адмирал дал знак свернуть, и воинство вступило под сень прибрежных ельников.

К Мерилоде подъехал на мотосанях Ахола.

– Адмирал, зачем мы туда повернули?

– Ну как – зачем? – слегка удивленным тоном отозвался тот. – Ведь мы же собирались идти на восток, так?

– Так, но почему именно здесь?

– Эта река выведет нас к водоразделу между Волховом и Сейскийоги, а она берет начало где-то далеко на востоке.

– А почему тогда мы сразу не пошли на восток, а брели столько времени по Волхову?

Мерилоду этот вопрос озадачил. Он до сих пор не задумывался над этим. Кроме того, Ахола со своими вопросами начал его раздражать. «Ну чего ты ко мне прицепился?!» – мысленно взмолился Мерилода. Однако, скрыв чувства, он высказал первое же объяснение, какое пришло ему в голову:

– Южнее мы могли бы заблудиться, да там и народ недружелюбный. Нападут еще, чего доброго… А почему ты спрашиваешь?

Ахола, казалось, только и ждал этого вопроса.

– Меня смущает вот что, – сказал он. – Река, берегом которой мы сейчас идем, вытекает из местности, которую хейминги называют Грюнемоор, а местные жители – Зеленецкими болотами. Это заболоченная местность размером сорок на пятнадцать километров. Совсем трясиной ее назвать нельзя, но все же там есть очень много таких гиблых местечек, что да хранит Тапио кого бы то ни было туда сунуться.

– Ну и что? – еще ничего не понимая, спросил Мерилода. – Будь там хоть четырежды трясина, зимой-то она все равно замерзает!

– Это верно, но это не самое опасное, что есть на Зеленецких болотах. В той деревне, где ты столь удачно приобрел себе безделушку, – Ахола покосился на приемник; адмирал ответил возмущенным взглядом, но ничего не сказал, – мне поведали следующее. Говорят, что в самом центре болот есть большое озеро. На берегах его много глины, а само оно во многих местах поросло камышами. От него к границе болот ведет несколько троп. И вот на этом озере, по уверениям обитателей деревни, живет какое-то странное племя. Они не пропускают никого через Грюнемоор, а иногда нападают на окрестные племена. Однажды они дошли даже до левого берега Волхова, до той деревни, о которой я говорил. Против них несколько раз ополчались, но никто из ополченцев до сих пор не вернулся.

– А тебя, случаем, не надули? – слегка насмешливо спросил адмирал.

– Не думаю. – Ахола проигнорировал насмешливый тон Мерилоды. – Все это рассказали мне переселенцы, жившие в лесах к западу от Грюнемоора, но года два назад покинувшие то место.

– Этих переселенцев много?

– Две семьи.

– Зачем они ушли из тех мест?

– По их словам, два года назад зеленчане подвергли их земли столь капитальному разорению, что жить там стало просто невозможно и пришлось сбежать.

– М-да, – пробормотал Мерилода себе под нос, почесывая бороду. – Странненький народец. А это, случаем, не хейминги?

– Может быть, и хейминги. Не знаю.

– Хм! – воскликнул вдруг адмирал, подняв палец, как делал всегда, когда его осеняла интересная идея. – А что, если нам выбить тот народец с его озера, а? Что скажешь?

Ахола посмотрел на него удивленно.

– А если это хейминги? – вернул он адмиралу этот вполне резонный вопрос, нисколько, однако, не смутив Мерилоду. Тот хмыкнул.

– Ха! Я же не собираюсь лезть туда с бухты-барахты. Проведем разведку. Если это действительно хейминги, обойдем их, а если нет – пусть молятся тогда своим богам!

– Почему тогда все ополчения пропадали на Зеленецких болотах, как сквозь землю проваливались?

– В какое время года организовывались ополчения?

– Не знаю.

– Насколько многочисленны они были?

– Думаю, что не очень. Человек сто-двести.

– Чем они были вооружены?

– Да уж известно, чем – дубинами, рогатинами, ножами, топорами.

– Ха! – фыркнул Мерилода. – А пробовали эти… как их…

– Зеленчане.

– Да. Так вот, пробовали они пороха когда-нибудь или нет? Думаю, что не пробовали, а как попробуют – тут же разбегутся в панике, бросив Грюнемоор в полное наше распоряжение.

– Откуда такая уверенность?

Мерилода пожал плечами.

– Понятия не имею. Могу только сказать, что, если мы выкурим этот народец с Грюнемоора, это послужит к нашей же выгоде, причем немалой.

– Да? – возразил Ахола. – Что за выгода – сидеть на болоте?

– Мы сможем безнаказанно облегчать соседние племена от излишков добра, причем самым что ни есть законным грабежом. Через болота окружающие народы к нам не сунутся, а мы к ним – запросто. Кроме того, предвидится колонизация этого района хеймингами, которые, думаю, смогут составить значительный источник наших доходов.

– А зимой?

– Что зимой?

– Зимой болота уже не будут препятствием, и не только словене или вепсы, но и хейминги смогут явиться к нам – и тогда да поможет нам Юмала!

– Ну, с зеленчанами словене и вепсы пока еще не справились!

– А у зеленчан, может быть, есть какое-то особенное оружие.

– Возможно. В таком случае примем его на вооружение. Авось и против хеймингов поможет. В любом случае нельзя строить планы, пока не проведена разведка. Время покажет.

Ахола, ничего не ответив, уехал к арьергарду, а Мерилода сел поудобнее и задумался.

Рассказ Ахолы его серьезно обеспокоил. Поход и без того дается нелегко, а здесь еще и новая опасность. Может быть, это и действительно хейминги; тогда с ними лучше не связываться – себе дороже. С другой стороны, хейминги не так страшны, как какие-нибудь зеленчане, – известно, кто они такие и чего от них ждать. Да, кроме того, странно было бы встретить здесь, на этих гнилых топях морских скитальцев хеймингов.

Адмиралом овладела робость, которой раньше он еще не испытывал. Она была усилена загадочной мелодией, лившейся из приемника. Кроме того, Мерилода действительно не понимал, почему решил идти вниз по Волхову: может быть, надоели бесконечные темные дебри и захотелось простора… а может быть, снова эта «сила»! «Ладно! – сказал сам себе Мерилода. – Хватит трусить! Время покажет». После чего откинул часть бокового полотнища.

Окружающие леса, впрочем, не представляли собой ничего интересного. Это были обыкновенные низинные болотные осинники и ельники. Жалкие чахлые осинки печально торчали из сугробов, покрывавших скудную заболоченную почву. Между ними тянулись к серому небу такие же хилые, больные кусты крушины. Осинники сменялись темными ельниками, такими же чахлыми и хилыми. С еловых лап свисали бороды лишайников. Здесь из-под снега не пробивалась уже ни одна веточка – самим елям не хватало тех скромных запасов, коими питала их земля, и они глушили всякую постороннюю растительность. Местность была очень болотистая, что сразу чувствовалось по характеру растительности, и даже ручьи и каналы, во множестве пересекавшие землю, не могли избавить ее от излишков влаги. Мерилода смотрел на все это и думал: «Укко и Рауни! Неужели здесь тоже живут люди?!».

Люди здесь действительно жили. Часа за два до сумерек армия дошла до маленькой деревни, прятавшейся среди еловых дебрей. Деревня была, кажется, еще более нищей и грязной, чем та, в которой Мерилода встретился с хеймингским торговцем. Вышли они к ней совершенно

неожиданно: адмирал сидел на открытом передке саней и озирался вокруг, на нависавшие над ним еловые лапы, кругом не было ни единого признака жилья, и вдруг река, по льду которой они шли, вывела их к небольшому полю. В середине его виднелось несколько маленьких строений с покатыми крышами. Вокруг них торчали из снега заборы. Когда подъехали ближе, Мерилода насчитал здесь восемь штук строений, жалких, чуть живых, приземистых, словно злым роком приплюснутых. Навстречу армии вышло несколько человек, одетых в бедные и грязные одежды, давно потерявшие свой цвет от дыма и долгого употребления. Люди смотрели на войско с привычным уже для адмирала смешанным чувством страха и враждебности.

Оставив армию у околицы, адмирал подозвал Ахолу и Рантанена и с важным видом въехал в деревню. Местные жители с опасливым любопытством осматривали адмиральский прицеп и снегоходы. Мерилода заговорил с ними, что, надо сказать, было нелегко, ибо язык их был еще более дикий, чем на левом берегу Волхова. Это была непредставимая смесь из словенских, вепсских и ижорских слов, которую Мерилода понимал едва-едва. Однако беседа все же завязалась. Соединив усилия, Мерилода, Ахола и Рантанен выяснили следующее.

К западу от Зеленецких болот жило всего лишь около пяти-шести сотен человек. Почва здесь была крайне скудная и позволяла выращивать только очень неприхотливые растения – горму, салат, щавель и некоторые другие. Большую долю в рационе местного населения занимали «дары леса» – разного рода грибы и ягоды, а также рыба, в изобилии водившаяся в Волхове и многочисленных ручьях и речках, впадавших в него. Домашних животных не держали – это требовало слишком больших усилий, а выгоды от этого были ничтожны.

Наконец, выяснив все это, Мерилода спросил:

– Я слышал, что недалеко отсюда, на Зеленецких болотах, живет какое-то могущественное племя. Что вам известно о нем?

Реакция на вопрос последовала мгновенно. Разговорившиеся было туземцы напряглись и сжались; в их глазах вновь вспыхнула начавшая уже угасать враждебность. Повисло давящее молчание. Люди переглянулись. Наконец один из них коротко ответил, страшно коверкая финские слова:

– Ничего. Мы ничего не знаем.

По тону говорившего Мерилода понял, что искать более полного ответа у них бесполезно. Туземцы, видимо, здорово боятся этих зеленчан. Боятся настолько, что не желают даже говорить о них. Придется искать ответа обходным путем. Но не сейчас. После. Хийси с рогами, чем так пахнет от этих дикарей?! Какая мерзость! Интересно, представляют они себе, хотя бы отдаленно, что такое баня? Вряд ли.

Мерилода поблагодарил людей за информацию и приказал вознице ехать назад. Вслед за экипажем адмирала поехали Ахола и Рантанен.

Адмирал был недоволен. Самая нужная информация оказалась недоступной. Придется отправлять в Грюнемоор разведчиков. Этим займется, естественно, Ахола, считающийся – и справедливо – лучшим разведчиком в войске, отлично зарекомендовавшим себя еще в Касколе. А впрочем, Мерилода и сам с этим справится, Ахолу же можно занять чем-нибудь другим. Неприятно еще и то, что продовольствие на исходе. Надо срочно найти источник пополнения запасов.

Наконец Мерилоде надоело думать. Он в третий раз за сегодняшний день сказал себе: «Ничего! Время покажет!», включил приемник и весь отдался музыке.

Мелодия была, как всегда, ритмична, но в этом ритме чувствовалось необычно сильное напряжение, настолько сильное, что от него, казалось, звенел даже воздух, звенел, как звенит под дуновением ветра туго натянутая струна.

Песня вызвала у адмирала наплыв воспоминаний. Он вспомнил, как гудят корабельные снасти, когда в море налетает свежий холодный ветер, треплет и дергает паруса и канаты, заставляя корабль быстрее мчаться по волнам. И еще он вспомнил, что с того самого дня, когда начался поход в Сабрию, он ни разу не видел моря. А ведь море было его родной стихией! Он родился на море, поехал искать счастья в приморское государство, ставшее впоследствии могущественной морской державой, достиг славы и почета благодаря морю, – и именно море лишило его родины, прервало его карьеру и заставило искать счастья в диких дебрях ингерманландских лесов. А не в море ли сокрыта та сила, что заставляет его теперь идти куда глаза глядят, не зная даже цели этого похода?! Что там нойд говорил об острове? От этой мысли, молнией сверкнувшей в мозгу, Мерилода вздрогнул. Подобные соображения еще ни разу не приходили ему на ум. «Что ж, – подумал он, – быть может, и в море». Но каким образом связано море с его судьбой? Да, его блистательная карьера и громкая слава действительно зиждились на бегущих невесть куда волнах, на непостоянных и переменчивых водах Финского Залива; в этом невозможно усомниться. Но как связана с морем катастрофа у острова Лавансаари? Море здесь вовсе не виновато. И уж конечно, оно не может быть виновато в поражении под Дружной Горкой, сыгравшем в жизни адмирала не менее серьезную роль. Или все-таки прав старый нойд и все это – из-за того, что у него похищена душа?

Между тем шум лагеря все больше отвлекал Мерилоду от раздумий, врываясь в их плавное течение. Наконец адмирал выключил приемник и отправился осматривать лагерь, решив размышления о своей судьбе

оставить на потом, на более подходящий час, когда все лягут спать и ничто уже не будет служить помехой.

Той ночью адмиралу приснился странный сон. Во сне он перенесся на много лет назад, в те времена, когда он, простой мичман, ухаживал за красивой и загадочной жрицей-оркнейкой.

Мерилода стоял в увитой плющом беседке и ждал свою возлюбленную. Беседка находилась в самом диком и запущенном углу Сада Ветров в Суолайтури. Это был знаменитый сад, разбитый основателем династии Виртанен, князем Отсо Великим, в честь первой победы созданного им же флота Койвисто – прославленной битвы у скалы Халли. Мичман Мерилода, перебирая все это в памяти, ходил из угла в угол по беседке. Была белая летняя ночь. В неподвижном воздухе висела призрачная дымка северной зари. Марево света неслышно струилось по земле, по воде Залива, видного из беседки. Было четыре часа утра.

На заросшей травами тропинке послышался шорох шагов. Кто-то шел, задевая полами одежды за травы, буйно разросшиеся у тропы. Через несколько секунд из-за листвы кустарников показалась хрупкая фигурка оркнейки. Жрица была облачена в длинный, до пят, белый балахон, перехваченный на поясе белым же шнурком. Не дойдя каких-нибудь двадцати шагов до беседки, она вдруг остановилась, как будто ее кто-то окликнул, оглянулась и стала тревожно вглядываться в летний ночной полусвет, струившийся по замершей листве. Мерилода недоумевал. Он ведь назначил ей свидание в четыре утра, именно в этой беседке, так чего же она ждет? Чего или кого? От последнего вопроса у него похолодело внутри. Он хотел позвать ее, побежать к ней, но что-то внутри удержало его от этого – и хорошо! Ибо в этот миг со стороны моря сквозь шелест волн по песку он различил шаги. От берега к беседке кто-то шел. Жрица, услышав эти шаги, встрепенулась и впилась взглядом в листву, обернувшись в сторону звука. Между листьями замелькало что-то черное, и на тропинку вышел человек, с виду – мужчина, одетый в длинный угольно-черный плащ до пят, с капюшоном, надвинутым низко и скрывавшим лицо. Жрица подалась было к нему, но он жестом остановил ее и заговорил с ней о чем-то. Говорили тихо, и Мерилода ни слова не мог разобрать. Хуже того – он не мог даже понять, что его возлюбленная испытывает к человеку в черном. Она стояла лицом к беседке, и он ясно видел каждую черточку ее лица, но все-таки не понимал – то ли она любит этого незнакомца, любит по-настоящему, сильно и искренне, то ли до смерти боится его. Выражение ее лица было таким неопределенным, что невозможно было понять, страх и мольба отражаются на нем или же любовь и радость. В молодом мичмане медленно закипала ярость. Если этот тип в черном вызывает в девушке страх, говорил он сам

себе, его необходимо уничтожить; если же он – ее возлюбленный, то его все равно необходимо убить, а затем расправиться и с изменницей.

Наконец Мерилода решился. Он с воинственным видом вышел из беседки и твердым шагом двинулся к парочке. Жрица заметила его, и ее лицо тут же приняло равнодушное выражение, словно она спешила в беседку к своему возлюбленному и лишь случайно встретила на тропе этого господина в черном. Мужчина, заметив это, повернулся и быстро зашагал по направлению к берегу. Мерилода, решив не тратить времени на объяснения с женщиной, ринулся за ним. Жрица попыталась его удержать, но он оттолкнул ее руки.

Человек в черном вышел на берег. Слева от него был город, виднелись портовые сооружения. Направо тянулся песчаный пляж. Заметив, что его преследуют, человек повернул направо и не спеша пошел по влажному от предутренней росы и морских волн песку. Мерилода побежал за ним, немало удивляясь тому, что никак не может догнать его, хотя тот идет не торопясь, а мичман бежит со всех ног. «Стой! – взревел Мерилода. – Стой, убью!». Человек оглянулся и продолжал идти. Вскоре Мерилода все же начал его догонять. Он был распален яростью и судорожно сжимал в руке рукоять кортика. Расстояние между ними все сокращалось. Все ближе и ближе… Три метра… два… метр… И тут Мерилода выхватил кортик из ножен и что было силы всадил его в спину человеку в черном. Тот остановился, повернулся, слегка приподнял рукавом капюшон, и в мичмана впился его хищный всевидящий взор. Затем он стал медленно опадать. К ногам Мерилоды упал плащ. Тот рывком поднял его… Под плащом валялся кортик. Он был без единого следа крови. Больше ничего под плащом не было.

Мерилода выпрямился, сжал кулаки, и из его горла вырвался стон, рычание, полное ярости и ужаса. Он оглянулся. На вылизанном волнами песке отпечаталась цепочка следов – его следов. Никаких других там больше не было. Дунул ветер, подняв пыль (в глубинах мозга вспыхнула мысль: «Ветер? В этот час? Пыль? Но ведь песок мокрый!» – и сразу же погасла), дунул и разметал обрывки плаща по песку, по волнам Залива. Разлетелись бесформенные клочья черного тумана и растаяли в воздухе. Мерилода вскрикнул, рухнул, как подкошенный, на песок… и проснулся.

Некоторое время он лежал неподвижно, не понимая, где находится. Сознание все еще туманилось сном. Где-то в глубинах души таился ужас, метался эхом по лабиринтам пробуждающегося мозга. Перед глазами все еще стоял взгляд человека в черном – то, что вызвало ужас. Глаз человека Мерилода не видел; казалось, у него вообще не было лица, а был только взор, прожигающий насквозь, заставляющий задыхаться под бременем нестерпимого ужаса.

Наконец Мерилода окончательно проснулся, стряхнул с себя остатки кошмара и вылез из саней. Морозный воздух освежил его. Он вдохнул полной грудью и улыбнулся. Как все-таки хорошо жить! Жить, видеть этот лес, ночь, слабо тлеющие костры и дышать, дышать! Вдыхать холодный воздух, пахнущий еловой смолой и дымом! А все ночные кошмары пусть пребывают с духами тьмы, навевающими дурные сны. И все же странно… хотелось бы знать, что это был за тип, которого во сне убил Мерилода… или не убил? Что-нибудь это да значит! Но вот что? Туони знает! Не-ет, здесь без нойда не разберешься.

Страх понемногу рассеивался. Мерилода окинул взглядом лагерь. Вдоль периметра стояли часовые. Горели костры, вокруг них, завернувшись в спальные мешки, спали люди. Небо за ночь очистилось от туч, и с вышины на спящую деревню, безмятежный лагерь, заснеженную поляну и темные массы леса струилось серебристое, прозрачное марево лунного света. Слабо мерцал снег в лучах луны.

Мерилода сел у ближайшего костра и стал смотреть в огонь. Спать уже не хотелось. Языки пламени весело плясали по еловым веткам, пожирая их и превращая в черную золу, и вились вверх, к небу, тянулись к нему, исполняя завораживающе изящный танец, и смотреть на это было так занятно, так любопытно.

Сзади послышался хруст снега под тяжелыми шагами, и к костру подошел Ахола. Он присел на охапку веток рядом с адмиралом, подбросил в огонь хвороста.

– Что, не спится тебе, адмирал? – спросил он, зевая.

– Эх, – вздохнул тот, – сны какие-то дурацкие снятся, лезет в голову дребедень всякая – какой уж тут сон!

– Мне вот тоже снится чушь какая-то… Уффф!.. Это, наверное, луна так влияет…

– Почему?

– Не знаю. Говорят, что в полнолуние жители Туонелы приходят в наш мир и беспокоят людей. Летают везде и портят всем нервы.

– Э! Детские сказки. Мужицкие суеверия.

Ахола усмехнулся.

– Верно. Но – кто знает? – может быть, в них содержится некое зерно истины. Однако, адмирал, – внезапно сменил он тему, – надо решать, что делать дальше.

– Ах, – выдохнул Мерилода, – если бы я знал, что! Если бы я точно знал, что хейминги опять не сгонят меня с места, где я едва успею обосноваться! Ты вспомни: ведь в Сабрии мы прожили всего три года. Едва успели там обосноваться – как нам опять указали «путь чист»…

Ахола негромко запел по-хейминги, отбивая такт ногой:

О, как мне быть? Кто видел этот путь,
Которым пробегу по волнам моря?
Куда мне плыть? И где смогу уснуть,
Во сне забывшись от ударов горя?

– Что это за песня? – спросил Мерилода.

– Не знаю. – Ахола пожал плечами. – Слышал где-то.

– Хорошая песня, и как будто точно обо мне. Я тоже не знаю, как мне быть и куда мне плыть. И вообще не понимаю, где я и что происходит.

– Это ясно, как божий день. Мы находимся в бассейне реки Мустайоки, или Черной, немного западнее болот Грюнемоор, а загнали нас сюда хейминги, так что мы, если хотим нормальной и спокойной жизни, расправиться должны прежде всего с ними.

Мерилода ничего не ответил. Он равнодушно смотрел, как огонь быстро пожирает смолистые ветки. Ахола посидел еще немного, повздыхал, а потом, проворчав что-то невнятно себе под нос, отправился осматривать периметр. Адмирал сидел-сидел у костра, да и сам не заметил, как заснул.

Разбужен он был поднявшимся холодным ветром и шумом просыпающегося лагеря. Угли перед ним едва тлели. Он бросил на них охапку лапника и принялся раздувать огонь. Это потребовало немало усилий, но вскоре костер все-таки разгорелся. Адмирал водрузил на него чайник и стал ждать, когда тот закипит.

На востоке между тем разгоралось зарево рассвета. Темное небо постепенно светлело, голубело, окрашивалось золотом. Протяженные слоистые синие облака, висевшие над восточным горизонтом, медленно багровели. В прозрачном мареве рассвета исчезали звезды, луна робко жалась к горизонту, к указующим в небо перстам еловых вершин, и наконец над молчаливым лесом в царственной синеве неба рубином брызнуло солнце. Оно возносилось все выше, и облака с величавой медлительностью меняли свой цвет. Цвета их струились и текли от серо-синего до лилового и от лилового до пламенного багрянца. Под этим пламенем темной стеной расстилался могучий еловый ингерманландский лес, и казалось, что это он горит, горит ослепляющим огнем солнца; а выше рассветное огненное марево растворялось в бездонной синей высоте небес.

Засмотревшись на восход, Мерилода позабыл о чайнике. Когда он наконец о нем вспомнил, тот уже бушевал вовсю на костре, исходя паром и громыхая крышкой. Мерилода, предусмотрительно надев на руку рукавицу, снял чайник с огня и поставил его прямо на снег, потом забрался в прицеп и, порывшись в мешках, откопал пачку трофейных бульонных кубиков. Вернувшись к костру с кубиком, миской и ложкой, он повертел кубик в руках, послал мысленно тысячу чертей его изготовителям, затем со вздохом

распечатал, бросил в миску и залил водой из чайника, достаточно горячей, чтобы кубик мог раствориться, но успевшей остыть настолько, чтобы не угрожать ожогом рта.

Бульон был сам по себе неплох, но адмирал ел его не без отвращения, какое обычно испытывал в последнее время ко всему хеймингскому – исключая, разумеется, музыку. Он был доволен, что сегодня никуда идти не надо. Давала о себе знать огромная усталость после многодневного похода.

Теперь оставалось решить только одну проблему – что делать с обитателями Грюнемоора? Было бы неплохо занять их место. Летом до этого озера посреди болот не добраться иначе, как по нескольким едва заметным тропам, так что противостоять возможному нападению будет несложно. Зимой отбиваться сложнее… хотя, пожалуй, и отбиваться-то будет не от кого – местное население, видимо, предпочитает отдавать разбойникам половину урожая и сидеть полуголодными, чем защищаться. Мерилода не очень-то интересовался, действительно ли это так. Ему так казалось, и этого было более чем достаточно. Такие смутные и ни на чем логически не основанные интуитивные впечатления почти никогда его не обманывали.

Скоро этот вывод был подтвержден самими обитателями деревни. В лагерь явились несколько местных мужиков – побродить, поглазеть, возможно, выпросить что-нибудь, а если удастся, то и украсть. Ахола утверждал, что это словене; Мерилода не стал спорить, хотя заметил, что оные словене почему-то изъясняются на варварски искаженном языке, похожем на ижорский и вепсский, что Ахола объяснил сильным влиянием финноязычных народностей, живущих севернее, ближе к Ладоге. И вот теперь эти словене бродили в сопровождении солдат по лагерю, глазели на снегоходы, оружие, солдатские мундиры и пыжились изо всех сил, чтобы не показать никому свое удивление, чем выдавали его еще больше. Добрались скоро и до главной достопримечательности лагеря – самого Мерилоды. Главная достопримечательность сидела у костра на охапке лапника и с гордым видом изволила вкушать куриный бульон.

Скоро завязалась беседа. Мужики, как и ожидал адмирал, были старейшинами. Поговорили о том – о сем, и постепенно разговор перешел на отношения с соседями. Мерилода, надеясь, что старейшины окажутся более разговорчивыми, чем простые люди, осторожно поинтересовался:

– Я слышал, что недалеко отсюда находятся обширные болота, и на них живут люди – зеленчане, кажется?

Старейшины настороженно переглянулись. После минутного молчания один из них, самый молодой, решился ответить лаконично:

– Мы их боимся.

– Да? – Мерилода изобразил на лице искреннейшее сочувствие. – За что же?

– Они нападают на нас. Грабят, убивают. Отнимают половину урожая, а иногда и больше.

– Когда был последний налет?

– Месяца два назад. Много отобрали.

Больше ничего Мерилода от них добиться не смог. Кроме того, беседа начала уже утомлять его. Местное население изъяснялось на таком диком диалекте, что адмирал едва понимал его, а уж запах, исходивший от них, был таков, что он едва не задохнулся. Поэтому он испытал громадное облегчение, когда старейшины наконец откланялись и побрели к своей деревне.

Когда они ушли, к адмиралу подошел Ахола.

– Ну, что, – спросил он, – удалось выжать из них что-нибудь или нет?

– Почти ничего. – Мерилода безнадежно махнул рукой. – Они до такой степени боятся зеленчан, что и говорить о них не желают. Сказали только, что последний налет был два месяца назад.

– Да-а, – протянул Ахола, задумчиво почесывая за ухом, – дело плохо.

– Эх, да чего мы так боимся? Проведем разведку и все узнаем. Есть более важная проблема, а именно: как нам прокормить ораву численностью в восемьсот человек, которую мы гордо именуем армией? Вот вам с Рантаненом я и поручаю заняться этим.

Ахола едва не подпрыгнул.

– Искать кормежку здесь?! – возопил он. – Среди этой нищеты?!

– Да, – невозмутимо ответствовал адмирал, – здесь, среди этой нищеты.

– Но как?

– Как угодно. Купите; не будут продавать – отберите; будут защищаться – убивайте. Другого выхода нет.

– Но ведь это жуткое зверство! Что они о нас подумают?!

– Это неважно. Если мы закрепимся на Грюнемооре, то будем жить только этим.

– А если нет?

– Слушай, что ты ко мне пристал? Надо нам чем-нибудь кормиться или нет? Или ты, может быть, предпочитаешь питаться собственной слюной, как аскеты из Хеймингии?

Ахола только крякнул в ответ. Он посидел еще немного у костра, а потом со вздохом поднялся и пошел к своей палатке, оставив адмирала

наедине с собой. Мерилода же глубоко задумался и после часа размышлений пришел к следующему выводу.

Ахола и Рантанен останутся здесь и займутся ремонтерством и фуражировкой. Придется, возможно, избавить эту страну от излишков населения, но – увы! – ничего тут не поделаешь. Борьба за жизнь – вещь жестокая.

Самому же Мерилоде предстоит занятие много более интересное – разведка. Разумом он понимал, что следовало бы поберечь его драгоценную персону, весьма нужную доверившимся ему людям, но его мучило такое любопытство, что он, наверное, никогда не простил бы себе, если бы не принял участия в таком интересном предприятии. Кроме того, он успокаивал себя тем, что в случае его гибели его вполне сможет заменить Ахола, пользовавшийся уважением не меньшим, чем сам Мерилода.

Итак, адмирал решил, что завтра или послезавтра – когда отпустят заботы – возьмет маленький отряд и лично пойдет на восток, на Зеленецкие болота.

Забравшись в сани, он взял карту, вернулся к костру и расстелил ее прямо на лапнике. Едва бросив на нее взгляд, он сразу сообразил, каким маршрутом лучше всего идти. Их лагерь располагался в какой-нибудь сотне шагов от реки, по которой они дошли сюда. Если подниматься по ней и дальше, то можно дойти до болот, у границы которых она берет начало. Идя далее в том же направлении по прямой, можно было дойти до цели путешествия – затерянного в гиблых топях озера. Поход, если не случится ничего непредвиденного, займет дня четыре.

Остаток дня прошел в скуке. Адмирал отдал распоряжения о разведывательном рейде, потом долго беседовал с Рантаненом и Ахолой, обсуждая данное им задание, а дальше до самого вечера сидел у костра, слушая радио и разглядывая хеймингскую карту.

Интересная вещь была эта карта, интересная и очень полезная. Недаром Мерилода выложил за нее торговцу аж двенадцать марок. Карта была отпечатана на листе плотной бумаги размером метр на полтора с наштампованным с обеих сторон слоем полиэтилена и изображала всю Ингерманландию в масштабе 1:400000. Большую часть карты заливали оттенки зеленого цвета – леса, леса без конца и края, простиравшиеся по всей Ингрии и далеко за ее пределы – на юг и на север, на восток и на запад; разные оттенки цвета обозначали преобладающие породы деревьев. Вся эта зелень была сплошь исчерчена синими прожилками рек, пересекавшими страну во всех направлениях. Среди них выделялись широкие голубые полосы – главные водные артерии: Нева, соединяющая Ладогу с Финским Заливом; Свирь, или Süväri, как называли ее карелы, соединяющая Онежское и Ладожское озера; Волхов, вытекающий из далекого озера

Ильмень и впадающий в Ладогу; Сейскийоги, прихотливо извивающаяся среди лесистых холмов восточнее Волхова и впадающая, как и он, в Ладожское озеро; Паксайоги и Оять, несущие свои воды на запад из дальней Мегоры и сливающиеся со Свирью у самого ее устья; Луга, текущая из холмов крайнего юга на северо-запад, в Suomenlahti. Финский Залив вдавался глубоко в сушу с запада, отделяя Каннас от Западной Ингрии. Посреди Залива, у самого края карты, выделялись несколько светло-зеленых пятнышек – Архипелаг, Хеймингия, земля ненавистных хеймингов. С севера, деля Ингерманландию пополам, лежало огромное Ладожское озеро. Синева Ладоги заливала, наверное, почти четверть карты. У края карты, среди сини Северной Ладоги, был изображен большой остров, окруженный множеством мелких. Это был далекий и малоисследованный Суурсаари. Правый верхний угол карты был также окрашен синим. Здесь лежало дальнее холодное Äänisjärvi, Онежское озеро. Его берега, за исключением юго-западного уголка, отмеченного на карте, были исследованы плохо и до сих пор оставались terra incognita[1], наверное, даже для хеймингов.

Мерилода так часто разворачивал эту карту, что некоторые ее участки помнил почти наизусть. Сейчас его внимание было приковано к большому белому пятну к востоку от Волхова, исчерченному горизонтальными синими полосками, у хеймингских картографов означавшими болото. Зеленецкие болота, если верить карте, были сравнительно легко проходимыми, да и по тем скудным сведениям, что удалось добыть у местного населения, они отнюдь не представлялись глухой трясиной и топью. Грюнемоор пересекали несколько ручьев, направление течения коих, однако, по карте определить было невозможно. Почти в середине болот красовалось голубое пятно озера. Оно, в отличие от изображений других водоемов, не было обведено синей каймой – свидетельство того, что береговая линия до сих пор не определена.

«М-да, – подумал Мерилода, – много сведений из этой карты не выжмешь. Да и что можно требовать от карты-четырехкилометровки?».

[1] Неизвестная земля (*лат.*)

XIV. НА БОЛОТАХ ГРЮНЕМООР

Это может показаться парадоксальным, но если бы не Мерилода, Ингрия никогда не оказалась бы под властью хеймингов. Адмирал разбудил грезящую мифами страну и возвестил о наступлении новой эпохи в ее истории – эпохи, когда начало формироваться собственное мироощущение страны. Он, сам того не желая, оказался проводником влияния Хеймингии во всех землях, которые географы его времени называли Великим Хеймом.

Юлий Паэда. «История древнеингрийской идеологии»

На следующее утро Мерилода рано проснулся и, не торопясь вставать, стал обдумывать, не осталось ли еще дел в лагере, которые требуют его присутствия. Придя к выводу, что таковых не осталось и ничто больше его в лагере не удерживает, он выскочил из саней и, не дожидаясь, когда слуга разогреет воду, умылся снегом, что доставило ему невыразимое удовольствие. Закончив все необходимые утренние приготовления, он послал адъютанта поднимать его отряд. Время было раннее, медленно разгоралась над восточным горизонтом заря. Весь лагерь еще спал – люди, избавленные от необходимости брести по сугробам невесть куда вслед за своими командирами, могли позволить себе поспать подольше.

Скоро адъютант сообщил, что разведчики готовы, Мерилода встал, нацепил пояс с закрепленной на нем сумкой с патронами, взвалил на спину рюкзак, и через десять минут маленький отряд из шести человек и седьмого – самого Мерилоды углубился в лес – навстречу поднимающемуся солнцу.

Весь день шли по унылой лесистой равнине, по льду речушки, от которой то и дело убегали в разных направлениях многочисленные притоки и каналы. Вокруг молча торчали угрюмые ели, тыча вершинами в небо. Стали попадаться сосняки, низкорослые, чахлые, чуть живые. Небо, с рассвета ясное, постепенно заволакивалось тучами. В полдень повалил снег. Он с едва слышным шепотом падал на еловые лапы, кроны сосен, голые ветви осин. Иногда ветки не выдерживали тяжести снега и одним легким движением грациозно сбрасывали его вниз, в сугроб.

Река постепенно становилась все уже. Мерилода уверенно шел вперед, иногда проверяя направление по компасу.

На ночлег устроились под громадной раскидистой елью. Ночь прошла спокойно.

На следующий день Мерилода заметил, что характер растительности начал меняться. Ольхи, осины и сосны становились все более

низкорослыми. Лес редел. Наконец между деревьями замелькало светлое, и они вышли к краю Зеленецких болот.

Печальное зрелище представляли собой эти болота. Слева, справа, впереди до самого горизонта простиралась огромная безлесная равнина. Из-под снега торчали чахлые кустики болотной ивы. По равнине метался ветер, печально вздыхая и шелестя морем камышей.

Мерилода ощупал карман – на месте ли бинокль – и стал взбираться на старую корявую березу неподалеку. Ему не хотелось доверять осмотр местности своим спутникам; он должен был все видеть сам. Взобравшись повыше, он приложил бинокль в глазам и стал осматриваться.

Через бинокль Грюнемоор виделся еще более безотрадным. Желто-серые унылые поля камышей, по которым порывистый, промозглый снежный ветер гнал волны, как по морю, чередовались с заснеженными пространствами, полностью лишенными какой бы то ни было растительности. Кое-где темнели небольшие рощицы низкорослых, не выше камышей, кустов – не то ива, не то еще что-то – разобрать было невозможно. Мерилода ожидал, что, взобравшись на дерево, увидит лес на противоположном берегу болота. Ожидания не сбылись: равнина по-прежнему простиралась до самого горизонта. Только вдали, как раз в том направлении, где, если верить карте, располагалось озеро, виднелись деревья. Правда, на лес это было совсем не похоже, в лучшем случае – на маленькую рощицу больных, костлявых осинок.

Мерилода спрятал бинокль в карман, спустился с дерева, едва не рухнув вниз при этом, и снова взвалил на спину рюкзак. Перед тем, как спуститься, он заметил по компасу направление на виденную им рощицу и теперь точно знал, куда идти. Зеленецкие болота произвели на него настолько мрачное впечатление, что он даже немного пожалел о своем решении самому идти в разведку. Но бросить начатое дело на полдороге тоже было бы нехорошо, поэтому адмирал глубоко вздохнул, мысленно вознес молитву Юмале и решительно двинулся вперед. Солдаты поплелись за ним. Через минуту их поглотили вечно шелестящие под ветром камыши.

Пробираясь через серо-желтое шуршащее царство, Мерилода старался идти очень осторожно и по возможности не оставлять следов. Его спутники, следуя его примеру, тоже шли осторожно, как по сырым яйцам, и с легкой тревогой озирались вокруг. А вокруг расстилалось бескрайнее камышовое море. Высокие грязно-желтые стебли шелестели, шептали, качаясь под ветром, махали метелками. Небо было с самого утра обложено сплошной пеленой облаков, из которых изредка начинал сеяться хлопьями снег. Ветер швырял в лицо колючую снежную крупу, поднятую со скованных морозом болот.

Идти по камышам было сравнительно легко. Разведчики старались не очень тревожить стебли, а снега в камышовых зарослях было немного. Вскоре, однако, они вышли на голое пространство, почти совсем лишенное растительности; только кое-где торчали из-под снега остовы болотных растений. Мерилода вполголоса выругался. «Плохо! Следы видны». Но делать было нечего. Пустырь был велик – не обходить же его! Адмирал пошел вперед.

Под слоем снега здесь был лед. Мерилода несколько раз поскользнулся и едва не упал. Когда они были на самой середине пустыря, начался, наконец, настоящий сильный снегопад. С одной стороны, это было хорошо – снег должен был быстро замести следы. С другой же стороны, ничего хорошего в этом не было – резко ухудшилась видимость, и лес, из которого они вышли и от которого успели уже отойти на порядочное расстояние, скрыла пелена снегопада. Кроме того, шуршание камышей и шелест снега могли заглушать другие звуки – например, шум шагов отряда зеленчан.

Наконец, последний раз поскользнувшись и свалившись-таки на сей раз на лед, Мерилода добрался до камышей.

Так они шли целых полдня. Пустыри сменялись зарослями камышей, камыши – пустырями, по болоту носился ледяной ветер, прохватывая холодом до самых костей, и Мерилода похвалил себя мысленно, что, покидая лагерь, решил одеться потеплее.

Сквозь камыши замаячила очередная пустошь. Мерилода осторожно раздвинул желтую шелестящую заросль и осмотрелся – так он делал всегда, когда предстояло выйти на пустырь. Этот пустырь был странным: очень велик и абсолютно ровен, над его гладкой снежной и ледяной поверхностью не торчал ни единый куст, и только ветер водил снежные хороводы над белой равниной. А на другой стороне, у северного края, виднелись большие заросли кустарников, из чащи которых поднималось десятка полтора хилых осинок. Да, как Мерилода и предполагал, это было озеро.

Он отступил на шаг назад и, знаком велев спутникам следовать за ним, пошел вдоль берега на север.

Идти было нелегко. Ноги путались в снегу и камышах. Одно было хорошо – разведчики теперь не рисковали сбиться с дороги. Путь им указывали и берег озера, и поднимавшийся впереди дымок. Точно, поселение зеленчан было там.

Между тем дымок приближался. У Мерилоды начало неприятно посасывать под ложечкой. Камыши, в изобилии росшие на берегу, отлично скрывали их, но адмирал все равно опасался, что их могут заметить.

План у него был такой. Разведчики войдут в селение и представятся… ну, скажем, торговцами. Мерилода сочинит

правдоподобную сказочку о том, как их ограбили бандиты, и они попросятся здесь переночевать. Может быть, зеленчане это выслушают и укажут им на дверь, но это неважно. Главное – попасть в поселок и полюбоваться на самих зеленчан.

Скоро между стеблями камышей снова завиднелось открытое пространство. Камышовые заросли кончились. За ними, отделенная от них маленьким ручейком, лежала нешироkая поляна, ограниченная ручьем с запада, берегом озера с юга и кустарниками со всех остальных сторон. На поляне сквозь вуаль легкого снегопада виднелись невысокие строения. Мерилода сумел разглядеть, что они были не бревенчатые, а из какого-то другого материала, может быть, камышовые, обмазанные глиной – такие, как он слышал, встречаются иногда в местах, где мало леса.

Оставив здесь двух своих спутников, Мерилода с остальными пошел вперед. В поселке их заметили, засуетились, послышались голоса, и не успели разведчики приблизиться к селению, как перед ними выросли восемь дюжих мужиков, а в грудь им уперлись острия копий. Один из зеленчан спросил грубо:

– Вы кто такие?

Вопрос был задан на хорошем финском языке, но со странным акцентом и смещением ударений – они стояли не на первом слоге, как в классическом финском, а в середине слова.

Мерилода, не ожидавший услышать здесь такую сравнительно неплохую финскую речь, ответил не сразу:

– Мы – бродячие торговцы из Западного Каннаса, – сказал он и рассказал им заранее сочиненную сказку о том, как они ехали на Восток из Каннаса, как их по дороге ограбили хейминги и как они добрались сюда. Судя по всему, рассказ, подкрепленный безупречным финским произношением Мерилоды, убедил зеленчан. Во всяком случае, они смотрели уже не так враждебно. Мужик, первым заговоривший с разведчиками (похоже, это был местный предводитель), приказал их обыскать. У них отобрали ножи и рюкзаки. Пистолетами не заинтересовались, что вызвало у адмирала удивление, которое он едва сумел скрыть. «Неужели они не знают, что такое огнестрельное оружие?» – подумал он, боясь поверить робкой надежде. Потом их отвели в один из домов и заперли там. Пока их вели по деревне, Мерилода заметил, что селение велико, человек на пятьсот, не меньше, но людей там мало. Вокруг было много женщин, детей, а вот мужчин, если не считать их конвоиров, он не заметил. Когда их привели к одному из домов, он спросил местного главаря:

– Прошу извинить мое любопытство, но могу я знать, куда мы попали?

– На болота Вихерсойдет, на озеро Салаярви.

Дверь захлопнулась.

Мерилода нервно мерил шагами избу. Рога и зубы Хийси! Заперли! А те двое, что остались в камышах, могут невесть что подумать. Тревогу поднимут. Впрочем, это еще не самое страшное. Хуже то, что начинает давать себя знать голод. И, кроме того, неизвестно, что намерены зеленчане с ними делать. Помимо того, подозрительно само местное население. Почему здесь только десяток мужчин, а сам поселок наполовину пуст? Может быть, остальное население уехало куда-нибудь за добычей?

Как скоро выяснилось, догадка Мерилоды была верной. Незадолго до вечера в избу вошел хилый, седой как лунь старик, неся тарелки с едой. Мерилода обратил внимание на то, что зеленчане явно были много более чистоплотны, чем их соседи, да и пища приготовлена значительно лучше.

Дед был любопытен. Он, видимо, стосковался по общению и поэтому был вдвойне рад нежданным гостям. С живейшим интересом он расспрашивал о Каннасе, о Койвисто, поражался рассказам Мерилоды о Финском Заливе и вообще был словоохотлив. В перерыве между шквалами вопросов адмирал таки успел вставить:

– Скажите, почтеннейший, почему поселок полупуст, а мужчин и вовсе не видно?

– Э-э, милый, какой ты любопытный! – хитро прищурился дед, но все же не утерпел и выложил следующее.

Мужское население Салаярви, оказывается, уехало в восточные земли взимать дань, то есть грабить. Уехали надолго – дней на пять-шесть, и недавно – только вчера. Мерилода чуть не подпрыгнул от радости. Если удастся выбраться отсюда хотя бы завтра утром, можно успеть вернуться с армией до возвращения войска зеленчан. Отлично!

Порасспросив старика, Мерилода выяснил, что местное войско насчитывает примерно триста человек, что огнестрельное оружие здесь неизвестно, а известно только холодное и что о событиях, происходящих за пределами Вихерсойдет и окрестных лесов, здесь ничего не знают, хотя о хеймингах и Койвисто кое-что слышали. «Что ж! Такая осведомленность мне на руку!» – весело подумал Мерилода.

Наконец дед, вдоволь наговорившись, ушел. Вечер и ночь прошли спокойно.

На следующее утро, на рассвете, дверь распахнулась, и в избу вошел главарь Салаярви. Он кратко объяснил «торговцам», как выбраться с Зеленецких болот и выйти к Волхову. Затем им вернули рюкзаки (в которых явно кто-то основательно порылся) и ножи. От сопровождения Мерилода вежливо отказался, и после недолгого завтрака разведчики покинули селение. Они быстро дошли до того места, где оставили двух своих

спутников. Те были немало рады, видя своих товарищей и своего адмирала живыми и невредимыми.

Мерилода сам от себя не ожидал той скорости, которую он развил на обратном пути. Надо было как можно скорее вернуться в лагерь. «Только бы Ахола и Рантанен с отрядами были там!» – мысленно молил он богов. Солдаты едва поспевали за адмиралом. Дорогу он помнил хорошо, а день, к счастью, обошелся без снегопада, поэтому блуждать не пришлось. Вокруг шелестело желтое камышовое море, и Мерилода, как боевой фрегат, решительно рассекал его волны. Привалы были короткими – он торопил спутников, – и скоро они домчались до леса. Мерилода узнал березу, с которой обозревал недавно Грюнемоор. Ориентироваться в лесу было легче, да и идти по льду речушки удобнее – ноги не путались в болотных травах и стеблях камыша, и отряд пошел еще быстрее.

Вечером, скоро после захода солнца, Мерилода примчался в лагерь и возблагодарил от всей души богов – Ахола и Рантанен успели уже вернуться из похода. Адмирал сел на охапку лапника у своего прицепа и срочно созвал Komentajain neuvosto.

– Господа! – сказал он. – Нам предстоит новая военная операция. Я только что был на разведке на Зеленецких болотах и выяснил, что войско зеленчан сейчас отсутствует. В их селении остались только женщины, дети, старики и человек десять боеспособных мужчин. Туда надо завтра же утром отправить хотя бы роты две-три.

– Сколько солдат у зеленчан? – спросил Ахола.

– Немного. Триста человек. Огнестрельное оружие им, между прочим, неизвестно. Надо до возвращения их армии захватить их селение – Салаярви, а когда они вернутся, поставить их перед фактом: поселок захвачен, женщины и дети в плену и могут быть освобождены только за определенный выкуп.

– Но чем они нам могут заплатить? – возразил Ахола.

– Чем? Рабами, например. Пусть пригонят нам некоторое количество местных жителей, чтобы те построили нам жилища на Салаярви, потому что поселок всех нас не вместит. Пусть доставят строительные материалы для этого.

– А что скажет местное население? – спросил Рантанен. – Эти зеленчане раньше брали рабов?

– Не знаю, – ответил Мерилода. – Впрочем, это не имеет принципиального значения. Местные все равно не будут защищаться.

– Что ж, план неплох, – задумчиво произнес Ахола. – Только ведь зеленчане могут, вместо того, чтобы привести пленников, попытаться освободить своих. Тогда придется принять с ними бой. Думается мне, велика вероятность того, что нам придется просто перестрелять их.

– Вообще-то, – заметил Рантанен, – нам, может быть, и не придется завязывать с ними сражение. Если они никогда не слышали автоматных очередей, то, испугавшись их, сделают нам все, чего ни потребуем.

– Может быть, и так, – подвел итог Мерилода. – В любом случае время покажет. Не будем переливать из пустого в порожнее и гадать, что да как. Кстати, как ваше задание? – обратился он к Рантанену и Ахоле.

– Выполнено, – ответил Рантанен. – Пришлось немало полазать по лесам и сугробам, кое-кого досрочно отправить в Маналу, но зато мы теперь минимум на месяц обеспечены всем необходимым.

– Великолепно! Значит, две роты завтра с утра отправятся на Салаярви. Я пойду с ними. Остальные пусть готовятся к переезду.

На этом совет закончился. Все разошлись. Вечером Мерилода лежал в санях, в спальном мешке, и блаженствовал, предвкушая скорое окончание похода. Закончены бесцельные блуждания по диким лесам. Скоро у изгнанников снова будет свой город! Да и место выбрано, кажется, весьма неплохое. На болотах жить, правда, не очень удобно, но ведь зеленчане живут, а значит, и финны сумеют прожить. А когда они закрепятся здесь, пусть попробуют хейминги к ним сунуться! При мысли о хеймингах Мерилода вспомнил про радио. Он включил приемник, и скоро негромкая музыка унесла его в зыбкие бездны снов.

Ночь Мерилода провел плохо – ворочался, часто просыпался и, наконец, вскочил задолго до рассвета. Сам развел костер, вскипятил чайник и позавтракал. Начало светать. Над лагерем потек протяжный одинокий звук горна. Люди проснулись, зашевелились, ярче вспыхнули горевшие всю ночь костры.

Скоро нужный для захвата Салаярви отряд был готов. Мерилода залез в сани и дал сигнал к отправлению.

Путь был долог и скучен. Впереди шли солдаты, ходившие с адмиралом на разведку, и показывали дорогу. Вечером остановились на краю маленького болотца, подходившего почти вплотную к реке. Вообще-то «маленькое» болотце было отнюдь не маленьким – другой его берег был едва виден (адмирал решил, что до него – километра три-четыре), но по сравнению с громадной снежной пустыней Вихерсойдет оно казалось маленькой полянкой.

На следующий день резко похолодало. Небо совершенно очистилось от туч. Все вокруг – ветки чахлых деревьев, тросы и стенки палаток – поседело от инея. Войско двинулось дальше перед восходом солнца и вскоре вошло в лиственный лес. Мерилода во все глаза смотрел вокруг и не мог надивиться тому, как вдруг похорошели осинки и ольхи. Раньше серые и скучные, сейчас они стояли как будто в фантастическом наряде. Весь лес был укутан белой льдистой дымкой. На голубых сугробах

лежали причудливые синие тени. Мерилода не раз видел подобные картины, но все же всякий раз испытывал немое восхищение перед невероятным великолепием лесов.

Скоро войско вышло к краю лесов. Впереди раскинулись камышовые поля Вихерсойдет. Мерилода узнал здесь все: и березу, и очертания зарослей камыша и ивы. В одном месте заросль явно была потревожена человеком – разведчики, как ни старались, так и не смогли не оставить следов. Армия уверенно двинулась дальше. Вокруг них уныло зашелестели камыши.

До Салаярви добрались лишь к вечеру. Подойти постарались незаметно, для чего держались подальше от берега (насколько это было возможно). Но войско все же было замечено. Зеленчане не попытались даже воспрепятствовать финнам. Все бежали. Армия Мерилоды вошла в пустой поселок.

Адмирал, впрочем, был даже рад этому – отпадала необходимость совершать прямое насилие над местным населением. Он расставил часовых, расположил отряд на ночлег и устроился сам – в той избе, где он сам еще недавно сидел. «Завтра вечером Рантанен приведет остальных, – подумал он. – Как бы их устроить?». Так закончился этот день.

На следующий день ничего не произошло, если, конечно, не считать прибытия отряда Рантанена и начала сооружения оборонительных укреплений вокруг деревни. Но третий день пребывания финнов на Салаярви оказался отнюдь не скучным.

В тот день после обеда Мерилода вышел из избы. Взгляд его, блуждая по деревне, случайно упал на росшую в ее середине березу. В кроне ее финны устроили «воронье гнездо» – наблюдательную вышку, в которой сейчас сидел дозорный, действительно, живо напоминавший ворону в гнезде. Он лениво осматривал окрестности и кутался в шинель, так как сидеть там на ледяном ветру было не слишком уютно.

Вдруг он встрепенулся, перестал ежиться и стал пристально вглядываться вдаль. Недовольный результатами наблюдений невооруженным глазом, схватил бинокль, висевший на груди, и приложил его к глазам. Мерилоду это сильно насторожило. «Кто-то идет, не иначе», – подумал он. Это не мог быть Ахола – тот должен был прийти позже и появиться с запада, а то, что насторожило дозорного, находилось на востоке.

Пока адмирал размышлял, дозорный слез с березы. Он подбежал к Мерилоде очень взволнованный и, указывая рукой на восток, заговорил:

– Герр адмирал! С востока на нас идет большой отряд. Это не наши.

– Сколько их?

– Кажется, человек двести-триста.

– Далеко?

– Километра два.

Мерилода выругался. «Зеленчане», – сказал он сам себе. Быстро опомнились! И, главное, уже как близко! Бояться их, правда, не стоит, но все же будет весьма неприятно, если они нападут неожиданно. Адмирал подбежал к березе и взобрался в гнездо по веревочной лестнице, предварительно взяв у дозорного бинокль. Одного взгляда оказалось достаточно. Это действительно были жители Салаярви. Мерилода быстро слез с дерева и скомандовал дозорному:

– Общая тревога! Вражеская армия близко!

Над селением понеслись тревожные звуки горна. Солдаты, встрепенувшись, похватали автоматы, выбежали из домов. Мерилода, на ходу объясняя им, в чем дело, принялся лихорадочно расставлять их по местам. Это заняло очень немного времени, и вскоре солдаты уже стояли по периметру селения. Часть из них укрылась в домах на окраине, часть – за наспех возведенными из снега и мешков с зерном брустверами или прямо в снегу, в сугробах. Для отражения атаки было готово все. Оставалось только ждать. Ждать, впрочем, пришлось недолго.

Едва солдаты встали по местам, из кустарников, окружавших поселок, донесся жуткий, леденящий душу визг. На финнов обрушился дождь стрел и дротиков, а затем из кустов с дикими воплями ринулись зеленчане. Они бросились было к брустверам, но были остановлены шквалом пулеметного огня и, ошарашенные, отступили назад в кусты.

За это время Мерилоде в голову пришла интересная идея. Нападавших было немного – максимум три сотни человек, и все они – или, по крайней мере, большинство из них – находились в большом массиве кустарников, простиравшихся на целый километр на север от селения, причем не во всем массиве, а лишь в части, ближайшей к Салаярви. С другой стороны, было очевидно, что, если сейчас их атака захлебнется, они просто разбредутся по всем Вихерсойдет и начнут партизанскую войну, а ее финны, не знающие этих мест, очень легко могут проиграть. Остается одно – зайти зеленчанам в тыл и перебить их всех или взять в плен; главное – не дать никому уйти. Людей для операции в Салаярви более, чем достаточно – всего народу здесь четыре роты, защищает селение одна и еще одна потребуется для обходного маневра. Прелестно!

Он подозвал одного из командиров, затащил его к себе в избу и скороговоркой объяснил, указывая на карту:

– Возьмете свою роту, пройдете по ручью, по камышам вдоль кустарников метров пятьсот-шестьсот, потом, свернув направо в кустарники, зайдете в тыл к врагу. Все понятно?

Видя, что тот колеблется, Мерилода подтолкнул его к двери:

– Идите же, идите, ради всех богов! У меня даже на разведку времени нет, а уж вас уговаривать – и подавно.

Командир вышел.

Зеленчане меж тем опомнились и снова ринулись в атаку. Они оказались смелее, чем предполагал Мерилода. Отважно пренебрегая яростным автоматным огнем, они так бросились к домам и брустверам, что кое-где пулеметчики просто не успели их всех перестрелять и завязался рукопашный бой.

Зеленчане, малочисленные и хуже вооруженные, бились столь отчаянно, что финны едва успевали увертываться от их копий и сабель. В довершение всех бед салаярвинские лучники, сидя в кустах, осыпали захватчиков тучами стрел. Но битва все же кончилась не в их пользу. Минут через двадцать после начала сражения из кустарников вдруг послышались автоматные очереди. Лучники перестали стрелять, и финны, ободрившись, так яростно обрушились на врагов, что те, не устояв, бросились в бегство и, разумеется, натолкнулись в кустарниках на отряд, зашедший к ним в тыл. Попытка вырваться из окружения ни к чему не привела. Баталия кончилась тем, что зеленчане – те, кто остался в живых, – были обезоружены, связаны и посажены в сарай под стражу. Среди финнов было всего около полусотни убитых и довольно много раненых.

Вечером Мерилода сидел в своей избе, потягивал из кружки настой гормы и думал о том, что делать с пленными. Перестрелять? Слишком жестоко. Отпустить с миром? Опасно; их хоть и осталось меньше сотни, но и этого числа хватит, чтобы начать партизанскую войну. Продать в рабство? Здесь их никто не купит. Оставить здесь и заставить работать? Будут нерадивы; от них будет больше убытков, чем прибыли. Но других вариантов, кажется, нет.

Наконец, допивая третью чашку, адмирал решился. Надо срочно вытрясти из пленников, где находятся женщины и дети, а потом, собрав всех, под охраной отправить в Новгород. Там находится довольно крупный рынок рабов, и весь этот сброд можно будет сбыть с рук по дешевке – больших денег сейчас, зимой, разумеется, не выручишь. А если их никто купить не захочет – что ж, придется просто бросить их там на произвол судьбы. «Но я так устал! Так надоело обо всем заботиться, входить в дела каждого дня! Надо будет поручить это дело Рантанену». А ведь есть и еще одно важное дело. Поселок мал для всех финнов, его надо расширить. Вот этим пусть займется Ахола. Людей ему хватит – шутка ли, больше семи сотен человек! – а если не хватит, пусть запряжет в эту лямку местных жителей – и нарубит сколько надо леса, перетаскает его на Салаярви, Мерилоде же тем временем придется заняться подготовкой строительных площадок. Эх, сколько работы!

Адмирал, взяв карандаш и клочок бумаги, написал несколько строк, сложил послание и, передав его гонцу, велел отнести утром к Ахоле. Потом вызвал Рантанена и долго беседовал с ним о пленниках. Когда адмирал отпустил его, весь поселок уже спал. Светилось только окно дома Мерилоды. Но скоро погасло и оно.

* * *

Прошло полтора месяца. Стоял конец февраля. По стране еще метались снежные ветры, но уже пахло весной, дни стали заметно длиннее и светлее.

В последний день февраля утром Мерилода вышел из дома и остановился на крыльце, с удовольствием разглядывая разросшийся поселок. Часть старых глинобитных домиков была разрушена, часть перестроена и расширена; остальные использовались как сараи. Эти жилища были тесны и неудобны, поэтому большая часть финнов обитала в новых бревенчатых домах, со строительством которых пришлось немало повозиться. Сосновые бревна для них финны таскали главным образом на своем собственном горбу. Своих инструментов не хватало, так что их большей частью позаимствовали у местного населения. Правда, лес, пригодный для стройки, оказался ближе, чем Мерилода предполагал – не в двенадцати километрах к западу от Салаярви, а в пяти к востоку – но это не особенно облегчало строительство.

Тем не менее бревна с грехом пополам были все же доставлены на озеро, и началась еще более трудная работа – вкапывание свай в насквозь промерзшую землю. К счастью, к тому времени вернулся из Новгорода Рантанен и привез множество разных товаров, в том числе и инструменты.

Рантанен рассказал, что рабами на рынке заинтересовались сразу же, а когда купцы узнали, что это за рабы, то едва с руками не оторвали, заплатив за них бешеные деньги. Это его насторожило – такой ажиотаж за два месяца до начала навигации! – он начал вынюхивать и выяснил-таки причину повышения спроса. Она заключалась в том, что хейминги недавно построили дорогу из Ауттова на Онежское озеро и пригрозили, что в кратчайшие сроки искоренят рабство везде, куда дотянутся их лапы, поэтому работорговцы, пользуясь удобным путем сообщения, старались выжать из своего ремесла максимальную прибыль – и возможно скорее.

Меж тем строительство продолжалось. Для оттаивания почвы приходилось разводить костры и скорее долбить землю, пока опять не замерзла. Когда сваи были врыты, люди принялись за остальные бревна. Их надо было очистить от коры, обтесать, сложить из них стены и законопатить их, и многое другое. Но все рано или поздно кончается. Кончилась и эта

стройка, и теперь среди камышей и снегов Зеленецких болот красовалась большая деревня. До сих пор в воздухе пахло древесиной, а ветер гонял по улицам опилки и стружки.

Большой двухэтажный шестикомнатный дом адмирала находился в самом центре села, на невысоком глинистом пригорке. Подавляющее большинство домов здесь тоже были двухэтажными, но только Мерилода мог позволить себе роскошь владеть в одиночку целым домом. И теперь он стоял на своем крыльце и размышлял.

Думы его были невеселы. Лета хеймингам мало, и они теперь, преодолев неприязнь к сухопутным дорогам, будут грабить Ингерманландию круглый год. Мысль Мерилоды лихорадочно работала. С Хеймсстадиром надо как-то бороться. Но как? Попытка поразить государство хеймингов в самое сердце – то есть в столицу – окончилась плачевно. Для второй такой попытки нужен флот не хуже Уурасского, а второго такого флота (если не считать хеймингского) во всем мире нет. Разжечь огонь восстания по всей стране? Не выйдет. В самом деле, кто станет кусать руку, кормящую его? «Ах, ну неужели нет никакого выхода, неужели нет спасения?» – взмолился мысленно Мерилода. И сам себе ответил: «Выхода нет». По прозрачному голубому небу плыли куда-то облака, солнце освещало белую равнину озера, и ветер, крутя снежную пыль, уныло шелестел камышами. Начинался новый день – последний день этой страшной зимы.

XV. СНОВА В ИЗГНАНИЕ

Вздыхаю тяжко о печальной доле
Мятущегося перекати-поля.
Оно навеки распростилось с корнем –
Без отдыха кружить ему доколе?

Цао Чжи

– Итак, господа, из всего вышеизложенного недвусмысленно вытекает, что оставаться на Салаярви мы больше не можем. Впрочем, я мог бы и не рассказывать всего этого – я всего лишь суммировал все то, что каждый из нас может наблюдать постоянно.

Так сказал адмирал Эйно Мерилода и откинулся на спинку кресла, ожидая, что скажут другие командиры, созванные сегодня на этот совет.

Стоял солнечный, погожий и сравнительно теплый денек конца ноября. По небу плыли на запад легкие тучки, блестел свежий ледок на озере и даже вечношелестящие камыши не казались такими безнадежно печальными. Но вот в душах членов Komentajain neuvosto, собравшихся сегодня в доме Мерилоды, царили беспокойство и растерянность. Мерилода, ожидая ответа, еще раз перебрал в уме всю цепочку событий, приведших к необходимости покинуть Зеленец.

Месяцев примерно девять тому назад финны поселились на Салаярви, изгнав оттуда коренное население. Поначалу все было гладко: они брали с окрестных племен дань, расширяли по мере необходимости поселок – одним словом, жили. Жить на болотах было, в общем, не очень легко. Весной, когда стаял снег, по улицам деревни стало невозможно пройти, не вывозившись в грязи по колено. В апреле поднялся на крыло комар, и поселок окутался дымом. Дым комаров не испугал, и поначалу все обитатели Салаярви не находили подходящих ругательств для мерзких насекомых, однако понемногу привыкли – точнее, притерпелись – и перестали обращать на них внимание. Лето выдалось сухое и жаркое, болото слегка подсохло, и скоро финны ходили по нему уже без особой опаски. Тропы им показывали несколько зеленчан (в их числе – тот самый старик), которых Мерилода решил на всякий случай оставить в селении как проводников.

Жизнь спокойно шла своим чередом и могла бы идти так без изменений неопределенно долгое время, если бы не хейминги. Им показалось мало шоссе Ауттова – Волхов – Белое море, поэтому они воздвигли в самой середине его, на берегу Волхова, колонию, назвав ее Альдейгьюборг (название-то какое – язык сломаешь!), и принялись строить от нее еще две дороги – на юг, по берегу Волхова к Новгороду, и на юго-

восток, вдоль реки Сейскийоги. Не удовлетворившись этим, они на маленьком каменистом островке Соболец, лежащем невдалеке от берега немного западнее устья Волхова, построили пристань и воздвигли небольшой форт, превратив остров в перевалочную базу для своего флота. По уверениям людей, бывавших на берегу Волховского залива, редко выпадает день, когда на серо-синих просторах Ладоги не виднеется белое пятнышко, а то и несколько – паруса хеймингских кораблей.

Однажды зеленецкий отряд, собиравший дань к северу от Вихерсойдет, по несчастной случайности оказался слишком близко от Альдейгьюборга и столкнулся с хеймингским сторожевым разъездом. Благодаря осторожности обеих сторон стычки удалось избежать, но хейминги, узнав, с какой целью финны здесь находятся, недвусмысленно посоветовали им прекратить грабеж, ибо, сказали они, такие явления, согласно специальной директиве Верховного Министра, будут ими со всей строгостью пресекаться. Мерилода в тот день, когда ему это сообщили, в припадке ярости и ненависти весь день метался по Салаярви, не находя себе места, а потом две ночи подряд не спал.

Сбор дани, тем не менее, продолжался. Однажды хейминги взяли в плен нескольких финнов и почти месяц продержали их в Альдейгьюборге, а потом, не зная, что с ними делать, отпустили на все четыре стороны. Те, хотя и находились под строгим присмотром, совсем свободы лишены не были и успели насмотреться в колонии всякого. Когда они вернулись в Салаярви, их рассказами об Альдейгьюборге заслушивалась вся деревня. Все только ахали, представляя себе большие каменные дома, бетонированные улицы, машины, а сами рассказчики в восхищении возводили глаза горе, вспоминая о том комфорте, в котором живут обитатели колонии.

Эти рассказы изрядно поколебали непримиримую некогда враждебность финнов к хеймингам. Людей разрывали противоречивые чувства: с одной стороны, ненависть к хеймингам, хотя и стала меньше, все же далеко еще не погасла; с другой стороны, возможность пожить в роскоши была уж очень заманчивой, а Альдейгьюборгу требовались рабочие руки. Жизнь же там поистине всем казалась роскошной неслыханно – даже в Койвисто уровень жизни был в сравнении с Хеймингией очень низок, да и тот после долгих лет жизни в Западной Ингрии стал казаться почти что райским. Попытки пресечь слухи не привели ни к чему.

Хейминги меж тем зачастили в те районы, с которых Мерилода собирал дань. Они стали торговать с местным населением и среди прочих товаров сбывали ему и оружие, в результате чего зеленецкие сборщики дани однажды получили от местных суровый отпор. Когда зеленецкий отряд явился в одну из деревень за традиционной данью, жители, небрежно

поигрывая затворами автоматов, заявили, что платить больше не намерены. Командир отряда так удивился, что не стал понапрасну настаивать и поспешил к адмиралу.

Таким образом, к концу навигации, то есть к первой декаде ноября, хейминги почти совсем лишили финнов источников жизни и, кроме того, через своих бывших пленников начали разрушать общину Салаярви изнутри. Следствием этого явился уход нескольких финнов в Альдейгьюборг; это случилось в конце октября. Остальные сохранили верность Мерилоде, но во многих из них тяга к «хорошей жизни», похоже, была сильнее вражды к хеймингам. Это обстоятельство и заставило Мерилоду после нескольких дней мучительных раздумий собрать, наконец, командиров. И теперь он ждал, что предложат они, какой найдут выход из ситуации.

После недолгого молчания слово взял Тойво Ахола – самый влиятельный после адмирала человек в Салаярви.

– Нам надо, так сказать, ловить момент, – сказал он. – Время сейчас удобное – зима, навигация давно кончилась, водоемы, включая Ладогу, замерзли. Было бы, я думаю, неплохо напасть на Альдейгьюборг – он ведь, кажется, невелик.

– Опять нападать? – возразил Мерилода. –Ты, похоже, забыл и бухту Защитную, и Дружную Горку! Хочешь, чтобы нас опять разгромили в пух и прах?

Но Ахолу неожиданно поддержал Отсо Аалтонен, бывший механик с «Меренхаукка»:

– Тойво прав. Не стоит уж очень опасаться нападения. В конце концов, гарнизон Альдейгьюборга, по сведениям, не превышает семисот-восьмисот человек. Если напасть неожиданно, помощь им просто не успеет прийти. Мы можем, например, перекрыть Волховское шоссе, и ни один хеймингский отряд не сможет тогда прийти на помощь Альдейгьюборгу.

– А Соболец? – напомнил ему Мерилода.

Тот только отмахнулся:

– Мелочи! Во-первых, на Собольце сейчас находятся человек сто, если не меньше, а во-вторых, каким образом они смогут нам помешать, если до Альдейгьюборга они могут добраться лишь по воде, Ладога и Волхов замерзли, а лед еще слишком тонок для техники?!

– Верно, верно, – пробормотал адмирал, – и все же мне не хочется этого делать.

– Но почему? Ведь это прекрасный выход! – воскликнул Ахола.

После недолгого молчания Мерилода со вздохом молвил:

– Ну, хорошо. Захватим мы Альдейгьюборг. Может быть, и Соболец захватим. И что? Дальше-то что?

– А что?

– Наступит лето, придут хейминги и вежливо выставят нас оттуда увесистыми пинками чуть пониже спины – вот что!

– Прекрасно, но что же тогда делать? – спросил Аалтонен.

Мерилода в ответ только пожал плечами:

– Хийси его знает!

За него ответил Рантанен:

– Уходить надо отсюда. Куда угодно уходить – на север, в Карелию, к Белому морю, или на юг, или на восток. А нападение, действительно, бессмысленно.

– Что ж, – усмехнулся Ахола, – так и будем бегать, как зайцы? Хм! Ежики-бегунки! А что, если где-нибудь, скажем, на юге столкнемся с противником более страшным, чем хейминги?

– Что же может быть страшнее? – засомневался кто-то.

– Вам говорит что-нибудь такое название – нуры? Нет? Вижу, что нет. По рассказам некоторых путешественников, они живут в верховьях великой реки, текущей на юг, в океан. Так вот, нуры интересны тем, что это – оборотни, волколаки, вервольфы. Приятно ли будет вам жить по соседству с таким интересным народцем?

И Ахола умолк, сардонически усмехаясь. Такая усмешка была верным признаком того, что обладатель ее сегодня весьма и весьма не в духе.

– Можно подумать, что в пустых землях еще кто-то живет, кроме нежити, – проворчал себе под нос Аалтонен.

– Бабьи сказки! – презрительно фыркнул кто-то.

Воцарившееся молчание прервал Мерилода:

– Это все верно, но, думается мне, народы, подобные этим нурам, живут за пределами все-таки Ингрии не повсеместно… если это вообще не досужая выдумка хеймингских торговцев. А они приврать любят. Но вот возможности и дальше оставаться здесь у нас, увы, нет. Так что придется скрываться.

И тут Ахола взорвался.

– Вилы Туони вам в глотки! – вскричал он. – Тебе, герр адмирал, похоже, понравилось бегать от хеймингов! Что ж, прекрасно! Ты имеешь право бегать, сколько твоей душе угодно, но меня уж от этой беготни избавь! Мне, в конце концов, надоело убегать и прятаться. Я хочу вцепиться в глотку всем хеймингам вообще и Холмскому в частности! Может быть, это меня погубит, но перед смертью я уж постараюсь взять с собой в Маналу возможно большее количество хеймингов.

Он говорил негодующе, гневно, с яростной жестикуляцией, и, умолкнув, сел, глубоко дыша. Присутствующие смотрели на него с легким

удивлением – необузданный нрав Ахолы был всем известен, но такие вспышки случались с ним нечасто. Только Мерилода взглянул на него спокойно и сказал:

– Я понимаю тебя, но только не забывай, что погибнешь не ты один. С тобой погибнут твои соотечественники.

– Те, кому дорога память о Койвисто, погибнут с радостью, – упрямо возразил тот.

Дальше беседа не вязалась. Гнев Ахолы всех смутил. В конце концов адмирал отпустил всех.

Он и сам не меньше других был смущен словами Ахолы. Действительно, так ли дорого ему Койвисто, как он думает? Неизвестно. А может быть, даже и не в Койвисто дело, просто ненависть к Хеймингии поутихла? Может, и так.

В душевном мире Мерилоды за эти месяцы произошли изменения. Они накапливались постепенно и незаметно, но в итоге привели к тому, что неутихавшей ненависти к Хеймсстадиру оказалась противопоставлена какая-то завороженность, зачарованность музыкой. Эти странные мелодии непреодолимо влекли к себе и в то же время заставляли еще ярче разгораться ненависть и скорбь по утраченной родине, и такие противоречивые чувства буквально разрывали ему душу. Возможно, эта завороженность и вызвала в нем полное нежелание лезть на рожон. В нем все больше нарастало стремление скрыться в бескрайних дебрях Восточной Ингрии, чтобы под пологом лесов его не нашел уже никто. Все чаще Мерилода замечал за собой желание не воевать, не бороться, а просто идти по тропе среди еловых чащ, ни к кому не испытывая ненависти и ни о чем не беспокоясь. Угрюмые просторы Вихерсойдет, вечно наполненные однообразным шелестом камышей, давно уже начали утомлять его. Именно поэтому он в последнее время все чаще отправлялся в окрестные леса вместе с отрядами сборщиков дани. Там он чувствовал себя спокойно, как нигде больше.

Однако поведение Ахолы сегодня было, кажется, не совсем обычным. В последнее время подданные Мерилоды подозрительно часто стали поговаривать о необходимости нового похода против хеймингов, и эти пересуды беспокоили адмирала. Ахола может вызвать раскол среди финнов, и, может быть, слишком многие пойдут за ним: кто-то – из действительной ненависти к врагам, а кто-то – за «хорошей жизнью», чтобы, если затея Ахолы провалится, переметнуться на сторону противника.

От таких мыслей у Мерилоды стало тяжело на сердце. Неужели Ахола посмеет предать и бросить его? Неужели? Да нет, вряд ли. Будем надеяться, что боги избавят от этого. А если все же?.. Да нет, нет, не может этого быть.

Измученный раздумьями и сомнениями, Мерилода поднялся на второй этаж, в свою спальню. Включив радио, он сел в кресло перед окном, откинулся на спинку и расслабился. Музыка, лившаяся из приемника, как нельзя лучше соответствовала виду из окна. Она не была ни воинственной, ни мучительно-печальной; она была просто однообразно-ритмичной: несколько мужских и женских голосов под аккомпанемент несложных инструментов и очень просто настроенной сарвасвары, выводивших незатейливую (для хеймингской музыки) мелодию, повторяли один и тот же куплет несколько раз. Так же однообразен был и вид из окна, который Мерилода видел уже, наверное, тысячу раз: серо-желтые камыши, колышущиеся под шелест ветра в вышине, серо-коричневые кустарники и белые проплешины топей.

Вечером к нему зашел Ахола. Они перебросились парой малозначащих фраз, а затем Ахола прямо спросил:

– Слушай, адмирал, почему ты все-таки не хочешь нападения?

Мерилода ответил не сразу. Некоторое время он сидел в кресле, покусывая кончик уса. Потом заговорил:

– Понимаешь, это действительно бессмысленно. Разве это месть?

– А разве нет?

– Нет! Вот если бы мои войска промаршировали по дымящимся развалинам Хеймсстадира, Форт-Гогланда, если бы финны хозяйничали в Ауттова и Оккервиле – это была бы месть. А так… Как-то не вижу я особого смысла в том, чтобы шататься вокруг границ хеймингских владений, грабя всех без толку. Моим именем будут тогда пугать маленьких детей, а Верховного Министра я не испугаю. И это все кончится тем, что против меня пошлют карательный отряд и подстрелят где-нибудь, как зайца. Нет, это не месть, а посмешище.

– Да, адмирал, я понимаю, но вот люди недовольны. Они хотят напасть на Альдейгьюборг и разграбить его.

– Люди, люди! – раздраженно выкрикнул Мерилода. – Что мне люди?! Ничего не понимают эти люди и не поймут никогда в жизни! Ведь не я один пострадаю – их тоже перестреляют, они даже пискнуть не успеют!

– Хорошо, адмирал, но зачем бежать?

– Потому что нет у меня лучшего выхода!

– За тобой никто не пойдет.

– Мне все равно.

– А остальных – тех, кто не захочет опять убегать – ты бросишь на произвол судьбы?

– Да. Пусть себе делают, что хотят, раз им так жить надоело.

Ахола помолчал, а потом упрямо повторил:

– И все-таки, адмирал, не стоит тебе бежать.

В ответ на эти слова Мерилода вскочил и заходил по комнате из угла в угол.

– Прекрасно, – воскликнул он, – а что ты можешь предложить?! Есть только два выхода – бегство и нападение. Я выбираю бегство. И не пытайся меня отговаривать!

Ахола ничего не ответил. С тяжелым вздохом он встал со стула и вышел из комнаты.

Мерилода устало упал в кресло. Сегодня был такой тяжелый день! Похоже, что разрыв с Ахолой неизбежен. Жаль! Ведь они вместе прошли весь этот страшный путь от Суолайтури до Сабрии, а потом и до Салаярви. А теперь вот, вероятно, придется расстаться.

В таком печальном расположении духа адмирал отошел ко сну.

А на следующий день произошло неприятное событие.

После завтрака Мерилода сидел в гостиной, потягивал чай из расписной кружки – настоящий чай, из Хеймингии, а не настой зверобоя или листьев гормы – и рассеянно любовался далями Грюнемоора, видневшимися из окна. Вдруг вошел слуга и с поклоном сообщил:

– Герр адмирал, к вам делегация.

Адмирал непонимающе воззрился на него.

– Что за чушь? Какая еще делегация?

– Люди. Ваши подданные. Говорят, у них к вам просьба.

– Хм! Их много?

– Четыре человека.

– Ну, если четыре… Проси.

Слуга вышел. Через минуту в комнату вошли делегаты. Как и все финны, они были бородаты и одеты очень просто, но опрятно. Один из них заговорил:

– Герр адмирал! Мы вот к вам… Понимаете… В общем, мы все думаем, что зря здесь сидим. Надо бы пойти проучить хеймингов.

– И что вам угодно от меня? – недовольно спросил Мерилода.

– В общем, мы хотели бы, чтобы вы возглавили поход на Альдейгьюборг.

С минуту Мерилода пристально смотрел на них, а потом вдруг спросил:

– А если я откажусь?

Делегаты замялись и переглянулись. Наступило молчание. Наконец его прервал старший – тот, что говорил ранее. Он глубоко вдохнул, вобрал голову в плечи, словно собирался прыгнуть в воду, и выпалил:

– Тогда мы найдем другого командира!

– Да?! Вот как?! – саркастически воскликнул Мерилода, притворяясь удивленным. – И кого же?

– Ну… Например, капитана Ахолу.

Мерилода поставил кружку на стол, медленно встал, подошел к окну и, отвернувшись от делегатов, закрыл глаза. Так! Значит, все-таки предательство. Ахола намерен бросить его и идти на хеймингов. И, что хуже всего, большая часть народа, видимо, последует за ним.

Адмирал повернулся к делегатам.

– Сколько человек разделяют ваше желание идти на хеймингов? – сухо спросил он.

– Больше половины. Может быть, человек четыреста.

– А вы понимаете, – ехидно поинтересовался Мерилода, – что хейминги не горят желанием сдать вам Альдейгьюборг и самим сдаться в плен? Надеетесь, что они выйдут вам навстречу с флагами и музыкой и вынесут вам на шелковой подушке ключи от города?

– Ну, герр адмирал, мы, конечно, понимаем, что будет трудно, но ведь надо же что-то делать!

– Что ж, прекрасно! Попробуйте! Интересно только, всех вас они перебьют или кого-то оставят в живых, чтобы рассказал всем о вашем поражении?

– И все-таки мы попробуем, – упрямо заявил старший.

– Ну ладно. Дело ваше. Мне-то, в сущности, наплевать.

И Мерилода опять отвернулся к окну, показывая этим, что аудиенция окончена.

Он лихорадочно пытался найти хоть какой-нибудь способ образумить своих подданных. Говорить с Ахолой, судя по всему, бесполезно – он принял решение и не отступится от него ни за что. Аалтонен? Он не имеет и десятой доли того влияния, которое есть у Ахолы, хотя и является правой рукой последнего. Да он тоже человек упрямый. Тогда что остается? Выйти к народу и поговорить с ним? Но люди недовольны. Большинство осуждает Мерилоду за бездействие. Скрываться не хочет никто. Может быть, попробовать закрыть арсеналы? Леший знает, что из этого выйдет. Люди, не ровен час, могут взбеситься, и тогда самому адмиралу не поздоровится. Ах, Хийси им всем! Куда ни кинь – везде клин!

Наконец он устал биться об эту стену. Поднявшись в спальню, он включил радио и опустился в кресло. Из приемника снова полилась чарующая мелодия, и под ее журчание мысли Мерилоды приняли новое направление. Ему подумалось: а стоит ли тащить с собой в леса прожорливую и беспокойную ораву численностью в несколько сотен человек? Нет, не стоит. Без нее легче. Маленький отряд легче спрятать и проще прокормить, им удобнее управлять. Маленький отряд не обременителен.

Таких мыслей Мерилода почему-то сначала испугался. Остаться без своего народа? Позволить ему добровольно идти на бойню? Это будет предательство, пожалуй, не меньшее, чем совершил когда-то князь Аарне Виртанен. И потом, с этими людьми адмирал прошел через все испытания. Они сражались за славу и свободу Койвисто в бухте Защитной, они брали Фест, бились под Дружной Горкой, упорно шли вслед за своим адмиралом по глухим лесным дебрям Ингрии – через все прошли. Как же можно их бросить?!

Но Мерилода понимал: власть над ними ему уже не удержать. А если так, то пусть отправляются вместе с Аалтоненом и Ахолой куда хотят – хоть в Альдейгьюборг, хоть в Оккервиль, хоть на службу к Верховному Министру, хоть к Хийси в пасть! Без них действительно будет легче.

Мерилода еще раз взвесил все pro et contra. Иного выхода не оставалось. Придя к такому выводу, он вызвал слугу и велел послать за Ахолой. Тот вскоре явился, слегка озадаченный этим вызовом. Мерилода начал без всяких предисловий:

– Итак, коль скоро вы бесповоротно решили воевать с хеймингами, я отдаю вам наши арсеналы. Возьмите, сколько сочтете нужным, оружия – хотя, разумеется, не все, нам оно тоже пригодится – и идите, куда вашей душе угодно. Удерживать вас у меня нет ни малейшего желания. Только учти – я уйду отсюда сразу же после вас. Куда – не знаю. Куда глаза глядят, куда ноги идут. Так что вряд ли ты сможешь меня потом найти. Это все.

Видя, что Ахола не уходит, Мерилода поторопил его:

– Ну что ты стоишь? Иди же! Иди, собирай своих людей.

Ахола, ничего не ответив, вышел.

Настроение у Мерилоды было преотвратительнейшее. Конфликт с Ахолой расстроил его до крайности. Мерилода знал Ахолу уже очень давно. Когда он получил должность командира корабля, к нему привели однажды молодого мичмана. Это и был Тойво Ахола. Немало опасностей преодолели они вместе – плавали на Аланды, бились под Иоханнесом. После захвата берегов Вийпурилахти из флота Койвисто была выделена Уурасская эскадра, куда и направили служить Ахолу. Мерилода же остался в эскадре Суолайтури.

Разошедшиеся жизненные пути снова сошлись перед атакой на Хеймсстадир. И вот теперь опять разделение? Печально. Но ничего не поделаешь. Такова, видно, судьба.

На следующий день наступал срок отправления за традиционной данью. Мерилода еще вечером приказал подготовить себе экипаж. После плотного завтрака отряд из девятнадцати человек, включая самого адмирала, покинул Салаярви в южном направлении.

Мерилода ехал на мотоцикле-снегоходе, не глядя по сторонам – Грюнемоор везде одинаков. Адмирал давно уже не ездил в тех санях, на которых приехал сюда. Не желая быть обузой для сборщиков дани, он научился управлять гусеничным мотоциклом и теперь ездил на нем не хуже любого из своих подданных. Палатку он с собой не брал ни в один поход, чтобы не нести лишнюю тяжесть. На багажнике его снегохода были прикреплены специальные складные сани, на которых возили награбленное.

Тропа петляла между зарослями камышей и замерзшими топями, то и дело огибала небольшие рощицы кустарников. Все было, как обычно. Только вот настроение у Мерилоды было ужасное. Он был абсолютно уверен, что, вернувшись на Салаярви, не застанет там никого или почти никого. Большая часть его подданных, так долго сохранявших верность ему, уйдет с Ахолой к устью Волхова. Уйдет на верную смерть. Только эти мысли и крутились сейчас в голове Мерилоды. Получается, что его просто бросили! Бросили одного в непролазной глуши Восточной Ингрии! Да, похоже, что не он предает свой народ, а совсем наоборот. «Эх, – подумал он, – ну и попал же я в историю!».

Времени меж тем прошло довольно много. Приближался полдень. Над морем камышей показалась темная полоска леса.

Собственно, до настоящего леса, до берега болота, было еще очень далеко. То, что виднелось сейчас в отдалении, представляло собой всего лишь очень большой перелесок. Он тянулся точно на запад от восточного берега в виде длинного, неравномерной ширины языка к лесам на противоположном краю Вихерсойдет и не дотягивался до них всего на каких-нибудь полтора-два километра, разделяя болота на две неравные части – северную и южную (более чем в два раза меньшую первой). Этот язык был совершенно необитаем, хотя жить здесь было бы, пожалуй, удобнее, чем в Салаярви. По нему не проходило ни одной тропы (если, конечно, не считать той дорожки, по которой шел сейчас отряд, пересекавшей рощу поперек). Раньше Мерилода здесь никогда не бывал.

Скоро въехали в густые кустарники. Унылая черная охтега и хилые, низкие тальники жалко торчали из сугробов. Жалкое впечатление еще более усиливалось их густотой. Ветра не было, небо было сплошь затянуто серой пеленой туч. Бледный полусвет и тишина делали эти заросли до такой степени безотрадными, что Мерилоде вдруг безумно захотелось убежать отсюда как можно дальше. Но он продолжал ехать вперед.

Наконец проехали через кустарники, миновали сосновый перелесок, пересекли по льду речку, вдоль левого берега коей тянулся язык леса, и только здесь сделали привал. Привал был недолог – отдохнули, перекусили и поехали дальше. К вечеру отряд, пересекши Южный Грюнемоор, достиг наконец края болота.

Ехать по заснеженному лесу было так спокойно! Тишина. Не та гнетущая тишина, что царила на болотах, а величественно-мирное безмолвие зимнего леса. Узкая просека, кроны сосен вдоль которой казались темно-серебряными из-за облепившего ветви снега. Только здесь печаль начала исчезать. Мерилода перестал отчаиваться. Теперь он был окончательно уверен, что уход большей части финнов – благо для него.

Поездка продлилась несколько дней. Отряд успел объехать довольно большую территорию и возвращался с большим грузом. Хеймингов, к счастью, не встретили, хотя, по сведениям, их когорты изредка навещали и эту глушь. Когда они вернулись в Салаярви, то нашли там всего человек триста. Это были все, кто, несмотря ни на что, сохранил верность Мерилоде.

На центральной площади селения адмирала встретил Ээро Рантанен.

– Адмирал, зачем же вы всех их отпустили? – заговорил он, когда они обменялись приветствиями. – Они ушли только вчера и, думаю, еще не успели уйти далеко. Может быть, послать за ними гонца, приказать вернуться?

Но Мерилода отрицательно покачал головой.

– Нет, не надо. Зачем? Без них лучше.

– Лучше?

– Ну да! Они рвались сражаться – а точнее, грабить хеймингов – и все равно ушли бы позже. Не имело смысла тащить с собой эту беспокойную толпу.

– Но теперь нас слишком мало, нам трудно будет выжить.

– Как раз наоборот, теперь, когда нас не слишком много, выжить будет намного легче!

– Эх, – вздохнул Рантанен, – свежо предание, да верится с трудом. Кстати, – перевел он разговор на другую тему, – куда теперь пойдем? Вы, кажется, говорили, что отсюда придется уходить.

– Да-а! – Мерилода задумчиво почесал затылок. – Говорить-то говорил, а вот куда ехать – не знаю.

– Мне кажется, лучше всего уходить еще дальше на восток.

– Чем же лучше?

– Это глушь. Такая дикая глушь, куда хейминги, наверное, уже никогда не доберутся. Малонаселенные места, очень густые леса – на Тихвинской гряде, я слышал, растут такие непролазные чащи, что если дерево там подрубить, то оно не падает, а цепляется кроной за ветви соседей и остается стоять, и свалить его часто бывает очень трудно.

– Ух! – восхищенно выдохнул Мерилода. – Интересно было бы там побывать! Только вот сумеем ли мы там пройти, по такой чаще и по такому снегу?

– Сумеем, я думаю. Кроме того, такие дебри там встречаются, неверное, не повсеместно.

– Ладно, – сказал адмирал. – Потом об этом подумаем.

После обеда он поднялся в спальню и, включив радио, остановился перед висевшей на стене картой. Да, здесь было над чем подумать. Вот неправильное белое пятно Зеленецких болот. Вот маленькое синее пятнышко озера Салаярви. А справа от него – беспредельное зеленое море, великий ингерманландский лес. Могучие древние сосны, увенчанные шапками снега, скрипят под ветром, и с их крон сеется мельчайшая снежная пыль. Темные мрачные ельники сменяются прозрачными белыми березовыми лесами. Под сенью чащ, скованные льдом, дремлют многочисленные ручьи и речки. Совсем недавно еще они весело бежали по камням, через поваленные деревья, бежали и впадали в большие реки – Свирь, Паксайоги, Оять, Волхов, – а те величаво катили свои серые воды в бескрайнее озеро-море Ладогу. Синеют в лесах бирюзовые глаза озер. Каких-нибудь два месяца назад они еще смотрели, сонные, в бездонную высь небес, отражая плывущие облака и стремительно проносящихся птиц. Сейчас все спит. Земля укуталась в одеяло снегов и ушла в себя, уснула, скрылась в грезах. Что-то ей видится сейчас?

В этот момент из приемника зазвучала новая мелодия, и это изменило ход мыслей Мерилоды. Отбросив романтику, он всерьез задумался о том, как быть дальше. Уходить на восток, в леса, не очень хотелось. Такое решение, конечно, могло на очень долгий срок оттянуть новое столкновение с хеймингами, но срок этот, к сожалению, не мог быть неопределенно большим. Помимо того, реализация этого решения приводила к почти абсолютной изоляции финнов Мерилоды от остального мира. Зеленецкие болота находились между двумя крупными реками – Сейскийоги и Волховом, что позволяло вести хоть какой-то товарообмен. Финны имели возможность покупать зерно, привозимое из Новгорода, или соль из Хеймингии, или другие необходимые товары. А вот крайний восток обитаемого мира, на самой кромке пустых земель, был такой невообразимой глушью, что вообще было не совсем понятно, как люди могут там жить. Никаких крупных рек там не было, ни одна большая дорога не вела оттуда к более обжитым и известным местам. Там были только еловые непролазные дебри, множество мелких ручьев, болота, озера. Не было даже каналов и просек, которые сравнительно часто можно было встретить западнее Волхова. Где-то адмирал слышал, что хейминги года, кажется, два тому назад отправили туда экспедицию и, говорят, выяснили, что кое-где тамошнее население не знает ничего ни о хеймингах, ни о Хеймсстадире, ни даже о Финском Заливе! Это все, правда, были только досужие пересуды, но ведь даже и в них есть, вероятно, зерно истины.

Таким образом, ни на Тихвинской гряде, ни в Загорье, ни в Мегоре – небольшой области к северу от Загорья, в землях вепсов, на самой границе Ингрии – делать было нечего. Но, с другой стороны, оставаться здесь или переселяться на Волхов или на Ладогу – значило очень скоро оказаться под пятой Хеймсстадира. Мерилода в отчаянии блуждал взглядом по карте, не видя ни одного надежного места. «Да-а, – вздохнул он про себя, – за все надо платить. Хочешь спокойствия – терпи изоляцию, не хочешь изоляции – терпи опасность».

Взгляд его, созерцая карту, все время возвращался к правому верхнему ее углу – туда, где был изображен маленький кусочек Онежского озера и где находились истоки Свири. Мерилоду заинтересовало это местечко. До ближайшей колонии Хейма вроде бы далеко – и в то же время на большой реке, рядом с громадным Äänisjärvi. «А почему бы, собственно, и не сюда?» – подумал он наконец. Прикинул расстояние – выходило около двухсот километров по прямой и триста – триста пятьдесят с учетом всяческих дорожных зигзагов. Пути – дней двадцать – двадцать пять, от силы месяц. Это если стараться все же идти по прямой. А прямой путь, как известно, далеко не всегда самый легкий. Можно идти туда по Сейскийоги, берегу Ладоги и Свири, но сколько времени это займет – подумать страшно. А, впрочем, какая разница? Лишь бы идти куда-нибудь. Желательно – не попадаясь на глаза хеймингам.

Вот это последнее соображение и решило дело в пользу прямого пути. Мерилода подумал, что по лесам идти гораздо безопаснее и спокойнее. Лес своим серым заснеженным пологом скроет их, как теплым одеялом, даст тепло горящих еловых лап, даст защиту от ветра, так жестоко пронизывающего холодом на открытых пространствах, даст пищу. Лес лучше. Лес спокойнее. Безопаснее. Тише.

Мерилода приказал передать командирам отрядов, что сегодня вечером ему понадобится их совет – будет совещание.

Остаток дня пролетел быстро. Когда начало темнеть, собрался Komentajain neuvosto – то, что от него осталось. Три человека, четвертый – Рантанен, пятый – сам Мерилода. Собрались в гостиной, и адмирал начал.

– Вот, господа, как нас мало осталось, – печально молвил он. – Все ушли воевать с хеймингами. Если проиграют, сдадутся на милость победителя.

– Предатели! – с негодованием пробормотал про себя Рантанен.

– Да нет, просто человек ищет, где лучше. Однако лирику побоку. Надо убираться отсюда. Предлагаю идти на Онежское озеро или верхнюю Свирь.

– Почему туда? Почему не в леса, на восток?

– Как-то не хочется уходить в дебри и обрекать себя на изоляцию, которая, между прочим, лишь отсрочит новую встречу с силой Хейма.

– А то, что хеймингские войска уже и на Онегу нагрянули? – спросил кто-то.

Мерилода только вздохнул:

– Будем надеяться, что нас они там не тронут и позволят жить так, как нам самим хочется. Да и что нам еще остается?

Рантанен не стал спорить.

– Что ж, на Онегу так на Онегу. Только вот идти туда уж очень нелегко.

– Ничего. Из Сабрии сюда дошли – значит, и туда доберемся. Путь туда займет примерно месяц. Хватит у нас запасов на это время?

Рантанен быстро прикинул что-то в уме, возведя глаза к потолку, и уверенно сказал:

– Хватит! И на больший срок хватит.

– Вот и отлично! Пойдем по прямой. Вот так. – Адмирал провел пальцем по карте, снятой со стены.

– Прямо через лес? – с сомнением в голосе спросил один из командиров. – Слишком тяжел путь. Лучше пройти по рекам, по Волхову и Свири, например.

– Нет, не стоит. Это увеличивает вероятность попасться на глаза хеймингам.

– А что их сейчас бояться? Навигация все равно давно кончилась.

– Действительно, – поддержал командира Рантанен, – может, легче по рекам?

– Слишком долог путь, не хватит запасов, – возразил Мерилода. – В общем, – заговорил он громче, пресекая заранее возможные возражения, – не позднее, чем послезавтра, все должны быть готовы к новому и долгому походу. На этом – всё.

Ночью Мерилода долго не мог уснуть. Он вздыхал и ворочался в постели. Так не хотелось уезжать с Салаярви! Он уже так привык к вздохам ветра в высоте, к шелесту камышей, и расставание со всем этим было для него так мучительно! Но еще мучительнее была неизвестность, ждавшая их в походе. «Будем надеяться, что хейминги все же не тронут нас на Онеге». И верно: все, что осталось им – надеяться.

Затем ход мыслей перешел в новое русло. Мерилода задумался о своих подданных. То, что четыре года назад было дисциплинированной и послушной армией, теперь давно уже представляло собой обыкновенную толпу, бродячее племя с самой примитивной организацией. Послушание их держалось в последнее время исключительно на уважении к адмиралу, но уважение таяло с каждой новой бедой, обрушивавшейся на них. И, наконец,

растаяло совсем. И тогда Мерилода враз потерял почти весь свой народ. Подавляющее большинство ушло к устью Волхова. Видимо, бухта Защитная и Дружная Горка ничему их не научили. Что ж, поделом. Из находящихся в настоящий момент в Салаярви, как сообщил ему Рантанен, человек пятьдесят решили вообще никуда не ходить и во что бы то ни стало остаться в деревне. Это, пожалуй, хорошо. Возможно, они сохранят деревню и, особенно, дом адмирала. Ему так хотелось надеяться, что он еще вернется сюда! К ним, вероятно, присоединится впоследствии кто-то из ушедших с Ахолой – это еще лучше. Все остальные – двести человек – послезавтра покинут Салаярви и двинутся на северо-восток, к Онеге и Свири, через глушь, леса, чащи, через березовые и еловые дебри, по сугробам, через реки… Какой долгий путь!

Наконец Мерилода уснул. Всю ночь ему грезилось белесое марево снегов, снилось, как он бредет по заснеженным лесам. Ветки хлещут его по лицу, с еловых лап сваливаются лавины снега, снег падает с серых небес, все кругом белым-бело, только проступают темными силуэтами, тенями стволы вековых деревьев, потом деревья исчезают, и он бредет уже по какому-то полю; только иногда сквозь марево снегопада проступают темные пятна – избы? опушка леса? стога? – а он все бредет, проваливается в сугробы по пояс, вылезает и, даже не отряхиваясь, бредет дальше.

На другой день он проснулся лишь около полудня. Проснулся и сел в кровати, стряхивая остатки сна. Потом взглянул в окно. Сон был в какой-то степени вещим – за окном вовсю валил снег.

День был наполнен суетой. Бегали туда-сюда люди, все были заняты – кто точил ножи и сабли, кто смазывал и чистил автоматы, кто ремонтировал снегоходы. Мерилода и Рантанен вертелись, как белки в колесе, мотаясь по селению, отдавая распоряжения, следя за ходом подготовки. Остальные командиры от них не отставали. Только те, кто решил остаться, смотрели на всю эту беготню с философическим спокойствием – им-то спешить было некуда!

Наконец приготовления были закончены. Всё успели сделать до ночи. Мерилода и Рантанен в последний раз обошли поселок, убедились, что все действительно готово, и отправились спать.

На следующее утро адмирал проснулся – и сразу же пожалел об этом. Это было его последнее утро на Салаярви. Так не хочется вставать, идти опять невесть куда… Но надо. Гонит его судьба, противиться ей не стоит. Послушных она, как известно, ведет, непослушных – силком тащит.

Мерилода закрыл глаза. Как хорошо лежать на мягкой, нагретой за ночь постели и не двигаться, не шевелиться совсем! Полежать бы так еще хоть несколько минут!

На лестнице послышались шаги. Мерилода с отчаянием посмотрел на дверь. Она открылась, и в комнату вошел слуга.

– С добрым утром, герр адмирал! Пожалуйте одеваться.

– Сейчас, ладно, – отмахнулся тот, – сейчас иду.

Слуга положил чистую и выглаженную одежду на кровать в ногах у адмирала и вышел, закрыв за собой дверь.

Мерилода обхватил подушку руками и прижался к ней щекой. «Боги, боги! – мысленно застонал он. – Ну куда вы меня гоните? Что плохого я вам сделал? Я так не хочу уходить! Я так хочу покоя!».

За дверью послышался голос слуги:

– Герр адмирал! Завтрак скоро будет готов!

– Иду, уже иду! – отозвался Мерилода. «Как жестоки близкие люди! – с горечью подумал он. – Хорошо, что я не завел себе семьи. Близкие и родные люди – это плохо».

Он нехотя встал и медленно оделся, умылся и сел за стол. Завтрак был такой, как обычно: пара ломтиков пшеничного хлеба, чашка ячменного кофе, тарелка вареных овощей.

Когда он заканчивал есть, в столовую вошел Рантанен.

– Герр адмирал! Мы ждем вас.

– Уже?

– До назначенного вами времени отправления осталось полтора часа.

– Жаль… А ведь мы здесь и года не прожили. И вот снова уходить.

– Не расстраивайтесь, адмирал, – мягко сказал Рантанен. – Рано или поздно вы все равно найдете место, где вас оставят в покое.

– Разумеется, найду, – буркнул тот. – В могиле.

Даже обычное жертвоприношение богам перед дальней дорогой не отвлекло его от тоски и печальных дум. Бросив в огонь последний кусок медвежьего мяса для Укко, Рауни и Миэликки и бормоча привычные заклинания, Мерилода подумал: «Вот так и жизнь наша, как это мясо в огне…».

Пока слуги укладывали в адмиральский экипаж оставшиеся вещи, Мерилода бесцельно бродил по двору, поддавая снег носками сапог. В голове не было никаких мыслей. Тишина. Только сердце так болит! И нет конца этой боли.

Стояла обычная декабрьская погода. Было не очень холодно; ветер был слабый, но камыши все равно шелестели, как всегда. «Они, наверное, шелестят, даже когда совсем нет ветра», – подумал Мерилода. Небо было, как всегда, затянуто сплошной светло-серой пеленой туч. Из них струился на землю мягкий рассеянный свет. Налетевший внезапно порыв ветра толкнул калитку одного из соседних домов, она закачалась и жалобно заскрипела. Этот звук словно ножом полоснул по сердцу. Из глаз Мерилоды

едва не брызнули слезы. Чтобы сдержаться, он закусил губу и впился ногтями в ладони. С трудом успокоив взметнувшуюся бурю чувств, он продолжал мерить дворик шагами, скорбя о своей судьбе.

Прошло довольно много времени. Наконец к нему подошел слуга.

– Все готово! – сказал он. – Что прикажете делать?

Адмирал пожал плечами.

– Иди, – молвил он, махнув рукой в неопределенном направлении, – иди, скажи, чтобы трубили сбор. Выступаем.

Слуга ушел, и через несколько минут над серыми просторами Грюнемоора понесся печальный, одинокий звон трубы. Он раскатился в холодном влажном воздухе, растекся по пространству и исчез. Даже эхо не ответило ему. Потом послышался шорох многих ног.

Мерилода залез в свои сани. Там было все устроено так, как во время похода из Сабрии. Даже приемник был на месте. На снегоходе, тянущем эти сани, уже сидел возница. Адмирал тяжело вздохнул, с невыразимой болью взглянул в последний раз на свой дом, до сих пор еще немного пахнущий свежесрубленной древесиной, и крикнул вознице:

– Трогай! – после чего запахнул полог и откинулся на подушки.

Через несколько минут маленький отряд финнов – двести человек, оставшихся от тех нескольких тысяч, что покинули когда-то Койвисто – шел по шуршащему морю камышей, удаляясь от Салаярви. В высоте неба по-прежнему стонал и вздыхал ветер.

XVI. ПО ЛЕСАМ ВОСТОКА

Музыка уносит сердце вдаль,
Музыка утишит и печаль.
Близкий друг, когда душа болит,
Успокоит и развеселит.
Наблюдаю за потоком вод,
Перед взором родина встает.
Почему бы не пуститься мне
В путь далекий в маленьком челне?
Не найти мне музыки такой,
Чтоб вернуть утраченный покой.
Никого, с кем рядом я живу,
Близким другом я не назову.
Сяду в челн, и понесет волна…
Но – увы! – ни друга, ни челна.

Цао Чжи

Мерилода включил радио. Из приемника полилась протяжная ритмичная мелодия. Она не была ни радостной, ни печальной, она была просто спокойной, и от нее раздиравшая душу боль стала медленно отступать. На ее место пришли тишина и покой. Тоска перестала грызть истекавшее кровью сердце, и из глаз Мерилоды вдруг потекли слезы. Горячие капли медленно стекали по щекам, обжигая кожу, и исчезали в густой бороде. Слезы очищения. Мерилода даже не пытался остановить их, он не думал и не хотел думать о том, что в этот момент его могли увидеть, если бы кому-нибудь понадобилось поговорить с ним; он вообще ни о чем не думал, он только полулежал на подушках, не двигаясь и уже не обращая внимания на приемник, а из его глаз ручьем лились слезы.

Внезапно поток слез иссяк, и Мерилода успокоился. Боль отпустила душу, и его мысли теперь уносила вперед невероятная мелодия, составленная в далеком и ненавистном Хейме. Повинуясь странным ритмам, он словно грезил наяву, словно галлюцинировал. Ему виделись бескрайние темные леса, запорошенные снегом и как будто таящие в себе нечто. Это нечто пронизывало все: сугробы, деревья, лед озер, маленькие, ушедшие в снег деревеньки, оно слышалось во вздохах ветра в кронах сосен, в стонах старой лесины, скрипевшей вдалеке, в шелесте падающих снежинок, оно пронизывало даже самого адмирала, и он испытывал от этого странное, неизвестное ему чувство. Он не мог ни сравнить его хоть как-то с другими, ни даже определить, что именно он чувствует. Это ощущение не было страхом, но некая слабая тень мистического вселенского ужаса сопровождала его; оно не было радостью, но вызывало радость. В мозгу внезапно всплыло слово. «Сокрытие». Что оно значило? Неизвестно, да и не

имеет это сейчас значения. Слово всплыло из глубин мозга на напряженную, гладкую, как зеркало, поверхность мысли, заполнило собой все сознание, весь мир, все бытие – и исчезло. Растворилось в пустоте. За ним появилось еще одно слово – «течение». Оно тоже растеклось по мысли, слилось с ней, но не ушло, и Мерилода почувствовал, что теряет форму, перестает быть самим собой и становится… ничем. Водой. И течет, струится по чащам Ингерманландии, по застывшим подо льдом рекам, по белой пустыне великой Ладоги, по просторам Suomenlahti. И исчезает. Тает. Сливается с этой странной землей, с лесом, с водами, со снегами, с людьми. И засыпает. И вечно грезит под светом звезд.

Адмирал очнулся и ошеломленно огляделся. Он по-прежнему находился в своих санях, они явно двигались, снаружи тихо гудели моторы мотоциклов и слышался хруст снега под ногами людей. Из приемника все так же звучала негромкая музыка. Мерилода выключил приемник и провел рукой по глазам. «Интересно, сон это был или не сон? Привидится же такое! Видимо, волнения последних дней окончательно расстроили мне нервы. Где-то в мешках, кажется, должна быть валерьянка».

Он со вздохом вылез из саней прямо на ходу – экипаж двигался не быстрее пешехода. Они уже шли по лесу. Вокруг поднимались к серому облачному небу колонны сосен. Ветер в высоте бросался порывами на вершины деревьев, и кроны вздыхали. Сверху сеялся мелкий снег. Вдали скрипело старое дерево. Мерилода вспомнил свое видение и содрогнулся от страха. То, что с ним сейчас произошло, никак нельзя было назвать нормальным.

К нему подбежал Рантанен:

– Герр адмирал! Приближаемся к реке.

– Уже?

– Да, сейчас мы в прибрежном лесу. Так куда все-таки пойдем: налево, вниз по реке, или направо, то есть вверх?

– Направо, вверх по течению.

– Значит, вы твердо решили идти по лесам?

– Совершенно верно.

Рантанен хотел что-то ответить, но передумал и только вздохнул с досадой.

Вскоре местность стала быстро понижаться, и наконец перед финнами открылся простор реки.

Сейскийоги была неширока – уже Луги или Волхова – но по-своему великолепна. По береговым холмам к самой воде стекали леса. Сама река прихотливо извивалась среди бескрайнего серебряно-зеленого океана темных снежных чащ. Странникам был виден сейчас лишь один ее извив. Белой полосой река, как змея, недвижно текла в далекую Ладогу. Ветер на

невидимых крыльях, холодных и влажных, реял над долиной, крутя поземку по льду и осыпая снежную пыль с еловых лап, и все это серым облачным покровом укрывало небо.

После недолгой заминки в береговых кустарниках войско повернуло направо, по уже довольно прочному речному льду. Вокруг них равнодушно стоял сосновый лес.

Выше по течению сосняки кончились, пошли ельники. Дремучие еловые чащи окружали реку. Идти приходилось по льду – по берегам лежал настолько глубокий снег, что о том, чтобы пытаться передвигаться по нему, нельзя было и думать. Вечером добрели до места, где в Сейскийоги впадала другая река, название которой на карте не было надписано, и остановились здесь на ночлег.

На другой день адмирал обратил внимание, что леса с каждым шагом становились все гуще. Ельники постепенно уступали здесь место сосновым борам. Высокоствольные чащи тянули свои увенчанные снегом кроны к холодной облачной пелене неба. Теперь идти по берегу мешали не только глубокие сугробы, но и удивительная густота леса и уже совершенная непролазность подлеска. Это стало ясно заметно с первых же шагов пути. По берегам реки, извилистой и узкой, чаща стояла стеной. Единственное, чем был хорош подлесок – это его состав: он состоял большей частью из сухих кустов дикой малины и маленьких елочек, которые служили неплохим топливом для костров.

Места здесь были, похоже, совершенно необитаемые: за четыре дня путешествия, из коих три финны брели по борам Тихвинской гряды, они не встретили ни единой живой души, не видели ни единого дымка, кроме дыма своих костров, не замечали иных следов пребывания человека, кроме пепла своих стоянок. Мерилода невольно вспоминал давний разговор с хеймингским торговцем и удивлялся: как же тот умудрялся торговать, если здесь не встретишь ни души? По каким же местам он путешествовал? Особенно тяжелым был третий день. В тот день они еще до полудня прошли половину дневного пути – почти пятнадцать километров. Другую половину дня они потратили на преодоление водораздела между Сейскийоги и Паксайоги. Шесть километров водораздела измотали их так, что все они, выйдя к реке, только о том и думали, как бы забраться поскорее в спальный мешок. Снегоходы, тянувшие за собой сани с необходимыми запасами, пройти по такому подлеску не могли, и его приходилось вырубать, но экипажи, едва двинувшись по просеке, мгновенно вязли в сугробах, и немалых трудов стоило откопать их и сдвинуть с места.

Весь путь от Салаярви до водораздела Мерилода проделал в своих санях в странном оцепенении. Никакие мысли не беспокоили его сознания, никакие эмоции не волновали его души. Он очень мало ел, но голода не

чувствовал. Целые дни напролет он внимал странным мелодиям Хейма, которые немного рассеивали его тоску. Только этот водораздел вывел его из прострации. Он бегал вокруг снегоходов, носился из конца в конец колонны, разбрасывал команды направо и налево. В тот день он, наконец, нормально поел, а вечером легко заснул и хорошо выспался после нескольких почти бессонных ночей.

Дальше путь был сравнительно легок. Дорога шла сначала по льду Паксайоги, а затем – по ее правому притоку, и особых проблем с движением здесь не возникало. Но вот пятый, шестой и седьмой дни похода были не менее тяжелы, чем третий. За эти три дня странники преодолели в общей сложности четырнадцать порогов. Мерилода, конечно, слышал, что эта река довольно порожиста, но чтобы такое! Пороги были бурные и, разумеется, не замерзали даже в самые лютые зимы, так что их всякий раз приходилось обходить по берегам, а это требовало огромных усилий – здесь не было даже слабых намеков на какие бы то ни было тропы, а сугробы были, кажется, глубже, чем даже в Тихвинской гряде.

Характер растительности изменился в очередной раз. Сосновые боры кончились, пошли лиственные леса. Уныло свистел ветер в голых ветвях берез, и деревья отвечали ему тяжелыми протяжными вздохами. Солнце уже несколько дней не показывалось ни разу. Собственно, последний раз ясная погода была в тот день, когда произошла эта ужасная ссора с Ахолой. С тех пор небо обложили тучи. Из них то и дело начинал сыпаться мягкий снег, белым маревом закрывая даль.

Такое марево постоянно закрывало сознание Мерилоды. Все он воспринимал словно сквозь призрачную дымку. А однажды ему приснился странный сон.

Снилось, что он один в лесу, на тропе… Хотя нет, не один. С ним еще несколько человек… Человека два-три. Но он не знает, кто они, да и не очень стремится знать. И вот он сидит в открытых санях. Их, видимо, подталкивают сзади – спереди нет никакого механизма, но сани, тем не менее, движутся. Они едут по лесной тропе. Кругом один снег. Невиданно много снега. Густо стоят вокруг деревья, и их ветви нависают над тропинкой. Откуда-то слышится музыка. Непонятно даже, откуда именно. А мелодия приятная, мягкая. Из глубины лесов начинает наплывать туман. Сначала это неясная, едва заметная дымка, затем она становится все гуще и гуще. Она струится меж стволов к тропе, как медлительная поземка, как снегопад. И из нее доносятся звуки. Невнятные вздохи, обрывки непонятных слов. Сонные голоса начинают шепотом напевать что-то под звучащую в воздухе мелодию. Слов не разобрать. Мерилода пытается разобрать их, прислушивается – безрезультатно. Чем пристальнее вслушивается, тем тише и неразборчивее становятся шепоты. Они

вздыхают, шелестят, наплывают друг на друга, на тропу, на самого Мерилоду. Сани все быстрее едут вперед, но впереди встречают все то же: шепоты, шепоты, шепоты…

Сани едут вперед. Туман немного расступается. Впереди между деревьями начинает маячить что-то черное. Подъехав ближе, Мерилода видит, что это какие-то сооружения, больше всего напоминающие сараи. Справа краем глаза замечает открытое пространство. Большое. Поляна? Болото? Нет, озеро. Точно, озеро. Откуда он это знает? Ниоткуда. Просто знает, и все. Он выезжает к сараям. Они стоят тесной группкой, словно маленькая деревня. Это, кажется, обычные охотничьи сараи или лабазы купцов, которые используются лишь время от времени. Но нет! Из сараев выходят люди. Они тоже шепчутся о чем-то своем. Вздохи, шепоты пронизывают все и вся. Людей Мерилода не видит. Совсем. Но точно знает, что они здесь. Они ведут его куда-то. Он не знает, куда; ему это неинтересно. Он медленно идет по тихо похрустывающему под ногами снегу и вслушивается, совсем не вслушиваясь, в шепоты, шепоты, шепоты…

Адмирал проснулся и сел в постели. Чувство реальности вернулось мгновенно. Сон удивил его. А мелодия? Ее он где-то слышал. Но где? Ах, да! Вчера. Радио «Кантелетар». Надо же, как мелодия врезалась в память!

Он откинул край бокового полотнища, и в передвижную палатку вместе с холодным ветром ворвался солнечный свет. Солнце! Наконец-то! От того, что непроницаемая пелена зимних туч разорвалась, пусть и ненадолго, чтобы пустить солнечные лучи осветить землю, он испытал прилив необычной радости и облегчения.

Мерилода быстро оделся и умылся снегом. Он обратил внимание, что влажности в воздухе совсем не чувствуется, а на всем вокруг – на ветвях деревьев, на палатке – серебристо поблескивает иней. Умывшись, он решил, что сегодня никто никуда не пойдет. Людям надо, наконец, помыться, постирать одежду, да и просто отдохнуть после очень тяжелого похода.

Два дня стояли они здесь, на речной излучине. Река, текшая выше этого места точно на запад, здесь круто сворачивала в южном направлении, и ее окружали темные еловые чащи. Никаких следов пребывания человека не было и здесь. Глушь, необитаемая глушь.

Мерилоду это, впрочем, устраивало. Запасов продовольствия должно было хватить еще на месяц, даже больше, так что необходимости грабить кого-либо не возникало.

В первый же день по всему лагерю развели большие костры, начали ставить палатки, войско охватило заметное оживление: люди готовили баню. После всеобщей грандиозной бани началась не менее грандиозная всеобщая стирка. Все были рады смыть с себя грязь похода. Сам Мерилода

тоже не остался в стороне от этого. Устроенная ему парная развлекла и взбодрила его, смыла оцепенение и задумчивость. Вечером первого дня стоянки он, насладившись баней и сменив белье и одежду, уже сидел у костра рядом со своими санями и беседовал с командирами, потом с аппетитом поужинал и отлично выспался прямо у костра на смолистых сосновых ветках.

На другой день – десятый день похода – двинулись дальше. Снова началась борьба с лесом, с сугробами. Те, кто шел впереди, продирались по нетронутому снегу, утаптывая и утрамбовывая его, а когда уставали, отходили в арьергард, уступая место шедшим сзади и уставшим меньше. К вечеру вышли к Ояти и заночевали там. Утром поднялись и пошли дальше.

Так и проходил этот поход. Они всё шли и шли, а лесам всё не было и не было конца. Березовые леса сменялись осинниками, осинники – мрачными, темными, молчаливыми ельниками, те – величественными сосновыми борами. На водоразделах чередовались подъемы и спуски. Где-то странники шли по самому гребню холма, где-то – по глубокой ложбине, едва проходимой из-за снега, где-то – по льду замерзшего ручья. Только по рекам идти было сравнительно легко. Впереди была гладкая белая дорога, а по бокам высились прибрежные холмы. По-прежнему ни одного намека на то, что эти места хоть кем-нибудь обитаемы, они не встречали – ни пепелища, ни дымка, ни следа. Небо опять затянули тучи, и снова на землю лился мягкий рассеянный свет. Ветер налетал резкими пронизывающими порывами. По ночам вдали, в волшебных дремотных лесах тоскливо выли волки.

И все это постоянно сопровождалось музыкой. Чем так привлекали Мерилоду песни хеймингов, он не знал, но они зачаровывали его. Ему особенно запомнилась одна из песен, исполнявшаяся на странном, рокочущем оркнейском языке. Под ее ритмичную мелодию он смотрел на великие леса Ингерманландии, на серое небо и холодный белый снег и однажды осознал, откуда хеймингские композиторы берут свои мелодии. Только отсюда! Из этих бесконечных лесов, печальных болот, великих рек и неяркого света, льющегося на них. Они были навеяны светом летнего солнца, игрой бликов на воде Залива, маревом снегопадов, серыми облаками, струями осенних дождей и дождей весенних, звоном соснового бора в летний день и вздохами ветра в кронах в день зимний, шуршанием листопадов октября и прошлогодней травой проталин в марте. Мерилоде подумалось, что хейминги, такой городской, цивилизованный народ, пожалуй, ближе к природе, чем койвистинцы, или сабры, или невидимые вепсы – обитатели тех мест, по которым лежал сейчас его путь. А может быть, это просто попытка вернуться к покинутой природе, или, точнее,

внести ее в свои отгороженные от всего мира дома? Может, и так. Знают это, наверное, только сами хейминги, а Мерилоде узнать не дано.

Но скоро адмирал начал тяготиться всем этим. Не лесами, конечно – ему просто надоел поход. Хотелось поскорее выйти к Онеге или Свири и обосноваться там, наконец, навсегда. Да и люди его заметно устали. Все чаще они подходили к нему с единственным вопросом: когда кончится поход? Он заверял их, что скоро, через несколько дней, уже вот-вот, но такой ответ, кажется, не слишком удовлетворял их.

На восемнадцатый день путешествия стало ясно, что поход почти завершен. В тот день адмирал ехал в своем экипаже, как обычно, позади всех. Сани неожиданно остановились; это вывело его из дремотной задумчивости. К нему подбежал Рантанен.

– Адмирал! Дошли!

– Что такое? Куда дошли?

– До Онеги дошли!

– До Онеги?!

Мерилода вскочил как ужаленный, схватил на всякий случай планшет с картой и ринулся вперед, не надев даже лыжи. Финны почтительно расступались перед ним. Домчавшись до головы колонны, он с треском проломился через маленькую заросль кустарников и остановился, ошеломленный.

Перед ним простиралась огромная белая равнина. По ней с печальным шелестом метался ветер, крутя поземкой снег. Вдали, очень далеко, поднимались над снежным горизонтом древесные вершины. В высоте, каркая, летела ворона. Ее крик разносился далеко над лесами и исчезал в холодном воздухе, смешиваясь со вздохами голых березовых крон на берегу.

Мерилода, открыв планшет, заглянул в карту. Нет, на Онегу это, кажется, не очень похоже. Может быть, это одно из озер у ее южного берега? Адмирал приложил к глазам бинокль, который всегда носил с собой, и осмотрелся. Потом снова глянул в карту. Нет, это не Онега и даже не ее южный берег. Тогда что? Так… вершины деревьев у горизонта… приметные холмы на противоположном берегу… Где же это? Да! Точно. Мерилода сообразил наконец, куда их занесло. Они находились на берегу огромного запрудного озера на верхней Свири – Ивинского разлива. Окрестности озера были болотисты и малонаселенны. Здесь были малоплодородные земли – сосняки и ельники на сфагновых болотах. Самый дальний угол обитаемого мира. За ним начинались уже пустые земли, о которых не было известно почти ничего и в которые ингрийцы (за исключением бесстрашных хейминго) очень редко отваживались забираться.

Мерилоду тронул за плечо Рантанен:

– Ну что, адмирал? Где это мы?

– Здесь. – Тот ткнул пальцем в карту.

– Да-а, – протянул Рантанен. – Вот это называется – забрались! Медвежий угол.

– Точно! Однако, это к лучшему. Может быть, здесь жить будет поспокойнее.

– Значит, остаемся здесь?

– Ну, не совсем, – задумчиво проговорил Мерилода. – Думаю, что нам следовало бы перейти на другой берег.

– Зачем?

– Может быть, там будет безопаснее.

Мерилоду словно подталкивало что-то сзади. Очень не хотелось оставаться здесь, на берегу огромной запруды, обязанной своим существованием все тем же хеймингам – много лет назад они перегородили Свирь плотиной для электростанции. Но и шагать дальше уже не было сил. Блуждая взглядом по карте, адмирал уже выбрал место для поселения – восточный берег озера. Он был болотист, но рядом расстилались бесконечные леса, море лесов – укрытие от опасности, источник строительных материалов… да мало ли еще какую пользу лес мог бы принести!

На следующий день взялись переходить Свирь. Здесь она была широка – почти три километра; переходить ее было небезопасно. Часть груза на всякий случай переложили со снегоходов на плечи людей. Путники шли длинной цепочкой, осторожно ступая по льду. Правда, толщина его, измеренная в нескольких местах, составляла около тридцати сантиметров, но они льду не верили.

Мерилода шел рядом со своей повозкой. Под ее полозьями похрустывал снег. Его мучило легкое чувство агорафобии. Хотелось поскорее добраться до другого берега. Перед глазами маячили уже росшие там сосны. Там не будет ни ветра, ни открытых пространств. Будет, где укрыться. Он чувствовал страшную усталость. Он даже не подозревал, как устал за эти девятнадцать дней. Сегодня ночью ему снился лес. Просто снилось, как он бредет по лесу, и нет конца-краю этому пути. И так всю ночь. Но теперь путь, кажется, кончен. Мерилоде уже виделась маленькая деревушка на берегу Ивинского разлива, скрывающаяся среди камышей здешних болотистых мест, под сенью сосновых лесов. Он решил, что с практикой грабежа соседних народов следует покончить. Только, может быть, в первый год ее еще придется использовать, а затем надо будет самим взяться за земледелие, ловить рыбу, охотиться. Возделывать землю там будет, конечно, тяжело – болота, как-никак, да и плодородие невысокое, но

что мешает им выкопать здесь каналы, как в Западной Ингерманландии, осушить почву и удобрить ее золой и речным илом?! Одним словом, жить можно. Самое главное – чтобы хейминги сюда не сунулись или, по крайней мере, не обосновались прочно, как на Ладоге. Пусть мотаются, если хотят, на Онежское озеро и даже дальше – только мимо, мимо! Вот об этом остается только молиться богам. Кстати, о молитвах: надо будет найти в войске хотя бы одного человека, действительно сведущего в религиозных вопросах. На Салаярви Мерилода об этом как-то не подумал – и, наверное, зря: возможно, единый общепринятый культ со своим вероучением – вместо обычных магических обрядов – помог бы избежать раскола. Здесь об этом обязательно следует позаботиться.

Наконец противоположный берег был достигнут. Перед отрядом стояла стена камышей. Справа темнел негустой низкорослый сосняк. «Почти как на границе Вихерсойдет», – подумал Мерилода. Затем воинство двинулось вперед.

Они шли по замерзшему болоту. Справа темнел сосновый лес, слева шуршали камыши. Мерилода шел впереди всех, не шел даже, а почти бежал, и люди едва поспевали за ним. Опушка леса вскоре ушла в сторону, и вокруг, совсем как на Зеленецких болотах, волновались одни камыши. Перед вечером шелестящее море, наконец, расступилось, и перед адмиралом открылось заснеженное пространство разлива. Это место Мерилоде не очень нравилось, они двинулись вдоль берега и скоро добрели до леса, выходившего здесь почти к самой воде. «Здесь!» – сказал он сам себе и велел войску остановиться. Два часа спустя, сидя у костра, он раздумывал, почему же его занесло именно сюда. Глушь, болота; в каком-нибудь дне пути отсюда – пустые земли, которых в Ингерманландии не боялись, наверное, только хейминги: они лет этак десять-двенадцать тому назад отправили экспедицию в Заонежье и к Белому морю. В Койвисто это тогда вызвало бурю эмоций: все, слыша об этом, крутили у виска пальцем, косясь в сторону Хеймсстадира или Невы. А теперь вот сам Мерилода привел свой народ на самую границу обитаемой земли, привел сюда жить. Да, неисповедимы судьбы человеческие!

И тем не менее он отошел в тот вечер ко сну со счастливой улыбкой. Он, кажется, нашел свою землю.

XVII. У ФОРТА КОНДИНИЕМИ

Хейминги были нужны Мерилоде так же, как Мерилода – Хейму. У каждого Будды должен быть свой Девадатта.

Роберт Хоннет. Из частной переписки.

Прошло время. Стоял февраль месяц.

В тот день Мерилода проснулся поздно и долго нежился в постели, не желая вставать. Шкура волка, убитого с месяц назад его людьми, хорошо грела, а снаружи было холодно. Стены этого дома плохо держали тепло, и Мерилода с грустью вспомнил свои дома в Койвисто, в Сабрии, на Салаярви – то были дворцы в сравнении с этой хибаркой из двух комнат, с бревенчатыми стенами, законопаченными дикой смесью из мелкорубленого камыша с глиной («И где они ее только откопали?!» – дивился он своим подданным).

Жили они здесь второй месяц и за это время успели немного освоиться: выстроили хижины из бревен, глины и стеблей камыша, облазили все окрестные чащи и начали уже взимать положенную дань с местных жителей, которые оказались, кстати, ненамного мужественнее обитателей центральной Ингрии.

Финская деревня стояла на берегу Ивинского разлива, в глубине маленькой бухточки. Со всех сторон селение окружал сосновый лес, только с юга к их заливчику подступали поросшие камышами болота. Деревня была хорошо укрыта – вокруг лес, совершенно непролазный зимой от снега, а все остальное время – из-за болотистости почвы (правда, с сугробами финны справлялись неплохо; Мерилода рассчитывал, что зыбкая влажная почва леса будет препятствием не большим, чем снег). Вход в бухту был закрыт островом, маскировавшим ее – лучше некуда; собственно, это был даже не остров, а большая, плотная и заиленная заросль все тех же камышей. Так выглядело селение и его окрестности.

Однако, не все же валяться в постели! Мерилода вскочил и быстро оделся. В соседней комнате уже дожидался его завтрак. Адмирал, совершив все положенные утренние манипуляции, сел за стол, сделав попутно замечание слуге по поводу холода в спальне. Тот рассыпался в извинениях и побежал топить печь. Быстро покончив с едой, Мерилода уселся в кресло в спальне и предался размышлениям.

Сегодня должен был вернуться отряд, посланный на разведку на Онежское озеро. Там, по некоторым сведениям, можно было собрать хорошую дань. Это следовало выяснить более подробно. Интересно, каково там, на Онеге? Это самый край земли, на другом берегу уже ничего нет,

только лес и лес без конца, и в нем изредка встречаются безликие группы варваров. И ничего больше. Говорят, что берега Онеги у истока Свири – места сказочно красивые: лес и темные базальтовые утесы отражаются в темных водах великого озера, а зимой стоят, запорошенные снегом, высясь над гладью озерных льдов.

Его мечты спугнул топот у входа и встревоженные голоса. Через несколько секунд в спальню ввалились, отпихивая слугу в сторону, двое: Рантанен и командир отряда, ходившего на Онегу. Рантанен тщетно старался скрыть волнение и казаться спокойным, а у командира глаза готовы были выскочить из орбит и дыбом стояли, кажется, не только волосы, но и шерсть на медвежьей шапке, которую он так и не удосужился снять.

Мерилода весь напрягся, но остался сидеть. Не дожидаясь его вопроса, Рантанен выдохнул:

– Хейминги!

Адмирал воззрился на него, словно не веря своим ушам, и переспросил тихо:

– Что?

– Хейминги, адмирал, хейминги! – с отчаянием в голосе воскликнул тот.

– Идут сюда? – Мерилода похолодел от ужаса при этой мысли.

– Нет, слава Туури! – вздохнул Рантанен и обратился к командиру:

– Расскажите!

Тот набрал в грудь воздуха и начал:

– Ну, мы, как вы и приказывали, пошли к Онеге. Разведали все, что надо, дошли до берега, пошли по нему и вдруг видим – крепость! Небольшая, но явно хеймингская – на Фест очень похожа, только меньше. И флаг Хеймингии на башне.

– Какая крепость? Как устроена? Каков гарнизон? – нетерпеливо перебил его Мерилода.

– Обыкновенная. Устроена, почти как Фест: четыре башни, центральной башни нет. Гарнизон – человек двести.

– Как узнали?

– Лазутчиков посылали.

В этот момент, словно подтверждая слова командира, с запада послышался гул. Он нарастал, становился все громче, громче, прогрохотал по крышам селения и, затихая, растаял, наконец, за лесом. Побелевшие губы Рантанена сложились в одно-единственное слово:

– Самолет!

Наступила тишина. Мерилода сидел неподвижно, весь напрягшись, словно струна. Нет, невозможно в это поверить! Неужели и сюда

добрались? Да когда же они успели? И какой резон им иметь здесь форт? Одного шоссе на Белое море им, что, не хватает? А самолет? Он мог быть просто разведывательным. Нет, это все чушь. Ошибка. Такого быть не может.

– Адмирал! – негромко позвал Рантанен.

Мерилода перевел на него невидящий взгляд.

– Этого не может быть! Вы ошиблись, – едва слышно произнес он.

– Это не ошибка, адмирал, – вздохнул Рантанен. – Это факт.

– Идите. – Адмирал слабо шевельнул рукой. – Идите. Оставьте меня одного. Я должен подумать.

Но, оставшись один, ни о чем он думать не стал. Он скорчился в кресле и схватился за голову.

Нет, командир все-таки сказал правду. Ошибиться здесь невозможно. В самом деле, не могло же ему все это померещиться! А если так, то… то надо готовиться к новой войне. Именно! Хватит бегать от них! С хеймингами давно пора покончить. Сколько их там? Человек двести? Ладно, финнов примерно столько же. Но злости им, в отличие от этого крысиного отродья, не занимать.

Мерилода почувствовал, что отчаяние начало медленно рассеиваться, уступая место гневу и решимости. Да! Разгромить хеймингов, захватить оружие, технику – и воевать с Хеймсстадиром почти на равных! И, главное, есть шанс заполучить в свои руки авиацию. Тогда пусть молится Холмский своим богам!

Он включил радио и забегал из угла в угол по комнате, радостно потирая руки. В голове мелькали, как в калейдоскопе, планы нападения – возникали и тут же отбрасывались, как невозможные. И так до вечера. Весь день Мерилода то впадал в отчаяние, то метался в возбуждении по дому. Он почти ничего не ел. Вечером долго не мог заснуть.

Он лежал в кровати и смотрел через окно на мерцавшие в чистом ночном небе звезды. Около уха негромко звенела музыка – подумать только, приемник работал целый день! Мерилода прислушался. Странная мелодия звучала по радио: спокойная, ритмичная и очень жесткая, грозная. На низких тонах рокотала сарвасвара – так ворчит дальний гром во время грозы. Голос говорил что-то скороговоркой в такт музыке. Эта мелодия успокоила адмирала и одновременно придала решимости. Теперь он был полностью уверен – нападение состоится.

На другое утро он созвал Komentajain neuvosto. Рассказ командира разведчиков произвел эффект разорвавшейся бомбы.

– Итак, господа, – сказал Мерилода после того, как все немного пришли в себя и вновь обрели способность соображать, – хейминги достали

нас и здесь. А раз так, то предлагаю напасть на этот форт… как, вы сказали, называется тот мыс, на котором он находится?

– Кондиниеми.

– Да. Так вот, нападение сразу избавит нас от такого неприятного соседства.

Рантанен недовольно поморщился:

– Я же говорил, что надо было идти за Тихвинскую гряду! А теперь снова польется кровь.

– Ну, тут уж ничего не поделаешь, – развел руками Мерилода. – Посему сегодня все должны подготовиться к походу. Он займет у нас дня три.

Затем он отпустил всех.

Рантанен, выходя из дома адмирала, проворчал:

– Идти в поход, даже не произведя настоящей разведки! Совершенное безумие!

Но Мерилода этих слов не слышал.

Следующий день был для адмирала тяжелым. Подготовка затянулась, за вчерашний день почти ничего сделать не успели, и Мерилода от этого бесился. За ним по пятам, как хвост, как тень, ходил со стенаниями Рантанен, слезно умолявший оставить пагубную затею. Адмирал от него отмахивался, но тот не отставал. Верные и нежно любимые подданные ходили с такими кислыми рожами, словно только что объелись клюквой. Мерилоде то и дело приходилось торопить и подгонять их.

Тем не менее, к вечеру подготовка была, наконец, благополучно завершена: оружие начищено, одежда починена, мешки уложены. На другое утро Мерилода вскочил ни свет ни заря, переполошил весь поселок, поднял всех на ноги и построил в походный порядок. Когда он собирался уже дать сигнал к отправлению, к нему опять подошел Рантанен.

– Адмирал! – заговорил он. – Умоляю, откажитесь от этого безумия! Вы и сами погибнете, и нас погубите!

– С чего вы взяли? – невозмутимо ответил тот. – Да и вообще, лучше смерть, чем жизнь под хеймингским игом. В конце концов, вы все сами решили идти со мной и разделить мою судьбу. Чего же вы теперь хотите? Или собрались бросить меня?

– Нет, нет, нет, адмирал! – с горячностью вскричал Рантанен. – Но, ради всех богов, неужели нельзя снова уйти? Зачем вы идете на верную гибель?

– Снова уходить?! Ага, как же! Так и будем бегать от каждого таракана, сломя голову? А по поводу верной гибели не беспокойтесь: раз уж мы все имели глупость родиться, надо, по крайней мере, иметь мужество умереть.

– И все равно я не понимаю, зачем лезть в петлю и стремиться умереть раньше смерти!

Мерилода посмотрел на него обреченно и устало молвил:

– Видите ли, Ээро, друг мой, это судьба.

– Судьба?!

– Да, судьба. Я обречен идти на этот форт. И вы тоже обречены.

– Да с чего вы взяли?!

– Ни с чего. Я чувствую. Я знаю.

С этими словами он дал знак горнисту. Зазвучал сигнал. Поход начался.

Мерилода шел в арьергарде войска, по широкой тропе, протоптанной его армией. В мозгу до сих пор звучала та песня, которую он слышал недавно. Ее резкий, жесткий мотив, казалось, придавал ему сил. Небо было покрыто, как обычно, сплошными серыми тучами. Сегодня они казались даже более темными и плотными, чем обычно. Из них на холодную сонную землю крупными хлопьями медленно падал снег. Леса окутывала белесоватая полумгла – сеялась с сосновых веток снежная пыль. Воздух был совершенно неподвижен.

Мерилода испытывал странное чувство обреченности. Казалось, что некая сила гонит его вперед, и освободиться от ее действия невозможно. И в то же время эта сила как будто гнала его к тому месту, где он сможет, более того, где он должен будет избавиться то нее, где она перестанет безраздельно властвовать над ним.

Путь был долог, тяжел, утомителен. Нелегко было идти по густому заснеженному лесу, по глубоким сугробам. Мерилода спешил. Первая ночь похода выдалась лунной, яркой, и он, после того, как на небе угасли последние отсветы дня, долго еще гнал армию по сочившейся сквозь тонкую пелену туч лунной мгле. Воины тихо ворчали, но подчинялись. Поднял их адмирал на другое утро рано, и после торопливых недолгих сборов они помчались дальше. Тот день был светел и безоблачен. Когда они брели по опушке осинового леса, по краю болота, с запада, сзади послышался гул. Солдаты сами, не дожидаясь команды, остановились и отошли под сень леса. По синему ясному небу с утробным гудением летела механическая птица – застывшая крестовидная фигура мчалась в высоте холодных небес на восток, к форту, к Онеге. Люди запрокинули головы и провожали ее долгими изумленными взглядами: они впервые видели воочию самолет. Производимые им звуки вызывали в душе страшные воспоминания – лес под Дружной Горкой, ночь, темнота, и падает из этой тьмы прямо на головы стальной воющий ужас… Даже в страшном сне, в ночном кошмаре такое не приснится. Выходит, хейминги страшнее ночного кошмара…

А теперь изгнанники своими глазами видят ту машину, которая, может быть, носила на себе тогда саму смерть. Странно видеть такое.

Наконец самолет исчез за лесом. Гул моторов постепенно смолк. Люди построились и двинулись дальше. Снова начался прерванный бег по сугробам, из которых то и дело прямо в лицо выскакивали, бросая снегом в глаза, ветви кустарников. В тот день они прошли довольно много и остановились в каком-нибудь километре от Кондиниеми.

В тот вечер Мерилоде не спалось. Влажной холодной ладонью душу терзал тошнотворный страх. Адмирал отлично понимал, что затеял предприятие безрассудно смелое, чтобы не сказать – безумное. Сунуться к хеймингам, в отлично укрепленный форт с прекрасно вооруженным гарнизоном, имея в своем распоряжении меньше трех сотен кое-как вооруженных воинов, – иначе как безумием такое не назовешь. Но судьба, увы, приперла его к стенке, и теперь либо пан, либо пропал, как говорят те же хейминги. И более вероятно, пожалуй, последнее. Но ничего. Все равно, как говорится, помирать, а уж когда – сейчас, или через десять лет, или через сто – не суть важно.

С такими мыслями адмирал, наконец, заснул.

Проснулся он наследующее утро довольно рано и, позевывая и потягиваясь, вылез из палатки. Было холодно. Утро только еще начинало разгораться.

Оглядевшись и осмотрев местность, Мерилода остался ею очень недоволен. Лагерь армии был разбит в небольшой лощине. Западнее местность плавно повышалась, переходя в невысокие пологие холмы; с них вчера спустилось сюда войско. На востоке же картина была совсем иная. Местность там повышалась быстрее, и, наконец, менее чем в километре от лагеря покров лесов разрывали скалы. Черные базальтовые массы хищно когтили начавшее розоветь небо, дыбясь вверх из моря лесов. По ним, по их крутым стенам, карабкались жалкие деревца. Ветер крутил вихри снега на каменных вершинах. А на самой высокой вершине скальной гряды стояло сооружение – мрачный форт, сам казавшийся скалой на фоне рассветного востока. Его массивные стены, сложенные из базальтовых блоков, тяжело лежали на скале; они царили над этой холодной землей и, казалось, давили собой всю окружающую местность. Вершины гряды и жалкие кучки деревьев на ней были озарены оранжевым пламенным сиянием – восходило солнце. Гряда горела, объятая огнем восхода. Даже легкие, прозрачные, едва заметные облака мерцали призрачным оранжевым светом. Над скалами парила птица.

Мир был пронизан тончайшим, едва видным светом. Это невидимое сияние проницало все: лес, скалы, небо. Радость чувствовалась в воздухе. Но сердце Мерилоды сжималось от мучительной тоски. Идя сюда, он втайне

еще надеялся, что вся эта история с фортом – лишь ошибка, случайность. Надежды рассеялись, как рассеивается туман под первым утренним ветром. В стенах и башнях форта невозможно было не узнать руку хеймингского архитектора – слишком все это напоминало мрачные и массивные стены Феста. Эта крепость могла быть воздвигнута только хеймингами (да и кто еще в Ингрии, кроме них, строил крепости?). И было еще одно, самое явное и неопровержимое свидетельство, подтверждавшее правоту разведчиков – над одной из башен развевалось в лучах зари золотое с лазоревым крестом знамя Хейма.

Никаких сомнений теперь быть не могло: здесь хозяева – хейминги. Мерилода с досадой подумал, что место для лагеря они выбрали далеко не самое лучшее: лощина целиком просматривалась из крепости, а возможно, еще и простреливалась. Вчера, бредя по вечерним сумеркам и едва не падая от усталости, он этого не заметил, а теперь мысленно ругнул себя за беспечность. Надо же было быть таким олухом, чтобы этого не заметить! Неприятно! Но делать нечего.

Лагерь между тем медленно пробуждался. Загорелись костры, послышались шаги, говор. Скоро совсем рассветет. Надо срочно придумать, как справиться с фортом. А это будет, судя по всему, непросто. Брать штурмом его бесполезно, остается только выманить хеймингов оттуда. Это тоже нелегко, ибо они, сидя в своих башнях, могут шутя перестрелять всех до одного финнов. Мерилода лихорадочно искал способов навязать врагу сражение посредством оставшихся у них боеприпасов, коих, надо сказать, было совсем немного, но ничего интересного на ум не приходило. Он сожалел, что не подумал об этом раньше, но сожалениями, увы, делу не поможешь. Наконец, не придумав ничего путного, Мерилода решил положиться на случай. Наскоро перекусив и собравшись, он приказал выступать. Солдаты, следуя его приказу, рассеялись по лесу и, скрываясь под пологом густого ельника, стали подбираться к форту.

Идти было нелегко. Приходилось взбираться по крутым уступам скал или огибать их. Скалы, к счастью, были здесь не такие отвесные и, кроме того, густо поросли лесом, скрывавшим финнов. Это облегчало задачу, но ненамного. Мерилода в сопровождении Рантанена и десятка солдат устало брел по сугробам, продирался через кусты крушины и колючий малинник, карабкался по скалам. Продвигались медленно, но верно; форт постепенно приближался. Наконец дошли почти до самых стен форта и остановились на опушке леса. Россыпь скал осталась позади, и теперь перед Мерилодой возвышалась лишь черная масса крепости. Впечатление она производила не менее величественное, чем сам Фест: тяжелый базальт стен, зубчатые гребни башен. И флаг с крестом пророка Фомы на одной из них. Адмиралом постепенно овладевало беспокойство.

Он осознавал, что решился на безумно смелое, даже просто наглое предприятие, что риск невероятно велик, но в нем все же теплилась надежда на удачу. Фест тоже казался непреодолимой, неприступной твердыней, а все-таки был взят. Главный трофей, доставшийся тогда Мерилоде – хеймингское знамя – лежал сейчас в его доме, в трех днях пути отсюда.

Хейминги вскоре их заметили, но об опасности, похоже, не подозревали. Они лениво созерцали со стен крепости движение, происходившее на опушке леса. Кое-кто из них принимался иногда что-то кричать финнам, но слов было нельзя разобрать – мешал поднявшийся с рассветом ветер, он шумел в кронах деревьев и заглушал голоса. Впрочем, даже если бы слова были слышны, никто из финнов все равно ничего не понял бы, ибо хеймингский во всем войске знал лишь адмирал, да и то кое-как.

Ожидая, когда подтянутся отставшие взводы, Мерилода размышлял, как заставить хеймингов принять бой, и ему вдруг пришла в голову гениальная, как ему показалось, идея. У них оставалось еще десятка полтора гранат. Этими гранатами можно было бы попытаться взорвать ворота форта. Сила взрыва должна была быть достаточной, чтобы вышибить их массивные створки. Если сделать это, то хейминги либо останутся в крепости (что маловероятно), и тогда можно будет, ворвавшись через взорванные ворота, овладеть фортом, либо они покинут крепость и попытаются рассеять атакующих; тогда хеймингов можно будет задержать сравнительно небольшими силами, а с основной частью войска ввалиться тем временем в крепость.

Что ж, сказано – сделано. Мерилода приказал подтащить сюда ящик с гранатами, открыл его и залюбовался. Аккуратно лежали в ящике продолговатые толстые темные цилиндры с длинными хвостами запалов. Сейчас они не опасны (если только какой-нибудь придурок-хейминг не пустит в этот ящик пулю), но вот если поджечь хотя бы один запал! Оттащив ящик в кусты, подальше от любопытных хеймингских глаз, Мерилода взял одну из гранат и вынул запал – веревочку в треть локтя длиной, пропитанную горючим составом. Потом положил гранату на место, взял другую, вынул запал и из нее, затем связал оба запала, взял третью… Вскоре у него в руках оказалась довольно длинная веревка – ее должно было хватить на несколько минут горения. Из последней гранаты он не стал вынимать запал, а просто привязал к нему эту веревку. Теперь, если поджечь шнур, взорвется одна, за ней детонируют и другие. Великолепно!

Адмирал подозвал горниста и приказал созвать всех сюда, а сам стал наблюдать за хеймингами. В бинокль он мог различить любую деталь, даже лица людей на стенах, даже массивные петли ворот, находившихся прямо напротив него. Звук горна, похоже, насторожил хеймингов. На стенах стала

заметна беготня, у людей в руках замелькало оружие, но никаких действий враг по-прежнему не предпринимал, предпочитая выжидать.

Тем временем финны собрались у опушки напротив ворот. Их здесь скрывали кустарники, деревья и нагромождение камней, поэтому хейминги не могли, вероятно, даже приблизительно оценить их число. «Это к лучшему», – сказал сам себе Мерилода. Он подозвал к себе четверых солдат – они были, пожалуй, самыми отчаянными головами во всем войске – и сказал, указывая на ящик, из которого торчал шнур:

– Возьмите вот это и отнесите его к воротам форта. Там подожгите вот этот шнур –только сначала вытяните его из ящика – и бегите оттуда сломя голову. Задание, понимаю, опасное, но ничего не поделаешь. На хейминго внимания не обращайте. Даже если будут стрелять. Главное – берегите от пуль этот ящик, иначе так рванет, что даже воспоминаний от вас не останется. Ну, все понятно?

– Да уж как не понятно! – пробурчали те нестройно и поволокли ящик к опушке. Мерилода пошел за ними следом на небольшом отдалении. Встав за деревом у самого края поляны, он видел, как солдаты пересекали открытое пространство. Кто-то из хейминго в этот момент заорал по-фински:

– Эй, вы! Какого лешего делаете там?! Стрелять будем!

Солдаты не обратили на это решительно никакого внимания и продолжали идти. Когда они были уже почти у ворот, раздались несколько выстрелов. Мерилода весь сжался, солдаты бросились к воротам, но тревога пока еще была ложной – стреляли в воздух. Солдатам это, однако, придало прыти, и они скрылись в воротах. Мерилода оглянулся. Его воины стояли рядом и во все глаза глядели на сорвиголов, возившихся с ящиком у самых створок. Все были готовы по первой же команде броситься в атаку.

Запал меж тем был, видимо, подожжен – посланные Мерилодой воины со всех ног, не разбирая дороги, бросились к опушке. Адмирал скомандовал:

– Внимание! Всем приготовиться!

Едва четверо смельчаков добежали до опушки, гранаты взорвались. Тяжко ударил по ушам злобный рокот. Мерилода даже не ожидал, что взрыв будет так силен. Взвились в небо осколки, огромные, плотные клубы пыли и дыма окутали форт, и на землю обрушился настоящий дождь из щепок и каменной крошки. Это было на руку финнам. Взрыв на несколько мгновений лишил хейминго зрения.

– Вперед! – завопил адмирал и, выхватив из ножен тесак, ринулся к форту. Солдаты ринулись за ним.

Когда они домчались до ворот, дым успел рассеяться, а пыль – осесть. Мерилода еще раз подивился силе взрыва – створки ворот

разлетелись в щепки, а надвратное укрепление превратилось в кучу щебня. Может быть, враги держали там порох или, по крайней мере, часть пороха. Впрочем, задумываться об этом было совершенно некогда. Из пролома на них набросились хейминги.

Завязалась рукопашная схватка. Мерилода счел за лучшее отойти в сторонку. Однако долго стоять в сторонке не пришлось. Хейминговв, с которыми они сцепились, было всего человек пятьдесят, их легко смяли и вломились в крепость. Адмирал вбежал туда последним, и ему открылось там зрелище, которое не поддавалось никакому описанию ни на каком из человеческих языков. Дворик форта был залит кровью. Финны и хейминги рубили друг друга что было сил.

Едва Мерилода пробрался во двор по пыльным развалинам ворот, его тут же прижали к стене. Вокруг него встала охрана и изо всех сил отбивалась от наседавших хеймингов. Слева послышался жуткий шум. Адмирал оглянулся. Слева была башня, и в ней происходила свалка: группа финнов, выломав двери, ворвалась в нее и теснила теперь хеймингов. Оттуда донесся дикий торжествующий рев, а затем в руках у финнов замелькали автоматы. Своими автоматами им давно уже пользоваться не приходилось, ибо не было боеприпасов, поэтому огнестрельное оружие было оставлено в селении. А тут вдруг такая удача!

Вскоре финны замелькали уже на вершине башни. Казалось, еще немного – и армия Мерилоды овладеет фортом. Но в этот момент над крепостью раздалась команда по-хеймингски. Голос, усиленный специальными устройствами, на мгновение перекрыл шум битвы. И тут произошло нечто совсем странное: хейминги бегом бросились по стене из башни. Возня там прекратилась. Финны недоумевали. Однако недоумевать пришлось недолго. Дрогнула земля, посыпалась со стен пыль, и башня стала вдруг оседать под рев взрыва во вспучивающееся под ней дымное грязное пламя.

Силы теперь сравнялись. Финны, придя в ярость, начали было теснить хеймингов с удвоенной силой, но тут прозвучала еще одна команда, и хейминги, повинуясь ей, со всех ног бросились под защиту своих стен. Всего несколько секунд им потребовалось, чтобы запереться в крепости. Во дворе остались только финны. И только сейчас Мерилода понял свою страшную ошибку! Он не должен был допустить, чтобы его солдаты оказались в крепости. Из всех бойниц на них обрушился жуткий огненный шквал. Пулеметные очереди косили финнов. Несколько раз рявкнули взрывы гранат, взметая пыль и кровавые ошметки.

Мерилода заорал что было силы:

– Отступаем!!! Все вон из крепости! – и, скользя в лужах крови, спотыкаясь о трупы, побежал к пролому. Вдогонку им неслись пули – и убивали, убивали, убивали!

Но, взбежав на развалины ворот, финны остановились. Путь им преграждали хеймингские пулеметчики. Они прятались на опушке леса, на поляне перед фортом и обрушивали на финнов невыразимой силы стальной ураган. Мерилода снова закричал:

– Вперед же! Вперед! Или жить надоело?!

Финны, отстреливаясь на ходу из трофейных автоматов, помчались к спасительному лесу. Главное – преодолеть открытое пространство и отбиться от пулеметчиков на опушке. А потом можно затеряться в лесу – никакие хейминги не найдут.

Мерилода бежал вместе со всеми. Он был уже недалеко от леса, как вдруг почувствовал резкую боль в груди, слева. Схватился за грудь – по пальцам потекло что-то горячее. Ноги подкосились. Он не удержался на ногах и, споткнувшись обо что-то, свалился лицом в снег. Перед глазами поплыл цветной туман. Чья-то рука встряхнула его. Нечеловеческим усилием отогнав пелену с глаз, он увидел Рантанена. Тот склонился над ним, тряс его за плечо и что-то кричал, пытаясь его поднять. Мерилода рявкнул ему:

– Оставьте меня! Я все равно покойник. Вы теперь будете адмиралом! Слышите? Вы!

На Рантанена насели сразу трое хеймингов. Он всадил одному тесак в живот, сбросил двух других и побежал к лесу; хейминги – за ним. Ничего больше адмирал не видел. Глаза вновь заволокла разноцветная туманная пелена, в ушах зазвенело. Затем все поглотили тишина и мрак.

XVIII. КОНЕЦ ВЕЛИКОГО СКИТАНИЯ

Vocat lux ultima victos[1]...

Вергилий

О боги, как раскалывается голова! Темнота, кругом темнота, ничего больше. Мерилода бежит по ней. Голоса вокруг, шаги, выстрелы. Далеко-далеко. Во многих тысячах километров от него. И во многих тысячах лет. Пелена перед глазами. Туманные пятна. Они меняют очертания, цвет. Из них на Мерилоду наплывают призраки. Князь Виртанен. Он говорит что-то. Непонятно, что. Не разобрать. Его лицо меняется, расплывается и рассеивается во тьме. Ахола. Тойво Ахола. «Он не оправдал своего имени![2]», – слышится голос. Откуда-то сверху. Или сзади. Непонятно. Образ рассеивается. Мерилода бежит по полю от форта. Форта Кондиниеми. Или это Фест? О боги, боги, как все везде болит! Тяжело бежать. Ноги вязнут в снегу. Топкий снег… Фест это? Неизвестно. Неважно. Выплывают из разноцветного марева деревья, Мерилода натыкается на них, спотыкается, падает… Тяжело. Рядом идет Рантанен, трясет его за плечо и кричит что-то. Ах, чтоб его Хийси, ну почему он не отстанет? Мешает идти. Дышать тяжело. «Колокола звонят – быть празднику». Где он слышал эту фразу? Читал где-то. Колокольный звон отдается в небе болью, головной болью. Шум в ушах. Рев порогов на реке? Шум ливня? Дождь в Саду Ветров. Как он шуршит по листьям! Белое платье среди зелени. Жрица. Темная фигура. Песчаный пляж близ Суолайтури. Клочья черного тумана на песке, уносимые ветром. Ужас. На башне княжеского дворца в Валланлинне бьет полночь. Слышно даже здесь. Как он устал! Не двинуться с места.

Снова голоса. Слабый запах дыма. Темнота. Лес. Снег. Его губ касается край сосуда. Мерилода жадно пьет неприятную на вкус влагу. Что это за жидкость? Сосуд исчезает. Багровый свет перед глазами. Пещера. По стене перед ним плывут тени. Кто они? Снова голоса. Мерилода пытается открыть глаза. Больно. Голос. Голос женский, молодой девушки. Еще один. Другой голос. Кому он принадлежит? Неясно. Адмирал пытается шевельнуться. Боль медленно рассеивает галлюцинации. Снова голос. Голос девушки:

– Госпожа Кертту! Госпожа Кертту! Он приходит в себя!

Мерилода снова попытался открыть глаза. Боль не позволила ему сделать это. «Почему они так болят?» – подумал он. На его глаза легла чья-

[1] Зовет побежденных последний рассвет (*лат.*)
[2] *Фин.* toivo – надежда.

то холодная ладонь, и голос, принадлежавший, судя по всему, старой женщине, произнес по-карельски:

– Лежи! Тебе нельзя вставать! Ты должен спать. Выпей это.

Губ снова коснулся сосуд. Жидкость в нем была уже другая. После нее адмирала стало непреодолимо тянуть ко сну. Он даже не сопротивлялся и мгновенно провалился в глубокий, как сугроб, беспробудный, без сновидений, сон.

Сколько времени он провалялся так, он не знал. Очнувшись, он обнаружил, что лежит на широкой лавке, укрытый звериными шкурами. Комната была невелика; по стенам ее были развешаны связки трав. В дальнем углу стоял очаг, над которым поднимался пар, наполняя комнату резким травяным запахом. У очага возилась высокая тощая старуха в простой длинной рубахе, перехваченной узорчатым кушаком. Рядом в стене было окно, затянутое бычьим пузырем. Под ним стоял стол, уставленный какими-то мисками, плошками, заваленный связками трав.

Мерилода попытался шевельнуться. Руки и ноги показались ему такими тяжелыми, словно к ним были привязаны пудовые гири. Спину пронзила мучительная боль. Он застонал. Старуха у очага оглянулась и подошла к нему.

– Ну, что? Проснулся, наконец? – спросила она ласково.

– Где я? – простонал Мерилода.

– Какое это имеет значение? Твое дело – лежать. Выздоравливать, – получил он ответ.

– Сколько времени я спал?

– Долго. Сутки.

– Что произошло? Что со мной случилось? Где Рантанен, где мои люди?

– Сколько вопросов сразу! – рассмеялась старуха. – Не торопись. В свое время все узнаешь. Есть хочешь?

Он отрицательно мотнул головой. Старуха, ни слова не говоря, вышла, оставив его одного.

Мерилоду мучило беспокойство. Успели ли спастись его люди? Спасся ли Рантанен? Кажется, он долго был без сознания. Сколько времени прошло с того страшного дня? Он не знал. Больше всего его интересовало сейчас, куда же он попал? Адмирал откинул укрывавшую его шкуру и сполз с лавки. Страшная слабость всей своей тяжестью навалилась на него. Он попытался встать на ноги, и после некоторых усилий ему это удалось, но ноги держали его едва-едва. С великим трудом прошел он несколько шагов до стола, оперся на него и выглянул в окно.

За окном лежала небольшая поляна, окруженная березовым лесом. Рядом с домом, справа, видные из окна лишь краешком, стояли какие-то

постройки, вероятно, хозяйственного назначения. А дальше, за поляной, в каких-нибудь ста метрах от дома, стыла подо льдом река. Ее широкая лента убегала вдаль, исчезая в лесах. Слева же виднелся небольшой уголок огромного белого пространства, бескрайней ледяной пустыни.

На крыльце послышались шаги, и в комнату вошла старуха. Увидев Мерилоду стоящим в одном нижнем белье у стола, она накинулась на него:

– Что такое? Зачем встал? Сказано тебе: лежи – значит, лежи!

Подхватив его под мышки, она мигом доволокла его до лавки и снова укрыла шкурами. Когда она укутывала его, он спросил:

– Я сейчас видел реку. Это что, Свирь?

– Свирь, разумеется, что же еще? – проворчала старуха. – Неужели есть еще на свете такие большие реки?

«Значит, Свирь, – подумал Мерилода. – А рядом – Онега. От Кондиниеми это километров десять, не меньше. Как же меня сюда занесло?».

– Что со мной случилось? – спросил он. – Почему я здесь?

– Ты был тяжело ранен, сутки пролежал на снегу и здорово простудился, потерял много крови, едва не умер, а потом тебя выходили. Выволокли с того света. Поэтому лежи.

Мерилоде не оставалось ничего другого, кроме как повиноваться. Но его по-прежнему беспокоила судьба финнов, и беспокойство еще усиливалось слабостью, приковывавшей его к постели. Старуха, видимо, знахарка, она должна знать, как он сюда попал и сколько времени провалялся без сознания. Разумеется, она знает! Как же еще?! Адмирал твердо решил добыть у нее все сведения, ответы на все мучившие его вопросы.

Знахарка, закутав его, отошла к очагу и стала помешивать булькавшее в маленьком котелке варево. Мерилода лежал некоторое время, набираясь храбрости («Я совсем как ребенок! – думал он. – На меня цыкнула какая-то старушенция – и вот я уже и голос подать боюсь!»), и наконец позвал негромко:

– Госпожа Кертту!

Старуха обернулась:

– Ну?

– Госпожа Кертту, скажите все-таки, сколько времени я был без сознания?

– Ты в самом деле ничего не помнишь?

– Совершенно… Так сколько?

– Долго. Зачем тебе знать?

– Это очень важно. Ради богов, сколько?

Старуха оценивающе посмотрела на него, словно размышляя, говорить или нет, и молвила:

– Ладно. Скажу. Ты был в беспамятстве пятнадцать дней – после того, как тебя привезли сюда. Метался, порывался идти куда-то. Едва мог проглотить ложку отвара. Смотри, как отощал! Мы уже не надеялись, что выживешь. И еще сутки спал.

– Пятнадцать дней?!

У Мерилоды зазвенело в голове. Что же произошло с его людьми за это время? Подумать страшно. Как же они без него? Сумели ли выжить?

Он, волнуясь, торопливо заговорил, путаясь в карельских словах:

– Понимаете, я со своими людьми предпринял совершенно безумное дело – напал на хеймингский форт – знаете его? – и потерпел поражение. Хейминги разбили нас, а меня, видимо, ранили. Когда меня нашли? Сколько времени я провалялся у форта?

Старуха задумчиво покачала головой.

– Форт? Форт Кондиниеми. Знаю. Так ты говоришь, что напал на него? Я слышала об этом. Если так, то тебя нашли на следующий день после нападения.

– Укко и Рауни! – простонал Мерилода. – Почти три недели прошло!

Женщина усмехнулась:

– Да, плохую службу ты сослужил своим людям! Много их там погибло. Кому удалось остаться в живых, были рассеяны по лесу и тоже, наверное, сгинули потом.

– Но я был вынужден это сделать! – начал он оправдываться. – У меня не было выхода!

– Ладно, – прервала она его. – Это неинтересно. Лежи спокойно.

Если бы ему не было так тяжело шевелиться, адмирал схватился бы за голову. Три недели! Почти три недели остатки его народа блуждают по лесам! Они, верно, думают, что он бросил и предал их. Жаль. Впрочем, нет. Ведь Рантанен оставил его тяжело раненным на снегу. Значит, все думают, что он убит. А Рантанен, наверное, мучается, что оставил его, не помог. Впрочем, он не виноват: на него насели хейминги, он должен был защищаться, да и сам Мерилода гнал его от себя, не желая подвергать его жизнь опасности. Это полностью его оправдывает.

Однако, интересно все же, какими судьбами он попал сюда?

– Госпожа Кертту, а как меня нашли? – спросил он несмело.

– Да очень просто, – ответила та. – Мы слышали выстрелы, шум сражения у форта. Точнее, слышали жители соседней деревни – я ведь и их тоже лечу, поэтому они для меня свои. На другой день они пошли к форту и нашли тебя. Ты был еще жив. Они и привезли тебя сюда.

– А зачем им понадобилось идти к форту?

– Ну, как это – зачем? – слегка удивилась знахарка. – Те вещи, что при покойниках можно обнаружить, им все равно не нужны, а нам, живым, пригодятся!

Мародерство! Это поразило Мерилоду. Значит, они обчищают мертвецов, да еще говорят об этом так спокойно, словно так и надо! Неслыханно! Видимо, даже об элементарных нормах морали они не имеют ни малейшего представления! Хотя… впрочем, нет. Ведь они же выходили его. Ухаживали за ним, пока он был без сознания, поддерживали как-то его жизнь все это время. М-да, странная все-таки мораль у тех, кто живет на границе пустых земель. Даже у сабров, хотя те тоже, в сущности, дикари, он не встречал таких необычных нравов. Хорошо, что его не занесло в пустые земли – там, наверное, даже людоедство в порядке вещей!

Но в любом случае он должен идти искать своих людей. Они ведь пропадут без него. Хотя как их сейчас соберешь? Они рассеяны, наверное, по всей земле от Ивинского разлива до Онеги, и как, где их искать – непонятно.

– Госпожа Кертту, когда я смогу ходить? – спросил он.

Та пожала плечами:

– Ходить ты можешь уже сейчас, что ты доказал своим путешествием от лавки до стола, а здоров будешь дней через двадцать. Если, конечно, не будешь больше вскакивать.

Тон старухи был настолько категоричен, что Мерилоде стало ясно: все, что ему остается – это запастись терпением и ждать. И покорно сносить все старухины лечебные процедуры.

Впрочем, он скоро понял, что знахарка его, в сущности, никак не лечит. Она ухаживала за ним с помощью молодой девушки (вероятно, ее ученицы) и мужика средних лет, который, как выяснилось, и нашел адмирала, а теперь взялся помогать. Они просто кормили его, а старуха, кроме того, варила ему из трав какие-то снадобья, на редкость противные на вкус. Все-таки Мерилода поправлялся. Очень скоро он начал вставать и ходить без посторонней помощи, а потом принялся даже сам понемногу помогать старухе по хозяйству. Но уходить на поиски своих он не собирался. За три недели болезни он понял, что он не нужен им, а они – ему.

Болезнь дала ему время для раздумий. И чем больше он размышлял, тем яснее понимал – предсказание сабрского нойда исчерпано. Он совершил свой путь на восток. Поначалу адмирал очень волновался о своих людях и с нетерпением ждал дня, когда наконец он оправится от болезни и сможет идти их искать. Но чем больше он убеждал себя в необходимости этого, чем больше думал, где и как их искать, тем больше убеждался в том, что это совершенно не нужно ни финнам, ни ему. Он сначала жестоко корил себя за это, как он думал, предательство, но в глубине души понимал, что так

решила судьба. Для исполнения его судьбы некая сила, преследующая (или преследовавшая?) его, воспользовалась частью армии Койвисто как инструментом, а затем, использовав его, отбросила. Или даже так: властолюбие Мерилоды, бестолковость Виртанена, Уурасский флот, армия, события в Оллиле и катастрофа под Хеймсстадиром слились, соединились в непостижимое предначертание, загнавшее адмирала в конечном итоге сюда, на Онегу. Здесь судьба исчерпала себя, как и предсказал сабрский нойд, и связь Мерилоды со своей армией, лишившись поддержки предначертанием, перестала существовать. Теперь Мерилода остался один. И волен делать все, что сочтет нужным. Эта мысль медленно входила в его сознание и умиротворяла, гася страх и беспокойство. Но разум все же говорил ему: «Это еще бабушка надвое сказала! Надо проверить». И однажды, повинуясь разуму, Мерилода спросил у знахарки:

– Госпожа Кертту, вы умеете гадать?

– Нет, – ответила та. – Гаданиями, сообщением с богами, с душами умерших и прочим таким я заниматься не могу. Я всего лишь простая знахарка. А гаданиями занимаются нойды.

– Где же мне их найти?

– Да это просто. Хороший гадатель живет здесь недалеко, на большом острове посреди Свири. Туда меньше дня пути. А ты, я вижу, собрался уйти от нас? – спросила она вдруг, поразив Мерилоду своей проницательностью. Тот немного замялся, но потом кивнул утвердительно:

– Да. Вы меня вылечили, спасибо вам, но здесь мне совсем не место. Я должен идти. Искать свою землю.

Именно так. Он понял это только сейчас. Судьба перестала гнать его. Она оставила его в покое, и он должен вернуться туда, откуда начал свой путь – в Койвисто. Даже мысль о том, что там все разрушено и царит такая же дикость, как здесь, а если не она, то еще худшее – хейминги, – даже эта мысль не заставляла его усомниться в таком решении. Но все-таки посоветоваться с нойдом стоит. На всякий случай.

– Вы не могли бы объяснить мне, как найти того гадателя? – попросил он.

– Совсем просто, – сказала старуха. – Пойдешь отсюда по Свири, вниз по течению. Там увидишь, как река разделяется на два рукава. Стрелка, разделяющая их, и есть тот остров. Пойдешь по его берегу, и на южном берегу – там река особенно широко разливается – найдешь нойда. Вот и все.

На другой день Мерилода стал собираться. Облачился в свой старый адмиральский мундир, выстиранный и починенный этими добрыми людьми, собрал мешок. Старуха положила ему туда несколько пучков разных трав и объяснила, для чего они нужны.

– Может быть, все-таки останешься? – спросила она, когда все было готово. – Ты еще слаб после болезни.

– Нет, – ответил он. – Я обязан идти. Здесь мне не место.

– Куда же ты собрался?

– В Койвисто.

– В Койвисто? Это то самое, которое хейминги разорили? На Suomenlahti?

– Да.

– Ох, да как же ты туда дойдешь? – всплеснула руками старуха. – Ведь это же сколько дней пути!

– Много, – вздохнул адмирал, – но что я могу поделать? Надо!

Разговор на этом оборвался.

Мерилода еще вчера прикинул по карте расстояние до искомого нойда. Выходило километров примерно двадцать, или пять-шесть часов пути. Сейчас ему предстояло преодолеть это расстояние. И вот, около полудня он, распрощавшись со старой знахаркой и жителями ее деревни, покинул селение и пошел по льду Свири на запад.

Дорога не была утомительной. На чистом бледно-голубом небе сверкало мартовское яркое солнце, в кустах ивы на берегах кое-где пересвистывались синицы. Лед, хотя стоял уже март, был еще прочен, и идти по нему было безопасно. Снег во многих местах начал таять, и кое-где видна была на проталинах прошлогодняя пожухлая трава. Растительность по берегам все время менялась: то весело тянули ветви к небу березы, то тихо звенели под легким ветерком сосняки, то равнодушно указывали пальцем-вершиной вверх молчаливые ели. Впрочем, даже они сейчас не казались такими безнадежно мрачными.

На душе было спокойно. Мерилоду охватывала радость при мысли о том, что судьба, наконец, оставила его в покое и он снова свободен. Тяготевший над ним рок исчез – словно гора с плеч свалилась. Но он все еще не мог в это поверить, ему казалось, что все это – обман чувств, ошибка разума, поэтому он шел сейчас к нойду – проверить свои выводы.

Перед вечером, когда солнце уже начало клониться к западу, Мерилода увидел, как река разделяется на два рукава. Вперед убегал тот, что поуже; более широкий уходил влево; между ними, резко контрастируя с сосняками на берегах, вклинивалась заросшая осинниками стрелка. «Вот он, тот остров», – подумал адмирал. Он заглянул в карту, которую, разумеется, не забыл прихватить с собой, потом огляделся внимательно. Да, так и есть. Спрятав карту, он уверенно свернул влево и пошел вдоль берега острова.

Идти долго не пришлось. Он не прошел и пяти километров, как берег острова резко ушел вправо, и перед Мерилодой открылось огромное ледяное поле. Вообще не очень широкая, Свирь здесь разливалась до

ширины почти в три километра и величаво текла в пологих берегах, болотистых и сплошь заросших густыми лесами. А на острове, невдалеке от адмирала, над деревьями к безоблачному небу мирно поднимался дымок. Мерилода повернул по берегу к нему.

Вскоре он уже сидел перед нойдом в его доме и немного сбивчиво излагал свое дело. Он волновался. Нойд, высокий бородатый мужчина средних лет, казался очень суровым и далеким от проблем адмирала человеком. Он выслушал рассказ Мерилоды, помолчал немного, поглаживая клочковатую седеющую бороду, и наконец спросил:

– Так, значит, ты хочешь знать, оставила ли судьба тебя в покое?

– Да.

– Хочешь провести большое гадание? Вызвать духов?

Мерилода отрицательно покачал головой:

– Нет. Боюсь, у меня не хватит на это денег…

Нойд оценивающе посмотрел на него.

– Да уж, – усмехнулся он, – похоже, что так. Ладно, пошли.

Ритуал мало чем отличался от тех, которые Мерилода уже видел: нойд достал из чулана две металлические чаши, покрытые чеканными узорами, в одну из них налил воду, в другую насыпал какие-то коренья и поджег их, отчего по избе, и без того достаточно душной и зловонной, поплыл синеватый приторно-сладкий дымок, от которого Мерилода закашлялся. Нойд сурово глянул на него, и, когда адмирал усилием воли подавил рефлекс, начал негромко напевать что-то или, скорее, говорить речитативом. Ни слова Мерилода не понимал и уловил лишь, что нойд говорит по-вепсски. Меж тем, когда у адмирала начала уже кружиться голова от духоты и дыма, нойд схватил чашу с кореньями и с громким нечленораздельным вскриком высыпал их в воду. Потом долго, пристально, сосредоточенно вглядывался в узоры, образованные угольками и несгоревшими травинками на поверхности воды. И так прошло несколько минут.

– Понятно, – сказал, наконец, нойд и смешал пальцами узоры на воде. – Что же, ждет тебя, адмирал, долгая дорога домой и, наверное, счастливая жизнь там. Если, конечно, не будешь лезть на рожон.

– Для такого пророчества не нужно быть нойдом! – не удержался Мерилода от скептической реплики.

– Для того, чтобы узнать твою судьбу, вообще не нужно быть нойдом, – ответил гадатель, выплеснув воду за окно и убирая чаши в чулан, – достаточно простого здравомыслия. Ты не избавлен от себя самого, адмирал. Я, конечно, знаю о твоих приключениях со слов твоих же людей и вот что тебе скажу: ты ненавидишь хеймингов, которые ничего плохого тебе не сделали, а всего лишь защищали свою страну и самих себя. Разве не так и

ты поступил бы с ними, если б они напали на Койвисто? Но ты такой человек, адмирал, что тебе непременно надо кого-то ненавидеть. И если ненавидеть станет некого, ты не будешь знать, что с собой делать.

– И как же мне быть? – растерянно спросил Мерилода.

Нойд только пожал плечами:

– Не знаю. Как хочешь. Можешь попробовать измениться, хотя… Да нет, человек с годами не меняется. – И после короткой паузы, будто раздумывая, говорить или нет, добавил: – А больше всего человек ненавидит тех, на кого хотел бы быть похожим.

И с этими словами отвернулся и принялся возиться в недрах чулана, чем-то громыхая и ругаясь вполголоса.

Мерилода поблагодарил нойда, положил на стол горстку блестящих серебряных талеров Хеймингии и вышел из дома. Идя по льду вдоль берега, он ломал себе голову над словами нойда. Неужели хейминги так необходимы ему, что он и жить без них не сможет? Невероятно! «Ты не избавлен от себя самого». Как это понять? Да, любят нойды напускать тумана! А ведь про путь на восток, о котором говорил сабрский жрец, этот ничего не сказал! Значит, путь окончен? И про похищенную душу ни полслова. С ней-то что там? Или для этого надо, как тогда, в сабрийских холмах, вызывать духов?

Наконец попытки разобраться в словах колдуна наскучили адмиралу. Уже начинало темнеть. Он вошел в лес, нарубил веток, разжег костер и скоро уже мирно спал.

Правду говорят: утро вечера мудренее. Утром Мерилода уже не думал о маловразумительных предсказаниях нойда. Он понял: не стоит пытаться разгадать предсказания, пока они не исполнятся. Поэтому он с легким сердцем поел, погасил костер и выбрался на реку. Снег искрился в лучах утреннего солнца, в совершено безоблачном небе парила в струях ветра птица. И Мерилода, облегченно вздохнув, двинулся вперед. Домой. В Койвисто.

XIX. РОМАН КАРЛОВИЧ ХЕДДЕР, ВТОРОЙ МИНИСТР ХЕЙМИНГИИ

История жестока: она добивается своих целей, используя человека, живущего в ней и благодаря ей, как инструмент, и редко считается с его потребностями. История не знала еще людей достаточно сильных, чтобы быть ей достойными соперниками.

Роберт Хоннет. Из частной переписки.

– Не хотите вина?

– О, да у вас, оказывается, и вино есть?!

– Да вот, прислали недавно с континента. Великолепное земляничное.

– Что ж, не откажусь.

Влага, красная, как драгоценный рубин, была налита из старой пыльной бутылки в хрустальные бокалы. Она таинственно мерцала в неярком, прозрачном свете мартовского полудня.

Роман Хеддер поднес бокал к губам. Божественно! Удивительный вкус, чудесный аромат! Нет, все-таки интересный человек этот Холмский – сам аскет, а для друзей держит такие диковины.

– Прекрасное вино! Как бы и мне его раздобыть?

Холмский улыбнулся.

– Не беспокойтесь. Я же знаю, какой вы эпикуреец, и уже распорядился отправить вам пару-тройку бутылочек.

– О! Тысяча благодарностей! Однако, к делу. – Хеддер поудобней устроился в мягком и глубоком плюшевом кресле в официальной приемной Верховного Министра. Лицо его приняло серьезное выражение.

– Действительно, – молвил Холмский, не глядя на собеседника. – Так что там с этими штадтгальтерами?

– Премерзопакостнейшая история! – вздохнул Хеддер, крутя правый ус пальцами левой руки. – Суть в том, что колония Фест отстраивалась после того разгрома – помните? – силами Лахты и Терийоки одновременно. Оба города вкладывали большие деньги, много народу из них переехало туда, а вот теперь, когда Фест стал нашей крупнейшей колонией на средней Луге, оказалось, что юристы этих штадтов умудрились как-то так нелепо составить некоторые документы, и теперь эти двое готовы головы друг другу пооткусывать из-за того, что неясно, кому из них этот растреклятый Фест принадлежит. Вот такие вот дела!

– Это-то понятно. Непонятно другое: неужели они не могут просто договориться о том, чтобы считать Фест своим совладением? Они тогда получали бы прибыли с него, ни с кем не конфликтуя.

– То-то и оно, что не могут! Могли бы, но не желают. Они не хотят ни с кем его делить. А больше всего они боятся, что Фест может быть объявлен в результате всех неурядиц колонией всего Хейма и будет подчиняться непосредственно Хеймсстадиру.

– Глупо с их стороны.

– Верно. Дикая глупость. А ведь таких глупостей можно было бы легко избежать, если бы вы сразу покончили с независимостью городов. Только Архипелаг избавлен от подобных неприятностей, остальные же города держатся за свой суверенитет, как за… я даже не знаю, за что. Федерация порочна, я вам давно это говорил.

– Может быть и так, – возразил ему Холмский, – но другой государственной системы у нас быть не может. В этом виноваты не правительства городов, а сами люди. Не забывайте, что любое правительство, хочет оно того или нет, есть лишь часть народа, и ему свойственны все те же достоинства и недостатки, что и управляемым им массам.

Хеддер внимательно посмотрел на него, ожидая увидеть в чертах лица Верховного Министра ироническую улыбку, но не увидел ничего – лицо Холмского было совершенно непроницаемо.

– Не согласен, – отрицательно покачал головой Хеддер. – Чтобы уничтожить всякую угрозу нашей державе, достаточно лишь разрушить границы между городами, уравняв их в статусе.

– Это чревато многими бедами. Штадты просто так, за здорово живешь, свою независимость не отдадут.

– А что они сделают? Организуют коалицию против Хеймсстадира? Или, может быть, все их население разом снимется с места и уйдет куда-нибудь? Поймите, единственной реальной силой на Балтике, да и во всем Великом Хейме, обладает только Архипелаг, все обитатели коего безоговорочно признают власть Хеймсстадира, а континентальные города свое значение потеряли.

– Да? А Котлин, Оккервиль, Ауттова?

– Они добровольно подчиняются Хеймсстадиру. По крайней мере, настолько добровольно, насколько это возможно в их положении.

– Тем не менее правят там штадтгальтеры, такие же штадтгальтеры, как и в других колониях.

– Везде правит население, а точнее, торговые гильдии и промышленные союзы. Штадтгальтеры только подчиняются им. А так как населением правит фактически Сенат, а не Совет штадтгальтеров, то вряд ли

нам что-то грозит. И потом, три главных штадта благодаря членству в Хейме чуть не лопаются от денег, а в остальных – все наоборот.

– В таком случае потеря суверенитета не вызовет взрыва только в трех процветающих городах, а во всех других это будет воспринято как еще большее притеснение. В экономическом отношении они почти ничего из себя не представляют, а если лишить их еще и политического значения, что будет? Жуть. Подумать страшно.

– И все равно я призываю вас решить этот спор именно таким способом. Экономика решает все. Если у городов она слаба, они ничего не смогут сделать и будут обречены подчиниться непосредственно Хеймсстадиру. Самое главное – не выносить этот вопрос на Совет штадтгальтеров, иначе шум будет такой, что звезды с неба попадают.

– Нет! – Верховный Министр решительно хлопнул ладонью по резному подлокотнику кресла. – Понимаете, это будет недемократично.

Хеддер посмотрел на него, как на сумасшедшего. Нет, все-таки Холмский – человек очень любопытный. Он принадлежит к самому знатному среди хеймингов роду, ведет свою генеалогию от самого пророка Фомы и от Торварда Морехода – и говорит о какой-то демократии. Он сказочно богат – а живет, как аскет, как отшельник. Его личные апартаменты в Торвардастейнуре обставлены настолько скудно, что жить там может, наверное, только сам Холмский. Нет, это, положительно, странный человек!

– Ну что вы смотрите на меня, словно на ненормального? – рассмеялся Холмский. – Я ведь не такой монархист, как вы! Понимаете, я не могу пожертвовать свободой избирателей, увы, даже ради их же собственного блага. Торговые гильдии и промышленные союзы не потерпят ущемления их свобод, а больше мне пока не на кого опереться в Хейме.

Хеддер отвел взгляд и устало вздохнул:

– Нет, говорить с вами решительно невозможно. При чем здесь монархия? При чем здесь гильдии? Я говорю только о том, как организовать государство, чтобы в нем не могли больше возникать такие конфликты и чтобы сами торговые гильдии получили, в конце концов, больше возможностей, чем есть у них сейчас! Ну, хорошо, пусть вам не нравится мой план. Но что вы собираетесь делать?

– Попытаюсь уговорить наших забияк.

– А если они не поддадутся?

– Тогда смещу их с должностей.

– Ха! Не смешите народ, Томас Максимилианович! Сместить их может только Совет штадтгальтеров, а он такой глупости не сделает никогда в жизни! Это же прямая угроза их самостоятельности – я имею в виду штадты. Вы их объединили, созданием постоянного Совета штадтгальтеров

помогли скоординировать на первое время их деятельность – прекрасно, спасибо вам за это огромное. Но вы разве не замечаете, что лучше всего они вас слушались, когда приходилось бороться с Койвисто?

– Нет, этого я не замечал. Мне кажется, мой авторитет с тех пор не уменьшился нисколько.

– А вот и нет! Странно, что вы этого до сих пор не заметили. Теперь серьезной внешней опасности для нас уже нет, и правители слабых городов, видя, что их штадты только проигрывают от того, что состоят в Федерации, лишь о том и мечтают, как бы ее покинуть.

– Ну, что же, если так, пусть выходят. Сильные города выходить не будут, а слабые, оказавшись в одиночестве, зачахнут еще быстрее.

– Вот как! – саркастически воскликнул Хеддер. – И вы полагаете, что это будет по вкусу гильдиям, да и простому народу? Вам это не кажется жестоким?

– Вы преувеличиваете, – лениво молвил Холмский, пропустив сарказм Хеддера мимо ушей. – Не так уж это и жестоко, как вы думаете. Это, может быть, и сурово отчасти, но это, во всяком случае, менее опасно, чем удерживать их силой. Вы предлагаете держать их под государственным контролем, так?

– Ну, допустим, – не стал спорить Хеддер.

– Так вот, посмотрите, до чего такая политика довела Новгород. Думаете, мы смогли бы поставить его на колени, если бы они сначала не поставили на колени своих купцов? А потом торговцы начали просто переводить свои дела в Хеймсстадир, и Новгород теперь независим только номинально, что вы знаете не хуже меня.

– Не-ет! – вздохнул Хеддер, возведя очи горе. – Вас не переспоришь! Эх, ладно, поеду-ка я домой. Сотрясать воздух доказательствами неинтересно, а дома меня прислуга дожидается. А за вино – миллион благодарностей. Чудесный напиток!

Хеддер выбрался из глубокого мягкого кресла, что, при его росте и комплекции, стоило ему немалых усилий, вежливо раскланялся и вышел в сопровождении слуги.

Оставшись один, Холмский покачал головой и покосился на дверь, в которую только что вышел Хеддер. «Сибарит!» – подумал он. В этих мыслях, впрочем, не было осуждения. Хеддер, уже третий год занимавший пост Второго Министра Хеймингии, действительно был сибарит, да к тому же еще и лентяй, что, однако, нисколько не мешало ему быть отличным экономистом, исключительно умным политиком, да и вообще дельным человеком и в то же время придавало ему редкостную обходительность и мягкость характера, даже добродушие, о коем, впрочем, он мгновенно забывал, если кто-то пытался на него надавить. Эти черты характера и

обусловили во многом блистательную его карьеру. Все, кто близко знал его, сходились на том, что самым, пожалуй, лучшим качеством этого энергичного отпрыска жреческого рода было редкостное умение не растрачивать свою энергию на пустяки и пускать все ее огромные запасы в ход в нужное время, в нужном месте и нужным образом.

Таков был Роман Хеддер, маленький и весьма упитанный человек с лохматой рыжевато-каштановой шевелюрой и роскошными усами того же цвета.

Холмский, впрочем, скоро забыл о Хеддере и стал обдумывать сложившуюся ситуацию. А она действительно была более чем затруднительной. Ну вот как прикажешь справляться теперь с Лахтой и Терийоки? Может быть, Хеддер прав и можно разом покончить с этой историей, просто лишив города остатков независимости? Опасно, слишком опасно. Жаль, что Хеддер нечасто бывает на заседаниях Совета штадтгальтеров, иначе он не предлагал бы таких мер. Если сделать так, как предлагает он, то возмутятся штадтгальтеры не только мелких городов, но и крупных, таких, как Котлин или Оккервиль. А с такими городами лучше все-таки считаться, иначе неприятностей не оберешься. Люди вроде оккервильского Иннолова или котлинского Иголина могущественны. Но, с другой стороны, может быть, такие репрессивные меры действительно помогут сохранить единство Хеймингии? Ведь штадтгальтеры, к счастью, не составляют все население городов. Их мнения суть просто мнения отдельных людей, пусть даже и наделенных большой властью. Да, это, конечно, верно, но их власть достаточно велика, чтобы снять Холмского с поста Верховного Министра. А терять власть не хочется, ох, как не хочется! Остается, похоже, единственная надежда: возможно, мятежных штадтгальтеров удастся как-то уломать или умаслить на заседании Совета либо в приватной беседе.

Холмский, наконец, оторвался от раздумий, пришел в себя и обнаружил, что до сих пор сидит в кресле, держа в руке бокал с недопитым вином. Он медленно, смакуя каждый глоток, допил его и со вздохом поставил бокал на стол. Расслабиться вот так и угоститься бокалом тонкого легкого вина он позволял себе редко – только когда заглядывали гости, что случалось нечасто. Все вопросы с коллегами из государственного аппарата он решал на совещаниях да в коридорных беседах, а друзей вне круга высших чиновников у него не было, так что в его личные апартаменты гости и друзья заходили редко. Холмский, впрочем, привык к такой монашеской жизни. Еще в молодости, решив торговлей приумножить доставшиеся ему от деда немалые богатства, он твердо отверг все соблазны, коих у него, благодаря состоянию, было предостаточно, и начал вести такой вот аскетический образ жизни. Именно ради развития своей весьма успешной

морской торговли он оставил родной Оккервиль и перебрался в Ауттова, а потом сделал ставку на захолустный Архипелаг, предвидя, какое значение он приобретет в будущем. Он всегда позволял себе лишь необходимый минимум имущества: маленький, хотя и добротный, дом, слугу (одного на все случаи жизни), минимум прочих вещей. Лишь много позднее, став штадтгальтером Ауттова, он позволил себе приобрести кое-какую (весьма скромную) недвижимость в некоторых других городах, и то только потому, что испытывал глубокое, до идиосинкразии, отвращение к казенным квартирам, а ездить в силу обязанностей приходилось много. Его девизом было: «Ничего слишком!».

Холмский устало поднялся с кресла и направился в свои апартаменты. Роскошь парадных залов Торвардастейнура угнетала его.

* * *

Черная машина, чуть слышно шелестя шинами по бетонному покрытию улиц и взблескивая полированными бортами, в которых отражалось стеклянно-холодное мартовское солнце, мчалась по Хеймсстадиру. Хеддер, небрежно развалившись на заднем сиденье, лениво просматривал документы, время от времени бросая беглые взгляды за окно. «Красивый город! – думал он. – Но шумный». Машина ехала по улице Процессий – главной улице Хеймсстадира, пересекавшей город с запада на восток. Можно было только поражаться искусству, с коим на таком крошечном клочке земли, как Лавансаари, был воздвигнут этот великолепный город, населенный уже несколькими десятками тысяч человек. По сторонам широкого проспекта, отделенные от бетонированной мостовой газонами, на которых уже появились первые, покрытые желтовато-серой прошлогодней травой проталины, высились громадные жилые дома – в пятнадцать, двадцать и более этажей. Их окна сверкали сотнями бликов, отражая легкий серебристый свет весеннего солнца. Всякий раз, когда доводилось проезжать по этим улицам, Хеддер восхищался столицей. Хеймсстадир, как никакой другой город, был полон пространства. Широкие улицы, обсаженные деревьями, просторные, утопающие летом в зелени дворы, тихие скверы – и все это на ничтожном куске суши между Озером и свинцовыми водами Финского Залива! Совсем не просто так столица Хеймингии считалась самым красивым городом мира.

Машина двигалась быстро и скоро, пересекши реку, а затем восточные районы Хеймсстадира, выехала за пределы города. По сторонам потянулись леса.

Хеддеру не раз приходилось бывать на континенте, и тамошняя природа не слишком ему нравилась. Густые чащи Каннаса, мрачные

ельники, высокие, тянущие в поднебесье кроны сосняки, огромные туманные озера страны Кюми, бурные порожистые реки, топкие и опасные болота вызывали у него ощущение излишества и, пожалуй, тесноты, а здесь лес был так же наполнен пространством, как и город. Собственно, леса как такового здесь не было, были только многочисленные маленькие рощицы из невысоких березок и сосенок, разделенные небольшими каменистыми полянками, то и дело пересекаемые маленькими ручейками, весело скакавшими по валунам – правда, только летом. Камень на Архипелаге был вездесущ. Архипелаг был целиком сложен из гранитных скал, принесенных сюда древним ледником, и слой почвы здесь был слишком тонок для настоящего густого леса. Исключение составлял только остров Гогланд, гористый и покрытый настоящими чащобами (да и то не везде). Хеддер давно уже отметил особенную прозрачность всего на Архипелаге, удивительную тонкость и легкость. Ветер здесь был ласков, жара летом невелика, зима относительно мягка, свет солнца тонок и невесом. И теперь Второй Министр, опустив стекло в дверце, с упоением вдыхал в себя эту прозрачность, уносившую усталость сегодняшнего дня. У него сегодня был нелегкий день. Ночь он провел в своей городской резиденции – маленькой трехкомнатной квартирке в верхнем этаже дома на одном из тихих переулков Северного Хеймсстадира; с утра успел переделать массу важных дел, которые нельзя было, по обыкновению, переложить на плечи заместителей и помощников, поспорил с Верховным Министром и, наконец, устал. Хеддер не особенно стремился трудиться с утра до вечера, подобно Холмскому, поэтому практически всю работу передавал подчиненным ему сотрудникам, коих, кстати, умел выбирать с гениальной точностью. Именно поразительное умение набирать сотрудников было второй (наряду с правильной энергичностью) причиной его преуспеяния. Но, как бы там ни было, сегодня пришлось хорошо потрудиться, и Хеддер, исполнив все дела, требовавшие его присутствия, теперь с легким сердцем возвращался домой, в небольшую загородную виллу, где жил постоянно.

Дорога была недолгой: до его дома на Перешейке можно было доехать за какие-нибудь десять минут. Шины тихо шелестели по бетону. Справа между деревьями мелькали просторы бухты Защитной. Там недавно по приказу Холмского был воздвигнут обелиск в честь победы над эскадрой Койвисто, и над деревьями ослепительно блестела теперь закрепленная на его вершине звезда из нержавеющей стали. «Пока сверкает в лучах солнца эта звезда, слава нашей победы не будет забыта, а могущество Хейма останется с нами!» – сказал Верховный Министр на церемонии открытия памятника. А вот теперь над могуществом нависла угроза, и все только по вине двух излишне заносчивых штадтгальтеров. Позор хеймингам, если это разрушит их государство! Все эти годы их мощь росла не по дням, а по

часам. Лавансаари, несущий на своей каменной спине столицу Великого Хейма, все больше оправдывал данное ему поэтами название «сердца мира». Холмский поначалу предполагал, что порт в бухте Защитной придется закрыть, но уже очень скоро отказался от этой мысли, ибо растущему хеймингскому флоту один Хеймсстадирский порт становился тесен. Корабли хеймингов уже совершали регулярные рейсы в Норвегию и Британию, раньше считавшиеся чуть ли не краем света; они доплывали уже до Иберийского полуострова и даже до Африки. Росли, как грибы, колонии в необжитых землях Великого Хейма, который туземцы именовали Ингерманландией. На берегах Балтийского и Северного морей хейминги никогда не уходили от берега дальше, чем на десять-двадцать километров, даже по рекам – эти страны все же считались пустыми землями, и их опасались. А Ингрия была своей страной, давно знакомой и совершенно не страшной. Хеймингские торговцы плавали по рекам, по Ладоге и Онежскому озеру, забирались даже на Белое море, и это, естественно, вызвало в конце концов необходимость в колониальных поселениях, где негоцианты могли бы и хорошо поторговать, и хорошо отдохнуть. И такие колониальные поселения возникли. Частью в колонии превращались уже существующие поселения: Иоханнес, Уурас, Пунасаари в Ингрии, Хальставик в Швеции, Абердин в Шотландии, но большинство колоний все же основывалось на пустом месте. Так были созданы Фест, Соболец, Альдейгьюборг, Кондиниеми и другие. Колонии привлекали массу местного населения, с которым хейминги чрезвычайно выгодно торговали; они росли, развивались – прежде всего за счет местных, – и это, наконец, породило в мудрых головах высших администраторов государства гениальную идею: вынести в колонии все самые грязные и вредные производства, которые ранее располагались главным образом в Ауттова и Оккервиле. Необходимость этого переноса объяснялась тем, что, во-первых, людских ресурсов Ауттова и Оккервиля стало уже не хватать для возросших запросов экономики, а во-вторых, серьезной заботой об экологии.

Экология была предметом особой заботы на Архипелаге. За чистотой среды, за жизнью растений и животных здесь следили очень строго. Любые виды охоты были здесь категорически запрещены; нарушивший запрет карался пожизненной высылкой в дальние колонии без права на возвращение. Так же наказывался и тот, кто осмеливался срубить хотя бы одно дерево без специального разрешения, чтобы получить которое, иногда приходилось беспокоить самого Верховного Министра. Вся территория Архипелага была разделена на участки, деревья пронумерованы, крупные животные и (выборочно) птицы –

окольцованы. Многим такие меры казались совершенно излишними – ведь они превращали Архипелаг в самый настоящий заповедник. Но экологическое равновесие на Архипелаге чрезвычайно неустойчиво, любое вмешательство может непоправимо нарушить его и погубить природу этого уникального уголка мира. Чудо еще, что ни шведы, ни финны, ни даже понастроившие здесь городов хейминги ухитрились почти ничего не повредить, поэтому правительство Хеймингии очень строго следило за всеми воздействиями на природу; были разработаны скрупулезные правила проведения любых работ, воздействующих на среду – ухода за лесами, земледелия, строительства и прочих; были установлены крайне строгие нормы предельно допустимых концентраций загрязнений в воздухе, воде и почве, часто не превышавшие естественных показателей; для слежения за всем этим были созданы специальные егерские отряды.

На континенте с его более устойчивым экологическим равновесием строгостей было меньше, но и там правительство старалось не допускать больших нагрузок на природу. Именно поэтому многие вредные производства старались перенести из Приневской низменности в колонии – это было своего рода «размазыванием» нагрузки по всему Великому Хейму.

(История Великого Хейма: Учебник / Под ред. акад. М. Сильвия Сцевина и проф. Э. А. Саарлахти. Издательство Университета Сегоярви, LXI, с. 55).

В разработке экологического законодательства Хеймингии Хеддер принимал самое деятельное участие и был весьма доволен суровостью этих норм – ведь это все отражалось и на его личной жизни, самой важной части его бытия. Именно благодаря таким усилиям он ехал теперь по отличной дороге, вдыхал чистейший воздух и слышал птичий писк, не заглушаемый тихим шумом мотора. Недавно он побывал на Гогланде и решил тогда немного покататься по острову. И вот, едва его машина выехала из Форт-Гогланда, на шоссе перед ними в каких-нибудь тридцати метрах выскочил олень! Водитель едва успел затормозить, Хеддер вышел из машины и пошел к зверю. Тот не проявлял признаков страха и легко позволил приблизиться к себе. Только когда человек протянул руку, чтобы погладить его, олень грациозно изогнулся и бросился назад, в чащу. На Лавансаари эти животные пока не водились, но Хеддер уже подумывал, не отдать ли приказ о восполнении этого недостатка. Впрочем, пока есть более важные дела. О животных пусть заботится Комитет по экологии.

С такими мыслями Хеддер доехал, наконец, до дома. Его вилла, где он проводил львиную долю своего времени, находилась в западной части Перешейка. Она представляла собой небольшое каменное одноэтажное здание простой, но очень изящной архитектуры, имевшее девять комнат и окруженное аккуратным яблоневым садиком.

Хеддер велел водителю загнать машину в подземный гараж в подвале дома и поднялся наверх, в комнаты. Его прислуга, немногочисленная, но отлично вышколенная, видимо, не ожидала приезда хозяина раньше вечера, ибо в доме шла генеральная уборка, а обед, разумеется, не был готов. Все это объяснил Хеддеру дворецкий, когда тот вошел в прихожую, и хотел было снять с него плащ, но Хеддер, узнав обо всем, мягко отстранил его со словами:

– Вы пока состряпайте мне что-нибудь перекусить, а я пойду, прогуляюсь по саду.

Сад был невелик, но Хеддеру большего и не требовалось. Он медленно, задумчиво прохаживался по дорожкам его, посыпанным гравием. Снег и лед с них были счищены, но яблони, кусты смородины и немногочисленные деревца вишни и сливы особых морозоустойчивых сортов все еще стояли по колено в синих ноздреватых, уже подтаивающих сугробах. Всю эту растительность Хеддер высаживал не столько ради плодов (хотя яблоки очень любил), сколько ради цветов. В мае он целые дни проводил в саду, гуляя по дорожкам или сидя в ажурной беседке, увитой диким виноградом, и любуясь маленькими, нежными цветами своих деревьев. Их тонкий аромат совершенно зачаровывал его и приводил в удивительно блаженное состояние, похожее, по его мнению, на ту нирвану, о которой говорили буддисты. Никто не мог бы сказать, каким ветром занесло много лет назад на Архипелаг буддийских монахов Винитабхадру и Дхармарати и их товарищей, но они, попав сюда, начали активно проповедовать, и их проповедь в Хейме, отличавшемся большой религиозной терпимостью, имела немалый успех. Реликварий с прахом Винитабхадры уже много лет возносил свой золотой шпиль над ртутными водами Озера, а недавно в Хеймсстадире был, наконец, построен храм Будды, который уже посещало множество народа. Впрочем, подавляющему большинству их учение Будды нимало не мешало столь же истово молиться пророку Фоме, да и самих проповедников сие обстоятельство, похоже, совсем не смущало.

Задумавшись об этом, Хеддер забрел в дальний угол сада. Отсюда открывался вид на неглубокую широкую бухту, вдававшуюся в массу острова с севера, точно напротив Защитной. Узкая полоска суши между ними и называлась Перешейком. И Хеддер теперь стоял и рассеянно оглядывал берега этой бухты.

Обыкновенному человеку пейзаж, открывавшийся с этого места, показался бы, пожалуй, однообразным и малоинтересным, но Хеддер – «арбитр изящества» всей Хеймингии – всегда восхищался им. Перед ним в каких-нибудь ста метрах от ограды усадьбы расстилалась застывшая ледяная гладь бухты. Над ней, вздыхая в вышине, пролетал ветер, гладил кроны сосен, росших по берегам, и сосны вздыхали вместе с ветром, протягивая ветви к сиявшему в хрустальном небе солнцу. Темный лед, которому оставалось жить не более месяца, голубыми бликами искрился в его лучах, и лес на фоне льда и неба казался еще темнее. Вдали, у мыса, виднелся маленький островок, скалистый и поросший редким низкорослым лесом. Летом Хеддер часто наведывался туда на лодке. Это было отличное место, тихое и прохладное. Там, между прочим, прекрасно клевала рыба.

Хеддера вывел из задумчивости голос слуги:

– Все готово, господин!

– Уже? Быстро вы! – похвалил слугу Второй Министр. – Хорошо, иду.

Он не торопясь вошел в дом, разделся в прихожей, переоделся в домашнее платье и уселся за стол, с довольным видом оглядывая столовую. В середине, на ковре со сложным и замысловатым орнаментом, покрывавшем паркетный пол, стоял массивный дубовый стол, за коим на таком же массивном стуле расположился сам Хеддер. Стол был покрыт свисавшей красивыми складками скатертью из дорогой ткани снежно-белого цвета. Высокие дубовые шкафы вдоль стен ломились от разнообразной посуды. Там были и удивительно изящные наборы бокалов из оккервильского хрусталя, и вазы из цветного стекла, производимые в Эберсгарде, и тончайший фарфор из Капеасалми в Каннасе, и богато украшенные чеканкой чаши из серебра, какие делают только в Хеймсстадире да еще где-то на юге, и инкрустированная янтарем деревянная посуда из княжества Литовского, и даже несколько уникальных чаш, выточенных из гранита – такие делали только в далекой Карьяле и нигде более. Хеддер очень гордился своей коллекцией разнообразной посуды, и многие из богатых штадтгальтеров немало отдали бы за подобное собрание утвари, всегда столь необходимой, но везде такой разной. Вмещавшая это великолепие мебель заслуживала не меньшего внимания. Она была покрыта тонкой и разнообразной резьбой, причем покрыта точно в меру, именно там, где надо; стекла на дверцах шкафов удерживались золочеными медными решетками; ручки были серебряные. Широкое окно, впускавшее в комнату мягкий весенний свет, было прикрыто тончайшим белым тюлем, расшитым понизу растительным орнаментом. Убранство завершала массивная люстра о пяти рожках, из кованого железа, украшенная зеркальным стеклом; когда ее зажигали, она разбрасывала по

комнате яркие блики электрического света. За такую роскошь Хеддера часто упрекали, но эти упреки он всегда пропускал мимо ушей.

Слуги внесли обед в серебряной посуде. Состав его был, в общем, традиционным: салат из крабов и цветной капусты, куриный бульон, баранина, запеченная с яйцом, под острым соусом, жаренные со сметаной рыжики, фрукты, зеленый чай с лимоном, пирожные и, разумеется, вино – то самое, которым его сегодня угощал Холмский. В одиночку Хеддер более одной перемены блюд не осиливал, и только когда у него были гости, он заказывал повару две или три перемены.

Около часа раздавался в столовой стук посуды. Окончив трапезу, Хеддер с удовлетворенным видом развалился в кресле в гостиной с книгой в руках и любовно погладил обложку. Ашвагхоша. «Буддхачарита». Жизнеописание Будды. Хм! Он углубился в чтение и провел за ним остаток дня, увлекшись прекрасным стихотворным переводом.

Но глаза, наконец, устали. Он велел слуге собирать на стол, а потом, после традиционно легкого ужина (стакан сметаны и чашка чая со сладостями), отправился спать. Уже раздевшись и стоя во фланелевой пижаме у окна, Хеддер раздумывал о буддийском учении. Было бы весьма неплохо окончательно пересадить его на хеймингскую почву. Эта религия могла бы полностью выделить хеймингов из общей массы ингрийских народов, веровавших в своих многочисленных богов. Впрочем, это дело будущего, хотя и, похоже, не очень далекого. Возможно, от правительства даже не потребуется специальных мер для его насаждения, и это хорошо – ведь добровольное принятие какой бы то ни было веры всегда лучше ее насильственного насаждения. Между прочим, он, Хеддер, из своих искренних симпатий к буддийскому учению сможет в этом случае извлечь немалую выгоду – не секрет, что выборы нового Верховного Министра не за горами, а выбирать его, согласно новому законодательству, будет прежде всего население Архипелага и – в меньшей степени – Котлина и невских городов, то есть районов самых густонаселенных и наиболее интенсивно развивающихся, в коих позиции буддистов очень сильны. Малые города до сих пор держатся за пророка Фому и Торварда Морехода. Хеддер, разумеется, нисколько не намерен отвергать эти важные фигуры (одна из коих, кстати, мифична полностью, а другая – наполовину) – такой поступок был бы неразумен, и, кроме того, он попахивает ненужным насилием – но держаться так, как это делают малые города, за старые объекты поклонения и категорически отвергать новые, даже более развитые, культы и учения по меньшей мере глупо. А по большей – опасно. Это грозит застоем, застой – упрощением структуры общества, а оно, в свою очередь, всякими бедами вплоть до исчезновения такого общества.

Хеддер, наконец, стряхнул с себя глубокую задумчивость и глянул на часы. Если верить им, он уже полчаса стоит тут и думает. Нехорошо. Он повернулся, сделал несколько шагов по мягчайшему ковру с длинным ворсом, лег в кровать, застеленную бельем из тонкого дорогого льняного полотна, и завернулся в одеяло. День кончился.

XX. ЦЕНТРОБЕЖНАЯ СИЛА

Страсти человеческие разрушительны, но эта разрушительность есть естественное проявление сил, коими осуществляется история. Мудрый правитель всегда сумеет овладеть ими и поставить их себе на службу – даже вопреки законам истории и несмотря на то, что эти силы не поддаются управлению. Выражаясь кратко: подлинный правитель всегда сумеет овладеть даже тем, что не поддается овладению.

Роман Хеддер. Из бесед с Харальдом Брутом.

Томас Холмский сидел в салоне вертолета, рассеянно глядя на проплывающие внизу льды Suomenlahti. Конец марта он провел в Оккервиле, где его долго держали дела, а теперь возвращался в Хеймсстадир. Лицо его было мрачно.

Договориться с штадтгальтерами Лахты и Терийоки так и не удалось. Они в разговорах с ним сначала ругали друг друга, рассказывали один о другом всяческие гадости, а потом начали и самого Холмского упрекать в том, что он никак не может уладить этот конфликт. Хуже всего было то, что упреки были совершенно справедливы, ибо сами, без содействия Холмского, штадтгальтеры не проявляли желания помириться и смотрели друг на друга волками. Холмскому были ясны причины такого поведения: они хотели обвинить его в несправедливости и ущемлении интересов малых штадтов и на этом основании выйти из состава Федерации. Желание суверенитета сквозило в каждом их слове, в каждом движении. «Неужели они не понимают, что выход из Хейма либо ничего им не даст, либо и вовсе погубит?» – думал Холмский. По некоторым фразам, оброненным штадтгальтером Терийоки, он понял, что тот хочет обособиться от Хеймсстадира не только политически, но и в экономическом отношении. Это было уже окончательным безумием с его стороны, и Холмский не переставал удивляться, что тот не понимает, к каким плачевным последствиям это приведет. Ведь для Терийоки это означает медленное умирание, долгую и крайне мучительную агонию. Хорошо еще, если штадтгальтер додумается не закрывать границы своего штадта и не мешать миграции людей – в этом случае город исчезнет сравнительно быстро и безболезненно. А если не додумается? У лахтинского штадтгальтера он пока таких диких мыслей не заметил, хотя возможно, что тот их просто скрывает. Холмский прекрасно понимал, что чувствуют «малые» штадтгальтеры, видя процессы медленного угасания, происходящие в их городах. Обидно,

конечно, но что тут поделаешь! Это закон природы. А штадтгальтеры ему сопротивляются, что с их стороны донельзя глупо.

Но было и еще одно обстоятельство, которое еще больше огорчало его, хотя он ему отнюдь не удивлялся и, более того, полагал справедливо, что этого следовало ожидать. Незадолго до отъезда из Оккервиля ему сообщили, что также и другие «малые» штадтгальтеры рвутся из Хеймингии и ради достижения своих целей составили заговор против него. Холмский пока не знал, что конкретно замышляют заговорщики, он не знал точно даже их число и имена – это еще предстояло выяснить, – но прекрасно понимал, что бороться с ним будут не на жизнь, а на смерть.

Нужно было срочно предпринять что-то. Но что? Непонятно. Позволить им выйти из Федерации – значит, во-первых, подать дурной пример другим (а он, как известно, заразителен; чего доброго, и «большие» штадтгальтеры соблазнятся), а во-вторых, ускорить исчезновение этих городов, то есть большей части владений хеймингов на континенте. Терять эти земли Холмский очень не хотел, они были стратегически важны, их потеря могла грозить потерей вообще всех материковых владений, а может быть, даже и Котлина. Допускать этого нельзя ни в коем случае. Это исконно хеймингская земля, хейминги на ней жили со времен пророка Фомы; к Архипелагу с таким пиететом не относятся.

Может быть, сместить «малых» штадтгальтеров? Неизвестно, как к этому отнесется народ. Возможно, будут говорить, что Холмский ведет себя хуже Виртанена, порабощает своих. Тогда на выборах кресла Верховного Министра он лишится, это точно. А если отменить выборы – не миновать мятежа. Вообще-то, еще неизвестно, пользуются ли «малые» штадтгальтеры популярностью среди народа, но проверять это поздно. Любая попытка зондирования общественного мнения может побудить заговорщиков действовать активнее, чего допускать ни в коем случае нельзя. В общем, куда ни кинь – все клин. Гнусно!

Вертолет приземлился на летном поле под Киркорви. Невдалеке от небольшой взлетной полосы виднелись ангары для самолетов. Аэродром выглядел совершенно пустынным, но Холмский знал, что сотни зорких глаз наблюдают за ним и за аэродромом в эту минуту.

Прямо к вертолету подъехала машина. Холмский забрался в теплый салон и махнул рукой водителю: «Трогай!» Поехали. Колеса тихо шуршали по бетону шоссе, а Холмский продолжал предаваться размышлениям и по-прежнему не находил выхода. Машина быстро мчалась к Хеймсстадиру. Лес слева начал редеть, и дорога пошла берегом озера. По льду, желтеющему уже от теплых лучей солнца, бродили вороны, из него торчали вдоль берега камыши, а вокруг озера плотной стеной стояли леса. Лишь в одном месте они исчезали, уступая место стенам другого рода – бетонным стенам

многоэтажных зданий города. В стеклах их окон сотнями ярких бликов отражалось клонившееся к закату солнце, на набережной мелькали люди, машины… Холмский позавидовал им всем: ведь ни люди, гуляющие по набережной, ни те, кто сидит в машинах, не мучаются вопросом, как справиться с непокорными штадтгальтерами и сохранить единство государства, над ними не висит опасность от заговорщиков. Они просто живут себе, и все. Хорошо им!

Впереди замаячили Северные ворота Хеймсстадира. По обеим сторонам шоссе стояли два гранитных пилона, вздымающие на высоту двенадцати метров свои вершины, украшенные эмблемой города – четырехлучевой звездой в венке из ветвей сосны. Немного правее блестели на солнце купола башен Торвардастейнура.

Холмский продолжал мучиться, лихорадочно ища выход. У всех планов, возникавших в его голове, были свои достоинства и свои недостатки, которые друг друга уравновешивали. Все планы были совершенно одинаково разумны и совершенно одинаково рискованны, и Холмский просто не знал, что выбрать, тем более, что любая ошибка могла грозить распадом Хеймингии. Надо было что-то решать. Но только войдя в свои апартаменты и устало сев в кресло, Верховный Министр понял, что именно надо делать.

* * *

– Штадтгальтеры собрались, ваше превосходительство! – почтительно произнес слуга. – Они ждут вас в зале заседаний.

– Наконец-то! – облегченно вздохнул Холмский. – Хорошо, иду.

Приглашения штадтгальтерам прибыть на внеочередное заседание Совета он разослал давно, но, к его великой досаде, долгое время стояла нелетная погода, и Совет никак не мог собраться. Только вчера состояние атмосферы позволило вертолетам добраться до Архипелага. Работники аэродрома Киркорви работали вчера не покладая рук: диспетчеры не отрывались весь день от приборов, по летному полю сновали машины – словом, все до вечера бегали, света белого не видя. Собрались все штадтгальтеры, ни один не позволил себе пренебречь совещанием. Разместили их в Торвардастейнуре, в комнатах для гостей.

Холмский быстрым шагом шел по коридорам замка. Он волновался. И неудивительно: то, что он задумал, было слишком опасно. Это неслыханная дерзость. Но штадтгальтеры, впрочем, сами виноваты: они прижали его к стенке, и он вынужден теперь идти на крайние меры. Они, разумеется, поднимут дикий гвалт и будут взбешены (хотя, может быть, и не все, а только «малые»), но придется это перетерпеть. Это все равно, что

идти к стоматологу: вынести сейчас малую боль, чтобы в будущем избежать большой.

Он широкими шагами вошел в зал, и штадтгальтеры встали, приветствуя его.

– Так, господа! – молвил он, усевшись. – Созвал я вас по делу исключительной важности. В последнее время я стал все чаще замечать, что штадтгальтеры малых городов недовольны своим положением. Это верно?

Один из штадтгальтеров мрачно пробурчал:

– Куда уж вернее! Наши города чахнут и угасают, тогда как Архипелаг и невские города уже едва не пухнут от денег. Мы – точно такие же хейминги, как и все остальные! Чем мы хуже?!

Он умолк. Холмский продолжал:

– Итак, ясно – штадтгальтеры недовольны. Кое-кто, – тут он покосился на лахтинского и терийокского штадтгальтеров, – стремится покинуть Федерацию и жить самостоятельно. Не буду говорить о том, какие плачевные результаты это будет иметь – это и так, я думаю, очевидно. Не буду также говорить и о заговоре, составленном против меня некоторыми из присутствующих здесь…

Он замолчал и обвел всех взглядом, любуясь произведенным эффектом – сначала в зале воцарилась гробовая тишина, штадтгальтеры переглянулись, а потом вдруг заговорили все разом. На фоне всеобщего шума выделился зычный голос Владислава Иннолова из Оккервиля:

– Заговор?! Быть того не может!

– Это факт, – спокойно ответил Холмский, дождавшись, когда собравшиеся немного приутихнут. – Я уже все проверил, расследовал и выяснил, что это действительно так. Кое-кому моя персона не нравится – вероятно, именно из-за того, что я держу их в Федерации Хейма и не выпускаю. Так вот, чтобы обезопасить себя от неприятностей со стороны господ заговорщиков и зная, в чем причина их недовольства, я решил позволить всем желающим выйти из-под власти Хеймсстадира. Кому мое правление не по нраву, пусть уходит, я не держу. Вот так, господа.

Гробовое молчание длилось на сей раз значительно дольше. В первую минуту штадтгальтеры вообще потеряли дар речи и ошеломленно молчали, не понимая, что происходит. Они безуспешно пытались отгадать, к чему Холмский клонит и для чего понадобился ему подобный демарш. А когда дар речи вернулся к ним, все чуть не хором закричали – каждый свое.

– Безумие! – Иннолов так разволновался, что вскочил с кресла, чуть не опрокинув его. – Это же полностью уничтожит наше государство! Это погубит нас!

– Всё! Конец Хеймингии! – перекрикивал его Олег Иголин.

– Да как вы могли додуматься до такого?! Это же преступление!!!

Иголина, в свою очередь, силился перекричать штадтгальтер Оллилы:

– Правильно! Надоели хуже горькой редьки, нахлебники!

Холмский слушал их, не проявляя никаких эмоций. На его губах играла легкая полуулыбка. Наконец он внезапно грохнул по столу ладонью и встал, показывая, что желает говорить. Шум понемногу смолк. Верховный Министр молвил:

– Господа! Вы, кажется, не соизволили правильно понять меня. Я вовсе не собираюсь выкидывать кого бы то ни было из Хеймингии. Я просто предлагаю всем желающим добровольно покинуть Федерацию, причем сделать это можно будет лишь сегодня и завтра, так что решайте быстрее. Сделать это может любой штадт, малый или большой одинаково, и решает это каждый штадтгальтер сам за себя и за свой город.

– Но ведь это все равно приведет к распаду государства! – воскликнул Иннолов. – Малые города слишком важны для нас. Кроме того, это прецедент: покинуть Хейм, может быть, пожелают и большие штадты, а это уже катастрофа.

– Вы покинете Хейм? – прервав его, прямо спросил Холмский.

Иннолов слегка смутился:

– Н-ну… я – нет!

– А вы, господа? – обратился Холмский к штадтгальтерам Котлина и Ауттова.

– Нет! – почти в один голос ответили те.

Верховный Министр повернулся к Иннолову:

– Как видите, ваши опасения напрасны.

Но тот упрямо замотал головой:

– Нет! Отнюдь не напрасны. Вечно, что ли, мы будем править своими городами? Кто поручится, что наши преемники не захотят самостоятельности? Если это случится, они будут требовать от Верховного Министра того же, что делаете сейчас вы. А если вы сейчас этого не сделаете, требовать независимости в дальнейшем штадтгальтерам будет значительно труднее. Поэтому еще раз призываю вас отказаться от этого безумного решения.

– У меня есть предложение! – Олег Иголин, штадтгальтер Котлина, встал с места. – Почему бы вам, вместо того, чтобы допускать распад Федерации, не постараться иначе успокоить недовольство «малых» штадтгальтеров? Те капиталы, что идут сейчас в колонии, можно было бы направить в «малые» штадты и тем самым спасти их от катастрофы.

– Ничего не выйдет! – возразил штадтгальтер Сейвисто, один из «малых». – Наша экономика и без того достаточно сильна. Нужно лишь дать

нам большую самостоятельность – и мы сумеем стать вровень с Оккервилем и Хеймсстадиром. Я прав?

«Малые» штадтгальтеры дружно закивали и забубнили одобрительно. Иннолов возвел глаза горе, всем своим видом словно говоря: «О боги великие, ну и кретины!». Иголин наклонил голову, пытаясь скрыть сардоническую усмешку. «Не-ет! – подумал Холмский. – Этим "малым", похоже, до такой степени не терпится на волю, что разум они, судя по всему, потеряли окончательно и бесповоротно». Он встал.

– Да, господа, я признаю свою ошибку. Я действительно не уделял малым штадтам должного внимания, и хиреют они по моей вине. В дальнейшем я буду учитывать это. Но как же я смогу помочь тем, кто выйдет из Федерации? А ведь абсолютно ясно, кто бы что бы ни говорил, – косой взгляд в сторону штадтгальтера Сейвисто, – что сами малые города из такого кризиса не выберутся при всем желании – ведь невозможно самого себя извлечь из болота за волосы. Поэтому еще раз призываю всех, кто вознамерился получить самостоятельность, тысячу раз взвесить все «за» и «против». Подумайте еще и о том, что скажут люди, коими вы правите, когда узнают, что не подчиняются более Хеймсстадиру. Вот, собственно, и все.

– Люди давно уже говорят то же самое, что и мы сейчас – из Федерации надо выходить! – сказал лахтинский штадтгальтер. – Все недовольны таким правлением.

Холмский усмехнулся:

– Вот как? Тогда позвольте поинтересоваться, во-первых, какого, извините, лешего вы подписывали в Оллиле договор пять лет назад?

– Кто ж знал? – развел руками штадтгальтер.

– Настоящий правитель должен уметь предвидеть все, а если не умеет – он плохой правитель, и его следует сместить с должности. И, во-вторых, как вы изволите объяснить тот факт, что население Архипелага растет за счет мигрантов из малых городов, если народу, по-вашему, мое правление не нравится?

И он впился взглядом в собеседника. Тот смутился и не нашелся, что ответить.

– Есть еще вопросы, возражения? – спросил Холмский.

Все молчали.

– Ну, что ж, в таком случае наше заседание окончено. Все свободны.

Когда все покинули зал, к Холмскому подошел Хеддер, присутствовавший на заседании как наблюдатель. На лице его было написано торжество.

– Вы все правильно сделали, – молвил он. – Пожалуй, это даже лучше, чем то, что предлагал я.

– Чем же это? – пессимистически ухмыльнулся Холмский.

– Хотя бы тем, что мы от них избавились. Они теперь не будут висеть на нашей шее, как гири. Подохнут, обожравшись свободой.

– Чего же в этом хорошего? Теперь все будут обвинять меня в жестокости и авторитарности.

– Не будут. Во всяком случае, если бы вы последовали моему плану – хорошо, что вы ему не последовали! – вас обвиняли бы много больше. Вообще-то, если говорить честно, я был бы очень рад, если бы и большие города от нас отложились…

– ?!?!

– Да-да, не удивляйтесь. Я не сошел с ума. Просто они, невзирая на их величину и значимость, без Хеймсстадира не значат практически ничего. Они существуют главным образом за наш счет. Если они потеряют связи с Хеймсстадиром, то захиреют точно так же, как сейчас – малые.

– Ну и зачем нам это?

– Это увеличило бы централизацию власти. А централизованная власть – прекрасная штука. В этом случае у Хеймсстадира не было бы соперников в могуществе.

– Ха! Вы, я вижу – сторонник авторитаризма! Только вот не пойму никак, каким же образом они начнут слабеть? Что послужит причиной?

– Оттуда начнет уезжать народ.

– Да? С чего бы это? Вроде бы, никакой причины этому нет.

– Есть.

– Да? И какая же?

– Их много, Томас Максимилианович, – ответил Хеддер. – И экономические преимущества, и возможности социального преуспеяния. И есть еще одна причина, о которой все забывают, – и он многозначительно поднял палец. – Идеология! А еще точнее – религия.

И, не дожидаясь ответа, он вежливо поклонился и вышел из зала. Холмский, ничего не понимая, смотрел ему вслед.

«Чудовищно! – думал на следующий день Верховный Министр, метаясь по своему кабинету. – Что же осталось от Федерации?!». От Федерации действительно осталось немного. Большие города, к счастью, остались все: Оккервиль, Котлин и Ауттова. Из малых – лишь Оллила, и то только потому, что это была родина нынешнего Хейма. Остальные же с легким сердцем распрощались со своим членством в ней. И он, Томас Холмский, собственноручно подписал все прошения о независимости! Собственной рукой разрушил государство! Но, с другой стороны, что ему оставалось делать? Он же сам говорил, что насильно удерживать не будет никого. Давши слово, держись… Да-а, ситуация, однако. И, главное, выборы уже отнюдь не за горами, а такая выходка, какую он позволил себе вчера,

видимо, лишает его всяких надежд на новое переизбрание, и это очень плохо – ведь у него столько замыслов! Если его переизберут, Хеймсстадир действительно станет городом совершенно всемогущим. А что там Хеддер говорил вчера о религии? Туманные какие-то фразы. Недаром он с молодости увлекается философией: насобирал отовсюду кучу книг, всегда слушает каких-нибудь аскетов, магов, а то и водских нойдов с континента, якшается с буддистами… И чего он в них нашел? Мало ему старой веры, вечно невесть что подавай! Странный человек. Впрочем, честный, преданный и мастер своего дела, уж в этом ему никак не откажешь. А в уме – тем более. Так что фразу о религии он бросил совсем не просто так. Что бы это значило? Менять он ее, что ли, хочет? Абсолютно безумная идея: если Архипелаг отвергнет старую веру, от него отколются и оставшиеся города, а это будет уже катастрофа, причем непоправимая. Совершенно непонятно, почему Хеддер так беспечно относится к этому и, хуже того, даже желает, чтобы это случилось. Не-ет, Второй Министр – тип себе на уме! Что-то замышляет. Но что? Может быть, одному Будде известно. Впрочем, его обычная преданность позволяет надеяться, что замышляемое им – не во вред ему, Холмскому.

Вот такие сумбурные мысли плавали в голове Верховного Министра. Мысли же Хеддера были, напротив, четки и ясны. Холмский безнадежно увяз в паутине конфликтов и противоречий, которую сплел для себя сам, и Верховным Министром останется только до ближайших выборов, это очевидно. Позволив малым городам уйти, он совершил серьезнейшую ошибку. Правда, следует признать, что ситуация была абсолютно безвыходная, форс-мажор, и Холмскому просто не оставалось ничего другого; любой ход был бы ошибкой, и то, что сделал Холмский, было просто наименее катастрофической из них. Как бы там ни было, а Хеддер уж своего не упустит и постарается извлечь из ситуации все возможные выгоды; ради удовлетворения честолюбия он, может быть, временно станет немного менее ленивым, ибо повертеться придется, и немало. Маловероятно, что у Холмского хватит смелости признать буддизм официальной хеймингской религией, а ведь он набирает силу исключительно быстро, что трудно не заметить: идеология точно отражает и общественную структуру, и экономику. Хеддеру, когда будет организовывать свою предвыборную кампанию, надо будет обязательно внести этот пункт в программу. Это, в сущности, сейчас самый важный вопрос, важнее кажущегося развала Федерации – именно кажущегося, ибо на самом деле Хеймсстадир всего лишь избавляется от ненужной обузы, хотя, может быть, делает это немного излишне зверским способом. Точнее, уже сделал. Скоро, ежели позволят Будда и дух пророка Фомы, можно будет распрощаться и с большими городами, только Оллилу и Оккервиль

придется поддерживать: как-никак один из них – колыбель Федерации, а другой – народа хеймингов. А идеология – дело действительно серьезное, и благосклонность к буддистам прибавит немало голосов любому претенденту, кроме, быть может, совсем уже одиозных, вроде лахтинского или терийокского штадтгальтеров. Которые, хвала Будде, достаточно умны, чтобы не выставлять своих кандидатур на пост Верховного Министра. Впрочем, им это, в сущности, вовсе не нужно: и без того теперь забот полон рот, не до Хеймсстадира.

Хеддер был очень доволен. Пост Верховного Министра плыл сам прямо к нему в руки. Только полный идиот может упустить такой шанс. Остальные кандидаты не в счет: Холмский теряет популярность, а Иннолов и Арнорссон из Ауттова вообще никогда ее не имели (во всяком случае, никогда не были настолько популярны, чтобы рассчитывать на пост главы государства). И Второй Министр, уже предвкушая победу, гордо расправил усы и поудобнее устроился на диване, на коем возлежал вот уже полтора часа, предаваясь размышлениям.

Любил Хеддер понежиться на мягком диване, потягивая сок или вино и слушая музыку. Вот и сейчас он ублажал свой язык легким и нежным сливовым вином, а свой слух – песнями одного из популярных хеймингских композиторов. О том, что он будет делать, когда станет Верховным Министром, он сейчас не очень задумывался. Он был фаталистом и считал, что все за него решит судьба. Она, по его мнению, всегда все решает сама и лишь иногда прибегает к помощи человека, ставя перед ним какую-нибудь задачу, да и в этом случае человек оказывается не более, чем инструментом. Холмский обречен лишиться своего поста, а он, Хеддер, обречен стать Верховным Министром – это очевидно. Хейм возник, идет к своему расцвету, затем достигнет его, а достигнув, начнет разрушаться и, наконец, перестанет существовать – это тоже очевидно. Миром правит фатум. И сейчас фатум играет Хеддеру на руку, обязывая его этим воспользоваться.

Валяться на диване, наконец, надоело. Хеддер встал, выключил магнитофон и поинтересовался обедом. Выяснилось, что обед уже совсем готов. Через час, плотно поев, Хеддер выехал на машине, сам сев за руль, из своей усадьбы.

Ему доставляло огромное удовольствие ездить по острову, в особенности весной. Было так занятно и интересно наблюдать, как освобождается из-под снега прошлогодняя жухлая трава, как медленно, осторожно, словно не веря весне, начинают пробуждаться прозрачные леса Архипелага. В окрестных рощах щебетали птицы, радуясь наступлению долгожданных теплых дней. Негромкое жужжание электромотора совсем не заглушало их веселого чириканья. Дорогу то и дело пересекали ручьи, сбегавшие в море с невысоких холмов в центре острова. Хеддер медленно

ехал по шоссе и всей грудью вдыхал чистейший воздух. «Весной пахнет», – думал он. И действительно, в воздухе был разлит особый, тонкий аромат, какой можно почувствовать только весной. Пахло талыми водами, влажной землей, мокрым, нагретым слегка лучами ласкового весеннего солнца бетоном дороги, пахло старой прошлогодней травой и новой, пробивающейся сквозь темную землю к свету, к солнцу, и ветками ивы, и еще чем-то странным и почти неуловимым. Хеддер любил это время года. Оно придавало ему силы на целый год, до новой весны. «Я могу умереть когда, угодно, но только не весной», – эта мысль уже не раз приходила ему в голову, и он не считал эту уверенность необоснованной. Весной он насквозь пропитывался этой прозрачностью, этими запахами; весной он чувствовал себя как будто более живым, чем в остальное время. Причем самая восхитительная весна была, по его мнению, только на Архипелаге. Однажды ему довелось целых три года подряд провести в Оккервиле, и ему, хотя он признавал, что места там очень красивые, все же там не понравилось.

День был туманен. Солнце то выглядывало надолго из-за облачной пелены, то снова пряталось за нее – тоже надолго. Наконец из-за туч стал накрапывать дождик, и Хеддер мысленно похвалил себя за то, что предусмотрительно захватил из дома широкополую шляпу и надел непромокаемый плащ. Бетон шоссе скоро стал совсем мокрым. Мелкий дождик весело накрапывал по немногочисленным лужам, по веткам кустарников, брызгал в лицо. Хеддер остановил машину на обочине и вышел. Не торопясь он отошел от дороги и углубился в лес. Лес был прозрачен. По ветвям ивы скакали синицы. Завидев Хеддера, они с громким писком снялись с куста, затрепетавшего от их движения, и куда-то улетели, а Второй Министр, не обращая на них внимания, продолжал осторожно идти по лесу. Ноги утопали в мягком влажном ковре мхов, с сосновых крон сеялась мелкая, как пыль, влага. Хеддер вышел на поляну. На ней лежали во мху несколько крупных, лобастых темных валунов. Он присел на один из них и прислушался. Тихо. Море, едва просвечивающее слева сквозь лес, еще молчит. Рано ему еще говорить. Оно еще во льдах. Лишь иногда слышится по ночам треск, грохот, как отдаленный гром, – ломаются льды, рушится холодная кора вод, лето близко. И справа, с дороги, никакой шум не доносится, хотя дорога недалеко, метрах в пятидесяти. Шоссе, соединяющее Киркорви с крайним востоком острова, совсем не оживленно, нечасто беспокоят его своими колесами машины, и за это оно нравится Хеддеру. Прыгают по кустам синицы, перекатывают в горле звонкие стеклышки. Весне рады. Хеддер уже долго сидит здесь неподвижно, и они его не боятся. Жаль, не захватил с собой пшена, можно было бы подкормить пичужек. Ну ладно, в другой раз покормим. Между прочим, сидеть здесь, невзирая на дождь, совсем не холодно. Воздух чистый, влажный, прохладный. Мхами

пахнет, мокрой сосновой корой, даже, кажется, смолой. Хорошо здесь. Хеддер вдруг подумал: а случалось ли Холмскому когда-нибудь сидеть вот так в лесу, слушать писк синиц, поглаживать руками мокрый мох, холодный, влажный гранит валуна, вдыхать этот воздух? Вероятно, нет. Кажется, совершенно не умеет Холмский видеть окружающий мир, вечно сосредоточен на чем-то внутреннем, вечно ушедший в себя; даже участвуя в делах внешнего мира, он, похоже, делает это как будто издалека, отстраненно, словно пьесу играет. Типичнейший, казалось бы, образец буддийского монаха – а сохраняет приверженность культу духа Фомы и слышать не желает о буддизме. А Хеддер, наоборот, всей душой привержен буддизму, но в этой тихой и мудрой природе не видит страдания и зла, несмотря даже на «Четыре Благородных Истины». Воистину, как странно все, совершающееся в мире! Какой парадокс!

Холод камня добрался, наконец, до тела. Хеддер встал, глянул на часы… Да, засиделся он здесь. Час уже сидит. Долго. Пора домой. Он стряхнул влагу с плаща, помахал рукой птицам и пошел к машине. Дождь, пока он сидел, кончился, выглянуло солнце, и весенний лес засверкал тысячами искр. В каждой капле отражалось солнце; его лучи косо падали на мох, отбрасывая на него темные тени деревьев. Хеддер забрался в машину, завел мотор и не спеша поехал к дому.

Вечером, после ужина, его начала помучивать совесть. Нет, это все-таки нехорошо: воспользоваться беспомощностью Холмского и взгромоздиться на трон Торварда, не дав своему нынешнему патрону ни единого шанса. Надо хотя бы попытаться раскрыть его глаза на действительное положение дел, подсказать тот выход, коего он, по-видимому, так боится. Крутясь ночью в постели без сна, Хеддер твердо решил, что поедет завтра в Хеймсстадир и попытается втолковать Холмскому свои мысли об идеологии.

Но этой благородной затее суждено было благополучно провалиться. О буддизме Холмский и слышать не хотел. Хеддера допустили к Верховному Министру, как обычно, без вопросов и возражений. Глава государства сидел в гостиной. Лицо его было мрачнее всяких туч. Когда Второй Министр вошел в комнату, он поднял голову.

– Добрый день! – приветствовал его Хеддер.

– Да уж куда добрее! – сардонически ответил тот. – Такой добрый, аж противно. С чем пожаловали?

– С рассуждениями о религии.

– О буддизме?

– Совершенно верно. Вы, как всегда, проницательны. – Хеддер сел без приглашения.

– Менять веру я не собираюсь, это точно! – заговорил Холмский. – Ни за какие блага не пойду на такое безумие!

– Но это вовсе не безумие! Поймите, что это единственный способ сплотить верных Хейму людей. Другого просто нет.

– Я согласен, что наш остров это действительно сплотит. Только вот непонятно, зачем ему то, чем он и без того обладает. А вот как отнесутся к этому на других островах Архипелага?

– А как вы думаете?

– Отрицательно! Вот вы призываете меня что-то понять – теперь и я призываю вас к тому же. Гогланд наполовину принадлежит адептам прежней веры, Сескар – еще больше. Мало того, что принятие новой веры отбросит от нас земли на континенте, это еще и саму Хеймингию, сам Архипелаг расколет! Это же катастрофа!

– А на что ваша власть здесь? Почему вы не можете принудить их к повиновению?

– Что?! Воевать с собственным народом?!

– О Небо, да нет же! Просто игнорировать недовольство какой-то части населения, вот и все.

– И это кончится тем, что я окончательно и безнадежно потеряю всякие шансы быть снова избранным.

– Да почему?

– Потому что никто не захочет за меня проголосовать, это же очевидно.

– В том-то все и дело, что нет! – горячо возразил Хеддер. – Уж я-то знаю! Понимаете, все ждут от вас чего-то нового, но прежде всего – нового мировоззрения. Нужна идеология! Дайте же ее людям!

– Прекрасно, но почему вы так настаиваете на буддизме?

– Потому что не хочу придумывать новую идеологию. Ведь гораздо удобнее воспользоваться готовой, правильно? И потом, придумать все заново у нас как-то не очень получается. На Котлине еще со времен Максимилиана Стейнгримссона пытаются ввести новую, реформированную национальную религию, храмов понастроили, книг понаписали, с пантеоном разобрались, жрецов обучили – и что? Уйму трудов, средств и времени положили, а эти новые храмы как стояли пустыми, так и стоят, между тем как буддистам двух молитвенных залов в столице Котлина уже мало. А ваши же собственные усилия по наведению порядка с пантеоном? Они что, разве дали какой-то осязаемый результат? Это разве вас не убеждает?

– Нет, не убеждает. Я думаю, что это все – не более, чем мода, а мода скоро пройдет. Кроме того, я полагаю, что эти ваши буддийские проповедники – просто весьма богатая публика, у них, видимо, есть деньги

на приобретение двух домов на Котлине и на строительство храма в Хеймсстадире.

– Вовсе нет! Им все эти средства подарены! Это пожертвования!

– И все-таки это излишне рискованный шаг. Он слишком опасен не только для всего Хейма, но и для Хеймингии. Это действительно может грозить распадом Архипелага, а тогда нашему государству конец.

Хеддер вздохнул.

– Поймите же, конец государству придет, если вы не примете во внимание то, о чем говорит вам само общество. Буддисты не потому популярны, что богаты, а потому, что в их идеологии отражаются изменения в самом же обществе. Определенные социальные слои – и влиятельные слои, скажу я вам! – нашли в Дхарме Будды отражение собственных мыслей, слова буддийских монахов созвучны тому, что кипело в душах простых торговцев, владельцев мастерских или кораблей и не находило слов. А тут слова появились! Как можно это игнорировать?

Но переубедить Холмского оказалось невозможно. Наконец, Хеддер со вздохом встал. Нет, Верховного Министра не переспоришь. Ну почему он настолько упрям?!

– Ладно, – сказал он, – поеду я лучше домой. Всего наилучшего!

Он с поклоном вышел.

«Почему все-таки Холмский так упрям?» – раздумывал Хеддер, сворачивая с Речной набережной на шоссе Хеймсстадир – Киркорви. Беседа с Верховным Министром обозлила его, но в то же время порадовала. Упрямство Холмского было необъяснимо, тем более, что оно обрекало его на грандиозный провал на выборах, и непонимание им этих элементарных вещей раздражало Хеддера. С другой же стороны, Хеддер мог с полным правом этому радоваться, ибо в таком случае он со своей программой был обречен на успех и просто не мог проиграть. Именно для того, чтобы успокоить эти странные чувства, он и решил ехать домой более длинной дорогой, раза в два длиннее обычной.

Колеса тихо шуршали по влажному бетону. В воздухе, нагретом солнцем, висел запах свежей земли, травы. Негромкая музыка из приемника смешивалась с чириканьем птиц. Раздражение Хеддера стало постепенно утихать. Он сбавил скорость и ехал теперь, то и дело отвлекаясь от дороги – посмотреть на барахтающихся в высохшей пыли воробьев, прислушаться к синичьему писку в придорожных серых ивах.

Домой он доехал, уже совсем успокоенный, но очень голодный. Слуги быстро собрали ему в столовой обед. Во время обеда Хеддер решил, что завтра же поедет в избирательный комитет и подаст все необходимые документы для регистрации себя как кандидата в Верховные Министры. Не очень хотелось, конечно, тащиться завтра снова в Хеймсстадир, но ничего

не поделаешь. Зато останется больше времени для бесед с избирателями. Расправившись с обедом, он заперся в кабинете, запретив беспокоить себя, и весь остаток дня оттуда доносился стук пишущей машинки, изредка сменявшийся тихим шорохом шагов по ковру. Только перед ужином Хеддер вышел из кабинета. Вид у него был несколько утомленный, но довольный, а на столе в кабинете осталась лежать небольшая пачка листов – его программа, несколько статей для газет и краткий набросок выступления по радио. На следующий день он, как и обещал себе, съездил в столицу, подал документы, а вернувшись домой, налил себе бокал вина, включил музыку, сел в кресло-качалку и задумался. Ждать – все, что ему оставалось.

Ждать, впрочем, пришлось недолго. Уже на следующее утро, едва только он проснулся, в дверь позвонили. В прихожей послышались голоса, а потом в дверь спальни постучался дворецкий:

– Сударь, к вам пришли корреспонденты!

– Корреспонденты? Откуда?

– Из «Хеймсстадирского экспресса».

– Будда Благословенный, что за манера – ходить в гости по утрам?! Ладно, скоро выйду. Пусть подождут в гостиной.

Хеддер наскоро умылся, оделся и вышел в гостиную. Там сидели, развалившись в креслах, два типа, оба тощие, высокие, в несколько потрепанных костюмах. «Типичнейшие репортеры!» – брезгливо подумал Хеддер. У одного из них в руке был маленький диктофон, у другого висел на шее фотоаппарат. Когда Второй Министр вошел в комнату, оба вскочили, обрушили на него шквал приветствий, на который он ответил легким кивком головы. Устроившись в кресле-качалке, он невозмутимо спросил:

– Итак, господа, чем могу служить?

– Мы хотели бы задать вам несколько вопросов, – начал тип с диктофоном.

– Да? Серьезно? – сардонически ответил Хеддер. – Кто бы мог подумать! Что ж, задавайте. – К репортерам он относился скептически, то есть просто их не любил. Однако в данной ситуации они были весьма полезны.

Репортер включил диктофон и начал:

– Какова ваша предвыборная программа?

– Она проста, – ответил Хеддер. – Коротко ее можно выразить одной фразой: дальнейшее усиление централизации, концентрации власти в Хеймингии, то есть в островной части Хейма.

– В ущерб другим территориям?

– Не совсем. Мне как Второму Министру хорошо известны процессы, происходящие в государстве, и из них самый заметный – это отток населения с континента на Архипелаг. Континентальные города

обречены на постепенное угасание. Этот процесс резко усилился в отделившихся городах, в остальных он происходит медленнее, но все равно происходит, и это рано или поздно приведет к тому, что Архипелаг станет единственным – или, во всяком случае, самым главным – районом расселения хеймингов.

– Ходят слухи, что вы благоволите к буддистам. Это правда?

– Это правда. Более того, я намерен, став Верховным Министром, объявить буддизм официальной религией Хейма. Это поможет ускорению процесса централизации. Нашему обществу необходима новая идеология, а буддизм прекрасно сможет исполнить роль таковой, тем более, что взять готовую идеологию и приспособить ее к нашим условиям куда проще, чем изобретать что-то новое. Он, в сущности, лишь отражает то, о чем думает большинство народа, поэтому не принимать его во внимание было бы просто глупо.

Далее было задано еще много вопросов, менее существенных, чем предыдущие, но отвечать на которые Хеддеру все же пришлось. Его раздражала некоторая назойливость репортера, кроме того, он хотел есть.

Наконец корреспонденты встали, сфотографировали Хеддера, распрощались и ушли. Тот с огромным облегчением вздохнул и решительно двинулся в столовую.

Правду говорят: беда не приходит одна. Интервью с Хеддером, опубликованное в «Хеймсстадирском экспрессе», вызвало такой всплеск интереса ко Второму Министру, какого он и сам не ожидал. Уже на другой день после публикации к нему в дом ворвались еще три беды – то есть журналиста – и обрушили на него целую лавину разных вопросов. Большей частью, увы, глупых. Дальше – больше. Репортеры наглели, и Хеддер стоически все это терпел – а куда денешься? Вопросов больше всего задавали о религиозных планах, и на все приходилось подробно отвечать. Впрочем, Хеддеру это начинало даже чем-то нравиться. Действительно, приятно, когда не только журналисты и политики, но даже каждая домохозяйка повторяет твое имя с выпученными от изумления глазами. Такие глаза он видел на пресс-конференции, которую он в конце концов устроил, чтобы немного усмирить осатаневших представителей средств массовой информации.

Такой смелости до Хеддера не позволял себе еще никто. Покуситься на основу основ – на богов, на духов, на культ великих Фомы и Торварда, на веру Пяти Родов Оккервиля! Неслыханно! Хеймингское общество моментально разделилось на сторонников и противников Хеддера – невозможно было не откликнуться на такой, смелый до наглости вызов. И число сторонников, по подсчетам социологов, росло. Происходило это в значительной степени за счет иммигрантов с континента, которым Хеддер

обещал немалые льготы, но которые ехали на Архипелаг даже не столько из-за льгот, сколько из-за идеологии – Хеддер уже начал, хотя и в небольших масштабах, проводить в жизнь свою программу. Остальные претенденты могли теперь только смотреть на него и завидовать. Это они, собственно, и делали. А среди них были те, кто серьезно опасался прихода к власти Хеддера – правители городов.

XXI. ЗАГОВОРЩИКИ

Всякая развитая структура в процессе эволюции обязательно проходит через ряд кризисов, вызванных силами и событиями внутри нее же самой. Они провоцируют ее на саморазрушение, и она вольна либо поддаться соблазну (тогда ее ожидает смерть), либо не поддаться ему и, пройдя через горнило явной или неявной войны, возродившись, как феникс, из пепла, продолжать существовать – до нового кризиса, до нового соблазна. Соблазна, которому рано или поздно она все равно поддастся.

Даниил Месембрит. «Кибернетическое государство»

Как раз тогда, когда Второй Министр давал пресс-конференцию, в доме штадтгальтера Котлина между Инноловым и Иголиным происходил такой разговор.

– Как вам нравится поведение нашего достопочтеннейшего Романа Карловича? – не без сарказма поинтересовался Иголин, прохаживаясь по застекленной веранде.

– Чудовищно! – вздохнул Иннолов, рассеянно созерцая открывавшийся с веранды вид каменистой западной оконечности острова. – Он, видимо, не понимает, на что покушается. Если все то, что он рассказал журналистам про свои планы, правда, тогда ни одна торговая гильдия не пойдет за ним, а пойдут только низшие слои населения, и кончится все это расколом и крахом Хейма. И куда он, интересно, намеревается девать наших отечественных богов, хотел бы я знать?!

– На свалку их, куда же еще! Ах, как нехорошо! Вы, кажется, говорили с ним об этом приватно?

– Говорил, да что толку! Даже и слушать не захотел. Упрям, как… как… э, да что там говорить! – Иннолов раздраженно махнул рукой. – И хуже всего то, что очень многие поддерживают его с большим энтузиазмом! Тьфу! Локи надоумил Холмского с присными своими придумать новую конституцию! А нас с вами, – и он обвиняюще указал пальцем на собеседника, – Локи надоумил ее подписать! Все теперь зависит не от Совета, а от Сената, в котором мы никакого влияния не имеем!

Иголин же, в отличие от Иннолова, был спокоен и даже задумчив.

– Как бы нам этого красавца приструнить, а? – пробормотал он наконец, поглаживая подбородок.

– То есть?

– Я имею в виду, – задумчиво, обращаясь как бы к самому себе, продолжал Иголин, – что лучше всего было бы сорвать выборы. Устроить, скажем, небольшую свару – с легкой стрельбой и некоторым количеством крови…

– Ну да, – продолжил сардонически Иннолов, – а когда все откроется, нас непременно отправят на Нерву! Гениально!

Иголин проигнорировал сарказм:

– Лучше всего, разумеется, будет, если это сделают другие.

– Кто?

– Ну, например, «малые» штадтгальтеры… А еще лучше, – воскликнул он вдруг, просияв, – койвистинцы! Вот!

– Койвистинцы? – непонимающе переспросил Иннолов. – А они-то тут при чем?!

– Как при чем? Вы разве не слышали, что Эйно Мерилода вернулся в Суолайтури?

– Мерилода? Здорово! Где же его леший носил столько времени?

– Понятия не имею. Думаю, этот вопрос следует адресовать непосредственно самому лешему, носившему его. В любом случае он может быть весьма для нас полезен.

– С какой это стати?

– Он безумно популярен на Исо-Койвисто. Остров этот, правда, почти обезлюдел в результате гражданской войны и вторжений с материка, но народу там пока еще вполне достаточно, чтобы помочь нам организовать небольшую смуту в Хеймсстадире и предотвратить победу Хеддера.

– Да уж, это верно. Если Верховным Министром станет наш рыженький толстячок, о всяческой свободе придется забыть. Это будет хеймингский Аарне Виртанен – такой же тиран, но только имеющий в руках все силы Хеймингии. Нет, что ни говори, а вы правы: Холмский лучше. Хотя, думается мне, известная, пусть небольшая, доля авторитарности ему бы не помешала. В этом случае он мог бы просто отменить выборы и оставаться Верховным Министром неопределенно долгое время. Он правильно сделал, что избавился от «малых», но популярности ему это, понятное дело, не прибавило.

– Верно! – продолжил за него Иголин. – И теперь мы вынуждены изыскивать способы наилучшего исполнения преступного деяния, чтобы избежать крушения системы привычных свобод по милости потенциального правителя Хеймингии – конечно, если он придет к власти. А если деяние нам удастся, это повлечет насилие со стороны нынешнего правителя! – закончил он с оттенком легкого удивления в голосе, словно сам поразился им же сделанному выводу.

– Да-а! – протянул Иннолов. – Ситуация, однако!

– Это точно. Абсолютно безвыходная. Хоть плачь.

– Плачем делу не поможешь. Стены «Камня Торварда» слезами не прошибешь. Из всех зол придется выбирать наименьшее.

– Весь вопрос в том, какое из них – наименьшее, – вздохнул Иголин. – Таково, по моему мнению, то, которое не влечет в дальнейшем развития авторитарных тенденций в Хейме.

– Согласен, – печально ответил Иннолов. – Только вот самое мерзкое – то, что развитие оных тенденций, мне кажется, в равной степени вызывается всеми вариантами развития событий.

– Может быть. Но лично я никогда не прощу себе, если ничего не сделаю для спасения Хейма.

– Согласен. Лучше жить с Холмским, чем с Хеддером, это верно, тем более, что Холмский симпатичен мне как человек. Но только как же мы воспользуемся койвистинцами для создания беспорядков в столице?

– Полагаю, – задумчиво промолвил Иголин, глядя рассеянно в потолок, – полагаю, что сначала надо связаться с Мерилодой, а там видно будет. Да и вообще, я не настаиваю именно на этом способе. Еще неизвестна обстановка на Исо-Койвисто, неясно, насколько он оправился после гражданской войны, неясно, наконец, как сам экс-адмирал отнесется к такому предложению – организовать беспорядки в Хеймсстадире. Многое предстоит разведать. Но этот вариант, думаю, не следует упускать из виду.

– Верно. Только вот…

– Что?

– Пришла мне сейчас в голову такая мысль: что, если Холмский, невзирая на беспорядки, все же не отменит выборы, а просто перенесет их? А может быть, даже и переносить не станет.

– Ну, что же, тогда нам с вами останется только подать в отставку. Однако, не будем говорить о грустном, это портит аппетит. Пойдемте-ка лучше к столу. Прислуга, кажется уже накрыла стол к обеду.

За политическое влияние в Хейме в это время боролись три группировки. «Партия науки и прогресса», возглавлявшаяся штадтгальтером Хирвисаари и крупным торговцем Магнусом Ронковичем, была в последние годы правления Холмского наименее влиятельной из всех, несмотря даже на то, что социальной опорой ее были верхние слои хеймингского общества – главным образом крупные торговцы. Основными требованиями сторонников

Ронковича были отказ центральной власти от какого-либо идеологического регулирования жизни Хейма, предоставление торговым корпорациям и промышленным союзам полной свободы действий вне Хейма, то есть в хеймингских колониях, и ограничение роли государства только военными, судебными и полицейскими функциями. Политические аналитики того времени (даже симпатизировавшие этой группировке, такие, как Диана Дорвик или Олаф Версович) неоднократно и настойчиво указывали, что полная реализация этой программы в случае, если бы на выборах победил не Хеддер, а Ронкович (не набравший и пятнадцати процентов голосов), привела бы не только к свертыванию деятельности институтов социальной поддержки, что само по себе уже чревато кризисом, но и к неуправляемому росту колоний и факторий, свободных от власти Хеймсстадира; результатом этого было бы «размывание» Хейма и конечный его крах.

«Лига Фомы и Торварда», во главе которой стоял правитель Лаутаранты, бывший жрец святилища духа Фомы на Котлине Гай Хьяльмарссон, опиралась главным образом на штадтгальтеров, армию, беднейшие слои населения Хейма и жрецов традиционных культов, а кроме того, ей симпатизировали и оказывали поддержку некотрые представители хеймингской аристократии – отпрысков Пяти Родов Оккервиля. […] Сторонники этой партии хотели видеть Хейм централизованным государством с сильной исполнительной властью и мощной армией, с помощью которой можно было бы распространять власть Хейма на сопредельные страны и удерживать их в повиновении, а сам Хьяльмарссон в частной переписке признавался, что желал бы для своей страны монархического правления. Но еще достаточно свежа была в памяти хеймингов печальная участь Койвисто, которым так восхищался близкий друг Хьяльмарссона Максимилиан Стейнгримссон, и это не дало партии возможности прийти к власти, хотя она и набрала на выборах почти треть голосов…

Наиболее активной поддержкой среди хеймингов пользовалась группировка «Порядок и управление», формальным лидером которой был Арвид Малевич, а духовным руководителем – Роман Хеддер. В сфере внутренней политики основными пунктами программы этой партии были упразднение системы штадтов и

Совета штадтгальтеров и передача верховной власти в руки Сената, а в области внешней политики – дальнейшая колонизация новых земель под руководством Верховного Министра…

...Особое место в политической системе раннего Хейма – перед упразднением системы штадтов – занимали так называемые «свободные штадтгальтеры», не поддерживавшие открыто ни одну партию, – такие, как Олег Иголин, Владислав Иннолов…

(История Великого Хейма: Учебник / Под ред. акад. М. Сильвия Сцевина и проф. Э. А. Саарлахти. Издательство Университета Сегоярви, LXI, с. 73, 75).

XXII. ИСКУШЕНИЕ

Шагнув за ворота предместья, гляжу вперед
И только и вижу холмы и надгробья в ряд.
А древних могилы распаханы под поля,
Сосны и кипарисы порублены на дрова.

Неизвестный автор эпохи Хань

В эти дни по шоссе Валланлинна – Суолайтури шел человек. Он устало брел по обочине к морю, спотыкаясь на выбоинах – во время гражданской войны дорогу разбили, а восстанавливать ее было некому. Человек был одет в длинный, до пят, забрызганный снизу грязью плащ с капюшоном, надвинутым на голову так, чтобы скрывать лицо. Этот человек был экс-адмирал Койвисто Эйно Мерилода. Он возвращался из бывшей столицы в порт. В Валланлинну он ходил просто ради интереса, ибо за несколько дней, прошедших после возвращения, вообще никуда из дома не выбирался.

Остров произвел на него очень тяжелое впечатление. Уже за Сейвисто, еще на континенте, ему стали попадаться на дороге сожженные, обезлюдевшие деревни; на дорогах кое-где еще валялись человеческие кости, ржавое оружие. И чем ближе к Койвисто, тем чаще все это встречалось. На самом Исо-Койвисто было еще хуже. Перебравшись через пролив Койвусалми, Мерилода вышел на остров в таком месте, от которого до дому предстояло пройти почти через весь Исо-Койвисто. На пути адмирал не встретил ни одной неразрушенной деревни. Над пепелищами, как надгробные памятники, торчали почерневшие печи. В одном из селений на угольях спаленной усадьбы ржавела старая машина. Лишь на одном-единственном хуторке, не уничтоженном войной, он встретил слепую старуху, и она рассказала ему обо всем, что произошло после его отъезда – и о перевороте Ринталы и бегстве князя, и о последовавшей за этим гражданской войне, о зверствах мародеров, о разорении острова континентальными племенами. Мерилода слушал, и волосы у него на голове шевелились от ужаса перед кровавой фантасмагорией, которая творилась здесь так долго.

Суолайтури встретил его огромным пепелищем – здесь когда-то стоял великолепный деревянный дом, служивший резиденцией мэру города. Даже время не смогло полностью смыть копоть с руин дома, и лишь кое-где на развалинах пробивалась трава. В порту не было ни души. У разрушающихся причалов ржавели несколько полузатопленных барок. Вокруг простирались громадные пустыри, заваленные обломками кирпича,

ржавым железом, кусками гнилой древесины и прочим хламом. Не была захвачена ни пунасаарскими бандитами, ни варварами с материка только одна из окраин города, та самая – о счастье! – где находился дом адмирала. Этот район почти совсем не пострадал, и старый дом Мерилоды выглядел точно так же, как много лет назад, словно ничего не случилось, и кусты смородины были такими, как всегда, и дымок поднимался из трубы. Радости дворецкого в тот день не было предела. Вся прислуга давно разбежалась, и только он один все эти годы хранил дом. Он при виде хозяина просто сбился с ног и все бегал по дому, не зная, как лучше устроить Мерилоду, и то и дело утирал с глаз слезы тыльной стороной ладони. Да и сам адмирал был не в лучшем состоянии: в ту ночь его подушка стала влажной.

Возвращение Мерилоды вызвало у горожан бурю эмоций. Его, оказывается, все эти годы не забывали, и на следующее же утро вся улица перед его домом была запружена народом. Адмирал смотрел на людей, и душу его охватывал ужас. Перед ним были нищие! Это были большей частью больные, истощенные люди, одетые во что попало. И самое страшное – на всех лицах читалась полная и безвыходная безнадежность, с которой люди давно уже, кажется, смирились. Они, как выяснилось, кормились рыбной ловлей, огородами, охотой. Промышленное производство было, судя по всему, давно и основательно забыто, обходились примитивным ремесленным. Удивительно, как быстро могли люди опуститься до такой невообразимой дикости. Мерилода говорил с ними, а в душе его нарастало отвращение, и он испытал огромнейшее облегчение, когда удалось наконец от них отвязаться. Совершенно непонятно, чего же они от него, собственно, хотели. Они, видимо, рассчитывали, что Мерилода совершит чудо, и былое благополучие каким-то непостижимым образом опять вернется. Впрочем, это все – лишь первое впечатление. Надо бы побродить по острову, побеседовать с жителями и тогда уже оценивать ситуацию на Исо-Койвисто. Но это потом. После.

В течение двух недель адмирал не выбирался из города и старался вообще поменьше выходить из дому, хотя с людьми общаться приходилось. Общение, правда, не было уж очень утомительным, – всех жителей оставалось здесь сотни полторы-две, не более, – но все-таки довольно неприятным. И только сегодня он решил совершить путешествие в бывшую столицу бывшего княжества Койвисто.

Валланлинна произвела на него такое же тяжелое впечатление: одичание, тишина, разрушенные дома на окраине, вырубленные сады. Неплохо сохранился центр города, только княжеский дворец был серьезно поврежден: башня и прилегавшее к ней крыло лежали в руинах, сильно пострадала центральная часть, и лишь дальнее крыло, где находились княжеские покои, было еще пригодно для обитания. Правда, обитал там

теперь не князь, а узурпатор и преступник Тимо Ринтала. Ринтала принял Мерилоду приветливо, но в приветливости этой невозможно было не ощутить некоторую, неплохо, правда, скрываемую, холодность – неудивительно, ведь самозванцу, не пользовавшемуся народной любовью, не очень приятно было иметь в пределах своего государства такого героя, как Мерилода. Впрочем, пределы государства Ринталы были намечены очень смутно: Пунасаари подчинялся ему чисто формально, фактически же принадлежал Хейму, а из Суолайтури, как Мерилоде рассказывали, за месяц до его прихода с позором выставили валланлиннских посланцев, явившихся туда в очередной раз наводить свои порядки. Так что сам Ринтала адмирала не особенно занимал. Мерилода с интересом шел по дворцу; печальный это был интерес! Сколько знакомых комнат! Вот та самая, в которой состоялись последние два разговора с Виртаненом. О боги, как все здесь изменилось! Ничего не узнать.

Ринтала водил его по дворцу и что-то рассказывал, но адмирал слушал его рассеянно и отвечал невпопад. Узурпатор наконец заметил это и поспешил распрощаться с Мерилодой, и тот с немалым облегчением в душе вышел из дворца. Тут перед ним встал вопрос: куда направиться дальше? Он решил заглянуть в Военное ведомство, заранее, правда, зная, что там увидит. Его предположения оправдались: часть здания служила жилищем каким-то людям, часть – складом (вернее было бы сказать – свалкой) непонятно каких вещей, часть просто была предоставлена в распоряжение всех стихий природы. Во дворе здания была протянута между деревьями веревка, на ней сушилось белье. Мерзкое зрелище!

Неприятно было то, что за ним по пятам ходил конвой. Зачем? Очень нужен этот конвой! Кто на адмирала мог здесь напасть? Или охрану приставили, чтобы сам адмирал не сделал, чего не надо? Пожалуй, что так. Как бы там ни было, когда конвоиры на границе Валланлиннской долины оставили его, Мерилода повеселел. Ненамного, впрочем. Веселиться было особо не с чего. Накрапывал мелкий дождь, тучи едва не задевали за вершины сосен, в лесу висел серый туман, и от этого было промозгло и сыро. Дорога была совершенно разбита постоянным передвижением войск туда-обратно во время войны, так что некогда лучшее во всем Койвисто шоссе превратилось теперь в обыкновенный проселок, грязный и совершенно раскисший от шедших уже вторую неделю дождей.

И вот теперь адмирал медленно возвращался домой, стараясь обходить лужи и совсем не смотря по сторонам. Когда он в последний раз ездил по этой дороге? Укко и Рауни, как давно! Раньше шоссе было оживленно, а теперь Мерилода за все время пути не встретил на нем ни одной живой души.

Сегодня ему перед прогулкой в Валланлинну сделали странное предложение. Утром к нему домой явился хорошо одетый субъект, назвался представителем штадтгальтера Терийоки и предложил ему – ни больше, ни меньше – организовать кровопролитие в Хеймсстадире. Мерилода хотел было поначалу дать ему хорошего пинка и вышвырнуть за дверь, но субъект говорил так убедительно и уверенно, так миролюбиво и благожелательно, что это угасило гнев адмирала, и он решил все-таки выслушать хейминга до конца. А тот, видя это, начал такими красками расписывать все блага, какие получит Мерилода, если согласится, так убеждать в выгодности и безопасности предприятия, что человек, более доверчивый, чем адмирал, согласился бы на все, не задумываясь. Но адмирал был недоверчив. Он вежливо выпроводил «представителя» и стал раздумывать. Хейминг тогда сказал, что придет снова на следующее утро, и просил Мерилоду поторопиться, ибо скоро уезжает. Так что на размышления адмиралу оставались сутки – времени более, чем достаточно.

Первое, что заметил Мерилода – то, что «представитель» действительно был хеймингом и, вполне вероятно, вправду имел непосредственное отношение к правительству одного из штадтов – хейминг говорил на хорошем финском, но все же с явным хеймингским акцентом; черты его лица были типично хеймингскими; он был важен, холен, отлично одет, и костюм его был очень похож на те, которые носили средней руки чиновники из правительств штадтов. Но предложение было все-таки чрезвычайно странным, и адмирал терялся в догадках, с чего бы им вдруг понадобилось устраивать смуту в собственном государстве.

По дороге в Валланлинну Мерилода все ломал себе голову над этим, очень сожалея, что не знает всех событий, происшедших со времени того неудачного десанта. Пока он жил в Сабрии, до него еще доходили, хотя и со значительным опозданием, вести с Suomenlahti, но уход с Саброзера означал для него практически полную изоляцию: ни на Салаярви, ни, тем более, на Верхнюю Свирь газеты, естественно, не доходили, а купцы в такую дикую глушь не забирались. Поэтому Мерилода решил поискать в бывшей столице какую-нибудь свежую информацию. Но таковой он там, увы, не нашел – Валланлинна была так же отрезана от внешнего мира, как и Суолайтури, и лишь Ринтала на прямой вопрос Мерилоды ответил неопределенно, что в Хейме, кажется, штадтгальтеры выясняют отношения. Ничего более вразумительного адмирал так и не добился и теперь очень корил себя за то, что не порасспросил хейминга обо всем подробно.

Однако дельце подворачивалось заманчивое. Во-первых, штадтгальтер Терийоки, по словам его представителя, обещал хорошо заплатить и помочь всем необходимым для подготовки операции. А во-вторых – и это главное! – была возможность неплохо насолить хеймингам.

В адмирале снова закипала жажда мести, угасшая почти совсем во время долгого пути через всю Ингрию. Правда, работенка, если уж откровенно, мелкая. Хотя… Недаром ведь говорят, что великий и совершенный механизм запросто может развалиться от маленькой песчинки, попавшей куда-нибудь в подшипник. Только вот будет ли эта диверсия такой песчинкой? Неизвестно. Зато достоверно известно, чем кончились сражения в бухте Защитной, под Дружной Горкой, у форта Кондиниеми. Небезопасно! И достоверно известно еще, что за диверсионную деятельность по уголовному законодательству Хейма полагается смертная казнь через усекновение головы. А своя голова Мерилоде очень дорога, дороже какой бы то ни было другой, и рисковать ею не хочется. Но какое, однако, заманчивое предложение!

Так адмирал мучился между «да» и «нет», очень сильно напоминая самому себе того осла, который сдох от голода между двумя одинаковыми охапками сена. «А все оттого, что я слишком мало обо всем знаю! – думал он. – И времени на то, чтобы вытрясать из посланца необходимую информацию и потом снова думать, не остается. Трагично!».

Впрочем, даже если дело сорвется – ничего страшного. После путешествия Мерилода так устал, что не хотел сейчас вообще ничего делать. Единственным его желанием было просто спокойно жить, радуясь долгожданному возвращению домой.

Поход был невероятно тяжелым. Мерилода спешил, делая огромные переходы, почти не давая себе отдыха. В лесах лежали громадные сугробы, а на реках уже стали кое-где появляться полыньи, и адмирал предпочел более безопасный путь по суше. Движению мешал глубокий снег, приходилось проламываться через кусты, несколько раз случалось отбиваться от волков, озверевших по весне от голода, а один раз Мерилода, позволив себе уйти от реки (он шел по Свири), потерял направление, и немалых трудов стоило ему снова вернуться на правильный путь. Кроме того, очень тяжело было достать пропитание. На Свири он встретил людей лишь два раза, так что бывали дни, когда приходилось и поголодать. На берегах Ладоги было не легче. Здесь он видел живых людей только на Собольце и в Альдейгьюборге. Там Мерилода осторожно попытался выведать что-нибудь о людях, ушедших из Салаярви с Ахолой, но узнал лишь, что была здесь примерно полгода назад небольшая стычка с местными племенами. Ни каких-либо подробностей об этой стычке, ни сведений о судьбе племен, напавших на хеймингов, он не узнал. Дальше путь его до самой Невы был однообразен, а дорога по хеймингским землям оказалась легкой: голодать не приходилось совсем, да и спал он каждую ночь не в сугробе у костра под открытым небом, а в доме или, на худой конец, в сарае (хейминги, что ни говори, были народом гостеприимным).

Правда, за Сейвисто комфорт опять исчез и снова начались ночевки у костра, но здесь Мерилоду поддерживала мысль о том, что родина близко. Однако до Суолайтури он доплелся едва живой от усталости, и заниматься теперь диверсиями не очень хотелось. Единственным, что сопротивлялось этой лени, была жажда мести, но Мерилоду смущала ничтожность задания и еще неизвестность: непонятно было все-таки, зачем хеймингам это понадобилось.

* * *

Домой он вернулся, лишь когда стемнело. Велел приготовить себе ужин, а сам, раздевшись, залез в ванну. Водопровод, к счастью, еще работал, несмотря на все передряги, и даже исправно действовала водогрейная колонка; все это, когда Мерилода вернулся в Койвисто, вызвало у него немалое удивление. Впрочем, теперь он уже никаких эмоций по этому поводу не испытывал, а просто лежал в ванне, закрыв глаза, и отдыхал после путешествия. Поход в Валланлинну не был ни долгим, ни тяжелым, но очень утомил адмирала – видимо, обстановкой в столице. Всеобщая запущенность, разруха, нищета… Суолайтури еще не позволял себе так опуститься – как-никак портовый город, – а Валланлинна вырождалась явно: разбитые дороги, уничтоженные системы водоснабжения, центрального отопления, канализации, нет даже элементарного электричества, хотя когда-то столичная тепловая электростанция обеспечивала энергией весь остров. Сейчас местное население по ночам жжет свечи и лучины. Дикость! В Суолайтури, хотя он и пострадал от набегов пунасаарцев и бандитов с материка, все системы пока еще работают. Пока еще… Надолго ли?

Потом Мерилода задумался о предстоящем ему сегодня разговоре с хеймингом. Странно, неужели они там между собой перессорились? Хорошо, ежели так, но вот так ли это? Да-а, что-то совсем непонятное творится сейчас на берегах Suomenlahti!

В прихожей послышался звонок, затем голоса. «Хейминг пришел», – подумал адмирал. Точно! За дверью ванной послышался голос слуги:

– Герр адмирал! К вам пришел представитель штадтгальтера Терийоки!

– Скажи ему, пусть подождет.

Адмирал не спеша выбрался из ванны, отерся большим куском полотна, облачился в заранее приготовленную чистую одежду и направился в гостиную. Там уже сидел этот «представитель». После взаимных приветствий Мерилода предложил:

– Может быть, отужинаете вместе со мной? Ужин, кажется, уже готов.

– Да, пожалуй, это было бы неплохо.

Они прошли в столовую, где их уже дожидался накрытый стол. И здесь, когда они сели, Мерилода задал наконец так долго мучивший его вопрос:

– Скажите, почему вы предлагаете мне эту диверсию? И почему именно мне?

Хейминг глубокомысленно вздохнул, возвел глаза горе и после недолгой паузы молвил:

– Видите ли, в нашем государстве совсем недавно произошел раскол.

– Раскол? – Мерилода изумленно вытаращил глаза. – Как же это возможно, чтобы такое сильное и могущественное государство, как Хейм, претерпело раскол?

– Увы! – вздохнул хейминг. – Зигзаг истории.

– В чем же дело?

– Да, в общем, в мелочах. Малым городам надоело мириться со своим второстепенным положением в Хейме, они захотели суверенитета, а Холмский им его даровал. Скоро выборы, самые большие шансы победить на них имеет Роман Хеддер, наш Второй Министр, а он грозился сконцентрировать всю мощь и власть хеймингов непосредственно в Хеймингии…

– То есть на Архипелаге?

– Совершенно верно. Но хуже всего то, что он вознамерился объявить официальной религией государства абсолютно чуждый нам буддизм! Уверяет, что эта ересь распространяется по Хейму только потому, что отражает какие-то там «народные чаяния» или что-то в этом духе. Вот что плохо.

– Никогда не слышал об этой вере. Что это такое?

Представитель штадтгальтера Терийоки снова вздохнул.

– Ну… Как бы вам это объяснить… В общем, учат буддисты вот о чем…

Он вкратце изложил адмиралу буддийскую доктрину: четыре истины, восьмеричный путь, учение о нирване и прочее; когда он кончил, Мерилода задумчиво засопел и наконец протянул:

– М-да-а! Мрачноватая религия, ничего не скажешь…

– Это верно, – согласился хейминг.

– И все-таки, – сменил тему адмирал, – чего же вы требуете от меня? Надеетесь, что я изменю его воззрения в угодную вам сторону?

– Но я же вам объяснил вчера! Вы должны организовать диверсию. Понимаете, она должна сорвать выборы. Велика вероятность, что Холмский,

убоявшись беспорядков, отменит выборы, и тогда фантазер и потенциальный тиран Хеддер потеряет всякую надежду стать Верховным Министром.

– А если не отменит?

– Ну что ж, тогда мы, по крайней мере, будем знать, что сделали все, от нас зависящее.

– А если откажусь я?

– Вот этого вы не сделаете, я уверен! Ведь это отличный шанс испортить немало крови правительству Хеймсстадира! Не думаю, чтобы вы согласились упустить такой великолепный шанс.

– Я хотел бы не портить кровь правительству, а разом, одним ударом покончить с Хеймингией, с хеймингской государственностью, с хеймингами вообще, это вы понимаете, сударь?! – воскликнул Мерилода с горячностью, но вдруг недоверчиво спросил: – Послушайте-ка, а почему вы, хейминг, говорите со мной об этом, а?

– Ах, ну неужели непонятно? – всплеснул руками посланник. – Вам разве не известно, что Терийоки тоже вышел из Федерации?

– Нет, мне ничего не известно. Вы же знаете, я совсем недавно вернулся в Койвисто.

– Ну да… Верно… Так вот, Терийоки стал суверенным городом и терять суверенитет отнюдь не хочет, а он его потеряет обязательно, если правителем Хейма станет Хеддер. Кроме того, мало кто хочет, чтобы официальной идеологией стал буддизм.

– Та-ак… Понятно… – Мерилода задумчиво почесал бороду. – Ну хорошо, предположим, я соглашусь. А дальше что? Мне одному с этим делом не справиться, да и вообще пока не совсем ясно, что конкретно я должен делать.

– Все очень просто. Вы должны всего лишь возглавить беспорядки в Хеймсстадире. Все, что необходимо, вы получите незамедлительно.

– Хм! Не понимаю только, почему бы вам – я имею в виду, кому-нибудь из хеймингов – не возглавить эту затею? Почему вам понадобился именно я?

– Потому что вы не являетесь гражданином Хейма. Если все вскроется, то все можно будет свалить на ваши происки против Хеймсстадира, а сделать с вами ничего будет нельзя. Ну и, помимо того, в Хейме очень велика и сильна койвистинская диаспора, а койвистинцы, насколько известно, почитают вас.

– Что ж, спасибо за откровенность, – саркастически усмехнулся адмирал. – Только вам разве не известно, что мои права в данном случае эфемерны? Что такое гражданин «суверенного города Суолайтури», что его нельзя наказать по всей строгости хеймингских законов и даже строже,

учитывая, что прав у меня в этом случае много меньше, чем у гражданина Хейма? Ведь по вашему законодательству за диверсии полагается смерть, не так ли?

– Верно, но неужели вас некому защитить?

– Представьте себе, некому!

– А Ринтала?

– Ха! Ринтала! Да он властен только в Валланлиннской долине! Каким образом он сможет сопротивляться желанию Верховного Министра наказать меня?!

– Ну, в таком случае убежище вам предоставим мы. Против своих же хеймингов Министр не пойдет никогда.

– Знаете, не верится мне что-то, что это убежище будет достаточно надежным. Думаю, что спецслужбы Хеймингии все равно меня достанут, где бы я ни скрылся.

Посланец вздохнул:

– Хорошо! Так что же мне передать штадтгальтеру моего города? Вы согласны или нет?

Мерилода мягко улыбнулся и отрицательно покачал головой:

– Не согласен. Так и передайте вашему начальству.

– Жаль, очень жаль, – произнес хейминг, вставая. – Я думал, вы еще способны бороться.

– Способен, но не хочу, – ответил Мерилода и тоже встал. – Борьба мне, честно говоря, надоела.

– Ну что ж, отлично. Я уезжаю завтра после обеда. Утром зайду еще раз. Может быть, вы еще передумаете.

– Это вряд ли, – возразил адмирал и позвал слугу. Хейминг в сопровождении слуги вышел.

Мерилода был очень доволен. Хеймингам не удалось-таки втянуть его в эту подозрительную затею! Можно не сомневаться: по окончании мятежа его просто выдали бы сразу как главу и организатора бунтарей и отвели бы этим наказание от своей головы. А теперь этот фокус не удастся. Мерилода чист как стеклышко. И теперь он мог позволить себе сидеть в расслабленной позе на стуле в столовой и потягивать кофе, сваренный с сахаром и корицей.

Допив кофе, он направился в спальню, включил радио и с наслаждением вытянулся в постели. Он лежал, слушал музыку и смотрел через окно на звезды, одна за другой загоравшиеся в темнеющем небе. «Странно, – подумал он, – я за разговором даже не заметил, как небо очистилось». Эта мысль почему-то вызвала в нем приступ острой печали. «А давно ли я смотрел на небо? Давно ли был в лесу?» Да. Давно. Сегодняшнее путешествие в Валланлинну – не в счет: Мерилода

совершенно не смотрел по сторонам и вообще не замечал окружающего пейзажа. «Раньше я был внимательней». Действительно, во время походов по Ингерманландии он жадно впитывал в себя весь дух этой священной земли, опутанной снами мифов, видениями ритуалов, звенящей эхом песен… Песен… древних, меланхолических, протяжных… о боги, боги, как они великолепны! Какая песня звенит сейчас в приемнике, на знакомой волне «Кантелетар»? Что-то знакомое… очень знакомое… Особенно рефрен… Ах, ну конечно! Он слышал ее во время похода по Восточной Ингрии, из Салаярви на Свирь. Адмиралу вспомнился даже странный сон, приснившийся тогда. Словно он идет без конца по заснеженному лесу, по сугробам. Тихо вокруг. Серое небо укутывает дебри мягким пологом снегопадов, гипнотизирует маревом вьюг, вздохами крон, посвистом ветра на гребнях холмов. Но… Сон это или не сон? Нет! Нет, это все было явью, да! Мерилода слышал эту песню во время того похода, и слышал ее не раз. Странная ритмичная мелодия сама, против его воли, унесла его в море воспоминаний и грез, и вот он уже снова бредет по величественно-сонным лесам, и ветер бросает в лицо колючие снежинки, и сосны стонут от его порывов. Марево. Вокруг все укутано странной дымкой – не туманом, нет, а чем-то таким, что не позволяет ясно различить очертания предметов, не размывает их, как матовое стекло, а… даже не выразить… словно все видится боковым зрением, все слышится как бы сквозь сон. Земля сновидений – именно так лучше всего называть Ингерманландию. Она и была сновидением. Мерилода спал.

Хейминг пришел утром, перебросился с адмиралом несколькими фразами и ушел, весьма огорченный его упрямством. Уехал он из Суолайтури на машине, без особого шума. Его никто не провожал.

Адмирал же после ухода хейминга побродил по саду, потом пообедал с аппетитом, а затем отправился в лес и провел там весь остаток дня. Только сейчас, после вчерашней ночи, мучительное онемение в душе, вызванное картинами страшной нищеты и разрухи на родине, стало постепенно отпускать его. С сердца как будто медленно стаивал лед. И на душе становилось легче.

XXIII. В СТОЛИЦУ ВЕЛИКОГО ХЕЙМА

Средоточие социальных сил, где бы оно ни находилось – в столице государства, в отдаленном монастыре, в научной лаборатории на окраине провинциального городка, – это опора политической власти. Оно интересно для политика в основном тем, что там в одном месте сосредоточены как центробежные, так и центростремительные силы: первые побуждают тех, кто является носителем социальных сил, обращать их во внешний мир – и тогда мы видим решительных проповедников, идущих через пустыни, чтобы возвестить миру истину, смелых торговцев, плывущих с товарами в неизведанное пространство, чтобы найти выгоду, и мужественных полководцев, ведущих воинство по степям и лесам, чтобы обрести власть; вторые же побуждают людей, живущих на периферии, тянуться к этому средоточию всех сил общества, чтобы завладеть ими. Хейминг поднимает паруса, чтобы укрепиться на берегах Лация, а латинянин плывет по опасным волнам, чтобы завоевать себе место в хейминге ском обществе.

Роман Хеддер. «О некоторых парадоксах социологии политики»

Спровадив хейминге ского посланца, Мерилода несколько дней прямо-таки блаженствовал: покой, никто тебя не беспокоит, ночи спишь в кровати, в теплом доме, а не у костра на снегу. Погода все эти дни стояла великолепная, солнечная, и адмирал все дни проводил в лесу, где еще лежали сугробы по колено. Синий ноздреватый весенний снег был мокр и липок, он приставал к сапогам, мешая выдернуть ногу, и Мерилода возвращался утомленный, садился у камина, брал какую-нибудь книгу и целиком погружался в чтение. Время текло размеренно и спокойно.

Но пришла ему в голову как-то вечером одна мысль и все испортила. Мерилода вдруг подумал, что его хейминги могут использовать в этой афере и против его желания. Организуют в Хеймсстадире мятеж, а потом все свалят на него, на адмирала. Как он сможет отпереться? Никак! Ведь о содержании переговоров с посланцем не знает никто. А уж доказательства виновности Мерилоды они наверняка найдут.

Несколько дней мучился адмирал такими мыслями и, наконец, не выдержал. Он собрал рюкзак, взял кошель с деньгами и теперь шагал по дороге на север острова, по той самой дороге, по которой еще совсем недавно шел к дому.

Проселок, как и полагается в конце марта, раскис. Под ногами хлюпала жидкая грязь, засасывая сапоги и не давая двигаться быстро, и адмирала бесила эта медленность. Он торопился в Хеймсстадир. Когда он несколько дней назад рассказал дворецкому о цели поездки, тот сначала не поверил своим ушам, а потом чуть не на коленях умолял Мерилоду отказаться от этой мысли и не лезть самому в капкан. Мерилода не внял его стонам и все-таки ушел. Ему жизненно необходимо было знать, что же такое творится в Хеймингии, что они там готовы чуть не революцию поднять.

Стоял серый прохладный мартовский день. Серый весенний тающий снег белел в лесу. Везде, несмотря на пасмурную погоду, слышалось птичье чириканье; то и дело доносился звон ручейка, невидимого под ноздреватым, начинающим уже чернеть снегом и прошлогодними травами. Но всего этого адмирал не замечал. Ему было не до того, и главное, что его беспокоило – благополучно добрести до берега острова, не вывалявшись в грязи и не растеряв в ней же сапог. Когда он был уже на полпути к берегу, начался противный мелкий дождь, отчего стало совсем худо.

К проливу Койвусалми Мерилода вышел только вечером. Он был грязен и жутко устал и замерз. Перестукивая зубами от промозглого холода, он принялся разжигать костер, что удалось ему лишь после долгих усилий – лапник был весь мокрый. Пока адмирал возился с костром, пошел густой мокрый снег, налетел ветер и стал трепать кроны сосен, и по лесам пошел глухой мерный стон. Мерилода сидел у огня, ежась от холода и сырости. Темнело. На костре закипал чайник. Адмирал пожалел, что не успел соорудить никакого укрытия от непогоды; из-за этого теперь предстояло ночевать в сидячем положении, кутаясь в плащ-палатку. Все это напомнило ему недавний поход домой со Свири – такие же ночевки у костра, холод, голод. Только этой кошмарной сырости не было.

Завтра ему предстояло совершить опасное дело – перейти Койвусалми пешком по льду. Весенний лед был ненадежен, и неизвестно было, чем могло кончиться для адмирала такое предприятие. Впрочем, расстояние до материка невелико, около километра, так что есть все основания надеяться на благополучное завершение этого этапа экспедиции.

Ночь прошла беспокойно. Костер несколько раз погасал, и его приходилось опять разжигать. Хорошо еще, что снег кончился и стало немного посуше, но, едва начало светать, Мерилода потушил костер и двинулся дальше.

Сквозь сизоватую утреннюю дымку виднелся лес на другом берегу. Адмирал осторожно шел по льду, далеко обходя полыньи, уже в довольно изрядном количестве попадавшиеся здесь. Когда он был на середине пути, с серого неба вновь пошел снег. Опять мокрый. Поднялся ветер и стал

швырять снегом в лицо. Он нанес с материка запах гари. Шума лесов не было слышно, только снег шуршал по льду, падая, и похрустывал тихо под ногами.

Выбравшись без приключений на берег, Мерилода не стал даже останавливаться и поспешил углубиться в лес, стремясь уйти подальше от пронизывающего ветра. Продираясь по заваленной снегом тропе, он обнаружил источник запаха гари. Выяснилось, что им была небольшая прибрежная деревенька, точнее, ее пепелище. Оно дымилось, кое-где на кучах пепла еще плясали языки пламени. «Работа словен, не иначе», – решил Мерилода.

К концу дня, смертельно устав и промокнув, Мерилода выбрался-таки на шоссе Иоханнес – Сейвисто. К сему последнему селению он и свернул. Наслушавшись во время путешествия через Хейм о воздушном сообщении, он решил теперь им и воспользоваться и добирался до ближайшего аэродрома в Сейвисто.

Наутро, бредя по обочине, адмирал услышал сзади негромкий шум. Он медленно нарастал, и наконец из-за поворота вывернул большой грузовик. Он приближался, проехал, распространяя торфиновую вонь, мимо Мерилоды, и затормозил в нескольких метрах. Из кабины высунулся шофер и окликнул по-хеймингски:

– Эй, дед! Садись, подвезу!

Мерилода, ни слова не говоря, влез в кабину, уселся в мягком кожаном кресле. Поехали.

– Куда едем, дедушка? – спросил водитель – молодой белобрысый парень в кожаной куртке и холщовых брюках.

Мерилода поначалу хотел было обидеться на «дедушку», но вспомнил о своей длинной, с пробивающейся уже сединой бороде, об усталых морщинах вокруг глаз, передумал и ответил коротко:

– В Сейвисто.

– Во! – обрадовался парень. – Нам с вами по пути. Мне туда же.

– Далеко ехать?

– Да нет, часика три, может, чуть больше. Вы не спешите?

– Нет.

Разговор не клеился. Мерилода насупился и хмуро молчал; водитель, заметив его нежелание разговаривать, тоже скоро умолк. Только мотор продолжал мерно ворчать, выбрасывая на придорожные сосны клубы сизого зловонного дыма.

Дорога была неровной. Машину то и дело сильно встряхивало, и из-под колес летели тогда во все стороны брызги черной грязи. Война прошлась и по этой земле: как и в Койвисто, попадались сожженные деревни, огороды и поля зарастали сорной травой – она желтела на

проталинах, торчала из сугробов стеблями полыни и пырея, карабкалась по руинам. Земля, как и везде, пробуждалась от зимнего сна, но как страшно было здесь ее пробуждение! Водитель гнал машину так быстро, как только позволяли ухабы и грязь на шоссе. Только сейчас Мерилода заметил, что рядом с креслом у шофера был пристроен ручной пулемет.

– Оружие-то вам зачем? – спросил он.

– Опасно здесь. Очень. Вы разве не знаете?

– Нет. А что?

– Словене. Они караулят машины на этой дороге. У нас уже несколько раз случалось, что водители вместе с машинами и грузом исчезали.

– Странно. Шоссе, вроде бы, совсем не оживленное.

– Э-э, не скажите! Я из самого Иоханнеса еду, так вот, этот Иоханнес обеспечивается почти полностью из нашего Сейвисто, поэтому этой дорогой приходится пользоваться постоянно. Пока наш город подчинялся Хеймингии, караваны охранялись, да и самих словен держали в страхе – уже сколько карательных экспедиций против них было! А теперь, как мы стали независимыми, так хоть плачь – бандиты знают, что силенок у Сейвисто маловато и без поддержки центра будет худо, и наглеют день ото дня.

– Значит, Сейвисто тоже вышел из Федерации?

– Вышел.

– Хм! Как же словене узнали?

– Хель их разберет! Собака воет – ветер носит.

– Скажите-ка, а можно сейчас из Сейвисто добраться до Хеймсстадира?

– Пока еще можно. На вертолете часа четыре – и вы в столице.

– А почему «пока еще»?

Водитель вздохнул:

– Пока еще – значит, пока Сейвисто еще не разорен бандитами. Уж они-то ничего и никого не пощадят, будьте уверены. Словене, хоть и родственны нам, но ненавидят нас, наверное, больше, чем даже койвистинцев.

– За что же это?

– Да пес их знает!

Тем временем лес справа начал редеть, и машина выехала на самый берег Залива. Его льды простирались до горизонта, белые льды под серым небом. Впереди замаячила ажурная вышка с будкой наверху.

– Наконец-то! – облегченно вздохнул водитель. – Вот уже и Сейвисто!

После недолгой проверки на пограничной заставе они двинулись дальше, и скоро за завесой дождя перед ними завиднелся город.

Десятитысячный Сейвисто раскинулся широкой полосой по берегу Залива. Между соснами везде виднелись красные крыши маленьких частных домиков, прятавшихся прямо под сенью леса, как грибы. В центре, где, по традиции, располагались различные учреждения, возвышались огромные многоэтажные бетонные здания, касавшиеся вершинами, как могло показаться, низких клочковатых туч. Все это Мерилода увидел с невысокого пригорка. Машина, подпрыгивая на рытвинах, спустилась по его склону, въехала в город и, прогремев мотором по улицам, остановилась в центре.

– Ну, вот я и приехал! – сказал водитель.

Мерилода вышел из машины, огляделся и испуганно воскликнул:

– Как же я найду здесь аэродром?!

– Да это совсем просто! Вот прямо по этой улице идите, – водитель ткнул пальцем в сторону одной из улиц, – и дойдете.

Адмирал поблагодарил его и, взвалив на спину рюкзак, пошел в указанном направлении. Он шел по скользкому грязному тротуару и с беспокойством думал о том, как же он будет ориентироваться в Хеймсстадире, если даже в Сейвисто он чувствовал себя беспомощным ребенком, несмотря даже на то, что уже проходил по городу по дороге с Востока. Вокруг него в сложном порядке толпились дома, сновали люди, совершенно не обращая на него внимания, что было особенно странно Мерилоде, привыкшему к большей приветливости. Он с удивлением заметил, что за годы странствий успел забыть, что в Койвисто было когда-то точно так же. Он чувствовал себя таким заброшенным и одиноким, что на мгновение захотелось бросить все и поскорее вернуться домой, отменив поездку.

Высотные дома скоро кончились, и вместо них вокруг замелькали между деревьями коттеджи горожан. Наконец Мерилода вышел на площадь, на которой стояло большое бетонное здание в три этажа; на крыше его красовались буквы. «Аэропорт», – прочел адмирал.

Огромные залы аэропорта были малолюдны, отчего казались еще больше. Звуки гулко отдавались под сводами. Толстая кассирша, когда Мерилода протянул ей деньги и назвал место назначения, недовольно повертела марки в руках и сухо отрезала:

– На сегодня билетов нет!

– Почему?

– Нелетная погода. Могу продать на послезавтра.

– Думаете, послезавтра погода улучшится?

– Может быть.

– Ну, что ж, пусть будет послезавтра.

Взяв билет, Мерилода вышел из здания. Предстояло просидеть здесь целых два дня, и это время надо как-то занять, а первым делом, разумеется,

найти гостиницу. В этом адмиралу помогла туристическая схема, купленная при выходе из аэровокзала. К вечеру он уже нашел себе пристанище и, сняв номер в гостинице на окраине, отправился разыскивать газетный киоск. Вечером он сидел на диване в своем номере, обложившись газетами. Прочитанное ошеломляло его. Предрекаемый аналитиками провал Холмского на выборах, предвыборная программа Романа Хеддера, предстоящая смена государственной религии в Хеймингии… да, вот это жизнь! Не соскучишься! А чего стоят слухи о заговоре против Верховного Министра! Все-таки правильно поступил Мерилода, что не остался сидеть в своем захолустье. На Лавансаари в мае предвидится сильнейшая жара, и на то, какое действие она окажет на государство, Мерилода должен взглянуть сам, лично. В его душе вдруг снова всколыхнулась жажда мести, действия. Все, что будет происходить в Хеймсстадире, он должен видеть воочию. А потом надо будет проехаться по Ингрии и выяснить, что думает их население о своих колонизаторах. Может быть… может быть, есть даже шанс поднять ингерманландцев на восстание – и тогда с хеймингами можно будет покончить раз и навсегда! Адмирал пожалел, что отмахнулся от выгодного предложения терийокского посланника. Мятежный штадтгальтер мог бы предоставить ему хорошую денежную помощь, и тогда с Хеймом можно было бы легко расправиться. Жаль, очень жаль, что Мерилода упустил такую великолепную возможность! Но делать нечего. Надо теперь думать, как выкручиваться самому. Было бы весьма неплохо создать какую-нибудь, как выражаются хейминги, «антигосударственную организацию». Но, увы, нужны деньги, а где их возьмешь?

Над этим вопросом Мерилода думал весь вечер, но на ум ничего путного, к сожалению, не приходило. Проситься в услужение штадтгальтерам нежелательно – будешь пешкой в их темных играх, а от пешки в случае необходимости избавиться много легче, чем от игрока. Встает вопрос: как стать игроком? Ответ пока один: трудно. Даже очень трудно. Все упирается в деньги, и, что самое гнусное, неясно, где их раздобыть.

Наконец, измучившись и утомившись мыслями, Мерилода отбросил газеты и спустился в ресторан ужинать, а затем, угостившись куропаткой под брусничным соусом, парой бокалов легкого вина и чашкой чая (настоящего, с острова Шри-Ланка, а не тех помоев, которые под видом чая продавали в Ингрии хеймингские торговцы) решил, что утро вечера мудренее, в соответствии с чем и поступил.

Решение, как выяснилось, было принято верно. Наутро, за завтраком, Мерилоде пришла в голову гениальная мысль, гениальная настолько, что он едва не поперхнулся. Ну конечно же! Финские торговцы! В Хейме, в колониях, а еще больше в Койвисто он наслушался разговоров,

из коих было ясно, что хейминги всемерно стараются парализовать всякую неорганизованную торговлю в Ингрии, торговцев всеми силами вынуждают вступать в одну из нескольких официальных торговых корпораций. Хеймингским торговцам это выгодно – для них, особенно для граждан Хеймингии, предусмотрена масса льгот, делающих членство в корпорации вещью чрезвычайно выгодной, но для остальных торговцев условия вступления в корпорацию иначе как кабальными не назовешь. А против неорганизованной торговли принимаются самые жестокие меры, вплоть до уничтожения торговых судов, а иногда и их владельцев. И на очереди принятие таких же мер к сухопутной торговле.

Вот это обстоятельство и решил Мерилода использовать. Надо объединить торговцев под лозунгом борьбы с поработителями-хеймингами, а уж под это дело коммерсанты денег дадут, это верно. А там, глядишь, расправившись с хеймингами, можно будет и Койвисто возродить.

Эти мысли привели адмирала в великолепное расположение духа. Окончив завтрак, он решил прогуляться по улицам, осмотреть город и заодно обдумать план действий.

День выдался отличный, солнечный, теплый – полная противоположность вчерашней мерзкой погоде. Мерилода шел по улицам Сейвисто, любопытно глядя по сторонам. С тех времен, когда город был колонией Койвисто, произошло немало изменений, и адмирал, не раз бывавший здесь, с удивлением подмечал их. Город не производил теперь впечатления большого села, как было раньше. Большая часть зданий была реконструирована, в центре, где когда-то теснились многоквартирные избы, больше напоминавшие сараи, стояли теперь кирпичные строения в пять, шесть, семь этажей, и простора здесь было намного больше. Мерилода шел по тихим малолюдным улицам и не мог надивиться на город. По мостовым шелестели шинами автомобили, спешили по тротуарам люди, чья одежда неоспоримо свидетельствовала о достатке, а лица были спокойны и безмятежны.

Адмирал спустился в порт. Сейчас, в конце марта, он был еще полупуст – настоящая, полная жизнь начиналась здесь вместе с навигацией, – но отнюдь не безлюден. Рабочие уже копошились в доках, готовя корабли, причалы приводились в порядок, вокруг пакгаузов вертелись маленькие юркие автопогрузчики.

Наконец, налюбовавшись на город и заглянув из любопытства даже в местный краеведческий музей, Мерилода вернулся в гостиницу, не забыв, разумеется, накупить газет и журналов, и заказал себе кофе в номер. Затем, устроившись с чашкой кофе и газетой в кресле, задумался.

Город произвел на него впечатление несколько странное. Местные газеты упорно говорили о возрождении Сейвисто, центральные – о

вырождении, а сам город, казалось, подтверждал оба мнения одновременно. Если раньше, в койвистинский период, он был просто большой деревней без особых претензий, с грязными переулками, курами, заборами и лающими из-за них шавками, с бабами у колодцев и свиньями в лужах, то теперь, по мнению Мерилоды, он вряд ли уступал в чем-то существенном даже Хеймсстадиру, виды которого адмирал встречал на фотографиях в журналах: широкие улицы, бетонированные и во многих местах обсаженные деревьями; большие дома, магазины, машины, даже свой аэропорт; тенистые сады, тихие скверы; колодцы, судя по всему, воспринимались как анахронизм, не говоря уже о курах, свиньях и шавках; собственный краеведческий музей, экспозиции коего Мерилода нашел чрезвычайно интересными, и многое другое. Но… какой-то подозрительной была вся эта роскошь, подозрительной и, пожалуй, даже несколько фальшивой. Не раз он видел заколоченные коттеджи, большие и роскошные, но нежилые; окна домов, забитые фанерными листами; во дворах – грязные, зловонные помойки, мусор из которых не вывозился, казалось, уже многие недели. Жители, как ни странно, равнодушно пробегали мимо всего этого зловония, не обращая на него внимания. В порту Мерилода заметил старый корабль – он, полузатонувший и ржавый, стоял у одного из причалов, и никому, похоже, не приходила в голову идея убрать эту дрянь куда-нибудь подальше. Рубрики частных объявлений в газетах на три четверти состояли из опусов типа: «меняю трехкомнатный дом в Сейвисто на комнату в Хеймсстадире». Ни одного объявления об обратном обмене адмирал не нашел. Улицы были грязны, дома грязны, вообще все выглядело не очень чисто, везде сквозила какая-то неуловимая обшарпанность. Любопытно, что Мерилода заметил это еще по пути в Койвисто, но вспомнил об этом только сейчас; тогда это прошло мимо сознания. В других городах Хейма ощущение некоторой запущенности было менее сильным, но тоже было. Из всех виденных Мерилодой городов только один совершенно не производил такого впечатления – Оккервиль, вторая родина святого Фомы, цитадель Пяти Родов и колыбель народа хеймингов. Только там адмирал не встретил ни одного заколоченного дома, только его можно было назвать по-настоящему ухоженным и чистым. Но то – Оккервиль, древняя столица, о которой правительство заботится особо. Остальные же континентальные города явно вымирают, это очевидно. И какие же выгоды может Мерилода из сего факта извлечь? Видимо, есть шанс расколоть хеймингов. От нового Верховного Министра людей отпугнет и предстоящая смена идеологии, и радикальная ломка государственного механизма, и потеря многих земель на материке, и это можно использовать себе во благо, а Хеймингии, понятно, во вред. Но все опять-таки упирается в деньги. Деньги – власть, как говорят хейминги. И пока их не раздобудешь, строить какие-либо планы

бессмысленно. Поэтому адмирал выбросил из головы все размышления и углубился в чтение.

После обеда резко похолодало, на небо наползли тяжелые серые тучи, пошел мелкий снег, однако переданная по радио сводка погоды была обнадеживающей. Мерилоду это, тем не менее, не очень утешило – он по опыту знал, сколь малого доверия заслуживают как прогнозы синоптиков, так и ингерманландская погода. Он боялся, что запланированная на завтра поездка в Хеймсстадир может быть сорвана, а в столицу он рвался с каждым часом все сильней и сильней. В таком, отнюдь не радужном, настроении он поужинал и лег спать.

Спал плохо, просто отвратительно. Все время мешал шум проезжающих по улице автомобилей и бледный свет уличных фонарей. Каждая машина заставляла Мерилоду ворочаться, ворча и проклиная хеймингов. «Вот уж у нас в Суолайтури ночь – так ночь: и темно, и тихо!». Незадолго до рассвета к мертвенному сиянию люминесцентных ламп фонарей примешала свой дрожащий свет луна. Адмирал в очередной раз проснулся, вздохнул с некоторым облегчением: «Кажется, небо очистилось!» – и снова заснул.

Разбудил его шум в коридорах гостиницы – шаги, голоса, дверь хлопнула где-то. Мерилода сел в кровати, сладко зевнул и глянул на часы. Четверть десятого. В аэропорт ему – к трем, то есть у него в запасе – почти шесть часов. За окном ослепительно сверкало солнце и слышался птичий писк. На ветке березы, прямо напротив окна, висела кормушка. Вокруг нее с гвалтом и возней, отпихивая одна другую, вертелись синицы.

Мерилода отбросил одеяло, встал, оделся, умылся и скоро уже созерцал меню в ресторане. Потом, плотно позавтракав, отправился за газетами.

В них не было ничего нового и особенно интересного: обычные будничные новости, предвыборные статьи аналитиков, порция легкого зубоскальства на последней странице. Бегло пролистав газеты, Мерилода стал собираться. Неспешно уложив свои вещи в сумку, он зашел к администрации, сдал ключи от номера и отправился в аэропорт.

Людей в здании аэровокзала было ненамного больше, чем два дня назад. Впрочем, в этих залах даже такое незначительное увеличение было заметно. Времени до отлета оставалось не так уж много, поэтому адмирал решил не сдавать сумку в камеру хранения, а устроился на скамейке в зале ожидания. Однако скоро голос откуда-то из-под потолка объявил о начале посадки на хеймсстадирский рейс. Мерилода схватил сумку и поспешил к выходу на взлетное поле.

Едущих этим рейсом в Хеймсстадир было всего несколько человек. К ним подъехал маленький автобус и привез их через весь аэродром к

самому дальнему его углу, где стоял вертолет. Вышли. Столпились у трапа. Сели. Взревели моторы, завибрировал мелко и противно корпус, замелькали за илюминаторами лопасти пропеллера, и машина, плавно оторвавшись от земли, взлетела, развернулась, за хвостом мелькнули береговые леса, и внизу потянулись унылые, однообразные льды Залива. Мерилода смотрел на них со скучающим видом. Мерно гудели двигатели, и под их шум адмирала наконец сморил сон.

Разбудил его голос из динамиков, оповестивший о скорой посадке. Мерилода зевнул, протер глаза, глянул на часы и удивился: полет длился меньше часа. Потом выглянул в иллюминатор. Впереди из прочерченных полыньями и трещинами льдов поднимался остров, вздымая к небу вершины леса. Над ним в свете солнца сверкали купола башен. Это был остров Лавансаари.

Вертолет прошел над длинным узким полуостровом, как змеиный язык, врезающимся в морские льды, и полетел над бухтой. Как много лет прошло с того кошмарного дня, когда адмирал был здесь в первый и последний раз в жизни! Бухта Защитная. Вспомнив о происходивших здесь когда-то событиях, Мерилода содрогнулся.

В самой же бухте с тех времен почти ничего не изменилось, разве только стало больше кораблей у причалов, над которыми возвышалась теперь гранитная стела. На вершине ее сверкал герб Хеймсстадира.

Миновав стелу, машина пошла на снижение и скоро зависла над взлетным полем, начала медленно опускаться и, наконец, села. К трапу подъехал забавный маленький автобус и повез пассажиров к аэровокзалу.

Вокзал, в отличие от полупустого сейвистинского, был полон народу. На аэродроме оглушительно ревели двигатели самолетов, голос из динамиков что-то вещал, суетились и спешили куда-то люди. Мерилода, совершенно растерявшись в толпе, подошел, наконец, к лотку с туристическими схемами. Купив схему Хеймсстадира, он спросил у продавщицы – симпатичной улыбчивой девушки:

– Скажите, как мне отсюда добраться до города?

– На автобусе, – девица, обворожительно улыбнувшись, грациозным жестом указала в нужном направлении. – А какой район вас интересует?

– Какой-нибудь, где есть недорогие гостиницы.

– Тогда вам надо на Морскую набережную. Третий автобус.

– Третий?

– Да, третьего маршрута. С цифрой три на борту, – пояснила девушка, видя недоумение адмирала.

Через несколько минут Мерилода, зажав в кулаке билет, уже ехал, прижатый к окну, в битком набитом автобусе. Он ожидал тряски, но, к немалому его удивлению, автобус даже на такой большой скорости ни разу

не тряхнуло, и ход его был приятно плавен. Мимо проносились рощицы, заросли кустарников, карабкавшиеся по склонам невысоких плосковерхих холмов явно искусственного происхождения. По шоссе вместе с автобусом мчалось множество машин. Такого их количества Мерилоде ни разу не доводилось видеть: и легкие верткие мини-машины, и тяжелые грузовики, тянувшие за собой прицепы с громадными контейнерами, и другие автомобили – неизвестного адмиралу назначения.

XXIV. В ХЕЙМССТАДИРЕ

Величайший из городов мира – Хеймсстадир! Власть над обитаемой землей – в руках его владык. Стяг хеймингов реет над вселенной, и нет никого, кто мог бы поставить свой стяг рядом. Тысячи людей в великой столице, баснословные богатства сосредоточены в ней. В этом городе можно за несколько минут превратиться в миллионера, а можно за несколько минут потерять все. Хеймсстадир возносит тех, кто имеет смелость рискнуть всем, даже собственной жизнью, и их же он в любой момент может низвергнуть до ничтожнейшего из ничтожеств.

Вителлий Хольгерссон. «Сердце моря»

Шоссе оказалось коротким. Уже минут через пять автобус миновал перекресток, и за ним сразу, без какого-либо вступления, начались высотные дома великой столицы. Здесь, видимо, было заметно теплее, чем в окрестностях: вокруг города во многих местах еще лежал снег, а в городе снега уже не было, и на покрытых старой жухлой травой газонах кое-где начинала пробиваться свежая весенняя зелень. Машин на улицах столицы было еще больше, несметное количество пешеходов на тротуарах, роскошные витрины магазинов сверкали всеми цветами радуги, шуршали шины по мокрому бетону, слышались гудки клаксонов, шорох шагов и голоса сливались в один непрерывный звуковой фон, в который то и дело врезался рев химического двигателя громадного грузовика, проносившегося по широким улицам, обдавая прохожих зловонным торфиновым дымом. К счастью, специфический малоприятный запах торфина недолго держался на великолепных широких проспектах и очень скоро выдувался свежим морским ветром, который пролетал над ними, дергая голые ветви деревьев, крутясь в просторных и богато озелененных дворах и разбиваясь, наконец, о стены огромных домов, равнодушно взиравших на все происходящее сонными глазами широких окон, яркими золотыми бликами отражавших клонящееся к закату солнце.

Мерилода ошалело глядел на все это, дивился и не мог надивиться. За свою долгую жизнь он видел многое, но такое видел впервые в жизни. Его поражали и многолюдность улиц, и их ширина, и высота домов, и обилие зелени в городе. Улицы были щедро обсажены деревьями, чего в Сейвисто адмирал не заметил нигде, кроме, разве, окраин с садами.

Наконец водитель объявил нужную остановку. Адмирал вышел вместе с народом и, отойдя в сторонку, принялся рассматривать карту города. Он уже наметил себе гостиницу и, еще раз изучив карту этого

района, стал ее разыскивать. Вскоре, побродив по широким дворам и улицам, он нашел то, что искал. Маленькое (для Хеймсстадира) девятиэтажное здание гостиницы стояло в одном из тихих переулков, непосредственно прилегающих к территории порта. Здесь Мерилоде отвели однокомнатный номер с окнами во двор, чему адмирал был только рад – будет меньше мешать шум транспорта и уличное освещение. Заплатив за два дня вперед и пообедав в маленьком ресторанчике, адмирал поднялся к себе в номер и, развалившись в кресле, задумался, что же делать дальше.

Ситуация складывалась следующая: он, адмирал Эйно Мерилода, оказался во вражеской столице, денег у него мало, так что придется экономить на всем, а вот что делать дальше – неясно. Читать газеты? Да все уже читано, тем более, что заняться этим он мог бы даже дома, в Суолайтури. Нет, надо просто бродить по городу, прислушиваться к пересудам, ловить слухи. Надо все-таки дознаться, что у них тут происходит и какую из этого можно извлечь выгоду. Адмирал пожалел, что у него так мало денег и он не может позволить себе посидеть в роскошном ресторане, услаждая себя тонким дорогим вином и музыкой, а заодно собирая нужную информацию. Зря он, видимо, отказался от заманчивого предложения штадтгальтера Терийоки, ох, как зря! Но сделанного не вернешь, придется крутиться самому. Денег на первое время хватит, а там можно будет найти какой-нибудь заработок. Для начала же надо разобраться с той религией, которую Хеддер собирается сделать официальной… как ее… буддизм, что ли? Где-то на карте буддийский храм отмечен. Адмирал потянулся к схеме… Да, вот он, в самом центре города. Неплохо они устроились, эти буддисты! Завтра надо туда сходить. Может быть, удастся найти литературу об этом.

Приняв такое решение, Мерилода вышел из номера и весь остаток дня бродил по улицам города. Хеймсстадир с каждым часом поражал его все больше и больше. Уже начало темнеть, и адмирал с немым восторгом смотрел на разноцветные неоновые огни вывесок, ярко освещенные витрины, на уличную толчею. Послонявшись по улицам, он от нечего делать забрел в ближайший магазин, оказавшийся парфюмерным. Едва войдя, он окунулся в целое море запахов, то тонких, то сильных и резких, цветочных, мускусных, фантазийных, разных. Зеркальные полки были уставлены целыми рядами флаконов с желтоватыми, янтарными, топазовыми жидкостями, поражавших разнообразием форм и размеров: тут были и большие сосуды, высотой чуть ли не в треть локтя, и совсем маленькие, едва ли в палец высотой, сосуды цилиндрические, кубические, в виде пирамид, или параллелепипедов, или шаровидные, или уже совсем неопределенной формы, с пробками стеклянными и металлическими, одни – совершенно гладкие, другие – украшенные сложной и изысканной огранкой. Рядом с

ними, ничуть не уступая ни разнообразием, ни количеством, сгрудились шеренги маленьких баночек со всевозможнейшими мазями и притираниями – стеклянных, металлических и пластмассовых. За ними следовали большие пластиковые бутыли с многочисленными надписями; назначение их содержимого осталось для Мерилоды загадкой. На витринах под стеклом лежали разноцветные куски мыла, блестели полированными металлическими корпусами помады, пестрели разнообразием названий какие-то тюбики. Все это великолепие было освещено слабым, приглушенным светом маленьких ламп, шедшим не сверху, а откуда-то снизу и с боков. «Нашим бы женщинам сюда!» – подумал адмирал. Поглядев на посетителей магазина, он вздохнул: одеваться так в Каннасе и Койвисто не могли позволить себе даже князья и вожди племен. В помещении были в основном женщины, и Мерилода не мог глаз оторвать от них: дорогие меха – норка, песец, лиса и другие, неизвестные адмиралу – мягко переливались в слабом свете ламп, отражаемом зеркалами; поблескивали изящные золотые и серебряные украшения, немногочисленные и неброские, но выполненные с таким поразительным искусством, что у Мерилоды на мгновение захватило дух; неяркий макияж был наложен исключительно умело.

Мерилода послонялся немного по магазину, приценился из чистого любопытства к товару и вышел, наконец, на улицу. Бредя по проспекту к Морской набережной, он то и дело вздыхал. «Богато же живут, Хийси им всем с рогами! Награбили в колониях добра и живут теперь, как боги! Полюбуйтесь на них: личные автомобили, квартиры и коттеджи со всеми мыслимыми и немыслимыми удобствами, драгоценности, какими не мог похвастать даже Аарне Виртанен!» Но вместе с тем Мерилода не мог не согласиться: на всех виденных им хеймингских изделиях, будь то серьги в ушах женщин, машины, дома – на всем лежала печать некоего очень своеобразного, но утонченного вкуса. Проще говоря, то, что было сделано в Хеймингии, не обязательно было богаче и роскошнее, но обязательно было красивее и удобнее. В Койвисто даже в благополучную княжескую эпоху позволить себе жить с относительным комфортом и окружать себя красивыми вещами могли только высшие сановники и сам князь, а здесь любой, самый простой гражданин мог спокойно купить себе квартиру, автомобиль или тот же флакон духов. Да и еще надо признать, что даже лучшие произведения искусства Койвисто рядом с любой хеймингской вещицей выглядели довольно топорными.

Такие огорчительные мысли бродили в голове адмирала, пока он медленно шел по Хеймсстадиру. Наконец, оторвавшись от дум, он заметил, что вышел к реке. Эта маленькая речушка, может быть, и имела какое-нибудь официальное имя, но на схеме оно обозначено не было. В

приложении к схеме Мерилода прочел, что раньше она была всего лишь крошечным ручейком, вытекавшим из озера, но, когда началось строительство Хеймсстадира, она была расширена, а берега ее одеты гранитом. И теперь адмирал шагал вдоль перил набережной, полого спускавшейся к темной воде, в которой отражались высокие жилые дома. В них уже зажигались окна, и только сейчас Мерилода заметил, что уже совсем стемнело. Он повернулся и торопливо пошел назад.

Вечером он долго не мог заснуть и крутился в постели. В столице его поражало буквально все. Здесь все было полно странной красоты. Все, что он видел, было каким-то упрощенным, скелетным… схематичным!.. именно… но все равно великолепным. Ничего лишнего. Автомобили: обтекаемая форма, неброский цвет, минимум выступающих деталей. Здания: простые горизонтальные окна, никаких украшений – в общем, схематизм. Но зато максимальный возможный комфорт. Даже его небольшой однокомнатный номер был спланирован и обставлен настолько продуманно, что далеко опережал в этом и собственный дом адмирала, и княжеский дворец. Вот что восхищало здесь Мерилоду – удобство. Все было устроено так, чтобы служить человеку в момент надобности наилучшим образом, а когда надобность отпадала, не навязываться и не бросаться в глаза. В Ингрии так делать не умели.

И, когда он уже засыпал, в гаснущем сознании мелькнула мысль: «Вот здесь где-то, наверное, и спрятал Хийси мою душу – если только не врал сабрийский нойд. Но где?». Додумать эту мысль адмирал не успел.

На следующий день Мерилода, как и задумал, отправился в буддийский храм. Найти его адмиралу, плохо ориентировавшемуся в таком городе, как Хеймсстадир, было нелегко, но наконец храм был все-таки после долгих блужданий найден. Это было небольшое здание, облицованное серым гранитом, необычной (с точки зрения Мерилоды) архитектуры: высокие узкие окна, перед входом – портик, кровля коего поддерживалась несколькими тонкими высокими колоннами, а сверху была украшена золоченым скульптурным изображением колеса с восемью спицами и двух ланей по бокам его. Крыша храма, идеальной полусферической формы, была покрыта листами нержавеющей стали и разбрасывала блики солнечных лучей, падавших на нее сквозь ветви деревьев маленького парка, окружавшего храм. Мерилода увидел строение от ворот парка и, идя по дорожке, посыпанной гравием, вдруг заметил, что храм чем-то напоминает хеймингские фортификационные сооружения, только более приземист, а стены его совершено отвесны.

В тесноватых и полутемных сенях сидел на складном стульчике человек, чья шафранная одежда и наголо выбритая голова не оставляли сомнений в его принадлежности к буддийскому духовенству. Перед ним на

длинном низком столе были разложены книги, статуэтки, курительные палочки, расставлены чаши разных размеров и еще какие-то предметы. К этому человеку Мерилода и направился. Служитель при виде потенциального покупателя оживился, вскочил и с вежливым поклоном спросил:

– Что будет угодно уважаемому господину?

– Сколько книг у вас! – вздохнул Мерилода, склонившись над столом. – И не знаешь, что выбрать!

– Что вас интересует?

– Мне бы какую-нибудь книгу, вкратце и в общих чертах рассказывающую о вашей вере.

– Вот, пожалуйста! – Служитель взял одну из книг и с вежливой улыбкой протянул адмиралу. Тот взял книгу. Она была невелика, в черном коленкоровом переплете с вытисненным серебром заглавием.

– «Дхарма. Учение буддизма», – прочел Мерилода.

– Если уважаемый господин хочет познакомиться с нашим учением, то это лучшее, что вообще можно предложить.

– И сколько вы за нее просите?

Служитель назвал цифру. Адмирал сразу выложил деньги и, зажав книгу под мышкой, зашагал к воротам парка. В храм он решил зайти в другой раз.

Весь день до самого вечера, забыв об обеде, просидел Мерилода в кресле над книгой. Написана она была прекрасным слогом, идеи излагались глубоко и ясно, но не это привлекало адмирала. Он читал, и, чем дальше, тем больше в его душе разгорался протест против буддизма. Он не раз бросал книгу и в возбуждении начинал бегать из угла в угол, вставал у окна и прижимался лбом к стеклу, потом снова кидался к креслу и читал.

Пессимизм этой религии поражал его все больше и больше. Неужели все кругом – страдание? Неужели спасение – лишь в нирване, равнодушном отрицании мира? Не может быть! А теория взаимообусловленного возникновения, а идея мгновенности всего сущего? Чушь собачья! А уж мысль о том, что все вещи не имеют своей сущности, а представляют собой мельтешащее скопление простых атомов, существующих к тому же ничтожно малое время – это уже совсем «бред пьяного ежика в новогоднюю ночь», как выражался Тойво Ахола! Это что же, получается, что никакой души нет? А есть только это тошнотворное мельтешение? Что же тогда мог украсть у него, у адмирала, злокозненный Хийси? Тогда получается, что все нойды – мошенники, и все, что они говорят, – ложь? А как же тогда объяснить то состояние неопределенной тоски и потерянности, в котором он пребывает с того самого памятного сражения? Это ли не следствие

похищения души? Но если души нет, как тогда ее могли похитить? Где же правда?

И все же было что-то неумолимо логичное в этой теории. Хотя бы идея кармы. Любое действие имеет свои последствия. Все верно. Интересной кажется идея о переселении душ. Может быть, все, что произошло с Мерилодой с того рокового дня, когда он, разъяренный, ворвался в покои Виртанена и этим обрек себя на многолетние скитания и потерю родины – может быть, это тоже результат действия кармы. Но, с другой стороны, буддисты объявляют душу не более чем скоплением этих своих атомов, и что же тогда перерождается, непонятно.

Разум Мерилоды яростно искал противоречий в учении и каждому противоречию, каждой несуразности радовался, как ребенок – новой игрушке. Он не мог, решительно не мог согласиться с этой верой. К вечеру у него, наконец, разболелись глаза, а голод стал заявлять о себе особенно настойчиво, и книгу, дочитанную до середины, пришлось отложить, но Мерилода, ломая себе голову за плотным ужином, никак не мог понять, чем же буддисты привлекли к себе такие массы народа, что их веру собираются сделать государственной. Зато он отлично понимал штадтгальтера Терийоки, восставшего против этого чудовищного жизнеотрицания.

Ночь он провел отвратительно, снились дурные сны. А на следующее утро произошло событие, сильно смутившее адмирала.

Наскоро позавтракав в ресторане, он возвращался в свой номер и, едва вставив ключ в замок, услышал за спиной:

– Прошу извинить меня, но я имею честь видеть господина Эйно Мерилоду?

Мерилода обернулся. Перед ним стоял человек в строгом темном костюме из дорогой ткани. Он, как большинство хеймингов, был высок, с густой светло-каштановой шевелюрой и того же цвета бородкой, обрамлявшей узкое холеное лицо. Облик завершали большие очки с дымчатыми стеклами.

Адмирал с легким удивлением воззрился на господина и ответил:

– Совершенно верно, хотя не знаю, много ли чести в лицезрении моей скромной персоны.

– Хорошо, – удовлетворенно молвил человек. – У меня есть к вам важный разговор.

Мерилода сардонически усмехнулся.

– Ну, что ж, проходите.

В номере они расположились в креслах, и хейминг заговорил:

– Итак, меня зовут Снорри Кьяртанссон, и я – доверенное лицо штадтгальтера Котлина Олега Иголина в Хеймсстадире.

– И вы собираетесь предложить мне сотрудничать с вами, чтобы сорвать выборы? – с саркастической усмешкой предположил адмирал.

– С вами страшно разговаривать, господин адмирал. – В голосе Кьяртанссона прозвучало явное удивление. – Вы читаете мысли?

– Нет, мыслей я, увы, не читаю. Просто мне уже делали такое предложение.

– Да? Кто же?

– Штадтгальтер Терийоки.

– Хм! И вы, разумеется, отказались?

– Разумеется. Думаю, что они выдали бы меня правосудию, едва я исполню свою роль. На ваше предложение я не намерен соглашаться именно по этой причине.

– Напрасно, напрасно. Сколько они предлагали вам за сотрудничество?

Мерилода назвал цифру. Она вызвала у «доверенного лица» приступ презрительнейшего смеха.

– Ха-ха-ха! Кретины! И других идиотами считают. Вы правильно сделали, что отказались. Эта сумма составляет треть годового бюджета Терийоки. Понятно, что они не заплатили бы вам и десятой доли этих денег. Я уже не говорю о расходах на организацию диверсии. Ой, ну и идиоты!

– А сколько вы намерены мне предложить? – неожиданно для самого себя спросил адмирал.

– Мы? Столько же. Вот только мы эти деньги выплатим. Для Котлина это вовсе не сложно. Более того, – Кьяртанссон подался вперед и заговорил убежденно, – мы можем выплатить сумму в любом виде: золотом, монетами, банкнотами, чеками, которые вы сможете обналичить в любом отделении Государственного Банка, в виде любых товаров – земли, стройматериалов, машин, продовольствия, оружия. Кроме того, мы берем на себя все расходы по организации диверсии. Соглашайтесь, адмирал! Другого такого шанса не представится!

Так как Мерилода ничего не отвечал, сидя в кресле с задумчивым видом, Кьяртанссон встал и молвил:

– Вы подумайте, не отказывайтесь сразу. Сегодня вечером или завтра утром я найду вас, и вы, если решились, скажите только одно слово: «Согласен».

– Хорошо. Я подумаю.

– Ну, тогда до свидания.

– Всего наилучшего.

Выпроводив «лицо», Мерилода уселся в кресло и взялся было за книгу, но читать уже не хотелось. Строчки разбегались, а мысли блуждали очень далеко. Представляется такой великолепный шанс! Кьяртанссон прав:

больше такого случая не представится никогда. Неплохо бы согласиться, там более, что терять нечего – Койвисто более не существует, остров разорен, а самого Мерилоду, если он откажется, ожидает там скучное прозябание без всякого шанса вырваться из пут скуки. Хотя в случае согласия есть весьма неприятная возможность угодить на остров Нерва, а это означает смерть. Дело в том, что хейминги, вызудив из Койвисто жизнь, быстренько прибрали к рукам финские поселения на островах Suomenlahti, а на Нерве организовали специальную тюрьму для особо опасных преступников, для смертников. Охранялась она так, что возможности сбежать оттуда не было никакой. Если человек ступал на землю Нервы, это значило одно – его там продержат некоторое время, пока рассматривается апелляция, в случае вынесения смертного приговора автоматически подаваемая Советом по помилованиям, а затем, когда апелляция не будет удовлетворена (иных прецедентов еще не случалось), приговоренного уничтожат отсечением головы или введением летальной дозы морфия. Адмирал наркотиков не любил, а их летальных доз – и подавно, зато очень любил жизнь, особенно свою, а вот вероятность оказаться на Нерве была неприятно велика. Но зато какие радужные перспективы открываются в случае удачи, великие боги! Это огромные деньги, которые так нужны для организации финских торговцев, да к тому же сильнейшая дестабилизация обстановки в Хеймингии! Кроме того, даже если затея провалится, Ингерманландия велика, а пустые земли – еще больше. Есть где спрятаться. Но, с другой стороны, хейминги злопамятны, и сколько придется сидеть в лесах – если, конечно, еще удастся туда убежать – неизвестно. Неопределенно долго. Это же кошмар – может быть, всю жизнь скрываться среди невообразимо диких ингрийцев или еще более диких варваров из пустых земель под чужим именем, со страхом вглядываясь в каждого случайного прохожего! Хейминги настырны, из-под земли достанут.

Весь день до самого ужина мучился Мерилода между двумя вариантами, между «да» и «нет». Оба стремления были одинаково сильны, но и таили в себе серьезные опасности. Тоже одинаково сильные. И все же, когда вечером коридорный позвал его к телефону и адмирал услышал в трубке голос Кьяртанссона, то уста его сами произнесли:

– Я согласен.

«Согласен». Пути к отступлению теперь не было. Мерилода сделал выбор и решил, что пойдет по этому пути до конца. Жребий брошен, как говаривал когда-то один великий человек (умерший, правда, насильственной смертью).

– Отлично! – послышался голос в трубке. – Давайте тогда встретимся сейчас и обсудим детали нашего плана. У вас есть сейчас время?

– Да, я сейчас свободен, – бесцветным голосом произнес адмирал.

– Тогда я жду вас на набережной.

Кьяртанссон вкратце объяснил, где он будет ждать. Распрощавшись, Мерилода повесил трубку и через несколько минут уже шел по улице в сторону Речной набережной.

Смеркалось. Моросил дождь. Воздух был холоден и неподвижен. На улицах царила обычная суета, особенно на набережной. Шелестели шины по мокрому бетону, погромыхивали иногда льдины на реке, начавшей сбрасывать свой ледяной покров. Адмирал то и дело потирал вспотевшие ладони; под ложечкой посасывало, а в груди сладко ныло. Он ведь так долго прозябал в бездействии! С самого Салаярви он только бегал и прятался, боялся действовать, и даже нападение на Кондиниеми совершил скорее от страха и отчаяния, чем из настоящей ненависти. Только сейчас в нем проснулась жажда действия.

Наконец Мерилода дошел до назначенного места. Кьяртанссон уже ждал его там.

– Решились, значит! – воскликнул он после приветствия.

– Решился, – вздохнул адмирал. – Только вот боюсь, как бы моя решимость не закончилась судом и дозой морфия.

Его пессимистический тон развеселил хейминга.

– Ну, адмирал, – рассмеялся он, – будьте же смелее! Вы, помнится, храбро смотрели однажды в глаза опасности, причем совсем не далеко отсюда, не так ли?!

– Тогда со мной был мощный флот. А сейчас я один и вынужден полагаться на милость штадтгальтера Котлина – предателя, способного ради собственной выгоды пролить кровь своих же соотечественников и прибегающего для этого к помощи заклятого врага Хеймингии.

Веселость с Кьяртанссона слетела сразу.

– Верное замечание, – молвил он серьезно. – Хотя зря вы смотрите на все, в том числе на действия Иголина, с таким осуждением. То, что делаем мы, делается лишь на благо нашего народа, да и всех прочих. Необходимо остановить те силы, что, прикрываясь именем Будды, пытаются разрушить Хейм изнутри.

– А не проще ли, вместо того, чтобы организовывать такие сложные операции, просто взять и убить этого вашего… как его…

– Хеддера.

– Да, именно. Это сразу решит все проблемы.

– Решить-то решит, но вот не желает Иголин этого делать, не желает, и все тут.

– Странно. Излишне морален.

– Это точно. Я уж намекал ему: чтобы решить проблему, надо решить Хеддера – каламбурчик, ха-ха! – но ведь не хочет Иголин даже и

слышать об этом! Однако, ладно, не будем о грустном и перейдем к делу. Во-первых, вот вам аванс. – В руку Мерилоды перекочевал увесистый, туго набитый кошелек. – Кстати, советую вам поскорее разменять оставшиеся у вас марки на наши талеры – ходят слухи, что скоро хождение в Хейме любых валют, кроме талера, будет запрещено. Во-вторых, хочу спросить: как вы намерены осуществить эту операцию?

– Хийси его знает! – пожал плечами Мерилода. – Деньги нужны. Тогда я мог бы набрать на Исо-Койвисто народу, перевезти их сюда и все сделать, как надо.

– Хм! Деньги… Деньги, деньги, дребеденьги… – Кьяртанссон поскреб пятерней подбородок. – Все было бы гораздо проще, если бы наш народ был хоть немного менее законопослушным. У нас есть, конечно, достаточно сильная антихеддеровская партия, но уж очень это мирная публика, а тут нужны экстремисты, на все способные.

– Вот и я говорю: лучше бы нанять убийцу и отправить вашего Второго Министра в Туонелу!

– В том-то и дело, что нельзя!

– А без ведома Иголина?

– Он мне тогда за это голову оторвет. Да и то, знаете, я сейчас подумал, что, вероятно, даже смерть Хеддера вряд ли поможет: партия Хеддера, пожалуй, не слабее антибуддийской Лиги Фомы и Торварда и уж, во всяком случае, сильнее Партии науки и прогресса и сумеет выдвинуть нового лидера. Так что выход, видимо, один – сорвать выборы. А насчет денег…

Кьяртанссон порылся в кармане и извлек оттуда ручку и чековую книжку. Быстро нацарапав что-то на одном из ее листков, он вырвал его и протянул Мерилоде.

– Надеюсь, этой суммы хватит?

Адмирал глянул на цифру и удовлетворенно кивнул.

– Вполне.

– Когда вы покинете столицу?

– Думаю, что завтра или послезавтра.

– Хорошо. Действуйте на свое усмотрение, только не теряйте контакта со мной и, главное, не пытайтесь сбежать с деньгами. – Кьяртанссон нехорошо ухмыльнулся. – У господина Иголина, знаете ли, длинные руки. Вот мои координаты. – Он достал блокнот, вырвал из него листок и, написав на нем несколько слов, подал Мерилоде.

– А что вы собираетесь делать? – спросил адмирал.

– Надо будет подговорить антихеддеровские партии организовать перед выборами митинг, да пограндиозней. На нем должны присутствовать и вы со своей командой.

– Хорошо, тогда я еще свяжусь с вами.

Они распрощались и разошлись.

Уже совсем стемнело. Дождь продолжал моросить. Адмирал брел по набережной к гостинице. Волнение его слегка поулеглось, смягчаемое тяжестью кошелька в кармане. Теперь у него есть деньги, и он сможет наконец-то посидеть в дорогом ресторане, зайти в театр, в котором он еще ни разу не бывал, да и привезти что-нибудь домой отсюда!

Подумав о ресторане, Мерилода оглянулся по сторонам. Он находился сейчас в самом центре города, в фешенебельном районе. Кругом ярко мерцали разноцветные огни реклам, вывески магазинов, чьи витрины так и манили мягким светом и богатством разложенных на них товаров.

Не пройдя и квартала, Мерилода увидел искомое заведение, и, оставив в вестибюле верхнюю одежду, вошел в зал. Услужливый официант указал ему на свободный столик. Адмирал, устроившись в кресле, заказал:

– Плотный ужин.

– Что именно?

– На ваше усмотрение, что-нибудь из национальной кухни.

Просимое было подано, и Мерилода, угостившись бокалом легкого красного вина и лакомясь осетриной под острым соусом, снова, по своему обыкновению, задумался.

Итак, ситуация складывалась следующая. Он, адмирал Мерилода, теперь крепко связан с шайкой бандитов, замышляющей сорвать выборы (и наверняка не только это). Они ему хорошо заплатили, дали денег на проведение этой операции, и он должен плясать под их дудку. Хуже того: когда его миссия будет исполнена, ему, чтобы не болтал лишнего, просто бросят в утренний чай немного синильной кислоты, как хейминги поступили когда-то со Светозаром Хейнолой (до Мерилоды еще на Салаярви дошли слухи о насильственной смерти правителя Хийлийоги). Так что теперь выкрутиться будет ой как сложно! Но можно. Кьяртанссон выдал чек на огромную сумму, и жить на эти деньги можно очень долго и очень хорошо. Да, видимо, есть шанс избежать и Нервы, и синильной кислоты в чае, надо просто, получив деньги по чеку, исчезнуть с ними, и все. Можно также, выждав в Суолайтури некоторое время, попросить дополнительных субсидий и их прикарманить. Впрочем, как выразился Кьяртанссон, у Иголина длинные руки. М-да… «И холодные уши, – добавил мысленно Мерилода, – если он за здорово живешь отдал мне такие деньги! Хотя… а если это еще один ход в его игре? Если эти деньги – козленок, которым он готов пожертвовать, чтобы приманить медведя? Хийси его задери, ведь банкноты нумеруются! Отследить, где я их потрачу – проще простого! На золото, что ли, разменять? А что? Это мысль! Пойди разбери тогда, чье оно

да откуда взялось! Да, так и сделаю: возьму деньги, а потом понемногу разменяю их на золото! Да, и надо будет повидать Тэуво Хело».

Придя к таким выводам, адмирал повеселел и с удвоенной энергией принялся за осетрину, ветчину и жареные грибы в сметане, каковые блюда были щедро сдобрены легким вином, а завершил все это чашкой чая.

На другой день он первым делом обменял свои марки на талеры, а потом, сбегав в авиационные кассы и купив билет до Сейвисто, помчался по магазинам. Забежав в самый крупный универмаг, он первым делом купил себе новый добротный костюм. Потом, блуждая по залам, случайно наткнулся на отдел бытовой техники, откуда вышел с большущей коробкой. В коробке лежала магнитола, а по карманам пиджака Мерилоды было рассовано с полдюжины кассет. С этими двумя покупками он собрался было покинуть магазин, но вдруг, вспомнив что-то, прикупил еще внушительных размеров кейс. Отнеся все это в гостиницу, он еще пробежался по магазинам за более мелкими покупками (ему, кстати, оказали здесь услугу, о коей он даже не помышлял: отнесли за отдельную плату все купленное прямо в гостиницу), а затем весь вечер провел в театре.

В день отъезда Мерилода расплатился за номер, отвез все вещи в аэропорт, в камеру хранения, а потом, прихватив кейс, отправился на Озерную набережную, в центральное отделение Банка Хеймингии. Цифра на чеке, протянутом адмиралом в окошечко отдела выплат, заставила клерка изумленно вскинуть брови и попросить удостоверение личности. Паспорт Койвисто удивил его еще больше, однако в конце концов, заметив нетерпение клиента, клерк выскочил из-за конторки и пригласил Мерилоду следовать за собой. Они вошли в маленькое служебное помещение. Адмирал удивленно оглянулся, а клерк пояснил:

– Такие суммы мы в общем зале не выплачиваем.

Он убежал, но вскоре вернулся с большим тяжелым мешком и, пока Мерилода пересчитывал деньги, разговорился. Из разговора, между прочим, выяснилось, что Снорри Кьяртанссон был одной из весьма видных фигур в деловом мире Хеймингии, воротилой, очень богатым человеком. «Неудивительно, что они отстегивают мне такие деньги! Подумать только, у меня в чемоданчике – сумма, превышающая годовой бюджет Валланлинны!».

Наконец Мерилода уложил деньги, и его выпустили со всяческими предосторожностями с потайного выхода. Клерк даже предложил ему охрану , но Мерилода отказался. В аэропорт он доехал незадолго до вылета его рейса и едва успел взять свои вещи из камеры хранения. Через десять минут он уже сидел в салоне вертолета, на коленях у него лежал заветный кейс, а внизу стлались льды и полыньи Залива.

На другой день вечером Мерилода был уже дома.

XXV. МЯТЕЖ В СТОЛИЦЕ И ЕГО ОРГАНИЗАТОРЫ

Критические, переломные периоды истории отличаются от периодов стабильности тем, что в них сплетается в одном моменте такое количество причинно-следственных цепей и такая сложная образуется из них сеть, что поистине абсолютно все становится взаимосвязанным. Что и на каком участке сети произойдет, если тронуть одну из ее цепей – это может знать лишь совершенный гений. Для обычных же людей справедливо утверждение: «нам не дано предугадать, как слово наше отзовется». Связь, к примеру, между тем, что доминатор Уддеваллы опять поругался с женой, и повышением цен на мясо в Ордосе останется для них тайной.

Роберт Хоннет. Из частной переписки.

Резкий телефонный звонок сбросил с дивана Романа Хеддера, едва прилегшего вздремнуть после обеда. Второй Министр прошлепал босыми ногами, вздыхая, по своей хеймсстадирской квартире в прихожую и взял трубку.

Звонил главный полицмейстер столицы.

– Беда, беда, Роман Карлович! – услышал Хеддер его взволнованный голос.

– Что такое? Что случилось?

– Страшные беспорядки на Речной набережной, перед дворцом Сената. Народ разбивает машины, строит баррикады. Уже есть жертвы.

– Чтоб их Фенрир… Кто организовал?

– Неизвестно, но лозунги они выкрикивают явно антибуддийские.

– Их требования?

– Официально запретить буддизм в Хеймингии и изгнать всех проповедников.

– Верховный Министр знает?

– Знает. Я только что ему звонил.

– Хорошо. Мобилизуйте всю полицию города, район мятежа оцепить, ввести комендантский час.

– Комендантский час? Вы думаете, это будет продолжаться так долго?

– Боюсь, что так. Впрочем, осторожность в любом случае не помешает. И ждите дальнейших распоряжений.

Распрощавшись с полицмейстером, Хеддер мысленно ругнул себя за то, что не спросил, когда все это началось. Впрочем, наверняка совсем

недавно. Еще вчера вечером он слышал в выпуске новостей по радио о намерении Лиги Фомы и Торварда устроить митинг у Сената. Они выполнили его, и митинг вылился в кровопролитное столкновение. «Уже есть жертвы». Будем надеяться, немного.

Хеддер снова потянулся к телефону, но не успел он взять трубку, как аппарат снова зазвонил. На этот раз звонил Холмский.

– Добрый день, Роман Карлович! Полицмейстер вам звонил?

– Звонил. Я уже знаю. Беспорядки у Сената.

– Что делать будем?

– Ох, не знаю! Мне полицмейстер лишь в общих чертах описал происходящее. Может быть, вы больше знаете?

– Столкновения там начались с утра. Оказывается, они там с собой оружие принесли, сначала палили в воздух, потом – в прибывшую полицию.

– Если так, надо просто приехать туда со слезоточивым газом и водометами и разогнать эту шайку, задери ее волки!

– Надо-то надо, но как это отразится на моих предвыборных шансах?

При этих словах Хеддер усмехнулся про себя: «О каких шансах может идти речь после разгона Федерации? Неужели он еще на что-то надеется?» Но вслух сказал:

– Тогда давайте я съезжу к ним. Может быть, мне удастся их уговорить.

– Хм! Это мысль! А впрочем… нет. Лучше поеду я. Вас, как сторонника буддизма, они слушать не захотят.

– Да, пожалуй, вы правы. Попробуйте сначала вы, затем попытаюсь я, а там уже, если это их не успокоит, применим газ и водометы.

Повесив трубку, Хеддер налил себе чаю, уселся в кресло-качалку и от души выругался. Прегнуснейшая складывается ситуация. Сейчас двадцать девятое апреля, а выборы будут назначены, вероятнее всего, на восемнадцатое мая – на этой дате, во всяком случае, сходится большинство сенаторов. Времени для успокоения публики остается очень мало. Ясно одно – это все провокация, типичнейшая провокация, имеющая целью срыв или хотя бы перенос выборов. Правда, затея эта вряд ли окажется удачной: отменить выборы Холмский не согласится ни за что, а их перенос ничего оппозиции не даст.

Его размышления прервал новый звонок.

– Роман Карлович! – раздался в трубке голос полицмейстера. – Беспорядки все еще продолжаются. Мятежники забаррикадировали несколько улиц, на крышах домов засели их снайперы. Бандиты пытаются овладеть Сенатским дворцом.

– Сенат отстоять любой ценой! – крикнул Хеддер. – Скоро к вам прибудет сам Верховный Министр, так что обеспечьте защиту, попытайтесь

добиться хотя бы прекращения огня. Кстати, средствами массовой информации они не пытались овладеть?

– Пытались. С полчаса назад несколько бандитов ворвались в здание «Радио Хеймсстадир», но охрана их перестреляла.

– Хорошо. Не давайте им до приезда Верховного Министра и носа высунуть. И каждый час докладывайте мне об обстановке.

Хеддер вернулся в кресло и опять задумался. Хотелось бы знать, чьих рук это дело! Давно уже вызывают подозрение Иннолов, Иголин и этот, из Терийоки… Гордиевич.

Второй Министр опять подошел к телефону и созвонился с начальником тайной полиции.

– Слыхали, какое веселье у Сената?

– Конечно, Роман Карлович, как не слыхать!

– Так вот что я вам скажу: дело это подозрительное – не иначе, здесь замешан кто-то из штадтгальтеров. Так что проверьте их, а особенно тщательно – троих: Иголина, Иннолова и Гордиевича. Кроме того, хотя это менее вероятно, здесь может быт замешан кто-то из бывших вельмож Койвисто, да и не только вельмож, а и мятежников, и торговцев. В общем, вы понимаете.

– Разумеется. Все разнюхаем, не извольте беспокоиться!

– Ну и отлично! До свиданья.

Вот, теперь и ищейки из первого отдела задействованы. Осталось ждать результатов.

Ожидание, вопреки известной пословице, отнюдь не было скучным. Обстановка в городе продолжала оставаться накаленной. Каждый час непосредственно с места событий полицмейстер докладывал об обстановке, а вечером в квартире Хеддера раздался звонок в дверь. Это был Верховный Министр.

– Извините, что врываюсь вот так, без предупреждения, – сказал он, входя, – но дело плохо. Чувствую, что вам так и не придется ехать к Сенату.

– Это почему?

– Мятежники разбушевались окончательно. Я пытался успокоить их, уговорить – бесполезно! Требуют запретить во всем Великом Хейме любые религии, кроме традиционной веры, а буддистов вообще всех к стенке поставить. А также сместить вас с поста Второго Министра и сослать куда-нибудь в дальние колонии.

– Хм! Нехорошо. Нелюбезно с их стороны. А ежели так, то мы тоже имеем право быть нелюбезными с ними, верно? – усмехнулся Хеддер. – Однако, что же это мы стоим? Проходите в комнаты.

Они уселись в креслах в гостиной, и Холмский повторил:

– Нет, я думаю, вам не стоит ехать к Сенату.

– Верно, – после недолгой паузы пробормотал Хеддер. – Но если они не желают расходиться, придется принять меры.

Холмский только вздохнул:

– Ну что ж, принимайте…

Хеддер поднялся и, подойдя к телефону, стал набирать номер полицмейстера.

– Всеволод Сигурдович, бунтари еще не успокоились?

– Нет, но мы активно их успокаиваем. Уже применяем и водометы, и слезоточивый газ.

– И что?

– Многие разбежались, но довольно значительная группа особо ярых продолжает обороняться. Не знаю уж, за счет чего они держатся.

– Они вооружены?

– Да, и упорно отстреливаются.

– Даже так?! Тогда уничтожьте их. И постарайтесь арестовать побольше бандитов. Они нам еще пригодятся. Об исполнении доложите.

– Да, господин Второй Министр.

Хеддер вернулся в комнату и снова опустился в кресло.

– Ну вот, – молвил он, – с мятежниками скоро расправятся.

– О Небо, сколько крови! – вздохнул Холмский.

– Ничего не поделаешь, они сами виноваты. Кроме того, они пролили крови не меньше. Между прочим, этот бунт вам на руку.

– ???

– Да-да, именно! Они ведь для того и устроили всю эту свалку, чтобы вы отменили выборы.

– Ха! На руку! Нет, выборы я отменять не намерен. Более того, избирательный комитет завтра объявит дату выборов.

– Уже назначили?

– Уже.

– И когда?

– Восемнадцатое мая.

– Ну, вот и отлично. Удобная дата.

Поздно вечером, вскоре после того, как Хеддер проводил Холмского, позвонил полицмейстер и доложил, что бунт подавлен, много народу арестовано и порядок восстановлен. Второй Министр остался доволен. Теперь дело за малым: расследование, судебный процесс и, возможно, арест кого-нибудь из штадтгальтеров. То-то скандал будет! Но расследование надо закончить до выборов. За восемнадцать дней. Неизвестно, успеют ли люди из тайной полиции все сделать в такой ничтожный срок. Впрочем, интуиция подсказывала Хеддеру, что дело не будет сложным.

* * *

Снорри Кьяртанссон, как провинившийся первоклассник, стоял, опустив очи долу, перед штадтгальтером Котлина. Олег Иголин бушевал:

– Как могли вы быть таким легковерным? Как, спрашиваю я вас?! Вы понимаете, чем грозит нам ваша беспечность?! Я не говорю о том, что мы потеряли огромные деньги – они, в конце концов, ваши, и вам следует об этом беспокоиться. Но как могли вы не уследить за Мерилодой?! Как его теперь разыскать? Когда мы загнали его в Страну водинов, то и он, и его гигантская армия потерялись там на три года, а теперь он один, и куда он может исчезнуть, одним богам известно, а уж с теми деньгами, что он при себе имеет, его везде примут с распростертыми объятьями! А если он сообщит о наших предвыборных махинациях, что тогда? О них знали полностью только вы, я и он, и если он выложит все сотруднику первого отдела, то и мне крышка, и вам недолго останется носить голову на плечах, хоть это вы понимаете, надеюсь?! Четыре дня прошло после веселья в столице, а комендантский час действует до сих пор! Ведь эту историю целиком и полностью свалят на нас!

При этих словах Кьяртанссон поднял голову и ошалело глянул на штадтгальтера.

– Не понимаю вас! Ведь это действительно сделали мы, разве не так?

– О Небо! – простонал Иголин. – Представьте себе, не так! Я планировал демонстрацию на сегодня, а кто-то опередил меня и подставил под удар! О я несчастный!

– Вот ведь как! А я думал…

– «Я думал, я думал»! Вы думали! Вы думали, что подготовить беспорядки я поручу кому-то другому?!

– Да ведь все уже было готово…

– Вот именно! Оружие было закуплено, люди подготовлены, и вот!.. О Небо! Не мог же я готовить две группы одновременно, да еще так, чтобы вы об этом не пронюхали! О Фома и Торвард, как я влип!

Эти гневные тирады Иголин произносил, бегая из угла в угол по гостиной, но наконец, схватившись за голову, рухнул в кресло.

– Не извольте беспокоиться, господин штадтгальтер, найдем адмирала! – попытался Кьяртанссон утешить его, но штадтгальтер только рассмеялся:

– Каким образом? И где вы намерены его искать? За двое с лишним суток он мог уйти куда угодно!

– И все-таки я найду его! – решительно воскликнул Кьяртанссон. – Из-под земли достану!

– Ну что ж, желаю удачи…

Оставшись один, Иголин вскочил было и схватил телефонную трубку, но вдруг остановился. Телефон наверняка прослушивается. Даже Иннолову не сообщить! Если же прямо к нему поехать – проследят. Не стоит его выдавать.

До самого вечера мучился штадтгальтер, не зная, как связаться с сообщниками. Все эти четыре дня он пребывал в мучительной растерянности, а теперь она, пожалуй, достигла кульминации, и Иголину сильно хотелось вцепиться в собственный локоть зубами.

Впрочем, после ужина это состояние было заметно смягчено совершенно неожиданным появлением Иннолова. Оккервильский правитель, приглашенный слугой на террасу, вошел и, заметив настроение хозяина, весело спросил:

– Что, герр штадтгальтер, беспокоитесь о расследовании, учиненном Хеддером?

– Напрасно веселитесь, коллега, – мрачно ответил Иголин. – Вот когда расследование закончится, оба мы окажемся на Нерве.

– Это вряд ли. Думаю, нас кончат прямо там, где найдут. Точнее, не нас, а вас, ибо я-то мятежей не готовил, а всего лишь субсидировал вас, да и то из своих собственных денег.

– Ох! Дева Илматар, как же я влип! – простонал Иголин. – Ну кому, хотел бы я знать, понадобилось организовывать эту заваруху! Притом так бездарно это сделать! О Небо!

– Ладно, ладно, Олег Валерианович, не убивайтесь так! – Иронический тон Иннолова исчез, и он говорил уже мягко и успокаивающе. – В конце концов, сами вы к этому делу непричастны, так что Нервы легко избежать и мне, и вам, надо лишь пожертвовать этим вашим Кьяртанссоном – ведь это на нем лежали все заботы по подготовке мятежа.

– А ваши деньги?

– Не-ет, шалишь! Мои деньги – это мои деньги, и никто не имеет права требовать отчета, как я их трачу. Трачу, как хочу!

– Но и с Кьяртанссоном мне расставаться не хочется. Это очень преданный мне человек, умница, да и вообще… Это будет настоящее предательство!

– Ну, что же поделаешь? Иначе нельзя!

– Кроме того, есть и еще одно обстоятельство. Вам известно, что к этому делу я подключил адмирала Мерилоду?

– Известно.

– Так вот, позавчера адмирал сбежал.

– Сбежал?!?!

– Да, исчез из Суолайтури в неизвестном направлении. А Кьяртанссон отправился на поиски.

– Здорово! Как же его теперь найти? Ему теперь раздолье: прыгнул в лодку, поднял парус – и плыви хоть в Винланд.

– Если бы он действительно уплыл в Винланд – я был бы просто счастлив.

– Знаете, может быть, они с Кьяртанссоном сговорились, а? Или даже Кьяртанссон решил сбежать с вашими деньгами, а адмирал в это время сидел, ничего не зная и ни о чем не подозревая, у себя дома. Может такое быть?

– Нет, нет, что вы! – замахал руками Иголин. – Кьяртанссон – человек проверенный. Я уверен в нем, как в самом себе.

– Хм! Все-таки я на вашем месте последил бы за ним, – молвил Иннолов задумчиво, но вдруг встрепенулся и воскликнул: – Слушайте, коллега, а что мы так волнуемся? Ну, ухнули денежки – так они не ваши, не вам о них и беспокоиться. А то, что адмирал никому даже не заикнется об отношениях с вами – это очевидно, это понятно даже ежику! Ни Мерилода, ни Кьяртанссон даже не вякнут – им это невыгодно. Едва пискнув о чем-то, они моментально получат дозу морфия в вену. Или топором по шее. Против вас улики есть?

– Нет. Я, кажется, предусмотрел все и предупредил любые способы доказать мою вину.

– Ну, вот и отлично. А вы волновались!

Они еще немного побеседовали о разных разностях, а затем Иннолов, который, как выяснилось, был здесь проездом по дороге в столицу, откланялся.

Беседа с ним несколько успокоила Иголина, но лишь несколько, и где-то в глубине души затаилась тревога. Что-то будет!

* * *

– Не порите горячку, Свейн, и не впадайте в панику, – повернувшись спиной к собеседнику и глядя в окно, сухо сказал Владислав Иннолов. – Что ни Хеддер, ни тем более Иголин ничего не пронюхают, я вам гарантирую, и не считайте меня идиотом.

– Но я никак не рассчитывал на такую бурную реакцию в Хеймсстадире! – попытался оправдаться его собеседник, стоявший за спиной правителя Оккервиля с таким же виноватым и растерянным видом, с каким недавно стоял Кьяртанссон перед Иголиным.

– Вот слова, которые я никогда не хотел бы услышать ни от своих подчиненных, ни от кого-либо еще, – ответил Иннолов тоном, в котором чувствовалась с трудом сдерживаемая ярость. – Высшая мудрость политика, как и высшая мудрость эколога, состоит в понимании последствий. Вы

должны были рассчитать все так, чтобы дело обошлось без жертв. А что получилось? Семь человек погибли, еще почти два десятка валяются сейчас в больницах! Хейминги – народ нервный и эмоциональный, и вам пора бы уже это понять, иначе мы с вами расстанемся. Вы меня понимаете?

Свейн, крупный мужчина с грубым и невыразительным лицом отъявленного бандита, побледнел и, казалось, едва не упал, когда смысл слов Иннолова дошел до него, и что-то попытался пролепетать присохшим к нёбу языком, но штадтгальтер небрежным жестом остановил его:

– Ладно. Дело сделано, чего уж теперь… На первый раз прощаю. Идите и больше не грешите.

Свейн, хоть и был грузен и на первый взгляд неуклюж, из маленького и тесного кабинетика правителя Оккервиля выскользнул тихо, как мышь, как моль, как бесплотный дух. Иннолов не оглянулся и продолжал молча и хмуро смотреть в окно.

За окном унылый дождь поливал раскисшую землю. В убогом оловянном свете дождливого дня ртутно поблескивали лужи, бесстыдно чернела обнаженная почва, покрытая прошлогодней мертвой травой, будто какой-то фантастической желто-бурой плесенью, мокрые ветви берез под окнами трепал и дергал сырой, астматический ветер. На ветке прямо перед глазами штадтгальтера хрипло переругивались две мокрые тощие вороны. Вдали, под клочковатыми пепельными тучами, над темнеющим вдали лесом мчалась стайка птиц – может быть, грачей, которым давно уже пора было возвращаться из теплых стран на берега Suomenlahti. Мутная тоскливая морось сеялась с промозглого неба на плосковерхие оккервильские холмы, на оловянную воду озера, как на ладони лежавшего перед штадтгальтером, на древние стены храма на островке посреди озера, сейчас казавшиеся особенно мрачными и безрадостными, на угрюмые и молчаливые башни Пяти Родов, одну из которых можно было увидеть из окна кабинета, – правда, если только высунуться из него под эту болезненную, пропитавшую все влагой отвратительную морось. Иннолов смотрел на этот тысячу раз виденный пейзаж, но мысли его были далеко.

Что ж, Иголин явно сглупил, доверившись этому Кьяртанссону. Грандиозно сглупил. И продолжает вести себя глупо, отмахиваясь от всех данных, противоречащих этой его уверенности. Иннолов иногда даже искренне опасался, что истинная роль этого холеного богача откроется, и тогда Иголин точно подошлет к нему, к Иннолову, убийц, и хорошо, если с быстродействующим ядом. Коварная память услужливо раскрыла перед мысленным взором правителя Оккервиля страшную картину из прошлого: больница в Котлине, палата экстренной терапии, на койке – изможденный человек, с почти совершенно черной кожей, с лысой, покрытой омерзительными желтоватыми струпьями головой, с глубоко запавшими

глазами. Хьяльти Бергович. Один из претендентов на пост штадтгальтера Котлина, освободившийся после изгнания Стейнгримссона. «Ах, какая досадная, поразительно досадная случайность! Надо же, так серьезно захворать как раз накануне начала избирательной кампании!». Иголин так искренне сокрушался по этому поводу, так горячо соболезновал госпоже Бергович, даже кое-кого допустил в палату – Иннолова, Гордиевича, еще двоих или троих. А когда приехали навестить больного Холмский и Хеддер, не пустил их, сославшись на запрет врачей. Еще бы! От лисы Хеддера ничего не скроешь. На другой день после того, как Иннолов навестил Берговича, тот умер. «О, как вы могли такое подумать! Нет-нет, это какая-то тяжелая болезнь – лейкемия, может быть, а, доктор?» И доктор, конечно, подтвердил.

А может, и действительно болезнь? Хеддер потом этим делом специально занимался – тайно, конечно, от всех, – но ничего подозрительного, кажется, не нашел. Или нашел? Впрочем, если и откопал что-то, то вида не подал. А если так, то это значит, что Иголину в далеко идущих планах этого рыжего лиса отведена какая-то важная роль. Или нет? А Туони его разберет, как сказал бы на месте Иннолова адмирал Мерилода!

Кстати, о Мерилоде. Небесполезная фигура. Как бы его еще употребить в дело? Если его поймают, то почти наверняка приговорят к смерти, и это плохо. Точнее, плохо, если приговорят, а если поймают – это как раз очень хорошо, потому что беспокойный адмирал какое-то время будет под присмотром. А тем временем можно будет придумать, что с ним делать. Впрочем, этот вопрос подождет. А пока – насчет Иголина и его приспешников. Итак, Кьяртанссон оказался весьма полезным человеком, участие которого во всей этой малоприятной истории, по крайней мере, позволит Иннолову остаться относительно чистым, даже если все раскроется, и основную вину свалить на Иголина. Только вот не исчерпал ли Кьяртанссон своей полезности? Это надо будет проанализировать.

XXVI. УУРАС

Пути случайного неисповедимы.

Теодор Ойзерман

Адмирал Мерилода прохаживался по палубе корабля, стоявшего у одного из причалов Уурасского порта, и дожидался владельца. С владельцем, неким Тэуво Хело, он был знаком давно и близко и знал, что Хело – человек щедрый, богатый, о чем недвусмысленно свидетельствовало число мачт судна – их было три (владеть целым кораблем, даже одномачтовым, в этих местах могли позволить себе очень и очень немногие торговцы), – а кроме того, ярый патриот и лютый враг Хейма и хеймингов, и все это позволяло адмиралу надеяться, что старый морской волк, избороздивший воды северных морей едва ли не больше, чем сам Мерилода, с радостью откликнется на его предложение о придании организации финской торговле. В ожидании его он и прогуливался по палубе и перебирал в памяти все, что увидел в городе.

В порту Уураса Мерилода в прежние времена бывал очень часто, ибо это был второй после Суолайтури крупнейший порт Койвисто, но вот в самом городе не доводилось еще бывать ни разу. Адмиралу всегда хотелось посмотреть на этот беспокойный город, центр экономической и политической жизни северных колоний Койвисто, по степени индустриализации уступавший когда-то лишь Суолайтури; но всякий раз Мерилоду не пускали дела, поэтому нигде за пределами порта он так и не побывал. Когда адмирал узнал о событиях в хеймингской столице, то, едва оправившись от удивления и от первоначального «не верю ушам своим!», сразу сообразил, что им теперь сильно заинтересуются некоторые люди, интересом у которых он предпочел бы не пользоваться, и принял мудрое решение дать деру со всеми деньгами, полученными от Кьяртанссона. Но куда бежать? Разумеется, в Уурас, где сосредоточена вся торговля финнов. Мерилода приказал слуге срочно и тайно раздобыть парусную лодку и спрятать ее в самом глухом углу побережья Исо-Койвисто; это было исполнено быстро, ветер в ту ночь дул попутный, льдин на море почти не было, а адмирал еще, слава Ахти и Укко, не растерял навыков управления парусом, поэтому менее чем через сутки лодка пристала к берегу острова Уурас. Тут-то он и познакомился с городом. И пожалел об этом.

Уурас сильно напоминал собой промышленную восточную окраину Суолайтури, с той лишь разницей, что сия последняя являлась сейчас кучей обломков и щебня, зарастающей травой и не украшенной даже живописными руинами стен, а первый еще не дошел до такого состояния,

хотя, по-видимому, был не очень далек от него. Весь город был застроен бараками двух видов. Бараки первого вида, кирпичные или бетонные, были велики, с трехэтажный дом высотой. Их было всего около десятка, и в них располагались заводы, ныне большей частью бездействовавшие или почти бездействовавшие. Между ними были густо и довольно беспорядочно рассыпаны бараки второго вида – деревянные, а то и мазанные из глины, в один, редко в два этажа. Это были жилые дома. Немало поблуждав по грязным, кривым, узким, далеко не везде мощеным улицам, адмирал выбрал, наконец, дом, не производивший в душе такого сильного омерзения, как остальные, и решил поинтересоваться, нет ли там свободной комнаты. Удивило его то, что ему не только не отказали, но даже с радостью предоставили лучшую, по словам хозяев, комнату, окнами на улицу, ибо, как они объяснили, шум с улицы все-таки менее раздражает, чем вид, а особенно запах, двора. Случайно попав в тот же день во двор, Мерилода оценил их заботу: в нос ему ударил тошнотворный запах навоза, человеческих испражнений, гниющих отбросов и еще чего-то, что уже не поддавалось определению, а глазам представилось отвратительное зрелище. Перед ним была небольшая площадка, огороженная серыми дощатыми стенами. Около одной из стен было воздвигнуто нечто вроде маленькой будки или кабинки высотой в рост человека, из-под которой, источая чудовищное зловоние, вытекала, расползаясь по земле, отвратительная грязно-серо-коричневая жижа. Вдоль стен были навалены кучи разлагающегося мусора, перемежаемые поленницами дров. В центре двора, в большой грязной луже, лежала громадная черная свинища, вокруг которой, похрюкивая, толпилось штук восемь поросят. По всему двору, выискивая что-то в пропитанной нечистотами почве, блуждали куры. И, как завершающий штрих, от стены до стены было протянуто несколько веревок; на них сушилось белье.

Мерилода в ужасе отшатнулся и поспешил поскорее убраться со двора. Закрывшись в своей комнате, он упал на кровать, которая жалобно застонала под ним. О боги великие, о Юмала, Укко и Рауни, как они здесь живут?! Эта чудовищная грязь, страшная вонь, доносящаяся, говорят, даже до внешнего рейда Ууараса! Кошмар! И тут адмирал подумал: «А ведь так жила большая часть койвистинцев!» Действительно, даже идиллическая и пасторальная Валланлинна с ее яблоневыми садами, домиками, озером и всем прочим была украшена окраинами, застроенными точно такими же жуткими бараками, где ютились рабочие местных фабрик – каннасские финны, карелы, словене, хяме, приехавшие из своего захолустья на Исо-Койвисто на заработки; а уж о Суолайтури и говорить нечего – этот шумный, богатый промышленный и торговый город-порт был наполовину застроен такими же сооружениями. За два с лишним десятка лет жизни в

Койвисто Мерилода как-то не замечал этого – возможно, подсознательно не хотел замечать. Все те долгие годы он провел на корабле, в море, а когда обзавелся собственным домиком в спокойном и зажиточном западном районе города, то жил там затворником, выбираясь только в столицу, к князю или в Военное ведомство, не видел всех ужасов и мерзостей бедных кварталов и лишь сейчас смог оценить по достоинству все их прелести. Ему еще в Сейвисто попались в одном месте такие вот следы финского владычества, но они были незначительны и, кроме того, как-то прикрыты и стушеваны, поэтому адмирал не обратил на них особого внимания. А здесь все это бросалось в глаза, и причиной нищеты, как ни парадоксально, все здесь считали нынешнего правителя Северного Ууараса, бунтаря и мятежника Йорму Парттимаа. Койвисто было уничтожено в немалой степени его трудами, спрос на ууарасские товары резко упал, заводы остановились, торговлю с Северным Приладожьем и страной Кюми – главный источник существования Ууараса – захватили более сильные хейминги, и в довершение всех бед на остров вторглись словене и уже который год держат в страхе весь Вийпурилахти. Что здесь все чем-то напуганы, Мерилода и сам заметил. На улицах постоянно встречались солдаты в касках, латах, с ружьями – короче, в полном боевом обмундировании, люди ходили, как по вражескому тылу – сторожко, оглядываясь; на Мерилоду, облаченного в роскошный, по местным понятиям, хеймсстадирский костюм, глядели косо и весьма подозрительно, а у хозяев он случайно наткнулся на припрятанный в сенях пулемет. Все это, как уверяли местные жители, было необходимо для защиты от внешнего врага – островных словен, но когда Мерилода узнал, что продовольствие здесь распределяется по карточкам, а нормы распределения иначе как издевательством не назовешь, ему стало ясно – Pohjoisen-Uuraan Tasavalta[1] агонизирует, а солдаты на улицах стоят потому, что, некогда любимец всего Вийпурилахти, сейчас Парттимаа безумно боится своего же народа. Мерилода от всей души пожалел жителей Северного Ууараса – на родине жить невозможно, а позволить словенам войти в город – значит обречь себя на верную смерть. Словене не любят финнов и никого не пощадят.

Мерилода поразмыслил над этим и, наконец, решил, что не следует ему так уж печалиться об ууарасцах, а лучше подумать о собственных проблемах, и, в соответствии с принятым решением, ринулся в порт, надеясь отыскать там Тэуво Хело. Его, однако, в порту не оказалось. К кому бы адмирал не обращался, все сначала удивленно окидывали взглядом его одежду, а затем весьма недружелюбно отвечали, что искомый капитан давно

[1] Республика Северного Ууараса (*фин.*)

ушел в море, а когда вернется – неизвестно. Впрочем, недружелюбность Мерилоду даже порадовала – это значило, что его никто не узнал, что в его положении было так важно. Однако, ситуация складывалась нехорошая – он один во всем городе, знакомых капитанов нет, а на хвосте наверняка сидят ищейки Иголина и тайной полиции, так что великим счастьем для него было увидеть «Merientähti», «Звезду морей» – корабль его старого друга. Но на корабле ему сказали, что капитан куда-то вышел, поэтому сейчас Мерилода неторопливо вышагивал по палубе, погруженный в раздумья.

Наконец на трапе послышался шум, шаги, и на палубу легкой пташкой, несмотря на свой вес, вспорхнул сам капитан Хело. Мерилода осторожно тронул его за плечо.

– Тэуво! Не узнал меня?

Капитан обернулся, внимательно вгляделся в лицо адмирала и вдруг обрадованно заорал:

– Эйно! Ах, чтоб тебя Хийси! – и заключил адмирала в свои объятья, от которых у того глаза едва не вылезли из орбит. Мерилода простонал:

– Тише, тише, ради всех богов! Во-первых, ты меня сейчас задушишь, а во-вторых, за мной следят.

– Как следят? Кто следит? О чем ты говоришь? – Капитан так удивился, что выпустил адмирала из объятий, и тот, переведя дух, продолжил:

– Вот что! Пойдем-ка лучше в каюту. Дело секретное.

Они спустились в капитанскую каюту, Хело приказал подавать обед на двоих, и Мерилода повел печальный рассказ обо всем, что произошло с момента их встречи, состоявшейся за несколько дней до отплытия адмирала с эскадрой к Хеймсстадиру. Рассказ затянулся до вечера, Хело слушал, разинув рот и то и дело прерывая Мерилоду эмоциональными возгласами, и, когда адмирал закончил, хлопнул себя по колену и воскликнул:

– Ахти Повелитель морей! Вот, значит, где ты скрывался столько лет! А мы-то все думали, что ты там погиб! Вот здорово!

– Здорово-то здорово, – мрачно отозвался Мерилода, – только вот у меня на хвосте сидят хейминги. Да, да, из-за денег. И из-за событий в Хеймсстадире тоже. Слышал о них?

– Как не слышать! Много было разговоров.

– Так вот, те деньги, что я так бесчестно позаимствовал у Иголина, я бы хотел отдать на сохранение тебе. С собой их у меня нет. У тебя есть подробная карта Вийпурилахти?

Хело, не говоря ни слова, встал, порылся на одной из полок и протянул адмиралу требуемое. Тот развернул ее, окинул взглядом и ткнул пальцем в один из островков:

– Здесь! На этом острове спрятан кейс с суммой, в три раза превышающей годовой бюджет Валланлинны.

Капитан только свистнул:

– Не может быть!

– Может, Тэуво, может! Его, если надо, найдешь по приметам…

Адмирал кратко объяснил, как найти кейс, и предупредил:

– Деньги на ерунду не трать. Они нужны для борьбы с хеймингами.

– С хеймингами? Это как?

– Я хочу организовать наших торговцев в гильдию, подобную хеймингским, а деньги для этого, как ты понимаешь, нужны немалые. Ведь торговля у вас идет худо, так?

– Ой, да куда уж хуже! Говорить-то стыдно. Ты сам видел, какая дикость и нищета царят в Уурасе, а уж о других городах и говорить нечего. Иоханнес влачит еще более жалкое существование, Кеттусаари превратился в маленькую рыбацкую деревушку, а Вийпури вообще разрушен и обезлюдел. Торговцы не получают и десятой доли прежних прибылей, и это всё хейминги! Захватили в свои лапы всю торговлю, а на наши корабли, случается, даже нападают! Грабеж, одним словом.

– Вот я и говорю: надо объединиться, самим завести военный флот. Его у вас вроде нет?

– Ну почему же? Есть. Три корабля, из которых один уже год стоит в сухом доке, второй простаивает в порту, потому что нет топлива, а третий – парусник с двумя мачтами и некоторыми следами вооружения – делает вид, что охраняет берега острова, на самом деле занимаясь контрабандой водки из Сейвисто.

– Да, худо вам. Но моих денег, я думаю, хватит. Я сам возьму какую-то часть, остальное ты распределишь между надежными людьми. Купите на них оружие, боеприпасы, а главное – золото. Ты понимаешь зачем. Мне же самому следовало бы скрыться. Куда посоветуешь уехать?

– Ох, не знаю, – после недолгой паузы вздохнул Хело. – В городах небезопасно. Разве что в Каннас, а еще лучше – в Кюми. В тамошних дебрях тебя ни одна собака не найдет, но только связаться с тобой будет очень, очень сложно. Но ничего! Придумаем что-нибудь!

– Ну, ежели так, тогда я пойду. Нельзя мне здесь надолго задерживаться. Если кто-то обо мне будет спрашивать, скажи – приходил человек наниматься в матросы, да ты его не взял.

– Я понимаю. Хорошо. До встречи. Да, кстати! Приходи сюда завтра утром, да возьми с собой свои вещи. Думаю, я уже тогда смогу отправить тебя куда-нибудь.

– Ладно.

Мерилода неспешно пошел к дому. Когда он открыл дверь и вошел, навстречу ему со стула поднялся человек, в котором Мерилода сразу определил хейминга. Адмирал изумленно воззрился на него, а человек спросил, даже не утрудив себя приветствием:

– Вы – Эйно Мерилода, бывший адмирал Койвисто?

– Да, – ответил адмирал, все еще ничего не понимая.

– В таком случае я имею честь сообщить вам, что, согласно приказу Прокуратуры Хеймингии, вы арестованы.

Мерилода едва не разинул рот от неожиданности.

– То есть… как это арестован?

– Вы обвиняетесь в сообщничестве с преступниками, замыслившими организовать беспорядки в столице, а также в незаконном присвоении крупной суммы денег.

– Но…

– Не советую вам ни сопротивляться, ни бежать, ибо в этом случае я, согласно приказу, должен остановить вас любыми средствами. Если необходимо – убить.

Мерилода еще несколько секунд смотрел на него растерянно, потом машинально начал собираться. Мысли его путались. Что этот человек говорит серьезно, было несомненно: об этом говорили и очертания кобуры под пиджаком, и значок на лацкане, изображавший эмблему тайной полиции Хейма – стилизованный лунный серп. Но неужели все это время за ним действительно следили? А может быть, это Кьяртанссон проговорился? Маловероятно. Хотя… почему же? Его тоже могли арестовать и выбить признание! И, главное, как теперь спастись? Драться с этим типом? Убьет. Адмирал растерялся окончательно и в таком растерянном состоянии вышел на улицу.

До порта они дошли быстро – хейминг все время подгонял его. У одного из дальних причалов стоял небольшой двухмачтовый корабль. На нем адмирала поместили в каюту с железной дверью и забранным решеткой иллюминатором. Очевидно, что бежать отсюда было невозможно. Мерилода, ошеломленной и вконец растерявшийся, стоял у иллюминатора, упершись лбом в стекло, а корабль, подняв паруса, медленно выходил из Уурасского порта.

XXVII. НА ЛАДОГЕ

К концу правления Томаса Холмского власть хеймингов над Ингерманландией была закреплена даже в географических названиях – во всех официальных документах и в большинстве печатных изданий Ингрия называлась Великим Хеймом, в отличие от Исходного Хейма (или просто Хейма) – исторической родины хеймингов (Архипелаг, Котлин, восточная часть Приневской низменности, южный берег Каннаса) и от Хеймингии – государства хеймингов, территориально совпадавшего с Архипелагом.

Ари Ярхо. «Лекции по древнеингрийской истории»

Неописуемый ужас пережил Мерилода, когда судья, рассмотрев дело, вынес ему смертный приговор. Страшно захотелось броситься бежать куда-нибудь, не разбирая дороги, закричать: «Это невозможно! Это неправда! Это ложь!». Но это не было ложью, увы, это была горькая правда. Ожидать суда Мерилоду отправили в тюрьму под Хеймсстадиром, предполагая вынести приговор после выборов. Во время заключения он, как вельможный узник, мог пользоваться некоторыми привилегиями, в частности, имел право доступа к средствам массовой информации, коим широко пользовался – одиночная камера, в которую его поместили, была вся завалена газетами, и информация, получаемая из них, ошеломляла его все больше и больше. Многочисленные интервью с Хеддером – самой колоритной фигурой среди всех кандидатов – он прочитывал внимательнейшим образом и просто поражался той смелости, с какой Второй Министр Хеймингии шел на кардинальную ломку всех глубинных устоев общества, а еще больше – тому, что, согласно всем социологическим опросам, большинство населения Хейма его поддерживало! Немало поразило адмирала и известие об отставке Иголина «в связи с резким ухудшением здоровья», а потом – еще более любопытное сообщение. За несколько дней до суда он прочел в газете, что парусник, на котором Иголин и его заместитель Кьяртанссон плыли на остров Сескар, захвачен финскими пиратами и уведен в неизвестном направлении вместе с пассажирами. «Ловкачи! Ой, ловкачи!» – подумал Мерилода, прочитав об этом. Короче говоря, до суда адмирал не скучал, да и не мог позволить себе этого – живейший интерес к политической жизни Хейма был единственным средством отвлечься от тяжелых мыслей о собственной судьбе, но из зала суда Мерилоду, можно сказать, почти что вынесли. Подумать только, все эти дни в заключении он еще на что-то надеялся! От Ринталы из Валланлинны, невесть каким путем узнавшего об аресте Мерилоды,

Верховному Министру накануне выборов поступила возмущенная нота, на которую последний, кажется, вообще не изволил отреагировать.

На выборах, как и следовало ожидать, победил Хеддер, Лига Фомы и Торварда и Партия науки и прогресса начали рвать на себе волосы, а бывший Второй Министр сразу же после инаугурации преподнес Мерилоде сюрприз, коего тот и ждать не мог. Объявив буддизм государственной религией, он по этому случаю специальным указом объявил амнистию, и смертная казнь была заменена адмиралу пожизненным заключением. Тот, когда услышал об этом, сдерживался до тех пор, пока его могли видеть тюремщики, а потом упал на койку и нервно, судорожно разрыдался. За месяц заключения нервы его пришли в такое расстройство, что адмирал потерял сон и стал совершенно апатичным, и даже радость от того, что ему сохранят жизнь, была недолгой и неглубокой. Впрочем, и радовался-то он рано. Отправили его все же на Нерву. Поначалу он безумно боялся, что здесь его все-таки убьют, но время шло, а он по-прежнему был жив и относительно здоров, поэтому страх вскоре ушел. Но на его место пришла скука. Мерилода целыми днями валялся на койке и готов был стонать и выть от тоски. По его просьбе ему присылали книги, газеты, а начальник тюрьмы, неизвестно почему проникшийся к своему узнику глубоким уважением, даже приемник ему в камеру поставил, хоть правилами тюрьмы это не позволялось, но адмирал все равно изнывал. Несколько раз он предпринимал попытки бежать, его ловили, наказывали карцером и снова водворяли на место. Так шли день за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем. Но, когда пошел седьмой месяц его заточения, в середине декабря, адмирала известили, что заключение его близится к завершению – Верховный Министр Хеймингии Роман Хеддер своим особым указом заменил ему пожизненное заключение на ссылку в пустые земли. Как объяснил тюремщик, это было связано с праздником – Днем Странников, установленном на пятом году правления Холмского и отмечавшимся восьмого декабря. В этот день особо чествовались все отшельники, подвижники, аскеты, всегда пользовавшиеся у хеймингов особым уважением, а также два места, связанные, по легенде, с жизнью святого Виталия, инициатора отшельнического движения в Великом Хейме и духовного наследника святого Фомы – среднее течение реки Назия, впадающей в Ореховую бухту, и озеро Ункаси в юго-восточной Ингрии, в Загорье.

– Вам было бы неплохо посетить эти места, – сказал в заключение своей речи тюремщик и внимательно, пристально посмотрел в глаза Мерилоде. Тот кивнул. Намек был понят. Адмирал только и спросил:

– Куда меня намерены отправить?

– На остров Ханхипаси.

– Это где?

– На Ладоге, близ острова Суурсаари. Бывает, что до этих островов доплывают рыбаки, а сами острова все заросли лесом. – И страж снова пристально взглянул в глаза Мерилоде.

Правда, из дальнейшего разговора выяснилось, что адмиралу придется еще дожидаться ссылки несколько месяцев, пока Suomenlahti не очистится ото льда, но это уже не имело большого значения. Свобода опьянила Мерилоду. Скоро, совсем скоро свободен! Кто тогда сможет удержать его на том диком острове на Ладожском озере?! Никто. И Мерилода тогда отправится к финнам и начнет борьбу с Хеймингией, столько лет преследовавшей его! Адмирал все это время недаром читал газеты. Из сообщений журналистов было ясно: отнюдь не все народы мира восторженно принимают хеймингское владычество. Сообщения о смутах приходили из Ингрии, Финляндии, Галлии, Нумидии, Германии. Имея такие огромные деньги, можно ведь организовать целую войну против хеймингов, тем более, что очень хорошую опору Мерилода может найти в многочисленных колониях койвистинцев, разбросанных по берегам всех крупных водоемов в Ингрии – о них он читал недавно в каком-то журнале. Оказывается, койвистинцы, даже живя среди других финнов, не сливаются с ними, а существуют очень обособленно и имеют свою социальную структуру, свою религию, во многом отличающуюся от обычной финской. Больше всего удивило адмирала то, что они его до сих пор помнят и чтят и даже, зная о его злоключениях, считают мучеником. Узнав об этом, Мерилода радостно потер руки – так это соответствовало его планам.

Как бы там ни было, но сейчас, в конце апреля, адмирал Мерилода рассеянно смотрел в иллюминатор хеймингского парусника, везшего его к Суурсаари.

Отплыли они около полуночи, и Мерилода, едва взойдя на корабль, отправился спать и проспал всю дорогу до Ладоги. Финский Залив был спокоен, Нева – тем более, поэтому никаких внешних помех его покою не было, а бежать отсюда он и не пытался – железная дверь, решетка на иллюминаторе, да и времени на побег маловато – по Неве судно проходит очень быстро, просто не успеть сбежать; но зато Ладожское озеро показалось им во всей своей красе. Еще не пропали за горизонтом огни маяка крепости Орехов, а вокруг уже бушевали вспененные валы, злой ветер, налетая шквалами, рвал клочья густого тумана, а половину парусов пришлось срочно опустить. Корабль мотало во все стороны, над головой Мерилоды гремели по палубе шаги матросов, рявкали и шипели волны, где-то что-то ритмично постанывало, и на адмирала вдруг нахлынула невообразимая тоска. Столько лет он не слышал этих чудесных звуков, столько лет провел в лесах, а потом в этой кошмарной тюрьме! И сейчас он

едва не заплакал от нахлынувших на него чувств. Он и мучительно грустил о прошедшем, и задыхался от радости, слыша такие знакомые звуки, которые уже не надеялся услышать, и все это сливалось в невыразимое блаженство при виде бурной Ладоги, освещенной первыми лучами поднимающегося солнца. Мерилода прильнул к стеклу и жадно впивал простор водной шири бескрайнего Ладожского моря-озера, то и дело смахивая с ресниц слезы восторга и светлой радости возвращения.

К полудню ветер, наконец, ослаб, на мачтах снова поставили все паруса, и корабль легко помчался по сверкающим водам озера на север. Над водной гладью появились чайки. С криками носились они над водой, высматривая добычу, и то и дело одна из них проносилась на бреющем полете над самыми волнами, слегка задевала их клювом и тут же взмывала вверх с рыбиной в нем, а Мерилода все смотрел и не мог насмотреться на этих чаек, на сверкающие золотом волны, на полоску каннасского берега на западе, едва виднеющуюся на горизонте. Как мучительно знакомы все эти картины!

До места добрались только к вечеру. Солнце краем диска коснулось уже горизонта, еще несколько часов – и станет совсем темно. К острову корабль подходить не стал – слишком мелко. Дверь адмиральской камеры распахнулась, и стражник знаком велел Мерилоде выходить. Спустили на воду шлюпку, посадили в нее адмирала, погрузили несколько неуклюжих ящиков, и суденышко, подгоняемое веслами четырех дюжих гребцов, помчалось к острову. Матросы спешили. Едва днище загромыхало по камням, двое гребцов выскочили прямо в воду, подтянули лодку поближе к берегу, затем все вчетвером вынесли на берег Мерилоду, потом – ящики, потом – оттолкнули лодку от берега, вскочили в нее и, гребя изо всех сил, помчались назад к кораблю. Скоро оттуда, приглушенные расстоянием, послышались команды, загремела якорная цепь, и корабль, хлопнув парусом, развернулся в сгущающейся темноте и стал удаляться. Вскоре его огни скрылись из виду. Мерилода остался один.

В сгустившейся влажной апрельской темноте адмирал наощупь добрался до ящиков и так же наощупь принялся возиться с замком. По счастливой случайности первый же открытый им ящик оказался набит разным необходимым тряпьем. Мерилода извлек из него ватный спальный мешок, расстелил, забрался в него, не раздеваясь, и скоро уже спал.

Ночь адмирал провел отвратительно – было прохладно и, кроме того, спать мешали камешки под боком. Мерилода долго ворочался во сне, который был в эту ночь неглубок и не освежающ, и никак не мог найти подходящей позы, в коей мог бы по-настоящему выспаться. Утром, наконец, стало просто холодно, и адмирал, не выдержав, вскочил. Тикающие на руке часы показывали шесть утра. Ледяная ладожская вода прогнала сонливость,

и Мерилода, размявшись немного и согревшись, стал разбирать ящики. В первом, открытом вчера, оказалось, помимо спального мешка, еще белье, одежда и палатка. Второй ящик был набит провизией, а в третьем Мерилода нашел посуду, приличный набор разнообразных инструментов и даже удочки с крючками. Голода адмирал пока не чувствовал, посему счел за лучшее осмотреть остров, и результаты вызвали в его душе пароксизм гнева. Куда хейминги его завезли, вилы Туони им в глотки?! Ведь оставаться здесь – верная смерть! Ссылка! Ха, ничего себе ссылка! Остров Ханхипаси, как выяснилось, представлял собой каменистый клок суши посреди Ладоги размерами триста на восемьсот метров, вытянутый с запада на восток и поросший редкими, жалкими деревцами и кустарниками. Центр острова был загроможден валунами, из коих некоторые были больше человеческого роста, и только эти валуны помогли Мерилоде сделать открытие, несколько ослабившее гнев – километрах в пяти на севере виднелась небольшая полоса суши. Это, как догадался адмирал, и был остров Суурсаари. Он был близко, но как добраться до него? Это была главная проблема, ибо задерживаться на Ханхипаси Мерилода отнюдь не собирался.

Обследование, наконец, было завершено. Адмирал, насобирав по дороге плавника, вернулся к своим ящикам и, разведя костер, занялся завтраком. Ожидая, когда закипит чайник, и сосредоточенно ковыряя вилкой консервированную фасоль с мясом, он, как обычно, задумался, и невеселы были его размышления.

Ясно, что выжить на этом островке решительно невозможно, а это значит, что его необходимо как можно скорее покинуть и плыть хотя бы на Суурсаари. Только как это сделать? Ни лодку, ни плот соорудить нельзя – хоть и дерево есть, но нет ни гвоздей, ни веревок, а плыть пять километров по бурной и чрезвычайно переменчивой Ладоге, в ледяной воде – это самоубийство. Взгляд Мерилоды блуждал вокруг… и то и дело останавливался на ящиках. Тот, что занят продовольствием – самый большой из всех, метра два в длину, не меньше, да и сделан добротно – деревянный, обитый снаружи жестью. Но пускаться в плавание в ящике?! Это не только безрассудно, но еще и смешно! Хотя… Как говорят словене, на безрыбье и рак – рыба. Поневоле и в ящике поплывешь, если другого выхода нет. Кроме того, и плыть-то недалеко.

Наконец, не найдя лучшего выхода, Мерилода решился и стал готовить «судно» к плаванию. Это заняло у него несколько дней. Немало помучился он, вырезая из дерева уключины и прилаживая их к бортам «лодки», потом долго возился с веслами и рулем. Затем настала очередь мачты, которая вышла у адмирала в виде заглавной буквы А. Больше всего хлопот доставило ему закрепление мачты; делать это пришлось с помощью

разных тряпок, столь предусмотрительно оставленных хеймингами и разорванных адмиралом на полосы.

Через несколько дней «корабль» был готов. Два пробных путешествия вокруг острова он выдержал неплохо, и тогда Мерилода решился плыть. Вечером он погрузил в свою посудину запас продуктов на несколько дней и некоторые другие необходимые вещи, а наутро, пробудившись очень рано, бросил туда же спальный мешок, столкнул судно в воду, и путешествие началось.

Больше всего адмирал волновался о том, выдержат ли уключины, сделанные из мягкой сосновой древесины, несколько часов работы веслами, поэтому, отойдя на достаточно почтительное расстояние от острова и поймав налетевший с юга ветер, он бросил весла и поднял «парус», сделанный из плотной простыни. Ветер весело ударил в полотнище, суденышко вздрогнуло и ускорило бег. Впрочем, двигалось оно все равно медленно – при такой скорости достичь берегов Суурсаари можно было в лучшем случае часа через два-три, но адмирала устраивало и это.

Ветер между тем все крепчал, Ханхипаси отдалялся, пока, наконец, над водой не остались торчать лишь вершины деревьев, а Суурсаари, наоборот, неуклонно приближался, лодка набирала скорость, и Мерилода то и дело помогал ей веслами. Но вскоре, примерно через час после отплытия, он бросил весла и уменьшил площадь паруса, с заметным беспокойством поглядывая на волны и на небо. Ветер усилился, толкнул лодку, и она, налетев на волну, изрядно зачерпнула носом воды, которую адмирал бросился вычерпывать. Небо начали затягивать тучи, ветер налетал порывами, обдавая Мерилоду брызгами. На корму налетали волны, подталкивая лодку вперед, сама лодка регулярно каждые две-три минуты зачерпывала воды, и Мерилода метался, как угорелый, между черпаком, рулем и веслами, мачта стонала, так что площадь паруса пришлось снова уменьшить. Одно было хорошо – адмирал ясно видел прибрежный лес на Суурсаари, и этот лес был уже близко.

Ветер вдруг резко изменился и ударил сбоку и спереди. Мерилода быстро спустил парус и взялся за весла. Грести было очень неудобно, движению препятствовали и ветер, и волны, лодка подвигалась медленно – но все же двигалась. Уключины скрипели и стонали, у адмирала появились мозоли на ладонях, но он по-прежнему упирался веслами в упрямую воду и упорно толкал судно вперед.

Наконец двухчасовые усилия Мерилоды увенчались-таки успехом: лодка вздрогнула, днище громыхнуло о камень… другой… Волны стали подталкивать судно к берегу. И вот одна волна, более яростная, чем другие, подняла ящик на гребне, пронесла его на огромной скорости несколько метров и со всех сил ударила о плоский береговой валун, опрокинув судно

набок. Адмирала с ног до головы окатило водой, и он, задыхаясь и выпучив глаза от ледяного купания, схватил мешок с вещами и спальник и бросился подальше от берега, пережив тем временем еще одну волну, чуть не смывшую его назад в Ладогу. Тараща глаза, лязгая зубами, отдуваясь и откашливаясь, он выбрался на высокий лесистый берег и, сняв насквозь промокшую одежду, побежал искать топливо. Это было несложно, хвороста в лесу и плавника у кромки воды было более чем достаточно, и уже очень скоро Мерилода сидел у костерка, сушил мокрые вещи и отогревался.

Процедура просушки заняла почти весь день. Когда она была закончена, солнце уже клонилось к закату, поэтому адмирал решил никуда сегодня больше не ходить. Он отправился в лес, побродив там с полчаса, приволок к стоянке изрядную охапку хвороста, подбросил несколько веток в огонь и подвесил над ним чайник с водой.

Кругом было удивительно тихо. Ветер давно улегся, и ни одна веточка не шевелилась в лесу, только волны едва слышно журчали по прибрежному галечнику. В неподвижном воздухе, нагретом за день солнцем, смешивались запахи: из чащ тянуло запахом влажной сосновой коры и земли, от воды – запахом гниющих водорослей, в изобилии выбрасываемых Ладогой на прибрежные камни, и ко всему этому примешивался запах дыма от костра, над которым уже пел закипающий чайник. Из-за линии горизонта, за которую ушло солнце, ввысь вздымались оранжево-золотые лучи и заставляли облака светиться золотом по краям. Впрочем, и облаков-то было немного. Они висели лишь над западным горизонтом, неплотным слоем, и сквозь них вверх, к безоблачному лазоревому зениту вырывались золотые солнечные мечи, а с другой стороны, с востока, уже подбиралась к нему черно-синяя ночная тьма, тьма тихой апрельской ночи. И ничего больше вокруг не было. Лишь лилово мерцающие холодные воды озера, тихий сонный лес, огонь костра и бездонное небо. Вокруг был конец апреля.

Чайник закипел, Мерилода снял его с огня, отгреб в сторону палкой горячие угли и выкатил из золы несколько картофелин, потом достал из мешка соль и хлеб и взялся за ужин. Мыслей никаких в голове не было, и адмирал просто наслаждался давно забытым покоем. Такого покоя он не ведал уже много лет, наверное, с тех самых пор, как покинул когда-то Сабрию. Все это время было занято горькими размышлениями, походами, стычками, заговорами, а потом этим жутким заточением. Тюрьма высосала из него, казалось, все соки, он измучился за эти несколько месяцев так, что, думалось ему, теперь уже не будет сил ни на что – ни на заговоры, ни на борьбу с Хеймингией. В нем оставалась лишь безнадежность человека, обреченного на пожизненное сидение в тесной камере над книгами. Но – странное дело! – когда адмирал оказался на Ханхипаси, когда увидел над

собой, вместо белого каменного свода темницы, бездонное прозрачное небо, то все, что, как думал он, давно умерло в душе, исчезло, испарилось и было прочно забыто – все вдруг воскресло, ожило, взвихрилось, взметнулось в глубинах сердца, и тогда он лишь за яростной, напряженной работой мог выплеснуть бушевавшие в груди чувства. Вновь заговорило в нем и природное жизнелюбие, и живой интерес ко всему, что его окружало, и неуемная энергия, и даже вражда к хеймингам, и адмирал вновь становился тем непокорным непоседой, каким был когда-то раньше. Но и нечто новое появилось в нем. Теперь он был враждебен хеймингам не потому, что они немало навредили ему, а потому, что они уже принесли много вреда и в будущем принесут еще больше самой Ингерманландии, да и всему миру. И ненависть его была теперь не ненавистью слабого побежденного к сильному победителю, а враждой равного с равным. Мерилода имел за своей спиной огромную силу в лице возмущенных народов Ингрии, подкрепленную большими деньгами штадтгальтера Иголина, и печалило его лишь одно обстоятельство – не было больше на свете Уураса.

Об этом Мерилода прочел в газете незадолго до отъезда с Нервы и узнал из статьи следующее. Оказалось, что все эти годы недовольство правлением Йормы Парттимаа неуклонно росло, народ нищал, а враги наглели. И вот, в начале апреля, за какую-нибудь неделю до освобождения Suomenlahti ото льда и начала навигации люди взбунтовались, вооружились кто чем и, смяв полицию, ринулись ко дворцу правительства. Частей, расположенных в городе, для подавления беспорядков оказалось недостаточно, и Парттимаа снял часть войск прямо с фронта, уже который год державшегося против словен. Словене же, увидав, что сдерживающая их стена ослабла, приободрились, поднатужились, раскидали оставшихся защитников и ворвались в город. Там, естественно, разразилась жуткая резня, кровь лилась ручьями и реками, а сам Уурас, большей частью деревянный, словене подожгли, и он сгорел дотла. Таким образом, последний оплот финской торговли на Suomenlahti перестал существовать. Финский Залив перестал быть финским. Теперь, когда удастся выбраться с Суурсаари, плыть туда, разумеется, бессмысленно, там нечего делать. Впрочем, нет смысла думать сейчас об этом – лодка-то не найдена!

Отбросив размышления, Мерилода подбросил в огонь хвороста и стал готовить себе постель, что было делом недолгим. Он просто расправил спальник, бросил его прямо на гладкую гранитную поверхность, снял куртку и сапоги, а потом прямо в одежде забрался в мешок, использовав куртку вместо подушки.

Но ему не спалось. Адмирал молча лежал на жесткой каменной поверхности и смотрел в небо, где уже загорались далекие звезды. Бездонный бесконечный небесный купол ночи нависал над спящей землей,

над мерно вздыхающим озером, волны Ладоги тихо-тихо, словно боясь разбудить кого-то, журчали между камнями, на западе угасал последний отсвет вечера… Кругом такая тишь и свобода! Воздух бесшумно реет неслышным ветром под самыми звездами, воды растворяют в себе свет восходящей луны, лес молчит, точно боится спугнуть эту ночь, струящуюся по кронам, бегущую по волнам озера, едва касаясь их, так легко, как на цыпочках. А камень, на котором лежит адмирал, кажется, дышит, шевелится гранитная твердь Суурсаари во сне, таит силу, эхо, неслышное, будто ничем не вызвано, тайное, мечется между небом и землей. Великое время!

Пробудился Мерилода рано – солнце еще не взошло, хотя до восхода оставались считанные минуты, восток сверкал золотом, и пламенели висящие над ним облака, сияя рубином. Над водой стелился туман, и было сыро и довольно прохладно. Костер давно погас, а зола успела остыть, так что адмиралу пришлось заново разводить огонь, что он и сделал, немного повозившись с еще не до конца просохшими спичками, так что, когда солнце поднялось над водами Ладоги, Мерилода уже сидел у огня, заканчивая завтрак и размышляя, что делать дальше. Размышления эти, впрочем, не требовали больших умственных усилий – ясно, что надо срочно искать лодку, и вопрос состоял лишь в том, где больше вероятность ее найти. Запасов у адмирала было всего на два дня, поэтому хоть какую-нибудь посудину надо было отыскать в кратчайшие сроки. Наконец, верно рассудив, что берег острова (если верить карте, детально изученной в последние недели заточения) везде одинаково обрывист, каменист и не во всяком месте удобен для пристани, адмирал решил, что совершенно все равно, куда идти, посему, загасив костер, собрал вещи, взвалил на спину неуклюжий рюкзак, сшитый им кое-как из мешка и двух брезентовых ремней, и двинулся по берегу на запад.

Не успел он отойти и пары сотен метров от места высадки, как пришлось оставить отлогий каменистый берег и идти лесом – берег стал обрывистым, и теперь Мерилода шел по-над высоким обрывом, частью песчаным, частью гранитным, отвесно опускающимся прямо в озеро. Солнце тем временем, поднимаясь, разогнало клубившийся над Ладогой туман, и в воздухе появились чайки. Мерилода, однако, почти не обращал на них внимания, которое было больше приковано к почве под ногами, оставлявшей желать всего наилучшего: она представляла собой невообразимый хаос сплетшихся корней сосен, рытвин, промоин, ям, движение по которому усложнялось еще и нагромождением камней. Мерилода дважды упал, больно ударившись о камни, три раза едва не вывихнул ногу и, наконец, умаялся, сбросил на камень рюкзак, вынул топорик и пошел разыскивать топливо. Бродя по лесу, адмирал постоянно удивлялся его дикости и захламленности, которая была, однако, очень

полезна – легче было искать дрова, так что очень скоро на стоянке горел костер, а на нем кипел чайник; чтобы наполнить его, пришлось спускаться к озеру по крутому обрыву, и Мерилода на такой крутизне едва не свернул себе шею.

Адмирал за эти два часа измотался так, как раньше не уставал и за целый день пути. Он сидел на камне, устало ссутулившись и понурив голову. Всего за несколько месяцев тюрьма совсем лишила его сил. Но ничего! Он теперь свободен, а уж воздух свободы, как сказал кто-то из древних, оживит и покойника.

Лишь на второй день путешествия, устав до полусмерти и наставив везде синяков и шишек, наткнулся Мерилода на то, что искал. На берегу, килем вверх, лежала четырехметровая деревянная лодка, обшитая железом. Перевернув лодку, адмирал обнаружил под ней мачту и весла. Судно было оставлено здесь, по всей видимости, недавно. «Это, конечно, нехорошо – угонять чужую лодку, – подумал Мерилода, спихивая посудину в воду, – но ничего не поделаешь – такова жизнь!». Когда она закачалась на волнах, адмирал побросал в нее рюкзак, мачту, парус и руль, отошел на веслах от берега, поднял парус, и лодка, поймав ветер, весело побежала вдоль берега на юг.

С комфортом устроившись на корме, Мерилода оглядывал берег, по которому только что шел, и дивился тому, как изрезаны здесь берега: в сушу повсюду вдавались глубокие, узкие и извилистые фьорды, в море далеко выдавались мысы, а само море у западного берега Суурсаари было усеяно множеством островов, островков и просто скал, торчавших из воды и облепленных чаячьим пометом, и, плавая в этих водах, смотреть надо было в оба. Тем не менее адмирал благополучно прошел вдоль берега, и впереди показалось на горизонте темное пятнышко – остров Ханхипаси. К нему-то и направил Мерилода бег своей лодки.

Ладога вот уже несколько дней была спокойна, поэтому, без происшествий добравшись до Ханхипаси и взяв оставленные там вещи, Мерилода решил плыть к Каннасу. Но ветер был слаб и непостоянен, лодка шла медленно, адмиралу то и дело приходилось садиться на весла, поэтому до материка он добрался лишь на другой день к вечеру, проведя ночь на попавшемся ему большом лесистом острове Коневец, и здесь перед ним встал вопрос: куда плыть дальше? Уурас разорен и сожжен, Суолайтури, если верить газетам, давно под пятой хеймингов, и там Мерилоду точно отправят в царство Туони, едва он там появится. Куда же теперь? В Сабрию? Его там, вероятно, давно забыли. На Салаярви?

И тут адмирал вспомнил об Ахоле. Тот, помнится, ушел с Салаярви к Ладоге воевать с хеймингами. Вот его-то и надо проведать.

На другой день, проснувшись на рассвете, Мерилода после всех положенных утренних приготовлений оттолкнул лодку от берега, поймал парусом ветер, и суденышко, освещенное первыми солнечными лучами, понеслось вдоль берега на юг, а он сам устроился, как обычно, на корме, с любопытством поглядывая вокруг. И было на что посмотреть! Рыжее жаркое солнце вставало над горизонтом, освещая облака, и волны от его света заиграли яркими золотыми бликами, синий зенит начал едва заметно светиться. Ветер с силой упирался в полотнище паруса и разгонял остатки тумана над водой, журчавшей под носом лодки, а справа по курсу от его дуновений вздыхал береговой сосновый лес, и его вздохи смешивались с тихим шелестом набегавших на прибрежные камни волн.

Мерилода блаженствовал. Он ведь даже и не надеялся вернуться когда-нибудь к морю, а сейчас плыл в лодке по прославленной Ладоге, волн которой ему еще ни разу в жизни не доводилось бороздить, и вода шелестела совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки! И чайки, давно уже поднявшись на крыло, летали над озером с жалобными криками, выискивая в толще вод косяки рыбы, и волны толкали лодку в бока, и ветер, наполнявший когда-то паруса ныне сгинувшего флота Койвисто, подталкивал теперь адмиральскую скорлупку к цели – устью Волхова.

Мало-помалу адмирал отвлекся от созерцания озера и предался размышлениям. Итак, он плывет на устье Волхова, к Ахоле. Что ему там делать? Да, он, конечно, найдет там своих, тех, с кем он еще Хеймсстадир штурмовал, но чем ему там заняться? Да и неизвестно еще, обнаружит ли он вообще хоть кого-нибудь из финнов, ведь Ахола, что ни говори, шел на верную смерть, и хейминги почти наверняка перестреляли его армию, а те, кому повезло остаться в живых, скорее всего, разбежались и затерялись в Ингрии. Ингерманландия велика, есть где затеряться. Ну а если не разбежались, то весь вопрос в том, сколько их осталось. Будем надеяться, достаточно много, Ахола – командир умелый и не станет губить людей понапрасну. А ежели так, то… О-о! Какие перспективы открываются тогда перед Мерилодой! Ведь Волховский залив – место, имеющее стратегическое значение, это один из главных транспортных узлов Ингрии, и недаром хейминги организовали там огромную колонию Альдейгьюборг, а недалеко от него воздвигли мощный форт Соболец. Пиратство, конечно, вещь плохая, адмирал сам в детстве пострадал от него, но если обратить его против хеймингов, деньги в карманы ему потекут рекой. Главное – построить корабли, небольшие и достаточно маневренные и быстрые, и хорошо вооружиться. Он совсем недавно прочел в каком-то журнале возмущенное письмо коменданта Собольца, в котором он жаловался, что ладожская эскадра до сих пор оснащена только парусными судами, тогда как военный флот на Suomenlahti давно уже имеет на вооружении моторные корабли. Для

хеймингов сие обстоятельство было, несомненно, весьма прискорбно, но Мерилода, вспомнив об этом письме, от удовольствия даже щелкнул пальцами – ведь хеймингские торговые суда – а хеймингский торговый флот был большей частью парусным – так легко будет грабить!

За такими приятными размышлениями прошел день. К берегу Мерилода пристал лишь перед вечером, пообедав прямо в лодке, на ходу. Лес и здесь был не менее дикий и захламленный, чем на Суурсаари, поэтому адмирал задолго до наступления темноты успел поужинать и теперь сидел на берегу, у самой воды, с удочкой и созерцал неподвижный поплавок. За его спиной угасали последние лучи заката, мерно вздыхал лес. Бродя по нему, Мерилода заметил, что на ветвях берез уже пробиваются первые клейкие и липкие листья, а весь лес до самого заката был наполнен свистом птиц. Под сенью громадных сосен, чьи стволы в свете вечера казались медными, проросла первая весенняя трава, и кругом пахло мокрой землей, смолой, корой сосен, березовыми почками. В течение дня он несколько раз видел выбегавшие на берег березовые перелески, расклинивавшие сплошной сосновый покров Карельского перешейка, и эти рощицы казались легким и воздушным бледно-зеленым туманом, который весеннее солнце не только не могло разогнать, но еще и украшало его, своими лучами придавая его зелени тонкий золотистый оттенок.

Сейчас над миром растекались сумерки. Кроны сосен в осторожном свете засыпающего дня казались темнее, чем на самом деле, а волны Ладоги приобретали невероятный лиловый цвет, и цвет этот тоже был осторожным, он просвечивал сквозь темную воду едва заметно, словно боялся показаться наружу и лишь выглядывал, как мышь из норы – нет ли опасности.

Клевало плохо. За весь вечер Мерилоде удалось поймать всего с полдюжины мелких рыбешек. Наконец ему надоело сидеть в скуке у воды, и он отправился спать.

Следующий день был ветреным и ненастным, небо с рассвета было затянуто облаками, через которые лишь иногда просвечивало солнце, поминутно набегал мелкий малоприятный дождик, но адмирал не очень страдал от этого, ибо ветер, резкий и порывистый, был все же попутным, и с его помощью лодка мчалась быстро по мутным серым волнам Ладожского озера. Мерилода, как обычно, сидел у руля и рассматривал берег.

Ладожский берег Каннаса не представлял собой ничего интересного. Он, как и вообще весь перешеек, был покрыт сосновыми и еловыми лесами, кромка воды была усеяна гранитными валунами, среди которых встречались иногда поистине грандиозные экземпляры – в два, а то и в три человеческих роста, целые скалы, на которых сверху росли деревья; журчали волны, над берегом вились чайки, и ни один дымок не поднимался над лесами. За эти два дня Мерилода не заметил еще ни одного следа пребывания человека –

ни дыма, ни селения, ни даже лодки на море, хотя места здесь, вроде бы, должны были быть более обжитыми – ведь адмирал проплывал и мимо прославленного острова Коневец с его знаменитым карельским и словенским святилищем Конь-камнем, и мимо устья короткой, но бурной и порожистой Сувантойоки, где озерные берега были довольно изрезаны, а на ночь остановился не на материке, а на маленьком лесистом островке. Одному Хийси известно, почему адмирал не заметил признаков человека в этих местах, хотя не отдалялся от берега более, чем на полкилометра. Впрочем, его это не слишком волновало – продукты есть, лодка в порядке, значит, беспокоиться не о чем.

Весь третий день путешествия Мерилода плыл вдоль однообразного скучного берега, протянувшегося на целых пятьдесят километров и известного среди карел под названием Волоранта. Невозможно было вообразить себе ничего более унылого и скучного, чем этот берег. Он, так же, как и весь Каннас, был покрыт сосняками, но росли они здесь не на богатых супесчаных почвах, как на тех берегах, что уже видел адмирал, а на болоте, поэтому лес был здесь низкорослый и чахлый. Печальные сосны молча стояли вдоль берега, а над ними все так же вились чайки.

Под вечер Мерилода увидел вдали прямо по курсу огонек. Красное светящееся пятнышко равномерно вспыхивало и гасло где-то у самого горизонта, и адмирал, хотя и сразу сообразил, что это маяк, никак не мог вспомнить, где же этот маяк находится, и не раз обругал себя за то, что плохо выучил карту Ладоги. Лишь разглядев в сумерках очертания мыса и круто изгибающегося здесь берега, он понял, что видит перед собой самую северную точку коренного хеймингского побережья Ладоги – мыс Морьин Нос. Впрочем, хеймингской эта территория была чисто формально, ибо хейминги, захватив когда-то эти земли, с началом бурного развития Хеймингии начали их покидать, уезжая за счастьем на Архипелаг.

За несколько лет между победой Хеддера на выборах и Соболецким кризисом в Хеймингии прошли быстрые и необратимые изменения, в результате коих континентальные города практически полностью потеряли свое былое значение. Раньше они были большими индустриальными городами, густонаселенными, с множеством заводов, с верфями. Это положение сохранили за собой только Оккервиль и Ауттова, хотя и они, бывшие когда-то главными центрами промышленного производства Великого Хейма, не могли теперь соперничать ни с одним из городов Хеймингии. Из остальных же штадтов все заводы были давно перенесены на Архипелаг, а сами города, пройдя через тяжелейший экономический кризис, едва не уничтоживший их, из индустриальных центров

превратились в центры отдыха – в курорты. Частью Хеймингии они, однако, формально уже не являлись. Во время кризиса их наводнили финны, карелы и словене, роль которых очень скоро свелась к тому, чтобы обслуживать хеймингов, приезжавших в Исходный Хейм поразвлечься, поваляться на пляже, побродить по каннасским лесам и поплавать в водах Финского Залива, отличавшихся здесь почти идеальной чистотой. Единственным городом, не сумевшим справиться с этим кризисом, был Сейвисто. В нем словене и финны чувствовали себя полновластными хозяевами.

Однако, фактически потеряв континентальную часть Хейма, хейминги приобрели взамен много больше – идеологический и экономический контроль над всей Ингрией. Их коммерсанты забирались во все уголки страны, пропаганда буддизма велась повсеместно и так интенсивно, что перед ней не устояли даже новгородцы, крепче всего державшиеся за старые словенские обычаи.

(История Великого Хейма: Учебник / Под ред. акад. М. Сильвия Сцевина и проф. Э. А. Саарлахти. Издательство Университета Сегоярви, LXI, с. 121).

Берега Ореховой бухты, вдоль которых Мерилода плыл весь следующий день, не выглядели особенно интересными. Они поросли березняками и осинниками, в которые местами были вкраплены сосновые боры; камней на них было заметно меньше. Только здесь начали кое-где попадаться рыбацкие деревеньки, да еще у истока Невы адмирал видел хеймингский форт Орехов на островке и домики небольшого селения напротив него на берегу. На ночлег Мерилода остановился в устье речушки, впадавшей в Ладогу невдалеке от истока Невы. Судя по приметам, это была Назия – священная река для хеймингов, на которой, согласно легендам, жили первые мудрецы-отшельники, и адмирал вспомнил, что тюремный смотритель когда-то советовал ему посетить те места. Но было некогда – продовольствие подходило к концу.

На пятый день путешествия окончательно распогодилось, и лодка, подгоняемая сильным юго-западным ветром, быстрее помчалась по волнам, омывавшим здесь берега Южного Приладожья, района Кобоны и Собольца. Волоранта была, конечно, землей печальной и однообразной, но по сравнению с тем, что видел Мерилода сейчас, даже она могла показаться великолепным и полным жизни раем. Берега Ладоги между Назией и Волховом представляли собой одну сплошную топь, мрачность которой только подчеркивали жалкие и хилые рощицы полуживых осинок. За

неширокой полосой прибрежного галечника сразу начинались болота и тянулись без конца и края до самого горизонта. Мерилода с тоской смотрел на эту жалкую бесплодную землю и думал: «О боги, неужели и здесь живут люди?!» А люди здесь действительно жили. По сведениям, почерпнутым из книг, эти трясины и моря камыша были заселены остатками ижоры и среднеингерманландских финнов, которых когда-то оттеснили с их исконных земель словене, и жили эти реликты, распавшиеся на несколько мелких, часто враждовавших между собой общин, прескверно. Да и как еще можно жить на болотах, на переувлажненных, бесплодных почвах, где вырастить даже жалкий урожай какого-нибудь салата или гормы представляется задачей посложнее, чем изобрести самолет! И адмирал чувствовал, что в поисках Ахолы и его войска ему не избежать более близкого знакомства с жизнью южноладожских финнов.

До устья Волхова он добрался лишь на шестой день вечером, проплыв по дороге мимо Собольца. Соболец! Главная хеймингская перевалочная база на пути на Ильмень, Онегу, Белое море, в Арктику. Маленькая белая крепость на каменистом островке, а вокруг – лишь пепельная сталь Ладоги да унылые безжизненные трясины на многие километры – таким запомнилось это место адмиралу. У берега толпились мачты кораблей Хеймингии, слышался шум, крики матросов, да еще доносился сквозь журчание волн монотонный шелест камышей. «И здесь камыши! Совсем как в Грюнемооре…»

Собственно, настоящим, полноценным перевалочным пунктом в этих местах был не Соболец, а Альдейгьюборг, где были огромные пакгаузы, вместительный удобный порт и шла бойкая торговля, а Соболец был главным образом военно-морской базой и как торговый центр имел меньшее значение – территория не позволяла, но именно он контролировал большую часть Ладоги – за вычетом, пожалуй, лишь Волоранты и Ореховой бухты – и поэтому был важнейшим стратегическим пунктом на всем Приладожье. Хейминги им весьма дорожили, но не держали там большого гарнизона ввиду того, что и нападать-то на него было некому. И Мерилода подумал про себя, что с их стороны это большая глупость.

Наконец адмирал достиг Альдейгьюборга. Оставив лодку у одного из дальних причалов, он направился в город, и первым местом, к коему проявил особый интерес, был, конечно же, припортовый кабак. Здесь было грязно, как и во всякой нормальной пивнухе, очень дурно пахло, у грязных и ободранных стоек стояли личности вида весьма отталкивающего, потягивая из немытых кружек дрянное пойло, которое здесь гордо именовали пивом. Мерилода порылся в карманах и, мысленно возблагодарив щедрого тюремщика, бросил на стол монету, получил свою порцию пойла и стал наблюдать. Вскоре он заметил, что ни одна

физиономия не имела черт, присущих хеймингам, да и хеймингская речь здесь не слышалась, а изъяснялись больше на местных диалектах словенского и ижорского. Адмирал, делая вид, что пьет пиво, весь превратился в зрение и слух но… нет! Ни одного знакомого лица, ни одного знакомого имени! Простояв так минут двадцать, он со вздохом оставил кружку и вышел.

Смеркалось. Идти искать жилье было поздно, поэтому не оставалось ничего другого, кроме как вернуться к лодке и улечься там спать, что и было им сделано.

Наутро, проснувшись чуть свет и произведя ревизию запасам, Мерилода понял, что необходимо срочно искать заработок, иначе придется околевать с голоду. Однако не так-то просто это было сделать. Заниматься тяжелым физическим трудом он опасался, не будучи уверенным в своих силах, другой же работы для него не находилось. Лишь на четвертый день интенсивнейших поисков адмирал сумел найти место почтальона, и ему пришлось заставить замолчать голос благоразумия, указывавший на то, что здесь его могут опознать, арестовать и казнить, и носиться по городу с громадной тяжелой сумкой, набитой газетами и письмами. Жил он по-прежнему в лодке, на которой растянул палатку.

Поиски результатов не приносили. Мерилода стал завсегдатаем кабаков и маленьких грязных столовых, случалось, ездил с почтой на пригородные хуторки и в деревни, но только через две недели счастье улыбнулось ему.

XXVIII. АХОЛА

На некоторых людей не надо расставлять ловушек: они – превосходные ловушки для самих себя. Но, если смотреть непредвзято, не все ли мы таковы?

Роман Хеддер. Из писем к Томасу Холмскому.

Однажды утром адмирал сидел в маленьком кафе в хеймингском квартале и со скучающим видом ковырял вилкой тушеного цыпленка, раздумывая, не пора ли попробовать поискать Ахолу в окрестностях города. Он уже почти расправился с птицей, когда за соседний столик сели двое мужчин, одетых бедно, но аккуратно и опрятно, и позвали официанта. За едой они вполголоса говорили, видимо, продолжая начатую ранее беседу, и Мерилода заметил, что разговор велся на чистейшем финском, что для этих мест было довольно необычно. Адмирал стал прислушиваться и услышал следующее.

– Худо нам здесь, – говорил один из них. – Живем на болотах да в лесах, где не растет ни шиша. Кое-как здесь в городе еще пробавляемся. В Уурасе погано, а тут еще хуже.

– В бывшем Уурасе, – поправил его второй. – Нет больше города. Помнишь, какая резня там была?

– Не напоминай! Я тогда так себя ругал за то, что сунулся к вам туда. Деньги! Денег захотелось! Предлагали мне в Альдейгьюборг идти – нет же, не хотел, платят якобы мало! А из Уураса вообще вышел гол, как сокол.

– Точно, точно. То ли дело – добрые старые времена, когда всего было вдоволь, и работа была, и платили, как полагается. А после того, как собака Виртанен выгнал Мерилоду из страны, все и рухнуло. Сижу теперь в этом поганом Силламяэ…

– Ага! А как с адмиралом Ахола поцапался, еще хуже стало… Собачья жизнь!

Мерилода навострил уши – говорили о нем! Приказав официанту подать чаю, он продолжал внимательно слушать, но из дальнейшего разговора ничего интересного не услышал.

Наконец один из собеседников – тот, что жаловался на «собачью жизнь» – встал.

– Уже уходишь? – с некоторым сожалением спросил его другой.

– Да, пора.

К их столику подскочил официант, мужчина расплатился и направился к выходу. Мерилода, поспешно вскочив, тоже сунул официанту деньги и пошел вслед за мужчиной. Не было ни малейшего сомнения, что

этот человек – из числа койвистинцев и был когда-то под началом у Мерилоды.

Мужчина быстро шел по улице, адмирал, расталкивая прохожих, едва поспевал за ним. Наконец, когда они оказались на одном из малолюдных переулков, Мерилода окликнул его. Мужчина остановился и оглянулся, а адмирал, подойдя к нему, молвил:

– Прошу извинить меня за, возможно, нескромный вопрос, но вы, если я не ошибаюсь, знакомы с Тойво Ахолой?

– Да, он – наш главарь, – невесело усмехнувшись, ответил мужчина. – А почему вы спрашиваете? Вы…

Мужчина вгляделся в лицо собеседника и вдруг ахнул:

– Адмирал!

– Я уж думал, вы меня не узнаете, – заулыбался Мерилода.

– Ах ты ж елки зеленые, герр адмирал! Хийси и Туони! Откуда вы здесь? Где вы столько лет пропадали?

– Ой, долго рассказывать! Только вы уж потише, пожалуйста, а то хейминги еще, чего доброго, узнают. И вообще, мне бы этого Ахолу найти…

– О, так я вас сейчас отвезу. Я как раз домой собираюсь.

Через десять минут они уже тряслись по ухабам в маленькой и неуклюжей машине, колеса которой чуть не разъезжались в разные стороны под тяжестью наваленных сумок, коробок и мешков, и мирно беседовали.

– Вот видите, как мы живем? – говорил попутчик адмирала. – Можно сказать, кормимся только приработками. Я вот работал два месяца грузчиком, зато и накупил еды, надолго теперь хватит.

– А кроме еды что-нибудь покупаете?

– Редко, очень редко – денег-то нет! И так живем впроголодь…

– Машина ваша?

– Нет, не моя. Она у нас одна на восемь деревень. В общем пользовании.

– Хорошо, а как вы здесь оказались? Что произошло после того, как вы покинули Зеленецкие болота?

В ответ на это его собеседник рассказал целую историю.

Армия, покинув Грюнемоор, двинулась тогда к Альдейгьюборгу. Все были полны уверенности, что хейминги не устоят перед их натиском, поэтому шли весело. Но их враги явно не дремали, ибо, когда финны очутились на правом берегу Волхова, напротив Альдейгьюборга, в тылу у них послышались взрывы, выстрелы, вопли – хейминги напали. Ахола, оставив небольшой заградительный отряд, чтобы задержать нападавших, двинулся было к городу, но, едва армия вышла на волховский лед, в дело вступила хейминг ская артиллерия. Всего несколько залпов сделали

хейминги из-за стен местного форта, но этого оказалось достаточно, чтобы погубить почти половину финского войска – осколки снарядов и шрапнель косили людей десятками и сотнями, лед от взрывов стал ломаться, и множество солдат просто утонуло, чему в немалой степени способствовали паника и давка. Ахола, раненный и чудом оставшийся в живых в этом кошмаре, приказал отступать, и финны с радостью бросились выполнять его приказ – но не тут-то было! С обоих берегов их в упор расстреливали хеймингские пулеметчики. Только ценой огромных усилий и тяжелых потерь воинам Ахолы удалось отбросить вражеский отряд, засевший на правом берегу, и скрыться в лесах. Их новый командующий почти два месяца не мог собрать своих людей, и лишь после долгих усилий часть его воинов вернулась к нему. Остальные, надо думать, замерзли или погибли от голода в тех ужасных чащах. Когда войско собралось, Ахола решил вести их на запад, но люди вообще не желали никуда идти, а у него рвения хватило лишь на четыре дня. За эти дни они вышли к Волхову, перешли его в нескольких километрах выше Альдейгьюборга, долго плутали на левом берегу, пришли, наконец, на болота и здесь осели.

Первое время было ужасно трудным – голод, холод, не было даже нормальной крыши над головой. Промышляли разбоем и приработками у хеймингов, но этого все равно было мало, и люди либо разбегались кто куда, либо умирали от голода. За это время – до первой осени – финны разбрелись по этим местам и теперь живут разрозненными общинами, кормятся отчасти грабежом, отчасти заработками в Альдейгьюборге, выращивают лук, салат и горму на своих огородах, тщетно пытаясь вырваться из пут непроходимой бедности.

– Вы сказали, что власть Ахолы простирается от него не далее ста метров. Что это значит? – спросил Мерилода.

Финн ухмыльнулся.

– Это значит, герр адмирал, что власти он, можно сказать, не имеет совсем. Он большую часть времени живет в своей деревне, и там его, конечно, слушаются, но в других деревнях ему подчиняются, только если он сам там находится. Стоит ему только уехать оттуда, как о его наказах моментально забывают, и главой деревни по-прежнему остается староста. О войнах – если не считать войнами кулачные бои с местными – уже никто не думает, а о том, чтобы воевать с хеймингами – и подавно.

– Так. Хм… Понимаю… – задумчиво пробормотал Мерилода и вдруг спросил: – Слушайте, а корабли или хотя бы лодки у вас есть?

– Н-ну… у тех, кто живет рядом с Ладогой, конечно есть, но на этих корытах, Хийси знает из чего сооруженных, по правде говоря, и в болотном озерке плавать небезопасно, а уж по Ладоге!..

– Но все-таки по Ладоге плавают?

– Плавают, а то как же! Кормиться-то надо!
– Значит, какой-никакой флот есть?
– Какой-никакой – есть.
– Ну, что ж, вот и отлично!

Между тем автомобиль, переваливаясь с боку на бок и подпрыгивая на кочках, ехал все дальше. Сначала вокруг дороги теснились густые елово-березовые чащи, распространявшие аромат травы, цветов и первых клейких листочков, который висел в воздухе и делал его опьяняющим, как хорошее вино, но затем леса стали перемежаться сырыми воргами и полосами заболоченного редколесья. Чем дальше они ехали, тем реже и ниже становился лес, и, наконец, за одним из поворотов дорога пошла по голому болоту.

Даже весна не могла хоть сколько-нибудь заметно оживить пейзаж этой гнилой, унылой трясины. Вокруг простиралась равнина, покрытая зловонной стоячей водой, над которой уже стонали тучи комаров; из воды выпячивались поросшие осокой и багульником кочки и бугры, кое-где украшенные скелетами мертвых деревьев. Мерилода и его новый знакомый долго ехали по грязной дороге через эти безотрадные топи; лес, в который они скоро въехали, был не менее безотраден – жалкие ольхи, осинки, березки, словно моля о помощи, поднимали к светлому небу свои тонкие хрупкие ветви, а корнями судорожно цеплялись за неустойчивую, топкую почву. Из леса машина выехала так скоро, что Мерилода понял – настоящего, полноценного леса здесь нет. Дальнейшие наблюдения только подтвердили этот вывод – местность, по которой, извиваясь и петляя между трясинами, бежала узкая грязная дорога, представляла собой сплошное болото, пейзаж которого лишь в некоторых местах разнообразили едва живые перелески.

По пути им попалась деревня, и Мерилода был поражен царящей в ней нищетой. Она была маленькая, всего несколько домиков, и окружена огородами, землю для которых удалось отвоевать лишь ценой огромных усилий и на которых сейчас уже возились крестьяне. Адмиралу бросилось в глаза удивительное сходство между людьми и их домами: дома были обшарпанные, их стены сложены из чего попало – из бревен, досок, иногда кирпичей, частью – из гранитных валунов, но в основном – мазаные из глины с добавлением рубленого камыша, их крыши были плоскими, а топились они, скорее всего, по-черному; люди были им под стать – одетые во что попало, уставшие, на лицах – безнадежность, грязные, неопрятные, они производили такое же жалкое впечатление.

Наконец, уже под вечер, перед путниками замелькали серые воды Ладоги, и машина, последний раз подпрыгнув на кочке, въехала в село, где правил Ахола. Водитель, остановившись перед его домом, побежал

сообщить о прибытии высокого гостя, а Мерилода остался скучать в машине и от нечего делать стал разглядывать деревню, которая, впрочем, отличалась от уже виденной лишь немного большими размерами, а в остальном была точно такой же нищей, как и другие селения в этих местах: одинаково нищие и убогие хижины, огороды, несколько кур барахтаются в луже, две-три собаки без особого интереса обнюхивают колеса машины да еще торчат из-за хлипких заборов любопытные детские головенки. Убогая жизнь!

Впрочем, адмиралу не пришлось долго созерцать местное убожество: хлопнула дверь, и из калитки выскочил водитель, а следом за ним и сам местный вождь – Тойво Ахола. Мерилода вышел из машины, и они обнялись так, словно никогда не было между ними никаких разногласий.

Ахола постарел. Борода его была наполовину седой, волосы на темени изрядно поредели, в глазах стояла усталость; все это не ускользнуло от Мерилоды, хотя его старый приятель изо всех сил старался это скрыть. Только его нос-пуговица по-прежнему был багрово-фиолетовым.

– Адмирал! – заорал Ахола, стискивая Мерилоду в объятиях. – Ах, Хийси с рогами, откуда ж ты взялся?!

– Ох, долго объяснять, – просипел тот, стиснутый железными лапищами друга.

– Ну, пошли, пошли в дом, там поговорим.

Ахола выпустил Мерилоду и поспешно пошел к дому; адмирал последовал за ним, заметив при этом, как располнел бывший капитан. Он шел, отдуваясь и переваливаясь с боку на бок, как гусь, и передвижение явно было для него занятием не из легких – сказывались, видимо, и события под Альдейгьюборгом, и угнетающая обстановка здесь, и малоподвжиный образ жизни. Поразительно, как сильно изменился Ахола за это сравнительно короткое время.

Вошли в дом. Обстановка здесь была простая: справа – небольшая закопченная печь, рядом – длинная широкая лавка, покрытая волчьей шкурой, у маленького подслеповатого окна – стол и три табурета, слева от стола – шкаф с посудой.

– Как видишь, живу я просто, – сказал Ахола, обведя рукой единственную комнату. – Хотя, по правде говоря, такое жилище в здешних болотах считается по меньшей мере дворцом – и стены бревенчатые, и чердак, хоть и маленький, и пол настоящий, – с этими словами он топнул ногой по некрашеным доскам пола, – а не земляной, да и вообще просторно… Однако, что же это я? – спохватился он вдруг и, бросившись к печи, стал извлекать из чулана за нею какие-то горшки и кастрюльки, крикнув Мерилоде: – Ты садись, садись, не стесняйся!

Потом достал ложки, две тарелки, налил похлебки, молвив:

– Ешь, не бойся. Я тут даже готовить сам научился, и вроде бы неплохо получается. Ты уже знаешь, как мы все здесь очутились?

– Знаю. Твой подданный рассказал.

– Вот и отлично. А тебя что привело ко мне? И где ты пропадал столько времени?

– О-о! Это долгая и печальная история!

И Мерилода поведал Ахоле все – начиная с того памятного конфликта на Салаярви. Ахола слушал, разинув рот и то и дело прерывая рассказ эмоциональными возгласами.

Когда адмирал закончил, уже стемнело. Долго молчали. Наконец Ахола спросил:

– И что ты собираешься делать дальше?

– Ох, и не знаю даже! – вздохнул Мерилода. – Есть у меня один план… Точнее, был. Боюсь, здесь его не осуществить.

– Что за план?

– Да я думал, что можно будет изрядно насолить хеймингам пиратством.

– Пиратством?!

– Ну да! Взять, построить корабли и охотиться за хеймингскими морскими торговцами. Но боюсь, не выйдет. Народ тут и так едва концы с концами сводит, а уж позариться на хеймингское добро – нет, вряд ли. Правильно ведь хейминги говорят: лучше синица в руках, чем журавль в небе.

– Это верно.

– А о тебе я слышал, что реальной власти ты здесь не имеешь.

– И это верно. За пределами своей деревни я мало что значу. Но ты недооцениваешь свои возможности.

– Мои?!

– Твои. Тебя уважают здесь и помнят, как никого другого. Все считают тебя погибшим, и представь, сколько радости вызовет твое неожиданное воскресение.

– Даже так?

– Не веришь? Выйди-ка на крыльцо и глянь вокруг!

Мерилода вышел и огляделся. Вдоль забора толпились, кажется, все жители деревни, и по толпе пробежал восторженный шепот: «Он! Адмирал! Точно, он! Сам Эйно Мерилода!».

– Ну, что, убедился? – усмехнулся Ахола, выходя следом.

– Хм! Похоже, ты был прав.

– Используй это к своей выгоде, да и… хм!..

– Да и к твоей, да? – рассмеялся адмирал.

– Какой ты, однако, проницательный!

– Кстати, о выгоде. – Улыбка вдруг исчезла с лица адмирала. – Для пиратства нужно оружие, причем хорошее, причем немало, а для этого нужны деньги. И самое интересное, что деньги-то у меня есть!

– Как это? Откуда? Неужели с собой привез?

– Нет, конечно. Думаю, они все еще лежат на том островке в Вийпурилахти. Вся проблема состоит лишь в том, как туда попасть!

– Хм! Угу… Да уж, к хеймингам, нелегкая их возьми, лучше не соваться. Тебя и так в Альдейгьюборге видели. Остается кто-нибудь из финнов.

– У тебя есть кто-нибудь на примете?

– Если честно – нет. Финским торговцам проходу не дают с тех самых пор, как Хеддер сидит в Министрах, да и словенам позволяют не больше. Хейминги хозяйничают теперь в Ингрии.

Мерилода вдруг хлопнул себя по лбу, воскликнув:

– Слушай-ка! Эх, как же я мог забыть?! Ведь у меня же лодка стоит у причала в Альдейгьюборге. Я заплатил за стоянку на месяц вперед, так что она наверняка дожидается меня там, и если бы вы дали мне продуктов дней на двадцать…

– О, да за чем дело стало! – перебил его Ахола. – Бери что надо и поезжай скорей! Если хочешь, я тебе даже человека в помощники дам.

– Нет, человека не надо, я, думаю, и один справлюсь, а вот за щедрость спасибо.

Следующий день целиком был посвящен сборам в дорогу, коими, впрочем, занимался главным образом Ахола, а Мерилода больше общался с жителями деревни. Они были прямо-таки потрясены нежданным-негаданным воскрешением всеми любимого адмирала, сам Мерилода тоже был очень рад встрече со своими бывшими солдатами, и поэтому разговорам не было конца до самого вечера. Невесть какими путями слух о приезде Мерилоды донесся и до соседних селений, и к вечеру за адмиралом ходили уже целые толпы народа, которые лишь перед наступлением темноты начали редеть.

Ночью, лежа на лавке и слушая сонное посапывание Ахолы, Мерилода пытался разобраться в своих чувствах. Разумеется, эта встреча с теми, кем он когда-то командовал, очень порадовала его, но вместе с тем в душе после всех встреч остался осадок – жалость, смешанная с отвращением. Адмирал вспомнил, что такое же чувство он испытывал в приволховских деревнях во время похода на Салаярви и во время поездки на Нерву, тогда еще принадлежавшую Койвисто. Он видел совершенно откровенную, ничем не прикрытую нищету, бедность и грязь. Эти люди были ничтожны, жалки и грязны; они, сами того не осознавая, давно стали похожи на нищих, просивших милостыню в богатых кварталах

Валланлинны и Суолайтури. Мерилода, научившийся с первых дней на флоте безошибочно определять состояние здоровья человека по его внешнему виду, едва увидев этих людей, моментально определил, что здоровых здесь нет: его бывшие воины, некогда отличавшиеся бычьим здоровьем и умевшие сохранять его даже в гиблых топях Вихерсойдет, здесь растеряли его совсем – и так быстро! Тяжелые болотные испарения, скверная гнилая вода и постоянное недоедание доконали их, а контакт с местным населением заставил их опуститься и в культурном отношении, поэтому теперь остатки самой многочисленной и мощной армии в истории Койвисто представляли собой сотни две полуголодных, рахитичных и постоянно мучимых усталостью людей, среди которых, по их же словам, совсем не редки были тяжелые болезни легких; даже если прибавить к ним местных, едва ли наберется тысяча. Мерилода находился здесь меньше двух суток, но и ему, когда, подталкиваемый ветром, на деревню наползал удушливый запах болотного газа, очень хотелось поскорее надеть респиратор и бежать отсюда куда глаза глядят, и адмирал поражался: если даже на берегу Ладоги, продуваемом свежим озерным ветром, люди то и дело разражаются судорожным глухим кашлем, а у самого Мерилоды все время першит в горле от болотных испарений, тот как же могут жить люди в глубине болот, где вокруг – одни топи, и гнилостный болотный смрад стоит над ними все теплое время года! Приходится только удивляться, как это такие жалкие больные люди могут еще заниматься грабежами? Видно, те, кого они грабят, еще слабее.

Мерилода вздохнул, повернулся на другой бок и вдруг подумал: «А как же тут пиратствовать с этими полуживыми людьми?» Эта мысль испортила ему настроение. Действительно, как можно рассчитывать на удачное ведение такой войны, когда воины практически поголовно больны и вечно полуголодны? Но, с другой стороны, бились же они еще совсем недавно с хеймингами, и эта битва выглядела настоящей военной схваткой, а не дракой мальчишек в канаве – даже если убрать из рассказов все, что было похоже на вымысел. Кроме того, для партизанской войны не требуется очень много сил, достаточно и того, что можно найти здесь. Может даже случиться так, что война встряхнет этих сонных людей, вырвет их из каталепсии, и они уже очень скоро снова станут такими, какими были когда-то. Подумав так, Мерилода успокоился и скоро заснул.

Наутро его уже дожидалась у калитки машина, доверху забитая какими-то мешками, свертками и коробками. После короткого прощания с Ахолой адмирал забрался в машину, мотор заворчал, и автомобиль, вздрагивая на неровностях дороги, выехал из деревни.

XXIX. ВОЙНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Неужели мы готовы отказаться от битвы, даже не обнажив меча?

Томас Холмский. «Речь в Оллиле»

Погода была преотвратительнейшая: над всей землей, от горизонта до горизонта, висели серые тучи. Ночью прошел дождь, и дорогу, разумеется, моментально развезло, поэтому машина шла медленно, скользя на подъемах и спусках и разбрызгивая колесами склизкую вонючую грязь. Дважды они увязали в колдобинах, и тогда приходилось вылезать и подталкивать старую тяжелую колымагу, так что до Альдейгьюборга доехали только вечером, причем оба – и водитель, и адмирал – вывозились в грязи и жутко устали. У главных ворот порта у них потребовали пропуск, объяснив, что он обязателен для въезда на территорию порта любых автомобилей. Пропуска не было, и Мерилода сначала было растерялся, но водитель совершенно невозмутимо развернулся, и, поколесив по городу, они въехали в порт по какому-то узкому, грязному и немощеному проезду, извивавшемуся между бетонными заборами и глухими кирпичными стенами бараков и пакгаузов и выведшему их к самым дальним причалам, что, собственно, и нужно было Мерилоде. Он быстро нашел пирс, к которому была пришвартована его лодка, и они под покровом надвигающейся темноты, при слабом свете фонарей, только что зажегшихся в порту, стали носить в лодку все, что привезли с собой. Кончив работу, адмирал с некоторым удивлением посмотрел на дело рук своих: все коробки и тюки, которые в машине загромоздили почти весь салон, оставляя лишь жалкий клок пространства для водителя и пассажира, в лодке заняли едва ли треть палубы.

Переночевали здесь же: Мерилода – в лодке, водитель – прямо в машине, а когда наступило утро, они распрощались, и адмирал на веслах вышел из порта, потом, оказавшись на просторе Волхова, поднял парус.

Над рекой дул сильный южный ветер, быстро погнавший лодку по волнам, имевшим в этот день необычный для рек Ингрии глубокий синий цвет. Ветер разогнал тучи, очистив небо, и от востока к зениту неспешно ползло щедрое майское солнце. Адмирал давно уже обратил внимание на его свет – в мае он был как-то особенно прозрачным. Летнее солнце пышно и яростно, его свет – как расплавленное золото, он таков даже мягким поздним вечером – тогда он тоже золото – червонное; жара и лето – две стороны одной медали, летом много света и много тепла, так, что их, кажется, излишне много, и совершенно ни к чему обрушивать их на землю в

таких количествах. Зимой свет слаб: его можно было бы сравнить с куском льда на солнце, если бы не его незаметность; в облачные дни он не виден вообще, пышная вата туч рассеивает его, а если случится изредка ясный солнечный день, то солнце светит сине и резко, и от него болят глаза, но все равно это слабый свет. Майский же свет – особенный; его никак нельзя назвать ни слабым, ни яростным: он тонок, легок, прозрачен и невесом; он – как призрачная фосфоресцирующая дымка, он светит издали, и через него словно бы просвечивает что-то, нечто такое чего нет и не может быть на земле – может быть, картины тех мест, откуда он льется, и повисает маревом в тонком воздухе, и отражается на земле маревом цветущих вишен и яблоневых садов.

Задумавшись, Мерилода не заметил волны, поднятой шедшим вверх по Волхову хеймингским кораблем. Волна накатила, толкнула лодку, захлопавшую с перепуга парусом, и побежала дальше, а за ней следовала уже другая волна. Адмирал вскочил, дернул за руль и выправил скорлупку, гневно поглядев на мачты виновника всего беспокойства, и больше старался не отвлекаться на бесполезные размышления. Его суденышко между тем продолжало весело расплескивать форштевнем волны великой реки, и вскоре впереди раскинулась Ладога. Она в этот день была абсолютно спокойна и мерцала той же глубокой синевой, что и Волхов, и, что было очень необычно для нее, оставалась такой все два дня, что Мерилода плыл по ней. К середине второго дня он вошел в Неву, и это принесло ему немало беспокойства – по реке везде сновали лодки и важно проплывали гордые хеймингские корабли, а однажды даже прошел вниз по течению военный моторный фрегат. При виде его адмирал принялся было ставить лодку носом к поднятой им волне, но вдруг остановился, вгляделся в очертания судна… и острая боль старой, но незаживающей раны пронзила его душу: этот корабль был когда-то в составе Уурасской эскадры. Это был «Лемминкяйнен».

Адмирал долго провожал глазами фрегат, а когда тот скрылся из виду за излучиной реки, расправил парус, снова взялся за руль и поплыл дальше, по-прежнему избегая попадаться на глаза хеймингам. Для чего он это делал, он не знал. Наверное, просто на всякий случай. Узнать его, конечно, не могли, да и не было никому дела до одинокой парусной лодчонки, управляемой высоким бородатым мореходом, и все-таки Мерилода опасался.

Но все рано или поздно кончается, кончилась и Нева, и адмирал плыл теперь вдоль южного берега Каннаса. Корабли здесь, он заметил, встречались намного реже – лишь у Оллилы он увидел два одномачтовых рыболовецких судна. Неудивительно: централизационная политика Хеддера уже давала себя знать. Погода, когда адмирал вышел из Невы, испортилась,

стало холодно, ветренно и дождливо. Прекрасные пляжи выглядели вымершими и пустыми.

Проплывая мимо Сейвисто, Мерилода не утерпел и решил заглянуть сюда, тем более, что надвигалась ночь, а однообразные ночевки в лодке надоели. Наутро же, едва взошло солнце, он уже яростно греб на запад, в сотый раз давая себе клятву никогда в жизни более не заглядывать в заброшенные города. Только когда скрылись из виду разрушающиеся пирсы Сейвисто, адмирал бросил весла, поднял парус и попытался разобраться, что же так напугало его в городе.

Прошлым вечером он, пришвартовав лодку у причала, вышел из порта, предусмотрительно захватив с собой пистолет, врученный ему перед отъездом Ахолой. Город был тих, словно вымер. Портовые краны ржавели и разваливались, в порту не было ни души, ни одного судна. Перед воротами порта Мерилода вдруг услышал позади глухое рычание, обернулся и в надвигающихся сумерках увидел за спиной собаку. Тощая – кожа да кости, облезлая, покрытая паршой и лишаями псина рычала на него, злобно скаля зубы и не спуская пристального волчьего взгляда с рук адмирала. Мерилода остановился. Псина умолкла, однако, едва он попытался шевельнуться, хищно рявкнула и чуть не бросилась на него. Тогда он, вспомнив, что всегда неплохо ладил с животными, решил заговорить с ней, и его мягкий вкрадчивый голос, казалось, несколько ослабил внимание зверя, но как только Мерилода сделал шаг к воротам, собака с ревом бросилась на него. Каким чудом удалось ему отскочить в сторону, выхватить пистолет и выстрелить, он так и не понял; он видел только, что после выстрела отвратительная тварь забилась на земле в судорогах, хрипя, царапая когтями землю и тщетно силясь достать адмирала смрадной пастью, из которой капала тягучая слюна. Эпизод с псиной, однако, не заставил адмирала повернуть. Он вышел за ворота и пошел по городу, решив отыскать гостинцу, в которой когда-то останавливался. Идя по улице, он сразу заметил страшное запустение, царившее в Сейвисто и бросавшееся в глаза даже в полутьме вечера: стекла в окнах выбиты, и вместо них торчат куски фанеры, а иногда окна просто и откровенно зияют пустотой; стены выщерблены, дорожное покрытие разворочено, и в трещинах пробивается трава; ни одного автомобиля на улицах; уличное освещение отсутствует, фонарные столбы большей частью повалены, провода порваны; в окнах – ни единого огонька. Город производил такое впечатление, словно по нему прокатилась война. И ни души. Нигде. Адмиралу отовсюду чудилась опасность.

Немало пришлось побродить по городу, пока Мерилода нашел ту улицу, на которой когда-то жил. Пока он искал, наступила ночь. Ночь, впрочем, белая, но на улицах, несмотря на это, царил сумрак. В гостинице,

которую он насилу нашел, тоже не было никого. Со стен и потолка осыпалась штукатурка, мебель была покорежена и поломана, в разбитых окнах гулял ветер.

Номера, впрочем, не очень пострадали, а до верхних этажей захватчики, похоже, не добирались вообще – там даже ковровые дорожки по-прежнему лежали в коридорах, а все окна были целы. Адмирал побродил по этажу, нашел комнату администратора с ключами, нашел кладовую и вошел в первый попавшийся номер. Едва он постелил себе постель, как под окном кто-то вдруг пьяным голосом загорланил песню, в которой Мерилода, прислушавшись, заметил и словенские, и финские слова, одинаково страшно исковерканные. Несколько минут орал пьяный песню, потом вдруг послышался истошный вскрик, полный боли и ужаса, глухой звук удара и негромкие голоса. Потом все смолкло.

Лежа в кровати, Мерилода прислушивался к звукам с улицы, а когда они смолкли, обратил внимание на запах. Город пропах дымом. Отовсюду тянуло гарью, и этот запах только усиливал тревогу адмирала, гнетущую тревогу, смотревшую из разбитых окон домов, оравшую пьяные песни на улице, таившуюся везде, в каждом углу. Всю ночь Мерилода не мог заснуть, ему постоянно чудился шорох шагов по коридору, и он судорожно сжимал под подушкой пистолет. Вероятнее всего, шорохи в коридорах, гулко отдававшиеся в пустых холлах здания, производились падающей штукатуркой, а может быть, по зданию ходил кто-то из местных жителей – ведь Сейвисто населяли теперь словене, – но Мерилоду все равно мучила тревога, ему все время казалось, что по коридору кто-то крадется, подходит к его двери, неслышно крутит ручку. Хорошо, что дверь заперта на замок…

Где-то внизу хлопнула дверь, и адмирал не выдержал. Он отбросил одеяло, вскочил, оделся и с пистолетом наготове бросился вон из города, который в свете восхода казался еще более неприглядным и страшным: дома – не дома, а руины, поломанные деревья, ржавеющий во дворе автобус; в воздухе витали пыль и запах человеческих испражнений. У главных ворот порта горел небольшой костер, вокруг него сидели люди, а над ним на проволоке висели несколько кусков мяса. Поодаль была брошена шкура, в которой адмирал узнал шкуру убитой им вчера собаки. Он, не помня себя от ужаса и омерзения, помчался к пристаням, нашел свою лодку (чудо еще, что на нее никто не покусился), отвязал и налег на весла, вспоминая фразу, оброненную однажды каким-то старым нойдом: «Избегай мест, покинутых людьми – в них поселяется нежить». В безопасности он почувствовал себя только тогда, когда пристани Сейвисто скрылись из виду, а впереди завиднелась восточная горловина Койвусалми.

Суолайтури был рядом, но адмирал боялся туда заезжать, боялся увидеть там такую же или еще более страшную разруху, какую он наблюдал

в Сейвисто, поэтому решительно направил свое суденышко в Койвусалми, а незадолго до вечера вошел в залив Вийпурилахти.

Место он узнал мгновенно, – несмотря на год заключения, ни одна деталь не изгладилась из памяти: скалистый пологий островок, поросший редкими сосенками, приметной формы громадный валун на берегу. Мерилоде даже показалось, что не было в его жизни никакой Нервы, а деньги он спрятал здесь чуть ли не вчера. «Может, так оно и было?» – спросил он себя. Но было не до размышлений. Вечерело, ветер стих, и пришлось приналечь на весла, что скоро было вознаграждено долгожданным стуком днища о камни. Адмирал выскочил на берег, выволок лодку и бегом бросился к памятному деревцу, среди корней которого прятался небольшой валун. Мерилода отвалил его, пошарил в яме под корнями – о счастье! кейс был здесь! Он был немедленно извлечен из ямы и открыт, и Мерилода аж зажмурился от удовольствия при виде пачек хеймингских банкнот. Воистину, здесь находилось его будущее! Адмирал быстро пересчитал деньги, окончательно убедился, что содержимое не пострадало, и мысленно возблагодарил хеймингов за то, что они делают такие прочные, долговечные и герметичные кейсы: несмотря на долгое лежание в земле, то в холоде, то в жаре, то в сырости, мягкий пластик банкнот не носил и самых слабых следов повреждений и даже не утратил эластичности, которую наверняка мог бы потерять вне кейса. И к деньгам явно никто не притрагивался. Видимо, с Тэуво Хело хейминги поступили, как у них заведено, – арестовали за незаконную торговлю или просто утопили вместе с кораблем.

Захлопнув чемодан и закрыв его на замок, Мерилода сунул его на прежнее место, завалил камнем, а сам пошел собирать топливо для костра.

Ночью, сидя у огня и смотря на мерцание северной зари на небосклоне, адмирал предавался мечтам. Он думал о том, сколько оружия и боеприпасов можно будет купить на эти деньги.Много, очень много. Накупить оружия, построить корабли и терзать хеймингов! И тогда он, наконец, перестанет быть сухопутной крысой и снова будет пенить волны ингрийских морей. Пусть это будет не Suomenlahti, а Ладога, но это все-таки много лучше, чем прозябать на суше, медленно забывая журчание волн за кормой и запах морской воды. Впрочем, Ладога, пожалуй, не хуже Финского Залива – ее ведь недаром называют озером-морем; там есть где развернуться такому человеку, как адмирал. А если овладеть Ладогой, хотя бы южной – о-о! тогда пусть молятся хейминги своим нечестивым богам!

Но до этого еще надо, как говорится, дожить. Оружие не куплено, корабли не построены, люди не обучены, так что работы впереди – более чем достаточно, а в мечтах надо знать меру.

А на острове – тишина! В высоком небе слабо мерцают звезды, северный небосклон светится оранжевым – под горизонтом идет солнце, а над ним вытягиваются облака, свинцовые на бледно-рыжем фоне ночной зари. Потрескивание сучьев в костре только подчеркивает молчание. Даже вода не шевелится, молча темнеет у берега и простирается вдаль, насколько хватает глаз. Материка отсюда не видно, видны лишь несколько соседних островков, и на них – точно такая же тишь, и все как будто затаилось. Белая ночь таинственна. В неподвижном воздухе словно скрывается что-то, нечто витает вокруг, но не уловить это ни чувством, ни разумом. Какие-то звуки несутся над водами, тихие, на пределе слышимости… Плеск. Он разбивает тишину, и ее осколки долго звенят над водой, скача по ее глади. Рыба плеснула. Отзвенели осколки, и снова тишь. Мерилода медленно встает, идет от костра к кромке воды и, встав на колени, с наслаждением бросает в лицо пригоршни воды, а она кажется еще теплой; потом с наслаждением пьет, словно вино; вода соленая, но он не обращает на это внимания. Какая чистая вода! Хейминги, небось, так освоили уже свой Архипелаг, что никому из них никогда такая мысль даже в голову не придет, чтобы пить вот так, прямо из моря! Пусть они и заботятся об экологии, но, что ни говори, не могут воды остаться чистыми, когда над ними живет так много народу. А здесь – могут! Потому что ни души вокруг, лишь сам адмирал, его костер, его лодка да его воспоминания. Много лет назад он, выброшенный на берег Страны водинов, не смел и надеяться, что вернется когда-нибудь к Финскому Заливу. А вот вернулся. Правда, нет уже на берегах Suomenlahti его родины. Может быть, и Суолайтури разрушен. Жаль.

Адмирал вернулся к костру. Его начало клонить в сон, а расстелить спальник было минутным делом. Через пару минут он уже спал.

Разбудил его свет. Поднимающееся солнце било прямо в глаза, и Мерилода, на которого в эту ночь напала лень, даже отвернуться поленился, а вместо этого уткнул нос в спальник. Но так было душно, он стянул спальник с лица и закрылся рукой. Не помогло. Лучи по-прежнему били прямо в глаза. Адмирал терпел-терпел, наконец превозмог лень и повернулся на другой бок, однако спать уже не хотелось. Он полежал еще, повздыхал и, поняв, что заснуть так и не удастся, выбрался из спальника. Костер, естественно, потух, и Мерилода пошел бродить по острову в поисках топлива. Здесь это занятие было нелегким – плавника было мало, а хвороста – и того меньше, но адмиралу все-таки удалось собрать немного, и скоро на берегу уже горел маленький костерок, а над ним висели чайник и котелок с водой. В котелке стояла открытая банка с консервами.

Когда Мерилода умывался, вода показалась ему еще теплее, чем ночью. Он с удовольствием плескался, с фырканьем окатывал лицо водой и к костру вернулся довольный, с поблескивающими в бороде капельками.

Свинина с фасолью оказалась очень вкусна, хотя, вспомнив о ее происхождении, адмирал выругался про себя. И здесь нет покоя от Хеймингии! Отовсюду раньше торчала постная физиономия Холмского, а теперь везде мерещится рожа Хеддера. Ну и рожа! Щекастая, с носом – не то пуговица, не то картофелина, да еще и усы. Рыжие. Жуть! Впрочем, сие обстоятельство не испортило Мерилоде завтрака.

Позавтракав, адмирал вдруг вспомнил о деньгах и кинулся к знакомой сосне. Деньги, естественно, были на месте, но хотелось еще раз в этом удостовериться. Мерилода вытащил чемодан на берег и начал готовить лодку. Не хотелось, конечно, покидать тихий островок, но – никуда не денешься! Шлюпка скоро закачалась на волнах, Мерилода побросал туда вещи, а потом не без труда водворил тяжелый громоздкий кейс.

Погода обещала быть хорошей. Солнце неторопливо поднималось из-за горизонта, а над востоком горела серебряным пламенем рассветная дымка. Адмирала это явление всегда завораживало. Когда он смотрел на сверкающую под солнцем полоску марева у горизонта, на душе сразу становилось так чисто, так тихо, что не хотелось даже двигаться, а хотелось только сидеть и смотреть на нее. Интересно, замечает ли еще кто-нибудь, кроме адмирала, это явление?

Очертания соседних островов дрожали в согревающемся воздухе, а вдали у горизонта завиднелась тонкая темная полоска материкового леса. На волнах играли блики, и ветер разносил по морю запах дыма от погасшего костра. Волны, тихо шепча, лизали камни.

Мерилода оттолкнул лодку от берега, вскочил в нее и пустился в обратный путь.

В течение всех десяти дней плавания погода стояла отличная – хороший южный ветер, солнечно, тепло. Залив был на удивление спокоен, и Мерилода без опасения плыл вдоль берегов, поросших сосновым лесом и обрамленных великолепными песчаными пляжами. В районе Лаутаранты он, между прочим, увидел явление, ранее ему не встречавшееся и крайне изумившее его: пляж был усыпан… людьми. Они, почти полностью обнаженные, валялись на песке и принимали солнечные ванны, ловя мимолетную милость ненастной ингерменландской природы, подставляя тела жарким лучам майского солнца, окрашивавшего кожу в бронзовый цвет. Конечно, раньше Мерилода слышал об этой странной моде, распространившейся среди хеймингов, но вот воочию увидел впервые. Адмирал удивленно рассматривал этих людей, а они, завидев парус, провожали его ленивыми взглядами; кое-кто из них иногда взмахивал приветственно рукой. Чем дальше он плыл, тем больше становилось на пляже народу. Сравнительно малолюдные пляжи Лаутаранты и Райволы сменились пляжами Терийоки, где просто яблоку негде было упасть, потом

пошли не менее густо усеянные отдыхающими пляжи Келломяки и Оллилы. Над деревьями маячили крыши высотных домов, с берега доносилась музыка. Когда впереди завиднелась небольшая рощица корабельных мачт в порту Оллила, Мерилода решил пристать к берегу.

Пришвартовав шлюпку у маленького дощатого причала для лодок и препоручив ее вниманию прогуливающегося здесь полицейского, Мерилода направился в город. Его распирало любопытство. Об опасности он даже не думал, рассудив, что он слишком изменился за последнее время, чтобы хейминги могли его узнать; да и на Ханхипаси его вряд ли уже хватились.

Оллила была городком маленьким, но аккуратным. Она утопала в свежей зелени садов, в которых уже распускались цветы. Цветами было усажено все кругом. Они росли в садах, на лужайках, на обочинах, распространяя вокруг нежный, тягучий аромат. Тихие бетонированные улицы были тщательнейшим образом подметены. Мерилоде при виде всего этого великолепия, всех домиков, коттеджей с диким виноградом, карабкающимся на стены, всех садов и цветов подумалось вдруг, какой странный контраст это составляет с Сейвисто – разрушающимся на глазах городом, где хозяйничают дикие словенские орды, не понимающие и не принимающие хеймингского образа жизни. А здесь все так, словно не было того страшного конфликта между штадтгальтерами, словно продолжаются времена Томаса Холмского.

Адмиралу вдруг пришла в голову мысль поискать оружейный магазин – ввиду постоянной опасности от диких племен местные жители наверняка должны хорошо вооружаться. После недолгих поисков, порасспросив нескольких прохожих, Мерилода нашел искомое; спустившись в полуподвал двухэтажного домика на центральной улице, он оказался в торговом зале и остановился посреди него, потрясенный. Здесь было все: пистолеты самых разных размеров и калибров, автоматы, ружья нарезные и гладкоствольные, коробки с патронами. На прилавках лежали брошюры с описанием всего этого оружия, полистав которые, Мерилода почти совсем упал духом, так поразило его их содержание. Дальность стрельбы, скорость пули – цифры, при виде которых у любого из койвистинских инженеров глаза полезли бы на лоб от изумления, а губы сами произнесли бы лишь одно: «Этого не может быть!». Лазерные прицелы… Об их существовании знали только высшие чины инженерного сектора Военного ведомства Койвисто, а уж о том, как они устроены и как работают, и речи не было. А здесь такое совершенное оружие продается так же свободно, как какая-нибудь колбаса; винтовки с оптическими прицелами, в Койвисто имевшиеся только у княжеских гвардейцев, стоят свободно и стоят совсем не дорого. Адмирал никак не мог понять, сколько ни пытался, как это возможно – настолько доверять своему народу, что не бояться

продавать такое мощное оружие простым людям. В Койвисто даже при самых наилиберальнейших князьях хранение частными лицами огнестрельного оружия каралось пожизненной высылкой из страны, при Аарне Виртанене за это стали рубить головы. А тут… Нет, хейминги, решительно, непонятный народ.

Наконец внимание адмирала привлекли ценники, и он, оставив размышления о странностях хеймингов до лучших времен, начал прикидывать что-то в уме. Вычисления вернули ему бодрое расположение духа. Хейминги, конечно, вооружены отлично, но, если верить местным ценам, то содержимого даже трети его чемоданчика с лихвой хватит на то, чтобы весьма неплохо вооружить будущих пиратов, после чего война с Хеймингией станет затеей отнюдь не безнадежной.

Из магазина Мерилода вышел в настроении если и не радужном, то во всяком случае весьма неплохом. Деньги есть, и немалые, а с такой суммой можно столько совершить! Дойдя до пристани, он уплатил деньги за стоянку, отшвартовался, прыгнул в лодку и ударил веслами по воде.

* * *

Первое, что сделал адмирал, вытащив через несколько дней лодку на ладожский берег у деревни Ахолы – не без усилий выволок увесистый кейс и ринулся к дому своего приятеля, бросив судно на попечение местных жителей. Ахолу он нашел сидящим с индифферентным видом на крыльце и сонно жующим травинку и, увидав его, вскричал:

– Ага!!! Вот ты где! Смотри, любуйся! – и грохнул перед ним чемодан прямо на землю.

Скучающая физиономия Ахолы при виде его приобрела несколько более осмысленное выражение, и он, выплюнув травину, потянулся к кейсу.

– Это и есть деньги? – спросил он, возясь с замком; в голосе его слышалось некоторое разочарование.

– Они самые! – весело ответил Мерилода, потирая руки.

– Что-то маловат чемоданчик!

– Маловат?! Да ты знаешь, какая тут сумма?!

– Знаю, ты говорил. И все-таки…

– Не веришь? Открывай быстрей, убедишься сам.

Наконец замки были открыты, Ахола поднял крышку… и по его лицу Мерилода понял – поверил. Бывший капитан сначала остолбенел, а потом с нечленораздельным возгласом восхищения потянулся к кейсу и с расширенными от изумления глазами начал перебирать толстые пачки красивых хеймингских банкнот – банкнот высшего достоинства.

– Невероятно! Потрясающе! – прошептал он наконец.

– Ну? Что я тебе говорил? – торжествующе рассмеялся адмирал.

– Да здесь на три армии хватит!

Налюбовавшись вдоволь, он захлопнул крышку, щелкнул замком и поднял кейс.

– Тяжел, однако!

В избе кейс был водворен под лавку, после чего, так как уже темнело, Ахола зажег свечу и поставил греть чайник, а Мерилода, пошарив по полке, достал оттуда карту, ручки, флакон с чернилами и кипу бумаги. В эту ночь в окне дома капитана до восхода солнца не гас свет. Наутро Ахола чуть свет велел поставить в машину новые аккумуляторы, а потом, прихватив с собой несколько пачек банкнот и одного помощника, умчался в Альдейгьюборг.

В этот день Мерилода, оставшийся здесь за главного, впервые по-настоящему заметил, как велико его влияние на своих бывших солдат. Если Ахола был их вождем лишь номинально, то Мерилода в первый же день понял, что по-прежнему остается их адмиралом. Старосты деревень, даже самых отдаленных, приходили к нему и клялись в повиновении и верности. Согласно разработанному ночью плану, необходимо было построить несколько хороших кораблей. С материалом трудностей не было: строевого леса хватало на юге, для снастей отлично подходили волокна гормы, в которой тоже не было недостатка, а также можно было при желании купить пеньку в Новгороде, еще не окончательно потерявшем независимость; главная трудность состояла в том, что такое дело требовало большого труда, и Мерилода поначалу боялся, что его, как и Ахолу, никто слушать не будет. Но опасения оказались напрасны. Старосты ладожских и волховских селений с готовностью взялись позаботиться об этом. Несколько человек заявили, что в их деревнях есть бывшие корабелы, поэтому проблема с мастерами тоже отпала.

Адмирал беседовал с ними и дивился: как же быстро разносятся здесь вести! Он никак не ожидал увидеть здесь чуть ли не половину всех финских старост, и только когда приехал Ахола, загадка разъяснилась. Выяснилось, что многие из них все время, пока адмирал отсутствовал, жили в «столице», поджидая его. С собой Ахола привез полную машину винтовок и патронов, которые он купил, по его словам, по поддельным бумагам какого-то охотничьего общества.

На другой день народу в деревне стало еще больше, и адмирал, узнав, что по селениям поползли фантастические слухи о целях его пребывания здесь, решил развеять их. Собрав народ у дома Ахолы, он взобрался на крыльцо и произнес речь. Говорил он недолго, упомянул о Койвисто, о походах по Ингрии и под конец сказал:

– Мои цели просты и ясны. Мы лишились родины и живем, можно сказать, почти как звери. Мы разбились на стаи и прозябаем. Хватит! Я сказал, хватит!!! Сколько можно терпеть это унижение?! Или будем ждать подачки у хеймингов?! Мы должны объединиться, создать организацию. Вспомните хеймингов! Они ведь тоже обрели гегемонию над Ингрией, лишь объединившись! Посему объявляю: отныне мы живем в государстве, именуемом Финская Республика Южного Приладожья. Столица ее находится в этой деревне. Вопросы, связанные с организацией и управлением, беру на себя я. Все согласны?

Одобрительный рев был ему ответом.

Весь конец мая был наполнен такой суетой и беготней, что адмирал ног под собой не чуял. Он носился по всем финским селениям, отдавал приказы, следил за строительством кораблей и видел, что его приказы люди исполняют с радостью. Они работали лихорадочно, не покладая рук, и Мерилода не переставал дивиться их стараниям. Работе помогала, казалось, даже природа: погода стояла очень жаркая, древесина сохла быстро, а местные мастера еще ускоряли сушку им одним известными методами, поэтому уже в начале июля на воду был спущен первый корабль. И вот тогда начались для Мерилоды тяжелые дни. Он набрал команду, за право попасть в которую его подданные едва не передрались, и начал заново учить их мореходному искусству. Целые дни он проводил на палубе, заставляя матросов вспоминать все морские премудрости, и с радостью замечал, что вспоминают они на удивление быстро. Менее чем через месяц они уже управлялись с парусами и рулями так, будто никогда и не покидали моря.

Тем временем на воду было спущено еще несколько кораблей, и команды для них пришлось формировать не только из финнов, но и из местных жителей. Обучить этих последних стоило много больших усилий, но с помощью командиров, в ранг которых были возведены все, кто хоть сколько-нибудь сносно помнил искусство мореплавания, и эта нелегкая задача постепенно решалась, а в сентябре наиболее умелые команды под личным руководством Мерилоды начали совершать учебные налеты на мелкие береговые деревни.

* * *

Стояла осень. Хеймингские морские власти обычно закрывали навигацию в середине ноября, поэтому Мерилода торопился. О запасах на зиму он не беспокоился: учебные налеты и несколько походов по приволховским землям, возглавленных Ахолой, с лихвой восполнили все убытки от форсированного строительства флота. Он волновался о том, что может не успеть обучить воинов всему, что нужно знать всякому

уважающему себя пирату. Зимой, разумеется, тоже не придется сидеть сложа руки – предстоят учения, тренировки; людей надо научить владеть оружием, как своими пятью пальцами, обучить искусству ведения боя – короче, сделать из них полноценных солдат. Но мореплавание – все-таки основа основ.

В этом году природа преподнесла ему сюрприз – лето затянулось до середины сентября, а потом всю осень шли теплые дожди, и ледостава в последней декаде ноября, вопреки обыкновению, не случилось. Ладога начала замерзать только в середине декабря, и лишь тогда адмирал уехал, наконец, с главной военно-морской базы финнов – маленького каменистого островка Пайгач в нескольких километрах западнее «столицы», отделенного от материка нешироким, но довольно глубоким проливчиком.

В тот день Мерилода сидел на носу лодки. Двое хмурых матросов могучими гребками весел гнали лодку вперед. Под форштевнем журчала ледяная ладожская вода, над озером стелился туман, а Мерилода размышлял. «Готовь телегу зимой, а сани летом, говорят хейминги, – раздумывал он. – Чем же заняться нам, когда откроется навигация?». Хорошо еще, что среди самих хеймингов по-прежнему нет согласия, иначе зачем бы Хьёрлейву Лунге (представитель одного из Пяти Родов – это вам не какой-нибудь Виртанен!) предлагать повстанцам свою помощь. Ахола до сих пор страшно недоволен тем, что Мерилода принял ее, и, когда приходят в деревню посланцы этого Лунге, багровеет от гнева и, бормоча себе под нос что-то весьма непочтительное, уходит куда-нибудь подальше. Особенно смущают храброго капитана те суммы, которые привозят с собой эти посланцы: «Я наводил справки! – кипятится он. – Ту сумму, которую тебе уже выплатил этот Хей… Хев… тьфу! И не выговоришь! Короче, этот тип. Так вот, эти деньги ему с его доходами пришлось бы собирать года три!». В общем, опасения его не совсем беспочвенны, и он прав, когда говорит, что Мерилоду просто используют, как пешку, в какой-то странной и загадочной игре, в которую играют друг с другом непостижимые хеймингские политики. Но ведь и пешка при благоприятных обстоятельствах может стать ферзем! А эти обстоятельства Мерилода, пока есть такая возможность, должен создать себе сам. В голове его теснились великие планы.

XXX. СОБОЛЕЦКИЙ КРИЗИС: НАЧАЛО

«Ложь на лжи, прикрываемая ложью, которая снова покрыта ложью, замаскированной ложью! – воскликнул он. – А под ними – правда. Моя правда! – И он многозначительно поднял палец. А потом задумчиво добавил: – Вот только они действуют точно так же».

Томас Холмский. «Застольные беседы с Романом Хеддером»

– Ах, бандиты! Ах, сожри их Фенрир! Ах, уши им поотрывать мало! – бушевал на том конце провода комендант Собольца. – Совсем озверели, грабят средь бела дня! Во имя Будды, я тут готов на стену лезть от злости, ведь можно же их осадить, остепенить, хоть как-то расправиться с ними! Дайте же мне хоть какое-нибудь подкрепление, а!

– Со своими силами, значит, уже не справиться? – пробурчал в трубку Хеддер. – Нехорошо!

– Разумеется, нехорошо, но что я могу сделать! Они еще прошлым летом начали мне кровь портить, зимой я организовал против них карательный поход, и что бы вы думали? оклемались, финны эдакие, чтоб их! Хозяйничают на Ладоге, будто это их вотчина. И, главное, никак в толк не возьму, откуда у них это все – корабли лучше моих, матросы, оружие?

– Ну, это как раз проще всего. Среди южноладожских финнов каждый четвертый – бывший моряк, им помогает койвистинская диаспора.

– Чем?

– Кто чем может. Деньгами, товарами, людьми. Койвистинцы, как вы знаете, отличные корабелы, так что построить вашим пиратам флот проблемы для них не составляет.

– И все же надо что-то делать!

– Надо. Но, увы, я пока вряд ли смогу чем-то помочь. У нас с басками трения, и там необходимо присутствие нашего военного флота. У нас крупные неприятности на африканском побережье – в устье Сенегала захвачен корабль, и его надо выручать.

– Но ведь Ладога важнее, господин Министр!

– Хм! Не скажите! Однако, это уже геополитика, а разговаривать на эту тему мне сейчас вовсе не хочется. Посему желаю всего наилучшего.

Роман Хеддер повесил трубку и не слышал, как комендант Собольца, услышав короткие гудки, грохнул кулаком по столу и площадно выругался. Разумеется, плохо вот так бросать коменданта, но и в других регионах дел – по уши. Особенно неприятно с этим Сенегалом. Король Мали, кажется, совсем утратил остатки совести и вздумал выкинуть

хеймингов из своих прибрежных владений. Ну-ну! Нет, конечно, никому не хочется терять власть, и короля вполне можно понять, но ведь его пока и не лишают власти. Просто Хеддер предложил ему принять на службу хеймингского советника, только и всего, а король в ответ не только разорвал недавно заключенный с Хеймом договор, по которому хеймингам предоставлялись для колонизации и освоения земли, принадлежащие Мали, на берегу Атлантики в обмен на ряд привилегий в области торговли, но и захватил этот злосчастный корабль, с которым никто во всей Африке, конечно, управляться не умеет. И зачем нужен был этот демарш? И кто нашептал королю на ухо такой чудный план? Захват корабля Хеймингии войсками Мали окончательно испортил отношения между двумя народами, и Хеддеру было теперь весьма неуютно в кресле Министра – война со всей западной Африкой от границ Кабилии до Форт-Харпера ничего хорошего не сулила. А она вполне возможна – если вспомнить, что с Хеймингией у Мали отношения так себе, а вот с соседями типа Канема и Ашанти – очень даже добрососедские. Будем надеяться, что этот оркнеец Джарвис Харпер, даровавший свое имя самой южной из крупных колоний Хейма в Африке, справится пока своими силами. Если бы его не прогнали из родной Англии, был бы там сейчас генералом, а может, и королем. И прогнали-то за что? За то, что отказался исполнить какой-то изуверский приказ во время очередной англо-валлийской свары и был приговорен к повешению. На его счастье, стражники в тюрьме были как на подбор жуткие пропойцы, двери гнилые, замки заржавленные, друзья на воле верные, а хеймингский торговый корабль должен был выйти из лондонского порта как раз накануне того дня, на который была назначена казнь. И вот теперь Харпер, живой и совершенно здоровый, правит от имени Верховного Министра огромным куском африканского побережья от мыса Тимирис до устья Комоэ, а англичане, судя по сообщениям хеймингских наблюдателей, недавно проиграли валлийскому королю еще один город – на сей раз Бирмингем.

А комендант Собольца продолжал ругаться, чувствуя себя в своем комендантском кресле много хуже, чем Хеддер себя – в своем. Он уже направил в столицу срочную депешу с изложением событий, происшедших на Ладоге с открытия навигации, надеясь хоть на какую-нибудь помощь, но надежда оказалась тщетной – ему, как говорится, «предложили развернуться шире в прежних рамках», и даже прямой разговор с Верховным Министром не дал ничего. Ситуация между тем складывалась угрожающая: пиратские корабли уже не раз отваживались нагло дефилировать в пределах досягаемости соболецкой артиллерии, при малейших признаках опасности, однако, удирая на таких скоростях, что даже бывалые матросы диву давались. Попытки догнать их пока не приводили ни к чему: пиратские суда, видимо, имели такую малую осадку, что жались почти совсем к

берегу. Зато у самих бандитов успехи в войне с Хеймингией следовали постоянно, и уже ни месяца не проходило, чтобы очередной хеймингский «купец» не был обчищен, а то и пущен ко дну; в последнее же время грабители даже для военных кораблей перестали делать исключения, и комендант готов был биться лбом об стол, силясь объяснить необъяснимое поведение правительства.

* * *

Пять лет, протекшие с момента избрания Романа Хеддера Верховным Министром до начала Соболецкого кризиса, были победоносным для Хеймингии временем. За эти годы колониальные владения Хеймингии увеличились почти в двенадцать раз. Колониями стали часть Британии, Канарские и Азорские острова, Исландия, Дания, вся Скандинавия, прибрежные области Германии, Галлии, Иберии, часть Италии, Иллирии и Греции, африканское побережье от Кирены на Средиземном море до устья реки Комоэ, впадающей в Гвинейский залив, а в Арктике владения Хейма простирались до Таймыра. Зависимыми, хотя и сохранившими в той или иной степени самостоятельность (обычно, впрочем, эфемерную), были большинство государств Европы и западной Африки; наибольшую самостоятельность удалось сохранить Ирландии и Стране басков в Европе и царству Гарама, укрытому песками Тинаривена, в Африке, – в этих странах влияние Хейма было скорее номинальным.

(История Великого Хейма: Учебник / Под ред. акад. М. Сильвия Сцевина и проф. Э. А. Саарлахти. Издательство Университета Сегоярви, LXI, с. 127).

Как говорят христиане, пока гром не грянет, мужик не перекрестится. Для Хеддера гром грянул в середине мая.

Верховный Министр рано утром, после чашки традиционного утреннего кофе, сидел в любимом кресле-качалке и наслаждался бездельем – впервые за последние четыре месяца. За окном небольшой хеймсстадирской квартиры, которую он предпочитал роскошным, но неуютным апартаментам Торвардастейнура, виднелись крыши близлежащих домов, за ними блестело в лучах солнца озеро, а за озером клубилась темная дымка леса; небо было совершенно прозрачно и ясно. Далеко внизу был слышен шум улицы, и доносился откуда-то мерный звон копра, забивающего сваи. Обратив на этот звук внимание, Хеддер с некоторым удивлением подумал, что ведь Хеймсстадир до сих пор строится, медленно расползается в стороны, чтобы вместить растущее население. На ветвях

вишен во дворе верещали синицы, и их вопли доносились даже сюда, до двадцатого этажа. «Весна!». Хеддер протянул руку и включил радио. В приемнике зажурчала медленная лирическая мелодия, а Министр откинулся на спинку кресла и стал мечтать о чем-то. Неясные образы плавали перед мысленным взором правителя Хеймингии, смутные тени и обрывки чувств и мыслей бродили, неприкаянные, в расслабившемся сознании, впервые за эти месяцы не наполненном непрестанными и мучительными заботами о стране и народе, о кораблях и торговцах, об армии и полиции – обо всем том, что входило в сферу компетенции Верховного Министра.

Только вчера он вернулся из Волжской Булгарии, куда ездил с официальным визитом, чтобы приветствовать ее нового правителя и поздравить страну и народ с независимостью. Разумеется, эта их независимость не затянется – не успеют еще все эти марийцы, булгары, удмурты и прочие привыкнуть к свободе от прежнего хозяина, как попадут в нежные, но цепкие объятия Великого Хейма. Однако вести переговоры с правительством нового государства так, чтобы оно этого не почуяло до поры до времени, было тяжело даже такому искушенному в политике человеку, как Хеддер, которому пришлось отправляться туда, не успев даже пару дней отдохнуть после поездки в африканские колонии. Но теперь можно, наконец, хоть немного прийти в себя. Еще когда самолет снижался над Хеймсстадирским аэропортом, Хеддер дал самому себе слово ближайшую неделю ничего не делать и переложить всю работу на помощников и советников.

Естественно, что звонок в дверь заставил его вздрогнуть. Очень не хотелось покидать удобное кресло, поэтому Хеддер крикнул слуге, чтобы тот открыл. Этого слугу он завел совсем недавно – в квартире он обычно хозяйничал сам – и жалел, что не имеет уже времени самостоятельно ухаживать за своим жилищем из-за огромного количества дел, свалившихся на него в последнее время. В прихожей щелкнул замок, послышались голоса, затем замок щелкнул вторично, и слуга вошел в гостиную, неся пакет.

– Срочная депеша!

Хеддер взял пакет и, увидев адрес отправителя, поморщился. Опять Соболец! Нет, местный комендант рано или поздно доведет его до озверения. Невозможно, чтобы весь ладожский военный флот не мог справиться с кучкой бандитов! Пусть даже этот флот целиком парусный, но просто не может такого быть, чтобы какие-то пираты оказались сильнее целого флота! А комендант опять, наверное, стонет о помощи, и стоны свои он прислал на сей раз через курьера – это видно по отсутствию почтовых штемпелей на конверте.

Верховный Министр с крайне недовольной миной разорвал конверт, извлек оттуда сложенный вдвое лист бумаги и стал читать. Но дочитать до конца так и не смог, выронил письмо и побелевшими губами беззвучно прошептал:

– Не может быть!

Писал не сам комендант, а его заместитель, и не с Собольца, а из Альдейгьюборга. В депеше сообщалось, что форт Соболец захвачен пиратами, Альдейгьюборг осажден, комендант форта погиб. Хейминги несут тяжелые потери.

Хеддер прочел письмо несколько раз, и лишь тогда до него окончательно дошло его содержание. Он вскочил и забегал по комнате. Ситуация, однако! Мало того, что эта неуловимая партизанщина бесчинствовала у самых границ Исходного Хейма все эти четыре года, так теперь они решили пойти дальше! В Африке, в Британии и в Стране басков назревают новые конфликты, там нужны все силы флота Хейма, а если сейчас срочно не спасти Соболец, тогда восточные колонии окажутся отрезанными от метрополии; терять же Восток – это катастрофа: там огромные земельные и лесные ресурсы и нефть, месторождения которой открыты еще Ярославом Володарским, там уголь и железо, лес и золото, там шестьдесят процентов всех запасов алюминия – основы хеймингской индустрии, и если все это потерять, то когда оправится экономика Хейма от такого потрясения и оправится ли вообще, неизвестно, а возможности действовать немедленно у Хеддера нет. Завтра о событиях на Ладоге будет знать вся страна, и Министру придется выдерживать дождь весьма неприятных вопросов. А вот товары с Востока станут теперь много дороже, ибо доставлять их придется кружным путем. Ведь Иннолов клялся и божился, что уладит дело с мятежниками, которые давно уже беспокоили Хейм! И ничего, как видно, не сделал. Не заодно ли он с ними? Надо не забыть сказать Малевичу, чтобы тайно проверил этого Иннолова. Может быть, он и ни при чем, но надо лично в этом удостовериться.

* * *

– Ну, господа, что скажете? – говорил на другой день Хеддер министрам в Белом зале Торвардастейнура. – Есть ли у нас возможность выбить бандитов с Ладоги?

– Возможность-то есть, – мрачно произнес после некоторой паузы Арвид Малевич, министр обороны и глава тайной полиции, – возможность есть всегда. Но стягивать все силы сюда, боюсь, небезопасно. Мы и так их слишком распылили. Да и времени на это дело нет: пока дойдет сюда Норвежская эскадра, пираты, возможно, овладеют уже всей Ладогой. И

потом, в Норвегии и Датских проливах неспокойно. Вам не кажется, что неразумно было бы отказываться от проливов ради Востока?

– Кажется. Но отказаться от Востока ради проливов мы тоже не можем. Хейм просто не переживет такой катастрофы, поэтому меня интересует главным образом следующее: можно ли снять с датского и британского фронта часть сил, и если можно, то сколько?

Малевич задумался на секунду и молвил:

– Вообще-то, конечно, можно, но, судя по сведениям, поступающим с Ладоги, их не хватит на войну с бандитами. Британия и Дания велики, мы и так размазали по ним силы, поэтому снять оттуда большее количество войск абсолютно невозможно.

– А что скажет полиция?

Полицмейстер, высокий худой человек с усталым взглядом, поднял глаза на Хеддера и мрачно ответил:

– Ничего полиция не скажет. Я, разумеется, могу бросить туда части внутренних войск, могу мобилизовать спецподразделения, но что это даст? В самом лучшем случае мы просто разорим южное Приладожье, освободим Альдейгьюборг – кстати, туда уже направлены части Волховского Легиона – и на этом все кончится. Без флота там делать нечего.

– Насколько мне известно, в руки врагу попала вся Ладожская эскадра?

– Вся, – так же мрачно буркнул Малевич.

– Хотелось бы знать, как это могло произойти! – желчно воскликнул Хеддер. – Впрочем, ладно: не вы один в этом виноваты. Мне интересно вот что: хватит ли сил Онежской эскадры?

– Нет. Пяти шхун едва достаточно для контроля за нашими не бог весть какими онежскими владениями, а на Ладоге они моментально попадут в лапы врага.

– Хм! Логично… И ведь, что хуже всего, местное население на борьбу не организовать.

– Да уж! – вздохнул Малевич вслед за Хеддером. – Даже если их выбить с Собольца, они, имея при себе такой флот, все равно останутся хозяевами Ладоги.

Тут заговорил министр по делам религий Харальд Брут, сидевший до того молча, с видом глубоко ушедшего в себя человека:

– У меня есть такое предложение. Раз уж Восток так важен, то не лучше ли пустить корабли оттуда по северной Ладоге, через Суурсаари и Лехмалахти, и через Каннас и Вийпури? По моим приблизительным вычислениям, затраты на оборудование этого пути хотя и велики, но все же меньше, чем убытки от потери Востока.

Хеддер в ответ на его слова лишь отрицательно покачал головой:

– Это – вариант на крайний случай. Во-первых, это будет означать нашу капитуляцию перед какими-то ничтожными пиратами, а во-вторых, в этом случае бандиты просто переместят свою активность в район Суурсаари.

– Есть еще путь по Беломорскому шоссе, на Форт-Рагнар.

Хеддер только отрицательно покачал головой:

– Нет. Не хватит ни машин, ни пропускной способности дороги. Да и товары взлетят в цене.

– Может, измором их взять? – робко предложил кто-то.

Хеддер отрицательно покачал головой.

– Мы и так три недели не имеем нормальной связи с Востоком. А сколько смогут продержаться бандиты, нам пока неизвестно. Так, чего доброго, можно будет до зимы прождать.

Повисло тяжелое молчание. В этот момент на солнце неожиданно набежало невесть откуда взявшееся облако, и в зале, и без того не слишком светлом, воцарились угрюмые сумерки. Только огонь в огромном старинном камине продолжал отбрасывать багровые отблески на озабоченные лица министров.

Наконец молчание прервал Харальд Брут:

– Ну, коль скоро пустить корабли в обход невозможно, тогда предлагаю вспомнить о такой вещи, как психология. Вы, Роман Карлович, как я знаю, одно время увлекались этой наукой.

Хеддер поднял на него хмурый усталый взгляд.

– Верно, но я вас не понимаю. Объяснитесь.

– Извольте. Я предлагаю не кусать себе локти из-за отсутствия флота, а попытаться отбить Соболец с суши. Вот здесь и начинается психология. Финны-пираты связывают свои военные удачи именно с этим островом и с флотом. Такие настроения зародились у них уже три-четыре года назад, ибо власть над Ладогой они совершенно справедливо связывали с обладанием Собольцом, а теперь он стал чем-то вроде талисмана, и они, естественно, всеми силами попытаются его сохранить. Кроме того, к этому финнов побудят и экономические причины, и стратегические. Соболец – укрепленный порт, с крепостью, причалами и прочими необходимыми вещами. Нигде более такого удобного и хорошо оборудованного порта на Ладожском озере нет. Пираты, если мы выкурим их с Собольца, разумеется, могут обосноваться где-нибудь в другом месте, но там все придется начинать с нуля или почти с нуля, посему Соболец они просто так не отдадут. Вы понимаете, к чему я клоню?

– Не совсем, – отозвался Малевич; голос его гулко отразился эхом от высоких сводов зала. – Вы говорите банальности, но что вы этим хотите сказать, мне непонятно.

– А я, кажется, понимаю! – воскликнул вдруг Хеддер. – Вы хотите сказать, что если мы атакуем Соболец, то весь пиратский флот ринется его спасать, и мы сможем накрыть их малыми силами?

– Именно! – вскричал Брут. – Именно! Вы читаете мои мысли. Именно это я и имел в виду!

– Хм! План неплох, – проскрежетал полицмейстер из своего кресла, – только возможно, что и на него у нас не наберется достаточно сил.

Брут только пожал плечами:

– Ну, если не хватит боевых кораблей, придется воспользоваться гражданскими. А что касается матросов, так у нас же, кажется, есть резерв?

– Да, действительно неплохой план, – пробормотал, словно ни к кому не обращаясь, Малевич, – но только… кхм… м-да…

– Итак, господа, этот способ справиться с бандитами пока наилучший из придуманных нами, – молвил Хеддер. – Какие-нибудь возражения?

– Серьезные, – проворчал Малевич. – С суши к Собольцу не подойти. Там такие трясины, что пройти через них просто так, да еще в обход тех троп, что проторили там финны, не получится. И потом, открытая местность, отлично простреливается…

Хеддер нахмурился.

– Хм… И что же? Оставить все так?

– Вовсе нет! – Малевич вдруг просиял. – Вот Харальд Викторович говорил здесь о психологии. И правильно! О ней и в самом деле пора вспомнить. Откуда ждет Мерилода нападения?

Хеддер пожал плечами.

– Почем я знаю, я же не военный! На его месте я опасался бы нападения с моря, если через трясины все равно не пройти.

– Вот именно! – широко улыбнулся Малевич. – Он больше всего боится, что мы пошлем против него Норвежскую эскадру. Кроме того, ему отлично известно, что наши сухопутные войска вовсе не так сильны, как нам хотелось бы думать. Именно так! – возвысил он голос, когда кто-то попытался возразить. – И надо это признать, а не прятать голову в песок! Если бы мы были так же сильны на суше, как и на море, Аврелий Крискевич не опозорился бы так в войне с Гарамой. Так вот, Мерилода больше всего сейчас опасается нападения с моря. Поэтому я предлагаю штурмовать Соболец именно с моря, а не с этих трясин.

– Вы не противоречите себе? – не без ехидства поинтересовался полицмейстер.

– Нисколько! – уверенно ответил Малевич. – Я предлагаю вот что. Мы должны дать ему понять, что намереваемся брать остров с моря, но при этом он должен явственно ощущать, что эти наши намеки прикрывают

собой на самом деле намерение брать его с суши. А кроме того, надо заставить его сосредоточить силы в нескольких пунктах и накрыть их одним ударом, иначе эта партизанская война никогда не кончится.

– И не дать ему собрать всех своих на один Соболец, – вставил полицмейстер. – Иначе слишком трудно будет с ними справиться.

– Планы внутри планов? – одобрительно буркнул Хеддер. – Мудро! – И мысленно заметил: «Хорошо, что здесь нет Иннолова!».

Меньше пяти минут понадобилось Малевичу, чтобы кратко изложить свое решение проблемы, и когда он закончил, под гулкими холодными сводами Белого зала раздались дружные и искренние аплодисменты.

– Великолепно! Блестяще! – воскликнул Хеддер. – Вот этот план вы мне и разработаете в деталях. Сколько времени вам на это понадобится?

– Ну, где-то дня два.

– Прекрасно! Тогда через два дня я жду вас у себя с подробным докладом.

XXXI. СНОВА СОБОЛЕЦ

Ложь – это ценнейший из инструментов политики. Политик должен уметь лгать. Но высшее искусство политика – это умение заставить своего противника лгать самому себе.

Харальд Брут. «Политические апокрифы Романа Хеддера»

Адмирал, скрестив руки на груди, стоял на главной башне форта Соболец и смотрел вдаль. На горизонте клубилась дымка, а среди нее едва белел парус – это один из его кораблей шел в северное Приладожье, в койвистинскую колонию, за оружием. Финнам теперь требовалось немало оружия для успешного ведения войны с Хеймингией. Сильный южный ветер гнал по чистому небу одинокое облачко, и оно бежало вдогонку за парусом.

Вокруг форта, насколько хватал глаз, расстилалась темно-синяя гладь озера, лишь на юг уходила неширокая полоса длинного болотистого и каменистого полуострова. Мерилода упивался этим зрелищем. Он столько лет не видел моря, что до сих пор при виде его испытывал то острое, мучительно приятное чувство, какое испытываешь, возвращаясь после долгих и трудных скитаний домой. Совсем недавно он вернулся из плавания в залив Лехмалахти, где его корабли блестяще выполнили нелегкое задание – уничтожили находившийся там хеймингский порт. Это было сделано не без умысла – чтобы Лехмалахти не стал перевалочным пунктом на пути из Восточной Ингрии на Архипелаг. Мерилода твердо решил нажиться на хеймингах, взяв торговлю с Востоком в свои руки, и ему это, кажется, удавалось. Было от чего прийти в восторг! Поистине, год на Нерве и четыре – на этих безрадостных берегах стоили того, чтобы их прожить.

Пошла уже третья неделя с тех пор, как Мерилода нагло отбил у Хеймингии Соболец, а хеймингиа даже не шевелятся. Видно, крепко застряли в Британии и в Проливах, аж не вылезть. Впрочем, тем хуже для них. В Альдейгьюборг они, правда, послали отряд на подмогу, но вряд ли это принесет им какую-то пользу. Город не сегодня – завтра будет взят. Несколько смущает лишь то, что уж слишком мощные отряды хеймингиа отправили воевать с финнами. На что они, интересно, надеются? В этих топях хеймингскому войску не развернуться, и какой с него тогда толк? Хотя… Что-то там говорили радисты о планах Хеддера. Что-то очень нехорошее. Будто бы хеймингиа придумали какую-то хитрость, которая позволит им взять Соболец с суши. Что-то такое выловили из

радиопереговоров хеймингских войск. Надо будет связаться с предателем Лунге и выяснить у него все.

Плавный ход мыслей был прерван – на лестнице внизу послышались торопливые шаги, и на площадку, где стоял адмирал, вбежал запыхавшийся солдат, на ходу отдавая честь.

– Герр адмирал! Ох!..

– Что случилось?

– Уф! всю дорогу бежал… Альдейгьюборг пал!

– Как так? Когда?

– Сегодня утром. Только что по радио сообщили. Лично сам капитан Ахола сказал!

– Подробности сообщил?

– Нет. Сказал только, что послал вам депешу, где все подробно изложил.

– Хорошо. Вы свободны.

Ну вот, теперь и Альдейгьюборг взят. Очень похоже на то, что хеймингское могущество в Южном Приладожье становится чем-то мифическим! А это значит, что и власти Хейма над Востоком приходит конец. Адмирал не без удовольствия подумал, что его мечта о собственной державе начинает, наконец, осуществляться.

Он уже собрался было спуститься вниз, как на площадку вдруг снова выскочил солдат.

– Герр адмирал! На горизонте яхта под хеймингским флагом!

– Как так?

– Ее только что заметили с острова Пайгач и доложили по радио сюда.

Мерилода быстро схватил бинокль, который всегда носил с собой, и поднес к глазам. Действительно, на западе, на самом горизонте, виднелось белое пятнышко паруса, а над ним, на вершине мачты, мелькала лазурью и золотом точка, вполне способная сойти за флаг Хеймингии.

– Хм… Пусть приведут в полную боевую готовность все орудия форта и все военные корабли, стоящие у причалов. Общая тревога.

Он еще долго вглядывался вдаль, лихорадочно пытаясь сообразить, как этот корабль могло занести сюда и почему его не перехватили еще у истока Невы, находившегося с недавних пор в руках финнов. Кроме того, судно военное – на верхушку мачты флаг поднимается у хеймингов лишь на военных кораблях. Очень странно! Адмирал отнял бинокль от глаз и сбежал вниз, в свои апартаменты, по дороге торопливо выпалив адъютанту:

– Немедленно включить радиостанцию и запросить, во-первых, форт Орехов – как посмели пропустить хеймингa, и во-вторых, самого хеймингa – кто таков и какого рожна приперся на Ладогу. Бегом!

Закрывшись в апартаментах, в которых еще совсем недавно жил соболецкий комендант, Мерилода упал в мягкое кожаное кресло, со злостью грохнул кулаком по подлокотнику и вдруг рассмеялся. Туури и воинство его! Столько паники из ничего: ведь наверняка корабль везет на Соболец хеймингского представителя для переговоров с финнами. Мерилода неделю назад послал в Хеймсстадир свои требования, а делегат теперь, видимо, везет ответ. Естественно, начнутся утомительные препирательства, делегация начнет тянуть время… Мерилода решил не уступать,

Предположение адмирала оправдалось. Минут через десять в дверь постучал адъютант. Мерилода открыл.

– Герр адмирал! По вашему приказу вызваны форт Орехов и хеймингское судно. На корабле сюда плывет делегация от Верховного Министра, поэтому в Орехове их и пропустили. Судно вполне мирное, никакого оружия на борту не найдено.

– Хм! Я так и думал. Ну, что ж, приготовьте им прием, окажите все положенные почести… ну, в общем, знаете…

– Будет исполнено!

– Но, – адмирал заговорщицки наклонился к адъютанту, – все-таки присматривайте за этими делегатами. Вы меня понимаете?

Тот так же заговорщицки усмехнулся, отдал честь и вышел.

* * *

Переговоры, однако, пошли совсем не так, как ожидал Мерилода.

Делегат, вопреки ожиданиям Мерилоды, был один. Это был высокий грузный господин с гладко выбритой бульдожьей физиономией, на которой, казалось, навеки застыло выражение бесконечной брезгливости. После взаимных приветствий он, вопреки этикету, заговорил о деле сам, не дожидаясь расспросов адмирала.

– Я, господин адмирал, – заговорил он, развалясь в глубоком кожаном кресле, – послан к вам Верховным Министром не столько для ведения переговоров, сколько для того, чтобы передать вам предложение моего правительства.

Надменный тон делегата несколько покоробил Мерилоду. Он с оттенком недовольства в голосе спросил:

– В чем же состоит суть предложения?

– Правительство Хеймингии предлагает вам, во-первых, покинуть остров Соболец, во-вторых, вернуть захваченную вами Ладожскую эскадру в полном составе, в-третьих, снять осаду с Альдейгьюборга, и, наконец, в-четвертых, оставить возмутительный и преступный промысел разбоем и

вернуться к мирной жизни, которую вели народы Приладожья до вашего, адмирал, появления в этих местах. Это все.

Мерилода уставился на него, потеряв дар речи от подобной наглости. Нет, хейминги, похоже, совершенно не понимают ситуации на Ладоге. «Все Ладожское озеро в моих руках, а они еще смеют мне ультиматумы предъявлять!».

Адмирал рассмеялся.

– Укко и Рауни! Господин посол, вы шутить изволите?!

– Нисколько! – Тон делегата стал еще более высокомерным. – Хеймингия не любит шутить, когда речь заходит о ее благополучии, а вы поставили сие последнее под угрозу. Посему ради того, чтобы склонить вас принять наше предложение, мы пойдем на любые меры, учтите это.

– На какие же, позвольте поинтересоваться? – поинтересовался адмирал с сардонической ухмылкой. – Что сможете вы сделать без флота?

– У нас есть флот…

– Ну да, тот самый, что по уши увяз в Норвегии. Его вы имеете в виду?

– Вы правы, его.

– Ну что ж, мне очень жаль, что вы имеете в виду именно его, и я отказываюсь от вашего столь любезного предложения.

– Напрасно, адмирал.

– И тем не менее… Кстати, у меня к вам, в свою очередь, тоже есть предложение. Я согласен пропускать ваши корабли по Ладоге при условии выплаты мне определенной суммы, которая, думаю, будет зависеть от вида и количества груза. Единственное ограничение: через любые территории, контролируемые мной, и по Ладоге, нельзя провозить ни оружие, ни военную технику, ни боеприпасы. Вот так.

Теперь настала очередь посла онеметь от такой наглости.

– Сейчас, я вижу, вы шутить изволите, милостивый государь?!

– Ни в малейшей степени! И, в дополнение к сказанному, должен сообщить, что, даже если бы я был настолько безумен, что согласился бы исполнить ваши требования, то в том, что касается Альдейгьюборга, я при всем желании не смог бы сделать ничего.

– Почему?

– Осада снята.

– Как это?

– Сегодня утром Альдейгьюборг пал.

– Этого не может быть! Кто вам сказал такую чушь?!

– Это сообщил несколько часов назад капитан Ахола, а если вы считаете, что он в таком важном деле может позволить себе сказать чушь, то мне вас искренне жаль.

– Хорошо, оставим это. – Посол был явно ошарашен этим известием, хотя спеси в нем не убавилось ни на йоту.

– Может быть, все-таки обсудим мое предложение? – спросил Мерилода, чувствуя себя хозяином положения. – Я думаю, что, спокойно обсудив его, мы сможем прийти к приемлемому компромиссу.

– Нет, ничего мы обсуждать не будем, – по-прежнему надменно ответил делегат, – тем более, что к вам я заехал лишь по пути на Онегу и не имею права вести с вами какие бы то ни было переговоры. Моя задача – только передать вам предложение Верховного Министра, а так как она выполнена, то меня здесь, думаю, ничто более не задерживает.

Он встал и, отвесив легкий поклон, вышел в сопровождении слуги. Мерилода тоже встал, подошел к окну и долго смотрел на залитые заходящим солнцем ладожские дали. Его начинало терзать беспокойство: намеки делегата насчет флота наводили на нехорошие размышления. Неужели хейминги нашли какой-то способ выкрутиться из мерзейшей ситуации в Африке и располагают теперь свободными военно-морскими силами? Ужасно! Но даже если так, сколько времени понадобится этому флоту, чтобы дойти сюда? Несколько месяцев, наверное. А если посол действительно имел в виду Норвежскую эскадру? Она, правда, увязла в очередном англо-ирландском конфликте, в который хейминги имели глупость впутаться. Или в англо-шотландском? Впрочем, неважно. А что, если конфликт уже разрешился и эскадра свободна? А ведь ладожский флот совсем не так мощен, как эта пресловутая эскадра, да и сухопутных сил у Мерилоды маловато. Ему, правда, вместе с Собольцом попал в руки аэродром с десятком самолетов, но что от них проку, когда ни один человек у адмирала даже не представляет себе, как оные самолеты управляются?! Впрочем, такого их количества все равно не хватит, чтобы противостоять хеймингскому наступлению. Чтобы обезопасить Соболец от атаки с суши, Мерилода уже приказал возводить на полуострове оборонительные линии, невзирая на исключительную трудность таких работ на болоте, но и линии не помогут, если на них не будет достаточного количества войск, а вот ими-то адмирал и не располагает: если стянуть их все под Соболец, то придется оставить всю центральную Ингрию и даже Альдейгьюборг. Мерилода занервничал и заходил из угла в угол по комнате; звук шагов его заглушался длинным ворсом ковра. Потом спустился к радистам и через минуту говорил в микрофон:

– Орехов? Вы сегодня пропустили хеймингский корабль. Так вот, больше хеймингов мимо форта не пускать! Ни туда, ни сюда… Да, совсем. Исток Невы желательно заминировать. Сможете? Ну, вот и прекрасно.

Поднявшись к себе, Мерилода подумал, что вряд ли можно ожидать серьезной опасности с моря: слишком явно пытался обмануть его этот

посол. Хейминги, видимо, настолько прочно увязли в разных конфликтах в колониях, что свободного флота у них, очевидно, нет. На что они, интересно, рассчитывают? На то, что Мерилода окажется идиотом и поверит в их явный блеф? Адмирал выдвинул ящик стола, достал оттуда папку с надписью «Радио» и стал неторопливо перелистывать страницы, сосредоточенно хмурясь и иногда подолгу не отрывая взгляда от строчек и колонок цифр. Потом бросил папку на стол и достал еще одну, совсем без надписей, но гораздо более пухлую, отомкнул пружинку сшивателя и стал в задумчивости перебирать листки. «Обмануть меня решили? Не выйдет, Роман Карлович!». В самом деле, опасаться нападения с воды пока не приходится. Нет в Хеймингии свободного флота, да и Норвежская эскадра пока еще сюда дойдет! Пока она будет здесь, солдаты Мерилоды будут уже маршировать по улицам Оккервиля и Ауттова, а это для хеймингов будет удар, может быть, пострашнее потери всего Архипелага – когда Мерилода будет диктовать свою волю с башен Пяти Родов или из виллы Холмского, хейминги перед ним на коленях ползать будут, а уж правительство Хеддера, не сумевшее отстоять святыни, точно будет в полном составе поднято разгневанным народом на вилы. Со Свири тоже можно не ждать нападения: Онежская эскадра так мала и слаба, что ее можно вообще не принимать в расчет – тем более, что у адмирала не так уж много солдат и кораблей, чтобы можно было позволить себе распылять силы. Он, по счастью, не Хеддер – будь он Верховным Министром, ни за что не стал бы размазывать свой флот по всей Северной Атлантике.

Из папки выпал маленький листок. Мерилода, отложив в сторону папку, поднял его и стал рассматривать, подойдя к окну. Это был плохонький монохромный фотоснимок, изображавший странную машину: высокую платформу с непропорционально большой кабиной и пропеллером, висевшую без каких-либо видимых опор в нескольких сантиметрах над землей. Еще одна техническая новинка, придуманная хеймингскими инженерами. Лунге, когда приезжал сюда в последний раз, объяснил, что платформа поддерживается нагнетаемым под нее воздухом, и пустился в технические объяснения, из которых Мерилода запомнил только, что такой машине преградой не будут ни трясина, ни тонкий весенний лед, который не выдержит и собаки, ни даже чистая открытая вода и что эта техника уже поступила на вооружение армии Хеймингии. Тогда Мерилода, боясь более всего нападения с воды, не придал этой информации большого значения, но теперь слова предателя сами всплыли в его памяти. «Поступила на вооружение…» А это значит, что посланник с бульдожьей физиономией действительно пытался заставить Мерилоду поверить, что нападения надо опасаться с моря! А если хейминги незаметно подкрадутся к стенам форта,

пока финны будут высматривать корабли на Ладоге, тогда… чтоб вас Хийси!

Мерилода бросил фотографию обратно в папку и опять начал ходить по комнате, нервно теребя бороду. Потом вынул из ящика стола карту Собольца и прилегающих территорий, расстелил ее на столе и склонился над ней с линейкой.

XXXII. В ОЖИДАНИИ БИТВЫ

Больше всего ненавидим мы зачастую то, что больше всего нас влечет. Так человек, сидящий на диете, начинает ненавидеть запрещенные для него яства, а иногда и тех, кто их ест.

Роман Хеддер. «Ненависть как политический феномен»

Был конец мая. Стояла белая ночь. Невесомый полночный свет висел над Собольцом, и легко мерцал несмелым багровым светом северный горизонт. Весь день до форта долетал шелест камышей с болот полуострова, а внизу, под стенами, бились о гранитные валуны волны, с уханьем накатывая на берег, и, шипя, стекали тысячами струек обратно в Ладогу. Но сейчас все было тихо. Ни единая веточка не шевельнется на невысоких соснах, редко разбросанных по гранитному щиту острова, ни один листок не дрогнет в жалких кустиках, карабкающихся по камням. Днем форт был полон света яркого майского дня, и солнце уже начинало припекать непокрытую голову, а стены крепости за день заметно нагрелись. Теперь же они отдавали свое тепло беззвучной ночи; изредка доносящийся откуда-то шелест случайной волны только подчеркивал внимательную тишину берегов.

Мерилода стоял у окна, скрестив руки на груди и упершись лбом в стекло, и с тоской смотрел на дрожащий, нереальный свет северной зари. Тоска его была беспредельна и беспредметна, она затопила все его существо, мгновенно сломив сопротивление воли, не желавшей поддаваться этому чувству, мучительному, расслабляющему, лишающему способности сосредоточиться и взять себя в руки. Тоска уничтожила силы думать, действовать, даже жить, даже желать, и сердце Мерилоды щемило странное стремление идти куда глаза глядят. В последнее время Мерилоду почти не посещала тоска, подобная этой. На Нерве это случилось, кажется, раза два-три, а с тех пор, как его освободили, он вообще ни разу не испытывал такого состояния, которое так часто заставляло душу сладко ныть, когда его окружали вековечные леса. Ему даже иногда казалось, что с самого возвращения со Свири он и не жил толком, а была это какая-то летаргия, мутный морок, неопределенный, ни с чем не связанный и ни к чему пришедший и прошедший, и только сейчас он, наконец, начинает поистине жить.

Адмирал безнадежно посмотрел на Соболецкий маяк – высокую ажурную стальную мачту с листьями солнечных батарей, подобную той, какую он видел много лет назад на Нерве. На вершине мачты вспыхивал, гас и снова загорался огонь. «Мерами возгорается и мерами угасает…» Кто же

это сказал? Хм… Ах, да, это же какой-то старый нойд цитировал кого-то из древних.

В глубине души мышью скреблось беспокойство – шевелилось и царапало по сердцу с того самого дня, как у адмирала состоялся неприятный разговор с хеймингским посланником. Мерилода уже сообщил всем кораблям своего флота о грозящей Собольцу опасности, и скоро, совсем скоро соберется у этого маленького каменистого островка целая армада, а уж народу будет – яблоку негде упасть. И все вооружены. «Нет, хеймингам ничего не удастся со мной сделать!». И все же, вопреки всякой логике, в душе ворочалось беспокойство. Как бы подтверждая обоснованность страха, с запада вдалеке послышался нарастающий гул – в темноте высокого неба шел хеймингский самолет. На фоне темного южного небосклона он не был виден, только рев моторов прогремел по болотам южнее Собольца. «Самолет-разведчик», – подумал Мерилода. Они в последнее время часто кружили над приладожскими трясинами и серой озерной водой, все высматривали что-то. Это раздражало адмирала.

Тоска вдруг, ни с того ни с сего, схлынула с души, и все вокруг стало настолько серым, скучным и будничным, что Мерилода отшатнулся от окна с гримасой отвращения. Он оглянулся. Маленькая комната была погружена во мрак, сквозь который черты предметов проступали, как призраки: большая кровать, два кресла, шкаф, люстра. Ткнул в выключатель, и комнату залил резкий желтоватый свет. «Удивительно, как это хейминги ухитрились дотянуть сюда из Альдейгьюборгской электростанции кабель». Оглядел себя в зеркало. Новый серый с золотым шитьем мундир – точная копия истрепавшегося старого, лакированные сапоги – щеголь, да и только! Лишь лицо сразу разрушает это впечатление: оно усталое, осунувшееся; густая грива волос и борода седы; хмурый взгляд исподлобья; холодно поджатые губы. Раньше он был мягче, но высокий пост адмирала Койвисто воспитал в нем властность и жесткость, а долгие невзгоды и скитания привили суровость, замкнутость, сделали меланхоликом. И мстительным. И адмирал теперь разучился делать что-либо другое, кроме как мстить своим извечным врагам. Он даже стал, пожалуй, фанатичным. Раньше за ним такого не водилось. Но то было раньше…

Мерилода глянул на часы. На темном циферблате горели зеленым цифры 01:12. «Второй час… поздно…» Он неспешно разделся, повесил мундир в шкаф и, выключив свет, устало вытянулся в кровати, натянув до самого подбородка одеяло.

* * *

Рано утром адмирала разбудил встревоженный связист:

– Герр адмирал! Орехов на связи. Требует лично вас к микрофону.

Адмирала это насторожило. Будь это обычная будничная радиограмма, комендант Орехова передал бы ее адъютанту и не стал бы беспокоить адмирала. Мерилода быстро натянул мундир и поспешил вслед за радистом в комнату связи.

Худшие из опасений сбылись. Голос коменданта, которого Мерилода знал как человека исключительно спокойного, сейчас едва не срывался в крик.

– Герр адмирал! Катастрофа! Мы едва держимся!

– Хейминги?! – ахнул адмирал потрясенно.

– Они, проклятые, будь им трижды пусто! Они обстреливают нас с берега из пушек и из корабельной артиллерии. Несем огромные потери. Срочно нужны подкрепления!

– Вы заминировали Неву?

– Заминировали! Днем и ночью работали, жилы рвали – и все зря! Как им удается взрывать мины на расстоянии, не знаю, но они рвутся десятками, не принося хеймингам никакого, ни малейшего, чтоб их Туони, вреда!

В этот момент в наушниках что-то грохнуло, словно рявкнул, взрываясь, снаряд, и комендант снова закричал:

– Вот! Слышите?! Слышите?! Крепость уже рушится! Через десять минут все будет кончено!

– Тихо! – гаркнул вдруг Мерилода. – Не паниковать! Держаться руками, ногами, зубами, хоть ушами! Сейчас вышлю вам на подмогу корабли.

– Укко и Рауни! – вскрикнул комендант. – Самолеты!

– Держитесь, ради всего святого, держитесь и ждите!

Мерилода сорвал с головы наушники и замысловато выругался, что случалось с ним нечасто. Встал и прошелся несколько раз взад-вперед по комнате под вопросительными взглядами подчиненных. Потом бросил в воздух:

– На Орехов напали хейминги! Немедленно передать всем кораблям, находящимся в Ореховской бухте, чтобы шли на помощь форту, остальному флоту – пусть соберутся у Пайгача и ждут дальнейших приказов. Все сухопутные отряды, находящиеся западнее Кобоны, пусть тоже идут на выручку.

– Это все?

– Да. А теперь соедините меня с капитаном Ахолой.

Один из солдат уже сидел за пультом и нервно крутил ручки. То же самое делал другой за вторым пультом. Мерилода стоял у окна,

отвернувшись от подчиненных, чтобы не видели, как он кусает от беспокойства губы.

Через минуту солдат-связист окликнул адмирала и протянул ему наушники. Мерилода, отодвинув солдата, судорожно надел их и быстро заговорил в микрофон, не дав Ахоле даже опомниться. На то, чтобы изложить суть дела, хватило нескольких предложений. В наушниках на секунду все смолкло, а потом из динамиков донеслась неистовая брань, услышав которую, Мерилода не выдержал и расхохотался.

– Зря смеешься, – прошипел ему Ахола, – посмотрю я на тебя, если хейминги и на этот раз окажутся хозяевами положения, как это уже не единожды случалось.

– Ну, не злись, – примирительно проворчал адмирал, сразу потеряв всякую веселость. – Ты мне лучше скажи, сколько тебе понадобится времени, чтобы дойти до Орехова?

– Час, – без запинки ответил капитан. – Если, конечно, хеймингские пикеты не помешают. Кстати, много там этих хеймингов?

– А леший его знает! Комендант был в такой панике, что только стонал в микрофон, а я тоже, кажется, немного растерялся. Да цифры, думаю, не очень важны. Главное – отвлечь внимание врага от крепости, пока не прибудет на помощь наш флот. А с Ореховом я сейчас свяжусь, разузнаю подробно.

Добиться разговора с Ореховом оказалось нелегко, но, благодаря упорству связиста, Мерилода получил, наконец, возможность узнать подробности. Оказалось, что пехоты на берегах Невы не видно, зато стоит артиллерия и бьет по крепости во всю мочь. Чтобы пробить себе проход в минных полях, хейминги делают странные, на первый взгляд, вещи: обстреливают воду. Одному Туони известно, что у них за снаряды, но мины от их взрывов дружно детонируют, и путь хеймингам скоро будет очищен. Из форта высунуться невозможно: он наполовину разрушен, осколки косят, как траву, все живое, что не успело скрыться за его бетонными стенами, но финны все-таки умудряются отвечать врагу из пушек, хотя и несут при этом потери. Адмирал приказал во что бы то ни стало держаться и снова связался с Ахолой.

Тот, выслушав Мерилоду, только хмыкнул.

– Ладно! Раз пехоты у них там не видно, тогда справиться с ними будет не очень трудно. Да и зачем им там пехота? Ведь главный их противник – Орехов.

– И то верно. Посему хватай свои лучшие отряды – и вперед, к Неве. Оружия, патронов хватит?

– О, на четыре войска хватит, спасибо Лунге!

– Ладно, ладно, Лунге мы всегда повесить успеем. Давай, собирайся. Да не теряй со мной связи.

Сняв наушники, Мерилода поднялся в свои апартаменты и нервно заходил по комнате. Ахола, видимо, не более чем за час преодолеет путь от Волхова до Невы; там ему помогут отряды, посланные от Кобоны. Не бог весть какая помощь, но все же… А там еще корабли с Ладоги. Нет, хейминги не должны прорваться. Но… а зачем они, собственно, рвутся в Ладогу? Значит, хеймингский посол не обманул Мерилоду и сейчас сюда идет Норвежская эскадра? Или это очередной отвлекающий маневр, чтобы заставить адмирала отвести свои войска и флот к Орехову, а самим почти без боя занять Соболец? Боги мои, какой паутиной лжи они оплели все вокруг! Адмирала била нервная дрожь. Вот когда довелось вновь по-настоящему сцепиться с Хеймом! Драка будет не на жизнь, а на смерть, это очевидно. Странно, но Мерилоду не особенно волновал исход этой драки: неважно, кто победит, лишь бы только хейминги надорвались на этой войне – тогда Койвисто было бы отомщено. А скрываться по чащам и по медвежьим углам Мерилоде не привыкать. И все-таки он был уверен – сейчас хейминги ничего не смогут с ним сделать.

Он ошибался. Через час в комнату снова вбежал радист и сказал, что на связь вышел Ахола. В наушниках послышался усталый и растерянный голос капитана:

– Все кончено, Эйно. Все кончено. Мы опоздали.

Мерилода стиснул зубы, сжался, словно от ощущения готового обрушиться на него удара. Хотел крикнуть: «Нет! Невозможно!». Слова застряли в горле. Сколько раз за долгие годы изгнания вот точно так же хотелось крикнуть «не может быть!», а слова не шли из уст, и пресекалось дыхание! И вот снова…

– Ты слышишь меня? – Голос Ахолы был встревоженным. С губ адмирала какая-то чужая сила сорвала:

– Слышу.

Безжизненный, бесцветный, чужой голос…

– Мы опоздали, – безнадежно повторил Ахола. – Когда мы появились там, Орехов был на две трети разрушен, пушки его молчали, а мимо него в Ладогу шли корабли Хейма. Хеймингские артиллеристы разворачивали пушки, собираясь их увезти. Мы хотели было перестрелять их, но нас атаковали, много жертв, и мы…

– Возвращайтесь, – безжизненно произнес Мерилода.

– Что?!

– На Соболец. Скорее. – Мерилода чувствовал, что говорит что-то не то, но слова вырывались сами собой. Он не сопротивлялся. – Все силы – на защиту Собольца.

– Это самоубийство! – крикнул пораженный Ахола. – Они же накроют нас, как бабочку сачком! Одумайся! Нам надо рассредоточиться и продолжать партизанскую войну, – горячо заговорил он, – мы…

– Возвращайтесь, – снова повторил адмирал, не слушая его. Безжизненная рука сама повернула рычажок выключения связи. Вокруг висело безмолвие.

Мерилода встал и медленно отошел от пульта. В полном молчании стояли вокруг и смотрели на него радисты, и тишина вдруг испугала Мерилоду: ему неудержимо захотелось грома битвы, выстрелов, рявканья пушек, криков солдат. Но вокруг царило поразительное, гробовое молчание. Не было слышно ни разговоров во дворе форта, обычно людном, ни шагов по каменным плитам, ни даже шороха волн и вздохов ветра. На секунду Мерилоду охватил панический ужас: показалось, что солдаты, стоящие вокруг, – это уже не люди, а пустые призраки, что остров вымер и никого на нем больше нет. Адмирал бегом бросился из комнаты связи и сбежал по лестнице вниз. Здесь ужас покинул его. По двору, как обычно, бродили скучающие солдаты, которым, ввиду угрозы нападения, не позволялось теперь покидать пределы крепости. Невдалеке шуршал по камням прибой.

Мерилода медленно и понуро пересек двор и вышел из форта. Перед ним у пирсов стояли корабли. Десятка полтора, не меньше. «Будем надеяться, что это хоть немного склонит судьбу в мою пользу». Наивные надежды! Три-четыре десятка парусных суденышек против стальной хеймингской армады – нет, слишком неравны силы. А если нападут все же с суши? Мало войск. Что же все-таки происходит у Орехова – истинное нападение или отвлекающий маневр?

Мысли разбегались, как капли ртути на фарфоровом блюдце, и Мерилоде никак не удавалось их собрать. Хейминги, Хеддер, Ахола, Орехов, Норвежская эскадра, стоящие у Пайгача корабли мелькали перед ним, как в калейдоскопе, и уловить смысл в них он никак не мог. С тоской адмирал посмотрел в сторону запада. Что-то там сейчас происходит?

Он неспешно пошел вдоль берега, слушая журчание холодных ладожских волн о гранит валунов. Ясность мысли, хотя и медленно, но возвращалась, и наконец адмирал вновь обрел способность думать. Итак, оборона Орехова сломлена, и хейминги сейчас на полной скорости мчатся к Собольцу. Часа через три или четыре здесь будет Ахола со своими отрядами. Все-таки правильный приказ отдал Мерилода: Соболец необходимо отстоять, иначе идея о финской гегемонии над Ладогой рассеется, как туман, и хейминги опять будут крутить Ингрией, как им заблагорассудится. Главное – чтобы Ахола сумел опередить хеймингов, самое, самое главное. Мерилода готов был молиться всем богам, как

финским, так и словенским, и даже этому хеймингскому Будде, чтобы пиратские корабли сумели задержать эскадру Хейма.

Мольба его, кажется, была услышана: шло время, а вокруг все было совершенно спокойно – ни дымка на горизонте, ни рева самолетов над башнями форта. Тишина!

Но нервы Мерилоды были натянуты, как струны, и в любую секунду могли не выдержать неимоверного напряжения. Наконец, чтобы немного успокоиться, он вернулся в крепость и поднялся к связистам, решив занять себя разговором с эскадрой Пайгача.

Долго пришлось радистам провозиться над наладкой связи с эскадрой. Солдат, сидевший за пультом, зло бранился:

– Ах, чтоб их! Они, собаки, помехи создают, ни шиша не слышно. Один шум.

– Кто «они»? Хейминги, что ли?

– Разумеется, – раздраженно проворчал радист. – Больше некому.

Но, невзирая на все трудности, связь все же была установлена. Мерилода, сам неплохо умевший обращаться с радиостанцией, поспешно сел к пульту и надел наушники. В динамиках трещало и хрипело, слышались обрывки слов, и сквозь этот невообразимый кавардак звуков доносился голос командира Пайгачской эскадры:

– Адмирал! Хейминги уже здесь. Мы, насколько это было в наших силах, постарались перекрыть выход из Ореховой бухты…

Шипение оборвало фразу. Мерилода закричал в микрофон:

– Что?! Громче! Перекрыли бухту?!

– Да, да! Часть наших кораблей держит выход из бухты, другая гоняет по бухте хеймингов. Мы пытаемся разбить их эскадру на отдельные корабли, но получается плохо.

– Значит, хейминги еще в бухте?

– Да.

«Странно! – подумал адмирал. – Неужели огромной Норвежской эскадре никак не преодолеть какие-то жалкие пятьдесят километров до Пайгача? Хм…» Но вслух он сказал:

– Как собираетесь действовать?

– Мы примерно рассчитали курс вражеской эскадры. Я уже отдал приказ собираться в один большой кулак и идти им навстречу.

– Хорошо. У вас есть потери?

– Незначительные. Два корабля.

– Ваш план рискован… Рискован!

– Ничего не поделаешь!

Помехи усиливались. В конце концов разговаривать стало совершенно невозможно, как ни крутил Мерилода ручки настройки. Резкий

злой треск в наушниках больно бил по барабанным перепонкам. Адмирал встал было из-за пульта, но тут же сел вдруг обратно и снова принялся крутить ручки.

– С кем вы пытаетесь связаться? – поинтересовался связист.

– С отрядами Ахолы, – резко ответил Мерилода, не отводя напряженного взгляда от приборов.

Наконец, позывные Собольца пробились через треск помех, и в динамиках послышался хрипловатый голос капитана:

– Адмирал! Слушаю вас! Ахола на связи, адмирал!

– Тойво! – крикнул Мерилода в микрофон. – Тойво, где находишься?

– Близ устья Кобоны. Идем на предельной скорости.

– Знаешь, что творится на Ладоге?

– Знаю. Связывался с нашими кораблями. Но быстрее идти не могу, дорога здесь такая, что проще, наверное, застрелиться, чем по ней пройти.

Мерилода нервно рассмеялся.

– Нет, стреляться не надо – это никогда не поздно сделать – а вот поспешить придется. Я не уверен, что наш флот сможет сдерживать хеймингов достаточно долго.

– Я тоже в этом не уверен, – проворчал Ахола; даже сквозь дикий треск в наушниках было слышно, что он очень недоволен. – Больше скажу: я не уверен, что вообще поступаю правильно, соглашаясь выполнить твой приказ.

– Ладно, ладно, – сердито прервал его адмирал. – Не будем спорить. Тем более, что спорить поздно. Надо действовать.

В этот момент в динамиках стало вдруг совершенно тихо. Ахолы стало не слышно. Потом снова ворвался в уши шум помех, но снова установить связь с капитаном так и не удалось.

Едва адмирал встал из-за пульта, как в комнату ворвался перепуганный дозорный:

– Герр адмирал! По полуострову к нам движутся войска!

Мерилода, выругавшись, бросился вон из комнаты, легко взбежал на башню и приставил к глазам бинокль. Из его груди вырвался вздох облегчения:

– Спокойно! Это свои. У них финский флаг.

Это действительно оказались свои – оккупационные отряды из Альдейгьюборга. Их численность была невелика, но Мерилоде они показались огромным, многотысячным войском. Людские волны катились через узкий, тинистый и заросший камышом проливчик между островом и материком неумолимо, как валы штормового океана; лишь когда они собрались в крепости, Мерилода увидел, что их на самом деле не так много, как казалось. Зато вооружены они были отлично: вороненая сталь

автоматов, награбленных в альдейгьюборгских арсеналах, матово поблескивала в мягком свете яркого майского солнца; солдаты казались неуклюжими толстяками в тяжелых бронежилетах.

Пока адмирал устраивал этих, на остров ввалилась новая орда. На сей раз это были солдаты Ахолы – израненные, избитые, чуть живые. Капитан вкратце рассказал Мерилоде о своей схватке с отрядами хеймингов и о том, как финнам все же удалось выйти из окружения и пробиться на Соболец. Приказав устроить раненых в лазарет в подвале крепости, Мерилода пожалел, что слишком поздно отдал приказ своим войскам идти к форту. Многие еще в пути. Надо бы и флоту своему отдать такой же приказ: очевидно, что хеймингские корабли в Ореховой бухте – это явная «пустышка».

На острове стало совсем людно, и адмирал с надеждой смотрел на своих воинов, которые, казалось, не испытывали ни страха, ни даже хоть какого-нибудь волнения при мысли о предстоящей им битве. Мерилоде это несколько придало уверенности, и страх гнездился теперь в самых глубинах души, почти не давая о себе знать. Отдав приказ вызвать на остров все резервы и поднявшись на крышу главной башни, адмирал приставил к глазам бинокль и стал тревожно вглядываться в западный горизонт, надеясь увидеть дымки, поднимающиеся от хеймингских кораблей. Но горизонт был чист. Лишь солнце медленно клонилось к нему, да мелькал среди темных волн одинокий рыбачий парус. Пуст был и южный горизонт – камыши и болотная осока. Если бы дозорные, выставленные на болотах, что-то заметили, то, уж конечно, через минуту дежурный радист был бы здесь, весь бледный и растрепанный. Но все радисты сидели у себя в комнате связи, а здесь, на вершине башни, только ветер посвистывал, да плыли над головой высокие голубоватые облака. Высоко в небе парила чайка. Тишь струилась над островом.

Прошел час… другой… Пошел третий. Мерилода устал стоять на крыше и спустился к себе в комнаты. От нетерпения и тревоги его слегка знобило, и он на чем свет стоит проклинал хеймингов. «Ну что же они медлят? Чего они тянут?!» Он нервно забегал по комнате, потом вышел, обошел крепость, осматривая посты. Солдаты были в полной боевой готовности: артиллеристы, перебрасываясь короткими, ничего не значащими фразами, тревожно поглядывали из бойниц в безмятежную даль болотных камышей; в нижних помещениях расположились пехотинцы в полном вооружении, готовые к отражению морской пехоты врага. Большинство из них с равнодушным видом сидело на каменных скамьях у стен или прямо на полу, кое-кто с выражением скуки на лице глазел в окна, но за всем этим видимым безразличием крылось величайшее напряжение –

напряжение людей, ожидающих битвы, в которой, возможно, прервется нить их жизни и перед которой жизнь воспринимается так остро и так ярко.

Вид готовой к бою армии, однако, совершенно не успокоил Мерилоду. Он направился в комнату связи. На его немой вопрос Ахола, сидевший за пультом, ответил:

– Да, адмирал. Сухопутные резервы вызваны. Полным ходом идут сюда.

– Когда будут здесь?

– Часов через шесть-семь.

– Долго. Слишком долго. – Мерилода от нетерпения сжал кулаки и заходил по комнате. – Пусть идут еще быстрее. Скоро хейминги будут здесь. Они и так уже подозрительно долго тянут с нападением. Когда был последний сеанс связи с основной эскадрой?

– Минут двадцать назад. Хейминги не дают им покинуть бухту.

– А резервный флот?

– К вечеру будет здесь.

– Свяжитесь с ними. Пусть поторопятся.

Ахола уступил место солдату; тот, надев наушники, начал крутить ручки, тихо бормоча что-то про себя, и, наконец, откинулся на спинку стула с растерянным видом:

– Чтоб его Туони! Ничего не получается! Никто не отвечает.

– Быть не может! – Мерилода сам бросился к пульту. На той частоте, на которой работали передатчики резервной эскадры, сейчас слышен был только «белый шум».

– Это может означать лишь одно, – спокойно сказал Ахола, – а именно – что резервный флот уничтожен.

Мерилода, белый как мел, отошел от передатчика. Ахола меж тем продолжал:

– Я же говорил вам, что сосредоточивать все силы на Собольце самоубийственно. Сколько еще будут держать хейминги наш основной флот, неизвестно, а мы теперь заперты тут, и хейминги могут нас просто перестрелять, как куропаток.

Он помолчал, прошелся из стороны в сторону по комнате.

– Впрочем, – молвил он в задумчивости, – мы в любом случае были бы заперты здесь. Никакие корабли нам не помогут, если хейминги подойдут сюда на своих новых машинах. Адмирал, вы слышите меня?

Мерилода посмотрел на него каким-то неживым взглядом.

– Да… да… знаю… – Слова слетели с уст адмирала и, как неживые, рассеялись в воздухе. Он устало опустился на стул. В комнате повисло гнетущее молчание.

Несколько долгих, томительных минут потребовалось адмиралу, чтобы хоть немного взять себя в руки. Изменившимся голосом он негромко произнес:

– Ну что ж… Ежели так, тогда придется драться в одиночку.

Потом встал и медленно побрел в свои апартаменты.

Лишь через полчаса, выпив два стакана крепкого греческого вина из запасов покойного коменданта форта и слегка придя в себя, Мерилода с некоторым недоумением подумал, а с чего он, собственно, так разволновался. Ну да, они теперь одни; но ведь резерв-то тоже невелик… был… И основной флот еще держится. Так что практически ничего не потеряно.

Между тем вокруг по-прежнему было тихо. Даже волны, казалось, бились о камни лишь слегка и как бы нехотя. Солнце неспешно спускалось к горизонту. Безветрие. Полный штиль.

В душе адмирала постепенно поднималось раздражение и бешенство, ему хотелось поскорее вцепиться хейнингам в глотку и пусть даже погибнуть, но именно в борьбе. Мерилоде вдруг пришла мысль, наполнившая его яростью и ужасом: что, если хейнинги решили взять его измором?! Кошмар! Как же можно было забыть о пополнении погребов и амбаров?! Ведь продовольствия – недели на две, а потом придется или выбираться отсюда, или переходить на питание ремнями, сапогами и портянками. Добыча пропитания охотой и рыбной ловлей только отсрочит конец – если, разумеется, хейнинги позволят финнам охотиться и ловить рыбу. Адмирал заметался по комнате, кусая ногти и вполголоса поминая Туони. Надо же так влипнуть, причем по собственной же глупости! Но сделать все равно ничего нельзя. Остается лишь сидеть и ждать. И Мерилода сидел и ждал, с отчаянием глядя на медленно затягивающие небо тучи.

К вечеру тучи совсем сгустились. Обычного в мае мягкого ночного полусвета в эту ночь можно было не ожидать; ночь обещала быть темной.

Время шло. Мерилода нервничал: «Юмала, ну когда же?».

– Герр адмирал! Катастрофа! – услышал он крик за дверью, и сердце вдруг мучительно сжалось.

Адъютант вбежал, задыхаясь, в комнату и, нарушив все правила военного этикета, выпалил:

– Только что был сеанс связи с Пайгачской эскадрой. Ее больше нет!

– Как?! – побелев, выдохнул Мерилода. – Что значит «нет»?

– Хейнинги уничтожили ее, расстреляли с воздуха. Радиостанция последнего корабля пробилась к нам сквозь помехи, сообщила все, а затем связь вдруг прервалась…

Все это адъютант говорил, едва поспевая за адмиралом, саженными шагами несшимся к связистам. Выслушав его, Мерилода отрывисто бросил через плечо:

– Вероятно, последний корабль уже на дне морском. Потому и прервалась связь.

Это была правда, и Мерилода отлично понимал это, но понимал лишь разумом, а в глубинах сердца еще теплилась слабая надежда, что это не так, и он в душе исступленно взывал к богам, чтобы это действительно было не так.

Влетев в комнату связи, он торопливо подсел к пульту, надел наушники и начал быстро, нервно крутить ручки, шепча побелевшими губами:

– Ну же… Ну где же вы…

Ничего. На позывные Соболецкой радиостанции ни один финский корабль не отвечал. В динамиках слышался треск, шипение, обрывки разговоров, музыки, но ни одного сигнала от кораблей.

Наконец Мерилода устало и ошеломленно отложил наушники и смахнул со лба капельки пота. Потом измученным взглядом посмотрел на связистов.

– Включите внутреннюю радиосвязь крепости.

Один из солдат щелкнул тумблерами и протянул Мерилоде микрофон.

– Готово, адмирал!

Тот взял микрофон и, рассеянно уставившись в окно, усталым голосом заговорил:

– Внимание всем! Говорит адмирал Мерилода. Боевая тревога. Всем занять свои места. Скоро здесь будут хейминги.

Потом отложил микрофон и медленно поднялся. Внезапно раздавшийся из дальнего угла голос Ахолы заставил его оглянуться.

– Адмирал! У меня есть предложение, – заговорил капитан. – Может быть, вызовем на подмогу резервы с болот?

Мерилода отрицательно покачал головой.

– Нет. Это наша последняя надежда – на тот случай, если я правильно рассчитал намерения хеймингов и они действительно нападут с суши. Отряды на болотах должны зайти хеймингам в тыл и с флангов.

– А если они нападут с воды?

– На этот случай я расставил на берегах артиллерийские батареи. Будем надеяться, что они нанесут хеймингам хотя бы какой-то вред…

– Норвежской эскадре? – скептически спросил кто-то из офицеров.

– А вы что предлагаете?! – взорвался вдруг Мерилода. – Так все оставить?! А может, лучше вообще пойти и сдаться Хейму, чтобы тебя

потом отправили на Нерву? Будем надеяться, что они хотя бы не всех здесь вырежут, когда из-за вашей глупости и неорганизованности захватят остров! Откуда я знаю, какие у них планы?! И что мне еще оставалось делать? А, идите-ка вы все в Туонелу!

И выбежал, злобно хлопнув дверью. «Разрядил злость на подчиненных», – с огорчением подумал он через несколько минут в своих апартаментах, когда гнев прошел. А ведь виноват-то во всех своих неудачах он сам. И за что он так ненавидит Хейм, что готов жертвовать и собственной жизнью, и чужой ради достижения заведомо недостижимой цели – победы над Хеймом? Не борется ли он на самом деле с собой? И не является ли Хейм просто внешним, видимым воплощением сторон личности самого Мерилоды, ненавистных ему самому, – тех стремлений и влечений, в присутствии которых в собственной душе адмирал никогда не признается даже самому себе? Но эта мысль лишь тенью мелькнула на окраине сознания, вытесненная более насущными проблемами.

XXXIII. БИТВА ЗА СОБОЛЕЦ

Весьма остроумным было решение Арвида Малевича использовать для переброски десанта парусную Онежскую эскадру…

Эвмен Мак-Брадайг. «Крупнейшие операции армии Великого Хейма»

Все случилось неожиданно. В первом часу ночи жаркую, влажную, душную тишину ночи разорвал адский вой сирены – дозорные заметили врага, и адмирал, задремавший было в своем кресле, испуганно вскочил и бросился к окну. С вершин башен били вдаль прожектора, вязкая липкая темнота в страхе шарахалась из-под их лучей, и в их мертвенном электрическом свете адмирал с ужасом увидел всего в нескольких десятках метров от острова темные тяжелые громады хеймингских кораблей, с которых уже началась высадка десанта – первые шлюпки с солдатами мчались по черной, как тушь, воде, примешивая резкий визг моторов к реву сирен.

«Десант! Никакая сухопутная операция не планировалась!». Мерилода, вполголоса ругнувшись, судорожным движением схватил трубку телефона внутренней связи.

– Командира дозорных к аппарату! Слушайте, командир, что это значит? Как вы посмели подпустить хеймингов так близко?

В трубке послышался слегка растерянный голос:

– Ну что же мы могли поделать? Огни на своих кораблях они, естественно, не зажгли, а как они заглушили шум двигателей, я не знаю. Может быть…

Адмирал бросил трубку, не дослушав, и тут какая-то жуткая сила вдруг бросила его ничком на ковер. Он ткнулся носом в длинный мягкий ворс и одновременно почувствовал мучительную давящую боль в ушах, а потом – злой визг осколков: хейминги открыли по крепости артиллерийский огонь. Адмиралу подумалось, что крепости вряд ли будут нанесены сколько-нибудь существенные повреждения – бывшим его хозяевам не нужна куча мусора, на месте которой придется строить новый форт. Так что хеймингские пушкари, скорее всего, не будут особо злобствовать.

Пушки форта надрывались, злобно огрызаясь захлебывающимися залпами на ленивую пальбу с кораблей, в воздухе висели кроваво-алые осветительные ракеты, а хейминги уже высаживались на берег; слышались крики, одиночные выстрелы, иногда – треск автоматов. «Умные, сожри их Туони!» – подумал Мерилода. Хейминги десантировались подальше от форта, чтобы финские артиллеристы не видели, и огонь из крепости вряд ли

наносил им особый вред. Только маленькие дозорные группы сопротивлялись их высадке. Из ворот высыпали люди и бросились к чахлым кустарниковым зарослям в северной части острова, откуда доносилась особенно интенсивная стрельба. С кораблей заметили это и обрушили на маленькую прогалинку, отделявшую кустарники от крепости, бешеный огонь, который, впрочем, в расплывающемся неверном свете осветительных ракет был неточен и, как заметил адмирал, безвреден для финнов.

Вскоре из зарослей раздался страшный шум. Одним богам ведомо, что там творилось, но автоматы аж захлебывались от ярости; им вторили людские вопли.

В этот момент запищала маленькая портативная рация, стоявшая у адмирала на столе. Мерилода судорожно схватил ее, нажал кнопку. В динамике послышался голос командира отряда, выбежавшего отбивать хеймингский десант:

– Адмирал! Мы столкнулись с ними в кустах, открыли огонь. Они бегут к лодкам!

– Вы, что, гоните их?!

– Сейчас будем догонять. Конец связи.

Пальба из кустарников, метавшаяся по зарослям невдалеке от крепости, стала удаляться – сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Вдруг справа, со стороны причалов, рявкнул взрыв, затряслись стены, где-то что-то со звоном упало. Мерилода, оглохнув от грохота, едва удерживаясь на ногах, метнулся к окну… так и есть! Хейминги, уничтожив часть причалов, карабкались по их развалинам к стенам форта. Внимание финнов отвлекла первая группа нападавших, обрушившаяся со стороны северного берега, и вот теперь хейминги были почти под стенами форта. Мерилода снова схватил рацию и гаркнул в микрофон:

– Артиллерия, восточное крыло! Весь огонь – по причалам. Хейминги у восточных стен!

Он еще не кончил говорить, как в ответ на его слова справа послышался низкий хищный рык тяжелых пулеметов, потом ударили по ушам подряд три несильных взрыва – гранаты. Хейминги стали рассыпаться по берегу, словно тараканы, прячась среди валунов. Едва кто-либо из них отваживался высунуться, пулеметы тут же обращали на него всю ярость своих пуль, от камней летели брызги – это было заметно даже в не очень ярком свете ракет – а от вражеского солдата, скорее всего, оставалась лишь куча мертвого мяса.

Снова пискнула рация. Это был Ахола.

– Адмирал! В кустах близ форта засели хейминги с минометами.

– Откуда знаете?

– Один из солдат заметил.

– Весь огонь северо-западной башни – туда!

Ухнули пушки башни. Клубы дыма взвились над зарослями, взлетели камни, ветки, и в ту же секунду сразу несколько мин, с тихим посвистом пробуравив душный воздух, разорвались во дворе крепости. Засвистели осколки, но Мерилоде было ясно, что никакого вреда его людям, укрытым за стенами форта, они не принесут. В ответ пушкари, словно озверев, начали так старательно перепахивать кустарники, что рев стоял в ушах непрерывный, а заросли заволоклись густым дымом и тучами пыли. Это продолжалось несколько минут, но, когда пушки успокоились и дым немного рассеялся, между воронками вдруг замелькали тени. Раздались глухие хлопки подствольных гранатометов, и перед самыми стенами форта взметнулись фонтаны осколков, смешанных с едким серым дымом. Тени исчезли так же быстро, как и появились. Мерилода, шепотом ругнувшись, поднес к лицу рацию:

– Второй отряд – в кустарники! Выбейте оттуда хеймингов. – И подумал: «Похоже, что они нас выманивают». Но додумывать мысль до конца было некогда.

Под прикрытием злобного огня пулеметов, расчесывавшего, как гребнем, заросли, на прогалину выбежала вторая группа. Хеймингн, засевшие среди воронок, заметили ее слишком поздно, и завязалась рукопашная схватка. На подмогу хеймингам из темноты выскочил еще отряд, и враг стал теснить финнов, а защитники форта поддержать своих огнем не могли, и Мерилода после некоторого колебания, сознавая, что делает ошибку, – возможно, непоправимую, – отправил на помощь своим еще один отряд.

За спиной послышались тихие шаги, и адмирал вспомнил, что забыл закрыть дверь. Впрочем, сейчас это не имело значения. Он оглянулся. Мертвенно-багровый свет ракеты скользнул по лицу Ахолы. Капитан неспешно подошел к окну, несколько секунд смотрел на схватку, а потом как бы про себя произнес:

– А может, расстрелять всю эту кучу малу к лешему?

– Нет, – быстро ответил Мерилода, резко повернувшись к капитану. – Мы слишком многих потеряем.

– Это верно, – молвил тот негромко; адмирал едва расслышал его слова сквозь грохот пушек. – Каждый солдат на счету. Эх, жаль, резервы на болотах уже не вызвать!

Мерилода ничего не ответил. Оба молчали, напряжено глядя на мелькающие среди воронок тени. В свете прожекторов форта, на которые хеймингн по понятным причинам до сих пор не решались обратить огонь, было иногда видно, как тускло взблескивали лезвия тесаков в руках солдат. Вдруг Ахола резко вскинул руку, сдавленным голосом вскрикнув:

– Смотрите!

Из кустов вновь выбежали тени. Сферические шлемы на них выдавали хеймингов. Они рассыпались шеренгой вдоль опушки и стали теснить финнов на прогалину, те начали медленно отступать, но едва один взвод имел неосторожность оказаться на ней, как и с кораблей, и из зарослей взревели очереди пулеметов. Взвод полег почти полностью.

– Нашим нужна помощь, – мрачно констатировал капитан.

А Мерилода заметил:

– Хотел бы я знать, почему они не стреляли по первым нашим отрядам. Странно…

Но отправить на подмогу четвертый отряд все же пришлось. На всякий случай адмирал приказал на несколько секунд погасить прожектора, чтобы солдаты успели перебежать прогалину. Когда свет снова был включен, финны невесть каким образом ухитрились поменяться с хеймингами ролями и теперь сами теснили врага на прогалину – под пули форта. И все бы ничего, но хеймингские артиллеристы тоже это заметили, и на западную стену форта, вопреки всем предположениям Мерилоды, обрушился такой шквал снарядов, что адмиралу и капитану пришлось отойти от окна, чтобы не быть задетыми осколками. Тучи пыли и дыма, призрачно светившиеся в лучах прожекторов и хеймингских осветительных ракет, закрыли прогалину, и адмирал, уже в который раз за этот день ругнувшись, бросился из комнаты, оставив Ахолу в башне.

В западных помещениях висели пороховой дым и каменная пыль, от которых першило в горле и неприятно щекотало в носу. Слышались крики, стоны раненых, волнами накатывала едкая пороховая вонь. Взгляд, случайно брошенный через брешь в стене на прогалину, заставил адмирала побледнеть – слабеющие финны беспомощно жались к стенам форта, теснимые хеймингами. Отдать соответствующий ситуации приказ было делом мгновения, и скоро из ворот на хеймингов набросились свежие силы. «Резервов пехоты больше нет», – равнодушно подумал Мерилода. Зато хейминги стали медленно отступать. Метр… еще… десять… уже у воронок… Они отступали, оставляя на прогалине кучи трупов – и своих, и своих противников. Со стен изредка слышалась короткая трель автомата, и неизменно несколько «круглоголовых» становились безвредными для финнов. Но торжествовать так и не пришлось. Пискнула рация, и динамик закричал голосом Ахолы:

– Адмирал! Все пропало… Они заняли восточную стену!

Мерилода метнулся к окну, выходившему во двор. Действительно, сферические шлемы морских пехотинцев уже мелькали на стенах. На его глазах из бойницы северо-восточной башни выпал человек в финской одежде и разбился о каменные плиты двора. На секунду адмиралом овладел

панический ужас и растерянность, и в эту секунду он принял решение – покинуть крепость. Он поднес рацию к губам и заговорил:

– Внимание всем! Говорит адмирал Мерилода. Всем покинуть форт. Покинуть крепость через западные ворота.

– Адмирал! – заверещал аппарат, едва Мерилода нажал на кнопку режима «прием». – Мы сдаем крепость?

– Да, Тойво! И тебе лучше всего оказаться сейчас у западных ворот. Слышишь меня? Ты мне нужен здесь! Очень нужен!

– Иду, адмирал! – захрипел динамик. – Я не… – И вдруг все смолкло.

– Тойво! Капитан! – отчаянно крикнул Мерилода и снова выглянул в окно. О боги! От двух верхних этажей не осталось и следа, только сыпались на плиты двора пыль и осколки. У подножия башни лежало несколько трупов. Один из них, как показалось адмиралу, мог принадлежать Ахоле. Может быть, только показалось… Но раздумывать было некогда. Мерилода со всех ног побежал по коридору к воротам, где уже собиралась толпа. Выждав, кажется, с минуту и яростно отбиваясь от наседавших хейминго в, он приказал открыть ворота. Кто-то задел его за локоть, Мерилода обернулся и увидел адъютанта, тащившего под мышкой мегафон.

– Дай-ка сюда!

Выхватив мегафон, Мерилода набрал побольше воздуха и заорал во всю мощь своих легких:

– Отступаем! Отступаем на юг, к проливу! Спокойно, без паники!

Отступление не удалось. Едва финны стали отходить к проливу, как со стороны его на них набросилось еще несколько вражеских отрядов, и они оказались прижатыми к стене крепости и окруженными со всех сторон. И именно тогда началось то, что, как показалось Мерилоде, превзошло даже Дружную Горку: их начали яростно уничтожать. Очереди автоматов косили ряды финнов буквально как траву, тогда как сами хейминги не несли, казалось, совсем никаких потерь – во всяком случае, меньше их не становилось. Мерилодой постепенно овладевало какое-то безумие. Круглые шлемы хейминго в, скользкая от человеческих внутренностей почва, багровые ракеты, запах крови и пороха, оглушающий грохот битвы закружились вдруг в его сознании дикой сумасшедшей пляской, быстрее, быстрее, быстрее, и наконец он, охваченный всепоглощающим ужасом смерти, той смерти, которая косила его людей, горела неестественным багровым светом в ракетах, растекалась кровью по земле – он сорвался с места и с нечеловеческим хохотом, визжа, бросился невесть куда. Потом тьма поглотила сознание.

* * *

Первым, что почувствовал Мерилода, придя в себя, была тошнота. К горлу подкатывал тяжелый, как свинцовый шарик, комок, в голове висел туман, в ушах звенело. Когда сознание вернулось настолько, что он мог давать себе отчет в своих ощущениях, он начал глубоко дышать – где-то он слышал, что глубокое дыхание угнетает рвотный рефлекс. Это помогло, комок отступил, туман в мозгу рассеялся, и лишь тогда Мерилода сквозь звон в ушах различил совсем близко, в нескольких шагах отсюда, негромкое потрескивание пламени. Он попытался пошевелиться, но тело было, казалось, свинцовым, и все, что он смог сделать – это слегка повернуть голову и чуть-чуть приоткрыть один глаз, однако все же сумел заметить маленький жалкий костерок с висящим над ним закопченным котелком; вокруг костра сидели несколько человек в финской одежде. Один из них, заметив движение адмирала, поднял голову и облегченно вскрикнул:

– Ох! Адмирал, вы живой, хвала Юмале!

Мерилода нашел в себе силы прохрипеть:

– Воды!

Один из людей поспешно вскочил и исчез из поля зрения адмирала, а вскоре губ коснулся сосуд с холодной водой. Мерилода стал жадно пить, и посудина скоро оказалась пустой. Только после этого он смог открыть глаза и оглядеться.

Они находились на крошечной, с десяток шагов в поперечнике, полянке среди покрытых тонкой нежной зеленью кустарников. С одной стороны, метрах в ста, над зарослями поднимался густой и могучий сосновый бор – совсем не такой, как на Собольце, с другой едва доносился издалека рокот прибоя. Сильный свежий ветер тяжелой ладонью гладил кустарники, трепал кроны сосен, и над лесом стоял мерный величественный звон леса. Солнце стояло довольно высоко («Еще или уже высоко?» – подумал Мерилода). Было прохладно.

На полянке вокруг костерка сидели финны; их одежда, истрепанная, изорванная и окровавленая, не оставляла в этом сомнений. Лица были усталы, измученны и озабоченны, но при взгляде на Мерилоду в их глазах загорался слабый огонек надежды.

Сам адмирал, как выяснилось, лежал в неуклюжем сооружении вроде носилок; в изголовье вместо подушки лежало небрежно сложенное серое солдатское одеяло.

– Где это мы? – оглядевшись, удивленно спросил адмирал.

– На берегу Ладоги, – ответил один из финнов – малоприметный с виду человек, во всей внешности которого в глаза бросалась лишь черная, как смоль, борода. – Здесь недалеко устье Сейскийоги. Сегодня ночью мы

вывезли вас с Собольца сюда. Каким чудом вы, герр адмирал, остались живы в той свалке, один Юмала знает… вот, привезли вас сюда в лодке и здесь спрятали.

– Значит, – приподнявшись на локте, задумчиво пробормотал Мерилода, – значит, это было только сегодня ночью? Я думал, уж много времени прошло…

– Да, совсем недавно, – ответил бородатый. – Как вспомню – аж мурашки по коже. И мы, наверное, одни такие везучие, что спаслись.

– То есть?

– Остальных хейминги, наверное, убили или взяли в плен, то есть всего лишь отсрочили убийство. А вас, адмирал, – голову на отсечение даю! – ищут.

Но адмиралом вдруг начало овладевать непреодолимое утомление. На замечание бородатого он только промычал:

– Угу!.. Хм… – а потом опустил голову на свернутое одеяло и погрузился в тяжелый вязкий сон.

Проснулся он лишь на следующее утро, проспав, таким образом, целые сутки. Слабость, приковывавшая его к постели, прошла, хотя, когда он встал, колени еще слегка дрожали.

Над костром закипал чайник, а рядом стоял котелок с дымящейся кашей, украшенной преизрядным куском масла. В сторонке бородатый вынимал из мешка миски и ложки. Мерилода, увидев это, заметил иронически:

– Хм! Какой вы, однако, предусмотрительный!

– Это не я предусмотрительный, – мрачно ответил солдат. – Это капитан Ахола приказал собрать. Так и сказал: соберите, говорит, лодку, приготовьте все для далекого похода да присматривайте за адмиралом. Вы, говорит, должны спасти его любой ценой. Собольца ему хейминги не простят.

– Так прямо и сказал?

– Да. Прямо.

Мерилода задумался. Выходит, Ахола предвидел, что форт будет потерян? Впрочем, если бы сам адмирал не был так ослеплен жаждой мести и ненавистью, он тоже понял бы сразу, что исход схватки предрешен, и не в пользу финнов. Может быть, если бы он сдал форт без боя, сумев тем самым сберечь флот и армию, ему удалось бы удержать власть над Ладогой. А теперь он вновь изгнанник, без дома и без родины, и впереди у него – лишь новые скитания. И ничего не исправить…

– Ешьте, адмирал!

Голос бородатого вывел Мерилоду из задумчивости. Адмирал вздрогнул, оглянулся, протянул руку за своей миской и только тут заметил, что на стоянке никого, кроме них двоих, нет.

– Где все? – недоуменно спросил он.

– Разошлись по домам. Ведь их болота отсюда недалеко – день пути.

– А вы?

– Я остался. Я из койвистинской колонии в Исходном Хейме, под Лахтой. Специально прибыл, чтобы отомстить за Койвисто… да, видно, не судьба…

– Как вас зовут? – спросил Мерилода, непонятно отчего вдруг страшно смутившись.

– Варпунен, герр адмирал.

Он отвернулся и занялся едой с преувеличенной сосредоточенностью, старательно пряча от адмирала лицо. Мерилода хотел что-то сказать, но передумал и, безнадежно махнув рукой, уселся на охапку веток и тоже взялся за кашу.

Утро было ветренное. Ветер, холодный, пронизывающий и злой, нагнал туч, закрывших солнце, носился над кустарниками и драл кроны сосен. По лесам растекался усталый тяжелый гул.

Наши сведения о жизни адмирала Мерилоды после Собольца базируются главным образом на двух скудных источниках. Во-первых, это немногочисленные дошедшие до нас легенды финнов-койвистинцев, в каковых легендах правда так сильно смешана с вымыслом, что отделить одно от другого в большинстве случаев не представляется возможным. И во-вторых, это так называемая «Воссинойсаарская исповедь», записанная около 30 г. Э. В. Х. христианским священнослужителем Корнелием от человека, который работал тогда на острове Воссинойсаари и называл себя Эйно Мерилодой. Кроме того, в нашем распоряжении в последние годы появились материалы, касающиеся находки на острове Амчитка в группе Алеутских островов, – данные технической и генетической экспертиз. Но эти данные пока недостаточно полны, поэтому в своем докладе я сосредоточусь на первых двух источниках…

(Марк Сильвий Сцевин. Мерилода после Собольца: как отделить правду от вымысла? // «Личность Эйно Мерилоды». Материалы III Всеингрийской научной конференции (Врата Севера, 15 – 17 мая LXIII г.). Издательство исторического факультета Университета Врат Севера, LXIV, с. 5).

XXXIV. КУЛЬТ ХОЛОН

Религия есть самосознание и самочувствование человека, который или еще не обрел себя, или уже снова себя потерял.

Карл Маркс

– Так что же у нас там с культом Холон? – спросил Роман Хеддер, усевшись на заднее сиденье машины с правительственными номерами, приехавшей на виллу Верховного Министра, чтобы отвезти его на очередное заседание Сената.

– Плохо с культом, плохо, – опечаленно вздохнул Харальд Брут, садясь рядом.

– А именно?

– Конкретно могу рассказать следующее. Культ Холон возник несколько лет назад, во времена Соболецкого сражения. Во всяком случае, в это время он впервые был замечен в пределах государства. С тех пор он стал довольно быстро распространяться в среде некоренных обитателей Хейма; это я объясняю тем, что ингрийцев мы и за людей-то, в общем, не считаем, условия работы для них здесь кошмарны – кабальные договоры, никаких прав. Не сахар, одним словом. Бороться с нами с оружием в руках, видимо, не хватает ни средств, ни сил, ни… хм…

– Ни ума?

– Хм… м-да… Короче, реального выхода из ситуации нет, вот они и придумали себе спасение – в религии!

– Ну, что же, логично! Я их – ха-ха! – отлично понимаю!

– Не сомневаюсь. Но плохо то, что этот Холон проповедует полное устранение от мира, самое полное, какое только возможно.

– Суицид, что ли? – насмешливо бросил Хеддер, поглаживая пышные рыжеватые усы пухлыми пальцами.

– Нет, до этого, хвала Будде, еще не дошло, хотя… Пожалуй, я бы сказал, что это постепенный суицид. Дело в том, что от мира они уходят с помощью разного рода одурманивающих снадобий – алкоголь, наркотики, галлюциногены и прочая мерзость, а самым главным средством у них считается особая жидкость, которую они так и называют – «холон». Я внедрил в их среду агентов и с их помощью раздобыл немного этого холона. Гадость, скажу я вам! Красноватая жидкость с таким запахом, что… – Брут неопределенно пошевелил пальцами. – В общем, понятно. А химики до сих пор не могут сообразить, из чего же оно состоит, нашли в нем только лишь псилоцибин, соединения лизергиновой кислоты, а остальной состав им пока не по зубам.

– Хм! Странная секта. Между прочим, где-то я читал, что слово «холон» в переводе с одного из варварских языков означает «весь, всецелый, цельный». Здесь может быть связь?

Брут на несколько мгновений задумался, затем отрицательно покачал головой:

– Вряд ли. Думаю, что невозможно ожидать от недоразвитой и полуграмотной черни такой сложной философской рефлексии.

На некоторое время Хеддер погрузился в раздумья, рассеянно глядя на дорогу сквозь затемненные стекла автомобиля, потом спросил:

– На чьи деньги существует Холон?

– Вот этого мне узнать не удалось, несмотря на все усилия. Сектанты так ревностно охраняют свои финансовые секреты, что просто не знаю, как подступиться. Думаю, здесь лучше подключить тайную полицию. Между прочим, – произнес вдруг министр заговорщицким полушепотом, – мне иногда думается, что здесь замешаны деньги Койвисто и адмирала Мерилоды!

– Мерилоды, говорите? – Хеддер рассеянно почесал подбородок. – Хм… Это возможно. А ежели так, то их цели…

Не договорив, он вперил в Брута пристальный взгляд холодных серых глаз, и министр по делам религий полушепотом закончил его мысль:

– Ниспровергнуть хеймингскую гегемонию в Ингрии!

– Вот именно! – покачал головой Верховный Министр. – Как видите, дело много серьезнее, чем можно было ожидать.

На заседании Сената Хеддер был молчалив и рассеян, витая мыслями где-то далеко отсюда. Культ Холон беспокоил его давно, тем более, что слухи о нем распространялись самые фантастические, и ему захотелось, наконец, подробно разузнать все об этой секте. Неприятнее всего для него, убежденного буддиста, было резко враждебное отношение сектантов к буддизму, давно вытеснившему все другие религии с Архипелага – или почти вытеснившему? Месяц назад холониты дошли до того, что напали на буддийскую религиозную процессию в Форт-Сескаре и учинили такое побоище, что мэр города готов был ввести на улицы войска. До этого, к великому счастью, не дошло, но Хеддер твердо решил разобраться с сектантами.

По окончании заседания Хеддер отправился к себе в кабинет и взялся разбирать многочисленные бумаги, но вскоре его внимание привлек шум за окном, и он выглянул на улицу. Перед воротами Торвардастейнура на площади стояла изрядная толпа людей в белых длинных туниках и серых плащах и, грозя кулаками в сторону замка, нестройно скандировала какие-то лозунги. Это и были холониты, потерявшие разум от злобы на Хейм, которых от того, чтобы с яростью броситься в замок, удерживала, наверное,

лишь многочисленная его охрана, на всякий случай державшая курки автоматов на взводе.

Нестройный и беспорядочный гул доносился с площади минут десять и был достаточно тих, чтобы не мешать Хеддеру работать, но вдруг резко усилился и превратился, наконец, в неистовый восторженный рев. Верховный Министр выглянул в окно. На площади сектанты соорудили из каких-то ящиков постамент, и на нем стоял, что-то крича и бешено размахивая руками, человек в живописном облачении, делавшем его похожим на экзотическую птицу: синяя туника, ярко-алый плащ и цилиндрический блестящий колпак, украшенный торчащим вверх красным пером. От неистовой жестикуляции колпак едва не слетал с головы оратора, это было видно даже с такого весьма порядочного расстояния. С живостью движений говорившего несколько не вязалась его длинная седая борода, но сектанты, разумеется, не замечали этого нисколько – ведь это был их духовный отец, печально известный Павел Хейнсалу, о коем было известно только, что он был родом с нижней Нарвы, рос сиротой, а года четыре назад приехал в Хеймингию с целью «проповедовать открывшуюся ему истину несчастным и угнетенным рабам Хейма, а если будет возможно – то и погрязшим во тьме, неведении и неверии хеймингам». Этим он и занимался сейчас на площади. «Неужели эту тарабарщину можно понять?» – дивился Министр, слыша разглагольствования Хейнсалу: пророк изъяснялся на таком фантастически искаженном финском, что Хеддер, отлично знавший этот язык, не мог понять ни слова.

Затем, к возмущению Министра, Хейнсалу слез со своего довольно шаткого постамента и в сопровождении жиденькой группки сектантов направился к замку, а стража, некоторое время попрепиравшись с ними, пропустила-таки главного сектанта. «Будда Махавайрочана! – подумал Хеддер. – Вот он, результат моего демократизма! Теперь придется выслушивать идиотские речи этого шута!». Именно так оно и случилось.

В коридоре послышался топот, дверь распахнулась, и в комнату ворвался Хейнсалу. Разумеется, у ворот он был тщательнейшим образом обыскан, но во взгляде его было нечто такое, что заставило Хеддера осторожно нащупать кнопку вызова охраны, спрятанную под столешницей.

– Нечестивец! – заголосил сектант от самого порога. – О несчастный!

– Кхм… – Хеддера несколько покоробило от такого вступления. – Вообще-то, войдя сюда, вы могли бы и поздороваться…

– Что?! – взвизгнул старик, и его жидкая козлиная бородка нервно задергалась. – Здороваться с тобой? С нечестивцем, изгнавшим наших богов с Архипелага и изгоняющим их и из Ингрии?! С отступником, принесшим чужого Будду в нашу страну?!

Старик так разъярился, что готов был, казалось, ударить Хеддера. Он размахивал руками так, что рукавом смахнул со стола кипу бумаг, а колпак его, державшийся, как оказалось, на резинке, съехал на ухо.

– Спокойнее! – возвысил голос Хеддер. – Я, честно говоря, не совсем понимаю, чего вы от меня, собственно, хотите. Извольте выразиться яснее.

– Яснее? – зашипел Хейнсалу. – Хорошо, я выражусь яснее! Мы, поклонники божественного Холона, требуем, чтобы культ Будды был немедленно изгнан из Ингрии без всякой жалости. Мы требуем, чтобы по всей стране была восстановлена древняя вера, чтобы везде снова почитались те боги, которых чтили наши отцы и деды. Мы требуем равных прав для хеймингов и ингрийцев по всей стране – как на Архипелаге, так и на континенте и в колониях.

– Это все? – спокойно поинтересовался Верховный Министр, когда старик умолк.

– Все! – огрызнулся тот.

– Ну что ж, я безумно рад, что ваша речь оказалась такой краткой. Теперь позвольте спросить: если все ваши требования будут выполнены, культ Холон прекратит свое существование?

– Как он сможет прекратить существование, если люди не захотят этого? – нервно вскричал Хейнсалу. – Разве я, ничтожный старик, которому сам божественный Вяйнямёйнен влагает речь в уста, смогу своей волей заставить вверенных мне овец не верить Холону? Ты смеешься надо мной, нечестивец?!

– Значит, если я восстановлю эту, как вы изволили выразиться, «древнюю веру», ваша секта будет добиваться религиозного лидерства в Ингрии?

От такого прямого вопроса Хейнсалу на несколько мгновений растерялся, но все же сумел с невероятной важностью ответить:

– Если будет на то воля богов, наша церковь сама станет лидером, и ничего не придется добиваться!

– Хм! – Хеддер усмехнулся. – Ну, а если я сейчас велю просто выпроводить вас из замка?

– Тогда мы будем бороться! – заверещал старик. – Мы возьмем оружие, мы поднимем на борьбу всех несчастных рабов Хеймингии, томящихся на Архипелаге, на рудниках и карьерах Ингрии, и тогда берегись! Берегись, Хеддер!

С этими словами старик поднял вверх палец, глянул на Верховного Министра безумными глазами и, не говоря ни слова, вышел.

Хеддер, бормоча под нос проклятия, встал из-за стола и стал собирать разбросанные по полу бумаги. «Вот ведь, сектант клятый! Ввалился, раскидал все, испортил настроение…» Он снова сел за стол, но

дело не шло, просто руки опускались, так разозлил его Хейнсалу. Помучившись с полчаса, Хеддер встал и решил ехать домой.

Проезжая по набережной, он увидел на центральной площади небольшую толпу людей, сгрудившихся вокруг группки личностей в серо-белых одеяниях. Личности приплясывали под звуки примитивной варварской музыки и распевали песни. Через открытое окно Верховный Министр уловил, что пели они на сравнительно неплохом хеймингском, и вспомнил, что Хейнсалу говорил на языке Хейма, вопреки всем ожиданиям, почти идеально (если, конечно, не считать довольно заметного эстонского акцента). Это несколько насторожило Хеддера: ладно, если эта зараза распространяется только среди иммигрантов, а если она и хеймингов затронет?

Впрочем, когда он приехал домой, все такие мысли моментально вылетели у него из головы по милости повара – из кухни доносились такие запахи, что Хеддер, едва переодевшись и вымыв руки, закричал:

– Ари! Готово?

– Готово, ваша милость!

– Тогда подавай.

После плотного обеда заниматься ничем, естественно, не хотелось, посему Верховный Министр включил негромко музыку и развалился в кресле-качалке с газетой в руках.

Затем в течение нескольких дней в городе было тихо, холониты не досаждали Хеддеру и даже совсем не появлялись на улицах. Хеддер удивлялся: неужели Хейнсалу серьезно полагает, что его истерические вопли в кабинете Верховного Министра действительно заставят правительство выполнить его требования? Впрочем, от этого полусумасшедшего фанатика всего можно ожидать.

Но когда – примерно через неделю после разговора с главарем Холона – Хеддер ехал, как обычно, в Торвардастейнур, по пути произошло то, что ясно дало понять – Хейнсалу не шутит. Верховный Министр, выехав с одной из боковых улиц на набережную, встретил процессию.

Люди в бело-серых одеждах шли плотной колонной, пританцовывая на ходу и скандируя что-то. Хеддера больше всего поразили их глаза – оловянные, неестественно застывшие, глаза людей, навсегда лишившихся разума.

Хеддер поспешно развернулся и, проехав по боковым улицам, выехал на набережную в другом месте. Там тоже толпились холониты. «О Небо, сколько же их здесь?!» – подумал он со страхом, снова разворачиваясь. Только доехав до Северного Хеймсстадира, он перебрался, наконец, на тот берег и без приключений добрался до Торвардастейнура. Запершись в кабинете, он сел было разбирать бумаги, но скоро бросил это.

Взгляд сектанта, случайно пойманный им, преследовал его неотступно, временами повергая в какой-то мистический ужас. Остекленевшие безумные глаза, в которых не было ничего осмысленного, ничего человеческого… Искривленный в злобном вопле рот, пена в углах губ… Воздетые к небу кулаки… Нет, это не люди.

От мрачных мыслей Хеддера отвлек Валентин Хаконарсон молодой, но уже отлично зарекомендовавший себя специалист, недавно назначенный начальником тайной полиции. Секретарь доложил о нем, Хеддер нехотя открыл, и Хаконарсон, войдя, молча положил перед Верховным Министром увесистую кипу бумаги.

– Что это? – слегка удивленно спросил Хеддер.

– Материалы по Холону.

– Но… откуда?

Хаконарсон самодовольно ухмыльнулся.

– Первый отдел не дремлет. А обратить внимание на Хейнсалу и его банду давно следовало.

– Ох, сколько бумаги! – вздохнул Хеддер, перебирая листы.

– Порядочно. Разрешите сесть?

– Да, да, пожалуйста.

Хаконарсон опустился в кресло у стола и заговорил:

– Чтобы вам не растеряться в массе материала, вкратце изложу суть дела. Итак, Хейнсалу Павел, полусловенин-полуэстонец, родился на нижней Нарве, круглый сирота, бродяжничал, нищенствовал, занимался пиратством, двадцать лет назад был в Койвисто приговорен к тюремному заключению за воровство, но бежал. Впрочем, все это мелочи. Главное в другом: во время скитаний он пристрастился к псилоцибиновым грибам и употребляет их до сих пор. Кроме того, нам достался архив полиции Койвисто, где обнаружились материалы по этому Хейнсалу. Так вот, они там не поленились измерить уровень его интеллекта, и коэффициент оказался – вы не поверите – более девятисот единиц. Против семисот в норме! Наконец, в молодости он, помимо бродяжничества, в течение двух лет учился у самого Святослава Горского!

– У отца психологии?! – вскричал пораженный Хеддер.

– Именно у него, – кивнул головой Хаконарсон.

– Н-да. Опасная личность. – Хеддер привычным непроизвольным движением расправил усы. – Получается, что Хейнсалу – сумасшедший гений?

– Выходит, что так. Как бы фантастично это ни звучало. Психику человеческую он знает, как дважды два, а вот цели у него, мягко говоря…

Хаконарсон не договорил и умолк, покачивая головой, а Хеддер спросил:

– Отчего же вы его не уберете?

– Бесполезно. Его слова будут жить и после его смерти. Люди идут за ним, как за тем флейтистом, который сначала вывел из города всех крыс, а потом – всех детей. А те, кто попадает в секту, к нормальной жизни вернуться уже не могут – после такой промывки мозгов они становятся скорее биологическими механизмами, чем людьми. Холониты способны на все. Их секта – главный источник распространения наркотиков в Ингрии, сектантки почти поголовно занимаются проституцией, но что хуже всего – Холон старается уловить в свои сети и государственных чиновников!

– Да-а!..

Хеддер с мрачным видом почесал подбородок, потом подпер кулаком пухлую щеку и мечтательно проговорил:

– Мерзейшая секта!

– Уж конечно, не ангелы. Так что прикажете делать?

– Следить за ними. Пока только следить и не позволять им уж очень развернуться. Собирайте материал и внедряйтесь в Холон. Больше ничего пока делать не надо. Вот, собственно, и все. Да, и постарайтесь выяснить, кто за всем этим стоит. Я никогда не поверю, что такое чудо образовалось в Хейме само.

Оставшись один, Хеддер притянул к себе увесистую папку, принесенную начальником тайной полиции, и углубился в чтение. Первые же страницы потрясли и изумили его: к тому, что рассказал Хаконарсон, прибавились финансовые махинации, работорговля, изуверские эксперименты на людях, да такие, что волосы на голове шевелились. Особенно поразил его воображение раздел, где говорилось о способах «промывки мозгов». Такой мерзости в Ингрии за всю ее историю еще не бывало: накачивание наркотиками, непрерывные молитвы, голод, который холониты лицемерно называли «очищающим постом»; несчастные сектанты обязаны были без малейших возражений исполнять любые приказы старших и поэтому вынуждены были заниматься любой, самой черной и грязной работой; они недосыпали, а провинившиеся – пусть даже вина была ничтожна – наказывались полным лишением сна.

Сами всплыли вдруг в памяти события, произошедшие после Соболецкого кризиса. Жалко, что самого Мерилоду не удалось тогда схватить, но зато в руки первого отдела попали другие командиры его армии. Даже прославленный Тойво Ахола был схвачен и допрошен – правда, лишь через полгода после кризиса, когда бывший первый помощник Мерилоды поправился после полученных ранений настолько, что мог уже выдерживать длительные допросы. Хеддеру вспомнился этот грузный круглолицый человек в сером больничном халате, бессильно сидевший в

кресле-каталке, свесив голову на грудь. На допросах он отвечал, не поднимая головы, и от этого его голос звучал глухо и монотонно.

Узнать удалось тогда многое. Оказалось, что деньги повстанцам поступали от нескольких бывших штадтгальтеров и от старой аристократии Пяти Родов: все они были недовольны упразднением системы штадтов, лишившей их всякой власти и привилегий, и пытались устранить не только самого Хеддера, но и созданную им политическую систему и вернуть Хейм к прежней жизни, когда штадты были самостоятельными, а их торговля оставалась в руках их правителей и богатых влиятельных горожан. Неудивительно: действия Хеддера настолько ущемили интересы бывших штадтгальтеров, что те готовы были на любые действия, вплоть до уничтожения единого Хейма, лишь бы вернуть все на круги своя. Но не получилось, к счастью.

Хеддер встал и прошелся несколько раз из угла в угол по кабинету. «Н-да… А вдруг это все те же силы?». Вполне возможно. Конечно, Иннолов казнен, Лунге тоже, в бывшие штадты назначены преданные Хеддеру мэры, руководителей повстанцев отправили в дальние колонии, но Пять Родов, хоть и совершенно потеряли прежнее значение, все же никуда не делись и еще помнят о своем прошлом могуществе. Правда, могуществу этому впервые был положен предел еще Торвардом Мореходом, если только не врут легенды и хроники, но память – штука сильная и способная возбуждать бурные эмоции независимо от того, сколько лет или веков прошло со времен Торварда – и даже от того, существовал ли вообще такой человек. А если учесть, что некоторые из Пяти Родов имеют побочные ветви, представители коих не только сохранили свое влияние в Хейме, но и приумножили его, то… Да, неприятная вырисовывается картина. Вот, например, Аврелий Крискевич, прокуратор Северной Африки – тот самый, который несколько лет назад безуспешно пытался присоединить к владениям Хейма непокорную Гараму («Гарама! На границах песков кончается Хейм…» – печально говорил он Хеддеру, когда тот прилетел с инспекцией в Сабрату). Связан с родом Лунге, наиболее пострадавшим после Соболецкого кризиса. Или род Гехра, из которого происходил покойный Иннолов (впрочем, происходил ли? Ради победы на выборах Иннолов мог и приврать, да и достоверность записей в «Оккервильских Хрониках» вызывает сомнения). Или род Хонте… впрочем, нет – эти-то как раз не пострадали, так что маловероятно, чтобы они что-то замыслили против Хеддера. Как-никак, род пророка Фомы. Впрочем, это само по себе еще ничего не значит.

Верховный Министр со вздохом снова сел за стол и продолжил чтение, но вскоре утомился чтением этих кошмаров, закрыл папку и, позвав слугу, потребовал кофе. Потягивая из маленькой фарфоровой чашечки

горячий черный сладкий напиток, он вдруг усмехнулся сардонически: Хейнсалу утверждал, что хочет освободить ингрийцев от хеймингского ига, но совершенно очевидно, что даже самый последний дворник в самой захолустной колонии живет по сравнению с холонитом словно в раю.

– Хм! Освободитель! – иронически пробурчал Хеддер себе в усы, потом отставил поднос с посудой в сторону и снова взялся было за папку, но… «Нет, на сегодня я по уши сыт этой гадостью!» Действительно, в душе стояло невыносимое омерзение; было такое чувство, будто он объелся отбросами. Хеддер встал, подошел к окну и рассеянно уставился вдаль. «А день-то какой!» – мелькнуло в голове.

День был прекрасный. Было нежарко, яркое сильное солнце превращало Залив в море мягкого и холодного жидкого золота. Невдалеке сверкали оконными стеклами великолепные бетонные громады столицы; над домами струились, поднимаясь вверх, потоки нагретого воздуха. Хеддеру вдруг нестерпимо захотелось сбежать куда-нибудь из замка, и он, не совладав с желанием, вышел из кабинета, бегом спустился по широкой мраморной лестнице, и скоро его машина уже выруливала на шоссе Хеймсстадир – Киркорви, а за ней, едва поспевая, ехала машина охраны.

Плотный встречный ветер врывался через открытое боковое окно и бил в лицо, трепля каштаново-рыжие усы, Хеддер жал на акселератор, и машина, повинуясь ему, стрелой летела по широкой, гладкой, как лист бумаги, серой ленте шоссе, а мимо убегали назад рощицы, мостики через ручьи, дома, автомобили. Скоро впереди блеснула вода Залива, и Хеддер, свернув с шоссе на боковую дорогу, выехал прямо к морю. Невдалеке виднелись башни святилища Илматар Наскалинен, а прямо перед Хеддером волны лизали крупный красноватый песок. Пахло водорослями. Верховный Министр остановил машину, порылся в брошенном на заднее сиденье пакете и, отыскав плавки, быстро переоделся. Мокрый песок приятно холодил и ласкал ступни, волны маняще журчали. Хеддер вошел в воду, оттолкнулся ногами от дна и мгновенно забыл обо всем.

Из воды он вышел посвежевший и довольный. Усталость и омерзение как рукой сняло, и он почувствовал, что вода омыла не только его тело, но как будто и душу. Разгладив мокрые усы, он сел на небольшой валун и подставил спину яркому летнему солнцу, которое при содействии ветра скоро оставило на коже лишь тонкий невидимый налет соли, приятно стягивавший кожу. Хеддер задумчиво сидел на валуне и смотрел вдаль, и перед взором его было лишь море. Так далеко оно простирается, носит на себе корабли, а корабли несут на своих парусах власть Хеймингии, его, Хеддера, власть во все концы земли. Гордые фрегаты Хейма пенят форштевнями воды Финского Залива, Балтики, Северного, Белого, Черного, Средиземного, Карского морей; лазорево-золотые знамена реют над

холодными серыми просторами Ладоги, Онеги, Ильменя и Чудского озера, сталь винтов кораблей рубит и сечет струи Волхова и Свири, Печоры и Рейна, Днепра, Дуная и Одера; каменистые и лесистые острова Саймы и Каллавеси, скалы Оркнейских островов и берегов Ирландии, фьорды Норвегии и Исландии и благословенные острова Эгейского моря слышат посвист ветра в такелаже хеймингских «лебедей моря». А здесь, в самом сердце бескрайней державы, живет тьма, и бежит по чьим-то жилам, и смотрит на мир чьими-то глазами, и пьет и гложет «сердце моря». Можно ли ее остановить? В чем ее причина? Если это неизлечимо, то как долго суждено еще существовать державе Хейма? Нет ответа, только волны лижут песок и чайка кричит о чем-то в безоблачном небе. Таком неправдоподобно безоблачном…

Так, сам того не заметив, Хеддер вновь вернулся к размышлениям о Холоне. Встав и одеваясь, он думал о том, с чем мог быть связан этот разрушительный культ. В силу чего возникла секта? Чем она живет, что подпитывает ее силы?

Он неторопливо выехал на шоссе, продолжая размышлять. Мысли его приняли совсем иную окраску, и ему теперь казалось, что Холон – отнюдь не самостоятельное явление, что это симптом болезни, охватившей все общество. Но вот какое общество? Хеймингское? Или общество ингрийцев-иммигрантов на Архипелаге? Его разум отчаянно бился над этими вопросами, но никакие мыслительные усилия не давали результата. «Мало информации. Подождем, что будет дальше». Однако, уже вернувшись домой, он по-прежнему то и дело возвращался к этим тяжелым мыслям, и даже чудесные строки Тао Юаньмина не могли его отвлечь.

Вечером Хеддер долго не мог заснуть. Вся прислуга уже спала, а он все ворочался в кровати и не смыкал глаз. Невдалеке иногда слышался тихий плеск воды – мелкие ночные волны крадучись облизывали прибрежные камни. Где-то взлаивала собака. В окно был виден красный глаз маяка Киркорви и несколько огоньков по побережью. В гостиной тикали часы. На Хеддера вдруг нахлынула волна странного чувства: казалось, что все вокруг нереально, что это сон, и вот сейчас наступит пробуждение. Но ничего, абсолютно ничего не происходило, до такой степени ничего, что это казалось даже невозможным.

Сон все же сморил его. В ту ночь приснилось странное.

Снилось, будто он стоит на вершине одной из башен Торвардастейнура. Тишина, слышен только неясный шум города да изредка звуки из замка. Небо ясное, ни облачка. Хеддер стоит и смотрит на город. Тихо. Ясно. И в невероятной тишине город вдруг начинает таять, проваливается куда-то, уходит под воду. Возникает чувство, будто жуткие тиски давят на мозг, гнетут ужасом, а больше – сознанием невыносимой

противоестественности, невозможности происходящего. Он кричит, протягивает руки к Хеймсстадиру, но над проваливающимся в небытие городом вдруг начинают бушевать молнии. Они рушатся на столицу, испепеляя то, что еще не исчезло, и она превращается в ад из сияющего белого пламени. Запах дыма накатывается волнами и душит, запах дыма и озона. Грохот, рев, вой заложил уши, голоса слышатся в нем. И, наконец, с внезапно почерневшего неба на город, в море смертельного сияния обрушивается последняя и самая страшная молния. Мир разверзается, раскалывается, и сквозь щель в него начинает втекать темнота, а вместе с темнотой осторожно, как ядовитая змея, вползает Нечто, и оно темнее самого мрака, и даже самая бездонная тьма кажется ярким светом рядом с Ним, Оно вылезает, тёмно крадучись, и… яркая вспышка; откуда-то пахнуло сухим жаром и запахом корицы…

Наутро Хеддер проснулся с температурой под сорок.

Лежа в постели и глотая горячий чай с медом, он жестоко корил себя, что так не уследил за своим драгоценным здоровьем – не столько из-за опасения, что дела без него остановятся, сколько потому, что дворецкий чуть не до смерти перепугался и ухаживал за ним, как за ребенком, установив массу всяких ограничений и запретов, что было для Хеддера малоприятно. Кроме того, валяться вот так было очень скучно, и Верховный Министр, чтобы хоть немного развлечься, послал в Торвардастейнур курьера за папкой с бумагами по Холону.

К вечеру он дочитал, наконец, материалы и пришел к выводу, что Холон – не просто секта, которых всегда хватало в Ингрии, но нечто гораздо более опасное, и с ним необходимо бороться самыми жесткими методами.

На другой день вечером пришло интересное известие. Хеддер полулежал в кровати и со скучающим видом смотрел теленовости. Ничего особо интересного не было, и он уже потянулся к пульту, чтобы выключить телевизор, как вдруг диктор сказал:

– А теперь – новости о секте Холон.

Хеддер насторожился и отложил пульт. Это было интересно. На экране возникла панорама западного побережья острова Сескар: пологий лесистый, сильно изрезанный берег, море, сплошь усеянное островами, островками и рифами, и поднимающиеся в центре здания Форт-Сескара. Голос за кадром заговорил:

– Из осведомленных источников стало известно, что лидер секты Холон Павел Хейнсалу распространил среди членов секты заявление, в котором объявил о грядущем падении власти Хейма. По его словам, это произойдет третьего августа сего года, а освободитель появится в Форт-Сескаре…

Диктор продолжал говорить, но Хеддер не особенно прислушивался. Самое главное было сказано. Итак, третье августа. А сегодня восьмое июля. Менее месяца осталось. Разумеется, все холониты дружно стекаются в Форт-Сескар. Да-а, в самом ближайшем будущем там будет весело. Вот когда можно будет устроить облаву на них!

В тот же вечер ему позвонил Хаконарсон, и по его голосу Хеддер догадался, что его тоже немало заинтересовало известие о «падении Хейма».

– Что, Роман Карлович, слыхали о заявлении Хейнсалу? – послышался в трубке его веселый голос.

– Знаю, знаю. Чушь собачья.

– Может быть, но как они тогда будут уязвимы! Похоже, наступает сезон охоты на сектантов.

– Верно. Только смотрите, не спутайте с холонитами честных людей.

– Ну-у! Не извольте беспокоиться!

Двадцать шесть дней, оставшиеся до назначенного срока, тянулись для Хеддера, словно годы. К облаве на сектантов уже все было готово, Хаконарсон работал, не покладая рук, как проклятый, сеть вокруг Холона стягивалась все туже. Он выяснил, кто стоит вокруг главаря секты, разузнал об их преступной деятельности, поразившей Хеддера своим размахом, разнообразием и дьявольской изобретательностью – и все это за какие-нибудь две-три недели. Короче говоря, работы у Верховного Министра было много – отчеты, записки, досье, штудирование толстенных фолиантов законов, и все же он прямо-таки маялся от нетерпения и испытал огромное облегчение, когда назначенный день, наконец, настал.

В тот день в теленовостях снова показали улицы Форт-Сескара, на которых царило подозрительное оживление, а потом – центральную площадь. Она представляла собой поразительное зрелище: казалось, что весь Хейм съехался сюда встречать собственную гибель. Вся площадь была запружена народом, злобной, агрессивной толпой, которую с трудом сдерживала полиция. Один из балконов был щедро украшен белыми и фиолетовыми знаменами. Над пространством площади реял неясный, но громкий гул, фиолетовые полотнища флагов трепал ветер. Многие держали в руках транспаранты с приветствиями «освободителю». «Какой ужас! Неужели их так много?!» – с тревогой подумал Хеддер.

Но вот вдруг толпа заволновалась, подалась к балкону, и из сотен глоток исторгся один мощный восторженный нечленораздельный вопль – на балконе появился Хейнсалу. Некоторое время он спокойно стоял среди рева этой бури фанатического безумного восторга, потом поднял руку, показывая, что желает говорить. Рев мгновенно стих.

– Братья и сестры! – заговорил он на неплохом хеймингском, и таким восторженно-проникновенным был его голос, что Хеддер не удержался от сардонического смеха. – Дети мои! Сегодня свершится то, о чем мечтают тысячи людей как на Архипелаге, так и на континенте – к нам придет освободитель!

Новый всплеск восторга заглушил его слова. Понадобилось несколько минут, прежде чем люди успокоились. Хейнсалу набрал в грудь воздуха, собираясь говорить… и тут произошло то, ради чего, собственно, Хеддер и включил телевизор, а ранее попросил телекомпанию Хеймингии вести с Сескара прямую трансляцию.

Хейнсалу, услышав сзади шум, резко обернулся и вдруг отшатнулся к перилам, едва не перевалившись через них, и поднял руку, защищаясь. На балконе появились люди в гражданской одежде, схватили кричащего что-то лидера секты и оттащили его от перил. «Молодчина Хаконарсон!» – подумал Хеддер. По стоящей внизу толпе, словно порыв ветра, пронесся изумленный вздох, а через несколько секунд холониты, опомнившись, со злобным ревом ринулись было к тому дому, где находился балкон. И вот здесь на сцену выступили основные силы тайной полиции: из машин на прилегающих улицах, из окон домов в толпу ударили струи белой пенистой жидкости, она дождем обрушивалась на фанатиков и мгновенно затвердевала, приклеивая беснующуюся толпу к земле, лишая способности двигаться. Из толпы раздалось несколько выстрелов, но в те места, над которыми взвились серые пороховые дымки, немедленно обрушились такие потоки клеящего вещества, что стрелявшие, вероятно, моментально лишились способности не только стрелять, но даже пошевелиться.

Очень скоро площадь оказалась заполнена тошнотворно пестрой сероватой массой – толпа людей, покрытая белым затвердевшим клеем. Никакого движения не было в ней заметно. К площади подъехали полицейские грузовики, и полиция вместе с солдатами принялась высвобождать бунтарей из химического плена и грузить их в машины.

Хеддер выключил телевизор. «Ну вот, теперь все кончено». Сектантов, предварительно отмыв от клея, рассадят по тюрьмам, а потом вышлют в самые глухие районы Великого Хейма. «А вот саму секту во всех подвластных мне землях придется запретить!» – подумал Верховный Министр и, взяв бумагу, начал набрасывать проект указа.

* * *

Следствие по делу Холона длилось больше года, но почти ничего не прибавило к уже собранным материалам, разве что вскрылись некоторые подробности да всплыла пара-тройка известных имен, но Хеддера больше

всего поразило, что среди местных, «островных» сектантов каждый пятый был хеймингом. Это был тревожный сигнал, и Хеддер сначала долго не мог поверить в это.

Наконец, начался суд. Приговор вынесли скоро: Хейнсалу и большинство иерархов секты казнить, остальных выслать за пределы Хеймингии и подчиненных ей территорий и запретить появляться там под страхом смерти. Но Хеддер был недоволен. Вечером того дня, когда был вынесен приговор, он сидел в маленьком ресторанчике на окраине и, потягивая красное вино из серебряного бокала, говорил сидевшему напротив Бруту:

– Видите ли, Харальд Викторович, нехорошо это, что так много хеймингов попало в сети к Хейнсалу. Подозрительно это…

– Чем же? – поинтересовался министр религий, отправляя в рот солидный кусок ветчины с горчицей. – Вроде бы, секта уничтожена, бояться больше нечего.

– Нет, все не так просто. Мне странно, чем же буддизм хеймингов так не устроил, что они ударились в какую-то варварскую веру? Дурной знак…

– Ничего, исправим, – весело сказал Брут. – Надо будет активизировать пропаганду и на Архипелаге, и в Ингерманландии, тогда и сектантов не будет.

– Эх, если бы все было так просто! – вздохнул Хеддер, устало глядя на дрожащее пламя свечей. – Нет, секты, в том числе тоталитарные, вроде Холона, будут, только они будут уже буддийские. Вот что плохо… Однако, ладно. Фенрир с ними, с сектами!

И он с усердием принялся за салат, ветчину и вино. В тот вечер он больше о делах не вспоминал, а до самой темноты сидел в ресторане, наслаждаясь крепким чаем с пирожными.

XXXV. КОРЕЛЬСКИЙ МЯТЕЖ

Понимаешь ли ты, дорогой Эйстейн, что представляет собой Хейм? Хейм – это соблазн для покоренных им народов, соблазн культуры и роскоши, власти и превосходства, соблазн жить так же, как и хейминги. Это соблазн, которому поддадутся и слабые, и сильные: первые будут проклинать хейминги за то, что сами не могут жить, как хейминги, а вторые будут проклинать первых за то, что те поддались соблазну, и стараться сохранить свое влияние на умы или вернуть его себе.

Роман Хеддер. Из частной переписки.

Хеддер стоял у окна своей спальни и рассеянно смотрел в темноту теплой августовской ночи. Он думал о той великой державе, главой которой уже столько лет являлся, и мысли его были полны усталости.

Прошел год с момента разгрома Холона. Секта была, казалось, раздавлена раз и навсегда и просто не могла возродиться. Отправление ее культа было запрещено под страхом смерти, молельные дома, где проводились оргии, где плавал наркотический дым и гремела безумная дисгармоничная музыка, были закрыты, лидеры обезглавлены. В течение осени, зимы и весны все в Ингрии было тихо и безмятежно: работали заводы в колониях, рудники давали алюминиевую руду, лесосеки – древесину.

И вот – новое несчастье: взбунтовались рабочие на бокситовых рудниках в Лехмалахти. Они отказались подниматься из забоев и потребовали серьезного улучшения условий жизни: больше денег, меньше рабочий день. Но это еще были мелочи, такие требования Хеддер, может быть, и мог бы удовлетворить. Гораздо хуже было то, что мятежники выступили под религиозными лозунгами, а также потребовали политических свобод и прав. Обо всем этом сообщил сегодня в экстренной депеше прокуратор Северного Каннаса.

«Ну, то, что они требуют себе лучшей жизни – это понятно, – раздумывал Верховный Министр, прижимаясь лбом к оконному стеклу, – но вот то, что они потребовали еще и политических прав наравне с хеймингами – это уж, извините…» Это в голове не укладывалось никак. Полудикари, варвары, жалкие убогие работяги, мужичьё – как они набрались наглости потребовать такое?! Как?! И как у них хватило ума потребовать это? Точнее – у кого конкретно хватило ума? Бунтом, несомненно, руководят, среди рабочих есть, видимо, умелые организаторы подобных мероприятий, ибо сами работяги своим ничтожным умишком ни за что бы до такого не додумались. Их нравы известны – набить брюхо, налакаться гнусной сивухи, набить друг другу с нетрезвых глаз грязные небритые морды и

завалиться спать в полную клопов и вшей постель… Желательно – рядом с бабой, такой же грязной, пьяной, жирной и завшивевшей… И чтобы у таких людей могли в непросыхающих от алкоголя мозгах зародиться какие бы то ни было политические идеи?! Нет, уму непостижимо.

Но что особенно насторожило Хеддера – это их религиозные лозунги. В последнее время любое свободомыслие в религии вызывало у него недоверие и беспокойство – слишком болезненным был опыт культа Холон. Прокуратор, правда, не сообщал подробностей об идеологии восстания, но из депеши было ясно, что их вера – это смесь из буддийских идей и финских, словенских, хеймингских религиозных образов. «Гремучая смесь вер», – подумалось Хеддеру. Кто составил эту смесь? Ничего не было ясно. Догадки, догадки, догадки… Верховного Министра томило беспокойство.

– Ну, что скажете о Лехмалахти? – говорил Хеддер Бруту на другой день, когда они медленно прогуливались по аллеям Парка Торварда. – Они сидят, как кроты, в шахтах, и носа оттуда не кажут!

– Хм! – пробормотал Брут. – У меня такое чувство, что все это Холон. Только остатки этих безумцев могли подбить неразумную чернь на акт неповиновения.

– Странно. Холон, вроде бы, искоренен…

– Искоренен, да, видно, не весь!

Хеддер поднял глаза к ярко сиявшему в высоте прозрачному бездонному небу. «Какая красота!». В последнее время с ним начали случаться приступы странного утомления, когда всякое желание делать что-либо пропадало начисто и хотелось забросить к Фенриру в пасть все государственные дела и спрятаться от мирской суеты в дебрях на континенте. Он был там года два назад – ездил по делам государства на Лугу. Какие там красивые места! Лес растекается по холмам, а над лесом струится жар летнего солнца и река золотой лентой сверкает в темно-зеленой сосновой оторочке берегов. На Архипелаге такого не увидишь. Здесь много пространства, вокруг море, то золотисто-голубое, как хеймингский флаг, то серое, словно свинец, камни среди волн, каменистые острова, поляны, тоже каменистые, перелески, кустарниковые рощицы, песчаные пляжи, скачущие по валунам ручейки. Везде хорошо, в каждом месте по-своему. Но как же утомил его высокий пост! Торвардастейнур осточертел, и смотреть-то на него с некоторых пор было противно. Хеддер тщательно скрывал это от себя, приходя в ужас при мысли, что без его руководства Хейм распадется, но усталость все равно то и дело прорывалась через все психологические барьеры, и тогда хотелось сбежать не то что на континент, но и в колонии, а то и вообще в пустые земли. Однако лишь сейчас он осознал, чего же ему хочется. Покоя! Душа болела по спокойной

мирной жизни, без тех тревог, на которые всегда был обречен глава могущественного государства, и без той ответственности. Да, у него были отличные заместители, умелые помощники, профессионалы, знатоки своего дела – да, верно, верно… И он сам, сравнивая себя с Холмским, отчетливо понимал, что по сравнению с ним кажется просто бездельником. И все же присутствие его было насущно необходимо везде и всегда. А он хотел свободы! Чтобы никто и ничто не было для него препятствием, если он хотел сам распорядиться собственным временем. Времени-то у него как раз и не было, а все оно – вся его жизнь – всецело принадлежало государству, по милости коего Хеддер постоянно чувствовал себя сидящим в золотой клетке. Желания государства были законом, а его, Хеддера, желания никем во внимание не принимались, даже им самим. «Нет, с этим надо кончать! Вот разберусь с Лехмалахти – и на покой. Хватит!»

И это решение вдруг придало сил. Хеддер спокойно, весело, без следа усталости глянул на листву старых берез, на серую тяжелую массу замка, услышал шорох гравия под ногами.

– Вот что! – перебил он говорившего что-то Брута. – У этих бунтарей, как вы знаете, какие-то дикие религиозные идеи…

– Ха! Дикие – не то слово!

– Да. Так вот, поручаю вам расследовать это дело. Таких идей, какие бродят в головах у мятежников, в государстве допускать нельзя!

– Расследуем, – спокойно отозвался Брут. – За мной дело не станет.

Верховный Министр ничего не ответил. На него опять накатила волна усталости, слишком сильной даже для того, чтобы ответить.

Брут, видя, что Хеддер особенно рассеян сегодня, сообразил, что главе государства лучше сейчас не надоедать, и распрощался. Хеддер в одиночестве продолжал прохаживаться по аллеям парка. «До чего же здесь хорошо!» – подумал он. Ветви берез тихо покачиваются, шелестя листьями, под дуновениями легкого ветерка, и их тонкий аромат смешивается с благоуханием тысяч разных цветов – невдалеке отсюда раскинулись обширные цветочные плантации. Рядом поблескивает в солнечных лучах поверхность маленького пруда, и по зеркалу воды плавают, раскинув плотные листья, изящные водяные лилии и горят огоньками кувшинки. Над водой горбится маленький деревянный мостик с ветхими перилами. Поблизости раздается плеск бегущей воды – за зарослями шиповника скрывается питающий пруды парка ручей; дно его каменисто и порожисто, и легкие струи серебристой воды звенят по тяжелым камням, безуспешно пытаясь сдвинуть их. Так тихо, что даже странно – шелест листьев, звон ручья, гудит пчела над шиповником. Шум города сюда не доносится, от него защищает серая каменная масса Торвардастейнура.

При воспоминании о замке Хеддер поморщился: ужасно не хотелось оставлять тихий тенистый парк и возвращаться к государственным делам. Да и дела-то малоинтересные: доклады о начале освоения Северного Урала, отчеты экспедиции на Енисей, сводки о торговле в Южной Финляндии, прочие дела, и все это так скучно! Даже от Лехмалахти клонит в сон.

По бедру что-то легонько ударило, Хеддер вздрогнул и посмотрел вниз с удивлением. Предметом, побеспокоившим его, был карманный приемник, висевший на ремешке на руке; Хеддер взял его с собой, чтобы развлечься музыкой, но Брут отвлек его и заставил совсем позабыть об аппарате.

Верховный Министр нажал кнопку включения и покрутил ручку. Из приемника полилась музыка, поразительная и завораживающая мелодия, величавая, торжественная, но такая невыразимо светлая и тонкая, что Хеддер, услышав ее, сразу забыл обо всем и слышал лишь музыку, а она лилась из маленькой черной коробочки, звенела, и звон так напоминал звуки весны с ее громкими буйными ручьями, с громом талой воды по камням, с писком птиц, предвещающим грядущее тепло, с просыпающимся солнцем, с алмазным бисером капель воды на еще голых ветках после первого дождя. Столько торжества и радости было в этой ритмичной мелодии, что Хеддер совершенно отрешился от всего, что его окружало сейчас, и, прислонившись спиной к перилам мостика, смотрел вдаль взглядом невидящим, но прозревающим то, что не видят другие. Он ясно, словно воочию, видел Архипелаг: пять крошечных осколков суши, овладевших едва ли не целым миром; они были залиты мощным всепобеждающим солнечным светом, высекающим золотые искры из синих упругих волн Залива и из окон Хеймсстадира. Он видел берег Залива, заросший медно-красными, словно светящимися под солнцем соснами, города в дельте Невы, и могучие бескрайние чащи, простиравшиеся вокруг, насколько хватал глаз и даже дальше – насколько хватала мысль. Волны зеленого беспредельного моря величественно текли мощными валами вдаль, за горизонт, а над ними раскидывало голубые невесомые крылья вечное небо. Мелодии следовали друг за другом, победные и ликующие: мелодию весны сменила новая, и накал невыразимого восхищения в душе стал едва выносим. Это была песнь лета. И Хеддеру представились вдруг границы его державы. Великий и непобедимый Хейм царил над миром, сияло над миром лишь одно солнце – солнце Хеймсстадира, освещая собой всякий закоулок, любую чащу, каждую затерянную деревеньку. Где еще не познали власти Верховного Министра? Над какой страной не реял лазорево-золотой стяг? Кем не повелевал Хеймсстадир? Для кого не была столица Архипелага столицей мира?!

Музыка оборвалась внезапно. «Это была мелодия лета державы. Посмотрим, какова будет мелодия ее осени». Но голос диктора объявил, что передача закончена, и Хеддер с сожалением выключил приемник. Направляясь к замку, он вдруг с изумлением обнаружил, что уже не испытывает отвращения к делам государства, и даже наоборот – идет работать с удовольствием. «Но я еще нахожусь под влиянием музыки. Я только что воочию видел свою державу. Разве перемена настроения может быть удивительной?»

* * *

О мятеже в Лехмалахти, разумеется, очень скоро пронюхали вездесущие журналисты – единственные люди, которых Хеддер порой по-настоящему боялся. Однако, когда секретарь в один из дней протянул ему «Хеймсстадирский экспресс» с внушительной передовицей на эту больную тему, Верховный Министр в ответ на его замечание о возможном резонансе в обществе пренебрежительно отмахнулся:

– Не стоит беспокоиться. Если люди и возмутятся, то лишь тем, что я недостаточно жесток с бунтарями.

– Вы ведь направили туда крупные силы полиции, верно?

– Отправил, да разве дураков, у которых мозги набекрень съехали на религиозной почве, чем-нибудь остановишь? Известно же, что их не словами надо останавливать, а пулями.

Но Хеддер ошибался. Это стало ясно уже на следующее утро.

Утром, как обычно, он после плотного завтрака сел в машину и поехал в Торвардастейнур. На улицах все было тихо и спокойно: сновали автомобили, спешили куда-то люди, и Хеддер смотрел на них с завистью. «Везет же другим! Живут себе, никто их не трогает. Один я, как проклятый, должен мучиться со всеми этими Холонами, Лехмалахти и прочей гадостью».

Перед главными воротами парка Торварда машину встретила толпа народа, в которой, как заметил Хеддер, больше всего было хеймингских лиц. На лицах застыло странное выражение, которое сразу заставило Верховного Министра насторожиться – что-то в них было хмуро-фанатичное, что-то хищное и озлобленное. От темных лиц, от тяжелых взглядов, которыми они провожали медленно подъезжающую к воротам машину, Хеддера слегка передернуло, и он перевел взгляд ниже. «О Небо! Какие плакаты они держат!». Он кончиками пальцев провел по лбу, прошептав:

– Нет, это просто бред какой-то!

Плакаты были примерно следующего содержания: «Свободу Лехмалахти!», «Буддист Хеддер нарушил заветы Будды», а в одном из них Верховного Министра обозвали даже «душителем свободы совести».

Хеддер тяжело вздохнул, закрыл глаза и откинулся на спинку сиденья. «Невозможно! Народ против меня? Нет, это мне приснилось. И с чего бы это в них вдруг пробудилось такое нравственное рвение?».

– Давай быстрей! – сказал он водителю.

Толпа стояла молча, ни звука не раздавалось из ее темной массы, только мрачные взоры провожали машину, въезжающую в ворота парка.

Когда колеса заскрипели по мелкому гравию главной аллеи, Хеддер открыл глаза. Народа здесь, в пределах парка, конечно, не было. Автомобиль подъехал ко входу в замок, выскочивший из боковой двери лакей открыл дверцу, и владыка Хейма медленно вылез. Поднимаясь по лестнице, он то и дело проводил рукой по глазам, словно отгоняя надоевшие мысли.

В кабинете его уже дожидалась увесистая папка с документами, собранными Брутом, и, как ни мутились сегодня мысли, Хеддер все-таки раскрыл ее и стал читать и так увлекся – совершенно неожиданно для себя, – что просидел, не отрываясь, до самого обеда, а когда дочитал до конца, то сидел еще некоторое время, подперев пухлую щеку кулаком, свободной рукой рассеянно перебирая разбросанные по столу бумаги и ухмыляясь себе в усы, как делал всегда, когда был чем-то сильно удивлен.

В замковом ресторанчике Хеддер совершенно случайно столкнулся с Хаконарсоном. Они сели за столик, и глава службы госбезопасности, в ожидании заказов, завел разговор.

– Роман Карлович, – начал он, – я слышал, что вам сегодня Брут прислал досье на наших бунтарей…

– Прислал, – ворчливо ответил Хеддер, окинув оценивающим взглядом блюда, расставляемые перед ними официантом.

– И что?

– Э-э! Чушь собачья! Нет, я не хочу сказать, что Брут не справился с заданием – как раз наоборот, он поработал отлично, придраться не к чему…

– Тогда что же?

– Знаете, – после некоторого молчания задумчиво произнес Хеддер, сосредоточенно смакуя ножку индейки под острым соусом, – смущает меня что-то этот Лехмалахти. Чем-то он похож на Холон. Только опаснее. У них очень любопытное религиозное учение. Так перемешать веры – это надо быть мастером своего дела, то есть интриг на религиозной почве, да к тому же еще обладать неуемной фантазией.

– Даже так?

– Угу, – промычал Хеддер, потягивая из хрустального бокала ароматное красное вино. – Представьте себе, Вотана они объявили проявлением единого вселенского Будды, а также – по совместительству – бодхисаттвой и мудрости, и милосердия одновременно! Вотан, как известно, сам себя повесил на священном ясене Иггдрасиль, добыв тем самым для людей знание рун; так вот, в кипящем от возмущения разуме бунтарей это таким диким образом сплавилось с буддизмом, породив эту невообразимую религиозную химеру.

– Поразительно!

– Вот и я говорю – прелесть! Ну, дальше все в том же духе. Туони и волк Фенрир отождествлены с царем демонов Марой, певца Вяйнямёйнена из «Калевалы» тоже с каким-то бодхисаттвой связали, приплетя сюда, кстати, еще миф о Бальдре… Вальхалла у них – то же, что нирвана. Но что любопытнее всего, так это то, что из всей этой финно-германо-словено-буддийской каши они каким-то уж очень изощренным логическим приемом выводят необходимость политической независимости Лехмалахти!

При последних словах Хеддер сардонически хохотнул и издевательским тоном повторил:

– Независимости!

Хаконарсон, однако, его сарказма не разделял. Он с хмурым видом покачал головой и спросил:

– Вы, думаю, обратили сегодня внимание на толпу у ворот парка?

– Обратил, – ответил сразу помрачневший Хеддер.

– Не нравится мне все это. Подозрительно. Очень странно – хейминги защищают ингерманландцев. От этого попахивает чем-то противоестественным.

– Это верно. Боюсь, что с государством в недалеком будущем произойдет то, что в «Книге перемен» названо «раскаянием вознесшегося дракона».

– Что? – Хаконарсон посмотрел на него вопросительно, но Хеддер только потряс головой:

– Нет, нет, ничего… Не обращайте внимания. Так… мысли вслух…

Он закончил обед в сосредоточенном молчании, а затем весь день просидел над бумагами. Вечером, когда он возвращался домой, толпу от ворот уже убрали, но у Хеддера она все еще стояла перед глазами: хмурые жесткие лица, колючие взгляды. Мозг его напряженно работал, пытаясь понять происходящее, но тщетно – все вокруг казалось абсолютной бессмыслицей и ахинеей. Мир, казалось, взбесился, поднялся на дыбы и пошел вразнос, а как остановить его – неизвестно.

На следующий день на срочно созванном заседании совета министров Хеддер этот вопрос и поднял.

– Господа, – начал он, – всем вам известно, насколько тяжела религиозная ситуация в стране. Едва мы справились с Холоном, как возникла новая опасность – ересь Лехмалахти, которая, пожалуй, пострашнее Холона. И все это было бы совсем не так ужасно, если бы не одно обстоятельство – к еретическим сектам стали примыкать хейминги.

Он сделал паузу, и ею воспользовался Арвид Малевич.

– Думаю, вы сильно сгущаете краски, – сказал он спокойно. – Ситуация на Собольце несколько лет назад была много хуже, но ведь справились же!

– Но то был Соболец, – мрачно возразил Хеддер, – там все было легче хотя бы потому, что в конфликт не была замешана вера.

– Хорошо! С Холоном мы тоже справились, несмотря на то, что эта каша была круто заварена на религии.

– Хм… То, что Холон уничтожен – еще не факт, заметьте!

– Уничтожен, – неожиданно поддержал Малевича Хаконарсон. – Организация секты была уничтожена нами, а ее остатки медленно догнивают на задворках Хейма. Смею вас заверить, что мои агенты не нашли ни малейших следов влияния Холона в Лехмалахти.

– Ну, ладно, пусть уничтожен, – не стал спорить Хеддер. – Но проблема-то от этого никуда не девается! Мы имеем в северном Приладожье целый район, охваченный беспорядками, организованными, между прочим, гораздо лучше, чем это делали когда-то Хейнсалу или Мерилода. Район этот, кстати, дает треть всего алюминия страны! Представляете какими могут быть экономические последствия?!

– Последствия, разумеется, будут ужасны, – все так же невозмутимо ответил Малевич – Но ведь и перед Соболецкой кампанией у нас тоже была перспектива не из лучших. Нет, нет, я все понимаю – религия и все такое прочее, но я о другом. Я имею в виду, что тогда адмирал Мерилода бросил нам вызов, и мы дали на него адекватный ответ. Если бы наш ответ оказался неадекватен вызову, от нашей державы уже сейчас остались бы одни воспоминания. До него вызов пришел от правителя Мали – и все тоже разрешилось превосходно. В прошлом году вызов бросил Хейнсалу – и получил ответ. Опять-таки адекватный. Сейчас вызов брошен из Лехмалахти…

–…и наша задача – дать адекватный ответ! – подхватил Хеддер.

– Именно!

– Хм… Интересная теория. Это странная игра: природа задает нам вопросы, число которых бесконечно, и за малейшую ошибку грозит смерть.

– Ну, что же поделаешь? – развел руками Малевич. – Это сансара, полная страданий.

– Верно, верно, – задумчиво пробормотал Хеддер, покручивая пышный рыжий ус. – И все-таки ответа на главный вопрос все еще нет: чего делать-то будем, а?

Воцарилось молчание. Хеддер, продолжая поглаживать усы, рассеянно уставился на видную в окно голубую безграничную даль Залива. Собственно, было ясно, что делать – отдать полиции приказ подавить восстание силой, утопить его в крови, выжечь каленым железом! Но Хеддер колебался. Что скажут на Архипелаге? Что скажет Сенат, ладить с которым в последнее время становится все труднее? Этот вопрос мешал ему, словно стенка, неожиданно выросшая посреди дороги у него прямо перед носом. В последнее время он стал побаиваться своих подданных: не ровен час, возмутятся. А тогда государству конец.

Решительности Хеддеру прибавил Хаконарсон.

– Итак, господа, – сказал он, – видимо, с бунтарями придется расправиться силой.

– Опасно, – неуверенно вздохнул глава государства.

– Да, весьма опасно. Но ведь с Холоном расправились силой – и ничего! Никто не возмутился.

– Кроме самих холонитов, – многозначительно заметил Хеддер.

– Ну да, разумеется. Однако расправа прошла спокойно и…

– Да-да, спокойно. Но велась ли статистика, сколько хеймингов примкнуло к Холону? Лишь частично! Я до сих пор не располагаю надежной информацией о том, какое число граждан Хеймингии сочувствует Холону и прочим сектам!

– Все верно, но делать-то что-то надо, разве не так? Вы ведь сами только что это говорили.

– Надо делать не что-то, а правильно ответить на вызов. А я не знаю правильного ответа!

– Придется рискнуть!

– М-да. Видимо, придется.

Хеддер вдруг решился. А, будь что будет! В конце концов, никто никогда не может действовать на основе полного знания ситуации – она непрерывно и почти непредсказуемо меняется, всегда есть некий процент неизвестного. Просто сейчас он немного выше обычного, вот и все.

– Ладно! – Он хлопнул себя по колену. – Ежели так, тогда рискнем. Бейте бунтарей!

Однако вечером, по дороге домой, сомнения вернулись. Сейчас мятежники еще, кажется, не особенно опасны, а что будет, если начать их резать? Они ведь тем же ответят, а то и чем-нибудь похуже! Но решение принято, теперь поздно взвешивать и размышлять. Хеддер тряхнул головой и отогнал навязчивые мысли.

На следующий день в столицу вернулся Брут, а через два дня в дверях кабинета Хеддера появился секретарь. В руках у него был пакет.

– Роман Карлович, вам срочная депеша!

– Срочная? – переспросил Хеддер, давно уже не получавший срочных посланий.

– Из Лехмалахти.

– О Небо! Давайте же скорее сюда!

Хеддер выхватил пакет у секретаря и, жестом отпустив его, поспешно разорвал конверт.

– Так! – прошептал он, пробежав глазами первые строчки. – Я так и думал!

Бунтари перешли к крайним мерам – взялись за оружие, вышли из шахт, и теперь на улицах Лехмалахти, Капеасалми, Корелы льется кровь. Простая акция протеста превратилась в вооруженное восстание. Пройдет еще несколько дней – и, может быть, весь северный Каннас окажется охваченным пожаром бунта.

Первые несколько минут Хеддер неподвижно сидел в кресле и тупо смотрел на жалкий клочок бумаги, повергший его в такую растерянность, а в голове крутился лишь один вопрос – что же теперь делать? И ответа на него он не находил. Потом вдруг грохнул кулаком по столу и вскочил, крепко выругавшись.

В конце концов, это уже ни в какие ворота не лезет. Сначала они посмели требовать независимости, а теперь еще и за оружие взялись! Что они себе там думают?! Воображают, что можно безнаказанно обращать оружие против Хеймсстадира?! Не выйдет!

Он нажал на кнопку переговорного устройства.

– Хаконарсона ко мне! Быстро!

Минут через пять тяжелая дубовая дверь распахнулась, и в комнату вошел глава тайной полиции.

– Звали?

– Звал. Читайте. – Хеддер протянул ему депешу. Тот, отойдя к окну, не спеша прочел ее, покачал головой и саркастически хмыкнул.

– Вот ведь! Я этого ожидал. Это естественно, Роман Карлович – мы на них напали, а они, понятное дело, защищаются.

– Я все понимаю, – нетерпеливо перебил его Хеддер, – но позвал я вас, собственно, ради того, чтобы вы выслушали мой приказ.

– Слушаю!

– Так вот, немедленно сотрите весь этот Лехмалахти с лица земли, чтоб духу его не было!

– Так прямо все и выполнить? – усмехнулся Хаконарсон, отлично знавший, что далеко не всегда слова Верховного Министра следует понимать буквально.

– Ну, во всяком случае, бунтарей всех вырезать. Материальные ценности лучше не трогать – они нам еще пригодятся.

Хаконарсон уже потянулся к ручке двери, когда Хеддеру вдруг пришла в голову новая идея, и он окликнул министра:

– Хотя нет, постойте-ка!

Хаконарсон обернулся.

– Да?

– Лучше сделаем так. Я сам туда поеду. Может быть, это скорее и легче успокоит мятежников.

– Сами?! – Хаконарсон глянул на него, как на безумца. – Ну уж нет! Ехать в это осиное гнездо означает верную смерть!

– Ну, не такую уж верную. Я, думаю, буду защищен и своим титулом, и вашими ребятами. Или нет?

– Сделаю абсолютно все, что вообще возможно, но неужели вы всерьез полагаете, что ваш визит испугает бандитов?

– Нет. Мне кажется, они не испугаются ни в малейшей степени. У меня вообще нет намерения их пугать. К чему проливать кровь? Не лучше ли удовлетворить хотя бы некоторые их требования?

– Уступать мятежникам?! – Хаконарсон не верил своим ушам.

– Ну, да, да, уступать. Что тут такого? Я же не собираюсь предоставлять им суверенитет. Просто надо несколько улучшить их экономическое положение, которое сейчас действительно таково, что хуже и не представить.

– И у нас хватит на это средств?

– Хватит, не волнуйтесь! Уж чего-чего, а денег-то в Хеймингии более чем достаточно, хватит на всю Ингрию.

– На всю… что? Во имя всех будд, Ингрия-то на что вам сдалась?!

– Ну, как же! Нельзя же допустить, чтобы бунтари получили улучшение, а те, кто не восставал, жили по-прежнему плохо. Из этого ингрийцы могут извлечь выводы, которые для нас невыгодны. А вот всеобщее обогащение для нас выгодно, и весьма! Ведь лучше иметь богатых подданных, чем нищих.

Хеддер умолк. Нависшую было тишину прервал Хаконарсон.

– Так, значит, я должен обеспечить вам поездку в Лехмалахти?

– Совершенно верно. Сколько времени вам потребуется?

– Н-ну… может быть, неделя. Да, недели хватит.

– Вот и отлично.

* * *

Неделя пролетела незаметно. Мятеж тлел, как горящий под землей торф, выплескиваясь наружу то там, то здесь в виде стычек с полицией и демонстраций, и у Хеддера забот был полон рот. И все же, несмотря на жуткую занятость, из-за которой он забыл даже про свое сибаритство, он сумел заметить, что, хотя в других районах Великого Хейма (и тем более – в колониях) жили не лучше, а порой и хуже, о восстаниях никто там не думал, посему было совершенно очевидно, что причина бунта имеет характер чисто религиозный. А за религиозными мятежами, как известно, стоят политические интересы – чьи-то политические интересы. И это-то было хуже всего: как справиться с озверевшей от голода чернью, понятно даже ребенку, а вот что делать с чернью, озверевшей от дурацких идей? Идей, вброшенных в толпу чьей-то злой волей. Потому-то, прогуливаясь по зданию аэровокзала Киркорви, Верховный Министр был хмур и задумчив. В здании царила обычная суета погожего лётного дня: толпились люди, на огромном табло на стене выскакивали цифры, названия городов, вещал что-то мягкий женский голос из динамиков. В этот солнечный полдень Хеддер впервые по-настоящему оценил то, что хейминги никогда не выделяли главу государства или города из среды обычных людей. Народ больше внимания обращал на его охранников, четверых высоких дюжих парней в элегантной форме особого отряда полиции, рядом с которыми Хеддер казался маленьким смешным толстячком, и даже прославленные его усы производили забавное впечатление. Лишь кое-кто иногда подскакивал к нему с какими-то вопросами, но он отделывался пустыми, ничего не значащими фразами.

После получаса ожидания Хеддера вывел из задумчивости сотрудник аэропорта, доложив, что вертолет готов к отлету. Хеддер, последовав за ним, вышел на летное поле. «День-то какой!» День был прекрасный, было нежарко, в высоком холодном небе громоздились горы кучевых облаков, казавшихся почти неподвижными. Мерный шум аэродрома вдруг прорезал резкий высокий свист – в небо с одной из ближних взлетных дорожек уходил тяжелый самолет из тех, какие обычно летали в самые удаленные районы хеймингской державы – на Белое море, в Иберию, в Африку. Хеддер проводил его усталым хмурым взглядом. «Вот ведь, – думал он, – кто-то летит себе на окраины государства, и нет ему никакого дела ни до сект, ни до безумных фанатиков, ни до тех, кто стоит за ними. Хорошо им – моим подданным. Смогу ли и я позволить себе такую же легкую жизнь?»

Поднявшись в вертолет, Верховный Министр уселся в мягкое кресло с высокой спинкой, взревели моторы, и тяжелая машина неторопливо поднялась в воздух.

Внизу расстилался однообразный пейзаж: темные волны Suomenlahti, сверкающие в лучах солнца. Близ берега Хеддеру попалось на глаза несколько лодочек, но стоило вертолету удалиться от острова, как они исчезли, и ничто более не нарушало однообразия древнего моря, кроме разве теней облаков, белых призрачных громад, паривших высоко над миром.

Скоро, однако, внизу вновь мелькнул силуэт лодки, а впереди по курсу на горизонте завиднелась длинная серая полоса. Вертолет приближался к Каннасу. Прошло еще несколько минут, и тень от вертолета скользнула по песчаным пляжам Исо-Койвисто и запрыгала по вершинам сосновых лесов. Внизу медленно проплыла крошечная деревенька – когда-то огромный торговый город и главный порт на Финском Заливе Суолайтури. Хеддер сравнил эту горстку изб и сарайчиков, окруженную квадратами огородов, с тем великолепием и той жизнью, что царили здесь раньше, и по позвоночнику пробежал неприятный холодок. Да, хейминги воистину беспощадно расправлялись с врагами. Койвисто не воскреснет никогда.

Машина меж тем летела вперед. Внизу тонкой неясной лентой змеилась просека, по которой была проложена дорога из Суолайтури в Валланлинну. Дорога, как успел заметить Хеддер, из широкого оживленного шоссе, каким он видел ее много лет назад, давно превратилась в жалкий пыльный проселок. Потом лес оборвался, впереди блеснуло озеро, и на его берегу взгляду Хеддера открылся призрак. Вокруг холма, вершина коего была увенчана княжеским дворцовым комплексом, на три четверти обратившимся в руины, расстилалось громадное угольно-черное пятно, жуткая уродливая клякса, из которой торчали в безмолвное небо, как кости, обугленные развалины – стена дома, несколько печей, теперь больше похожих на надгробия, скелет старой яблони.

Хеддер поспешно отвернулся. Страшное зрелище… Конечно! От Койвисто, по правде говоря, не осталось ничего, кроме той земли, на которой оно стояло. Хейминги больше внимания обращали на Уурас, который стал главным форпостом хеймингской гегемонии в Западном Каннасе, а бывшая держава династии Виртанен давно отошла в область истории и народных легенд.

Валланлиннская долина оборвалась, внизу снова бушевало таежное море, скрывшее от глаз Хеддера город-призрак, однако в сердце его, где-то в глубине, притаился необъяснимый, неопределенный ужас.

Когда под взглядом блеснул простор Койвусалми, Хеддера вдруг ни с того и с сего потянуло в дремоту. Поначалу он сопротивлялся, несколько удивленный сонливостью, напавшей в неурочное время, но потом, решив, что лететь еще долго, перестал удерживать сами собой закрывающиеся веки.

Сновидение водопадом, без всякой обычной прелюдии, низверглось в мозг. Злой резкий ветер гнал по темнеющему небу серые оловянные облака, срывал с голых деревьев последние бурые листья. На темный бетон улиц падал мокрый снег. Безнадежно гудели под порывами ветра натянутые над улицами провода. Хеймсстадир был пуст. Пуст совершенно. Ни единой живой души. Хеддер осторожно нажал на педаль. Мерное гудение мотора стало громче, и машина медленно тронулась с места. Выезжая из двора на улицу, Хеддер приостановился, чтобы пропустить поток автомобилей. Он стоял поперек тротуара, и прохожие обтекали его, как вода обтекает камень, вздымающийся посреди потока. Улицы были пусты, словно город вымер. Да так оно, собственно, и было. Так ли? А люди, машины? Боль парадокса молнией проскочила сквозь разум, на секунду ослепив его. Когда слепота рассеялась, Хеддер глянул вокруг себя и произнес только одно слово: «Неправда!» Это и была неправда. Не обращая внимания на плотный поток машин, он нажал на педаль и, скрипнув шинами по бетону, помчался по улице. Случайно бросил взгляд на небо… Визг тормозов… Едва не врезавшись в стену, он остановился у первого попавшегося дома и бросился внутрь, задыхаясь в пароксизме вселенского ужаса. Заливающий все вокруг багровый мертвенный свет убеждал его, что зрение его не обмануло. Небеса были объяты пламенем. В их неестественном жутком свете тени машин и людей на улицах таяли, рассеивались, растворялись в страшном багрянце. На город ложилась удушающая алая мгла. И вдруг жгучая мысль мелькнула в сознании, словно тень птицы в туманном предрассветном лесу, разбудив волю. Хеддер панически кинулся к машине, зная, что где-то в Хеймсстадире надо найти двух людей, которые смогут спасти мир от удушливого, как фосген, багрянца. Почему-то в сознании образ одного из них связывался с пурпуром, другого – с белым цветом. Хеддер гнал машину, внутренним чутьем пытаясь угадать, за какими окнами скрываются эти люди, его медленно охватывало удушье, мертвящий свет давил на грудь, мешая дышать. Нога, давившая на педаль, слабела, руки соскользнули с руля… Последнее, что привиделось ему, был форт Соболец, освещенный лучами восхода. Над белыми стенами форта развевался флаг. Затем видение смазалось и стерлось. Конвульсивно дернувшись, Хеддер проснулся.

Стряхнув с себя остатки сна, он выглянул в иллюминатор. Внизу волнами уходили за горизонт пологие лесистые холмы; между ними поблескивали зеркала холодных каннасских озер. Посмотрев на часы,

Хеддер недоуменно хмыкнул. «Я спал минут двадцать, а такой, кажется, долгий сон!» Однако, какой именно сон он видел, он вспомнить не мог, как ни напрягал память. После недолгих бесплодных попыток он оставил это, хотя что-то внутри говорило, что содержание сновидения чрезвычайно важно, что там есть нечто, благодаря чему можно предвидеть судьбу Архипелага, судьбу самой Ингрии. Не вспомнив ничего, Хеддер заглушил в себе этот тихий странный голос и стал рассеянно смотреть в иллюминатор.

В Каннасе он не бывал давно, уже лет десять, если не больше. Будучи частным лицом и даже прокуратором Архипелага, он, благодаря своему знанию людей и организаторскому таланту, а еще больше – своей лени, побуждавшей его изыскивать самые разнообразные и изощренные способы свести затраты сил и времени к минимуму, – имел много свободного времени, коим мог располагать по своему усмотрению и которое тратил на учебу и путешествия. Они составляли как бы две стороны одной монеты – его неуемной любознательности; кроме того, во времена его молодости университетов не было, и невозможно было учиться, не путешествуя. Хеддер побывал в Ауттова, где четыре года учился в Высшей философской школе, в Оккервиле, где слушал лекции великого Горского, поездил по восточной Ингрии, по Стране водинов и Тавастланду, бывал даже на Аландах с их очень своеобразной магической традицией. Частых и дальних поездок требовали и торговые дела. Таким образом, мир Хеддер посмотрел, в том числе бывал и во многих местах Каннаса. Но когда настало время показать себя, возможность выкроить свободный денек становилась все эфемернее и, наконец, когда Хеддер стал Верховным Министром, испарилась совсем. А Каннас Хеддеру нравился. Серебристые холодные озера, бурные пороги Вуоксы, скалистые острова и холмы, прячущиеся под сводами сосновых боров речки со странной силой манили его, и сильнее этой тяги была только любовь к привычному, родному Архипелагу – миру, который разительно отличался (разумеется, для человека, умеющего наблюдать) от остальной Ингрии, который часто казался Хеддеру невесомым, призрачным, эфемерным, как предрассветный туман над лесным озерком. Эту любовь, однако, перевешивало вполне рациональное соображение: если он, сложив с себя полномочия правителя Хейма, останется на Архипелаге, покоя ему все равно не будет –досужие обыватели и пронырливые журналисты будут лезть ему в душу со своим кретинским любопытством. Кроме того, каким-то шестым или еще невесть каким чувством Хеддер чуял – грядут большие потрясения, и их центром, «глазом урагана», будет Хеймсстадир. А Хеддер не любил потрясений. Он любил стабильность и неустанно насаждал ее везде, где мог. Лишь недавно – слишком поздно! – он понял, что максимально стабильное общество максимально нестабильно, его может взорвать любой пустяк. Но есть ли у

него еще силы бороться с надвигающимся кризисом? И сможет ли он, презрев Хеймсстадирскую Конституцию, подписанную когда-то еще самим Холмским, отменить выборы и принять на себя полномочия несменяемого монарха? Не будет ли это поистине началом конца? Поэтому, чтобы избежать всех грядущих волнений, он решил подобрать себе для начала достойного преемника и, уйдя в отставку, отправиться в Ингерманландию. Гроза, собирающаяся над Хеймсстадиром, вряд ли дойдет туда, куда не достигают лучи солнца Хеймсстадира.

Теперь он устало смотрел на проплывающие внизу пейзажи, полные такого мира и тишины, что после шумного Архипелага – средоточия жизни всего света – даже не верилось в возможность такого покоя. Вспыхивали под солнцем серебряные зеркала холодных светлых озер, вечный и безграничный лес тянулся кронами к блистающему светом небу, мирный рокот моторов вертолета проносился над ними, словно гром, тихий дальний гром от грозы, бушующей на горизонте. Хеддер давно уже подумывал об отшельничестве. Хотелось уйти куда-нибудь в такие же дикие глухие леса, как здесь, в Каннасе, бродить по сосновым борам, темным притихшим ельникам, звонким березовым перелескам, собирать красную терпкую клюкву в болотах, ловить рыбу в озерах и быстрых ручьях, берега которых сплошь заросли ивняками и травами. Хорошо было бы инкогнито отправиться к священным местам Ингерманландии: на реку Назию и озеро Ункаси в Загорье – самые святые места для хеймингов, а значит, и для ингрийцев – первые места, на которых стали селиться отшельники, отринувшие все суетное, все никчемное, обременявшее жизнь тысячами тягот. Они жили в полном одиночестве, почти никогда не видя людей, питались лишь тем, что удастся собрать в лесу, им не раз приходилось голодать по много дней, часто их пищу составляли лишь кора и личинки насекомых; летом – гнус, зимой – холод, весной и осенью сырость были их постоянными спутниками, но Хеддера не пугали эти трудности, а скорее даже привлекали. Раньше он считал, что для того, чтобы быть отшельником, нужны какие-то особые усилия, телесные и духовные, постоянное воздержание, отречение – короче, что аскетизм требует много сил. Так думало, думает и будет думать большинство обыкновенных людей, для которых слова «отшельник» и «подвижник» всегда будут синонимами. Только недавно Хеддер начал понимать ошибочность этого взгляда. Он понял, что в действительности для аскетизма не требуется никаких особых усилий, это не подвиг, это просто возвращение к настоящей, полноценной жизни. Уходя в лес, человек бросает свой дом, который кажется ему тесным

и неудобным, свою работу, которая становится ему неинтересна и начинает казаться никчемной, своих близких, которые начинают утомлять и тяготить его, то есть освобождается от всего лишнего, в чем нет необходимости и что препятствует душевному покою.

А вот в душевном покое Хеддер нуждался очень. Он видел за могуществом и великолепием Хейма что-то страшное, бездну, стремящуюся поглотить все, что построено с такой любовью хеймингами со времен пророка Фомы, и нет от бездны спасения, она все равно поглотит все; на месте уничтоженной хеймингской державы, может быть, возникнет новая, но и она обречена на разрушение и забвение. Хеддер чувствовал, что может заглянуть в глаза этой бездны, что он достаточно мудр для этого. Но выдержит ли его разум взгляд Пустоты? Сейчас, когда он прикован к суетливому, как стая мышей, миру – нет. Лишь человек одинокий и ничем не связанный может увидеть сердце бездны и сохранить разум.

Или, может быть, это только кажется ему, взволнованному очередным административным кризисом в ближних колониях?

Скоро впереди завиднелось озеро, сплошь покрытое великим множеством островков. «Вуокса», – мелькнуло в голове. Вертолет, пролетев над сверкающей водой, пошел на посадку.

Внизу, на берегу пролива, соединяющего Вуоксу с Ладогой, раскинулся небольшой город Корела. Среди густой зелени садов и леса виднелись крыши домиков, казавшихся игрушками, которые разбросал в этом благословенном краю капризный ребенок. Только в центре, у самого пролива, здания имели более внушительный вид. Это были массивные мрачноватые сооружения из гранитных валунов с узкими высокими окнами, похожими на бойницы. Они сгрудились вокруг полукруглой площади, не осененной тенью ни единого деревца, лишь на флагштоке в центре площади развевалось знамя Хеймингии. Здесь помещалась администрация колоний Северного Приладожья.

Вертолет, снижаясь, ушел влево, к северу, и панорама Корелы исчезла из поля зрения. Хеддеру теперь виден был изрядный кусок слегка всхолмленного побережья, густо заросшего темными ельниками. Здесь в сушу глубоко вдавались два длинных узких фьорда. На берегах их возвышалось несколько больших серых бетонных строений. Четыре высоких стальных трубы извергали в небо сизый хищный дым, ползший к солнцу, словно бесформенная чудовищная змея, желающая пожрать светило. Это и был Корельский алюминиевый комбинат. За ним, в бледно-

серебристой ладожской дали, скорее угадывались в дымке, чем были видны, несколько островов – архипелаг Лехмалахти, из-за событий на котором Хеддер сюда и приехал.

Машина медленно снижалась и вскоре мягко, плавно села на посадочную площадку, вымощенную бетоном. Вой двигателей прекратился, лопасти пропеллера стали замедлять свой бешеный бег по кругу, а со стороны ангаров к вертолету уже ехали автомобили.

XXXVI. КОНЕЦ МЯТЕЖА

Совершенномудрый управляет так: опустошает сердца подданных и наполняет их животы, ослабляет их самочинную волю и укрепляет их кости.

«Дао Дэ цзин»

Церемонию приветствия по настоянию Хеддера сократили до минимума – ему не терпелось, покончив со всеми формальностями, приступить к делу – и, едва завершив ее, он обратился к прокуратору Северного Каннаса:

– Я хотел бы встретиться с главарем мятежников. Можете вы устроить это?

– О да, несомненно! – сразу же ответил прокуратор, маленький юркий человечек с весьма изрядной лысиной на макушке. – С одним из главарей…

– С одним? – воскликнул слегка удивленный Хеддер. – Их, что, несколько?

– Совершенно верно. Четверо.

– Вот как? У них есть что-нибудь вроде координационного совета или они действуют по принципу «каждый сам за себя»?

– Ни то и ни другое. Координирует их кто-то пятый.

– Хм-хм… Интересно! Однако, думаю, пора ехать.

Он рванул дверцу машины, не дожидаясь, пока это сделает слуга, сел в удобное кожаное кресло, и кортеж двинулся.

Сидя в машине и разглядывая сонный сосновый лес, столпившийся вдоль шоссе, Хеддер задумался, и думы его были невеселы.

Итак, значит, главарей четверо, а командует ими кто-то пятый. Именно этого сейчас еще и не хватало! И очень странно, что разведка такой важный факт проворонила. Хеддер от всего сердца ругнул разведчиков, из-за ошибки которых задача его так серьезно осложнилась. Корень зла ему придется искать самому.

Между тем кортеж въехал в пределы города. Хеддеру Корела живо напомнила мелкие городки Исходного Хейма. Под сенью леса и густых тенистых садов, едва заметные среди стволов, виднелись стены домов, и если бы они не мелькали то и дело сквозь зелень, можно было бы подумать, что вокруг шоссе стоит лишь дикий лес. Сами дома выглядели весьма внушительно – деревянные, иногда кирпичные, в один-два этажа, с широкими окнами и невесомо-ажурной остекловкой веранд, они больше всего напоминали загородные частные виллы хеймсстадирских богачей,

хотя Хеддер еще с прошлых приездов сюда знал, что это обычные многоквартирные дома, где живут самые обычные люди.

Людей на узких пыльных тротуарах было мало, но, судя по нескольким корельцам, которых Хеддер видел из окна, жили здесь весьма и весьма неплохо. Люди были одеты почти по-хеймсстадирски, в удобных добротных костюмах, а не в лохмотьях, как можно было бы подумать, если верить воззваниям главарей мятежа.

Лес подался в стороны, и Хеддер увидел рыночную площадь, которая еще больше поколебала предположение о всеобщей здешней нищете. Она была сплошь уставлена лотками, на коих грудами было навалено все: свежие сочные фрукты манили глаз яркими цветами, от гор всяческой зелени разбегались глаза, свежесрезанные цветы в жестяных ведрах держали на лепестках жемчужинки росы. В одном углу торговали медом, и здесь среди толпы покупателей кокетливо выглядывали бока бочек, края которых заманчиво поблескивали случайно пролившимся содержимым. Между прочим, Хеддер заметил на прилавках помидоры, цвет и размеры коих очевидно свидетельствовали о том, что дары эти – земли отнюдь не ингрийской. Здесь был даже лоток с виноградом, ягоды коего, как считал Хеддер раньше, не были редкостью, пожалуй, только на Архипелаге. Но нет, оказывается, вкус его был отлично знаком и жителям колоний.

Верховный Министр всегда отличался наблюдательностью. Вот и сегодня она сослужила ему службу. Едва миновав рынок, он точно знал, что слухи о повальной нищете в колониях, распускаемые жадными до власти и умов человеческих лидерами сект, ересей и восстаний и раздуваемые столичной прессой, мягко выражаясь, преувеличены. Жили здесь, конечно, явно не так богато, как на Архипелаге, но все же весьма и весьма прилично. Поэтому, когда рыночная площадь скрылась из виду, Хеддер отвернулся от окна, невесело усмехаясь про себя: «О Небо, сколько же лжи на свете!». Впрочем, человек всегда больше верит словам царей и мудрецов, чем собственным бесстыжим глазам.

Кортеж меж тем въехал в центральную часть города. За окнами мелькнули пыльные, разогретые за день улицы с редкими чахлыми деревцами, светлые стены домов, прохожие, собаки, лавки, немногочисленные автомобили, потом выжженная солнцем площадь, больше напоминавшая военный плац, а затем, переехав через мост, кортеж оказался за городом, в фешенебельном пригороде Корелы, где стояли дома местных аристократов и богачей и хеймингской чиновной братии. Промчавшись по шоссе среди прохладных темных ельников, машины остановились примерно в километре от главной площади, на берегу Вуоксы,

у изящного двухэтажного особняка. Слуга поспешно отворил дверцу, а прокуратор, едва Хеддер вышел, начал объяснять:

– Вот это и есть ваш особняк, Роман Карлович. Ну, как вам, а? Исключительно роскошные апартаменты, и очень дорогие к тому же. Они стали мне…

Хеддер, не обращая внимания на тараторившего прокуратора, вошел внутрь и огляделся.

Дом был построен с исключительным вкусом в традиционном хеймингском духе. Наружные стены из армированного стальным каркасом стекла играли роль огромных окон и давали великолепный обзор. Внутренние перегородки были сложены таким образом, что создавалось впечатление, будто одно помещение как бы плавно перетекает в другое, другое – в третье, и само пространство виллы казалось от этого текучим. Картину дополняли мягкие ковры на полах и удобная невысокая мебель. «Вот настоящая архитектура!» – с восхищением подумал Хеддер. Действительно, все было спланировано так, чтобы максимально приблизить человека к природе.

– Вам нравится? – обеспокоенно спросил прокуратор, заметив, что его болтовню не очень-то слушают.

– Да, да, прекрасная вилла. Спасибо, – вежливо ответил Хеддер, начавший уже уставать от него.

Наконец, избавившись от докучливого чиновника и его свиты, Хеддер остался в одиночестве. Одиночество, конечно, было весьма условным – десятки глаз внимательно наблюдали за домом, садом и участком озерного берега, примыкавшим к территории виллы, но они, по крайней мере, сами были незаметны, чему Верховный Министр был только рад. Оглядевшись, он прошелся по комнатам, нашел их весьма удобными и, наконец, выбрал себе местечко в гостиной у окна, из которого открывался прекрасный вид на спокойную в этот ясный летний вечер Вуоксу. Кликнув слугу, он велел приготовить ужин, а сам включил музыку и умчался в страну собственных грез – единственное в течение последних пятнадцати лет убежище, которое он мог себе позволить.

На другой день утром на вилле Хеддера раздался телефонный звонок. Звонил прокуратор.

– Роман Карлович? – услышал Хеддер его голос в трубке. – Вы, насколько я помню, хотели поговорить с одним из главарей, верно?

– Верно. А вы можете это устроить?

– Уже, можно сказать, почти устроено. У меня тут сидит целая делегация от мятежников во главе с самим Ристо Ярвела.

Слегка напрягши память, Хеддер вспомнил, что Ярвела был одним из влиятельных людей среди повстанцев, и если делегатом они выбрали его,

значит, примирение действительно возможно. Они готовы пойти на уступки.

– Так что, хотите сейчас с ними повидаться, Роман Карлович? Они именно этого и добиваются.

– Да-да, – с живостью согласился Хеддер, – пусть едут. Я готов их принять.

Делегаты не заставили себя ждать. Едва слуги успели приготовить все к их приходу, за окнами раздалось шуршание шин по гравию. Из подъехавших к воротам сада машин вышли люди в одежде, напоминающей военную форму, сопровождаемые сотрудниками госбезопасности, и пошли по дорожке к вилле. Все они вынуждены были остаться снаружи, в дом пропустили только одного – невысокого коренастого человека с гладко выбритым изможденным лицом. Это и был Ристо Ярвела.

О главаре мятежников Хеддеру было известно мало: возраст – около сорока лет, полуфинн-полухейминг, служил по контракту в колониальных войсках, участвовал в штурме Собольца, где получил ранение, вынудившее его оставить службу; после этого работал на рудниках Лехмалахти, дослужился до бригадира; был подозреваем в связях с Холоном. Этого было мало, и поэтому Хеддер взглянул на вошедшего в просторную гостиную мятежника с нескрываемым интересом, а тот, войдя, не стал утруждать себя общепринятыми приветствиями, а, оценивающе сощурившись, произнес только:

– Так вот, значит, какой вы вблизи!

– А вас, видимо, что-то не устраивает? – не без сарказма поинтересовался Хеддер.

– Да нет, собственно… Разрешите сесть? – и он, не дожидаясь ответа, опустился в глубокое кожаное кресло.

– Слуги, вина! – крикнул Хеддер.

Ярвела запротестовал:

– Нет, нет, я не пью!

– Отчего же? – сочувственно спросил Хеддер.

– Я, грешным делом, все-таки позволяю себе следовать заповедям Будды, в том числе запрету на алкоголь, – с сарказмом ответствовал тот. – В аскетизме мне, несомненно, с вами не тягаться: ведь вы такой великий аскет, что воздерживаетесь даже от соблюдения заповедей Благословенного!

Хеддер расхохотался.

– Остроумно, остроумно, клянусь бородой Локи!

В этот момент слуга вкатил в гостиную столик, уставленный бутылками с разнообразными винами и блюдами закусок. Хеддер налил себе крепкого красного вина и, отхлебнув из серебряного кубка рубиново-красный, источающий тонкий аромат напиток, заметил, как вдруг

разгорелись глаза у собеседника. Ярвела, впрочем, тут же справился с вожделением и мрачно заметил:

– Хорошо смеется тот, кто смеется последним.

– Это, значит, я последний? – весело спросил Хеддер, аппетитно хрумкнув шоколадным печеньем.

– А то кто же?! Вы, разумеется! – огрызнулся Ярвела. – Неужели вы думаете, что сможете справиться с нашим движением? О, как вы ошибаетесь! По всей Ингрии, и не только в ней, растет возмущение властью хеймингов. Вы сами купаетесь в роскоши, а подвластные вам народы остаются дикими и нищими!

– Нищими? – насмешливо переспросил Хеддер, дожевав, наконец, печенье. – Я что-то не заметил. По-моему, в Кореле народ живет не хуже, чем в метрополии. По крайней мере, не голодает, не ходит нагишом и имеет крышу над головой. Надеюсь, за те годы, что вы здесь живете, вы успели обратить внимание на сие обстоятельство?

Ярвела метнул в него испепеляющий взгляд, но Хеддер проигнорировал его и продолжал:

– Теперь – что касается дикости. Вас, если я правильно вас понял, не устраивает то, что мы всеми силами стараемся распространить культуру среди действительно дикого населения Ингерманландии? Во всех колониях есть школы, где учатся отнюдь не только хеймингские дети, каждый имеет полное право поступать в любое высшее учебное заведение Хеймингии без каких-либо ограничений, на всю Ингрию транслируются передачи «Радио Хеймсстадир». Что вас еще не устраивает?

– Именно это! Именно это, Роман Карлович! – с горячностью воскликнул Ярвела. – Кругом – только хеймингская культура, в школах обучают только на языке Хейма, радиопередачи – тоже на языке Хейма. А как же, позвольте спросить, ингрийские словенские диалекты? Финский? Карельский? Почему нет ни одной, скажем, водской школы или вепсской газеты? Почему, я вас спрашиваю?

Этот вопрос привел Хеддера в некоторое замешательство.

– Ну, как же… – начал он удивленно. – На Архипелаге это никому не нужно, а в Ингрии…

– Нет денег! – закончил за него Ярвела. – Верно ведь? И после этого вы еще смеете отрицать очевидный факт вопиющей нищеты коренного населения земли, которую вы поработили?! Теперь ваши газеты доходят даже до Африки, ваши товары свободно продаются даже за Уралом, почти в каждой семье есть приемник, но я теперь жалею об этом! Этим вы отсекаете нас от наших корней и пытаетесь привить нам вашу чуждую культуру!

– Хорошо, хорошо, пусть так! – Хеддеру надоело это препирательство, и он решил поставить вопрос ребром. – Так чего же вы, благородненький защитничек попранной свободки, требуете?

– Это вы прекрасно знаете. Полной свободы. Политической, экономической и идеологической.

– Вот, значит, как? А у вас, извините за нескромный вопрос, деньги-то на всю эту свободу найдутся?

– Деньги? – Ярвела слегка опешил, но быстро с собой справился и храбро ответил: – Да, деньги есть, и немалые, заметьте!

– Свежо предание, да верится с трудом! – усмехнулся Хеддер. – Впрочем, не суть важно. Даже если они у вас есть – а суммы требуются, поверьте мне, колоссальные – то неужели вы серьезно полагаете, что я соглашусь удовлетворить эти требования?

– А куда вы денетесь? – нагло заявил мятежник. – Еще как согласитесь! Мы скоро такую жизнь вам устроим, что еще вы будете уговаривать нас принять независимость из ваших рук!

– Хм! Какие у вас планы, однако! Аж страшно… Только вот зря горячитесь, друг мой. Я еще согласен подумать об экономических условиях – только подумать! – но никакой политической свободы вы от меня не дождетесь. – Хеддер наклонился вперед и вперил в глаза Ярвелы холодный и жесткий взгляд стальных глаз. – Слышите? Не дождетесь!

От такого недвусмысленного заявления, сделанного непреклонно высокомерным тоном, Ярвела прикусил язык, а Хеддер откинулся на спинку кресла, продолжая потягивать вино, и лицо его снова приняло обычное мягкое, мечтательное выражение. Воцарилась тишина, нарушаемая только шелестом берез за окном и хрумканьем орехов в шоколаде на зубах Верховного Министра.

Наконец мятежник не выдержал и снова заговорил:

– Все равно мы добьемся независимости!

– Вот как? – усмехнулся Хеддер, отправив в рот канапе с сыром и весело глядя на исходящего слюной Ярвелу. – Это кто же – вы?

– Мы – это мы, – мрачно буркнул тот. – Те, кто не желает жить под хеймингской пятой!

– Будда Махавайрочана, какая выспренность! И много вас?

– Достаточно много, чтобы от Хеймингии не осталось даже воспоминаний.

– А конкретно? – вдруг хитро спросил Хеддер, внимательно глядя на собеседника из-под сонно полуопущенных век.

Ярвела вспыхнул и аж подпрыгнул от ярости:

– Вы думаете, я вам так и скажу, да?!

– Ну-ну, успокойтесь! Зачем же так бушевать? Вон и вазочку с конфетами сбросили! Хорошо, на ковер упала, не разбилась… Я ведь и не требую от вас ответа. Я и без вашей помощи все прекрасно знаю. Точной численности вашей секты я, откровенно говоря, не помню, но могу с уверенностью сказать, что она отнюдь не так могуча, как вам кажется. Организованные вами беспорядки охватывают маленький район Северного Каннаса – Корела, Лехмалахти, Капеасалми и деревни вокруг них – и скоро будет подавлено. Что же касается остальной Ингрии, то поверьте мне на слово – там все как нельзя более спокойно. И ни у кого – понимаете, ни у одного человека – нет ни малейшего желания идти против Хеймингии. Действительно, зачем кусать руку, которая тебя кормит, верно?

– Верно, – мрачно усмехнулся Ярвела. – Но ведь вы сами говорите, что ничего бесплатного на свете нет, кроме сыра в мышеловке, что за все надо платить. Не слишком ли большая цена?

– Ну, это кому как. Раз платят своей культурой за наше радио и наши консервы – значит, это вещи для ингрийцев равноценные. Кстати, по поводу равноценности. Поинтересуйтесь на досуге, что думают о нас, о вас и о вашей секте те, кого вы собрались освобождать. Узнаете много нового и интересного.

– Спасибо за совет, – зло огрызнулся мятежник. – Всенепременно ему последую… Однако, засиделся я у вас, Роман Карлович. Мне надо спешить к своим войскам. Впрочем, я не прощаюсь! Надеюсь, что вы одумаетесь.

– Ну-ну, – рассмеялся Хеддер. – Надейтесь! Надежда, как известно, умирает последней.

Когда хлопнула входная дверь, Верховный Министр облегченно вздохнул, отер платочком лоб и налил себе еще вина. «Уф! Заездил! Совсем заездил, освободитель растреклятый… А вино-то какое прекрасное! Букет, аромат! Вот что действительно делает жизнь жизнью – наслаждения! А не власть, как думают иные… В их числе Ярвела…»

Но, едва начало проходить раздражение, вызванное беседой с главарем восставших, как в коридоре послышались шаги, и в гостиную вошел начальник личной охраны Верховного Министра.

– Роман Карлович, мы лазутчика поймали!

– Не понял, – слегка опешил Хеддер. – Какого еще лазутчика?

– Местный житель, вероятно, сектант. Прятался в саду. При нем нашли пистолет. Мне кажется, он собирался на вас покуситься.

– Жаль. И что?

– Я думал, вы захотите поговорить с ним… перед тем, как его расстреляют.

– А-а! Да-да, не мешало бы побеседовать с этой личностью.

– Слушаюсь! Сейчас приведу.

– Да, и вот еще что. Никаких расстрелов! Все должно быть в строжайшем соответствии с законом, особенно здесь. Может быть, он нам еще и службу сослужит.

Офицер сухо кивнул и вышел. Через пару минут вновь послышались шаги, и солдаты ввели в комнату человека. Лазутчик был одет бедно и небрежно, на подбородке топорщилась трехдневная щетина, давно не мытые соломенные волосы были растрепаны. На его жалком грязном лице, в серых водянистых глазах застыло выражение страха и крайней растерянности. Он остановился у дверей гостиной, переминаясь с ноги на ногу и дико озираясь, как попавший в клетку зверь.

Хеддер было поморщился от неприятного запаха, исходившего от этого несчастного, но тут же изобразил на лице ласковую улыбку, налил бокал вина и протянул лазутчику.

– Пей!

Тот взял бокал, но пить не стал, а лишь неуверенно улыбнулся Хеддеру и недоверчиво покосился на ароматную рубиновую жидкость.

– Пей, пей, не бойся! Не отравлено!

Тот с той же неуверенной улыбкой осторожно отпил из бокала. Выждав немного и не почувствовав ничего опасного, он несколько осмелел и выпил вино до дна.

– Ну, вот и отлично! – с довольной улыбкой молвил Хеддер. – Теперь садись и расскажи мне, как ты сюда попал.

Лазутчик неуверенно присел на самый край кожаного дивана. На его лице плавала испуганная заискивающая улыбка.

– Итак, – Хеддер поудобнее устроился в кресле, – расскажи мне, кто ты и как тебя зовут.

– М-м… Мми… Михайло… – заикаясь, начал тот слегка дрожащим голосом. – Я крестьянин, господин, простой крестьянин! Я ничего плохого не делал, клянусь вам!

– А я и не говорю, что ты делал что-то плохое. Так что успокойся. Откуда ты родом?

– Из-под Капеасалми. Я там просто жил… и сейчас живу… я словенин… ловлю рыбу, пашу землю…

– А помимо того, еще и внимательно слушаешь безумцев вроде Ярвелы, да?

Тот отвел взгляд и лишь кивнул.

– Ты грамоте-то разумеешь? – спросил Хеддер.

– Разумею. – В голосе лазутчика мелькнула нотка гордости. – Меня даже в деревне прозвали «грамотеем».

– Как же так получилось, что ты примкнул к мятежу против меня?

– Да я не знаю. Читал их листовки, слушал речи, и вроде бы все правильно говорили… Что люди должны жить в мире, что никто никого не должен притеснять и что… это… так Господь говорил.

– А теперь что же? Сомневаешься?

– Сомневаюсь! – вздохнул тот. – Господь не говорил, что надо воевать и убивать.

– Тогда зачем же ты оказался в моем саду, да еще и с пистолетом?

Крестьянин побледнел как полотно и прошептал лишь:

– Расстреляете?

– Будешь врать – расстреляем, – спокойно ответил Хеддер. – Будешь отвечать честно – отпустим с миром. Итак, зачем?

– Вы ведь тоже притесняете нас, – после некоторой паузы произнес крестьянин. – И я… это… В общем… я думал, что… В общем, кто-нибудь из вас виноват… То есть вы оба делаете зло – и Ярвела, и вы, господин. И еще… – здесь он умолк.

– Договаривай, – мягко поторопил его Хеддер. – Что еще?

– Ну, в общем… Это все бесполезно… Воевать бесполезно. Так мы вроде неплохо жили, а как восстание началось, так и цены сразу больше, и торговцы сюда боятся ехать… Худо стало.

– А почему же война бесполезна?

– Хеймсстадир сильнее. Нам с ним не тягаться.

– Ты так думаешь?

– Не только я. В войсках Ярвелы и его приятелей многие уже так думают. Вот я и подумал… и его, и вас… это самое… Тогда все и решится само… Вы меня расстреляете? Ведь я правду говорю, чем угодно клянусь!

– Нет, нет, успокойся, – ласково молвил Хеддер. – Я думаю, ты действительно говорил правду. Тебя допросят – не бойся, без пыток, – и отпустят с миром. Иди в свою деревню, лови рыбу, паши землю и не слушай еретиков. Поверь мне на слово, в Кореле жизнь не хуже, чем на Архипелаге.

Затем он отвернулся и закрыл глаза, показывая, что аудиенция закончена. Стражники вывели крестьянина.

* * *

Именно этого Хеддер и ожидал. Местное население восстало скорее из-за пустой прихоти местных демагогов, удачно сумевших завладеть мозгами несчастных обывателей, чем в силу действительной нужды. А вот в чем причины этой самой «пустой прихоти»? Это поистине вопрос! Впрочем, с этим прекрасно управится Хаконарсон. Хотя, с другой стороны, проглядел же он многое в этом деле. Умудрился упустить важнейшие детали. А если он тоже на стороне организаторов? Хеддер резко встряхнул головой,

отгоняя эту мысль. Нет, нельзя об этом думать. Так недолго и параноиком стать. «А с Ярвелой больше словом не перекинусь! Ну его к Фенриру в пасть!»

Остаток дня Хеддер провел у камина, листая материалы по мятежу. Из них, правда, мало что было ясно. Разве что… Впрочем, нет, это действительно паранойя. Очень похоже на то, что за всем этим стоят большие деньги больших людей. Бывшие вольные торговцы до сих пор вспоминают времена Холмского, когда никто их не контролировал, а государство только помогало золотом и пушками. Богатые землевладельцы недовольны. Новгородцы недовольны. Но кто именно? С кланом Лунге натянутые отношения. До сих пор они не могут простить Хеддеру казни предателя Хьерлейва Лунге. Клан Гехра тоже что-то затевает. Предатели! Предатели все! Кто бы мог подумать, что представители Пяти Родов окажутся на стороне врагов Хейма. Гехра о чем-то шепчутся с бывшим новгородским посадником Мишиничем, их посланец ездил зачем-то в Венемаа. За каким лешим, спрашивается? Христиане еще эти… Из Новгорода все это идет. Не справились тогда словенские волхвы с ними. Епископ христианский сидит в Новгороде и что-то пишет, пишет – и все посылает в Хейм. Вроде бы, безобидно все на первый взгляд… А на второй? А на третий? Факты и цифры кружились перед мысленным взором, как взвихренные ветром снежинки, но целостная картина из этих кусочков никак не складывалась.

А на другой день, утром, когда он, медленно просыпаясь, нежился в постели, ему пришла на ум гениальная идея, настолько гениальная, что он, мгновенно проснувшись, подскочил и сел на постели, не в силах вымолвить ни слова от восхищения. Ну конечно же! И как это он сразу не догадался! Если бы эта мысль пришла ему раньше, можно было бы и Хеймсстадир не покидать.

Хеддер вскочил, прошлепал в ванную и долго, с удовольствием брил безопасной бритвой подбородок, думая: «Нет, какое же все-таки наслаждение – бриться! Особенно сейчас, когда проблема, можно сказать, решена и не о чем беспокоиться. Н-да! Много ли человеку надо? Вот говорят: власть, власть! власть то, власть другое, титул Верховного Министра и так далее… Да чушь, извиняюсь, собачья! Хорошо тому, кого ничто не беспокоит, кроме разве небритого подбородка».

Через двадцать минут, посвежевший и довольный, он, благоухая одеколоном, спустился в столовую, где его уже дожидались кофе со сливками и пирожные. После завтрака он велел слуге подготовить машину, а сам поднялся в свой кабинет, чтобы все еще раз хорошо обдумать. Через полчаса он спустился снова вниз, сел в машину, и скоро ветер уже свистел

вдоль полированных черных бортов автомобиля, мчавшегося к центру города. Следом на мотоциклах неслась охрана.

Маленький кортеж, один вид коего, однако, заставил нескольких встретившихся водителей поспешно свернуть на обочину, остановился у здания штаба гражданской обороны. Хеддер выскочил из машины и торопливо взбежал по лестнице в кабинет начальника штаба.

Начальник штаба, внушительного сложения мужчина с четырьмя нашивками на рукаве, свидетельствовавшими о том, что он носил звание полковника войск гражданской обороны, естественно, никак не ожидал вторжения к себе главы государства и вытянулся по струнке перед Хеддером. Тот сначала несколько удивился, ибо в армии никогда не служил и был слабо знаком с военными порядками, но, сообразив, лишь небрежно махнул рукой:

– Вольно, вольно!

Они сели.

– Чем могу служить, Роман Карлович?

– О-о! – протянул Хеддер многозначительно. – Служба от вас потребуется весьма серьезная. И требующая ба-альшой смекалки.

– А именно?

– Конкретно вы должны сделать следующее. По всему подчиненному вам округу немедленно объявите карантин. Повод к нему, я полагаю, вы придумаете и без моей помощи. Ну, разумеется, строжайшая изоляция округа и предельное разобщение людей тоже должны быть обеспечены. Вот, собственно, и все, чего я ожидаю от вас – архистрожайший карантин, как при чуме.

– Позвольте спросить, зачем же это?! – удивленно воскликнул ничего не понимающий полковник.

– Ну, это же совсем просто! Так удобнее подавлять восстание. И проще контролировать мятежников.

– Все будет сделано!

– А теперь самое главное. Слушайте и запоминайте…

Когда Хеддер выходил, полковник вскочил и отдал честь, но Верховный Министр даже не заметил этого. Он спешил в местное управление внутренних дел, благо оно располагалось в двух шагах отсюда. За Хеддером по улице мчалась стража, и все вместе они представляли собой странную процессию: впереди, не особо, казалось, спеша, семенил маленький, толстенький, словно пончик, глава государства, то и дело поглаживавший свои роскошные медноцветные усы, а за ним едва поспевали, несмотря на свои длинные ноги, здоровенные телохранители.

Хеддер, как ракета-шутиха, пронесся по коридорам управления, впорхнул в кабинет его начальника и через несколько минут выпорхнул

обратно, довольно потирая руки, а начальник остался сидеть в кресле, вцепившись пальцами в то место, где когда-то находилась шевелюра, и обдумывал, как бы получше выполнить только что полученные приказы.

Следующей государственной структурой, которая на собственной шкуре испытала действие бурной энергичности Хеддера, был комитет по пропаганде при местном управлении средств массовой информации. На него на период действия указа об особом положении возлагались обязанности по возвращению на путь истинный заблудших в терновниках ереси обитателей округа.

Вечером, по пути домой, обежав еще несколько организаций, Хеддер заехал к прокуратору и «порадовал» его известием о том, что пока он, Хеддер, пребывает здесь, в округе Корела имеет место быть прямое правление Верховного Министра, а прокуратору на это время отводится, по выражению Хеддера, роль «старшего помощника младшего дворника».

Вечером, лежа в постели, Хеддер еще раз перебрал в уме все предпринятые им действия. Итак, карантин, комендантский час, усиленная «промывка мозгов» через все средства массовой информации. Округ изолирован от внешнего мира практически полностью. А продовольствие здесь все привозное, и когда оно кончится, народу будет уже не до ереси. Он усмехнулся про себя. «В медицине это называется консервативным лечением. А ведь я уже собрался было применить здесь хирургию!». И еще: завтра же надо вызвать прямо сюда Хаконарсона.

* * *

Две недели спустя Хеддер, сидя в одних плавках в лодке, легкими движениями весел рассекал темную глубокую воду Вуоксы. Приехав сюда, он в тот же день не преминул искупаться в озере, славящемся своей чистотой и целебностью вод, и вода тогда была мягкая, теплая, податливая. Во время купания он нарвал букет лилий, и они до сих пор стояли в вазе на столе у него в гостиной. Потом были сумасшедшие дни мероприятий по борьбе с мятежниками, но вторую половину этой недели Хеддер провел прекрасно, свалив рутину, по своему обыкновению, на прокуратора: бросив предоставленную прокуратором виллу, уехал в загородную министерскую резиденцию Суотниеми в трех километрах от Корелы, загорал, купался, бродил по лесу, по ночам сидел с удочкой в лодке посреди озера, и однажды ему попалась громадная злющая щука, которую он смог вытащить лишь с помощью сопровождавшего его телохранителя. Кто бы мог подумать, что такой печальный и тревожный факт, как религиозный мятеж в стратегически важном районе, доставит Хеддеру столько невыразимо восхитительных минут! Даже здешний дремучий лес, раньше Верховному

Министру совершенно не нравившийся, теперь его зачаровывал, и даже фантастические полчища вечно голодного комарья нисколько не уменьшали очарования. Тихие, вечно студеные озера с оловянно-серой водой, в гладкое зеркало которой смотрится высокое бледное небо, волны по которой бегут разве только от быстрых движений водомерки, от капель редкого недолгого дождя да оттого, что случайно плеснула в заводи рыба; непролазные, заваленные древесным хламом ельники, почти лишенные подлеска, но восполнившие этот недостаток невообразимыми полчищами гнуса; сосновые леса на островах, прозрачные, как свет весеннего солнца, и тоже почти лишенные подлеска, но уже по другой причине: острова – груды моренных гранитных глыб – за время своего существования так и не смогли обзавестись слоем почвы, достаточным для более требовательных, чем неприхотливая сосна, растений, и поэтому, видимо, дышится на островах так легко, а воздух опьяняет, как хорошее вино; странные маленькие ручейки, вечно бегущие невесть откуда и невесть куда, едва слышным шепотом бормочущие что-то, словно спросонья, на которые натыкаешься, бродя по лесу, совершенно неожиданно, в таких местах, где никак не предполагаешь встретить воду… Все это он перебирал в памяти с острой тоской в душе, ибо неотложные дела государства настойчиво звали его в столицу.

Но все же… ах! как приятно врезаться лопастями весел в холодную спокойную воду и толкать лодку вперед, прислушиваться к плеску воды, вдыхать воздух, крепко настоянный на хвое, сосновой смоле и травах! Солнце неспешно опускается к западу; в его лучах на берегу блестит жестяная крыша дома – это хутор, на котором живет благополучное словенское семейство, законопослушное и не очень ревностно придерживающееся заповедей Будды. Хеддера заинтересовало в нем то, что, когда он пару дней назад в сопровождении охраны предстал перед ними, горя желанием пообщаться с простым народом, это не вызвало у них ни малейшего испуга, хотя Хеддер уже приготовился созерцать панику и переполох. Нет, правителя Хейма и его скромную свиту встретили с подобающей важностью, провели в комнату, усадили за стол и – в полном соответствии с ингерманландскими традициями – лишь после плотного обеда приступили к разговорам.

Из беседы, между прочим, выяснилось, что эта семья отнюдь не считается богатой. Это, по местным меркам, самое обыкновенное семейство со средним достатком, каких в Каннасе тысячи. Ко всяческим мятежам и ересям на хуторе относятся резко отрицательно, ожидая от них только убытка своему кошельку – не такому тугому, как хотелось бы.

Но сейчас Хеддер не испытывал никакого желания вновь общаться с этими людьми. Его опять охватила тоска по одиночеству. Днище лодки в

этот момент царапнуло по подводному камню, и Хеддер оглянулся. Впереди, в каких-нибудь двадцати метрах, из воды торчала груда серых замшелых камней, поросшая чахлыми кустарниками. Хеддер ударил по воде веслами и через несколько секунд уже вытаскивал лодку на плоский валун, обвешанный по краям зеленой бородой водорослей. Вытащив лодку, он поднялся по шершавым неровным гранитным глыбам к середине островка и, усевшись на валун, стал рассеянно смотреть на светло-серую, подернутую легкой рябью ширь озера, по которой бежали золотые солнечные блики. И в голову вдруг полезли непрошеные мысли.

Итак, «консервативное лечение» мятежа, видимо, можно считать вполне успешным. Демонстраций с тех пор, как Хеддер ввел чрезвычайное положение, не было никаких. Нескольких личных бесед с жителями округа хватило, чтобы те, кому пришло в голову бастовать, вновь вернулись к работе. Если раньше на улицах Корелы и других поселков часто постреливали, то теперь народ может спать спокойно – пальба кончилась. Не все, правда, довольны полицейскими облавами и арестами, но зато за счет этих мер большая часть мятежников – в руках полиции и готовится предстать перед судом. И это всего за две недели! Но именно поэтому отсюда необходимо уехать. Присутствие Верховного Министра более здесь не требуется, прокуратор и сам справится с оставшимися ему проблемами, а Хеймсстадир ждет главу государства с большим нетерпением. Дело в том, что не за горами новые выборы. А это значит, что Хеддеру снова придется с головой окунуться в предвыборную суматоху и грызню кандидатов. Прошлые выборы ознаменовались весьма неприятным антибуддийским бунтом в столице; чем ознаменуются нынешние?

Этот вопрос мешал Хеддеру спать по ночам, а когда под утро все же удавалось заснуть, снились толпы народа, жгущие на площадях флаги Хеймингии, выстрелы, полиция с электрическими дубинками в руках. Хеймсстадир и в действительности начинал медленно закипать страстями. В прессе недавно начали муссироваться слухи о том, что Хеддер намерен выставить свою кандидатуру на новый срок вопреки Хеймсстадирской Конституции, и для Хеддера это было тем более неприятно, что, хоть это и была откровенная ложь, этому многие верили. А кто им не верил – те судачили о том, кого из кандидатов поддержит нынешний Верховный Министр – такая поддержка обеспечивала несомненную победу кому угодно.

В общем, снова погружаться в нудную и суетную работу главы государства не хотелось, и Хеддера не радовало даже возвращение в свой дом, за которым он ухаживал так, как не ухаживают и за женщиной – ведь возвращение означало необходимость общаться с журналистами,

растаскивать озверевших от жажды власти кандидатов, выслушивать предвыборные посулы и лесть. Какая мерзость!

А здесь, на озере, так хорошо! Только здесь он, наконец, позволил себе немного передохнуть. Ничего! До счастливого дня избавления от осточертевших полномочий правителя Хеймингии осталось немного.

Солнце между тем уже коснулось вершин дальних сосен. Над головой стремительно пронеслась стайка стрижей. Пора было возвращаться. Хеддер слез с камня, столкнул лодку в воду и поплыл домой. Жаль, что не удалось сегодня искупаться: вода слишком холодна. Неудивительно – в воздухе осенью пахнет!

На следующий день Хеддер улетал в столицу. После обеда подали машину, слуги собрали вещи, и Верховный Министр с тяжелым вздохом, последний раз глянув на маленькую изящную виллу, сел в автомобиль. Дверца захлопнулась. Поехали. Замелькали за окнами деревья, огороды, домики, мелькнул мост, потом – пыльные центральные улицы; скоро впереди раскинулось широкое летное поле.

Пролетая над Вуоксой, Хеддер бросил прощальный взгляд на озеро, затем его берега скрылись из виду, и внизу потянулись скалистые, заросшие лесами холмы Каннаса. А к концу дня Хеддер уже был дома.

XXXVII. ОТ МИРА

Буддийский отшельник сидит за игральной доской.
На шахматном поле бамбука отчетлива тень.
В бамбуковой роще монаха не видит никто,
Лишь изредка слышен фигур опускаемых стук.

Бо Цзюй-и

В тот же день Хеддера навестил Харальд Брут, сразу же заметивший, что глава государства отнюдь не в радужном настроении сегодня.

– Какой-то вы мрачный, Роман Карлович! – с участием молвил он после обмена приветствиями. – Отчего бы это?

– Эх! Не с чего радоваться, – вздохнул тот. – С Корелой разобрался, и вроде бы следует быть довольным, что все, кажется, обошлось, но… хм… м-да…

– Что «но»?

Хеддер ответил не сразу. Он задумчиво прошелся по комнате и вдруг спросил как бы между прочим:

– Чаю не хотите?

– Хм! Спасибо, не откажусь.

Верховный Министр кликнул слугу и, отдав соответствующее распоряжение, устало опустился в кресло. Помолчав, он негромко, будто бы про себя, сказал:

– «Но» одно, но очень большое…

– А именно?

– Слишком легко все обошлось. Подозрительно легко!

– И вас только это смущает? – удивленно воскликнул Брут.

– По-вашему, этого недостаточно для беспокойства?

– По-моему, этого достаточно для большой радости! От вас вся Ингрия в восторге, вы знаете? Ваше правление поразительно удачно и умело, а Хейм достиг расцвета, о каком ни Торвард, ни Холмский не могли и мечтать. Наши корабли доплывают уже до Мадагаскара и Китая! Мы уже строим атомные корабли, которым не страшны будут самые мощные льды Арктики! Это ли не могущество?!

– Могущество, Харальд Викторович. Великое могущество. И мы на его вершине.

– Так что же вас беспокоит?

– Вершина. Видите ли, за всяким расцветом с необходимостью следует упадок. И в сиянии нынешнего великолепия Хеймингии я уже различаю первые черты умирания. Наша держава обречена, понимаете? Все рожденное от рождения приговорено к смерти, это очевидная истина,

открытая еще Буддой, и Хейм не составляет исключения. – В его голосе зазвучала ирония. – Меня запомнят как величайшего правителя Ингерманландии и будут благословлять многие годы – пока не появится кто-то, кто затмит меня славой. Но не я виноват в моем величии. Эпоха виновата. Я сумел всего лишь вовремя стать Верховным Министром и сумею вовремя уйти. После меня будете править вы. Обещаю вам свою поддержку. Но вам, друг мой, достанется нелегкое наследство: узлы религии, хитросплетения экономических связей, паутина чиновничества и администрации – и все это медленно костенеет, это сжимается и застывает вокруг вас, словно цементный раствор, а вы не можете из него выбраться. А оно душит и сокрушает несчастную человеческую плоть…

Брут только фыркнул:

– Невозможно! Хейм слишком силен!

– Вот именно – слишком! И рано или поздно у него не хватит силы, чтобы быть достаточно сильным. Тогда нас ждет коллапс.

– И выхода, по-вашему, нет? – со скептической ноткой в голосе спросил Брут.

– Нет, – решительно отрезал Хеддер.

В этот момент слуга вкатил в гостиную столик с чайником, чашками и вазочками со сладостями. Хеддер взял чашку, наполненную темным дымящимся настоем, и, поднеся ее к лицу, втянул осторожно воздух носом.

– Ах! Боги мои, какой аромат!

Брут раздраженно посмотрел на него.

– Какой аромат? При чем здесь аромат? Знаете, я привык верить вашим словам, я не припомню случая, чтобы вы когда-нибудь серьезно ошибались, но утверждать такое! Вы хоть понимаете, какие выводы можно сделать из этого?

– Мне глубоко безразлично, какие из этого могут следовать выводы. Вполне достаточно того, что это именно так. – И Хеддер с невозмутимым видом отпил глоток из чашки.

– Нет, бред какой-то, – вздохнул Брут, которого пессимизм Хеддера раздражал все больше. – Вам просто почудилось. Из всех испытаний Хеймингия выкрутилась благополучно, говорю я вам, и теперь более могущественна, чем когда бы то ни было ранее. Да и вообще, с чего вы взяли, что за расцветом всегда должен следовать упадок?

– Из природы, коллега, из природы. Взгляните: любой живой организм сначала рождается, начинает расти, развивается, достигает вершины своего бытия, а затем начинает стареть, и все это завершается, наконец, смертью.

– Но государство – не травинка, не букашка, и даже не человеческий организм! Оно – механизм, создание человеческого разума, и за ним надо

только следить, вовремя смазывать, заливать топливо, менять отслужившие свой срок детали. Если соблюсти эти условия и обеспечить надежную защиту от внешней опасности, государство может существовать вечно!

Брут с видом торжествующего победителя откинулся на спинку кресла и тоже взял чашку, поглядывая на Хеддера так, словно хотел сказать: «Ну, что молчишь? Нечего возразить, а?». Тот же, помолчав немного, задумчиво хмыкнул и пробормотал:

– Знаете, Харальд Викторович, по-моему, мы с вами говорим на разных языках.

– Почему?

– Вот вы говорите: государство, государство! А я имел в виду не государство, а народ. Этнос. Хеймингский этнос. Он есть и пребудет частью природы, от законов которой не убежать. А когда исчезнет он, то рухнет и поддерживаемое им государство.

– Беспочвенные опасения. Впрочем, ладно, время покажет. Кстати, споря, я совсем забыл поблагодарить вас за поддержку. Если вы действительно намерены переложить власть над Хеймингией на мои плечи, я докажу вам, что вы были неправы!

– Хм! Свежо предание, да верится с трудом… Кстати, о преданиях. Не далее, как сегодня утром я прочел в газете интересную статью, в которой анализировалась религиозная ситуация на Архипелаге и был сделан любопытный вывод. Оказывается, конфессиональные, социальные и экономические несоответствия в нашем государстве таковы, что при желании и умении легко развязать у нас религиозные войны.

– А-а, читал, читал! В «Хеймсстадирском экспрессе», да?

– Именно.

– Чушь! Все под контролем.

– Многие недовольны. Очень многие. Бывшие штадтгальтеры возмущены тем, что я отодвинул их от власти. Свободные торговцы – тем, что Хеймингия становится все более бюрократичной. Бюрократия – тем, что я до сих пор не прижал вольницу торговцев. Верхи общества – тем, что я слишком мягок с низами. Низы – тем, что я слишком много позволяю верхам. Хейминги – тем, что я открыл дорогу к успеху и власти ингрийцам, а ингрийцы – тем, что эта дорога, по их мнению, слишком узка и на ней все еще слишком много хеймингов…

– Не-ет, они все не посмеют у меня даже вякнуть!

– М-да… Осталось только объяснить им это.

– И объясним! – запальчиво воскликнул Брут. – Хотя в какой-то степени они правы, – добавил он после некоторого молчания. – Действительно, и чиновники слишком многого требуют от торговцев, и торговцы – от чиновников…

– Весь вопрос в том, чью сторону вы намереваетесь принять, – бесстрастно заметил Хеддер. – В любом случае это потребует жертв. Не только от вас, конечно, – это само собой, – но и от Хейма. Чем в Хейме вы готовы пожертвовать, чтобы он выжил? И какое именно выживание вы пророчите ему?

Брута этот вопрос озадачил. С него сразу слетела вся уверенность, в замешательстве он стал сосредоточенно рассматривать узор на чашке и, наконец, вздохнул:

– Хель его знает...

– Вот и я не знаю! – ответил Хеддер. – Но ничего, не расстраивайтесь! Время покажет. Рано или поздно возможность справиться с упрямством ваших противников все равно представится. – После чего добавил как бы про себя: – Главное, чтобы она не представилась слишком поздно.

Следующий день он посвятил целиком работе. В его отсутствие накопилось много важных дел, которые требовали срочного решения, и Хеддер с самого утра до позднего вечера прокорпел над бумагами. К концу дня в его душу закралось вдруг сомнение: а правильно ли он вообще оценивает наличную ситуацию в стране? Отчеты и доклады недвусмысленно заявляли ему: неправильно! Холодные и беспристрастные цифры статистики ясно указывают на продолжающийся активный рост производства, средний уровень жизни повышается столь стабильно, что нет оснований ни для каких пораженческих настроений. Продолжается индустриальная экспансия в Великий Хейм: в казну начали поступать доходы от трех новых фабрик. Внедряется новое дорожное покрытие – асфальт. Любопытная, между прочим, новинка. Вот анализ политического положения в хеймингских колониях в Германии. Вот многостраничный отчет о торговле с Англией и Уэльсом… Доклад прокуратора Северо-Восточной Ингрии об освоении Заонежья. Много, много бумаг. Но…

Хеддер схватился за голову и тупо уставился на груду только что разобранных документов. Сказочные, поистине неисчислимые богатства сосредоточили хейминги в своих руках. Из Хеймсстадира, некогда маленького и захолустного городка, а сейчас – столицы мира, они управляют судьбами обитаемой земли. А религиозные споры – мелочь, случайность… Так ли? Хеддер, став Верховным Министром, не боялся открыто встречаться и разговаривать с простыми людьми и в последнее время стал замечать у них странные настроения. Для себя он назвал их «стремлением к смерти», и они ярко выразились в темных, смутных и неясных народных течениях. Популярность культа Холон, искавшего спасение в отречении от жизни через опьянение себя наркотиками, то есть через саморазрушение; вся страна зачитывается книгами недавно ставшего

известным писателя Станислава Маркевича, в которых сосредоточено такое отвращение к жизни, что просто удивительно, как может человек жить с такими чувствами в душе. Этот автор живописует накал страстей народных в кровавой схватке двух наций невыносимо мрачными красками: батальные сцены с горами трупов, наркоманы, притоны, убийства, насилие и, главное, огонь, сжигающий изнутри души людей, необъяснимый огонь страсти, толкающий к революциям, войнам, религиозным бунтам и ересям. Видимо, этот накал в современном обществе таков, что многие уже не в силах выносить его молча и ищут, как бы его выплеснуть. Хеддер при этой мысли усмехнулся про себя – ему пришел на ум интересный образ: человек долго и трудно взбирался на высокую крутую гору, преодолевал пропасти, скалы и отвесные стены, и наконец преодолел подъем; и вот он стоит на вершине, вокруг простирается далекий дольний мир, а прямо под ногами – бездонная пропасть… и так и тянется нога сделать один лишь шаг. «Сумеем ли удержаться?»

Наконец, за окном стемнело, Хеддер вышел из замка и отправился домой. Не спеша выруливая на дорогу к столице, он вдруг почувствовал себя безумно уставшим и разбитым. В душе бродило ощущение, будто весь этот день он потратил на глупости и ненужные вещи. Хеддер почувствовал раздражение, оно нарастало, и вдруг он хлопнул рукой по рулю и досадливо крякнул: не о том он думал весь этот день, не о том! Какая ему разница, что дальше будет с Хеймингией? Он твердо решил оставить Архипелаг и уйти в отшельники – так о чем он беспокоится? И не все ли равно, будет дальше процветать Хейм или нет? Это все суетно и никчемно. Это тягота, и она тяжелым камнем лежит на сердце Хеддера. Он устал от этой ноши, и пора ее сбросить.

* * *

За окном дождевыми плетьми хлестал по желтым березовым листьям октябрь. Свинцово-серое небо низко и хмуро нависало над остывающей землей, ветер срывал последние листья с ветвей, и ветви печально махали им вослед.

– Ну и погодка, во имя всех будд и бодхисаттв! – ругался в прихожей Харальд Брут, снимая мокрый кожаный плащ. – Дороги скользкие, по мокрому асфальту ездить – одно издевательство, жуть!

– Что поделаешь? – спокойно отозвался из гостиной Хеддер. – Октябрь на дворе.

– Мерзейший месяц!

– Ну, уж и мерзейший! Если нет дождя, то очень даже неплохо. Тогда можно, не боясь вымокнуть до нитки, погулять в свое удовольствие

по лесу. Знаете, какой сейчас в лесах аромат? Мокрыми листьями пахнет, почти как весной, только вот запах зимы примешивается, запах снега.

– Эстет вы, Роман Карлович! – заметил Брут, входя в гостиную.

Хеддер воскликнул обиженно:

– Какой же я эстет? Ведь это все так естественно!

– М-м, может быть, может быть… Только меня другое интересует. Что же вы теперь намерены делать?

– Как это – что? Разумеется, надо посетить Назию и Ункаси…

– Не замечал в вас тяги к святыням культа Фомы…

– Это не святыни культа Фомы, это святыни всеобщие. Не на реке ли Назии и не на озере ли Ункаси жил Виталий Святой?

– Хорошо, хорошо! – примирительным тоном прервал Брут эту тираду. – Только не далековато ли? Ладно – Назия, она рядом, но Ункаси? Загорье?

– И что с того? Дошел же Виталий Святой, хотя шел пешком, а никаких шоссе тогда в Ингрии не было и в проекте!

– Ну, что ж, желаю удачи. Но не рано ли?

– Пора, давно пора. В курс обязанностей Верховного Министра я вас ввел, полномочия с себя в полном соответствии с церемонией сложил, в результатах выборов усомниться вряд ли взбредет кому-то в голову, так что меня здесь ничто не держит.

– Но как же Архипелаг? Вы так любили его!

– Я устал от здешней суеты. Люди мне не дадут покоя. – В голосе Хеддера послышалась нотка сарказма. – Я успел уйти в зените своей славы, и народ запомнил меня как великого и мудрого правителя, не успев во мне разочароваться. Боюсь стать объектом поклонения при жизни.

– И не хотите вернуться в Эберсгард?

– Нет. Кто вкусил власти Верховного Министра, тот не захочет довольствоваться скромным постом правителя маленького городка. Я хочу для себя завершенности. Уйти от мира и поразмышлять о том, что переживет и меня, и вас, и Хейм.

– М-да! – Брут усмехнулся. – Ваше философское образование все чаще дает себя знать в последнее время.

– Оно мне в ближайшем будущем, думаю, очень пригодится.

Хеддер умолк, молча указал Бруту на столик с кофе и бутербродами, а сам, подперев щеку кулаком и уставившись в окно, задумался.

Два месяца назад состоялись, наконец, долгожданные выборы. Предвыборное время прошло в тягостном суетливом угаре бешеной борьбы претендентов, но Хеддер сразу заявил, что хотел бы видеть в кресле Верховного Министра именно Брута, поэтому остальным кандидатам оставалось надеяться лишь на чудо. Чуда не случилось. «И хвала Небу!» –

думал Хеддер: среди кандидатов были разные темные личности, коих первый отдел не без оснований подозревал в связях с Холоном и Корельским бунтом, с промышленными баронами и аристократией Пяти Родов, а то и с покоренным, но все еще мятежным Новгородом и иными силами в колониях. Но, несмотря на то, что главная нагрузка легла на избирательный комитет и прочие государственные структуры, Хеддера суета измотала донельзя. Уставать так ему не доводилось с тех пор, как он сам когда-то боролся за власть. И на этот раз одним из главных козырей на выборах оказалась религия – Брут заверил всех, что, невзирая ни на какие ереси, мятежи и другие эксцессы, будет строго придерживаться ортодоксального учения Татхагаты, а значит, и прежнего политического курса, и это помогло ему не меньше, чем поддержка Хеддера. Однако теперь все было кончено. Нескольких недель хватило бывшему Верховному Министру, чтобы ввести своего преемника в курс всех дел, а затем он официально сложил с себя свои высокие полномочия.

И теперь в душе царили хаос и пустота. Хеддер столько лет трудился на благо Хейма, он даже позабыл о своей лени и мог с рассвета до полуночи пропадать в Торвардастейнуре и возвращаться, почти не чувствуя усталости. Чем теперь заняться, он не знал. Писать мемуары скучно и банально. Читать книги? Это занятие, когда-то доставлявшее массу удовольствия, сейчас казалось утомительным, поэтому последние месяцы он штудировал только руководства по выживанию в первобытных условиях, книги по рыболовству, охоте, определители растений – знать это было необходимо в его будущей жизни. В случае, если отшельничество покажется слишком утомительным, был припасен и резервный плацдарм – небольшая вилла в северном Каннасе, хорошо укрепленная и обеспечивавшаяся всем необходимым.

Голос Брута вернул Хеддера к действительности:

– О чем вы так задумались?

– Да так… О разном, – неопределенно ответил тот, пожав плечами и понимая, что разговор не обещает быть интересным.

Так и вышло: беседа не клеилась. Слишком разными были теперь собеседники: торжествующий Брут, непоколебимо убежденный в великом будущем Хеймингии и полный оптимизма – и философически-задумчивый Хеддер, душу которого уже многие дни наполняла печаль, неопределенная и оттого еще более мучительная.

Наконец Брут понял, что им не о чем больше друг с другом разговаривать, и стал прощаться. Хеддер с рассеянной вежливостью проводил его и закрыл за ним дверь.

Через два дня они стояли на маленькой пристани на мысу Линейный. Над серым морем с печальными воплями метались чайки. Горизонт терялся

во мглистой свинцовой дымке, промозглый злой ветер трепал полы плащей. У дощатого пирса пыхтел, разогревая моторы и изрыгая сизый дым, маленький катер с вымпелом военно-морского флота Хеймингии на флагштоке.

– Значит, Роман Карлович, вы твердо и бесповоротно решили покинуть Хеймингию? – в последний раз с сожалением в голосе спросил Брут.

– Да. Твердо и бесповоротно.

– Тяжело нам будет без вас.

– Кому это – нам?

– Да всем. Простому народу, правительству… и мне тоже. Знаете, я все время надеялся, что вы останетесь, я рассчитывал на вашу помощь и в дальнейшем. Мне она так нужна! Я ведь совершенно не знаком с тонкостями искусства управления государством.

– Ничего, быстро привыкнете. В сущности, это не такое уж сложное искусство, как может показаться на первый взгляд.

– Вам легко говорить – после того, как вы в этом разобрались! Нет, очень жаль все-таки, что вы уезжаете.

– Иного выхода у меня нет. Свою жизнь нельзя оставлять незаконченной. Именно в Ингрии я найду ее завершение.

Воцарилось молчание. Брут стал, поеживаясь, нервно прохаживаться по пристани, а Хеддер прислонился к холодным железным перилам и рассеянно глядел в серую туманную даль.

Наконец, мотор, сначала пыхтевший и всхрапывавший, загудел плавно и ровно. С корабля спустился капитан и, подбежав к Хеддеру, отрапортовал:

– Готово! Можно ехать.

Хеддер повернулся к Бруту, и его губы раздвинулись вдруг в прощальной, невыразимо печальной улыбке.

– Так, значит, вы сейчас в Оккервиль? – спросил Брут; в его голосе послышалась нотка безнадежности.

– В Оккервиль. Оттуда пешком пойду дальше.

– На всякий случай я распорядился сберечь вашу виллу на Перешейке.

– Спасибо. Хотя вряд ли она мне когда-либо понадобится.

Мотор натужно ворчал, из трубы бил в серое небо столб дыма. Хеддер оглянулся на корабль.

– Ну, мне, похоже, пора. Не будем долго прощаться.

Они крепко пожали друг другу руки. Потом Хеддер повернулся на каблуках, быстрым шагом взбежал по сходням на корабль. Матрос открыл ему дверь внутрь. Но, прежде чем скрыться в дверном проеме, Хеддер

оглянулся и в прощальном жесте поднял вверх руку со стиснутым кулаком. Затем поспешно исчез внутри. Дверь захлопнулась. Сходни были немедленно убраны, швартовы отданы, и катер, выплюнув из трубы тугой клуб дыма, стал медленно отваливать от причала, развернулся и, набирая скорость, помчался по свинцовым холодным волнам прочь от берега, к востоку. Брут еще долго стоял на пристани, а потом, когда катер превратился, наконец, в едва заметную темную точку на горизонте, надвинул на лоб шляпу и зашагал к ожидавшей его машине.

XXXVIII. МОНАХ БОДХИРАТНА

Все возвышенные и благородные порывы, все высокие убеждения и святые верования питаются, в сущности, «шкурными интересами». Еще точнее: все возвышенное – лишь маска низменного. Еретик-христианин идет на костер не ради веры своей, а либо от отчаяния (то есть совершает, по сути, самоубийство), либо из желания доказать своим мучителям собственное превосходство (то есть впадает в грех гордыни).

Томас Теофил Кесарович. «Странствие в поисках Края Света»

Брут откинулся на спинку кресла и устало закрыл глаза. «Эх, Роман Карлович, придали вы Сангхе организацию на мою голову!» – подумал он со вздохом. Хотя, конечно, Хеддер тут был совершенно ни при чем – разве что только не воспротивился излишнему укреплению буддийской общины в Хейме. Но вот теперь из-за этого Бруту приходится терпеть присутствие в своем кабинете монаха Бодхиратны – главы Сангхи Хейма. Сидит перед ним в своем желто-оранжевом облачении, с бритой наголо башкой, с лисьим выражением на некрасивом толстогубом лице… разорви его Фенрир. Счастье еще, что Брут в бытность свою министром религий догадался убедить Хеддера законодательно подчинить Сангху светской власти.

– Вы расколете общество, – спокойно молвил он. – Не думайте, что люди такие уж дураки. Они и сами прекрасно во всем разберутся.

– Вы, Харальд Викторович, пытаетесь загрязнить Дхарму ложью и ересью, – начал было монах.

– А вы сами загрязнены чистотой! – рявкнул вдруг Брут, вскочив с кресла. – Вы погрязли в собственной правде, как в болоте!

– Но…

– Цыц! Я запрещаю вам – слышите, запрещаю! – вмешиваться в идеологическую политику Хеймингии! Это моя прерогатива, и не лезьте не в свое дело, ясно?!

С Бодхиратной еще никто так не разговаривал. Он опешил и округлившимися от возмущения и удивления глазами смотрел на взбешенного Верховного Министра. Брут же, несколько успокоившись, сел и, даже не глядя на собеседника, произнес:

– Руководите Сангхой, бханте, давайте утешение и надежду верующим и читайте мантры. Больше от вас ничего не требуется. Если же вы не прислушаетесь к сему доброму дружескому совету, то будете

смещены с должности… а может, и еще чего похуже! И помните: государство у нас пока еще светское. Здесь вам не Тибет. Вы все поняли?

– Да, господин Верховный Министр! – прошипел монах, встав и почтительно сложив ладони лотосом. – Я могу идти?

– Разумеется, можете! – фыркнул Брут.

Оставшись один, он вполголоса выругался. Да, верно предупреждал Хеддер: с буддистами, когда их позиции станут по-настоящему прочными, будет нелегко. Они, получив организацию, рано или поздно постараются подмять светскую власть под себя. Так и случилось. И где выход? Выхода пока не видно. Не хочется в открытую конфликтовать с религиозной властью, это может вызвать в умах масс процессы, которых во имя сохранения целостности государства следовало бы избегать.

Однако, растреклятый Бодхиратна! Даже не хейминг – родом не то из Кералы, не то из Анурадхапуры. Полгода не прошло, как сел в кресло руководителя Сангхи – и уже начинает покушаться на власть Верховного Министра! Ничего себе: дойти до такой наглости, чтобы требовать от правителя Хейма изменить политику только ради укрепления веры! Веры? Да чушь, конечно! Не вера ему интересна, а только собственная власть. И кто бы мог подумать еще два-три года назад, что буддийская община, вскормленная и вспоенная демократом Хеддером, окажется на стороне самых отъявленных мракобесов из «Лиги Фомы и Торварда» и потребует отменить Хеймсстадирскую Конституцию и установить в Хейме монархию? Нет, этого Бодхиратну надо тем или иным образом окоротить. Другой вопрос: за что? Пока, вроде бы, формально не за что: пока он умудряется действовать целиком и полностью в рамках закона. Ну что ж, времени много. Подождем, пока он сделает первый промах.

С такими мыслями Брут повеселел и, успокоенный, принялся разбирать бумаги.

Бодхиратна же, возвращаясь на машине в храм, при котором постоянно жил, кипел возмущением и в гневе мысленно обрушивал на голову Брута все кары всех многочисленных адов и преисподних, изобретенных буйной фантазией буддийских демонологов. Нет, это ж надо – так наорать на главу Сангхи всей Хеймингии! И еще имеет наглость вмешиваться во внутренние дела Сангхи, в которых ничего не смыслит! И, главное, совершенно смехотворная мотивация: дескать, пересмотр политики Сангхи необходим, чтобы воспрепятствовать распространению в Хеймингии варварского христианства, принесенного иммигрантами с континента, а это нужно, чтобы в Хейм не проникала чуждая идеология, выработанная невесть где сидящими христианскими епископами, и не разрушала бы мировоззренческое единство хеймингского народа! Можно подумать, что во всем виновата чья-то идеология, а не банальная

неспособность Брута справиться с собственным Сенатом! Нет, такая дерзость с рук ему так просто не сойдет, Брут за такое непочтение заплатит сполна. Вот только как бы ему отомстить, а заодно и поставить зарвавшуюся светскую власть на место? Подстрекать к бунту явно бесполезно – в Хеймингии такие номера до сих пор безнаказанно не проходили. Тогда что? Просто объяснять людям, к чему ведет идеологическая политика Брута? Тоже бесполезно – не поймут. Где же выход? Мысль монаха бешено работала, но выхода не находила.

Лишь когда автомобиль остановился у ворот главного храма Хеймсстадира – внушительного мрачноватого сооружения, с гранитной облицовкой стен и высокими узкими, словно бойницы, окнами – только тогда монаху пришла вдруг на ум мысль, от которой он хлопнул себя по лбу и воскликнул, возгласом заставив своего водителя вздрогнуть:

– Ну конечно!

Идея была гениально проста и заключалась в следующем: не надо ни о чем беспокоиться, надо просто сидеть спокойно и внимательно следить за Брутом, а как только он совершит первый промах, нанести по нему удар. И идеологическая власть Сангхи над Хеймом будет спасена! «Точнее, конечно, будет спасена чистота веры», – мысленно поправил себя монах. Обрадованный, он, путаясь в шафранных одеяниях, выскочил из машины и засеменил в храм.

* * *

За окнами вновь скучно хлестал дождь. Он шел уже четвертый день, не прерываясь, то накрапывая легкой моросью, то вдруг обрушиваясь холодным ливнем. Ветер срывал мертвые желтые, красные листья с деревьев в парке Торварда, опавшая листва устилала его дорожки, и, когда по ним случалось кому-то пройти, был слышен не хруст гранитной крошки, а мягкий шелест листьев. Но вот уже четыре дня, как этот звук перекрывается другим – шорохом дождевых струй по осенней земле. Печальные тучи серы – не свинцовы, не оловянны, а просто равнодушно, безразлично и сонно серы; это даже тучами не назовешь – пелена, одна сплошная пелена от горизонта до горизонта, на которой глазу не за что зацепиться. Дождь, сеющийся из нее, застилает даль, и даже горизонта из-за него по-настоящему не видно – линия его размыта этим дождем. Пешеходы на улицах Хеймсстадира хмуры, хмурятся мокрые дома, черными глазами окон печально смотрящие на уличную суету, и даже шелест шин по мокрому асфальту навевает тоску. Октябрь!

С того памятного разговора с Бодхиратной прошел год. Брут сидел в кресле, крутил в пальцах ручку и вспоминал события прошедшего года. Их было немного.

Сначала они с Бодхиратной просто подстерегали друг друга, цеплялись к каждому неточно сказанному слову и пытались раздуть из этого скандал. Борьба шла с переменным успехом, пока, наконец, первый крупный промах не совершил глава Сангхи. Раздраженный очередным выпадом Брута, он неделю назад изгнал его из общины верующих и запретил появляться на территориях всех храмов Ингрии. Этого-то Верховный Министр и ждал. В ответ он сместил Бодхиратну с поста главы буддийской общины Хейма и написал в «Хеймсстадирский экспресс» статью с разгромной критикой всех его убеждений. Теперь Брут ждал результатов, и настроение у него при этом было преотвратительное.

Хуже всего было то, что ригоризм Бодхиратны имел поддержку у значительной части населения Архипелага, и, хотя монах своей наглостью по отношению к самому Верховному Министру Хеймингии возмутил многих, его смещение могло все же вызвать недовольство. Народа Брут нисколько не боялся, ибо был убежден, что действует совершенно правильно, но его страшило другое. Всякий раз, когда он раздумывал о своих отношениях с Сангхой, ему вспоминались пессимистические высказывания Хеддера о грядущем конце Хейма. Хеддер ни разу не сказал, что конец уже близится, и Брут разумом сознавал это, но ему все чудилось, что его предшественник просто держал эти слова при себе.

Мрачные размышления Верховного Министра были прерваны писком зуммера – звонил внутренний телефон. Брут снял трубку. Из динамика послышался голос секретаря:

– Харальд Викторович, звонит прокуратор Тихвина. Говорит, дело срочное.

– У меня все дела срочные, – мрачно буркнул Брут. – Впрочем, ладно, соединяйте.

– Соединяю.

В трубке запищало, а через пару секунд донесся взволнованный голос тихвинского прокуратора:

– Харальд Викторович, у меня беда!

Брут мысленно послал ему сто миллионов сине-зеленых чертей. «Кретины! У Хеддера своей головой думали, а теперь я за них должен думать, что ли?»

– Ну! Что там у вас?

– Народ недоволен закупочными ценами на бокситы. Вы же знаете, мы только алюминиевой рудой и существуем, а с некоторых пор

хеймингские торговцы стали снижать закупочные цены, и, если так будет продолжаться, мы окажемся на грани голода!

– Не паникуйте, сударь, – холодно бросил Брут. – Голод будет потом. Сейчас у нас что?

– Демонстрации, – вздохнули печально и расстроенно на том конце провода. – Люди требуют повышения цен на бокситы или снижения цен на товары первой необходимости. Вы же, наверное, знаете статистику уровня жизни в Тихвине?

– Предположим. И что?

– Он падает!

– А что, по-вашему, он должен делать?

На несколько мгновений динамик смолк, затем трубка полузадушенно выдавила из себя:

– То есть?..

– То есть, я хочу сказать, что ни на что другое рассчитывать не приходится, – сердито объяснил Брут. – У нас у самих тут чуть не революционная ситуация. И вообще, при Хеддере во всех подобных ситуациях вы умели находить выход самостоятельно. Напрягите-ка собственные мозги, а мои и от хеймсстадирских дел скоро расплавятся.

– Неужели вы ничем не поможете? – в ужасе взмолился прокуратор.

– Ну почему же? Помогу. Только на большую помощь не рассчитывайте. В конечном итоге, из вашего кризиса выбираться вам придется главным образом своими силами.

– Жаль. А я надеялся…

– Кстати, – перебил его Брут, – раз уж речь зашла о демонстрациях. Народ не выдвигает религиозных требований?

– Н-ну, как сказать… Официально – нет. Официальные требования пока ни политику, ни религию не затрагивают.

– А неофициальные?

– С этим хуже. Многие очень недовольны вашим указом об отстранении Бодхиратны с должности. Большинство, правда, поддерживает вас, но это большинство отнюдь не подавляющее.

– Хм! Естественно! У нас, похоже, примерно то же самое. М-да… Больше никаких сообщений нет?

– Нет.

– Тогда до свидания.

Повесив трубку, Брут вернулся к размышлениям, которые от сообщения из Тихвина стали еще более мрачными. Вот он, первый симптом умирания державы. Хеймингия начинает агонизировать. Неужели Хеддер, как всегда, был прав?!

А от хеймсстадирских дел мозги действительно могли расплавиться. Надо было, во-первых, как-то улаживать конфликт с Сангхой: проведенные вскоре после смещения Бодхиратны опросы на Архипелаге ясно показывали, что значительная часть хеймингов очень недовольна столь крутыми мерами, и, вероятно, лишь самому Будде известно, во что это может вылиться. Во-вторых, все хуже становилось положение в торговле. Это уже более полугода было главной головной болью для Брута. Торговцам все труднее и труднее сбывать товары, и они не раз жаловались на это правительству, прося о помощи. Огромная территория, контролируемая Хеймсстадиром, в эпоху Хеддера интенсивно насыщалась товарами, темпы роста производства выражались в цифрах, приводивших в трепет даже бывалых экономистов, потребность в товарах была огромна, и в результате заводы самого разнообразного профиля росли как на дрожжах не только на Архипелаге, но и по всей Ингерманландии и в хеймингских колониях от Салехарда до Комоэ. Все это приносило Хеймингии фантастические доходы, однако шли они главным образом на культурное и промышленное освоение подвластных хеймингам земель, прежде всего Ингрии.

Но теперь рынок насытился, кажется, полностью. А как осваивать новые? Затянувшийся конфликт светской и духовной властей отнюдь не способствовал этому. Тем более не способствовали этому и конфликты между партиями в Сенате. Торговцы, чувствуя, что равновесие в государстве становится все менее устойчивым, не рисковали бросаться в прибыльные авантюры за пределами уже освоенных территорий; хуже того, даже количество людей, занятых в торговле, стало сокращаться, о чем недвусмысленно свидетельствовали все статистические сводки. Богатые торговцы, скопив хорошие деньги, предпочитали отходить от дел и селиться где-нибудь – желательно подальше от Архипелага, – а те, кто продолжал торговать, вынуждены были снижать цены. В результате быстро ползла вверх цена на золото, зато падала заработная плата, а значит, и уровень жизни. На Архипелаге это – благодаря разного рода дотациям и субсидиям – было еще не так заметно, но в колониях, с населением которых хейминги никогда особо не церемонились, это прямо-таки бросалось в глаза.

И тут вдруг Брут, вскрикнув, вскочил с кресла. «Я понял!» Теперь ему было ясно, откуда в людях эти религиозные страсти. Люди боятся действительности, выжить в которой становится все труднее, и ищут спасения в вере. Значит, вот он, корень зла – тотальный кризис, о котором Брут слышал еще в студенческие годы из лекций по экономике и социологии. Поразительно: религиозный кризис возник из экономического и на него же наложился, и в итоге получился поистине трудный для распутывания клубок!

Однако, когда эйфория понимания прошла, меланхолия вернулась к Бруту. Ну хорошо, это все из-за экономики, но дальше-то что? Делать-то что? Брут устало опустился в кресло и нажал кнопку переговорного устройства.

– Да, Харальд Викторович! – раздался в динамике голос секретаря.

– Знаете что, соберите-ка мне завтра к полудню всех министров на совет. Экстренное совещание по вопросу о том, как нам спасти Хеймингию.

– Будет сделано.

Брут встал, отошел от стола и, скрестив руки на груди, уперся лбом в стекло. Оно приятно холодило кожу, успокаивая разгоряченный мозг. В этот момент Брут вдруг подумал: «А ведь хорошо Хеддеру в его лесах! Эх, сейчас бы и мне в лес! Побродить по опавшим листьям, послушать шорох дождя, посидеть с удочкой на берегу Охты…» В памяти стали возникать картины далекой полузабытой юности.

Харальд Брут был чистокровным хеймингом из штадта Оккервиль. Семья его была обеспеченной и могла бы прекрасно жить в столице штадта, но родителям Брута претила шумная столичная жизнь, и они предпочли поселиться не в богатом и многолюдном Оккервиле, а в поместье на Охте. Воспоминания об их усадьбе у Брута были теперь очень смутные, над ними изрядно поработали время и беспокойная, бурная жизнь, но он все же помнил уютный одноэтажный домик из красного кирпича под железной крышей, стоявший на невысоком плосковерхом пригорке над Охтой, на ее правом берегу. Вокруг дома буйствовала зелень – по склонам пригорка до самого его подножия сбегал густой и неухоженный яблоневый сад, а за его ветхой каменной оградой начинались огромные Муринские луга. Бруту они тогда казались бескрайними. На левом же берегу от самой воды начинался такой же бескрайний сосновый лес, и маленький Харальд с соседскими мальчишками часто, вопреки категорическим материнским запретам, убегал туда играть в «поход Станислава Златобородого против карел». В те времена, вероятно, всем хеймингским мальчишкам снился этот подвиг потомка Аврелия Северина, оккервильского генерала Станислава Северина, по прозвищу Златобородый, который после очередного налета соседних племен на северные границы Оккервиля прошел с войском от холмов Аро до североладожских фьордов и увеличил территорию своего штадта в семнадцать раз; правда, вскоре после его смерти все приобретения были потеряны.

Лес был, пожалуй, самым ярким воспоминанием детства. Брут помнил тонкий, едва уловимый запах влажной коры после дождя, помнил шелест дождевых струй по листьям и по покрытой мхами земле. А как прекрасны были тогда Муринские луга! Целое море дурманно-ароматного разнотравья, простирающееся от темной сонной Охты далеко на запад, и над

этим морем носится ветер, напоенный запахом клевера и зверобоя. И солнце, яркое солнце в высоком бледном небе, сверкающее победоносно, как золото на знамени хеймингов; все вокруг залито его триумфальным светом – таинственный темный сосновый бор прикрывается от него пологом крон, и свет там становится таким же таинственным и всепронизывающим, как мерцание золотого изваяния духа пророка Фомы в храме Девы Илматар. На лугах же, целиком открытых солнцу, свет его торжествует в своем всесилии. В солнечных лучах купаются белые громады неподвижных облаков. Они грузно лежат на струях теплого воздуха и снизу отливают густой синевой. В полях летом стрекочут без умолку кузнечики, а иногда слышится густой сердитый басок шмеля.

Но как давно все это было! Еще задолго до Томаса Холмского и до объединения хеймингов. Когда Брут подрос, его отправили доучиваться в школу в Оккервиль, потом он поступил в Высшую социологическую школу и стал забывать о родине, о лесах, о Муринских полях. Получив диплом социолога, он отправился путешествовать и побывал едва ли не во всех уголках Ингерманландии. Но самым бурным и интересным временем в его жизни стал «золотой век» Хеймингии – эпоха правления Холмского. Брут участвовал в знаменитой битве в бухте Защитной, где получил ранение и за храбрость удостоился Рубиновой Звезды; с флотом Марка Северина, сына Златобородого, он плыл через всю Балтику к берегам Ютландии и далее, к холодным скалам Оркнейских островов, и даже удостоился чести говорить с самим оркнейским ярлом. Да и в самом Хеймсстадире жить тогда было куда интереснее: Брут с жадностью прочитывал отчеты экспедиции Ярослава Володарского; в воображении своем пробивался вместе с бароном Родшером сквозь чащи и болота Заонежья на пути от Онежского озера к Белому морю; бок о бок с Торгилем Лосевичем отвоевывал янтарные прииски у литовцев; с «сумасшедшим водином» Лео Илмолайном боролся со смертью во льдах Дальней Арктики; отбивался от наседавших тавастов в крепости Каяани – короче, даже чтение отчетов и статей в удобном кресле у камина было не менее интересным, чем непосредственное участие во всех событиях. Совсем не то, что сейчас. Сейчас нет уже ни Севериных, ни Володарских, ни Родшеров, да и Холмские с Хеддерами тоже как-то повывелись. Остались Бодхиратны да всякие тихвинские прокураторы.

Брут грустно вздохнул. Нет, то время уже не вернуть, как ни старайся.

У кризиса, в котором оказался Хейм в первые годы правления Харальда Брута, было несколько причин. Во-первых, это тотальная бюрократизация. Хейминги за время правления Хеддера все больше превращались из смелых торговцев и открывателей новых земель в

деловитых и скучных чиновников, просторам морей явно предпочитающих уютные кабинеты. Второй причиной была концентрация управленческих ресурсов и средств на Архипелаге, в результате чего Хеймингия к началу периода правления Брута оказалась крайне уязвимой: она сама не производила уже практически ничего, кроме указов, законов и инструкций, продовольствие и энергию ей поставляли извне, и любые нарушения графика поставок легко могли спровоцировать народ на мятеж. Третьей причиной был рост числа иммигрантов в Хеймингии; жители колоний – в основном ингрийских – ехали в Хеймсстадир, Эберсгард и Форт-Гогланд за лучшей жизнью, но за относительное материальное благополучие расплачивались униженным социальным положением – положением представителей самого низкого и презираемого класса. Четвертой причиной было явно недостаточное присутствие хеймингов в колониях: они и там были только чиновниками и не пытались осваивать покоренные земли сами, предпочитая, чтобы это делало местное население (так, например, к началу правления Брута в Форт-Харпере из семи тысяч жителей хеймингов было чуть больше сорока человек). Хеймингская администрация держала власть в колониях при помощи оружия, золота и хитрости, умело играя на конфликтах и противоречиях между местными царьками и народцами. Но это, разумеется, до бесконечности продолжаться не могло. И пятой – может быть, самой важной – причиной был идеологический кризис, выразившийся в религиозных конфликтах, но предметом своим имевший вовсе не религию, а различие взглядов разных страт хеймингского общества на дальнейшее развитие Хейма.

(История Великого Хейма: Учебник / Под ред. акад. М. Сильвия Сцевина и проф. Э. А. Саарлахти. Издательство Университета Сегоярви, LXI, с. 339).

На другой день, около полудня, Брут спешил на заседание совета министров. Он остановил машину у ворот замка, по лестнице взбежал к главному входу и толкнул дверь, в который уже раз проклиная ее массивность, поднялся по мрачной широкой лестнице к главному коридору. Брута этот коридор, полутемный, несмотря на высокие стрельчатые окна, торжественный и высокий, подавлял с самого начала, поэтому, став министром по делам религий, он взял себе кабинет в новой части замка, где не было этих мрачных высоких сводов, гулко отражавших любой шорох и серым базальтом камня глушивших свет. Однако, став Верховным

Министром, он вынужден был ежедневно ходить по этому длинному, холодному гулкому коридору.

Войдя в Главный зал, Брут огляделся. Министры уже ждали его, сидя вдоль длинного дубового стола в резных креслах. В камине потрескивал огонь. Было слышно, как в дымоходе завывает осенний ветер и дождь барабанит по стеклам стрельчатых окон.

Верховный Министр прошел к своему месту во главе стола, заговорил, и его голос сиротливо заметался в потолочных балках зала, с которых свисали штандарты штадтов Хейма.

– Я собрал вас, господа, для того, чтобы сообщить вам известие, которое вряд ли можно назвать приятным, – сказал он. – В провинции Тихвин начались демонстрации, лично мне сильно напоминающие голодные бунты.

– Знаем, – проворчал кто-то, – в утренних газетах читали.

– Ах, значит, и в прессу уже просочились новости? Ну что ж, тем лучше. Это избавляет меня от необходимости описывать подробности. Так вот, господа, меня интересует, собственно, один-единственный вопрос: что делать будем?

– Уж во всяком случае, – проворчал тот же голос, принадлежавший Витольду Орлевичу, недавно назначенному министром экономики, – не удовлетворять их требования.

– Почему же?

– У нас денег не хватит. Вы же все отлично понимаете, что деньги в казне есть лишь до тех пор, пока исправно крутятся все колесики экономического механизма. А из пальца финансы не высосешь.

– Это верно, – вздохнул Брут. – Кстати, как вы считаете, не может ли и Архипелаг в ближайшем будущем докатиться до этого?

– Может, – уверенно отрезал Орлевич. – У нас, правда, есть большие резервы, но они, к сожалению, уже начинают тратиться на удержание заработной платы на прежнем уровне. Думаю, что, когда они будут израсходованы, социальная ситуация в Хеймингии по вполне понятным причинам осложнится гораздо больше, чем в Ингрии.

– Это почему? – спросил кто-то.

– Ну, это же очевидно – резкое, значительно более резкое, чем в Ингрии, уменьшение доходов и, возможно, скачок цен. Ситуация и без того препаршивая, а что будет с Хеймингией тогда – подумать страшно. Все, что угодно, вплоть до гражданской войны.

– Выход? – коротко спросил Брут.

Министр помолчал, словно раздумывая, говорить или нет, и наконец решительно сказал:

– Лично я, откровенно говоря, его не вижу. Пока не вижу! Надо искать. Надо думать. Выход должен быть.

На несколько секунд воцарилось молчание. Его прервал Верховный Министр:

– У кого-нибудь есть идеи?

Ответом было все то же хмурое молчание.

– Хорошо, – спокойно молвил Брут, – раз ни у кого нет идей, стоящих того, чтобы их высказали, тогда выскажусь я. Мне кажется, что единственным спасением для нас может быть срочный – чтобы не сказать «авральный» – поиск новых территорий. Нужны новые колонии, новые земли и, конечно, надо хорошенько прижать те, что уже имеются. Такой приток денег, как вы понимаете, резко оживит Хеймингию. Верно, господин Орлевич? – обратился он к министру экономики.

– Разумеется! Это же очевидно любому школьнику! – откликнулся тот.

– Вы успели за эти сутки рассчитать затраты на завоевание новых земель?

– Успел, хотя оценки, конечно, очень приблизительные и грубые. Если бы вы попросили об этом не вчера, а хотя бы дня четыре назад, они были бы значительно более точны.

– Все равно, неважно. Итак, что же у вас получилось?

Орлевич слегка нахмурил брови, вспоминая, и через мгновение назвал довольно внушительную цифру.

– И где же мы возьмем эти деньги?! – раздалось сразу несколько голосов.

Брут вздохнул, задумчиво провел рукой по гладко выбритому подбородку и наконец с трагической ноткой в голосе сказал:

– Лично мне известен только один источник. Дело в том, что эта сумма примерно равна сумме дотаций нашим наиболее слабым колониям, и прежде всего Ингрии.

– Вы хотите сказать, что собираетесь отнять деньги у тех колоний, из которых поступает на Архипелаг хлеб?! – в ужасе воскликнул Орлевич.

– Совершенно верно, – невозмутимо ответствовал Брут. – Ирония ситуации в том, что наша экономика в последнее время стала сильно напоминать короткое одеяло: натянешь его на одну сферу – тут же оголятся все другие.

– М-да, – пробормотал Орлевич. – Положеньице… интересное.

– Неужели нет никакого другого выхода, кроме этого? – воскликнул Владимир Гомонтов, министр внутренних дел.

– Пока я его не вижу, – молвил Брут. – Хотя, если мы все сядем и хорошо подумаем, может быть, кому-нибудь и придет на ум что-то интересное.

– Есть у меня одна идея, – произнес вдруг Гомонтов. – Правда, не стоит выносить ее на обсуждение. Слишком бредово.

– Ну и что с того? Говорите. Среди бредовых идей нередко попадаются гениальные. Мы вас слушаем, Владимир Эдмундович.

Министр встал, откашлялся, сложил руки на животе и начал:

– Вкратце моя идея заключается в следующем. Тех хеймингов, кого мы не можем обеспечить деньгами, проще, вероятно, отправить на континент и наделить их землей. Так они и сами себя будут обеспечивать, и нас, думаю, тоже.

– Хм! – Брут, слабо улыбнувшись, потер переносицу. – Вообще сама по себе идея неплоха. Если взять ее на вооружение, мы избавимся от безработицы и, возможно, получим новые колонии. Но, боюсь, в данной ситуации она вряд ли сможет сколько-нибудь существенно помочь нам. Во-первых, это шаг назад. Не согласятся хейминги, привыкшие уже к комфорту своей страны, жить натуральным хозяйством, как какие-нибудь словене. Во-вторых, государству это придаст свойство, которое я охарактеризовал бы как замкнутость. Мы будем торговать с самими же собой, от мысли об освоении новых колоний придется отказаться за неимением лишних финансовых резервов, а в результате Хеймингия рискует потерять тот статус сверхдержавы, который она приобрела при Холмском и Хеддере. Так что этот план, вероятно, лишь отсрочит катастрофу.

Снова воцарилось унылое молчание, нарушаемое потрескиванием огня в камине и однообразным стуком дождевых капель по оконным стеклам. Тишину прервал Орлевич.

– М-да, – пробормотал он. – Видимо, от дотаций колониям придется все-таки отказаться.

– Видимо, придется, – подтвердил Брут.

– Вообще-то, – заметил вдруг Гомонтов, – вы можете значительно облегчить торговцам задачу поиска новых территорий, если стабилизируете религиозную ситуацию в Хеймингии. Конфликт тлеет уже год, и боюсь, что, если пустить дело на самотек, все кончится грандиозным взрывом.

– Верно, верно, – покачал головой Брут. – Но мириться с Бодхиратной небезопасно. К сожалению, в Хеймингии далеко не все разделяют его воззрения.

Снова повисла тишина.

– Ну, так что, – воскликнул Брут, – никто ничего больше не может предложить?

Все хранили молчание.

– Отлично! Тогда будем считать наше заседание закрытым.

Из зала Брут вышел первым. Торопливо шагая по гранитному полу коридора, он вполголоса бранился. «За каким лешим сдалось мне это бессмысленное заседание? Все равно ничего не решили». В душе медленно поднималось глухое раздражение. С Бодхиратной, видимо, все-таки придется пойти на мировую, иначе гражданской войны не избежать. Напряжение в обществе и так уже достигло такого предела, что, кажется, от него сам воздух звенит и готов воспламениться. Но как же больно это ударит по престижу Брута! Сам Верховный Министр вынужден уступить перед религиозным фанатиком, упрямым экклесиархом Бодхиратной. Позор! Нет, на следующих выборах в любом случае поста главы государства ему не видать, как своих собственных ушей, это факт.

Дойдя до двери своего кабинета, Брут рассвирепел окончательно. Он раздраженно рванул ручку тяжелой двери, влетел в кабинет, с грохотом захлопнул дверь за собой и в досаде и волнении зашагал из угла в угол по мягкому дорогому ковру, глушившему его шаги. Потом достал из ящика стола кассету и вставил ее в магнитофон. Полилась негромкая музыка.

Этого композитора Брут никогда особенно не любил, находя его музыку несколько тяжеловатой для восприятия, но сейчас он, стоя у окна и сумрачным взором глядя на поливаемый дождем Парк Торварда, поразился, насколько эта мелодия соответствовала и его настроению, и общему положению в мире. Мелодия была медленная и тревожная. Ритм задавался не барабанами, как это было принято в хеймингской музыке, а колоколом. Его звук был печален и тревожен, он словно заранее оплакивал что-то, словно предвидел чью-то гибель. Его голос перекрывался мучительно скорбными голосами сарвасвары и струнных инструментов, которые, начиная свою партию тихо, звучали все громче и громче, звук нарастал, рыдал, кричал, взывая к равнодушным холодным небесам, с безразличием каменного идола взиравшим на мир, неостановимо катящийся к гибели, он гремел – и вдруг совершенно неожиданно обрывался и смолкал, и тогда снова становился слышен печальный и безнадежный голос колокола, оплакивающий гибель, которой нельзя было избежать. Воистину апокалиптическая музыка.

Из глаз Брута вдруг сами собой полились слезы. Захотелось обнять весь этот печальный дождливый мир и удержать его в своих объятиях от катастрофы. Брут прислонился лбом к стеклу и судорожно вздохнул, потом повернулся к стоявшей на полочке в углу статуэтке Будды, перед которой курились благовония, и с безнадежным укором долго смотрел на нее. Он хотел сказать ей: «Почему, ну почему всякий расцвет несет в себе семена гибели? Почему так происходит, что то, что живет самой полной и сильной, самой светлой жизнью, так стремится к собственной смерти?» Но он не

сказал ни слова. Изящная, тонкой работы бронзовая статуэтка спокойно и равнодушно улыбалась в пространство, и Брут вдруг испытал прилив ужаса, такого всепоглощающего и холодного ужаса, что слезы мгновенно высохли на его глазах: неужели Будда, которому человечество с такой надеждой и так искренне молится, чьим заветам оно внимает с таким благоговением – неужели весь этот Будда представляет собой всего лишь вот такую бронзовую статуэтку, которая с одинаковым безразличием будет улыбаться каждому, кто бы и с какой бы бедой или радостью к ней ни пришел, и будет улыбаться даже в пустое пространство?

Эта мысль ошеломила его. Брут устало сел, даже упал, в кресло и провел похолодевшими пальцами по лбу. Нет, это чушь! С такими мыслями – прямой путь в сумасшедший дом, и от них надо избавляться. Мучительным усилием воли он подавил в себе ужас; буря в душе мало-помалу улеглась. Теперь надо было заняться более серьезными делами. Брут нажал кнопку переговорного устройства.

– Да, Харальд Викторович? – донесся из динамика голос секретаря.

Только сейчас Верховный Министр понял, каких усилий будут стоить ему те несколько слов, которые он должен был сказать. Язык просто не поворачивался произнести такое. С трудом справившись с собой, он все же выдавил сквозь зубы:

– Вызовите ко мне Бодхиратну.

И тут же отдернул палец от кнопки с таким видом, будто прикасался только что не к простому пластмассовому аппарату, а к мерзкому пауку или гусенице.

Итак, первая половина дела сделана. Бодхиратна, вероятно, не заставит себя долго ждать. Но предстоит главное – пойти с ним на мировую. Все в душе Брута кричало, протестуя против этого унижения, кровь прилила к лицу, а кулаки непроизвольно судорожно сжимались. Пережить такое унижение! Признать фанатичного и упрямого монаха победителем! Ни разу в истории Хейма – ни до Холмского, ни после – его правителям не случалось еще подвергаться такому страшному унижению. Это было бы еще не так ужасно, если бы можно было быть уверенным, что это спасет Хейм, но у Брута не было уверенности и в этом.

Наконец внизу, за окном, прошелестели по гравию шины, а через несколько минут секретарь доложил о прибытии бывшего главы Сангхи.

– Проси! – нервно отрезал Брут.

Секретарь исчез, и в кабинет, шурша складками шафранного монашеского одеяния, вошел Бодхиратна. На его властном и умном, загорелом лице были написаны недоумение и недоверие. Он явно не знал, для чего он Бруту понадобился, и ожидал подвоха.

– Присаживайтесь, – Верховный Министр указал Бодхиратне на кресло, изобразив на лице некое подобие улыбки.

Тот осторожно сел, не спуская пристального взгляда с хмурого лица Брута. Воцарилось тяжелое молчание, которое решился наконец прервать монах.

– Я слушаю вас, Харальд Викторович. Вы, вероятно, позвали меня для того, чтобы в очередной раз попытаться переубедить меня? Если так, то учтите, что ваше время и силы будут потрачены впустую.

– Я вызвал вас не для этого, – мрачно отрезал Брут. – Я решил прекратить этот гнусный конфликт иным способом.

– А именно?

– Я возвращаю вас на пост главы Сангхи.

Брут ожидал от Бодхиратны какой угодно реакции: досады, радости чистой или злорадной, торжества, возмущения, но только не такой. Собственно, вся реакция монаха заключалась в полном отсутствии какой бы то ни было вообще реакции.

– Весьма благодарен вам за такую любезность, – спокойно молвил Бодхиратна тоном вежливым, но совершенно бесцветным.

Брут зло рассмеялся.

– Благодарны?! Ха! Черта с два! Да, сегодня я подпишу соответствующий указ, так что можете от радости хоть до потолка скакать! А вы только благодарны?!

Брут фыркнул и отвернулся к окну, подавляя туманящий разум всплеск эмоций. Справившись с собой, он снова посмотрел на Бодхиратну. Тот в прежней позе сидел в кресле, но во взгляде его сквозило предельное напряжение. В выражении его лица легко прочитывалась одна-единственная мысль: «Какой подвох он мне готовит?». Брут с трудом сдержался, чтобы не вскочить и не ударить монаха. Он только прошипел:

– Но помните, сударь: это мера временная. Как только Хеймингия справится с постигшими ее трудностями, я с вами расправлюсь, и на этот раз я не только лишу вас сана, но и сошлю в такую глушь, о которой ни один географ даже не слышал… если мне вообще будет угодно сохранить вам жизнь!

– Но вы… – заговорил было монах.

– Вон!!! – заорал вдруг Брут, вскочив с кресла и указывая на дверь. – Вон!!!

Бодхиратна испуганно подпрыгнул с кресла и выскочил из кабинета.

Брут же, поставив на место опрокинутое в припадке бешенства кресло, зашагал из угла в угол по кабинету. Вокруг себя он чувствовал нестерпимую тесноту; у него было такое ощущение, что он запутался в какой-то чудовищной паутине и что каждое движение запутывает его все

больше и больше. Ему сильно захотелось все бросить, на все плюнуть, послать все на свете в Хель и уехать в Ингрию, как сделал это Хеддер, но он ясно осознавал, что как раз именно этого он делать не вправе. Он – не Хеддер.

Подойдя к столу, Брут ткнул длинным костлявым пальцем в кнопку переговорного устройства и, не дожидаясь ответа секретаря, раздраженно бросил:

– Подготовьте мне текст указа о возвращении Бодхиратны на его пост.

Ну вот, к вечеру текст будет готов. Ужасно. Неужели он, Харальд Брут, третий Верховный Министр Хеймингии, сдался перед упрямством какого-то монаха?!

Собственно, необходимость такого шага стала очевидной давно – уж очень сильно этот конфликт дестабилизировал ситуацию и на Архипелаге, и в Ингерманландии, но гордость Брута – гордость правителя половины мира – не позволяла ему его сделать. Лишь под натиском внешних обстоятельств он вынужден был сделать это, но самолюбие его ни на что еще за всю его жизнь не реагировало так болезненно. Отвратительное настроение еще усугублялось не менее отвратительной погодой. Шел дождь, шел уже который день. Иссиня-серые тучи едва не задевали за верхушки башен Камня Торварда, вызывая в душе гнетущее чувство тесноты и подавленности и почти не пропуская света, так что иногда даже в полдень приходилось зажигать лампы. Сильный и резкий северный ветер бросал редким прохожим на серых мокрых улицах брызги холодного бесцветного дождя в лицо, гудел в электрических проводах, паутиной из стали и меди опутывавших великий город. От этого особенно тоскливо бывало по ночам, когда Брут, лежа в постели в своей хеймсстадирской квартире, слушал стоны ветра в ветвях старых высоких берез. Дождь бесцветными струйками царапался, словно приблудный кот, по подоконнику, и от этого Бруту даже под теплым ватным одеялом становилось неуютно и холодно.

К вечеру секретарь наконец состряпал необходимый указ и принес его Бруту на подпись. Тот подписал его, даже не читая, и затем сразу засобирался домой, чувствуя, что на серьезные государственные дела нервов у него уже не хватит.

XXXIX. КРИШНАИТЫ

Когда нарушается координация частей организма, когда в организме наступает информационный хаос, тогда микроорганизмы, до того мирно жившие внутри организма хозяина и не причинявшие ему беспокойства, становятся ему врагами и начинают уничтожать и разрушать его. Даже то, что раньше помогало ему выжить, в ситуации хаоса становится смертельным.

Владислав Торгельссон. «Лекции по общей медицине в Хеймсстадирском университете»

Через день было плановое заседание совета министров. Открыл его, как обычно, Брут, хотя ни малейшего желания присутствовать на совете у него не было.

– Ну, господа, – сказал он, – ни у кого еще не возникло новой идеи по поводу выхода из кризиса?

– Похоже, нет, – вздохнул Орлевич. – Вы, кажется, предложили единственный возможный путь.

– Ну что ж, отлично. Значит, придется все-таки нашим колониям посидеть на голодном пайке.

– Вообще-то, – заметил вдруг Орлевич, – каких-то специальных мер для того, чтобы оживить торговлю, как мне кажется, нет необходимости принимать.

– То есть?!

– Я хочу сказать, что, если мы просто перестанем, скажем, собирать налоги с тех торговцев, кто ищет новые рынки для своих товаров, то одно это уже сможет изрядно подстегнуть их.

– Но ведь налоги с торговли – основа всей казны! – возразил министр финансов. – Я думаю, что не найдется, наверное, ни одного торговца, который предпочтет скорее платить налоги, чем рисковать своим товаром, да и собой, в пустых землях! А если они все, невзирая на риск, ринутся осваивать пустые земли, от бюджета останутся одни дыры!

– Это маловероятно. Но зато подумайте о том, какой резкий прорыв совершит Хеймингия в этом случае!

– Все верно, но у меня вызывает опасения вот что: я боюсь, что, пока мы успеем по-настоящему расшевелить население пустых земель, Хейм просто рухнет. Вы не находите, что это весьма серьезная опасность?

– Да, – помолчав, произнес наконец Орлевич, – вероятность такого развития событий достаточно велика. Мы действительно рискуем истратить все резервы на дотации до того, как торговля без налогов в пустых землях начнет приносить результаты. Но что мы еще можем сделать?

Глядя на эту дискуссию, Брут вдруг подумал: «О Небо, как они боятся риска! Как смел и решителен был народ раньше, и какой контраст – сегодняшнее положение! Гарантий хотят… Лучше прозябать, но гарантированно иметь охапку сена для постели и кусок кислого хлеба, чем рискнуть – и спать на пуховых перинах и пить вино из серебряных кубков. Что за народ?!»

Он грохнул ладонью по столу.

– Ладно! Хватит дискутировать. Пока сделаем так, как говорит господин Орлевич – налоги с самых смелых торговцев брать не будем. А дальше видно будет. Посмотрим, как любил повторять один слепой.

Домой он возвращался смертельно уставший и в мерзейшем настроении. Да-а, трусоват народ стал, трусоват. И скуповат. Хотят получить все, не шевельнув пальцем и не затратив ни талера. А как только возникает необходимость шевелиться и залезать в собственную тугую мошну, начинаются стоны. А тут еще Сенат, провалиться ему в преисподнюю… Ни о чем не могут договориться. Едва ли не все инициативы Верховного Министра, переданные на рассмотрение сенаторов, тут же оказываются погребенными в недрах этой административной бездны. Нужные, отчаянно необходимые законы месяцами ждут оценки в Сенате. Скрытый и упорный саботаж.

Под шинами шелестел мокрый асфальт (еще этот асфальт! Каким чудом сенаторы не воспрепятствовали его внедрению?). По лобовому стеклу метались из стороны в сторону «дворники», сметая с него струи проливного октябрьского дождя. Бруту Хеймсстадир никогда еще не казался таким скучным и серым. Под колесами – черная от дождя улица с белыми линиями разметки. Над головой – серое дождливое небо. Вокруг – серые стены домов. Вообще-то эти стены серыми вовсе не были, они были богато украшены мозаикой и росписью, но сегодня, казалось, даже сквозь цветную плитку просвечивает серый бетон. Вокруг домов – такие же серые газоны с жухлой серо-желтой травой. Лишь габаритные огни машин мелькают красным сквозь эту туманную бесцветную хмарь.

Выезжая на Морскую набережную, Брут увидел на широком тротуаре странную процессию. По улице, растянувшись вдоль метров на сто, нестройной толпой шли люди в странных одеждах: сверху на них было нечто вроде легких пиджаков, а вместо брюк с пояса до щиколоток складками спускались странные цветные тонкие покрывала, отдаленно напоминавшие женские юбки. Головы у всех были бриты наголо, ноги босы, а от верхнего края лба к переносице вертикально спускался начертанный белой краской непонятный длинный знак. Несмотря на наряд, подходивший скорее для пляжей Оллилы в июле, чем для Морской набережной Хеймсстадира в октябре, промозглым осенним холодом они, видимо,

нимало не смущались. Пританцовывая и бренча на каких-то инструментах вроде миниатюрных медных тарелок, они с нестройной песней двигались по улице, заставляя прохожих поспешно уступать им дорогу и, стоя на обочинах тротуара, удивленно глазеть на экзотическое зрелище. Многие из участников шествия вместо музыкальных инструментов несли в руках необычные изображения, которые отдаленно напоминали буддийские иконы, но вместо бодхисаттв и святых они несли на себе образ миловидного черноволосого юноши с телом сине-багровым, словно грозовая туча, и розовыми ступнями и ладонями. «Кришнаиты», – подумал Брут равнодушно и надавил на акселератор.

Кришнаиты появились в Хейме недавно, всего года три назад, но развили поразительно бурную деятельность. Основным их оплотом стала нищая и хронически полуголодная Страна водинов, и оттуда они стали ретиво распространять свое влияние по всей Ингерманландии и на Архипелаге. Сами они утверждали, что прибыли в Ингрию из Индии вместе с буддистами, и это, видимо, было недалеко от истины, ибо священные книги их были написаны и ритуалы проводились на том же самом языке, что и у последователей Татхагаты – на санскрите, в обрядности у тех и других было довольно много общего, даже принципы иконографии в чем-то немного схожи. Но все же кришнаизм разительнейшим образом отличался от буддизма. Высшая цель адепта в нем виделась не в нирване, а в том, чтобы пребывать в раю в обществе их бога Кришны, и способом достижения рая были не медитации, не размышления о тягостности и пустоте сансары (каковую – в буддийском ее понимании – кришнаизм отрицал), а так называемая бхакти – экстатически страстная любовь к богу. Правда, чтобы ощутить эту бхакти, кришнаиты практиковали забавный, по мнению Брута, способ – бесконечное мысленное повторение одной простенькой и, кажется, мало что значащей фразы на санскрите. Брут слышал, что, по их правилам, кришнаит должен был в день повторить эту фразу что-то около полутора тысяч раз; разумеется, умнее он от этого не становился, но, Хель его разберет, может быть, и действительно начинал ощущать эту самую… бхакти!

Причины фантастически быстрого роста популярности этого учения Брут, сколько ни думал, разгадать не мог, хотя сейчас ему казалось, что он не очень далек от разгадки. Дело в том, что, чем хуже и беднее в целом жил тот или иной регион Ингрии, тем более популярен был там кришнаизм, хотя в общем все-таки ингрийцами он воспринимался с неохотой, если не считать Страны водинов и, как ни странно, Архипелага – района, который из выведенной Брутом закономерности явно выбивался: он был самым благополучным во всем Хейме, но тем не менее именно там успехи кришнаитов были наиболее впечатляющими.

Брут быстро промчался мимо этой разноцветной экзотической процессии, которая, впрочем, сегодня тоже казалась ему серой. Вскоре он уже был дома.

* * *

Как ни странно, хеймингское общество, при всем его техническом могуществе и при всей тонкости и эффективности его социальной организации, во многих отношениях было достаточно архаичным, что видно уже по той роли, которую играла в нем религия – точнее, принадлежность к той или иной религиозной общине. Возможно, этот фактор – неоднородность культурного развития хеймингского общества – сыграл значительную негативную роль в том кризисе, который охватил Хеймингию во времена правления Брута.

Особенно хорошо это заметно по тому, что кризис политического участия выразился именно в росте популярности сначала так называемых тоталитарных сект, а потом и христианской общины, которые и оказались могильщиками Хейма. Те социальные слои, которые не имели доступа к участию в политической жизни и к принятию властных решений, – слои, практически не представленные в Сенате, но приобретшие большую силу в Хейме, – выразили себя не в создании партий и политических объединений, а в густо замешанных на религии протестных общественных движениях.

(История Великого Хейма: Учебник / Под ред. акад. М. Сильвия Сцевина и проф. Э. А. Саарлахти. Издательство Университета Сегоярви, LXI, с. 352).

Через две недели, на исходе октября, к Бруту в кабинет зашел министр по делам религий.

– Не помешаю? – извиняющимся тоном сказал он, входя в кабинет.

– Нет-нет, заходите! – с радостью пригласил его Верховный Министр, целый день маявшийся от скуки, ибо дел сегодня было ничтожно мало. – Я тут все равно ничего не делаю.

– Ну и отлично! – сказал министр, закрыв за собой дверь, усевшись в кресло и поставив возле себя свой портфель. – Я к вам, собственно, вот по какому поводу. Принесли мне тут сегодня один любопытственный документ. Вот, читайте.

Он извлек из потрфеля небольшую папку, достал из нее листок и протянул его Бруту. Тот взял его, начал читать и вдруг рассмеялся.

– Ха! Во учудили! И они туда же!

– Да, вот такой вот народ – эти кришнаиты. Регистрируй их, и все тут!

– Ну, так зарегистрируйте! Если им мало статуса незапрещенной секты, пусть будут сектой официальной.

– Но мы за всю историю Хеймингии официально разрешили существовать лишь совершенно безобидным зороастрийцам.

– А эти, что же, не безобидные?

– О-о, это секта зубастая! Очень жаль, что мы пока не уделяли ей достаточного внимания, а она, поверьте мне, того стоит.

– Да?

– Именно. Об их доктрине вы, кажется, имеете представление?

– Ну, как вам сказать… Довольно смутное.

– В общем, дело даже не в доктрине, а в том, какими методами они вдалбливают ее в головы тех несчастных, кто попался им в сети.

– Вот как? Хм, это интересно!

– Методы зверские. Лидеры кришнаитских групп морят рядовых кришнаитов голодом под видом очистительного поста, запрещают спать, называя это бдениями и утверждая, что это тоже способствует достижению рая, лишают их способности мыслить, заставляя тысячи раз на дню повторять одну и ту же бессмысленную фразу. Короче говоря, пытаются делать из людей машины, широко используя при этом методы Холона.

– М-да! Эту секту не то что регистрировать, а вообще запретить надо!

– В том-то и дело, что не запретишь!

– Почему же это?

– Слишком популярны. Судите сами: Холон поддержало около процента хеймингского населения Архипелага, мятеж в Кореле – чуть больше, а кришнаитам сочувствуют – вы не поверите! – почти десять процентов!

– Невозможно! Вас ввели в заблуждение.

– Исключено. Наша служба статистики работает, как часы. Мы, скооперировавшись с социологами, провели массу опросов, исследований, анализов – все точно. Все данные упорно подтверждают эту цифру. Если хотите, я могу предоставить вам материалы исследований.

– Да уж, пожалуй, я бы с удовольствием лично ознакомился со всем этим. Только вот непонятно: зачем же вы ко мне заходили, раз секта такая, как вы говорите, зубастая! Отказать им в регистрации, и всё! А еще лучше – вообще запретить, что я, пожалуй, и сделаю.

– Я бы вам не советовал. Боюсь, это вызовет недовольство в народе.

Брут презрительно расхохотался.

– Ха-ха! Народ, народ! Чернь! Быдло! Не слишком ли вы его боитесь, а? Чернь глупа и ничтожна, и почти все, чего она хочет и чего добивается, ей же идет во вред, поэтому моя задача – спасти ее от ее же страстей и злобных, мутных звериных похотей.

– Да, конечно, вы правы, и я полностью разделяю вашу точку зрения, но все же народ достаточно силен, чтобы…

– Чтобы что? – перебил его Брут. – Чтобы заставить меня сделать то, чего он хочет? И как он намерен это делать? Бунтами, восстаниями? Они ему же выйдут боком – всякие попытки неповиновения будут пресекаться самым жестким образом, вплоть до применения военной и полицейской силы. Попытаются убрать меня? Ничего не получится – меня слишком хорошо охраняют.

– Эх, Харальд Викторович, хотел бы я разделять вашу уверенность…

– Так что вам мешает?

– Трезвая оценка ситуации.

– И, по-вашему, я, трезво оценив ситуацию, должен идти на поводу у толпы, так, что ли?

– Так, – твердо ответил министр. – Вы меня совершенно правильно поняли.

– Не пойду! – жестко отрезал Брут, и в его голосе зазвучала сталь. – Я слишком хорошо знаю цену и народу самому по себе, и всем его требованиям и желаниям.

– Нет, Харальд Викторович, я бы вам не советовал уж очень горячиться. Вы, конечно, можете сделать вид, что сами пришли к решению разрешить кришнаитов, руководствуясь исключительно собственным разумом, а не идя на поводу у народа…

– Не буду делать никакого вида! Это все ложь, а я, знаете ли, не люблю лгать и притворяться. И не умею.

– Но я думаю, что с этими кришнаитами будет легче справиться, если их разрешить. Вам так не кажется?

– Нет, откровенно говоря, не кажется, да и не совсем понятно, чем признание этой секты облегчит нам борьбу с ней.

– Это достаточно просто. Можно сделать даже так: разрешая секту, намеренно подчеркнуть, что это сделано против доводов разума и по страстному желанию народа, а затем, когда эти господа в цветастых юбках вызовут к себе всеобщую враждебность, с легким сердцем изгнать всю эту публику и с Архипелага, и из Хейма вообще.

Брут в раздумье почесал подбородок.

– Хм! – пробормотал он. – Вы, значит, предлагаете своего рода прививку от кришнаизма, верно?

– Абсолютно верно! Вы очень точно уловили мысль.

– Ну, что ж, сама по себе идея, разумеется, довольно интересна. Только не получится ли так, что вместо того, чтобы сделать прививку от чумы, мы просто заразим ею людей, устроив, таким образом, эпидемию? В настоящее время государство никак не преследует кришнаитов, и они могут – пусть неофициально – совершать культ и оболванивать дураков и простаков, а если мы их еще и на официальном уровне признаем – тогда караул, пиши «пропало». Если, по вашим утверждениям, им сочувствует десятая часть хеймингов, то это говорит лишь об одном – прививка уже состоялась, и иммунитет не возник. Посему я, пожалуй, вообще изгоню их по меньшей мере из Хеймингии.

– Что вы, что вы! Ни в коем случае! Осторожность, осторожность и еще раз осторожность!

Брут мрачно усмехнулся.

– Смотрите, не переосторожничайте…

– Уж мне это, я думаю, не грозит, – сердито буркнул министр. – А вот вы, с вашей манерой рубить сплеча, рано или поздно ввергнете страну в хаос.

– Ладно, ладно, – отмахнулся Брут. – Ваш пессимизм здесь совершенно ни к чему. А материалы по кришнаитам вы мне все-таки предоставьте. И ни в коем случае не регистрируйте их официально! Так вы точно погубите Хеймингию.

Когда министр вышел, Брут заперся на ключ, сказав секретарю, что занят и до самого вечера никого не примет, включил негромко радио и налил вина. Опустившись в мягкое роскошное кресло, он поднес драгоценный хрустальный бокал к глазам. Темно-рубиновое вино слабо мерцало в тусклом свете октябрьского дня. Верховный Министр отпил глоток, по языку разлилась легкая терпкая сладость, ноздрей коснулся тонкий, невыразимо изысканный аромат, но в душе Брута это не вызвало никаких эмоций. Нет, это Хеддер умел наслаждаться любым бокалом хорошего вина, это его даже тонкая искусная резьба на хрустале кубка могла сделать счастливым. А из Брута эпикурейца не получится, это факт. Его могут сделать счастливым только великие и глобальные вещи, над которыми Хеддер любил посмеяться в тесном кругу друзей: благо Ингрии, величие Хейма, расширение торговли, потоки из миллионов талеров, текущие в Хеймсстадир и в казну государства. На мелочи он не разменивается.

Да и погода за окном отнюдь не благоприятствует эпикурейской философической лени. Серый дождь уныло стучит в оконные стекла, в трубах воет ветер. С ветвей в парке Торварда облетают желтые листья и, жалкими мокрыми бабочками порхая в воздухе, опускаются, наконец, на землю, устилая собой дорожки парка. Да, Хеддер и от этого умел получать

удовольствие, а Бруту все это кажется таким ненужным, скучным и безрадостным! Может быть, управлять государством у него не получается именно потому, что он не может видеть прекрасное в таких мелочах, как мокрый березовый осенний лист, скучный холодный дождь, пахнущий зимой, бокал терпкого вина, преломляющего в себе легкий бледный свет осеннего дня? Очень может быть.

Брут резко вскочил из кресла и выключил приемник, потом, подойдя к окну, одним махом осушил бокал, не заметив даже вкуса вина, и поставил его на широкий дубовый подоконник. Прошелся несколько раз, хмуря брови, по кабинету. Наконец, остановившись перед дверью, глубоко вздохнул, словно пловец, собирающийся прыгнуть в воды холодного бурного моря для долгого плавания, повернул ключ в замке и толкнул дверь. Секретарь в приемной, подняв голову от стола, посмотрел на него с обычным немым вопросом во взгляде: «Что прикажете?» Брут молча указал ему на пишущую машинку, а сам торопливо закрыл на замок дверь в приемную, потом повернулся к секретарю:

– Готовы?

– Готов.

– Тогда пишите. Указ!

– Слушаю…

Пишущая машинка застучала.

– Кхм… Я, Верховный Министр Хеймингии, Харальд Викторович Брут, – начал он диктовать, – заботясь о благе вверенного мне судьбой и Небом народа и принимая во внимание исключительную пагубность и вредность для здоровья нации учения и культовой практики секты так называемых кришнаитов, а также заботясь об идеологическом единстве государства, данной мне властью повелеваю…

«Вообще-то, – подумал он, продолжая диктовать, – я так и не читал материалов по секте. Впрочем, сожри их всех Фенрир. Не бывать двум верам в одном государстве».

Пишущая машинка стучала.

XL. В ПОИСКАХ ВЫХОДА

В магии самая большая опасность – опасность солгать, создать ложную сущность, то есть нежить, нечто дьявольское. Единственный способ справиться с ней – уничтожить ее правдой, но и этот способ, требующий огромной смелости, мудрости и силы, срабатывает не всегда – бывают ситуации, когда правды вообще не существует. Тогда нежить властвует безраздельно, а адепт Высшей Магии, каким бы смелым, сильным и мудрым он ни был, гибнет.

Герард Бременский. «Введение в натуральную магию»

Вечером Брут неторопливо ехал домой по темному городу, покрытому пеленой осенней туманной мороси. Сквозь нее тускло вспыхивали огни машин и светофоры, с трудом пробивали сырую сумеречную мглу фонари и слабо, с каким-то, казалось, надрывом, светились окна домов. Когда он выехал на Морскую набережную, то краем глаза заметил сзади зрелище, которое легко могло бы испугать до полусмерти человека, никогда не видевшего морского порта: на фоне серо-желтых ночных туч, освещенных снизу призрачным свечением большого города, четко вырисовывались темные застывшие силуэты громадных портовых кранов. Сейчас они напоминали страшных черных чудовищ, нависших над городом и высматривающих себе жертву. Бруту сразу вспомнились щекочущие нервы картинки из читанной им когда-то популярной книги о палеонтологии. По спине побежали мурашки. Брут тряхнул головой, поспешно отвернулся и постарался не слишком пристально вглядываться в зеркало заднего вида.

Переехав мост, он очутился в юго-западном районе столицы, где с давних пор предпочитали жить государственные чиновники и где у него была квартира. Проехав квартал, Брут уверенно свернул к морю, въехал во двор и остановил машину у парадного входа, препоручив ее заботам работника подземного гаража.

Дома его уже дожидался ужин. Запах из кухни доносился такой аппетитный и заманчивый, что Брут, быстро переодевшись и наскоро вымыв руки, сразу же направился в столовую. Едва он сел за стол, служанка внесла ужин – горячий жареный картофель с хрустящей янтарной корочкой, салат из тертой моркови с чесноком – любимое его блюдо, и тарелку с гренками и сыром.

– Как ты сегодня изощрилась, Асгерд!

Молодое, симпатичное личико служанки осветилось довольной улыбкой.

– Я просто хотела порадовать вас. Не все же вам на овсянке сидеть.

– Это верно. Сегодня это особенно своевременно.

Через двадцать минут, сытый и довольный, Брут встал из-за стола, расположился в мягком кресле в гостиной и включил телевизор. По телевизору шел какой-то детектив, но Брут не особенно интересовался происходящим на экране. Он полулежал в роскошном плюшевом кресле, наслаждаясь нежданно нахлынувшим в душу покоем. «Вот что значит мелкий, но искренний знак внимания!» – подумал он. Глухое раздражение и нервозность улетучились, и он блаженствовал. Такого тихого и возвышенного покоя он не испытывал давно – с тех самых пор, как от него ушла жена. Они поженились, когда им обоим не было еще и двадцати, и, конечно, по любви (теперь же Брут был ярым и убежденным сторонником брака по расчету). Вскоре родилась дочь. Казалось, ничто не предвещало того кошмара, в который превратится их супружеская жизнь, но… Постоянные придирки жены, начавшиеся вскоре после рождения дочери, ее злая критика, больно задевавшая его гордость, сделали свое дело. Скандалы в доме стали делом обычным и едва ли не обязательным. Брут стоически терпел, изо всех сил сдерживался, но со временем это давалось ему все труднее, и он начал срываться. Они ругались, бросали в лицо друг другу самые обидные и незаслуженные оскорбления, потом мирились, потом снова ссорились, и так продолжалось пятнадцать лет. Только дочь удерживала их вместе. Она же и изменила в конце концов эту жизнь. Не выдержав нервозной атмосферы в доме, она сбежала, прокляв обоих родителей, и тогда Брут подал на развод. Суд удовлетворил его просьбу. Вернувшись в тот день домой, Брут едва не плакал от счастья: ведь в этом несчастном доме не будет больше скандалов, взаимных оскорблений, слез. Бывшая жена, которая по суду получила их дом на континенте, сюда не явится!

Дочь они искали отдельно, не мешая, но и не помогая друг другу. Поиски стоили больших денег и еще больших усилий, шли долго, и Брут не назвал бы их успешными. Дочь они нашли только через шесть лет, но она наотрез отказалась даже увидеться с родителями. Брут узнал о ней лишь, что она замужем и уже носит под сердцем ребенка. Мысленно он тогда пожелал ему не изведать судьбы его матери.

Но сейчас он думал не об этом. Он вообще ни о чем не думал, а просто рассеянно смотрел на экран, матово мерцающий в полутьме комнаты, освещенной лишь слабым светом торшера в дальнем углу.

Фильм кончился, на экране возникло глупо улыбающееся лицо дамочки из рекламного ролика, и Брут поспешно переключил телевизор. Рекламы он на дух не выносил, хотя и соглашался с тем, что она – двигатель торговли.

По другому каналу выступали «говорящие головы»: какой-то политолог многословно и высокопарно порол ахинею невесть о чем, а интервьюировавший его журналист задавал ему весьма умные и сложные, как ему казалось, вопросы. Брут решил послушать, о чем речь.

Журналист допытывался у политолога:

– В чем же, по вашему мнению, суть такого, я бы сказал, угрожающего явления, как конфликт религиозной и светской властей в Хейме?

Политолог, состроив чрезвычайно умное лицо, изрек:

– Это не более чем конфликт двух людей – Бодхиратны и Брута. Я думаю, они просто не сошлись характерами, а поскольку оба они занимают довольно высокие посты, то эта склока, естественно, имела далеко идущие последствия.

– Но многие ваши коллеги полагают, что этот конфликт в любой момент мог вылиться в гражданскую войну! – продолжал въедливо допытываться журналист.

– Нет, что вы! – самоуверенно рассмеялся его собеседник. – Положение дел в государстве отнюдь не таково, чтобы не особо серьезный конфликт с Сангхой мог вызвать подобные катаклизмы.

– На чем основывается ваша уверенность?

– На четком и ясном осознании положения дел в Хеймингии.

– И каково же оно?

– Его можно охарактеризовать одним словом: прекрасное! Никогда еще государство не было столь могущественно. Наше влияние распространилось на весь бассейн Балтийского моря, на северную Атлантику и значительную часть Арктики, мы активно торгуем даже с такими удаленными странами, как Индия или Иран. А посмотрите на Хеймсстадир, на Форт-Гогланд, на Форт-Сескар, на другие крупные города! Золотой век, да и только!

– А как же быть с кризисом, который, по уверениям экономистов, медленно охватывает всю Хеймингию?

– Это временное явление. При Холмском мы сталкивались с трудностями не меньшими, чем эта, и благополучно их преодолели, а при Хеддере оказались в почти катастрофическом положении, когда разбойник Мерилода захватил Соболец – опять-таки вышли сухими из воды.

«Чтоб вас разорвало! кретины!» – вполголоса прошипел Брут, схватил пульт управления и выключил телевизор. Самоуверенное выступление политолога, явно не представлявшего себе реального положения дел в стране, вновь вызвало к жизни затихшее было в глубине души раздражение.

Он резко встал и подошел к окну. За стеклом, в темноте осенней ночи, шел нескончаемый дождь. На улицах сквозь его струи светили мертвенные огни фонарей, слабо горели прямоугольники окон; вдали вспыхивал огонь маяка. Брут поднял взгляд от бликов фонарей на мокром бетоне… и вздрогнул, отшатнувшись от окна. На фоне мрачно-желтой облачной пелены резко вычертились темные силуэты кранов в порту. Брут отлично понимал, что его страх глуп и смешон, что это ребячество – бояться всего лишь обыкновенных кранов, тем более, что в дневное время они не вызывали у него ни малейших эмоций, он вообще не обращал на них внимания. Но сейчас их очертания вызывали в нем дремучий животный ужас.

Он отошел от окна и снова опустился в кресло. Включил телевизор. К счастью, передача с политологом закончилась, по телевизору шел балет. Но Брут не смотрел на экран. В душе его творилось нечто неладное. Словно она раздвоилась, и теперь в глубине сердца вели диалог два собеседника, и оба были – Брут.

– То, что говорила сейчас «говорящая голова» – сущий бред и чушь! Это проявление феноменального невежества! – говорил Брут. – И хуже всего то, что так же думают, наверное, почти все в Хеймингии.

– Чем же это хуже? – сардонически спрашивал он у себя же. – Наоборот, благодарить надо этого политолога. Он хоть и ахинею нес с важным видом, но зато убеждал в том, что говорит, и тех, кто его слушал, а значит, своими словами не давал возникнуть в народе апокалиптическим настроениям. А они опасны, ох, как опасны! Во многом благодаря именно ясно осознанному ощущению надвигающейся неотвратимой катастрофы рухнуло Койвисто. Что от него сейчас осталось? Ничего ровным счетом! Даже воспоминаний нет.

– Но это позиция не разумного человека, а скорее страуса, – возразил себе Брут. – Причем страуса, стоящего на бетонном полу. Если мы крепко зажмурим глаза и будем повторять, как кришнаиты свою мантру: «Все в порядке, все хорошо, все неприятности сами пройдут стороной», то от этого катастрофа на нас надвигаться не перестанет, верно?

– А вот это еще неизвестно! Непонятно пока, в чем толком заключается грозящая нам опасность. Только ли прорехи в финансах и всплеск безработицы? Или, может быть, существует более серьезная опасность, отвратить которую труднее, а может быть, и просто невозможно? Вполне вероятно, что даже наша трещащая по всем швам экономика – не более чем лишь новое испытание, причем, вероятно, не самое страшное из всех, через какие мы уже с успехом проходили.

– Значит, по-твоему, все потрясения, которые начались уже при Хеддере и продолжаются и сейчас – Холон, бунт в Кореле, ссора с

Бодхиратной, безработица, саботаж в Сенате, нестроения в колониях – все это лишь бред нашего воспаленного воображения или мираж?

– Не исключено. Просто не надо видеть за всем этим того, чего там нет. Вероятно, нет никаких таких глубинных течений в народных массах, нет таких скрытых процессов в истории, которые, как иногда предполагается, и вызывают все потрясения и в конечном итоге должны разрушить нашу державу.

Брут схватился за голову. Он разрывался между двумя альтернативами. Что выбрать? Он вскочил с кресла и резко тряхнул головой: «Уберитесь, наконец, вы оба из моих мозгов!»

– Нет, – тихо прошептал он себе под нос, – это уже называется шизофренией.

Неужели он сходит с ума? От этой мысли, холодной и скользкой, словно медуза, оба голоса мгновенно исчезли. Он снова был самим собой, Харальдом Брутом. Только в душе как будто остался след этой борьбы – как след от ожога.

Несколько раз он нервно прошелся по комнате, потом сел в кресло и сделал над собой усилие, пытаясь отвлечься от черных мыслей, уже который месяц не дававших ему покоя. Усилием воли он заставил себя переключить внимание с собственных душевных переживаний на происходящее на экране телевизора. Понемногу он успокоился и даже с интересом досмотрел балет до конца, после чего выключил телевизор и отправился спать.

Вытянувшись на мягкой широкой постели, он закрыл глаза, расслабился и стал медленно погружаться в сон. Но когда сознание начало терять ощущение реальности, в душе снова поднялась смутная, но сильная тревога. Брут открыл глаза и рассеянно посмотрел на потолок, освещенный бледным тусклым светом городских огней. Глубоко вздохнул. Тревога прошла. Спать не хотелось совершенно. Он сел на постели, тупо глядя прямо перед собой. Затем встал, прошлепал на кухню и выпил валерьянки. Потом, вздыхая, снова лег, долго ворочался и, наконец, стал засыпать.

Ему приснился странный сон. Снилось, что он стоит на одной из центральных улиц Хеймсстадира, кажется, около Филармонии. Вроде бы, именно ее строгое, выдержанных пропорций величественное здание возвышается справа от него, отделенное от улицы небольшим скверико м. Вокруг ходят люди, ездят машины. Ночь. Или, точнее, вечер, причем не очень поздний. Солнце, видимо, только недавно скрылось – западная часть небосклона еще светится. Свечение не очень заметно, оно легко забивается уличным освещением. В мертвенном свете фонарей искрится снег – зима. Но Брут не чувствует ни холода, ни даже ветра, хотя на открытом всем

воздушным течениям Архипелаге ветренно всегда, и особенно зимой. А Бруту даже жарко.

Улица вдруг начинает двигаться. Филармония скрывается за спиной, надвигаются высотные жилые дома. Брут бежит, и бежит навстречу ему улица. Вот уже и скверик скрылся из поля зрения, справа от него теперь стена – желто-серая бетонная твердь с прорезанными квадратами окон. Впереди – зияющий провал в земле, обрамленный гранитной балюстрадой; в него ведут гранитные же ступени. Это вход в подземный переход; они строятся обычно на наиболее оживленных улицах. И действительно, машины мчатся мимо по темной улице, залитой тусклым, туманным, почти ничего не освещающим светом фонарей и фар, и столько, столько машин! Шум их моторов утомляет. Брут сбегает по ступеням в переход. Гранит ступеней обледенел и скользок, Брут едва не теряет равновесия, скользя по нему, но все же благополучно оказывается внизу. Потом идет по переходу, слабо освещенному тревожным оранжевым светом ламп. В переходе полутьма, наполненная жуткими призраками живых людей, в ней разлито тускло-оранжевое свечение, делающее ее угрожающей и душной – совсем как в аду. Призраки торопятся, спешат куда-то, их голоса и шум шагов сливаются в невразумительный, давящий на нервы гул. Брут торопливо идет по переходу, скользя по мокрому граниту пола, спеша выйти на ту сторону улицы. В голове мелькает мысль: «На улице так же душно». Но он спешит. Странно длинный низкий коридор не кончается, он тянется, насколько хватает глаз. Брут бежит, расталкивая равнодушных прохожих. Зачем? Будда знает! Душная жаркая мгла вызывает желание разорвать воротник от нехватки воздуха. «О Небо, что за место?! Где я?!» – пытаясь подавить в себе поднимающийся панический ужас, мысленно восклицает он.

Нескончаемый душный переход все тянется, тени идут по нему, ко всему безучастные. Коридор внезапно и резко обрывается ведущей вниз гранитной лестницей: ступени уходят глубоко-глубоко вниз, в угрожающую темноту, по ним спускаются и поднимаются тени. Тьма заманивает в себя, зовет; в ней, кажется, нет душного оранжевого марева, и Брут, спасаясь от него, делает первый шаг по лестнице. Душа томится и трепещет, что-то внутри него кричит от нестерпимого ужаса, из тьмы на него, кажется, зорко смотрят чьи-то чудовищные глаза, полные всеведения и зла, но Брут медленно, сопротивляясь, шаг за шагом спускается по лестнице.

Оранжевая мгла остается, наконец, позади. Брута окружает теперь лишь тьма, полная холода – мертвящего могильного холода – и шорохов, шепотов, вздохов, приглушенных стонов. Но духота продолжает преследовать его, и здесь, в темноте, дышать намного тяжелее, чем в переходе. Однако Брут все-таки идет вниз, скользя по граниту. Наконец тьма начинает рассеиваться, он даже поначалу рад этому. Источник слабого

багрового свечения – впереди и внизу, Брут бежит к нему, надеясь выйти, наконец, из этого кошмарного лабиринта, спотыкается, чудом ухитряясь удержаться на ногах, но… Лестница обрывается большим, огромным, неестественно огромным залом. Его колоссальный полуцилиндрический свод поддерживается двумя рядами каменных пилонов. В стенах – ни единого окна. Весь зал залит темно-багровым, ничего не освещающим светом. В багровом сумраке движутся все те же вездесущие тени. Людей они не напоминают уже нисколько и больше похожи на облачка черного пара, имеющие лишь отдаленное сходство с человеком. Брут расстегивает воротник рубашки, но дышать от этого не легче нисколько, духота и темнота давят почти физически. Он смешивается с толпой теней, куда-то проталкивается, ища лестницу, по которой он вошел сюда, но ее нет. Он не может ее найти. В толпе теней ничего не видно, они застят зрение. Внезапно Брут натыкается на стену зала, и в душе вспыхивает надежда. «Может быть, уж в стене-то есть хоть какие-нибудь двери».

И, едва он это подумал, в стене в нескольких шагах от него вдруг возникла дверь. Самая обыкновенная дверь, какие обычно можно встретить в хеймсстадирских квартирах: черная, деревянная, с железной ручкой. Брут, напрягши все силы, метнулся к ней, едва успев заметить про себя, что какую-то долю секунды назад ее не было, что она именно возникла здесь из ничего, – метнулся, схватился за мертвенно-ледяной металл ручки и что было силы рванул дверь на себя. Открылась она легко, так легко, словно была сделана из бумаги. И из-за нее, из открывшегося взору Брута совершенно темного длинного тоннеля, пахнуло таким невыносимым, пыльным, холодным и затхлым ужасом, что Бруту показалось, будто это сама смерть раскрыла на него свою склизкую гнилую пасть. Ужас и омерзение накатили волной и ударили, словно порыв чудовищного ураганного ветра. Ошеломленный, не помня себя от потрясения, Брут отскочил от двери – даже не отскочил, а словно отшвырнуло его что-то – и не разбирая дороги, забыв, где он находится, бросился со всех ног в темноту… и проснулся.

В окно били лучи утреннего солнца. На чистом высоком небе не было ни облачка. За окном, прыгая по веткам старых берез, чирикали синицы. Брут пошевелился, глубоко, полной грудью вздохнул и сел на постели. Часы показывали без пяти девять утра. Он еще раз вздохнул, заворочался и только тут заметил боль в правом подреберье. «Проклятая печень! Вот почему мне всю ночь кошмары снились». Он вылез из кровати, протопал, кряхтя и вздыхая, на кухню и взял из аптечки флакон «эстонских капель», с которыми вынужден был не расставаться уже более двадцати лет – с тех самых пор, как невесть откуда взявшийся гепатит (первично-хронический, как выразился один врач) впервые дал о себе знать. Через

несколько минут боль начала слабеть и скоро совсем исчезла. Брут наполнил резиновую грелку горячей водой и вернулся в постель, подложив грелку под правый бок. Он неподвижно лежал в кровати, накрывшись одеялом до самого носа, и блаженствовал, отдыхая после ночного кошмара.

Вскоре на кухне послышались шаги, донесся звон посуды – Асгерд начала хозяйничать. Она, как и ее хозяин, вставала не раньше десяти часов. Грелка скоро остыла, Брут со вздохом откинул одеяло и стал одеваться, потом долго мылся, старательно и с удовольствием намыливал руки ароматным туалетным мылом, чистил зубы. Когда он вышел из ванной, его уже дожидался завтрак: чашка некрепкого чая, булка без масла и традиционная овсянка. Брут с сожалением подумал о вчерашнем ужине, но… Видимо, из-за него всю ночь снились кошмары. Больная печень жестоко наказывала за малейшее нарушение диеты, и Асгерд, работавшая у Брута уже очень давно, отлично это знала.

Сегодня Брут не испытывал никакого желания ехать на работу. Вообще-то работа ему нравилась, ему было приятно и интересно вникать во все тонкости работы государственного механизма, но просто сегодня что-то лень одолела. Он намеренно медленно пережевывал овсянку, заправленную оливковым маслом, смаковал каждый глоток чая с мятой, а потом, известив Асгерд о том, что сегодня на работу не поедет, вышел на балкон, предварительно одев теплый свитер, и уселся в плетеное кресло.

На улице, невзирая на октябрь, сегодня было тепло. В чистом бледном осеннем небе светило солнце, и его легкий, как паутинка, свет навевал тихую светлую печаль. Он действительно напоминал паутинку, вроде тех, которыми осенью играет ветер, неся их невесть куда, за тридевять земель. Этот ветер и сейчас крутил их в своих вихрях вместе с желтыми березовыми и липовыми листьями, шуршавшими по серому асфальту внизу, во дворе: их тихий, такой же безмерно печальный шелест доносился и сюда, на двадцать третий этаж. В прохладном воздухе пахло морем, поблескивавшим, словно ртуть, всего в километре отсюда, осенними листьями, дымом и еще чем-то… чем-то таким, что обоняние замечало сразу, но мозг никак не мог определить ясно, что же это такое. Брут некоторое время осторожно, словно зверь, принюхивался к воздуху и вдруг понял: это зимой пахнет. Она уж совсем рядом. Что-то принесет она миру?!

Загадывать было бесполезно. Лишь время покажет.

Ушей коснулась негромкая музыка. Приятный баритон, сопровождаемый звуками струнных инструментов, что-то пел. Этот звук показался Бруту удивительным и странным, как детский смех на руинах сожженной деревни. Такое ему довелось слышать однажды.

Тогда он еще не был правителем Хейма, он был просто министром в правительстве великого Хеддера. Как-то раз летом он взял отпуск и от

нечего делать решил наведаться в бывшие колонии бывшего Койвисто. Хеддер предупреждал его, что ничего интересного там нет и что было бы намного интереснее съездить на Аланды или в Грецию, но он не внял предупреждениям.

Начал Брут свое путешествие с Уураса. Ранее этот город он видал лишь на фотографиях, и ему было любопытно увидеть его воочию. Однако ничего интересного или занятного он там, вопреки ожиданиям, не увидел. Древнее городище Уурас оказалось обыкновенным сооружением из земли и старых бревен; оно было, пожалуй, даже менее интересным, чем другие городища, которые можно встретить везде, где живут или когда-либо жили представители народа suomi. Пакгауз, в котором Йорма Парттимаа держал оборону против княжеских войск, оказался тривиальнейшей серой коробкой с нерегулярно пробитыми в стенах не то окнами, не то бойницами. В общем, заурядный колониальный городишко, где, как обычно, лучшее здание отведено под резиденцию прокуратора и его администрации, кичащийся своим древним прошлым, столь же великим, сколь и пыльным. Брут уехал оттуда с чувством некоторого разочарования.

Иоханнес только усилил это чувство. Его знаменитый форт Бруту всегда представлялся этакой могучей крепостью, с башнями и толстыми стенами, с автономным обеспечением водой и электричеством – некая копия Торвардастейнура, Феста или Собольца, но то, что он увидел, ни в малейшей степени такую картину не напоминало. Несколько зданий, частью каменных, частью бревенчатых, обнесенных стеной из гранитных блоков, дурной, неровной кладки, с пятью бастионами – таков был форт Иоханнес. В остальном этот город практически ничем не отличался от остальных колоний хеймингов в Ингрии, вроде Альдейгьюборга, Корелы или Ловисы.

У Брута эти два города не вызвали ничего, кроме удручения и смертельной скуки. Они отнюдь не производили впечатления вырождающихся, переживающих упадок городов – в Ингерманландии таких просто не осталось; при Хеддере даже умирающие континентальные штадты хеймингов были воскрешены и превращены в сытые, богатые города. То же самое произошло и с бывшими койвистинскими колониями – пережив тяжелейший упадок после крушения княжества, они были оживлены усилиями Хеймингии и переживали свой расцвет. Но – Великое Небо! до чего же обывательскими и мещанскими были эти города! Скучища… адская! Эта адская скука и выгнала Брута с Вийпурилахти на Исо-Койвисто.

Островам Койвисто повезло значительно меньше. Старые торговые пути были надежно забыты, а новые пролегли вдали от островов, и Койвисто теперь являло картину типичного деревенского захолустья. Руины Суолайтури, где Брут однажды, в эпоху его расцвета, побывал, зарастали

осинниками, ивами и высокотравьем, от причалов и пирсов остались лишь бесформенные нагромождения бетонных глыб и ржавого железа, по которым невозможно было хотя бы приблизительно определить, чем все это было до разрушения, и всего лишь сотни полторы бедных семей жалко ютились в этих развалинах. От бывшего когда-то финским Пунасаари, так яростно соперничавшего со знаменитым портом в период гражданской войны, вообще ничего, кроме смутных воспоминаний, не осталось. Теперешний Пунасаари был типичнейшей хеймингской колонией вроде Кондиниеми или Дружной Горки, только еще меньше, скучнее, серее и захолустнее, а специфического финского колорита, на обладание которым еще могли претендовать Уурас или Иоханнес, в нем не осталось и следа. Валланлинна, еще не уничтоженная тогда пожаром, окончательно забыла свое великое прошлое и превратилась в зауряднейшую деревню с населением в триста с небольшим человек, которой до сих пор командовал Тимо Ринтала, из смелого пирата (свою карьеру он начал именно с этой благородной профессии) и жестокого узурпатора превратившийся в скучного толстого барина, настолько мелкого и ничтожного, что Хеймингия даже не сочла необходимым приставить к нему своего советника, как к остальным «независимым» правителям ингрийских «государств» (на момент поездки таких оставалось во всей стране единицы, да и те вскоре были упразднены Хеддером).

Однажды, проезжая по южной части острова, по старому заброшенному проселку, Брут вдруг наткнулся на небольшую поляну. Она была со всех сторон окружена густым сосняком и была бы совершенно ничем не примечательна, если бы не то зрелище, что предстало на ней глазам Брута и что потрясло его до глубины души. На поляне, словно фантастические надгробные памятники, торчали из земли печи. Обыкновенные деревенские печи. Их стены, когда-то белые, были покрыты черным налетом сажи, который, видимо, был так толст, что даже дожди и непогода за годы не смогли смыть его полностью. Вокруг печей грудами были навалены обломки кирпичной кладки, штукатурки, обугленные бревна, листы проржавевшего до дыр железа. Все это было старо, очень старо, руины зарастали землей и травами, кое-где уже шелестели тонкой легкой листвой стройные молодые березки, но от них зрелище мертвой деревни только делалось страшнее. Как обугленные кости скелета, торчали из земляных холмиков, на месте которых стояли когда-то дома, черные бревна, железные трубы.

Брут вышел из машины и сделал несколько шагов по направлению к ближайшему из холмиков этого жуткого кладбища, как вдруг его слух поразили звуки, резко, мучительно резко контрастировавшие с обстановкой, – детский смех. Он донесся с противоположного конца деревни. Затем из

кустарников на опушке выскочили четверо оборванных чумазых ребятишек и с криками и смехом побежали по единственной улице селения, заросшей густым жестким бурьяном. Внезапно шум оборвался – дети заметили роскошный хеймингский вездеход и человека рядом с ним. Несколько секунд они с испугом и удивлением смотрели на это чудо, потом вдруг разом, как по команде, повернулись и рванули со всех ног, аж пятки засверкали, назад к опушке, в кусты. Брут тоже не стал задерживаться здесь. Он забрался в машину и, надавив на акселератор, поспешил поскорее убраться из этого места – с кладбища, по которому бегают дети.

Такое же странное впечатление производила и эта музыка, явственно слышавшаяся издалека, со двора. Брута на мгновение охватило чувство, будто весь город вымер, будто весь он давно покинут жителями, и в заброшенных, разрушающихся зданиях звучит музыка. Ее звук так странен и неуместен! Это действительно очень похоже на детский смех на кладбище.

Оторвавшись, наконец, от воспоминаний, Брут почувствовал, что, несмотря на теплый, солнечный безветренный день, успел изрядно замерзнуть, и счел за лучшее поскорее уйти с балкона.

Дома легкое беспокойство, вызванное музыкой и внезапно нахлынувшими воспоминаниями, только усилилось. Брут некоторое время неприкаянно бродил по квартире, раздумывая, что делать дальше и как загасить эту странную тоску, но потом с решительным видом прошел в прихожую, схватил плащ и окликнул:

– Асгерд!

Та сразу выскочила из своей комнаты.

– Да, Харальд Викторович.

– Асгерд, я сейчас уезжаю. Вернусь, наверное, вечером, так что часов до девяти ты свободна.

– Но вы, кажется, не собирались сегодня на работу.

– А я туда и не еду. У меня сегодня другие дела.

Через пять минут Брут уже неспешно выруливал на своем автомобиле из гаража на улицу.

На малой скорости он ехал по улицам великой столицы, озираясь вокруг с таким чувством, будто видит все это впервые – все эти бетонные здания, разномастный поток машин на улицах, толпу людей, спешащих по тротуарам во всех направлениях. Остановившись на набережной, он вышел из машины и неторопливо пошел по улице, рассеянно смотря по сторонам и лишь краем глаза замечая неотступно следовавшую за ним охрану. Люди узнавали его, заговаривали с ним, он внимательно выслушивал и отвечал по возможности обстоятельно. Так он прошел целых три квартала – почти до самого озера, и там повернул назад. Идя медленно по улице, он спокойно

улыбался людям, вслушивался в шелест деревьев, которыми была обсажена набережная, смотрел на витрины магазинов, манящие внутрь разноцветьем красок, вспыхивающими даже сейчас, в середине дня, неоновыми огнями вывесок и реклам, смотрел на холодное чистое небо, на почти не дающее тепла октябрьское солнце, надеясь всем этим хоть как-то развеять печаль, но – странно! – она от этого лишь усилилась. Брута бросало в холодный пот при одной мысли о том, что это все в любой момент может рухнуть, исчезнуть, как роса на траве под лучами солнца. Ему мучительно хотелось схватить все это, обнять, прижать к груди, к сердцу, чтобы защитить, спасти этот прекрасный город от катастрофы, казавшейся ему сейчас неизбежной.

Он вернулся к машине и, садясь в нее, подумал, что народ, обычно, как ему думалось, очень чуткий ко всем социальным и экономическим изменениям в окружающем мире, совершенно не чувствует никакой угрозы. А если этот самый чувствительный индикатор пребывает в таком покое, то… никакого кризиса нет? Все пророчества о скорой катастрофе – плод чьего-то воспаленного воображения?

Такая мысль вдруг сразу успокоила тоску, утолила боль в утомленной мрачными предчувствиями душе. Брут надавил на акселератор и ехал теперь по улицам, глядя вокруг с надеждой. «Может быть, – думал он, – она обманет. Но пока надо придерживаться ее – хотя бы для того, чтобы не сойти с ума». Он свернул на мост, переехал реку и, проехав квартал, очутился перед роскошным белым зданием Музея. Здесь он не бывал давно, хотя Музей любил, – дела, как всегда, не пускали. И в этот момент что-то будто подтолкнуло его – какая-то не до конца оформленная мысль, заставившая его остановиться и выйти из машины. «Зачем? Чего я там забыл? Ах, ну да – давно пора провести там хотя бы краткую инспекцию».

Это здание Бруту нравилось гораздо больше, чем суровый и мрачный Торвардастейнур. Он вошел внутрь, в просторный высокий холл, наполненный воздухом и светом и, как обычно, очень холодный. Вдоль мраморных стен стояли бронзовые статуи древних богов, героев Хейма – как мифических, так и вполне реальных; среди последних он увидел прекрасные и очень точные скульптурные изображения Холмского и Хеддера. Потолок холла, украшенный кессонами и позолотой, подпирали стройные белые колонны; от них на второй этаж шла широкая мраморная лестница.

Брут окинул холл взглядом, потом задумчиво прошелся вдоль стен, рассматривая статуи и узнавая с детства знакомые имена: пророк Фома, изображенный старцем с длинной бородой, в балахоне до пят, расшитом прихотливыми узорами и напоминавшем этим ритуальные одеяния карельских нойдов, и со свитком и пером в руках; Торвард Мореход –

высокий усатый человек в старинной морской одежде, с мечом и астролябией на поясе; Станислав Северин в пышном мундире, в орденах, полуприкрытых знаменитой бородой, со скрещенными на груди руками; великий адмирал Лео Илмолайн – молодой, рано умерший человек с печальным изможденным лицом (он умер вскоре после возвращения из Арктики); барон Кир Родшер – человек с умным, властным и презрительно-высокомерным лицом (до хеймингов норвежская династия Родшеров-Асгейрингов владела Гогландом, самым крупным островом Архипелага), с топором в одной руке и картой Заонежья, повернутой так, чтобы была видна зрителю, в другой… Много их. Великая история великого народа.

Лишь постояв хоть минуту перед каждой статуей, Брут решил, что можно подняться наверх. Поднявшись на второй этаж, он с задумчивым видом пошел по полупустым гулким залам. Как давно он уже не бывал здесь! Когда-то самым излюбленным его местом была большая экспозиция, посвященная истории хеймингского народа, но сейчас его тянуло не туда, а в Галерею Живописи. Пройдя по нескольким залам, стены которых гулко отражали шум его шагов, он попал в Галерею. Стены этого длинного узкого зала были сплошь увешаны великолепными картинами – сюда попадали лишь истинные шедевры, и не было для художника или скульптора большей чести, чем если его картину или статую позволялось выставить в Галерее.

Сегодня в Музее было мало народу – большой наплыв посетителей бывал, как правило, по выходным дням, поэтому Верховному Министру никто не мешал бродить по громадному залу и подолгу останавливаться перед каждой картиной. А их здесь было много, и глаза разбегались, не зная, на какой остановиться, какая лучше.

Вот великолепный вид Хеймсстадира с моря; такой столица была в самом начале правления Холмского; темная полоска пологого острова, и над ней тянутся к жемчужному небу высотные здания, а рядом блестят, словно алмазы, крыши башен Торвардастейнура. Рядом – огромное полотно на историческую тему, целая панорама – «Битва в Защитной бухте»: полуразрушенный форт, над руинами которого поднимается сизый дым, финские корабли, жерла пушек которых еще обращены к берегу, к горящим у старых причалов торговым кораблям, и приблизившиеся к врагу хеймингские катера, над которыми уже клубится дым первых выстрелов. Немного поодаль – целая серия картин знаменитого Лейдольва Старкадинга, отца хеймингской живописи.

Больше всего в Музее Брута восхищал знаменитый Зал Золотых Колонн. Побродив по Галерее, он туда и отправился.

Зал Золотых Колонн недаром называли «славой Хейма» и «чудом Ингрии». Это был огромный, гигантский зал, высотой в два этажа, залитый ярким солнечным светом, водопадом врывающимся через громадные окна.

Высокий, отделанный разноцветным мрамором потолок поддерживался двадцатью четырьмя парами великолепных колонн, которые от базы до капители были покрыты чистым золотом, за что зал и получил свое название. Колонны стояли парами вдоль трех стен, в простенках размещались окна и большие, от пола до потолка, зеркала, обрамленные в тяжелые бронзовые рамы со сложным орнаментом в виде плетей плюща и винограда. Около четвертой стены колонн не было; всю ее поверхность занимала мозаичная карта Ингерманландии, выложенная хризолитом, малахитом, сапфиром, опалом; ее во всех направлениях пересекали тонкие серебряные прожилки – дороги, на которых, словно узелки, поблескивали золотые кружочки, обозначавшие крепости и города; буквы названий были вырезаны из розового карельского кварцита. У левого края карты, посреди сапфирового моря, на опаловом пятнышке, обозначавшем остров Лавансаари, в лучах солнца горел огромный рубин, а рядом большими буквами золотом сверкало одно краткое название – «Хеймсстадир». Великий Хеймсстадир! Он был достаточно богат, чтобы позволить себе создать эту прекрасную карту.

Между колоннами и в простенках под самым потолком со стен свисало множество флагов – то были знамена и штандарты государств и племенных объединений, разрушенных и подчиненных мощной и агрессивной хеймингской державой. Среди них Брут сразу узнал синий с белым флаг Койвисто. Койвисто было не первой жертвой Хеймингии, но эта жертва ей особенно дорого далась и была для нее особенно важна, настолько важна, что Холмского часто почитали прежде как победителя Койвисто, и лишь во вторую очередь – как творца самой Хеймингии.

На подставках, под стеклянными колпаками покоились на черном бархате многочисленные короны, венцы, шлемы, сабли, мечи, скипетры – властные регалии уже не существующих ныне государств. Десятки названий: Койвисто, Хийлийоги, Шлезвиг, Фрисланд, Литовское княжество, Пруссия, Новгород, Арморика, Нумидия, Сонгай, Корела, Свеаланд, Норланд, Лотинапелто, Ревсельга. В Ревсельге Брут прошлым летом побывал. Корона этого маленького карельского княжества оказалась в Зале Золотых Колонн довольно поздно, в начале правления Хеддера, ибо его спасало удобное географическое положение – полуизоляция в глухих лесах межозерья Ладоги и Онеги, на границе пустых земель, вдали от больших дорог. Такой же полуизолированной Ревсельга осталась и сейчас, но о былых временах, о независимости и о былом могуществе, когда власть княжества простиралась до Свири и до Ивинского разлива, там вспоминали теперь только старики да ярые националисты, каковых, впрочем, среди отличавшихся благоразумием ингрийцев всегда было очень немного. «М-да, – с презрением подумал Брут, глядя на золотой кружок с надписью рядом

“Ревсельга”, – видимо, Хеддер как в воду глядел, говоря, что нет таких народов, которые отдали бы свою свободу в обмен на удары хеймингскими штыками, на расстрелы, насилия, грабежи и унижения, и нет таких народов, которые не отдали бы свою свободу в обмен на хеймсстадирские телевизоры или банки с консервами, на которых написано “Сделано в Форт-Сескаре”».

С этой мыслью Брут отвернулся от карты и бросил взгляд на потолок. Люстр в этом зале не было, в темное время суток он освещался тремя десятками настенных светильников, укрепленных между колоннами. Весь потолок занимал знаменитый живописный плафон, изображавший сотворение хеймингов пророком Фомой. Великий маг – древний старец с горящими глазами, растрепанной седой шевелюрой и всклокоченной бородой, облаченный в светло-серые одеяния – восседал на облачном троне; правую руку он простирал вправо и вниз, туда же из-за спины мага били лучи солнца, освещая маленький пологий каменистый остров среди бушующего океана. Океан был серым, словно чугун, злобные волны схлестывались одна с другой в ярости, в воду били молнии, но на острове царил лучезарный покой. Остров весь светился под солнцем, казалось, он, словно полированный металл, сверкает в его лучах, и из сверкания, из золотых солнечных отблесков поднимаются к грозовому небу громады домов и башни величественной твердыни Торварда.

Всем сколько-нибудь образованным людям было известно, какое множество неточностей содержит великолепная фреска – творение гениального Лейдольва Старкадинга. Во-первых, Фома – если он вообще существовал – был отнюдь не таким полубогом, каким он был изображен здесь, а просто влиятельным и умным жрецом, объединившим под своей властью (с помощью религии, кстати) несколько древних племен. Во-вторых, в его время Архипелаг еще не был открыт, и в-третьих, наконец, никакого Торвардастейнура в те времена не было и быть не могло, ибо не появился еще на свет человек, прозванный впоследствии Торвардом Мореходом. Но, несмотря на все эти вопиющие исторические неточности, фреска считалась одним из величайших шедевров мирового искусства.

Налюбовавшись на плафон, Брут не спеша вышел из зала и, пройдя через несколько других, менее интересных помещений, вышел на лестницу. Это была другая лестница, так называемая Малая (в отличие от главной, Парадной), знаменитая тем, что на ее площадке группа хеймсстадирских художников закончила недавно огромную мозаику «Соболецкое сражение». Все газеты писали о ней с восторгом, но Брут так и не удосужился еще ее лицезреть.

И вот теперь, прислонившись боком к мраморным перилам, он рассматривал огромное, во всю стену, мозаичное панно. Смотрел – и не мог

надивиться. Не иначе, кто-то из художников сам принимал участие в этой битве, ибо панно изображало все происходящее поразительно точно и ярко – намного выразительнее, чем даже кадры кинохроники. Здесь было видно все – белые стены форта, над которыми клубился пороховой дым, разрушенный участок стены – пыль, поднятая обрушением, не успела еще осесть и висела в воздухе, – серая одежда финских солдат и черные строгие мундиры хеймингов, корабли вокруг острова, осыпающие снарядами его захватчиков, пламя взрывов, взлетающие в воздух комья земли и брызги камня. Сражение было изображено уже близящимся к концу: финны дрогнули и близки к панике, хейминги захватили уже часть помещений форта. Было видно, как противники бешено дерутся на стенах: одни – как хищники, чувствующие, что жертва слабеет, еще немного – и победа будет обеспечена, другие – с отчаянием обреченных, которые, ясно видя, что смерти им не избежать, все-таки сражаются, стремясь перед гибелью хотя бы отправить на тот свет возможно большее количество врагов.

Брут долго и задумчиво смотрел на феерически великолепную картину. Из окон прямо в нее били лучи солнца, и смальта под ними сверкала и переливалась, словно была выточена из алмазов. Он вдруг подумал: «Вот, тогда мы успешно справились с этой тяжелой задачей. А сейчас?».

Тем временем на его присутствие в залах, наконец, обратили внимание служители, и Брут, погруженный в свои мысли, не сразу услышал негромкий голос:

– С инспекцией к нам, Харальд Викторович?

Директор Музея, маленький, сухонький старик-профессор с пронзительным взглядом водянистых серых глаз, так не вязавшимся со всем его обликом, был, как всегда, проницателен. Брут обернулся к нему:

– Да, Марк Эйнарович, хотелось бы посмотреть, как идут ваши дела…

– Ну что ж, тогда прошу в мой кабинет.

Следующие несколько часов Брут провел в кабинете директора, просматривая бумаги, разглядывая каталоги и списки ценностей, хранящихся в запасниках Музея, а мозг неотступно сверлила какая-то мысль, которая никак не хотела оформляться в слова, и от этого причиняемое ею беспокойство становилось только мучительнее. «Чего же я все-таки хочу от этого Музея?» – спрашивал Брут сам себя, удивляясь, что не может дать ответ на этот вопрос: будто бы он, как во сне, пытался поймать какой-то неопределенный предмет, постоянно ускользающий от него. Какое-то темное настроение поднималось из подсознания, какой-то глубокий намек, который никак не удавалось понять. «Надо будет провести полную инвентаризацию всех музеев и библиотек Хейма», – сказал сам себе

Брут – и отметил про себя, что это не совсем то, что просилось на поверхность слов из темных недр души. Хотя близко.

День уже катился к вечеру, когда Брут ехал по улицам столицы, но этот мучительный вопрос, несмотря на дорожную суету, где, чтобы во что-нибудь не врезаться, требовался глаз да глаз, – этот вопрос по-прежнему не давал ему покоя.

Скоро Брут выехал за город, и вместо оживленной, полной суеты улицы перед ним лежало пустынное шоссе Хеймсстадир – Киркорви. Слева от него клонящееся к закату слабое солнце пробивалось сквозь невесомую эфемерную дымку осеннего леса, где легкие невысокие березки и ольшаники почти совсем сбросили остатки листвы, и только сосны горделиво шелестели вечнозелеными кронами в легком холодном воздухе, а справа матово поблескивало серой, покрытой рябью поверхностью озеро. Шины тихо шелестели по асфальту, и вокруг не было видно ни одного автомобиля – навигация должна была официально закрыться только в первой декаде ноября; только тогда основная нагрузка ляжет на аэропорт Киркорви, и до самой весны асфальту этого шоссе не будет покоя. А пока здесь было тихо. Скоро озеро исчезло из виду. Брут свернул влево, на отходившую от шоссе боковую дорогу и, проехав метров двести, выехал к небольшой поляне. На ней стояло маленькое, изящное, словно игрушечное здание – дом, передняя стена которого, отделенная от начинающего желтеть луга крытой террасой, смотрела прямо на Брута; к торцам здания были пристроены две совершенно одинаковых башенки – довольно высокие, выше деревьев, но только усиливавшие впечатление хрупкости и игрушечности. Перед домом стояло несколько старых, некрашеных деревянных скамеек. Это было когда-то знаменитое и многолюдное, а теперь постепенно приходящее в упадок и запустение святилище Илматар Наскалинен.

Брут вышел из машины и неторопливо пошел к храму по зарастающей травой дорожке. Деревянные ступени жалобно скрипнули под ним, когда он поднимался на террасу.

В башенке было пусто и царила полутьма. Слабый свет падал в пыльный сумрак святилища через ряд маленьких окошек под потолком. У задней стены помещения, на окованной бронзой гранитной тумбе стояла золотая статуя. Золотой зверь, поднявшись на задние лапы, невидящими яшмовыми глазами взирал на всякого, кто входил в святилище. Поймав этот странный взор, Брут невольно содрогнулся.

Он подошел к алтарю, на котором тлели благовонные травы, и вперил усталый задумчивый взгляд в статуэтку. Брут вдыхал дымный воздух, наполненный ароматом мяты и бадана, и по-прежнему отчаянно искал ответ на тот страшный вопрос, что так долго его мучил. При мысли о

том, что может произойти, если Хеймингия не выдержит испытания, у него по спине пробегали мурашки: гражданская война, всеобщее обнищание, катастрофический распад всего привычного уклада жизни, расколы по религиозному признаку…

Он отвернулся от статуи и отправился в другую башенку, где располагался священный источник Девы. Из боковой двери к Бруту вышел служитель с ковшиком в руках и, зачерпнув воды, подал Бруту. Тот с благодарностью принял воду и отпил несколько глотков. Вода была на редкость вкусной, но такой холодной, что у Брута заныли зубы. Он поставил ковшик на край чаши и, не говоря ни слова, вышел.

Выйдя из святилища, он присел на одну из скамеек, которая при этом слегка качнулась, и попытался разобраться, наконец, в происходящем. Он уже не один десяток раз прокручивал в мозгу этот пресловутый вопрос, и всякий раз у него появлялось странное ощущение: будто он идет куда-то в тумане, густом и белом, словно парное молоко, совершенно непроглядном, и вдруг натыкается на стену; поворачивает в сторону – и снова перед носом из молочного тумана встает стена. Ощущение того, что, куда ни пойди, рано или поздно наткнешься на стену, было невероятно тяжелым; Бруту от этого хотелось кричать и пытаться проломить стену.

И вдруг… Проскочившая в голове мысль ударила его, как током. Ну конечно же! Он просто боится правильного ответа, боится до смерти и всячески избегает правды! Брут резко хлопнул себя по колену и воскликнул: «Нет! Хватит! Будем рассуждать логически!».

Логические рассуждения привели его к выводу, который его удивил, поразил и даже в какой-то степени испугал, ибо он гласил, что все политологи, социологи и историки несли полную ахинею, во всяком случае относительно закономерностей истории Хейма. Выходило, что Соболецкий кризис, о котором все трубили, как о тяжелейшем, но с честью выдержанном испытании, вообще кризисом не был! Он был навязанным извне испытанием, самым тяжелым, правда, но все же внешним и принципиально чуждым хеймингской державе. Все в один голос повторяли, как заклинание, схему «вызов-ответ», при этом постоянно сравнивали ее с сегодняшней ситуацией, но никто в упор не видел и видеть не хотел существеннейшую разницу между Собольцом и сегодняшним кризисом. А она состояла в том, что, тогда как Соболец был внешним испытанием, то современные передряги в державе хеймингов порождены самим же развитием Хеймингии! Это болезнь роста, тяжелый и сложный переходный период; возможно (даже, пожалуй, наверняка), Хеймингия сохранится, но прежней – такой, какой она была при Холмском и Хеддере и какой остается сейчас – ей не бывать уже никогда.

От понимания этого на Брута вдруг внезапно нахлынула волна эйфории – той, которая обычно возникает, когда в душе вновь начинает теплиться почти угасшая надежда. Давящая, душная безнадежность исчезла без следа, и даже солнце, казалось, стало светить ярче, а воздух вдруг посвежел, и Брут сидел на скамейке, дышал полной грудью и едва удерживал вопль радости, так и рвавшийся с губ. «Понял, понял! Я знаю! Есть надежда!» – пело в его груди.

Резким движением он встал, чуть не опрокинув скамейку, взбежал по ступенькам в храм и, порывшись в карманах, бросил в чашу для приношений, не считая, полную горсть серебряных монет. Потом, быстро сбежав по ступенькам, сел в машину, включил мотор и надавил на акселератор. Автомобиль тронулся с места, протрясся по не особенно ровной лесной дороге, потом промчался по шоссе и, наконец, огласил шелестом моторов стены погружающегося в вечерний сумрак Хеймсстадира. На душе у Брута было тихо и легко.

Но (правду говорят – утро вечера мудренее!) на другое утро в душе у него завозились мыши. Ну, хорошо, если кризис обусловлен собственным развитием Хеймингии, тогда все в конечном счете зависит от самого Брута и от его помощников. Но ведь это означает, что у него нет права на неверный шаг! Любая ошибка может погубить государство, и допустить ее, понятно, нельзя.

А через несколько дней Брута в Торвардастейнуре ждало неприятное известие.

XLI. АГРЕССИЯ

Гибель народу грозит
от безумия собственных граждан.

Софокл

Еще утром, собираясь на работу, Брут словно предчувствовал нехорошее. Настроение было – хуже некуда. С кислым видом он проглотил завтрак, даже не почувствовав его вкуса, и по первому снегу поехал на работу. Даже тот факт, что снег выпал в конце октября, вызвал у него глухое раздражение.

Едва он, войдя в кабинет, успел снять плащ, на столе запищало переговорное устройство.

– Ну? – мрачно промычал Брут в микрофон, нажав кнопку.

– Вас хочет видеть министр внутренних дел, – ответил секретарь.

– Будда Махавайрочана, неужели непременно надо являться ко мне сразу же, едва я вошел?

– Так звать?

– Ладно. Зови.

Через минуту дверь, скрипнув, отворилась, и в кабинет вошел Гомонтов.

– Ну, что там у вас? – так же мрачно проговорил Брут, садясь за письменный стол.

– Ой, гнуснейшая ситуация, Харальд Викторович!

– Что опять?

– Кришнаиты. Они в ярости от того, что их секту запретили, и готовы на… я даже не знаю, на что. На все готовы.

– На что они готовы, не суть важно. Что они на самом деле могут сделать – вот что мне интересно. И еще более мне интересно, что они уже делают.

– Делать – пока ничего не делают. А вот угрозы серьезные. Они обещают, что поднимут народ на борьбу.

– На борьбу?! – возмущено воскликнул Брут. – Они совсем с ума сошли?

– Ну, вы же знаете, что делают в их секте с человеческими мозгами. Видимо, мозги у этой публики действительно слегка набекрень.

– Оно и видно, – усмехнулся Брут. – И вообще, мне весьма любопытно, как это они поднимут народ на какую-то борьбу? А если вдруг народ не пожелает подняться?

Здесь он поймал себя на мысли, что все, только что им сказанное – очевидная ложь. Хеймингия вышла из состояния равновесия, и вышла давно. Достаточно было малейшего толчка, чтобы рухнуло все, что способно рушиться.

Гомонтов же, естественно, проглотил ложь, даже не заметив.

– Н-ну, – пробормотал он, – это, конечно, так. Только вот вспомните: Холон раскачал хеймингов, как никто другой! А какова была реакция на Корельскую ересь, а?!

– А вы, Владимир Эдмундович, считаете кришнаитов более опасными, чем Холон и Корела?

– Считаю. Это же очевидно! Я еще, может быть, согласился бы на существование орфиков или митраистов, так как они мне не кажутся вредоносными…

– Они, между прочим, прекрасно существуют и без вашего согласия, – с ноткой иронии заметил Брут.

– Ну да… Так вот, я еще согласен мириться с орфиками и митраистами, но эта новая секта внушает мне большие подозрения. Вспомните, с чего все начиналось!

– С чего?

– С Холона! Ничтожная секта, руководимая полоумным стариком, да к тому же еще презренным эстом, дестабилизировала обстановку на Архипелаге сильнее, чем экстремисты из «Лиги Фомы и Торварда», когда Хеддер шел к власти. А уж про Корелу и вовсе не говорю. Так вот, клоню я все это к тому, что с этими двумя мы расправились лишь после того, как они проявили всю свою зловредность, и не лучше ли расправиться с кришнаитами, не дожидаясь, пока они взорвут Торвардастейнур?

– А что, они и это угрожали сделать?

– Представьте себе, да!

– Хм, так. Только ведь я уже запретил их. Разве этого недостаточно?

– Выходит, что недостаточно.

– И чего вы от меня ждете?

– Официального приказа об их преследовании. В идеале их следовало бы полностью уничтожить физически, но поскольку это вряд ли возможно, то их надо хотя бы выгнать из Хеймингии.

– Куда?

– Да хоть в Ингрию. Куда угодно.

– Вот как? А вы хорошо помните, что записано в шестой статье Хеймсстадирской Конституции, в девятом параграфе Кодекса Торварда и в третьем параграфе Договора в Оллиле?

– Помню.

– И вы не считаете, что ваше предложение противоречит всем названным документам?

Гомонтов презрительно рассмеялся:

– О Небо! Харальд Викторович, ведь законы на то и пишутся, чтобы их нарушать.

– Какой цинизм, – холодным, бесцветным голосом проговорил Брут, отвернувшись и глядя в окно.

– Вы не согласны?

По-прежнему не глядя на министра, Брут ледяным тоном сказал:

– Еще одно такое заявление – и поедете у меня в Корвалу подметать улицы.

От испуга и неожиданности Гомонтов ошарашенно хмыкнул. Брут был человеком раздражительным и нервным и вполне мог исполнить эту угрозу, а в Корвалу – главный город Среднего Востока Ингрии, пыльный, скучный захолустный городишко – ехать не хотелось совсем, тем более – в качестве дворника.

Верховный Министр молчал, равнодушно глядя в окно, по которому уныло барабанили капли унылого серого дождя. Гомонтов тоже хранил молчание, боясь вызвать у главы государства приступ раздражения и внимательно следя за выражением его лица. Впрочем, следить тут было особо не за чем – костлявая бритая физиономия Брута не выражала абсолютно ничего.

Первым сдался министр. Не выдержав состязания в молчанку, он осторожно попробовал настоять на своем:

– И все-таки, Харальд Викторович, ведь нельзя же пускать дело на самотек!

– Хорошо, а что вы еще можете предложить, помимо официального преследования?

– Н-ну, – замялся тот, – скажем, преследование неофициальное.

– Это как?

– Например, можно не пускать их на телевидение, препятствовать выпуску их газет под какими-нибудь благовидными предлогами. Ежели постараться, способов можно найти десятки.

– Это верно. – Брут криво усмехнулся. – Вот только стоят ли эти десятки того, чтоб их искать, а?

– Не понимаю вас. – В тоне Гомонтова действительно звучало искреннее непонимание.

Брут повернулся к нему и воззрился на него взглядом, словно говорившим: «Ах, как же ты мне надоел, дорогой мой!», а когда тот отвел взгляд, вдруг поинтересовался:

– Слушайте, Владимир Эдмундович, ну чем, скажите на милость, кришнаиты вам не угодили?

– Но ведь они угрожают здоровью нации! Это же даже в вашем указе записано!

– Во-первых, здоровью нации они не угрожают. Во-вторых, указы вам давно пора научиться читать правильно, то есть между строк. А в-третьих, я вам скажу прямо: указ я издал, формально их запретил, а там хоть трава не расти. Меня это не касается.

– Отказываетесь, значит?

– Именно. Вы поразительно догадливы.

– Ну что ж, – пробормотал мрачно министр, вставая, – вам же от этого будет хуже. Полагаете, они оценят вашу к ним благосклонность?

– Я ничего не предполагаю, и к ним я отнюдь не благосклонен. Просто, думается мне, во всем, в том числе в преследовании врагов, следует соблюдать умеренность.

– Ах, Фенрир им в глотки! Умеренность, умеренность! Предупреждаю вас, что они ее соблюдать и не подумают!

– Ну, если они выйдут за рамки приличий, то мы с ними и разберемся. А пока…

– Что?! Что пока?!

– Ладно, хватит! – отрезал Брут. – Ваш панический страх перед ними действует мне на нервы! Если вам нечего больше мне сказать, тогда вы свободны.

Гомонтов возмущенно фыркнул и, ни слова не говоря, вышел из кабинета.

Брут встал из кресла и, нахмурившись, прошелся несколько раз по комнате. Он пытался понять, почему же он так отмахнулся от предупреждений Гомонтова. Гомонтов был человеком очень умным и толковым, хотя и циником, и к его словам следовало бы внимательнейшим образом прислушаться. Что заставило Брута пренебречь ими? Он и сам не понимал.

В последнее время – с тех пор, как ему впервые пришлось работать с сильными сектами (а именно с Холоном) – он чувствовал тоскливую неуверенность. Казалось, он боится последовательных действий: он лавировал, колебался, трусил, он даже не мог точно сказать, какое действие предпримет в следующий момент. Внешне это было, может быть, и незаметно, но сам он чувствовал это предельно ясно, и это бесило его, бесило тем сильнее, что он отлично понимал, чем это опасно – государственный деятель, подобно саперу, может позволить себе ошибиться лишь один раз, – но совершенно не знал, как с этим справиться. Вот и сейчас так: несколько дней назад он официальным указом запретил

кришнаитов на Архипелаге, а теперь защищает их. Какой бред, во имя всех будд!

Бруту стоило больших усилий подавить всплеск раздражения. Справившись, наконец, с эмоциями, он сел к столу и сравнительно спокойно проработал до вечера. Когда стемнело, он вышел из кабинета, прошел по сырым и гулким замковым коридорам к гаражу и скоро, меся шинами размокший под дождем первый снег, выезжал из ворот Торвардастейнура по направлению к городу.

Едва он въехал в город, произошло событие, заставившее его пожалеть, что он так легко отмахнулся от предупреждений Гомонтова.

Его автомобиль влился в общий шумный поток машин у границ города, и поначалу все вроде бы шло как обычно, но скоро Брут заметил, что машины начинают двигаться все медленнее. «Что такое? Неужели пробка?!». Что это за явление, он знал не понаслышке, и все же для Хеймсстадира это было необычно. Тем не менее, слегка надавив на акселератор, Брут подвигался понемногу вперед. Случайно ему попался полицейский, который, стоя на своем пятачке, тщетно пытался хоть немного уменьшить этот железный моторизованный затор. Брут опустил стекло дверцы и обратился к нему:

– Слушайте, сержант, что происходит?

– Да кришнаиты эти, так их в левое ухо тридцать восемь раз! – крепко выругался сержант, только тут заметил, с кем разговаривает, смутился и отдал честь.

– Вольно, вольно! – махнул рукой Верховный Министр. – У них там что, очередная демонстрация?

– Так точно!

– И давно?

– С трех часов.

Брут покосился на часы. Тускло фосфоресцирующие кончики стрелок указывали – половина седьмого. Четвертый час «демонстрируют». Луженые глотки.

Он отвернулся и снова поднял стекло. Стоять здесь, среди взвывающих, как черти из преисподней, моторов и раздраженных гудков, в темноте, рассекаемой огнями фар и уличных фонарей, и в промозглой сырости было ужасно мерзко. Чтобы немного развеяться, он включил радио. Под музыку и в пробке стоять не скучно.

Машины медленно просачивались по улице, и скоро Бруту стали видны сами кришнаиты. Они, соорудив из подручных средств (из каких именно, не позволяла увидеть темнота) нечто вроде баррикады, перекрывшей примерно половину ширины улицы, с криками толпились около небольшого частного театрика, слушая оратора, взгромоздившегося

на крышу микроавтобуса и тщетно пытавшегося переорать шум с помощью мегафона, и отбиваясь от вяло и скорее для вида наседавшей со всех сторон полиции. Полиция же пыталась разобрать баррикаду и разогнать демонстрантов, но все то, что она нехотя разрушала, немедленно восстанавливалось демонстрантами.

По радио в этот момент объявили рекламную паузу, и Брут поспешно переключил приемник на другой канал. Настроить точно он не успел, ибо даже в такой давке и при такой скорости от дороги лучше было не отвлекаться, но, осторожно выруливая в тесное пространство между автобусом и чьей-то скромной легковушкой, все-таки услышал сквозь треск в динамике голос, по которому сразу же определил, что имел несчастье настроиться на волну радиостанции «Бхактиведанта» – пока единственной кришнаитской радиостанции в Ингерманландии.

Из динамика кто-то орал:

– Они запретили нас, пусть! Но они еще пожалеют об этом. Наше правительство, видно, совсем забыло, что наша община на протяжении последних лет неуклонно набирает силу и стала уже достаточно популярной, чтобы суметь в случае необходимости поднять всех своих сторонников на вооруженную борьбу!

– Но ведь это будет противоречить вашим принципам, – сказал другой, более спокойный голос. – Как же быть с ненасилием?

– Это, конечно, большая проблема, но что же мы можем поделать? Нас запретили, нас готовы выгнать из Хейма, хотя Брут совершенно не понимает, чем это может быть чревато. Он поддержал Бодхиратну, хотя его линия заведомо неверна, верна наша. Мы говорим людям не о безликой нирване и не о давно умершем, пусть и великом, учителе, а о живом боге Кришне, который мудр, милосерден и всегда поможет верным ему людям. Мы выражаем надежды и чаяния десятков тысяч человек, которые пытаются найти правильный путь в обезумевшем современном обществе.

– И, все-таки, как быть с вашим принципом непричинения вреда?

– Это временное явление. Кроме того, до него дело не дойдет. Как бы там ни было, в любом случае будущее за нами. А когда мы придем к власти, то в корне переделаем всю Хеймингию. Сейчас это тюрьма народов, и даже хейминги являются в ней не свободными, а просто надзирателями, а Верховный Министр – начальником тюрьмы. Никто не свободен. И мы должны это изменить. Мы изменим все: экономику, государственное устройство, религию, культуру, искусство…

При упоминании искусства Брут нервно вздрогнул, ругнувшись про себя: «Звери! Психи! Их, похоже, в детстве с восемнадцатого этажа всех уронили! Изменять культуру… бред какой-то! Каким образом?!». Ему

вспомнилось то, что он видел недавно в Музее. Неужели все это будет уничтожено?

Радио между тем продолжало хрипеть:

– Вы взгляните на их искусство! Оно же воспевает только насилие! Разве можно допустить такое в государстве, которое хочешь сделать семьей народов, а не тюрьмой?! Нет, это все должно быть строжайше запрещено и упрятано в запасники от греха подальше, чтобы не портить астрал тысяч людей, которые будут избавлены от лицезрения всех этих мерзостей. У нас уже существует альтернативное искусство…

Брут, снова выругавшись, выключил радио. «Астрал? Что за бред? Где они слов-то таких нахватались? Альтернативное искусство! Ха! Вы на них посмотрите! Да уж лучше совсем без каких-либо альтернатив, чем с такими!».

Между тем пробка впереди постепенно рассасывалась и скоро рассосалась до такой степени, что уже можно было нормально ехать, хотя сзади еще раздавались нервные гудки автомобилей. Брут потянулся к рычагу переключения скоростей и вдруг услышал крики: «Брут! Это его машина! Держите!». Испугавшись, но ничего не поняв, он рванул рычаг, и в этот момент откуда-то из-за баррикады раздался треск пулеметной очереди, и по бронированным окнам машины зазвенели пули. Побледнев, Брут надавил на акселератор и, нарушая все правила движения, рванул вперед. Сзади раздались новые выстрелы, крики, но он, не обращая на них внимания, мчался вперед, пока баррикада не скрылась из виду. Только тогда он позволил себе немного сбавить скорость, и в этот момент страх в душе исчез, уступив место злости. Брут ругался на чем свет стоит: «Проклятые кришнаиты! Расстрелять их всех! Ух, точно, отдам приказ об изгнании!». Потом, когда злость немного улеглась и он вновь обрел способность рассуждать здраво, ему закралась в голову вполне логичная мысль: почему хеймсстадирский комендант не перекрыл эту улицу и позволил возникнуть на ней пробке? Почему он не спохватился раньше и почему вообще позволил сектантам устроить это собрание, хотя ни в коем случае не должен был допускать этого согласно указу Верховного Министра о запрещении деятельности секты на Архипелаге? Наконец, почему его, Брута, узнали и попытались уничтожить? Хорошо, что машина бронированная, а то ведь это могло кончиться совсем плохо. Но как его узнали? От мелькнувшей в голове мысли Брут похолодел. «Неужели… заговор?!». Нет, это уже паранойя. Комендант Хеймсстадира – кришнаит? Немыслимо! И потом, как они могли определить, что он поедет именно этой дорогой? Сегодня он не воспользовался обычной дорогой, по которой всегда ездил домой. Такие внезапные отклонения от традиционного маршрута он любил – все время ездить по одной дороге было бы скучно. Итак, предвидеть не могли. Но…

Брут резко тряхнул головой. «Это действительно нечто параноидальное!». Он становится слишком подозрительным. С чего бы это? И, между прочим, надо было взять с собой охрану. Времена Хеддера, когда правитель государства мог спокойно ходить по улицам совсем один, давно прошли.

С такими мыслями он доехал домой. Асгерд, как обычно, встретила его с ужином, но он проглотил его совершенно невнимательно и сразу же отправился спать. Испытанный сегодня страх нагнал на него такую сонливость, что Брут готов был заснуть прямо на ходу.

Но, когда он разделся, вытянулся в постели и закрыл глаза, в памяти неожиданно всплыла сказанная сегодня по кришнаитскому радио фраза об «альтернативном искусстве», и Брут резко открыл глаза, охваченный внезапным беспокойством. «Альтернативное искусство». «Упрятать все в запасники? Неужели они, дорвавшись до власти, начнут разрушать великую и древнюю культуру? Неужели эти сумасшедшие станут бороться с тем, что было единственной почвой, единственной точкой опоры для множества поколений хеймингов? Как они не понимают: если оторвать этот народ от корней – что будет? Что останется от великой хеймингской державы?».

Вместе с этими вопросами в полусонном сознании Верховного Министра возник и еще один, и он был более страшен, чем другие. Что будет дальше с Хеймингией? Бруту казалось, что он давно уже разрешил этот вопрос и думать больше не о чем, но сегодня против своей воли вновь вернулся к нему и обнаружил, что на самом деле он совсем не уверен в правильности своего решения, в чем он пытался себя убедить. Пусть этот кризис – внутренний кризис Хеймингии. Это верно, и вряд ли возможно в этом усомниться. Но ведь может же быть, что этот кризис может разрешиться лишь гибелью державы! Может же быть, что болезнь неизлечима и смертельна!

Брут заворочался в постели, отгоняя назойливые мысли, но безуспешно. Эти два вопроса, словно раскаленные гвозди, сидели в мозгу и невыносимо жгли. Подумав, что, может быть, ему всякая чушь лезет в голову, потому что слишком душно, он встал и открыл окно, но это не помогло, и он, прокрутившись в постели до утра и так за всю ночь ни разу по-настоящему и не заснув, встал и, невыспавшийся и злой, поехал на службу.

Он ехал и тихо страдал. Страх и гнев, вызванные вчерашним нападением, за бессонную ночь перешли в тоску и отчаяние такой силы, что хотелось кусать пальцы и выть, и все это давило на уставший и разгоряченный мозг, и даже природа угнетала своим жалким осенним видом. Мокрый снег поздней осени летел в лобовое стекло и брызгами разбивался об него. В ушах уныло звенел монотонный шум города:

завывание моторов, шорох шин. Ветер зло трепал ветви берез на бульварах; жалкий вид был у этих несчастных деревьев: словно умоляя о пощаде, поднимали они почти оголенные ветки к бесцветному небу. Но небо было равнодушно. Оно безразлично взирало на великого пророка Фому, на подвиги Торварда, на то, как хейминги медленно, словно удав – кролика, душили Койвисто, на то, как Хеддер бился за новое общество, на Соболецкое сражение. Теперь оно безразлично взирает на умирающую Хеймингию. Именно умирающую… Да. Ведь предупреждал Хеддер об опасности великого могущества: рано или поздно силы на то, чтобы быть сильными, не хватит. Именно это, кажется, и происходит сейчас с Хеймингией. Это уже не то великое время, когда неугомонные хеймингские торговцы смело пускались в самые безумные и рискованные предприятия, нимало не пугаясь огромного риска. Тогда власть хеймингов еще только утверждалась. Сейчас она утвердилась полностью, это очевидно. И это должно прикончить Хейм, это тоже очевидно. О другом исходе событий Брут даже не думал. Просто не верилось оптимистическим предсказаниям, которые так часто делали через средства массовой информации университетские аналитики, и еще менее верилось заверениям собственного правительства – заверениям, адресованным как широкой публике, так и одному ему, Бруту.

А тут еще кришнаиты с этими своими идеями. «Новая культура!». Это могло бы быть смешно, когда бы не было так опасно. Они разрушат культуру. Они вообще все способны разрушить. И неужели ничего, совсем ничего потомкам не достанется, неужели… даже о самом существовании народа хеймингов забудут?

Внезапный гудок автомобильного клаксона сзади заставил Брута вздрогнуть… и вызвал к жизни мысль. Ту самую мысль, которая давно просилась в сознание. Она сверкнула в воспаленном и утомленном сознании, словно молния, поразив Брута почти физической болью. Она была невероятна, дика, безумна. Но мозг с отчаянием погибающего ухватился за нее, как за последнюю, спасительную соломинку. Ухватился и больше не отпускал.

Одним из аспектов кризиса Хейма был моральный аспект. Мораль в области социологии понимается как сильная самоидентификация индивида с группой, в которую он входит, у хеймингов же ощущение связи своей с Хеймом по ряду причин начало постепенно слабеть, а вместо нее начала формироваться негативная идентификация с Хеймом, осложненная еще и ощущением собственного бессилия перед лицом непостижимых социальных, политических и экономических сил, от которых

зависит судьба отдельного человека. Поражения, обрушившиеся на Хейм, растущая бюрократизация, падение уровня жизни, внутренняя критика деятельности правительства, конфликты в Сенате, рвущиеся к независимости колонии – все это приводило к размыванию лояльности простых хейминго в к правительству и государству, что не могло не ослаблять Хейм, а его ослабление (по закону положительной обратной связи) вело к дальнейшему падению лояльности. По той же причине росла и коррупция, которая еще больше способствовала распаду моральных связей хейминго кого народа с Хеймом. В конце концов перед хеймингами встала в полный рост проблема самоидентификации. Что значит быть хеймингом? Принадлежать к Пяти Родам? Быть буддистом? Иметь гражданство Хейма? Или что-то еще? Разделение общества шло во времена Брута именно по тому, какие ответы люди давали сами себе на эти вопросы.

(История Великого Хейма: Учебник / Под ред. акад. М. Сильвия Сцевина и проф. Э. А. Саарлахти. Издательство Университета Сегоярви, LXI, с. 354).

XLII. НА ОНЕЖСКОМ ОЗЕРЕ

Особенность состояния хаоса в том, что невозможно, исходя из него, предвидеть будущее. Хаос – плохой трамплин для предвидения. Когда пребываешь в нем, когда он в тебе и вокруг тебя, когда структура мира, состоящая из законов, потерпела крах, когда все случайно – тогда не стоит пытаться быть пророком.

Элтон Хольцман. Из «Проповедей в Тин-Тазарифте»

Примчавшись в Торвардастейнур, Брут первым делом вспомнил о вчерашних событиях. Получив у начальника охраны утвердительный ответ на вопрос, не появлялся ли здесь комендант, он бросился его разыскивать. Комендант был обретен в ресторане, где, ничего не подозревая, угощался кофе, затащен в кабинет Верховного Министра и в течение часа семнадцати минут подвергался строгому внушению, после чего был с миром отпущен и вышел из кабинета красный, как вареный рак, и вспотевший. Едва покинув кабинет, он помчался в свою часть замка, откуда вскоре донеслись его гневные выкрики. Весь этот день служащие комендатуры ходили на цыпочках, говорили шепотом и прилагали все усилия к тому, чтобы не попасться своему непосредственному начальнику на глаза.

Брут же, распекши коменданта, почувствовал, что ни малейшего успокоения это ему не принесло. В душе по-прежнему ледяной иглой сидели страх и отчаяние. До самого обеда он так и не прикоснулся к кипе бумаг, лежавшей сиротливо на письменном столе, хотя отлично понимал, что эти документы должны быть изучены сегодня, ибо завтрашний день принесет свои, новые заботы. Но в голову не шло ничего. Все сознание было занято той дикой, невообразимо дикой мыслью, которая так нежданно-негаданно пришла к нему сегодня утром. Разумом – той его частью, что не была охвачена болезнью отчаяния, – он совершенно ясно сознавал, что эта мысль по меньшей мере бредова, и его поднимут на смех, если узнают, но страх диктовал свое. И побеждал. Все попытки отогнать эту идею вызывали в сознании бешеное сопротивление, словно Брут пытался отторгнуть от него нечто, без чего оно разрушится и погибнет. И наконец в борьбе победила бредовая идея. Брут надавил на кнопку переговорника:

– Вызовите-ка мне Второго Министра, и пусть поторопится.

– Да, Харальд Викторович, – просипел переговорник голосом секретаря, и Брут отпустил кнопку.

Второй Министр был обретен значительно скорее, чем комендант. Уже через четверть часа секретарь доложил о нем.

Второй Министр – приземистый человек с округлым брюшком, в обязанности которого входило разбираться во всех делах государства не хуже правителя Хеймингии, но ничего без августейшего указания не предпринимать – вплыл в кабинет и сел, по своему обыкновению, без приглашения.

– Н-ну, Асбранд Бенедиктович, – начал Брут, – коль скоро вы нашлись так быстро, то вот что я вам скажу…

– Хм! – Второй Министр обычно экономил на эмоциональных реакциях.

– Я не сегодня-завтра уезжаю, причем довольно далеко, так что всеми текущими делами во время моего отсутствия придется заниматься, как догадываетесь, вам.

– И надолго?

– Думаю, до Нового Года вернусь. Впрочем, не обещаю. Вот эти вот бумаги, – он указал пальцем на лежавшую на столе кипу, – вам придется изучить. Ну, в общем, понятно, да?

– Разумеется.

– Вот и великолепно. Вы свободны.

Второй Министр взял со стола бумаги и вышел, как обычно, не удосужившись даже кивнуть головой на прощанье. Брут же снова наклонился к переговорнику и нажал кнопку.

– Слушаю, Харальд Викторович!

– Распорядитесь там, чтобы мне к завтрашнему дню подготовили самолет. Полетим в Кондиниеми.

– Хорошо, все сделаю.

Отдав распоряжения, Брут облегченно вздохнул. Фактически здесь его теперь ничто не удерживало, и он мог ехать домой хоть сейчас, но решил повременить. Походив из угла в угол по кабинету, он спустился в ресторан, заказал кофе и в скуке сидел за столиком, потягивая темный ароматный напиток и рассеянно глядя в окно. Едва он успел допить кофе, как услышал за спиной голос:

– О! Харальд Викторович! Вот вы где!

Брут поднял глаза. Перед ним стоял Гомонтов.

– Вы разрешите, я сяду с вами?

– Пожалуйста, – равнодушно пожал плечами Брут. – Кофе хотите?

– Хм! Не откажусь.

Брут подозвал официанта, заказал две чашки кофе и, когда просимое было принесено, вдруг внимательно посмотрел на своего министра внутренних дел и спросил:

– Что это у вас такой заговорщицкий вид?

Тот хитро усмехнулся:

– Слухи!

– Это вы о моей внезапной поездке на Онегу?

– Совершенно верно.

– Как быстро разносятся слухи! – вздохнул Брут и отпил кофе.

– Куда ж это вы так вдруг сорвались? – прорвалось наконец любопытство Гомонтова.

– В Кондиниеми, – спокойно ответил Брут, не совсем понимая, с чего вдруг Гомонтова это так заинтересовало.

– А-а, в тот самый форт, который когда-то наш друг Мерилода едва не взял приступом?

– Ну, в общем, да. А почему вы спрашиваете?

– Да так… Любопытство вдруг разобрало.

– Хм! – только и сказал Брут. Приступы неуемного любопытства нападали на Гомонтова довольно часто. Это была, конечно, простительная слабость, но достаточно серьезная, чтобы именно сейчас привести Брута в раздражение. Он чуть было не ответил Гомонтову известной пословицей, гласящей, что «любопытной Людмиле дверью нос прищемили», и едва сдержался. Впрочем, он все-таки понимал своего министра – решение о поездке на Онегу на него самого свалилось, как снег на голову, а уж для сотрудников Торвардастейнура это тем более должно было быть неожиданным.

Гомонтов между тем пил кофе и внимательно поглядывал на Брута в ожидании более подробных разъяснений. Тот, однако, хранил молчание, упорно не желая удовлетворять чье-либо любопытство. Быстро допив кофе, он встал и пошел к выходу. Гомонтов негромко окликнул его, но он сделал вид, что не слышал.

По дороге домой, проезжая на сей раз иным, кружным путем, Брут снова задумался, взвешивая все pro et contra принятого решения. Попутно он слегка обругал себя за то, что обдумывает все лишь тогда, когда решение принято и отступать некуда.

Все contra бросались в глаза сразу же, даже без всякого размышления. Дело действительно было диким и безумным: ради спасения хотя бы части всего того, что было создано хеймингами, он решил построить в северо-восточной Ингерманландии, в относительно спокойном месте, в глуши на границе пустых земель огромное хранилище, своего рода запасник – общий для всех библиотек, архивов и музеев Архипелага. (Бред, конечно, но ведь утопающий и за соломинку хватается!). В случае серьезной опасности – гражданской войны, например – все ценности предполагалось свезти туда, где они могли быть законсервированы на неопределенно долгий срок. В качестве такого хранилища Брут решил использовать глубокую шахту в скалах недалеко от Кондиниеми. В ней раньше добывали, кажется,

уголь (а может, и бокситы), но недавно – в связи с общим экономическим упадком в стране – она закрылась, рабочие уехали, технику увезли, а вход в шахту замуровали. Удобна она была тем, что глубина штолен достигала двухсот метров, основное инженерное оборудование, не подлежащее перевозке, – лифты, рельсы, насосы, вентиляторы и прочее – было тщательно законсервировано, а ее переоборудование под запасник вряд ли могло бы стоить уж очень дорого. Всю эту информацию он почерпнул недавно из отчета прокуратора Верхней Свири.

Все же проблема денег оставалась, и Брут мучился уже новой мыслью: где их взять? Казна и без того трещит по всем швам и даже хуже – оттуда ни талера не взять. Потом, даже если бы и были деньги, на такую затею ему не дали бы все равно. У него самого есть довольно большие капиталы, но нет необходимости проводить даже самые приблизительные расчеты, чтобы понять – этих денег хватит на покрытие максимум десяти процентов расходов. А где достать остальное?

Впрочем, этот вопрос мучил его недолго. Разум сразу же подсказал ему выход. Бруту он ужасно не нравился, и он отчаянно пытался приискать что-нибудь получше, что-нибудь такое, на что совесть реагировала бы не так болезненно, но в голову, увы, не приходило больше ничего. И Брут решился.

Следующий день выдался скучным и сереньким. Небо было белым от облачного покрова, через который тусклым серебряным пятном пыталось пробиться солнце. Выглянув в окно, Брут испугался, что полеты отменят из-за нелетной погоды, и, быстро умывшись и одевшись, собрался позвонить в Киркорви и уже протянул руку к аппарату, но тут телефон вдруг зазвонил сам. Верховный Министр поспешно снял трубку.

– Харальд Викторович! – раздался в динамике голос секретаря. – Я из аэропорта звоню. К полету готово все.

– Ага, значит, погода все-таки летная?

– Выходит, что так.

– Ну, отлично. Часика через полтора подъеду.

Он быстро поел, выпил почти залпом утренний кофе и скоро уже мчался в машине по шоссе Хеймсстадир – Киркорви. В аэропорт он примчался даже раньше обещанного; там его ждали две вещи: во-первых, самолет с экипажем, готовый взлететь в любую секунду, а во-вторых, им одним известными путями узнавшие обо всем журналисты. Журналистов, впрочем, отпихивала в сторону полиция, так что с ними у Брута проблем не возникло. Маленькая, похожая на мышь машина отвезла его к одной из дальних взлетных полос. Он поднялся в самолет, уселся в мягкое высокое кресло, тут же завыли двигатели, и железная птица, взяв короткий разбег, оторвалась от земли. Впереди было бледное туманное небо Ингерманландии

и час полета. Брут подпер кулаком костлявую щеку, уставился в иллюминатор и, чтобы не терять драгоценного времени даром, стал набрасывать в уме план дальнейших действий.

* * *

Пропадал Брут на Онеге целых два месяца, и что конкретно он там делал, точно никто сказать не мог, даже журналистам-пронырам ничего толком вызнать не удалось. Вернулся он в декабре, как раз к новогоднему банкету в Торвардастейнуре; он успел лишь заехать домой, переодеться в соответствующий костюм и сразу же помчался в замок.

В Торвардастейнуре его встретили с радостью – никому не хотелось бы встречать Новый Год без Верховного Министра. Брут, впрочем, хотя и старался держаться на празднике так, как подобает главе мировой державы, все же не мог скрыть усталости. По нему было ясно видно, что прошедшие два месяца были тяжелы для него: лицо осунулось, скулы стали выступать под ставшей пергаментной кожей, глаза запали, сам он сутулился, и то и дело из его груди вырывался тяжелый глубокий вздох.

Как и полагается по регламенту, он произнес краткую поздравительную речь, транслировавшуюся по телевидению и радио на весь Хейм, затем колокол на Серебряной башне замка ударил двенадцать раз. Когда отгремели новогодние здравицы и понемногу утих звон бокалов с лигурийским вином, к Бруту подошел Гомонтов.

– Ну, Харальд Викторович, – спросил он, потягивая вино из высокого золотого кубка, – как ваша поездка?

– Хм… Неплохо, – буркнул тот, явно не желая распространяться на эту тему.

Но Гомонтов этого не заметил. Или не пожелал заметить.

– Интересно все-таки, что вы там делали?

– Вы разве не знаете? Обследовал прионежские рудники и каменоломни с целью выяснить, можно ли вернуть их к жизни.

– И что?

– Оказалось, один из них законсервировали зря.

– Значит, будет расконсервация?

– Видимо, да.

Они отошли к окну, где их вряд ли могли расслышать, и здесь Гомонтов, с укором посмотрев в глаза Бруту, задал прямой вопрос:

– Харальд Викторович, зачем вы меня обманываете?

– ???

– Я же прекрасно понимаю, что один из рудников расконсервирован совсем не для этих целей.

– Хм! А для каких же?

– Вот это мне и интересно. И еще интереснее другое: откуда деньги?

Брут мрачно на него посмотрел. «Нет, его любопытство его погубит!».

– Думаю, сударь, что свой инстинкт превентивной вооруженности, хоть вы и министр внутренних дел, вам все же лучше было бы сдерживать, – сухо ответил он. – Что же касается денег, то я тем более предпочту воздержаться от разговоров.

– Почему же?

– Не хочу, чтобы мной интересовались господа из тайной полиции.

С этими словами он отошел от Гомонтова, оставив его в недоумении, сел за стол и занялся вином и индейкой.

* * *

Крайне неблагоприятно отразилась на делах Хейма попытка администрации Брута уладить силой «африканский вопрос». Мятеж Фридриха Эйзенбергера и Оскара Вихавайнена в африканских колониях Хейма, вызванный не только экономическим кризисом, но и кризисом доверия власти, катастрофически не справлявшейся с возникавшими проблемами, и культурным шоком и противодействием местного населения хеймингской власти, – этот мятеж правительство Брута попыталось подавить военной силой, но армия, не приспособленная к боевым действиям в условиях тропической Африки, терпела поражение за поражением, пока, наконец, совершенно деморализованная и измотанная, не отступила под натиском повстанцев. Часть хеймингских войск перешла на сторону противника, а те, что еще находили в себе силы сопротивляться, были в конце концов разбиты в знаменитом сражении под Кондиафарой. Все это было тяжелейшим ударом не только по авторитету Верховного Министра, но и по всему мировоззрению, по всей идеологии, на которой держалась Хеймингия. Потеря Африки нанесла чувствительнейший удар по финансовому благополучию Хейма, резко снизила его политическое влияние в остальных колониях и, что особенно важно, посеяла среди самих хеймингов глубокое недоверие к собственному государству…

(История Великого Хейма: Учебник / Под ред. акад. М. Сильвия Сцевина и проф. Э. А. Саарлахти. Издательство Университета Сегоярви, LXI, с. 371).

Дни шли за днями в скуке и суете государственных дел. В течение зимы Брут еще дважды ездил на Онегу поторопить строителей.

В марте состоялось очередное ежемесячное заседание правительства. Открыв заседание, Брут со вздохом опустился в кресло и приготовился отчаянно скучать, ибо сегодня Орлевич должен был делать доклад. До того доклады, несмотря на довольно напряженную ситуацию в стране, были скучны и наводили сон, ибо ничего нового в них не содержалось.

Однако на этот раз Орлевич, похоже, решил нарушить традицию.

– Господа министры, – сказал он, поднявшись с кресла, – я проанализировал сложившееся в стране положение и нашел его, мягко говоря, странным. На развитие торговли нами брошены, как вы знаете, огромные силы, большие средства. И что?

– Что? – из чистой вежливости решил отреагировать Брут.

– Ничего, господа! Абсолютно ничего!

– То есть? – Брут немного оживился – начало доклада было необычным.

– Ничего – значит, колониальные владения постоянно сокращаются, невзирая на все наши титанические усилия. Мы взяли огромные средства из казны, причем в тот момент, когда времена она переживает отнюдь не самые лучшие. Мы рассчитывали таким способом оживить торговлю, но, судя по данным статистики, торговля сворачивается! Хейм сжимается, как шагреневая кожа!

– Почему же? – задал свой любимый вопрос Гомонтов. Правда, на сей раз им двигало не просто любопытство.

– Мне думается, причина здесь одна – нам нечем больше торговать! Мы посадили индустрию на голодный паек, и она уже не может производить достаточное количество товаров. И дела, заметьте, принимают серьезнейший оборот. Цифры можно множить и множить, и, если кому интересно, они все изложены здесь, – он постучал пальцем по лежавшей перед ним на столе папке, – и тенденция, если взглянуть на них, вырисовывается весьма ясно. Еще прошлой весной, всего год назад, мы владели, кажется, всем миром, в мае прошлого года, как помните, в Форт-Гогланд прибыла торговая экспедиция из Гуанчжоу, посланная нами за год до того, мы достроили и отправили в Арктику атомный ледокол «Торвард» и еще несколько атомоходов ледового класса, мы роскошно приняли в Хеймсстадире гарамантскую делегацию во главе с самим принцем Югертеном. А сейчас – и это абсолютно очевидно – у нас не хватит ни сил, ни средств снарядить экспедицию ни в Гуанчжоу, ни в Индию, ни, может быть, даже в Средиземное море, и даже председатель Афинского Союза, которому мы недавно послали приглашение посетить Хеймсстадир,

осмелился ответить отказом. Более того, раньше мы и в зимних условиях не прерывали торговли даже с самыми удаленными от Хейма странами, и нам не мешал лед, покрывавший Балтику, Белое море и прочие водные пути. А теперь мешает! Раньше мы по суше сообщались с Уралом и Волжской Булгарией, а в течение этой зимы ни одной экспедиции дальше Кеми не было послано. Я уже не говорю про африканский позор…

– Но, – попытался возразить Брут, – возможно, это временное явление. Не лучше ли подождать открытия навигации и только тогда судить о том, в какую сторону эволюционирует государство?

– Боюсь, что не лучше. Тенденция прослеживается слишком явственно, и глаза на это я бы закрывать не советовал.

– Хм! – Брут, поморщившись, потер переносицу. – Все это ужасно, несомненно, но опять-таки за всем этим должен последовать вполне резонный вопрос: где выход?

– И есть ли он вообще, – мрачно закончил из дальнего конца стола Гомонтов.

В зале повисло молчание. Оно нависало над собравшимися, как глухой тяжелый каменный свод, не пропускавший ни одного звука, ни одного лучика света.

Наконец Брут набрался смелости нарушить его.

– Так. И что же дальше? Как ведут себя, скажем, тихвинские рабочие, так внезапно потерявшие работу?

– Пока в городах, где начались массовые увольнения, глухо кипит недовольство. Пока еще глухо. Но думаю, что здесь как раз нечего бояться. Те, кому повезло лишиться работы, просто вернутся к оставленной ими когда-то крестьянской жизни. Они же ведь все крестьяне, они хорошо знают и помнят крестьянский труд, и им легко будет вернуться к земле. Кстати, это сможет несколько оживить дела в государстве.

– М-да, – пробубнил Брут себе под нос. – Скорее, сможет продлить агонию.

– Ну, что вы, Харальд Викторович, – возразил ему Орлевич. – Оснований для такого пессимизма нет. Сначала Хейм будет жить за счет того процесса, о котором я говорил, а за то время мы, я думаю, сможем что-нибудь придумать и выведем страну из кризиса.

Наконец Орлевич дочитал доклад, приведя еще с дюжину цифр и фактов, один другого страшнее. Когда он кончил и опустился в кресло, Брут встал и задал лишь один вопрос:

– Итак, господа, что делать будем?

Но никто не проронил ни слова. Все хранили гробовое молчание.

– Что, ни у кого нет соображений?

Опять тишина. Лишь огонь потрескивает в камине.

Вечером, когда Брут возвращался домой, ему вдруг подумалось, что его мысль очень сильно напоминает птицу в клетке: точно так же бьется в тисках обстоятельств, рвется на волю и не находит выхода.

По-прежнему беспокоили его кришнаиты, которые с каждым днем вели себя все агрессивнее. Свою доктрину они уже в открытую, невзирая на всевозможные запреты, распространяли на Архипелаге среди медленно, но неуклонно беднеющего населения. От них не отставали и христиане, порой казавшиеся Бруту гораздо более опасными, чем любые кришнаиты.

Проблему сектантов он поднял на следующий день, столкнувшись в коридоре с Бодхиратной.

– Ну, что, бханте, – обратился к нему Брут тоном, полным иронии, которую даже не пытался скрыть, – как поживает Сангха?

– Неплохо, – мрачно буркнул тот, сделав безуспешную попытку улизнуть от Верховного Министра.

– А именно? И еще меня интересует, на чью сторону склоняется победа в борьбе между вами и «преданными Кришны»?

Видя, что монах молчит и отводит взгляд, Брут вдруг наклонился к его уху и прошипел:

– Что, бханте, проигрываете?

– Неправда! Буддизм сохраняет и даже усиливает свои позиции!

– Вот даже как?! А как же вы объясните, что уже не меньше трехсот тысяч человек в Хейме отвернулись от Будды и предпочли ему Кришну, а?

– Это ложь! Кто сказал вам такую чушь?!

– Это записано во всех отчетах, эта информация получена не от вас и даже не от самих кришнаитов, а из много более надежных источников. И не пытайтесь увиливать!

– Но я-то тут при чем? – отчаянно воскликнул Бодхиратна, растерянным взглядом глядя на Брута. – Что я могу сделать?

– Теперь уже ничего, – холодно отрезал тот. – Вы должны были думать раньше. А вот теперь мы по вашей милости получили в государстве такую религиозную кашу, которую не знаешь, как расхлебать. Вы хотя бы понимаете, что означает цифра «триста тысяч» для Хейма? Какой это процент населения?

– Н-ну-у…

– Что «ну»? Что, Фенрир тебя загрызи, «ну»? Тьфу! – Брут бесился; он едва сдержался, чтобы не ударить монаха. – Э, ладно, что с вами разговаривать? Что с вас взять, кроме анализов? Вы же хуже кришнаитов…

С этими словами, досадливо махнув рукой, Брут оставил растерянного монаха и широкими шагами, быстро, почти бегом, помчался к своему кабинету, шепча про себя проклятия.

XLIII. НАЧАЛО АГОНИИ

Правитель по отношению к обществу – то же, что сознание по отношению к бессознательному или субъект по отношению к сознанию. Бессилие политического центра есть в каком-то смысле то же самое, что и психоз – распад и децентрация психических процессов, при котором сознание наполняется порождениями бессознательного и в спящий разум вползают чудовища (интересная встреча психиатрии с политикой).

Роман Хеддер. «Апокрифы политики»

Харальд Брут, Верховный Министр Хеймингии, стоял у окна своей квартиры и смотрел на улицу, упершись лбом в стекло. На его лице были написаны усталость и растерянность. «М-да, – думал он, – ноябрь уже… Ноябрь… Никогда не думал, что встречу этот ноябрь вот так!». Поразительная и противоестественная цепочка событий, приведших к наличному состоянию, никак не укладывалась в его голове, несмотря на все усилия.

Отчаянные попытки расширить колонии и удержать рассыпающийся Хейм с громким, на весь мир, треском провалились – ни ирландцы, ни арабы, ни гараманты, ни египтяне не желали подпадать под экономическое влияние Хеймингии. Точнее, они могли бы подпасть под него, если бы в самой Хеймингии было поменьше разногласий и побольше денег. Хуже того: вслед за потерей африканских колоний Хейм лишился и своих владений в Италии, да и остальные колонии слушались центра все хуже и хуже. В сфере влияния хеймингов оставались теперь лишь старые колонии, захваченные еще при Холмском, и только в Ингерманландии хейминги пока еще чувствовали себя сравнительно уверенно.

Но и это влияние, которое при Хеддере было несомненным и совершенно безраздельным, ныне таяло с каждым часом, как кусок льда на солнцепеке. По всему Хейму валом шла деиндустриализация. Еще весной Брут надеялся, что начало навигации все исправит, водные пути, до сих пор остававшиеся главными транспортными путями страны, вновь будут забиты до пробок кораблями с товарами, и Хейм воскреснет. Надежды оказались тщетными. Люди считали для себя более выгодным и прибыльным уходить в леса и крестьянствовать, чем работать на шахтах и заводах – и это в Ингрии, где болотистый или песчаный подзол давал ничтожные урожаи, ради которых необходимо было работать в поле от зари до зари и до кровавого пота! Погасли печи металлургических заводов в Тихвине, умолкли лесопильные предприятия в Мегоре, закрылись нефтяные

промыслы в Арктике, и угольные шахты в Англии перестали давать уголь. Покоренные народы начали поднимать голову, и хеймингам в колониях становилось все более и более неуютно. Чего стоил один только мятеж на северном Урале! И кто поднялся? Ненцы, тихие ненцы, от которых никто не ждал такой агрессии! Сил удержать там власть не хватило. Хеймингские специалисты толпами поехали из колоний на Архипелаг, но здесь их не ждали, ибо и сам Архипелаг переживал худшие свои времена; только некоторые предприятия, производившие товары первой необходимости, еще стояли кое-как на ногах, остальное же рушилось: фабрики, институты и конструкторские бюро закрывались, людей увольняли; в хеймсстадирском доке пятый месяц ржавел недостроенный танкер, но во всей верфи царила гробовая тишина. В сентябре начались перебои с электричеством: три электростанции – одна на Волхове, две на Свири – были взорваны неизвестными (Брут склонен был подозревать в этом либо кришнаитов, либо христиан, а скорее – и тех, и других вместе), и энергию давали теперь автономные тепловые электростанции Архипелага на Лавансаари, Гогланде и Сескаре, которые тоже готовы были встать, ибо работали на торфе и торфине. С поставками же угля, торфа и торфина были перебои: разрезы и шахты работали едва-едва, прося за товар баснословные деньги, по их милости Оккервильский химический комбинат в течение последнего полугодия производил торфина раз в двадцать меньше, чем обычно, и Хеймингия сидела на голодном пайке, невзирая на то, что весь оккервильский торфин отправлялся в столицу. Остановка же и этих электростанций была бы смертным приговором для Хейма. Обстановка в нем и без того была не радужной.

Толпы хеймингов, в панике ринувшихся из колоний на историческую родину в поисках спасения от голода и насилия, заполонили Архипелаг, и Брут не знал, куда их девать. По его приказу с Архипелага были изгнаны все ингрийцы, никого, кроме этнических хеймингов, в пределы Хеймингии не пускали, но в стране все равно творился кавардак. Работы не было, электричество в дома подавалось лишь половину суток, за продуктами, с доставкой которых бывали перебои, начали выстраиваться очереди, и все чуть не хором, дружно ругали правительство и Верховного Министра самыми непечатными выражениями.

Зато какое было раздолье кришнаитам и христанам! Разумеется, всю вину за происходящее они возлагали прежде всего на Хеддера, введшего в Ингрии буддизм, а затем на Брута, буддизм поддерживающего, а кришнаитов и христиан преследующего, и народ, что было неприятнее всего, безоговорочно верил им. За прошедшее с осени время Брут успел издать еще одно распоряжение против «преданных Кришны», которое, однако, не возымело ни малейшего действия, ибо хеймингам было уже не до

сектантов – лишь бы выжить. А надежда на выживание с каждым днем становилась все более эфемерной.

Сейчас Брут уже жалел, что не заинтересовался «планом Гомонтова» – отселением части хеймингов на континент в качестве крестьян. Стояла осень, которая в этом году, вопреки известной пословице, отнюдь не была красна плодами. Из-за давно уже начавшегося обнищания народа крестьяне, не долго думая, стали просто меньше сеять, не рассчитывая уже выручить хоть какие-то деньги от продажи плодов труда своего, цены на продовольствие поползли, ускоряясь, вверх, медленно умирающая торговля перестала справляться с задачей обеспечения Хеймингии продуктами питания, и Брут теперь боялся голодных бунтов, которые в нынешней ситуации были более чем возможны.

За окном со свинцового неба рушился на остывающую землю дождь. Прозрачные струи били в стекло с глухим звоном, щелкали каплями по жестяному подоконнику. Даль была застлана сплошной мутной пеленой ливня, из-за которого невозможно было видеть ничего на расстоянии уже пятисот метров. Точно такой же неистовый ливень разразился на следующий день после того, как Хеддер покинул Хеймингию. Точно так же, как и сейчас, серая водяная мгла застлала собой все вокруг, не позволяя видеть даже краны порта, бежали, пенясь, по асфальту струи воды, по ним, разбрасывая во все стороны брызги, мчались машины. Но тогда душу еще не давило камнем чувство обреченности, да и машин было побольше, а люди смотрели веселее. Сейчас все волками друг на друга смотрят. Голодный плебс – опасная сила! Особенно когда ему может найтись умелый и энергичный организатор. А он может найтись – в лице кого-нибудь из христиан и кришнаитов, которые, конечно, не упустят шанса прибрать страну к рукам. Разумеется, если будет что прибирать. А может ведь и не быть.

Больше всего Брут боялся гражданской войны. Понятно, что, если она вспыхнет, от Хеймингии камня на камне не останется. Континентальная часть Хейма уже практически потеряна. Большая часть континентальных хеймингов давно переехала на Архипелаг. Из всех континентальных городов под властью Хеймингии остались лишь Оккервиль и Ауттова. Финансирование Оллилы прекратилось давно, так же давно пустовали и прочие курорты Каннаса, и на приносивших когда-то огромные доходы пляжах Терийоки, Келломяки, Лаутаранты, Систербека царила теперь мерзость запустения. Впрочем, и в Ауттова с Оккервилем жизнь едва теплилась. Ауттова, бывший некогда крупнейшим и могущественнейшим из штадтов Хейма, превратился теперь в полупустой заштатный городок, заводы которого давно закрылись, а оставшиеся жители считали более выгодным для себя заниматься огородничеством, так что теперь все, чем

мог гордиться Ауттова – это вилла Томаса Холмского, которая до сих пор, как ни странно, поддерживалась в образцовом порядке.

В Оккервиле положение было полегче, хотя и ненамного. Торфяные разрезы, на которых работали каторжники, все еще давали продукцию, и торфиновый завод, хоть и вполсилы, но еще работал. Но и там народ постепенно бросал работу и принимался обрабатывать землю или искал спасения от нищеты на Архипелаге. Интересно, что самыми состоятельными людьми в Оккервиле, чей уровень жизни почти не изменился со времен Хеддера, были полицейские и охрана торфяных разрезов. Вот кто чувствовал себя в этом городе хозяевами жизни!

Год назад в Оккервиле был восстановлено штадтгальтерское правление, повсеместно отмененныое Хеддером, едва только он пришел к власти. Тогда Брута просто поставили перед фактом, и ему ничего не осталось, кроме как смириться. Впрочем, он об этом не жалел – новый штадтгальтер, некий Владислав Урванов, правил умело; хотя он и легализовал в пределах своего штадта рабство, повсеместно отмененное еще Холмским, но надо было признать, что относительное благополучие в Оккервиле было прежде всего его заслугой. Но увы! как бы он ни правил, а Хейм уже не воскресишь.

Брут отошел от окна. Он должен был ехать сейчас в Торвардастейнур, но в такую отвратительную погоду выходить из дома не хотелось совсем. Он вообще жалел, что проснулся сегодня. Спал бы себе и спал, не вспоминая ни о чем! И тогда его не беспокоили бы ни христиане, ни Урванов, ни голодные звереющие подданные. А теперь вот изволь ехать. В замке ждет гора неразобранных дел – Брут недавно простудился и неделю провалялся в постели с температурой, использовав это как удобный предлог, чтоб забыть о работе. Поразительно! Он, когда-то от всей души любивший свою работу и гордившийся ею, теперь пользовался любым дурацким предлогом, чтобы от нее уклониться! Только привычка и чувство долга, еще теплившееся в душе, несмотря на всеудушающую безнадежность, заставили его выйти из дома, сесть в машину и выехать на улицу.

В Торвардастейнуре его ожидало тревожное известие. Едва Брут вошел в свой кабинет, пискнуло переговорное устройство, и секретарь сообщил, что Верховного Министра желает видеть Гомонтов. Брут велел впустить его.

По лицу министра внутренних дел он сразу понял – стряслась беда. Гомонтов был бледен и растерян.

– Что у вас? – мрачно спросил Брут.

– Ох, Харальд Викторович, это какой-то кошмар! – простонал Гомонтов, без приглашения опускаясь на стул. – А вы еще ничего не знаете?

– Чего я не знаю?

– Урванов сегодня ночью поздравил всех нас с выходом Оккервиля из-под власти Хеймингии.

Брут не поверил своим ушам.

– Невозможно! – вскричал он. – Вы ошибаетесь!

– Э-э, где уж там! – безнадежно махнул рукой министр. – Да сообщение, наверное, у вас на столе должно лежать.

– Сообщение?

– Ну да. Один из экземпляров. Не знаю, что подвигло Урванова прислать нам один и тот же текст в восьми экземплярах.

Брут порылся в бумагах и сразу же заметил среди них одну, украшенную «драконом и солнцем» – старинным гербом Оккервиля. Это и было сообщение Урванова. Пробежав текст глазами, Брут понял, что и на этот раз (как и тогда, в истории с восстановлением Оккервильского штадта) его просто поставили перед свершившимся фактом: Оккервиль более не подчиняется Хеймсстадиру, законы Хеймингии на его территории более не действуют и даже талер Хеймингии хождения не имеет; вместо него вводится свой, оккервильский талер. Далее: своя полиция, своя армия, границы штадта Оккервиль, установленные Урвановым без какой-либо консультации с Брутом, в одностороннем порядке. Единственное, что из всей этой информации уложилось в голове у Брута – это сообщение о денежной реформе: талер лавинообразно обесценивался.

– Какой кошмар! – прошептал он наконец. – И что же теперь делать?

– Хель его знает, – пожал плечами Гомонтов, растерянный не меньше Брута. – Может, просто направить туда войска и разделаться с этим новоиспеченным штадтом?

– Взорвем всю страну.

– Да какая она, к Фенриру в пасть, страна? Позорище одно. Пять жалких островов и формальная власть над Ауттова.

– Может, лучше подослать убийц к Урванову?

– Это можно. Только, боюсь, все сразу догадаются, чьих рук это дело, и Хеймингия опять-таки взлетит на воздух.

– Э, ладно, Хель с ним, с Оккервилем! – вдруг воскликнул Брут, швырнув бумагу на стол. – Хочет – так пусть выходит! Жалко, что ли?!

На этот раз пришел черед Гомонтова не верить своим ушам.

– Вотан Всемогущий, что вы говорите такое?! – ахнул он. – Как можно? Ведь это же древнейший хеймингский штадт, это наша прародина! Это…

Брут не дал ему закончить.

– Вот именно! Древнейший! Мне не важно, где находится прародина хеймингов, но нынешняя родина их – Архипелаг, и он, я чувствую, станет скоро просто географическим названием!

– И вы спокойно отпустите Оккервиль? И ничего не сделаете?

– А что я могу сделать?! – раздраженно выкрикнул Брут. – Послать против них армию? Отдать Урванова под суд?

– Ну, хотя бы…

– А за что?! Разве он сделал что-то противозаконное? Нет! Вы вспомните Договор в Оллиле. Там ясно написано, что всякий штадт в любое время может выйти из Федерации Хейма, и никто не вправе остановить его. Нам надо было раньше думать, когда Урванов стал штадтгальтером, а мы и не пошевелились. Теперь поздно. Время упущено.

Брут подошел к Гомонтову, сел рядом, заглянул ему в глаза и тихо сказал:

– Поймите: нет больше Хеймингии. Нам не за что больше бороться. Все кончено.

– Этого не может быть! – воскликнул Гомонтов. – Ведь хеймингская нация еще существует на свете, и государство тоже есть, хоть его и трясет от кризиса! Еще не все потеряно!

– Да, да, не все… Но это дело поправимое. Теперь достаточно легкого дуновения ветерка – и будет все! Да, Хеддер был прав. Вы подумайте, ведь уже на пике могущества нашей державы, когда наш флаг развевался над всеми четырьмя океанами, он предвидел сегодняшнее состояние! Воистину, это был великий гений…

– Нет! Он ошибался! Нам еще удастся воскресить Хейм!

– И не надейтесь! Все кончено. Граница пустых земель проходит сейчас по урезу воды острова Лавансаари, и она того и гляди сожмется. Мы владеем территорией, меньшей, чем во времена Торварда, и даже и ее границы сжимаются, как петля на шее. Нет, Владимир Эдмундович, все кончено!

– О боги!

Со стоном Гомонтов выбежал из кабинета Верховного Министра, а Брут остался сидеть в кресле со своими мыслями. В окно барабанил не то дождь, не то снег, гулко стуча по стеклу. В камине потрескивали, сгорая, березовые дрова, а в дымоходе голодным серым сирым волком завывал ветер. В кабинете было сыро и холодно.

Одна из причин революций – конфликт групповых интересов, который невозможно разрешить или устранить мирным путем. Другая – расхождение между ожидаемым ростом уровня жизни (в самом широком смысле слова) и реальным его снижением. Кроме этого, благоприятную почву для революционного взрыва создают еще наличие финансовых и организационных ресурсов, которыми можно воспользоваться для свержения существующего строя,

наличие «организующих центров» (лиц или сообществ, обладающих особенно высоким символическим капиталом, или харизмой), и слабость власти, проявляющаяся в виде ослабления репрессивного режима или даже уступок прямым мятежникам…

(Сигурд фон Штерн. Социология революции. Издательство Хеймсстадирского Университета, XIII, с. 54).

* * *

А через неделю случилась катастрофа.

Темной сырой ночью, когда мокрый снег сыпался на холодную землю, а над покрывающимися первым ноябрьским льдом водами Suomenlahti носился ветер, в квартире Брута резко зазвонил телефон. Брут всхрапнул, повернулся на другой бок и, бормоча что-то спросонья, сунул голову под подушку, чтобы не слышать назойливого звона. Но телефон не умолкал, и подушка от тревожных звонков не спасала. Наконец, Бруту это надоело, он, рывком откинув одеяло, встал и поплелся к телефону, намереваясь выложить звонившему все, что он о нем думает.

Но, едва он снял трубку, все ругательства мгновенно вылетели у него из головы. Звонил Гомонтов.

– Харальд Викторович! О Небо! Наконец-то! – в его голосе слышались панические нотки. – Катастрофа! Страшный мятеж в Форт-Сескаре. Народ громит склады!

– Склады?! Что за склады? И не паникуйте, чтоб вас Фенрир! Продовольственные? – Это предположение показалось Бруту наиболее логичным.

– Да нет же, оружейные! Арсеналы! Они собрались воевать!

– Это давно началось?

– С час назад. Мне это сейчас сказал прокуратор Сескара.

– Он еще на связи?

– На связи.

– Прекрасно. Станция? – обратился Брут к телефонистам, мысленно вознося благодарения Будде за существование конференц-связи. – Соедините с Форт-Сескаром.

В трубке что-то щелкнуло, и из динамика послышался голос прокуратора:

– Харальд Викторович! Срочно вышлите помощь. У меня тут настоящая война. Люди громят арсеналы и вооружаются.

Брут подивился железной выдержке сескарского прокуратора – его голос был спокоен, и по нему почти невозможно было определить, какие эмоции кипят в душе его обладателя.

– Подробнее! – лаконично ответил Брут.

– Подробности таковы: сегодня с вечера рабочие сескарской верфи, вместо того, чтобы идти домой, толпой пошли к мэрии и допоздна митинговали здесь, на площади. Требования у них были очень странные. Они требовали, во-первых, отставки всего правительства, включая вас, а во-вторых, расстрелять всех кришнаитов. Они направили мне петицию, а потом, не дожидаясь моего ответа, пошли к арсеналам.

– Почему же вы их не остановили?

– Не хватило сил. Мятежников слишком много. Я стянул полицейские и военные силы со всего Сескара, но это почти ничем не помогло. Более того, некоторые отряды полиции сами перешли на сторону восставших, так что ситуация почти совсем вышла из-под моего контроля.

– Так. А что делают кришнаиты?

– Они… О, извините – телефон.

В динамике что-то стукнуло – трубку на том конце положили на стол. Потом издалека донесся голос прокуратора. Слов разобрать было невозможно. Затем все смолкло, в трубке зашуршало, и прокуратор снова заговорил:

– Вот, Харальд Викторович, с места событий только что сообщили: мятежники уже наполовину разорили арсеналы, и их толпы двинулись только что к кришнаитскому святилищу.

– А кришнаиты?

– Тоже вооружаются и стекаются туда же.

– Откуда у них оружие?

– Сам понять не могу! Так что поспешите с помощью, иначе они тут весь Форт-Сескар разнесут, да и меня, чего доброго, на первом же фонаре повесят.

– Ладно, ладно, высылаю.

В трубке снова щелкнуло. Сескар отключился.

– Ну, Владимир Эдмундович, – воскликнул Брут, – слыхали?

– Эх-х, – вздохнул Гомонтов, – слыхал. Только у нас у самих тут такие дела, что тоже, того и гляди, кровь рекой польется.

– Но на Сескаре все-таки значительно хуже, чем на Лавансаари. Так что высылайте десантников на вертолетах.

– Ладно, – вздохнули на том конце провода.

Брут прошлепал обратно в спальню и лег в постель, чувствуя, что спать уже совершенно не хочется. Ему казалось странным, почему именно буддисты первыми начали войну. Казалось бы, этого скорее можно ожидать от притесняемых со всех сторон «преданных Кришны». Ан нет, опаснее оказались последователи Благословенного! Впрочем, буддисты ли? Не христиане ли там шалят?

Еще его беспокоило, успеют ли посланные им десантники долететь до Форт-Сескара прежде, чем там начнет литься кровь. Ведь, если она польется, то вытечет ее из хеймингских жил много, очень много, ибо Сескар – самый «кришнаитский» остров Архипелага.

Немного поворочавшись в постели в попытках заснуть, Брут встал и отправился умываться. Умывшись и одевшись, он глянул на часы (они показывали без четверти пять) и снова позвонил на Сескар.

Трубку снял прокуратор.

– Да?

– Здравствуйте. Это Брут.

– Ах, доброй ночи, Харальд Викторович! У нас пока все в порядке. Восставшие с кришнаитами еще не сцепились. А помощь вы выслали?

– Выслал. Десантников на вертолетах. И у меня к вам просьба. Если вам не трудно, каждый час докладывайте мне об обстановке. Мне и Гомонтову. Если сами не можете, пусть это делает кто-нибудь из подчиненных.

– Хорошо. А спать вы разве не будете?

– Нет, если в государстве такое творится, то и захочешь, а не заснешь.

– Ладно.

«Великие боги, у него скоро реки крови по улицам потекут, а он обо мне беспокоится!» – подумал Брут, не зная, радоваться этому или злиться. Зажегши газ на кухне и поставив греться чайник, он включил телевизор, но, как ни странно, в первых утренних новостях о событиях в Форт-Сескаре не было сказано ни слова.

Чайник, наконец, закипел, Брут позавтракал и вернулся в гостиную к телевизору. Досмотрел новости, потом с беспокойством посмотрел на часы. На них было шесть утра ровно. «Чего же он не звонит? Случилось что?». Наконец, когда на часах загорелись цифры 07:30, он не выдержал, снял трубку и стал набирать номер сескарской мэрии. В динамике послышались долгие гудки. К телефону никто не подходил. Брут, ругаясь вполголоса, снова и снова набирал номер, но в ответ слышал лишь долгие гудки, и скоро это ему надоело. Он позвонил на хеймсстадирскую телефонную станцию.

– Что такое, в самом деле? – заговорил он возмущенно. – Я битых полчаса пытаюсь дозвониться до Сескара – и никакого ответа!

Телефонистка узнала его по голосу.

– Не знаю, Харальд Викторович. Может быть, линия занята? По какому номеру вы звонили?

– Да в мэрию, к прокуратору.

– А! Понятно. Сейчас разберемся. Я вам перезвоню.

Брут повесил трубку и стал ждать, нервничая и кусая ногти. Впрочем, телефонисты не заставили себя долго ждать. Уже минут через десять раздался звонок, и Брут поспешно схватил трубку.

– Дело плохо, Харальд Викторович. Судя по всему, поврежден телефонный кабель.

– Где именно?

– Этого мы сказать не можем. Это может показать только обследование на месте.

Брут бросил трубку и снова выругался. Значит, телефонная связь с Сескаром тоже потеряна. Как бы совсем не лишиться связи с островом! Верховный Министр с такими мыслями вернулся в гостиную, где все еще работал телевизор, включил сескарский канал… и вовремя! Шли последние новости из столицы острова. Диктор, против обыкновения, непричесанный и небрежно одетый, явно волновался. Передача, видимо, только что началась – он рассказывал о вчерашней демонстрации перед мэрией. Брут ловил каждое слово и в результате по окончании передачи знал, что восставшие разделились на две группы, из которых одна сейчас воюет с кришнаитами, и с обеих сторон уже имеются большие жертвы, а другая прибрала к рукам сескарскую телефонную станцию и теперь пытается завладеть телевизионной и радиостанциями, что полиция и армия из последних сил их сдерживают и что десантники уже прибыли. Потом показали кадры, снятые у здания телецентра. Страшное зрелище: в темноте, в мертвенном оранжевом свете натриевых ламп по широкому бульвару суетливо бегали люди, стояло несколько полицейских бронеавтомобилей, слышались выстрелы. Брут вдруг задумался, почему, собственно, полиция не применяет слезоточивый газ. Впрочем, ответ пришел сразу же: ведь арсеналы захвачены, и баллоны наверняка стоят пустыми, а выпущенный из них газ разносится ветром по свету. Потом показали улицу у кришнаитского храма. Там творилось нечто еще более ужасное: шел рукопашный бой. Две огромные толпы сталкивались между собой, круша все вокруг, насмерть затаптывая упавших. С крыш одного из домов вдруг сверкнула слабая вспышка света, раздался глухой хлопок, и в толпе кришнаитов ухнул взрыв. «Гранатомет», – подумал Брут.

Внезапно изображение смазалось и исчезло, и по экрану замелькали черные и белые точки помех. «В Хель вас всех! – выругался Брут мысленно. – Неужели ретранслятор взорвали?». Других объяснений случившемуся не было. Верховный Министр, снова выругавшись, вскочил, схватился за телефон и стал торопливо нажимать на клавиши.

– Радиостанция? – крикнул он в трубку. – Ох, хвала Будде, дозвонился. Внимательнейшим образом прослушивайте весь эфир, ловите

сообщения с Сескара… Все, абсолютно… И потом, у меня есть надежда, что они еще воспользуются резервным ретранслятором.

Надежда не оправдалась. Кто-то создал над Сескаром сильнейшие радиопомехи, через которые простые радиолюбители пробиться не могли, а единственный передатчик, способный их преодолеть – резервный ретранслятор – бездействовал. Кому понадобилось отрезать Сескар от внешнего мира, Брут даже представить себе не мог.

День прошел ужасно. Брут провел его в Торвардастейнуре, который, как и вся столица, гудел, словно растревоженный улей. Никто не знал, что в действительности происходит на самом восточном из островов Архипелага, поэтому ежесекундно возникали самые разные версии и тут же отбрасывались как неверные.

Резервный передатчик на Сескаре ночью все же заработал, но принес неутешительные новости. Остров в руках восставших, кришнаиты вырезаны полностью, прокуратор убит, и мятежники требуют от Брута отправить в отставку все правительство и самому уйти вместе с ним, а Бодхиратну повесить. «Все ясно, – подумал про себя Брут. – Христиане. Больше некому».

У жителей столицы это известие вызвало целую бурю эмоций. Уже к полудню следующего дня поступили заявления от хеймсстадирских христиан, выразивших своим сескарским собратьям самое горячее одобрение и обещавших поддержку, от возглавляемых Бодхиратной буддистов, пригрозивших, что свою веру они будут защищать, не считаясь со средствами, а лидер кришнаитов, носивший громкое имя Шри Бхактивинода Сарасвати, заявил по телевидению, что «преданные» жестоко отомстят за своих безвинно убиенных единоверцев.

Услышав это, Брут понял, что пора действовать. Он протянул руку к телефону, снял трубку, и его тонкие нервные пальцы забегали по клавишам.

– Олег Адальстейнович? – произнес он. – Это Брут. Слышали, что в Хеймингии творится?.. Ага, вот и прекрасно. Ну, думаю, вы понимаете, зачем я вам звоню? Совершенно верно. Пора действовать. Музеи и библиотеки готовы.

Кто такой был Олег Адальстейнович, знали только он сам и Брут. В суть того, в чем заключалось действие, был посвящен ненамного больший круг людей.

* * *

На другой день у Брута состоялся довольно неприятный разговор. Услышав об угрозах Бодхиратны и Бхактивиноды, он срочно вызвал этих

двоих на беседу, не особо, впрочем, надеясь, что ему удастся их переубедить.

Так и случилось.

Первым на аудиенцию в кабинет Верховного Министра явился, шурша шафранными одеждами, Бодхиратна. На его лице была написана мрачная озабоченность. Он вошел, приветствовал Брута и осторожно присел в кресло.

– Ну, – начал Брут, – что вы там говорили про защиту веры, а?

– Если вы не слышали, я не виноват! – огрызнулся монах. – Полюбуйтесь, какую кашу вы заварили с вашими кришнаитами. Эх, вот ведь, а! Да и я тоже допустил много промахов…

– Да что вы?! – издеваясь, воскликнул Брут. – Ах, ну кто бы мог подумать!

– Зря смеетесь. Я, конечно, тоже хорош, но все-таки в моих ошибках виноваты главным образом вы.

– Вот как?! Это почему же?

– Это очевидно. Вы не только не оказывали мне помощи в борьбе с другими политическими силами, но подчас даже серьезно мешали. И в итоге получили бурлящий революцией Сескар и закипающие умы в головах жителей остальных островов. И после этого вы еще удивляетесь происходящему?

Брут криво усмехнулся. Ну, конечно, всю вину на себя монах не возьмет никогда, тут и надеяться не на что. Во всем теперь в этой стране виноват Верховный Министр; на него валятся все шишки и вешаются все собаки.

– Значит, так, – мрачно сказал он, – меня не очень интересует, кто виноват, тем более, что лично я склонен всю вину возлагать на вас. Но я рекомендовал бы вам выбирать выражения, особенно если выступаете по телевидению. Головы у хеймингов горячие, и я боюсь, как бы дело не дошло до беды.

– Да, все верно, но вы полюбуйтесь, что творится на Сескаре, – заговорил Бодхиратна. – Кровь рекой! И всё они, христиане и кришнаиты! Что они сотворят со страной, если их не пугнуть?

– Ничего они не сотворят! А вы с вашими публичными заявлениями можете сотворить нечто очень плохое! С меня хватит и Бхактивиноды с его воплями о мести. А вы, я так думаю, наговорили все то, что наговорили, исключительно из страха, что я исполню их требования… хотя бы в той их части, что касается вас. Или нет?

– Ох, Харальд Викторович, ну как вы могли такое подумать? Я так забочусь о спокойствии в стране…

– Я бы не сказал, – раздраженно перебил его Брут. – Судя по вашему поведению, вы стремитесь лишь к власти. Правда, я не совсем понимаю, зачем вам власть над страной, от которой скоро останутся одни руины!

– Но, Харальд Викторович…

– Хватит! Пятьдесят два года я Харальд Викторович! Призывайте к миру, а не к резне! Поняли меня? – Брут резким движением схватил вдруг Бодхиратну за грудки и приподнял с кресла. – К миру!

И он так же резко разжал пальцы. Ошеломленный Бодхиратна рухнул назад в кресло, глядя на Брута полными ужаса глазами. Тот отвернулся от него и, даже не оглянувшись, сухо бросил:

– Вы свободны!

За спиной зашелестело монашеское одеяние, послышались шаги, негромко стукнула дверь.

Беседа с Бхактивинодой была такой же краткой, но гораздо более приятной. Лидер кришнаитов, войдя и вежливо приветствовав Брута, сразу же участливо спросил:

– Вы, кажется, чем-то огорчены?

– Какой вы проницательный! – буркнул Брут. – Огорчен, как видите. Тупостью Бодхиратны. А еще больше – вами, сударь.

– Мной? Чем же я огорчил вас?

– Мстительностью! Вы хоть бы немного подумали, прежде чем грозить сескарцам расправой!

– Ах, Харальд Викторович! – печально вздохнул Бхактивинода. – Сам Кришна – свидетель мне, я не хотел этого говорить. И вообще, это была совсем не угроза.

– А что же?

– Предупреждение. Предупреждение о том, что «преданные» могут отомстить за своих погибших братьев. И от меня это зависеть не будет.

– Даже так? – Брут удивленно вскинул брови. – Вы, значит, не имеете власти в своей секте?

– Увы! – развел тот руками. – В ситуациях, подобных нашей, человек подчиняется не авторитету, не учителю и не разуму, а собственной звериной страсти. В данном случае – желанию отомстить.

– И вы ничем не сможете воспрепятствовать?

– Ничем.

– Все равно, зачем вы тогда это говорили?

Бхактивинода печально улыбнулся.

– Видите ли, Харальд Викторович, человек слаб и несовершенен, и среди прочих страстей ему свойственно стремление к власти. Или хотя бы к ее видимости. Если бы я стал разубеждать своих единоверцев в необходимости мести, меня никто не послушал бы, и всем стало бы ясно,

что я – полный ноль даже в своей общине, хотя я им и гуру. А так я, по крайней мере, кажусь влиятельным лицом в Хеймингии.

– М-да-а! – после недолгого молчания протянул Брут задумчиво. – Эх, бедные мы, несчастные. Ни власти, ни денег, ни сил справиться с ситуацией! Ничего не можем, умеем только прикидываться.

– Ах, как же вы правы! – печальным эхом отозвался Бхактивинода.

– Ладно, – вздохнул Брут, – вы можете идти.

Следующие дни весь Архипелаг бурлил и кипел. Кришнаиты, которых их гуру безуспешно силился успокоить, ругались и грозились отомстить за своих, на Бодхиратну было совершено покушение, и он лишь чудом остался в живых, отделавшись незначительными царапинами, а Брут даже отважился съездить в Форт-Сескар.

Время на Сескаре было потрачено совершенно впустую. Приехав туда, Брут увидел лишь разнузданные толпы на улицах и полные враждебности лица. Все усилия, которые предпринимал Брут, чтобы замирить эту голодную и злую публику, были тщетны. Законы Хеймингии на Сескаре перестали действовать, а новые еще не были придуманы, поэтому везде царили хаос, мародерство и террор. Однако у всего этого были, как догадывался Брут, свои организаторы, действовавшие по тщательно разработанному плану. В этом он воочию убедился через неделю после возвращения с Сескара.

> *Только в наше время стала окончательно ясна более чем неприглядная роль Новгородского Епископата в событиях на Сескаре. Впрочем, справедливости ради надо заметить, что пользы это не принесло не только Хейму, но и христианской церкви, которая из-за недальновидной политики своего руководства практически была изгнана из Ингрии. Отчаянные попытки вернуть себе прежнее, пусть и сравнительно небольшое влияние, которые предпринимал Новгородский Епископат после Катастрофы, нельзя назвать успешными. Карельское нашествие и Оккервильское восстание положили конец всякому влиянию Епископата в Ингрии – после этих событий в стране стали распространяться свои, новые формы христианства, очень слабо связанные с прежней религиозной традицией.*
>
> *(История Великого Хейма: Учебник / Под ред. акад. М. Сильвия Сцевина и проф. Э. А. Саарлахти. Издательство Университета Сегоярви, LXI, с. 377).*

XLIV. КАТАСТРОФА

Потоки времени судьбою мира правят,
Играют им, как волны – щепкой малой,
Он в них – как птица в самом сердце бури,
Как в ярком пламени – перо синицы резвой.
Вселенные, империи и веры
То вознесут, а то с вершины ниспровергнут,
В колодец смерти, в бездну, в пыльный мрак забвенья,
То вновь исторгнут к свету бога солнца,
Чтобы в лучах его их грани засверкали,
То вновь от солнечного света удалят их
И скроют в мутных волнах океана смерти.
Так совершают времена свое теченье.

Евгений Хоар. «Элегии бездн»

Тот день выдался туманным, серым и облачным. Из серого небесного марева на холодную землю медленно, будто нехотя, крупными хлопьями падал снег – уже декабрьский снег. Брут, как обычно, по привычке, приехал на работу, хотя с каждым днем осознавал все яснее, что его присутствие здесь, в общем, не очень-то и нужно. Но все же приехал. Теперь он сидел, развалясь, в кресле, и наслаждался теплом от камина.

Его покой был нарушен секретарем.

– Ну, что опять? – недовольно заворчал Брут, надавив кнопку переговорника. Сейчас он не испытывал ни малейшего желания заниматься своими прямыми обязанностями.

– К вам просится Гомонтов. Это во-первых. А во-вторых, вам срочная депеша.

– Давай сюда обоих.

Вошел секретарь, за ним следом – Гомонтов. Секретарь, положив на стол перед Брутом листок бумаги, исчез. Правитель гибнущего Хейма жестом указал министру на кресло и стал читать депешу. Гомонтов же, видимо, пришел к Бруту с очередной гениальной идеей, которые с ним часто случались, ибо заговорил, не дождавшись, когда Брут дочитает:

– Харальд Викторович, мне сегодня пришла на ум отличная мысль…

В этот момент Брут оторвался от депеши, и выражение его лица было таково, что Гомонтов осекся.

– Что случилось? – спросил он, предчувствуя что-то недоброе.

– Почитайте, – упавшим голосом ответил Брут, протянув ему листок.

Гомонтов взял бумагу, стал читать и, не дочитав, поднял растерянный взгляд на Брута.

– Вот так, – произнес тот.

Депеша была послана из Эберсгарда и сообщала, что сескарцы сегодня ночью напали на остров Малый. Армия и полиция пытаются выбросить их, захвативших уже восточную часть острова.

– Да, – протянул растерянно Гомонтов. – И кто бы мог подумать?

– Да все! Это было очевидно. Совершено ясно было, что чем-нибудь подобным все и кончится. Мы еще можем радоваться, что они не на нас напали. И что у нас еще есть силы, чтобы их разбить. Есть ведь?

Гомонтов замялся:

– Н-ну… В общем, силы-то у нас пока есть, только их, боюсь, не хватит ни для подавления мятежа, ни, возможно, даже на то, чтобы отстоять Эберсгард.

– В любом случае, надо быть совершенным психом, чтобы не попытаться его отстоять. Поэтому срочно бросьте на помощь ему солдат. Поторопитесь! С Сескаром мы, ежели помните, опоздали.

Видя, что Гомонтов не уходит, Брут поторопил его:

– Ну? Чего вы ждете? Идите же!

– Я вот, – начал министр неуверенно, – думаю, откуда взять силы…

– А что, их у нас нет?

– Есть, конечно. Но недостаточно. Придется снимать отряды с Гогланда, а это чревато неприятностями. На Гогланде напряжение ненамного меньше, чем на Сескаре.

– Ну, так снимите не все. Часть из Форт-Гогланда, часть из Хеймсстадира. Это же элементарно!

– Да нет, – пробормотал Гомонтов себе под нос, – не так все это элементарно, как может показаться.

Рассеянно бормоча себе под нос, он вышел из кабинета.

А Бруту, едва он остался один, вдруг безумно захотелось домой. Все бросить, повернуться и уехать домой. И попытаться, наконец, выспаться – после Сескара он стал плохо спать. Не совладав с этим желанием, он пошел – почти бегом побежал – в гараж, и скоро автомобиль мчал его по холодным снежным улицам столицы.

* * *

Опасения Гомонтова оправдались с поразительной точностью. Едва количество полицейских на Гогланде уменьшилось, все население его пришло в движение. Не успели скрыться еще в туманной декабрьской дымке военные транспорты, шедшие по следу ледоколов в Эберсгарду, как гогландцы толпой явились к зданию мэрии и, как и на Сескаре, отказались признавать над собой власть Верховного Министра. Правда, в отличие от сескарцев, гогландцы оказались менее единодушны, поэтому на острове тут

же вспыхнула страшная резня, и Брут нимало не удивился, когда через два дня в его кабинете раздался звонок, и он услышал умоляющий голос гогландского прокуратора:

– Харальд Викторович, ради всех будд, посмотрите, что вы наделали!

– Что я такого наделал? – мрачно проворчал Брут.

– Как?! Ведь на острове Хель знает что творится! Народ почем зря друг друга убивает, а вы спрашиваете «что»!

– Я знаю, что убивает, только что с того? Все равно сделать я ничего не могу.

– Как это не можете? Можете! Вы же не кто-нибудь, вы Верховный Министр Хеймингии! Вы должны хоть что-то сделать, придумать, вообще хоть что-нибудь!

– А что я вам придумаю? Мне Эберсгард отбивать надо, а как я это сделаю без армии?!

– Но, Харальд Викторович…

– Ладно, ладно, – перебил его Брут, – у меня тут своих дел по уши, не знаешь, за что браться, а тут еще вы. Попробуйте обойтись без моей помощи. А я тем временем, может быть, что-нибудь придумаю.

Повесив трубку, Брут встал из-за стола и несколько раз прошелся по кабинету, опустив голову и вперив взгляд в пол. «Гнуснейшая ситуация!» – подумал он. Это не было открытием. Зато открытием было другое: Бруту стало совершенно очевидно, что за сескарцами кто-то стоит. Сама по себе толпа, пусть разъяренная, голодная и вдобавок возбуждаемая религиозными идеями, ни за что не додумалась бы ни до чего большего, чем погромы магазинов и складов. А если мятежники, вместо того, чтобы делить награбленное, пошли захватывать другие острова, это могло означать лишь одно – есть некто, кто всеми событиями управляет, кто направляет бунтарей и кто, в конечном итоге, получит все выгоды от этой войны.

Затем мысли Брута потекли в ином направлении. На Гогланде народ встал на дыбы, на Сескаре и Малом – и того хуже, а военных сил для усмирения черни явно не хватает. Спрашивается, где взять подкрепление?

И тут его вдруг осенило. От простоты и гениальности идеи он едва не подпрыгнул. Ну разумеется! Как же он мог забыть?! Кришнаиты! Они давно хотели отомстить сескарцам, и теперь, видимо, пришло время предоставить им такую возможность.

Однако у Брута сразу же возникли серьезные сомнения, настолько серьезные, что эйфория тут же бесследно исчезла. Слишком опасно было выпускать этого джинна из бутылки. Неизвестно, как его потом загнать назад. И неизвестно, на кого он бросится в первую очередь. Может быть, на самого Брута! Однако, если с помощью Бхактивиноды (он, кажется, человек

умный, и с ним можно будет договориться) направить праведный гнев сектантов в нужное русло, то можно будет вернуть гогландские отряды в места постоянной дислокации и немного усмирить разбушевавшихся обитателей самого западного острова Архипелага.

И все-таки опасность была очень велика. Брут трижды протягивал руку к телефону, собираясь позвонить Бхактивиноде, но всякий раз отдергивал ее. Наконец, его колебания были прерваны писком переговорника. Верховный Министр надавил на кнопку.

– Что там?

– У вас просит аудиенции Бхактивинода, – сообщил секретарь.

– Бхактивинода? Прекрасно. Зови!

Кришнаитский гуру вплыл осторожной плавной походкой в кабинет и молча поклонился Бруту, сложив ладони лотосом.

– Харальд Викторович, я узнал о беспорядках на Гогланде и хотел бы предложить вам свою помощь. Может быть, есть что-то, что я в силах сделать для государства?

– Разумеется, есть! – воскликнул искренне обрадованный Брут. – Знаете, я безумно рад, что вы пожаловали ко мне именно сейчас. Я только что собирался вам звонить, так что вы как раз вовремя!

Бхактивинода, очевидно, ожидавший прямо противоположного ответа, сел с озадаченной миной на лице. Брут же продолжал:

– Знаете, я, кажется, нашел способ и Эберсгард отстоять, и Гогланд усмирить. Но для этого потребуется ваша помощь. Даже не столько ваша, сколько ваших кришнаитов.

– Хм! И что я должен делать? – все еще ничего не понимая, поинтересовался Бхактивинода.

– Поднимать своих «преданных»! – повернув к нему горящий взгляд, воскликнул Брут.

– ???

– О Будда, ну что тут непонятного? Ваши люди давно хотят отомстить, так? Ну, вот и предоставьте им эту возможность!

Бхактивинода не верил своим ушам.

– Если я правильно вас понял, вы намерены натравить «преданных» на сескарцев?

– Именно!

– Но как вы собираетесь останавливать их, когда они войдут в раж и начнут убивать направо и налево?

– Думаю, они не будут делать так. Ни один нормальный человек, совершив месть, не будет продолжать убивать.

– Ах, Харальд Викторович, не знаете вы людей…

– Ради всего святого, не медлите! Государство гибнет! Если они уж очень разойдутся, я найду способ усмирить их, а сейчас не думать надо, а действовать!

Бхактивинода вышел, сокрушенно покачивая головой. Впрочем, просьбу Брута он исполнил: в тот же вечер он выступил по телевидению и благословил кришнаитов на карательный поход.

Хеймсстадир заволновался. «Преданные» начали активно вооружаться, и Брут не переставал дивиться, откуда у них столько оружия. В порту творился кавардак, который, впрочем, не помешал «преданным» отправить в Эберсгард первый корабль уже через два дня после выступления Бхактивиноды.

Во избежание возможных эксцессов столичная полиция была приведена в состояние повышенной готовности: по улицам и проспектам ездили бронемашины, в толпе маленькими тесными группками ходили люди в форме защитного цвета, в касках и с автоматами на плечах. За всей этой нервозностью и суетой мало кто замечал, как от зданий Музея, Университета, Государственного архива по ночам отъезжали большие, тяжело нагруженные грузовики и мчались в Киркорви, в аэропорт. В аэропорту серьезные хмурые люди в рабочих комбинезонах торопливо выгружали из громоздких фургонов коробки, пакеты, ящики и бережно переносили их в тяжелые транспортные самолеты. Те, приняв груз, поднимались в серое небо и брали курс на восток, к Онежскому озеру, и после часа полета приземлялись на аэродроме Кондиниеми. Там такие же хмурые люди в таких же комбинезонах под присмотром вооруженной охраны переносили груз самолетов в машины, и те ехали по не отмеченной ни на одной карте грунтовой дороге на северо-запад, к той шахте, которую год назад инспектировал сам Верховный Министр. Там груз осторожно выгружался из фургонов и отправлялся вниз, в шахту, на глубину двухсот метров. По дороге к шахте машины проезжали мимо пустыря, покрытого множеством одинаковых невзрачных холмиков, над которыми торчали из снега сухие стебли бурьяна. Это было кладбище, и на нем покоились трупы заключенных, расконсервировавших шахту и приготовивших ее к принятию несметных сокровищ Хеймингии. Люди, прятавшие в ней эти сокровища, также были осужденными уголовниками, и их ждала такая же судьба: все, кто знал о местонахождении и содержимом шахты (кроме нескольких инженеров-хеймингов) по приказу Брута должны были быть убиты. Здесь хранились восемьсот семьдесят тонн золотого запаса государства и культурные ценности, также содержавшие не один десяток тонн драгоценных камней и металлов, и Верховный Министр не хотел, чтобы грязные жадные лапы алчных и темных людишек расплавили слитки золота, разломали золотые скипетры и диадемы, разбили молотами драгоценные

серебряные кубки и бронзовые статуи будд с сапфировыми глазами, порвали нитки алмазных ожерелий и украшенные рубинами и малахитом переплеты древних книг, чтобы обменять это на водку, на еду или уголь, или чтобы заплатить этим случайно подвернувшейся грязной шлюхе, или, наконец, чтобы просто получить удовольствие от самого разрушения мудрости, святости и красоты. Глядя на эти фургоны, Брут думал: «Пожалуй, это единственное, что стоит сохранять. Это единственное, за что будут благодарны мне потомки».

Через неделю после беседы с Бхактивинодой Брут воочию убедился, что кришнаитские полки значительно более боеспособны, чем регулярная армия и полиция Хеймингии. Остров Малый был полностью очищен от сескарцев, и кришнаиты уже рвались штурмовать оплот мятежа – Форт-Сескар; Бхактивинода пока кое-как удерживал их пыл – Брут приказал попридержать «преданных», а сам решил предложить повстанцам мир. С этой целью он и находился сейчас в ретрансляционной башне Хеймсстадира. Он сидел на скрипучем неудобном стуле рядом с передатчиком, пока радист пытался наладить связь с Сескаром. Тот яростно крутил ручки, сердито шепча про себя:

– Чтоб вас Фенрир! Революционеры! Разломали всю аппаратуру к лешему, а теперь вот вызывай их Хель знает сколько времени!

Наконец его получасовые усилия увенчались успехом. В динамике, установленном на неуклюжей серой коробке передатчика, что-то пискнуло, хрипение радиопомех приутихло, и сквозь него раздался голос:

– Говорит Сескар! Сескар! Хеймсстадир, как слышите меня?

– Нормально слышим! – закричал радист в микрофон. – С вами будет говорить Верховный Министр!

– Кто? Громче!

– Брут!

– А, ну так бы сразу и сказали…

– Передаю микрофон.

Радист уступил Бруту место за пультом, прошептав:

– Говорите скорей, Харальд Викторович, пока связь не потерялась.

Брут наклонился к микрофону.

– Сескар! – заговорил он. – Слушайте внимательно. Ваш остров – в блокаде. Кришнаитам сильно не терпится превратить вас в кровавую кашу. Так что не рекомендую отказываться сразу от моих условий. А они таковы: во-первых, немедленно сложить оружие; во-вторых, отказаться от всех ваших требований, как политических, так и экономических; в-третьих, выдать организаторов восстания органам правопорядка; в-четвертых, всем, кто замешан в восстании, покинуть пределы государства. Ответа жду завтра,

в это же время, на этой же частоте. И еще раз повторяю: не рекомендую отказываться. Кончится это для вас очень плачевно. Это все.

Возвращаясь домой по полупустым улицам, Брут гадал, что же ответят мятежники. Если ответят отказом, придется спустить кришнаитов с цепи, и тогда весь Сескар будет залит кровью. Народ вряд ли простит ему это. А если согласятся? Тогда еще хуже – надо будет сдерживать кришнаитов, и страшно даже подумать, каких усилий это будет стоить и что будет, если сдержать их по какой-либо причине не удастся.

Вечером к нему домой заглянул Гомонтов. Разумеется, о содержании ультиматума Брута он знал, но вопросы у него в связи с этим возникали совсем другие.

– Слушайте, Харальд Викторович, – сказал он, когда они с чашками кофе в руках уселись в креслах в гостиной, – вы всерьез полагаете, что они согласятся выполнить все, что вы требуете? Да еще, если на раздумье всего сутки!

Брут пожал плечами:

– Ох, не знаю. Мне кажется, шансы «за» и «против» равны. Может быть, я и ошибаюсь…

– А я думаю, – уверенно заявил Гомонтов, – что они просто пошлют всех нас куда подальше, и тогда кришнаиты нам весьма и весьма пригодятся.

Уверенность Гомонтова оправдалась. На следующий день Брут говорил с одним из главарей восстания и на все свои требования получил твердое решительное «нет». Брут даже не пытался переубедить его. Услышав ответ мятежников, он просто прервал связь и тут же позвонил Бхактивиноде. К счастью, тот был на месте, и Верховный Министр услышал в трубке его голос:

– Харальд Викторович, что-то случилось?

– Случилось, и нечто очень неприятное. Вам придется-таки спустить «преданных» на сескарцев.

– Спустить? Сескар отказался?

– Наотрез.

– Какой ужас! Сколько крови прольется!

– Много. Но это все же лучше, чем надрываться, сдерживая кришнаитов, вы согласны?

– Эх-х, ладно! – после недолгой паузы вздохнул Бхактивинода. – Вот только все наше хваленое «ненасилие» летит в преисподнюю.

А дальше события развивались так, что Брут сбился с ног, потерял голову и перестал спать. За десять дней Сескар был превращен кришнаитами в одно сплошное кладбище. Они уничтожали там чуть ли не все живое. На улицах Форт-Сескара шли такие бои, что за эти десять дней

город превратился в кучу развалин. Между руинами домов ездили захваченные кришнаитами бронемашины, а в воздухе витала пыль, и запах крови и пороха бил в ноздри. И вот, когда начальник ополчения доложил Бхактивиноде и Бруту, что операция выполнена и месть свершилась, к Бруту в кабинет с вытаращенными глазами и волосами дыбом влетел Гомонтов и прямо с порога закричал:

– Харальд Викторович! Ради всех будд и бодхисаттв! Ох! На нас напал Гогланд!

Брут сначала не понял ничего.

– Гогланд?! Ничего не понимаю! Они же нам не постороннее государство…

– О-о, какое государство, они напали! Десант… пехота на западном берегу Лавансаари… Как Сескар…

Только сейчас смысл слов Гомонтова начал доходить до Брута.

– Как Сескар? – переспросил он, бледнея. – Что, тоже мятеж?

– Да, да! О боги!

– И кто взбунтовался на сей раз?

– Да все те же… христиане… Мне сообщили агенты из Форт-Гогланда, что у них там народ давно хотел отомстить нам за Сескар.

– Ну, отлично, – проворчал Брут. – Мне только этих мстителей теперь и не хватало! Так, значит, десант уже высадился?

– Да. Наши войска пытаются задержать его.

– Откуда они вообще взялись, эти гогландцы? С самолетов, с кораблей?

– Ни то, ни другое – по льду приехали.

– Хм, остроумно. Ну, ладно, ладно, идите, успокойтесь. И пусть стягивают войска со всего Архипелага на защиту столицы.

Ситуация становилась действительно угрожающей. Брут нервно бегал по кабинету, кусая губы. Его занимал лишь один вопрос: успеет ли Гомонтов собрать войска? Он подошел к телефону, схватил трубку и судорожными движениями начал набирать номер мэрии Форт-Гогланда, моля всех будд, Кришну, Христа, пророка Фому и даже финских богов, чтобы линия не была ни повреждена, ни занята.

Молитвы не были услышаны. В трубке сначала раздавались долгие гудки, а затем послышался извиняющийся голос телефониста:

– Извините, Харальд Викторович, но Гогланд отключен от общей сети.

– Что, весь?

– Весь.

С тяжелым вздохом, больше похожим на стон, Брут повесил трубку. «Ну вот, теперь и Гогланда лишились», – растерянно подумал он.

Вечером, возвращаясь домой, он вдруг невероятно, до ужаса отчетливо осознал: власти в этой стране он больше не имеет. На происходящие в стране события он в состоянии повлиять не больше, чем на движение какой-нибудь Альфы Центавра, и всем правят другие – Бхактивинода, Бодхиратна, Урванов, глава гогландских христиан, кто угодно другой. Но скорей всего – темная всеразрушающая злоба народа, который ради того, чтобы набить себе брюхо, готов самого Будду карелам в рабство продать.

На следующий день, когда Брут приехал в Замок Торварда, было уже ясно, что войска Гомонтова, видимо, не понадобятся – с Малого на помощь столице шли отряды «преданных», и их первые колонны, по сведениям, находились уже всего в нескольких километрах от Хеймсстадира. Впрочем, такой помощи в замке никто особенно не радовался. Брут сначала удивился этому, но встретился случайно в коридоре с Орлевичем, и тот ему все объяснил:

– Хорошего в их альтруизме мало, – сказал министр экономики. – Их цель – не отстоять столицу Хейма, а захватить. Это выяснил коллега Гомонтов из сообщений разведчиков. Кришнаиты рвутся к Торвардастейнуру, вероятно, чтобы хоть напоследок, в последние дни существования государства, посидеть на его троне и почувствовать себя его хозяевами. Христиане жаждут того же, так что предвидится великая битва за Хеймсстадир, и много, много крови прольется, прежде чем воюющие стороны поймут, что государство, власти в котором они так домогаются, более не существует.

– Кто еще знает об их намерениях? – быстро спросил Брут.

– Да, кажется, все, – спокойно ответил Орлевич. – Даже среди простого люда ходят такие слухи. Впрочем, об этом любой идиот может догадаться. Неужели они станут рисковать жизнью только ради того, чтобы спасти нас – их главных и самых опасных когда-то преследователей?

Брут хмыкнул.

– М-да! Это верно.

В тот же день он встретился в ресторане с Гомонтовым. Тот сидел за столиком у окна и с завидным аппетитом ел жаркое из поросенка, приготовленное классическим способом – со сметаной и хреном. Брут подсел к нему.

– Вы, я вижу, не в духе сегодня, – заметил Гомонтов, прожевав очередной кусок. – Что так?

– Вы знаете это лучше меня, – мрачно проворчал Брут, созерцая меню.

– Даже так?

– Именно. Я говорю о христианах и кришнаитах. – Брут сделал заказ и продолжал: – Мне кажется, последним остаткам хеймингов, которые, надеюсь, еще не сбежали от греха подальше на континент, придется держать тяжелую оборону.

– Это верно. Хорошо еще, что пока в нашем распоряжении остаются войска. Они уже начали стягиваться в столицу.

Брут покачал головой и, отхлебнув принесенного только что куриного бульона, со вздохом заметил:

– Вряд ли они смогут чем-то нам помочь. Боюсь, их слишком мало, да и в их верности у меня есть основания сомневаться.

– Почему же? Они, кажется, пока еще достаточно надежны.

– Я бы не сказал. Вы же знаете, что половина гарнизона Сескара с самого начала восстания примкнула к мятежникам. А дезертирство? Это ж вообще жуть! И к кому бегут, знаете? Всё к тем же христианам и кришнаитам!

– Но тогда что же… по вашим словам выходит, что у нас нет армии?

– Выходит, что так. Если не считать пары легионов да еще хеймсстадирской полиции, которую, кажется, тоже нельзя назвать особо надежной. Короче, куда ни глянь – везде ложь, опасность, насилие и предательство. Ха-ха-ха! – нервно рассмеялся он вдруг. – А мы с вами сидим тут, слушаем музыку, угощаемся бульоном и поросенком, будто при Хеддере! Смешно!

Он умолк и продолжал с рассеянным видом потягивать бульон. Гомонтов наконец покончил с жарким, встал и собрался уходить. Брут окликнул его:

– Владимир Эдмундович! Знаете что, займитесь-ка подготовкой к эвакуации Хеймсстадира.

Гомонтов посмотрел на него с беспокойством.

– Думаете, до этого дойдет?

– Не сомневаюсь.

Гомонтов ушел, а Брут остался сидеть за столиком наедине с бульоном, жареным картофелем, кофе и своими невеселыми мыслями. Он сидел, пил бульон, а рядом, казалось, сидит само его безвластие, бессилие, сидит, приняв человеческий образ, и насмешливым взглядом сверлит его, словно говоря: «Ну, что, Верховный Министр, не в силах ты теперь справиться со своей страной!». Наконец он допил бульон, небрежно отставил чашку в сторону, так что она громко стукнула по мраморной поверхности стола, и от этого стука в мозгу вдруг возникла новая мысль и оформилась в простенькую фразу: «А гори все синим пламенем!». Действительно, что толку мучиться, беспокоиться и впадать в отчаяние? Уже ничего не сделаешь. Так что пусть мятежники захватывают бывшую

столицу бывшего великого государства, пусть дерутся между собой за власть и делят Архипелаг – пусть! У Брута есть родовое поместье на Охте, небольшое имение на нижней Свири после смерти бывшей жены два года назад тоже отошло ему. В общем, есть куда уехать. А что происходит в Хеймингии – не все ли равно?

В тот же вечер Бодхиратна сделал по телевизору заявление, из которого Брут понял, что битва за Хеймсстадир действительно будет кровавой. Монах призывал всех своих сторонников, коих в столице было большинство, не пустить в город повстанцев. В менее напряженной обстановке главу Сангхи не особенно замечали, несмотря на его скандальность, но сейчас – Брут мог в этом поклясться – все, кто считает себя хеймингами, встанут под его знамена. Таким образом, на острове появилась третья сила, не меньшая, чем другие две.

Наутро Брут не узнал Хеймсстадира. На улицах царили суета и беспорядок. Количество бронемашин выросло, кажется, в несколько раз, на тротуарах и во дворах то и дело можно было видеть тяжелые артиллерийские установки. Улицы во многих местах были перекрыты заграждениями. Гражданской одежды на улицах видно не было, везде виднелся лишь хаки военной формы. Все люди были вооружены. Брут проехал несколько кварталов по столице, ставшей как будто совершенно другим городом, а потом, наткнувшись на заграждение, в котором забыли сделать проезд, вдруг решил в Торвардастейнур сегодня не ездить, развернулся и поехал домой.

Когда он поднимался в лифте на свой этаж, на него вдруг ни с того ни с сего накатила такая апатия и такое безразличие, что, когда двери лифта открылись, он на какую-то долю секунды задумался, стоит ли вообще выходить. Но все же вышел. Дома служанка пожаловалась, что вот уже Новый Год на носу, а елку теперь из-за всех этих событий не достать. Брут слушал ее и не понимал, о чем она беспокоится. Ведь нет больше ни страны, ни народа, ни его праздников. И Нового Года, судя по всему, тоже не предвидится. В тот день он решил вообще ничем серьезным не заниматься и весь день до вечера провел в кресле, слушая музыку и потягивая кофе. Телефон, чтобы никто не беспокоил со всякими дурацкими проблемами, он, едва придя домой, отключил.

А на другой день все началось. Рано утром Брута подняла с постели бешеная стрельба, доносившаяся со стороны порта. В рассветном полусумраке над сооружениями порта вспыхивали зарницы, доносился резкий треск пулеметных очередей и тяжелые удары артиллерии, вой буравящих воздух снарядов. Брут, как ошпаренный, вскочил с постели, бросился к телефону, подключил его и позвонил Гомонтову в Торвардастейнур. К счастью, министр был у себя.

– Харальд Викторович! – услышал он в трубке его голос. – Где же вы пропадали столько времени? Я уже часа три вам названиваю!

– Неважно, – отмахнулся он. – Мне другое интересно: что происходит? Кто именно нападает?

– Кришнаиты.

– Их много?

– Еще не знаю точно, но, кажется, весьма порядочное количество. И еще плохо то, что они, похоже, пытаются взять нас в кольцо.

– Блокады Хеймсстадира избежать любой ценой! – жестким безапелляционным тоном приказал Брут.

– Ну, разумеется, о чем речь…

– Мы вызвали уже всех, кто может нам помочь?

– Всех, с кем удалось связаться.

– А с кем удалось?

– За пределами Архипелага связь уже не действует.

– Жаль. Впрочем, за пределами Архипелага нет, кажется, никого, кто мог бы помочь нам.

– Да, кстати, Харальд Викторович, – вдруг воскликнул Гомонтов. – Только что перед вашим звонком мне сообщили печальную новость. Очень печальную.

– Что такое?

– Бхактивинода застрелился.

– Как?! – ахнул Брут. – Невероятно!

– И тем не менее это так. А его кришнаиты, похоже, этого даже не заметили. Выходит, гуру он им был лишь номинально?

– Наверное. Но это неважно. Гораздо важнее не допустить беспорядков в городе, поэтому меры принимать самые жесткие: мародеров расстреливать на месте, потребление продовольствия нормировать. Кстати, на какой территории я еще считаюсь Верховным Министром?

– Пока почти на всем Лавансаари. Кришнаиты и христиане еще не блокировали остров.

– Ну, прекрасно. К эвакуации столицы все готово?

– Все.

– Хорошо. Эвакуируйте мирное население. А я потом еще свяжусь с вами.

Он повесил трубку, походил с минуту взад-вперед по коридору, о чем-то думая, но потом снова схватился за телефон.

От него Брут не отходил целый день. Он обзвонил всех министров, всех ответственных лиц острова, отдавая распоряжения, а потом ему самому пошли звонки с сообщениями. И они были неутешительны. Последние хейминги едва держались и скоро начали сдаваться.

На следующее утро весь остров был потерян. Отряды мятежников стояли у границ города. Вскоре после полудня гогландцы начали теснить защитников города и, сломив их сопротивление, захватили несколько кварталов в Северном Хеймсстадире. Кольцо сжималось. Ценой огромных усилий и потерь хейминги сдерживали кришнаитов у южной границы города и удерживали от гогландцев Торвардастейнур. Особенно яростно враги атаковали порт. Только когда свою ярость на нападавших излила тяжелая артиллерия, в порту стало спокойнее: лед был взломан взрывами снарядов, а красная от крови ледяная каша, в которой плавали трупы, была плохой исходной позицией для атаки. Брут целыми днями пропадал на эвакуационных пунктах, отправляя на материк машины с детьми, женщинами, стариками, мебелью, плюшевыми мишками, колясками, сервизами, картинами в золоченых рамах, одеялами и прочим домашним скарбом, а ночью все виденное им горе и все ужасы до рассвета стояли у него перед глазами, он не мог заснуть и тихо, как ребенок, плакал в подушку. Но когда донесли, что скоро будет потерян Торвардастейнур, Брут взял себя в руки и решил, что пора действовать так, как действуют в отчаянных положениях – и позвонил Гомонтову.

– Владимир Эдмундович! – сказал он. – Я чувствую, Хеймсстадир нам не удержать, но отдавать его врагу тоже не хочу. Понимаете меня?

– Если честно – не очень.

– Хорошо, повторю еще раз: я не хочу отдавать врагу столицу.

На том конце провода повисло напряженное молчание, и вдруг Гомонтов голосом, полным ужаса, выдохнул:

– О Небо! Неужели это возможно?!

– Все возможно, – вздохнул Брут. – Так что готовьте защитников к эвакуации, а Хеймсстадир – к уничтожению. И еще: я покину город последним.

Эвакуация потребовала много людей, их пришлось даже частично отзывать с передовой, и кольцо вокруг центра города, в котором засели последние защитники столицы, стало сжиматься быстрее. Скоро кришнаиты захватили уже весь южный Хеймсстадир. Зато на юг, на континент, пошли колонны машин с людьми – с последними самоотверженными воинами, защищавшими блеск и славу Великого Хейма.

И наконец, как раз в новогоднюю ночь, когда захватчики, заключив перемирие на сутки, пировали и пьянствовали, предвкушая продолжение пира в Торвардастейнуре и в здании Сената, последние отряды защитников погрузились на машины, и автоколонны, прогремев по вымершим улицам, покинули город. Теперь в Хеймсстадире оставались только банды мятежников.

Колонну, направлявшуюся на юго-восток, к Лужской губе, замыкала легковушка-вездеход. В ней ехал Брут. Он зябко ежился и кутался в пальто, пытаясь согреться, но безуспешно – холодный сырой ветер все равно проникал в щели, и Брут мерз, несмотря на включенный обогреватель. Водителю, видно, тоже приходилось несладко – он то и дело дул на пальцы, так же безуспешно силясь отогреть их. Машина вздрагивала и подпрыгивала на ледяных ухабах. Впереди было тридцать пять километров пути по ледяной коре Финского Залива. Сквозь гудение мотора можно было временами слышать вой ветра в высоте.

Сзади раздался громкий низкий глухой гул, и Брут оглянулся. Над домами Хеймсстадира поднималось зловеще-багровое зарево.

По распоряжению Гомонтова в подвалах домов, где у защитников находились арсеналы, и на Хеймсстадирской тепловой электростанции были установлены взрыватели. На электростанции находились громадные запасы нефти и торфина, в подвалах громоздились друг на друга ящики, содержавшие в себе сотни тонн пороха, тротила, динамита – защитники были хорошо обеспечены боеприпасами, и не их вина, что в Хеймингии оказалось так мало людей, готовых отстоять родину от злобы и ярости бунтарей! Хеймсстадир был превращен в одну огромную бомбу, бомбу чудовищной силы. И теперь, после того, как в кабинете коменданта города в здании Сената сработал главный запал, столица являла собой поистине феерическое зрелище.

Торвардастейнур был охвачен пламенем, и в бушующее море огня медленно оседали его башни. В городе, тоже уже горящем, то и дело взлетали к тучам, призрачно освещенным снизу оранжевым сиянием пожара, огромные, жуткие огненные фонтаны. Над северной частью города поднялось страшное желтое зарево – взорвались цистерны с нефтью и торфином на электростанции. Столб золотого пламени вознесся к облакам, освещая все вокруг ядовито-желтым мертвенным светом. Взрывная волна сметала бетонные здания, как карточные домики. Темные громады их взлетали осколками в темный холодный воздух и рушились вниз, на горящую землю.

Вся колонна остановилась, и люди завороженно смотрели на невероятную огненную фантасмагорию: над миром висела холодная декабрьская ночь, укутывая землю пеленами туч, под тучами расстилалось ледяное море, из льдов поднимался большой каменистый остров, а на острове бушевал чудовищный огненный ураган. Брут оглянулся. В ночи тускло, как звезды, светились фары машин, слабо освещая сгрудившуюся на льду технику. Потом снова перевел взгляд на Хеймсстадир. Там бесновалось пламя, уничтожая все то, что было накоплено и построено со времен Торварда. Оно фантастическим оранжевым заревом освещало пласты

темных туч, остров, льды у берега. Горела слава и величие Хейма, великой и некогда могущественнейшей мировой сверхдержавы, горело и рушилось в огонь все прошлое, все древнее и такое дорогое теперь прошлое. Горела в смертельном последнем пламени сама их жизнь. Они стояли и смотрели.

На следующий день к утру они достигли континента.

ЭПИЛОГ

I

Почему он не стерег для нас, когда легко мог, то, от чего мы теперь столь тягостно свободны?

Ансельм Кентерберийский.

Эйно Мерилода, бывший адмирал Койвисто, бывший князь Сабрии, бывший правитель Грюнемоора, бывший главарь ладожских пиратов, за голову которого правительство Хеймингии пообещало после Собольца шестьсот тысяч талеров, – Мерилода проснулся от приступа удушья, всхрапнул и, приподнявшись на локте, зашелся судорожным лающим кашлем. Через минуту-другую приступ прошел, и Мерилода, сплюнув на пол, снова вытянулся на грязном соломенном тюфяке, рукавом вытирая с губ кровавую слюну и жадно хватая ртом зловонный спертый воздух барака. Вокруг спали на трехъярусных нарах такие же, как он сам, несчастные больные рабочие – скорее их можно было назвать рабами, – но никого из них его кашель нисколько не обеспокоил. Он раздавался здесь едва ли не каждые десять минут – в бараке не было ни одного человека со здоровыми легкими.

В эту теплую августовскую ночь в душном, провонявшем человеческим потом, испражнениями и грязью бараке Мерилоду опять потянуло на воспоминания. Может быть, виной тому была печальная серебристая луна, свет которой проникал в помещение через маленькое, с заляпанным грязью стеклом, оконце?

Восемнадцать лет назад, такой же теплой ночью, адмирал был в бессознательном состоянии вывезен своими солдатами с Собольца, а через несколько дней, сидя в избе, одиноко стоявшей среди лесов на берегу сонного озерка, услышал по радио, что хейминги обещали за его поимку награду – шестьсот тысяч талеров. Сумма была чудовищная, ведь даже в Хеймсстадире, самом дорогом городе обитаемого мира, человек мог отлично жить, получая всего пятьсот талеров в месяц. Мерилоде польстило, что он так высоко оценен самими хеймингами, но вместе с тем он ясно понял, что скрываться теперь придется так, как не скрывается, запутывая следы, заяц, преследуемый хищником. У него не было больше ни денег, ни армии, даже своего жилища не было, и бороться с хеймингами он более не мог никак, поэтому оставалось лишь одно – стараться не попадаться им на глаза.

Первое время после бегства он провел в маленькой койвистинской деревушке в местности под названием Юнтола, неподалеку от хеймингской Лахты. Жители деревни, как и вообще все койвистинцы, рассеянные по всей Ингрии, относились к нему с величайшим почтением, но жили они очень бедно, да и близость к хеймингам вселяла в душу Мерилоды беспокойство, поэтому, прожив там около двух лет, он все же счел за лучшее уехать на Восток. Но хеймингов было полно и там; в то время они как раз наиболее интенсивно осваивали эти районы. Поскитавшись по Востоку, он понял, что и здесь ему покоя не найти, и, тайком забравшись на грузовой корабль в Лотинапелто, перебрался в Каннас. Однако и оттуда, набродившись вдоволь по его темным лесным тропам и пыльным дорогам, он в конце концов вынужден был уйти и направил свои стопы на Волхов и Сейскийоги. Но и там ему не повезло: если раньше этот район был немыслимо нищ, то теперь – практически необитаем. Жители, бросив свои жалкие поля и огороды, на которых ничего не росло, ушли в Альдейгьюборг, в Исходный Хейм, в колонии, а кому повезло – и на Архипелаг. Промаявшись там год батраком, Мерилода покинул и эти места и ушел в Западную Ингерманландию.

Там его, впрочем, тоже ничего хорошего не ожидало. В Сабрии его давно и прочно забыли, в его крепости на берегу Саброзера жил теперь хеймингский комендант. По Западу он тоже побродил немало и даже целый год прожил в Касколе.

И в этих скитаниях Мерилода ясно увидел то, что ранее почти не замечал. Люди, которые раньше не знали даже, что на свете есть хейминги, и верившие своим многочисленным богам, подчинявшиеся своим князькам и старейшинам, считали теперь – все, единодушно! – своей столицей Хеймсстадир, а своим правителем – Верховного Министра. Фантастически резко вырос уровень жизни. Даже нищий Волхов изменился. Когда Мерилода вскоре после новых выборов в Хеймсстадире, приведших к власти Брута, во второй раз попал в этот район, он не узнал его. Люди вернулись туда, но это были уже совершенно другие люди – не нищие крестьяне, а богатые хеймингские латифундисты, скупившие здесь все сколько-нибудь плодородные участки и организовавшие на них вместо примитивного земледелия высокотехнологичное сельскохозяйственное производство, и их рабочие, высококвалифицированные и получавшие за свой труд вполне приличную плату. Еще больших успехов достигли хейминги в других районах, которые они втягивали в сферу своего промышленного производства, а потом – и производства культурного. В городках, колониях и поселках Ингерманландии открывались не только обычные школы, но и специальные технические училища, а Хеддер в последний год своего правления осчастливил Ингрию тем, что в городке Сегоярви на нижней Свири открыл филиал Хеймсстадирского

Университета. А уж такие вещи, как электричество, радио, телевизор, автомобиль, стали совершенно тривиальными элементами повседневности.

Но, хоть и были они тривиальны, Мерилода постоянно сознавал, что не может пользоваться ими так же свободно, как другие. Он, конечно, ими пользовался, когда работал батраком на фермах или рабочим на заводах, он научился легко управляться почти с любой сельскохозяйственной техникой и даже, работая некоторое время в ангарах на небольшом аэродроме в Мегоре, приобрел довольно приличные познания в управлении самолетами несложной конструкции, но в его мозгу, как гвоздь, постоянно сидела мысль, что он вне закона, что за него Верховный Министр обещал целое состояние и что в любой момент его могут схватить и выдать властям. Это заставляло его непрерывно перемещаться, блуждать по свету, нигде не находя покоя, поэтому в эти годы он вел жизнь, во многом подобную жизни хеймингских отшельников: жил в лесу, в шалашах, в пещерах или на деревьях, питался ягодами, грибами, травами, всякой лесной живностью, начиная с оленей и кабанов и заканчивая мышами и лягушками. Это все сильно изменило его: он стал спокойнее, к жизни начал относиться философски, стал очень нетребователен. Единственное, что осталось прежним – это лютая, непримиримая ненависть к хеймингам, и Мерилода каждый свой день начинал с молитвы Укко и Рауни о том, чтобы сгинули, наконец, с лица земли проклятые потомки Торварда и Фомы. Неудивительно поэтому, что известие о выходе Оккервиля из-под власти Хеймингии вызвало в душе адмирала потрясение. Что-то подсказывало ему, что пошел отсчет последних часов существования сверхдержавы. Бросив все, позабыв даже о страхе ареста, Мерилода поехал в Хеймсстадир. Ему надо было присутствовать при катастрофе.

В столице на него, как он и предполагал, никто ни малейшего внимания не обратил. Он пробрался туда из Страны водинов вместе с кришнаитским отрядом, шедшим на помощь единоверцам на Архипелаг, и, добравшись до Хеймсстадира, поселился там в каком-то полуподвальном помещении. Средства к существованию он добывал себе криминальными способами: грабил ночных прохожих, воровал на складах. Из-за введенных Брутом строгостей делать это было сложно, поесть удавалось не каждый день, но Мерилоде во время жизни в лесах не раз приходилось переносить многодневные голодовки, и в Хеймсстадире он чувствовал себя вольготно.

Когда началась эвакуация, Мерилода пошел, разумеется, не на эвакуационный пункт, а в прямо противоположную сторону – через баррикады и заграждения к кришнаитам и христианам. О последнем приказе Брута он проведал, поэтому новогодней ночи ожидал с видимым нетерпением. Когда загремели первые взрывы и пламя стало охватывать великую столицу, адмирал стоял у полуразрушенного укрепления менее чем

в километре от городской черты и во все глаза смотрел на поднимающийся снизу, из подвалов города, огненный ад. Онемев от восторга и радости, он впивал в себя это жуткое зрелище, запах дыма, торфина и пороха, жар бешеного пламени, испепелявшего все то, что было создано за многие поколения ненавистным народом. Мерилоду била дрожь, он ничего не видел, кроме вздымающейся из земли стены пламени, в которое рушились высокие горделивые здания, ничего не слышал, кроме рева огня и грома взрывов. Всю ночь он простоял так, не отводя взгляда от кошмарной огненной феерии.

Пожар продолжался четыре дня, и все эти дни люди, среди которых жил Мерилода, ходили раздраженные и злые, но адмирал не очень понимал, чем они так обозлены. Ведь нет больше на свете Хеймингии – главного врага всей Ингерманландии. Для хеймингов все кончено, так чему же злиться?

На Лавансаари Мерилода задерживаться не стал. Когда на месте Хеймсстадира остались только обугленные руины, он угнал у своих друзей кришнаитов машину, погрузил в нее изрядный запас продуктов и боеприпасов, прихватил два ружья и был таков. Чтобы сбить с толку возможную погоню, он поехал не на юг, к Лужской губе, а сначала на запад, к Гогланду, а с Гогланда – на север, в Каннас. Там он поселился в самой глуши, на средней Вуоксе, и провел там два с лишним года.

Первые месяцы после падения Хеймсстадира прошли для него в эйфории, он готов был кричать от радости, что все его страдания были наконец отомщены, а новых не предстояло. Державы хеймингов больше не было на свете, и вместо молитв о мести Мерилода воссылал богам и духам лишь благодарности. Его душа, сбросив бремя несправедливых обид, горя и ненависти, словно купалась в этой радости.

Но скоро ему стало чего-то как будто не хватать. Какая-то непонятная тоска и неопределенное беспокойство мучили его и томили. Сначала он не придавал этому значения, но душевная пустота расползалась по сердцу, все настойчивее заявляя о себе тоскливым чувством камня на сердце. Ночами Мерилода стал плохо спать, а когда засыпал – часто снились кошмары, связанные главным образом с последними днями Хеймсстадира. И вот в один прекрасный апрельский день адмирал, включив по привычке радиолу своего автомобиля и услышав, как обычно, только треск помех, понял вдруг, что не хватало ему именно хеймингов – их музыки, их речи, их непостижимых знаний, их бесстрашия перед пустыми землями, даже самой ненависти к ним. Мерилода почувствовал, в каком одиночестве и вакууме оказался вдруг, потеряв извечных своих врагов. Беспокойство росло, наваливаясь приступами, во время которых он покидал свой хуторок и уходил на охоту – это немного рассеивало тоску. Уходил далеко, однажды

дошел даже до Ладоги и долго стоял потом на берегу, пустым тоскливым взором глядя на ее спокойные темно-стальные волны, лениво лизавшие прибрежный галечник.

Промаявшись так еще года два, Мерилода наконец не выдержал. Бросив хутор на произвол судьбы, он собрал свои необременительные пожитки и снова пошел бродяжничать. Привыкнуть вновь к оседлой жизни ему так и не удалось; собственно, он и не вел ее с тех самых пор, как приехал в Койвисто: сначала скитался по морям, а потом – по лесным дебрям Ингрии. После года бесцельных блужданий по Каннасу Мерилода пришел в Юнтолу. Деревни, в которой он жил когда-то, уже не было, зато неподалеку от нее он, к своей радости, обнаружил небольшой заброшенный аэродром. Те самолеты, что стояли под открытым небом, давно пришли в негодность по вине местных жителей, которые ломали их, разбирая на металлолом, зато техника, стоявшая в запертых ангарах, была цела и невредима, в чем Мерилода воочию убедился, не без труда справившись с замком одного из ангаров. Побродив по небольшому административному зданию, заброшенному, пустому и тоскливому, он случайно наткнулся на небольшой железный шкафчик с разного рода документами и книгами, который грабители из местных, почти полностью очистившие от мебели здание, по какой-то причине внимания не обратили. Среди прочих бумаг в шкафу нашлось старое и сильно истрепанное, но все же пригодное для чтения руководство по управлению самолетами. Мерилода, успевший многие навыки своей прошлой жизни сильно подзабыть, возблагодарил небо за столь ценную находку и потом целый месяц провел здесь, штудируя книгу. А через месяц, забравшись в кабину, он понял, что сможет взлететь; было бы только топливо. Его он отыскал не без труда и довольно немного. Залив торфин в баки, он открыл ворота ангара, влез в кабину и запустил моторы. О том, что, прежде чем запускать пропеллеры, полагается выкатить машину из ангара, он вспомнил только в воздухе, поднявшись на километр над землей и взяв курс на восток.

Топлива ему хватило до Ивинского разлива, на берегах которого он когда-то жил некоторое время. Заметив, что стрелка на циферблате с надписью «топливо» ползет к нулю, Мерилода стал выискивать место для посадки. Таковое скоро нашлось. Это была небольшая и довольно ровная просека у северо-западных берегов разлива, когда-то прорубленная хеймингскими лесопромышленниками, а теперь зарастающая кустарниками и травой. За ней никто не присматривал много лет, но все же Мерилоде удалось обнаружить участок, свободный от лишней растительности и достаточно длинный, чтобы самолет мог сесть, и он пошел на посадку.

Снижаясь, Мерилода заметил впереди и слева легкий дымок, лениво поднимающийся над пологими, поросшими лесом холмами в бледное

весеннее небо. Благополучно приземлившись, он тут же схватился за карту Ингрии, вложенную в то заветное руководство, и узнал, что недалеко отсюда, на небольшой речушке, впадающей в Ивинский разлив, находится койвистинское поселение, и сразу же решил направить свои стопы именно туда, тем более, что топлива в баках уже практически не было – тех жалких остатков, что еще плескались в опустевших цистернах, не хватило бы даже на то, чтоб взлететь. Без малейшего сожаления бросив ставший бесполезным самолет и прихватив с собой лишь карту, адмирал решительно направился к деревне.

После суток пути – сначала по просеке, потом по едва проходимым от снега, лежавшего еще здесь, несмотря на апрель, ивнякам вдоль речушки – Мерилода, грязный и уставший так, что чуть не падал, выбрался, наконец, к деревне. Ее жителями он был встречен с большим подозрением, но когда он назвал себя, а то, что он не солгал, подтвердили один местный старик и идеальное койвистинское произношение адмирала, подозрения рассеялись, его приняли здесь как своего, и он стал жить здесь на равных правах со всеми. Мерилода вместе с остальными жителями возделывал землю, ловил рыбу в реке и в разливе, ходил на охоту – в этом деле он за годы скитаний стал большим мастером. Никакого исключительного почета здесь ему, в отличие от других койвистинских поселений, не оказывали – относились с должным уважением, но без благоговейного трепета, однако Мерилоде это даже нравилось. У него было больше свободного времени, когда он мог остаться в одиночестве и никто, как у остальных земляков, не лез к нему с изъявлениями почтения. Но это же было для него и мучительным – в свободное время, когда он оставался наедине с собой, ничто уже не отвлекало его от тоски и пустоты, давивших душу ледяной мертвенной тяжестью, и в эти часы, хоть и было их немного, он от этого готов был рыдать и выть, как собака, на равнодушную луну, с печальным безразличием лившую свое тонкое серебристое сияние на окутанный ночной темнотой мир. С тех пор, как он стал свидетелем гибели Хеймсстадира, Мерилода все это время чувствовал себя совершенно потерянным. Он не знал, что ему дальше делать без своего давнего врага, не знал, как и зачем жить дальше без этой ненависти, без жажды мести, и с каждым годом, месяцем, днем это чувство росло и усиливалось. Он не находил себе места и не знал, что со всем этим сделать, и все чаще вспоминал слова сабрийского нойда о том, что душу его духи похитили и спрятали на острове в море. Видимо, на Лавансаари они ее и спрятали, и сгорела она вместе со столицей мира, иначе откуда же взялась в груди эта ледяная пустота? И каково же буддистам ощущать постоянно эту пустоту там, где должна быть душа, раз они отрицают душу? Какое же немыслимое, невообразимое, вселенское одиночество и отчаяние должен был пережить

человек, чтобы создать учение о несуществовании души? А может быть, лежит она сейчас, томясь, на Исо-Койвисто? Или на том островке, на котором Эйно впервые увидел свет? Однажды пришла даже мысль о самоубийстве. Мерилода сразу же и решительно отмел ее, но тоску и растерянность он вот так же отмести не мог, они упорно возвращались к нему каждый вечер, когда он, вытянувшись на лавке и укрывшись старой медвежьей шкурой, оставался один на один со своими мыслями.

Почти год он промаялся в деревне, но его бродяжническая натура все-таки заставила его в один прекрасный день начала марта собраться, распрощаться с поселянами и вновь вернуться к скитальческой жизни.

Из деревни Мерилода направился на юг. Это направление он выбрал без какой-либо особой цели – ему было абсолютно все равно, куда идти, ведь связующего центра мира, великого Хеймсстадира, больше не было, и если раньше все дороги вели в столицу, то теперь их сходство было в том, что все они одинаково вели в никуда. Первые дни путешествия прошли спокойно. Мерилода, проплутав немного по лесам, выбрался на старое хеймингское шоссе и пошел по нему в избранном направлении, ночуя изредка в крошечных жалких деревеньках, но обычно – просто в лесу, под кустом, у костра.

Когда он перебрался на левый берег Свири, с ним случилось довольно драматическое происшествие, которое едва не закончилось очень печально: его захватили в плен работорговцы. На шоссе его догнал грузовик с железным кузовом, остановился, из него выскочили трое, сбили Мерилоду с ног, оглушили и бросили в кузов к таким же несчастным пленникам, предварительно сорвав с него верхнюю одежду. Придя в себя в подпрыгивающем на ухабах автомобиле, адмирал еще раз горько пожалел о том, что нет больше на свете Хеймингии – при хеймингах рабство в Ингерманландии было практически искоренено (во всяком случае, Мерилода с ним тогда не сталкивался ни разу) и только сейчас, как видно, стало возрождаться. Обнаружив, что на нем ничего нет, кроме брюк, сапог и фланелевой рубашки, он тихо выругался. Умно поступили бандиты! Теперь понятно, почему его просто бросили в кузов, не приковывая к нему, как это делалось до хеймингов – бежать отсюда, даже если бы удалось убить здоровенного охранника с тесаком наголо, сидевшего в кузове, и выломать дверь, все равно в этот очень холодный и сырой март без одежды было бы самоубийством. И все же Мерилода решил обязательно сбежать, а пока сидеть тихо, ничего не предпринимать и выжидать удобного случая.

Он очень скоро определил, что путь они держали на юг. Кормили пленников отвратительно, а работать заставляли много – в их обязанности входило круглые сутки посменно приводить в движение динамо-машину, заряжавшую аккумуляторы автомобиля, оснащенного не торфиновым

двигателем, как большинство хеймингских грузовиков, а электрическим. Мерилоду эта работа изматывала, он все время мерз, но все терпел и выжидал.

Через несколько дней, когда впереди завиднелись в дымке синие холмы Тихвинской гряды, он понял, что везут их в Загорье, и это вызвало у него состояние, близкое к панике. Реки в Загорье не принадлежали к бассейну Финского Залива, а куда именно они текли, вряд ли совершенно точно знали даже хейминги, и Мерилода очень боялся, что его могут продать невесть куда, в пустые земли. Это только укрепило его намерение бежать.

Помог, как обычно, случай. Когда они уже ехали по ухабистым проселкам Загорья, по его лугам и перелескам, на них по дороге напали местные разбойники – разумеется, не с альтруистическими целями, а чтобы отнять выгодный товар у конкурентов. Бандиты, везшие Мерилоду, естественно, все поголовно, включая охранников, встали на защиту своей собственности. Когда разгорелась схватка, Мерилода ударом ноги сломал замок, выскочил из кузова и со всех ног бросился бежать по мокрым сугробам подальше от этого проклятого места. Бежать было очень тяжело. Сугробы подтаивали, снег цеплялся за ноги, мешая двигаться, дул холодный пронизывающий ветер, от которого Мерилода, одетый совсем по-летнему, мучительно мерз. Он несколько раз падал, весь вывалялся в снегу, который растаял на нем, до нитки промочив одежду, что серьезно усугубило страдания адмирала. Он не мог остановиться до самой темноты, и только когда бежать стало из-за нее совсем невозможно, свалился под какой-то куст и заснул неглубоким тревожным сном.

Проснулся он, едва забрезжил на небе серенький мартовский рассвет, и сразу же снова бросился бежать. Путь он держал на запад, чтобы быстрее выбраться из Загорья, определяя направление по солнцу, проглядывавшему тусклым пятном сквозь тучи, и по ветвям деревьев. Чувствовал он себя при этом отвратительно: слабость, которую он превозмогал лишь усилием воли, ломота во всем теле, боль в желудке, в голове – туман.

Мерилоде много раз приходилось бывать в весьма опасных переделках, но этот поход, продлившийся всего восемь дней, стал самым великим его подвигом. Голодный, простуженный, страдая от жара во всем теле, промокнув до последней нитки, он брел по лесам, по полянам и сугробам, не имея даже спичек или кремня, чтобы разжечь огонь, не смея обратиться за помощью к местным жителям, которых он боялся больше, чем хищных зверей. Однажды он целую ночь, не смыкая глаз, просидел на дереве, а внизу дожидалась, когда он свалится, волчья стая. Только около полудня волки ушли, погнавшись за какой-то более доступной добычей. Все

это время он почти ничего не ел. Кругом был лишь снег да вытаивающая из-под него жухлая прошлогодняя трава. Под конец Мерилода вообще перестал соображать, куда и зачем он идет, и когда перед ним открылось вдруг поле с небольшим хуторком на нем, он, даже не подумав об опасности, пошел к нему и без чувств свалился на крыльце.

Недели две, не меньше, адмирал пребывал в бессознательном состоянии, на грани жизни и смерти, но наконец организм начал все же побеждать болезнь, и Мерилода пошел на поправку. Но что-то в его организме все-таки непоправимо разладилось: часто болели легкие, он постоянно кашлял, иногда желудок напоминал о себе тяжестью под ложечкой. Но тем не менее он выздоравливал. К хозяевам хутора – бездетным жене и мужу – он скоро начал было проникаться доверием, но все было разрушено случайно подслушанным разговором.

Дело было в последних числах мая. Хозяева отправлялись на базар, и Мерилода случайно подслушал обрывок их разговора.

– Слушай, ты уверен, что он не уйдет?

– Думаю, нет. Он, кажется, начал доверять нам. Да и потом, слуга за ним присмотрит. Кстати, я считаю, мы зря его кормим. Он до сих пор болен!

– Ну, не скажи…

Дальнейшей беседы он не слышал, но в душу закралось подозрение, что его опять хотят обратить в рабство. Поэтому, дождавшись, когда хозяева уедут, он свернул на всякий случай шею слуге, прихватил продукты, одежду и еще кое-что из вещей и быстро зашагал от хутора в сторону, противоположную той, куда уехали хозяева.

Дальше снова были годы бесцельных блужданий по Ингерманландии. Нигде Мерилода надолго не задерживался, отовсюду очень скоро уходил, все вокруг тяготило его. Невыносимо тяжело было смотреть на разлагающиеся остатки хеймингской культуры, на которые он постоянно натыкался в своих скитаниях. Разрушающиеся без присмотра и ухода дороги, рассыпающиеся в прах городки и поселки, ржавеющие у обочин машины, ни на что уже не годные без торфина и электричества – все это навевало такую тоску и такое одиночество, что Мерилода наконец стал избегать всех тех мест, где он мог это встретить, и жил главным образом в глухих чащах, куда хейминги не добирались. Он непрерывно перемещался по Ингрии, прожить на одном месте хотя бы год стало для него невыносимым и невозможным мучением.

Но все же цивилизации – точнее, тех жалких остатков ее, что еще сохранились в мире – он не чуждался совсем, и во время одной из вылазок в державшиеся еще очаги культуры, а именно в Корелу (он жил тогда на северной Вуоксе), его по несчастной случайности занесло в порт. В почти пустом порту грузился у причала алюминиевой рудой небольшой баркас, и

леший дернул Мерилоду поинтересоваться у капитана, куда он идет, а услышав в ответ, что на остров Воссинойсаари, изъявить желание попасть туда. Это произошло год назад, и с тех пор адмирал был заживо погребен на этом треклятом острове.

На Воссинойсаари располагался, наверное, последний в Ингрии металлургический завод, выплавлявший главным образом алюминий из бокситов, привозимых из Лехмалахти, но также и другие металлы – из металлического лома, которого даже в районе Корелы было предостаточно. Электроэнергию он получал от местной ветровой электростанции, мощности которой хватало лишь на обеспечение плавильных цехов. Каждый человек, попадавший на этот ничтожный заводишко, становился здесь фактически рабом. Убежать с острова, по всеобщему убеждению, было невозможно.

Мерилода здесь работал тигельщиком. В его обязанности входило помогать загружать в тигель сырье, поднимать и опускать тяжелую его крышку, утяжелявшуюся еще массивным электродом, и через специальное окошко в крышке контролировать процесс плавки. Работа была адская. Все производственные процедуры – сортировка, флотация, плавка, отливка металлических болванок – происходили в одном огромном помещении, темном и очень плохо вентилируемом. Постоянно витавшие в воздухе цеха металлические аэрозоли и пыль разрушали легкие, и особенно тяжело приходилось Мерилоде, чье здоровье было изрядно подорвано после бегства из Загорья: грудь болела непрерывно, почти каждую ночь мучили кашель и удушье. От тяжело ударявшего по ушам грохота, раздававшегося, когда крышка тигля опускалась и между электродами – один в крышке, другой в дне тигля – проскакивала электрическая дуга, ослаб слух, а от резкого мертвенного света дуги, бившего из окошечка, в которое Мерилода должен был постоянно заглядывать, сначала заболели глаза, а потом стало быстро ухудшаться зрение. Постоянное отравление организма металлами в сочетании со скверной пищей привели к тому, что у Мерилоды развился гепатит. Печень болела регулярно каждую ночь, доставляя невыносимые страдания («Какая ирония! – думал он, когда боль вгрызалась в правое подреберье. – Великого Брута терзала та же болезнь!»). Поначалу адмирал ужасно мучился, несколько раз пытался бежать, но его ловили, наказывали и снова заставляли работать, и наконец он притерпелся к болям в легких и в правом боку, к удушью от отравленного воздуха цеха. Им овладели апатия и равнодушие. Утром он машинально вставал по звонку, плелся с остальными в столовую, равнодушно ел гнусную бурду, которую здесь гордо называли едой, потом четырнадцать часов стоял у тигля (перерывов на обед не полагалось), по звонку бросал работу, глотал бурду и отправлялся спать.

Но сегодня что-то беспокоило его. Не печень и не легкие, а что-то другое, полузабытое, неопределенная и мучительная тоска. Мерилода снова вспомнил свое прошлое, островок в Лужском заливе, Койвисто, нападение на Хеймсстадир, скитания по лесам, Сабрию, Фест, Соболец. Как давно все это было! Тогда он был молод, силен и здоров. Точно такой же август стоял, когда он принял решение напасть на Хеймсстадир. Тогда ему было тридцать семь лет. Тридцать семь! Сейчас ему шестьдесят семь. Тридцать лет прошло. Ровно тридцать. Мерилоду вдруг охватила нестерпимая тоска по свободе, захотелось вновь увидеть ингерманландские леса, Финский Залив, а не проводить дни между цехом, столовой и бараком, медленно умирая от ядовитых алюминиевых паров. Кошмарная жизнь! Один из местных рабочих, почти его ровесник, в разговоре с ним однажды долго нахваливал хеймингов; он долго работал на металлургическом заводе в Тихвине и уверенно утверждал, что хейминги заботились о своих рабочих куда как внимательнее, чем хозяин этого заводишки. За упоминание хеймингов могли жестоко наказать.

И вот сейчас Мерилода, лежа на грязном тюфяке, почувствовал невероятную тоску по свободе, по нормальной, чистой жизни и искреннее раскаяние по своей ненависти к хеймингам – тоску и раскаяние такие сильные, что он едва удержался, чтобы не застонать. Резким движением, повинуясь секундному порыву, он вскочил с нар. Бежать! Скорее. Пока ночь. Вчера на остров пришел корабль, на его борту есть спасательная шлюпка. Бегом к причалам!

Адмирал тихо, как кошка, разом сбросив тяжелый груз своих лет, спрыгнул с нар и, быстро одевшись в темноте, сунул ноги в сапоги и осторожно выскользнул из барака.

Снаружи было прохладно, светила луна. Бегом промчавшись по дорожке, Мерилода выбежал к причалу. У него бездонно-черной тенью выделялся баркас, на носу поблескивал в лунном свете ствол ружья – часовой, кажется, дремал. Но осторожность не помешает. Отойдя в кустарники, Мерилода снял одежду и сапоги, связал все это в узел, пробежал с сотню метров по сонному сосновому лесу, несколько раз споткнувшись о корни и больно ударившись, и выбежал к Ладоге. Нашарив в лунном свете несколько гранитных обломков с острыми краями, он выбрал несколько, вошел в воду и поплыл, изо всех сил стараясь не шуметь. Подобравшись к причалу, он укрылся в его густой черной тени и скоро был уже у кормы. Часовых на ней, к счастью, не было. Мерилода подплыл к лодке, качавшейся на волнах у кормы, к которой она была привязана не очень толстым тросом, и забросил в нее узел. Не вылезая из воды, чтобы не привлечь внимание часового, он взялся за трос, и после двадцатиминутных усилий и ценой порезанных пальцев тот был перепилен. Мерилода забрался

в лодку, нащупал на дне ее весла и, вставив их в уключины, погнал суденышко вперед по темной холодной воде. Плыть он решил не на запад, к Кореле, как делали все беглецы, а на восток. Ночь только начиналась, и Мерилода, определив по высоте луны над горизонтом, что в запасе у него еще часов шесть-семь, направил бег лодки в Ладогу, тихо лежавшую в свете медленно поднимающегося над горизонтом печального ночного светила.

Адмирал греб изо всех сил всю ночь, греб до ломоты в спине и кровавых мозолей на ладонях. Страх быть пойманным удваивал его силы. Только когда наступило утро и солнце взошло достаточно высоко, он, наконец, почувствовал усталость, бросил весла и, свернувшись калачиком прямо на досках на дне лодки, заснул тревожным сном.

Проснулся он, когда солнце уже клонилось к закату, от неприятного посасывания в животе. Немного болела печень. Мерилода встал и огляделся с тревогой, боясь увидеть погоню за собой, но вокруг все было тихо, только волны слегка подталкивали лодку в бока, да где-то в высоте плакала чайка.

Не теряя времени, он снова сел на банку и взялся за весла, направляя лодку на юг, так, чтобы заходящее солнце оставалось справа по курсу. Он торопился пройти как можно большее расстояние, пока не наступила ночная темнота, и лодка легко неслась по ртутным волнам. За кормой журчала вода. Руки у него болели, спина болела, ладони словно огнем жгло, но он не обращал на это ни малейшего внимания, только то и дело оглядывался вокруг – не видно ли опасности.

Ночь и на этот раз была светлой, звездной и лунной, и Мерилода бросил весла только в середине ночи, до полусмерти утомившись, а с первыми лучами рассвета погнал жалкую скорлупку дальше вперед.

Только в это утро он заметил, что очень голоден. Не ел он целые сутки, и живот сводило от судорог, а никакой еды и никаких рыболовных снастей в лодке не было. Мерилода пожалел, что не подумал об этом раньше, но сейчас уже ничего сделать было нельзя, и он, стиснув зубы, яростнее заработал веслами.

К концу дня он обратил внимание на то, что Ладога вела себя довольно странно: она, обычно бурная и непредсказуемая, уже двое суток была тихой-тихой, только легкие волны бежали по ее тускло-серой поверхности. Жару августовских дней не разгоняло ни единое дуновение ветерка, и солнце нещадно палило адмирала, который уже начал от всего этого уставать.

На следующий день он повернул на запад, и через двое суток плавания нос лодки ударился о прибрежные камни Каннаса чуть южнее острова Коневец. Мерилода, бросив лодку, выскочил на берег, пробрался по камням до поросшей травой прибрежной полянки и тут ничком рухнул на землю. Он зарылся лицом в густую траву и жадно вдыхал ее запах, слушал

треск кузнечиков, вздохи легкого ветра в сосновых кронах. Целый год на проклятом Воссинойсаари он был лишен всего этого! И как тосковал по травам, соснам, по свободе, дыша в загазованном цеху парами алюминия и пылью!

Целый час Мерилода не мог встать и оторваться от пряной ароматной травы. Лишь вволю надышавшись и отдохнув, он встал и, увидев, что по краю поляны, убегая под сень леса, змеится тропка, возблагодарил судьбу и пошел по ней, резонно рассудив, что куда-нибудь она да приведет.

Он шел по ней не меньше двух часов. Лес становился все гуще, поэтому, когда Мерилода внезапно вышел на длинную узкую луговину между холмами, то от брызнувшего ему в глаза света закатного солнца даже зажмурился. Открыв глаза, он осмотрелся. На луговине не было ничего примечательного, если не считать трех небольших бревенчатых строений. Он сначала испугался, что попал на чей-то хутор, хозяева которого могут продать его в рабство, но, приглядевшись повнимательней, заметил, что строения имеют нежилой вид, а когда осторожно подошел поближе, понял, что его страхи вообще были напрасны – перед ним были три сарая, в которых обычно хранились запасы дров или трав и которые использовались охотниками как временное жилье и склад добычи, боеприпасов и оружия. Двери всех трех сараев были заперты тяжелыми засовами, из чего Мерилода верно заключил, что здесь никого нет. Слегка согнувшись от скрутившего вдруг спазма в животе, он подбежал к одному из сараев, не без усилий откинул тяжелый деревянный засов от двери и вошел.

В сарае стояла полутьма. Свет заходящего солнца пробивался через четыре узких оконца под самой крышей, затянутых бычьим пузырем. В этом слабом свете Мерилода различил то, что искал – по стенам висели связки трав и грибов, у одной из стен стоял штабель дров, а на нем валялся мешочек с кремнем и кресалом. Около другой стены стояла простая посуда, а над ней адмирал нашарил связки вяленой рыбы и мяса. В центре помещения камнями был выложен примитивный очаг. В довершение всего в одном из горшков Мерилода обнаружил соль.

О большем он не мог и мечтать. Схватить ведро и сбегать к журчавшему недалеко сонному ручейку было делом минуты, и скоро на очаге горел огонь, разведенный с помощью кремня и пучка сухой травы, а на решетке над огнем закипал котелок с водой. В воде плавали мелко накрошенные ароматные травы и пара кусков вяленого мяса.

Скоро варево было готово. Мерилода, зная, что после долгого голодания опасно сразу наедаться, стал осторожно, маленькими глотками пить теплый жидкий бульон. Боль в животе и спазмы прошли после первых же глотков, и его потянуло в сон. Допив бульон, он погасил огонь,

вытянулся прямо на земляном полу и мгновенно заснул, ровно дыша теплым, пахнущим травами, дымом и вареным мясом воздухом сарая.

Проснулся он на другой день в преотличном настроении и, пробудившись, долго лежал, наслаждаясь нормальным, чистым воздухом, не отравленным парами металлов, пылью, испарениями грязных человеческих тел и запахом нечистот. От мягкого аромата трав, от птичьего писка снаружи, от света поднимающегося солнца и от упоительного сознания свободы покруживалась голова.

Наконец Мерилода встал и, сжевав маленький кусочек вчерашнего мяса, решил отправиться на разведку – узнать, что хранится в других сараях.

В первом сарае он не нашел ничего, кроме витавшей в солнечных лучах пыли – сарай был пуст. Зато второй сарай оказался для него целым сокровищем. Войдя туда, Мерилода обнаружил там несколько кремневых ружей, капканы, силки, пару ящиков с патронами и много одежды, главным образом зимней, а также нитки, иглы и прочие принадлежности для починки одежды. Из всего этого он заключил, что хозяева сараев, вероятно, появятся здесь не раньше, чем выпадет первый снег. Его собственные одежда и обувь уже сильно износились и были грязны, и он был рад сменить их на что-то новое. Еще одним приятным открытием было то, что он обнаружил на поляне заросли мыльнянки – весьма полезной травы, которая использовалась в качестве довольно сносного заменителя мыла и которой Мерилода не раз пользовался в своих скитаниях. Нарвав ее целую охапку, он влез в ручей и плескался там, пока не почувствовал, что вся грязь и мерзость Воссинойсаари унесена прохладной, коричневой от торфа водой. Посвежевший и довольный, облачившись в новую одежду, Мерилода вернулся в свой сарай и занялся приготовлением обеда.

Так он, блаженствуя и наслаждаясь свободой, чистотой и бездельем, прожил здесь дней десять. Он бродил по лесу, плескался в ручье, восстанавливал сильно подорванные заводом силы – отдыхал вовсю. Но однажды ночью он вдруг почувствовал что-то знакомое в груди – томление, забытое за кошмарные месяцы на Воссинойсаари. Мерилода лежал на охапке травы и пытался определить, что его беспокоит, лежал, мучился и вдруг понял – это та самая тоска брошенности, потерянности, что охватила его после крушения Хеймингии. Адмирал ворочался на своей шелестящей, источающей пряный аромат постели, вздыхал, пытался заснуть, но все безуспешно. Сон не шел. Промучившись так не меньше часа, он встал и вышел из сарая.

Над головой простиралось бездонное ночное небо, поразительно ясное в эту тихую ночь в самом конце августа. В пустоте темных небес холодными точками, остро и резко лучась, мерцали звезды и плыла

печальная луна, в свете которой стена леса на краю луговины казалась угольно-черной. Такими же черными были и тени сараев.

Мерилода опустился прямо на землю и прислонился к стене, устремив пустой тоскливый взгляд в черное небо. Опять пустота, тоска и потерянность! Опять ему нет покоя, и даже в этой идиллии настигло его ужасное неумолимое отчаяние! На Воссинойсаари все это заглохло, вытесненное из сознания элементарной борьбой за жизнь, но здесь, где жизни ничто уже не угрожало, а свободного времени было много, все это проснулось и теперь во весь голос заявляло о себе. Мерилода тяжело вздохнул. Ему хотелось выть от тоски – не той тоски по покою и свободе, которая, бывало, посещала его на острове, а этой странной и неопределенной печали, когда невозможно было даже понять, что ее вызывает. Из его груди вырвался тяжелый вздох. Нет, это страшнее и больнее, чем боли в легких и в печени! И если от телесных болей есть средство избавиться – здесь, в сарае, все нужные травы под рукой, – то как избавиться от душевных, не может сказать никто.

И вдруг, глядя на равнодушно плывущую в небе луну, Мерилода сказал себе: «Хватит! Отсюда надо уходить!». И тут же рассмеялся. Какая наивность! Куда ему идти? Ведь он от себя, от себя бежит! Как он сможет убежать от своей судьбы?!

Все же на следующий день он разыскал в сарае заплечный мешок, сложил туда продукты, смену одежды, патроны, моток лески с крючками, прихватил ружье и пошел куда глаза глядят, прочь от этой поляны.

II

Ни на небе, ни среди океана, ни в горной расселине, если в нее проникнуть, не найдется такого места на земле, где бы живущего не победила смерть.

Дхаммапада, афоризм 128

Прошло две недели. Холодное сентябрьское солнце бледным тусклым осенним светом заливало мир. По бесцветному небу медленно плыли редкие жиденькие облака. В воздухе пахло хвоей и летела куда-то паутина.

Мерилода устало шел по заброшенному, зарастающему травой проселку. Слабый ладожский ветер слегка покачивал кроны сосен, тихие вздохи которых навевали тоску. Проселок должен был вывести к старой хеймингской колонии Катценштейн, где Мерилода надеялся провести эту ночь, хотя и не был уверен, что в колонии хоть кто-то еще живет. Она,

может быть, и сама разрушена и исчезла с лица земли – за столько-то лет! Но он еще на что-то надеялся.

За эти дни он безумно устал. Даже томительное заключение на Нерве не обессилило его так, как год на Воссинойсаари, и он шел очень медленно, то и дело садясь на траву у обочины и отдыхая. Впрочем, скорость его передвижения не очень его волновала. Все равно это бегство от собственной тоски и потерянности ни к чему не приведет – кроме, разве, смерти. В последнее время – после бегства с завода, а может быть, и раньше, – его вообще ничто не волновало. Он безумно устал от этой всеобщей потерянности. Не один он испытывал такие чувства. Их испытывали все. После крушения хеймингской державы люди просто перестали понимать, кто они такие и в каком государстве живут, а сформировать собственную государственность… Мерилоде приходила такая идея, и он пытался ее объяснить другим, но в мозги ингрийцев она не вмещалась. Те же немногие, очень немногие люди, до которых доходила суть идеи, лишь безнадежно махали руками в ответ – и были правы. О какой государственности могла идти речь в стране, где царили всеобщее обнищание и растерянность, где не было уже ни одного промышленного предприятия и где хозяйство возвращалось к самым примитивным формам своего существования?

Мерилода, впрочем, и сам отлично понимал всю утопичность своей идеи, поэтому скоро просто отбросил ее, забыл о ней и попытался приспособиться к существующему положению вещей. Но не смог. И боль по-прежнему проникала в опустошенное сердце, вызывая апатию, безразличие и лишь одно по-настоящему сильное желание – чтобы пришла смерть и прекратила, наконец, все это.

Вот с таким настроением и брел адмирал по проселку. Сегодня с утра опять болели легкие, и он тяжело дышал, стараясь насытить кислородом больную зараженную кровь.

Дорога внезапно вывела его к ладожскому берегу и здесь оборвалась. Перед ним лежал узкий каменистый пляж, а за пляжем журчали по валунам темные воды великого озера. Он осмотрелся, соображая, в какую сторону лучше идти, но обе они были одинаковы: лес, пляж, Ладога. Никаких ориентиров. Мерилода подумал немного и решил идти направо, на юг, предположив, что вышел на берег севернее Катценштейна.

Идти по пляжу было утомительно. Ноги вязли в крупном красноватом песке, валуны ставили предательские подножки, и Мерилода несколько раз упал, лишь чудом отделавшись парой синяков. Он до предела устал и уже подумывал о том, чтобы присесть на ближайший валун и уничтожить последние остатки еды в рюкзаке, но вдруг заметил недалеко впереди что-то, похожее на пирс. В надежде, что это, наконец, Катценштейн, он так быстро, как только позволяли песок и усталость,

пошел вперед, напрягая близорукие глаза в попытках рассмотреть заинтересовавший его предмет.

Надежда его оправдалась: это действительно был пирс, а неплохо сохранившаяся дорога от причала вывела его к Катценштейну. Но надежды отдохнуть здесь при виде колонии рассыпались в прах – от города остались лишь разрушающиеся дома и зарастающие травой улицы. Он был давно заброшен. В мозгу вдруг всплыла страшная картина: ночь в Сейвисто, шорохи в пустом здании, голодная собака… Мерилода счел за лучшее вернуться к пирсу.

Как быть дальше, он не знал. Катценштейна больше нет. Разжиться чем-то на развалинах невозможно. А еда кончилась. Обо всем этом он раздумывал, сидя на пирсе и дожевывая последний кусок вяленой рыбы. Что делать дальше и где он найдет себе пропитание? Боги, может быть, знают.

Но сидеть здесь, ожидая невесть чего, было бессмысленно. Дожевав рыбу, Мерилода встал и пошел дальше на юг по берегу. В душе его, больно и тяжело потрясенной разрушающимися останками колонии, царили невыразимые тоска и пустота.

Торопливо миновав набережную Катценштейна, он снова оказался на пляже и шел по нему некоторое время, не надеясь встретить ничего интересного. Впереди уже виднелись южный берег Ореховой бухты и сам остров Орехов, на котором еще стояла старинная хеймингкая крепость. Росший справа густой и захламленный сосновый лес внезапно оборвался. За ним открылась небольшая поляна, на которой, на маленькой взлетной площадке в середине ее, стояло несколько полуразломанных самолетов и один бетонный ангар. Мерилода, надеясь чем-нибудь поживиться там, свернул к ангару.

Ангар, как выяснилось, был разделен на две секции. В одну, меньшую, Мерилода попал без труда, просто откинув с двери тяжелый деревянный засов, и обнаружил в ней небольшой охотничий склад. Здесь лежали два ружья, ящик с патронами, куча связок сушеных грибов и свежая туша лося. Находка порадовала адмирала. Он бросил в заплечный мешок несколько связок грибов, потом, порыскав по маленькому полутемному помещению, разыскал забытый охотниками тесак, и в мешке оказалась и пара кусков мяса. А потом он обнаружил в стене окованную железом дверцу, на которой не было никаких признаков замка, а вмятины на поверхности красноречиво свидетельствовали, что ее долго и безуспешно пытались открыть. Но он уже давно разобрался в хитростях хеймингских замков. Ощупав стену, он нашел в ней рядом с дверцей углубление, а в нем – пластмассовый рычажок и повернул его, надеясь, что солнечные батареи, питающие электронную систему замка, еще функционируют.

Они функционировали. Дверца скользнула в стену, Мерилода вошел в помещение, еще более темное, чем первое, и в слабом свете, пробивавшемся через узкие отверстия под потолком, разглядел странную конструкцию.

На массивном наклонном постаменте из стальных труб стоял, наклонившись под углом градусов в тридцать, носом вверх, странный самолет – без пропеллера и с отклоненными назад крыльями.

Мерилода долго смотрел на него, пытаясь понять, что же это такое, пока, наконец, не вспомнил о разговорах, слышанных им среди хеймингов в последний год существования Хеймингии. Поговаривали, что хеймсстадирские инженеры сконструировали и построили первый в мире пилотируемый летательный аппарат на реактивной тяге. Испытания его предлагалось провести на военной базе под Катценштейном, и самолет был даже перевезен туда из Хеймсстадира. Но так и не взлетел. И теперь красовался перед Мерилодой в пыльном сумраке ангара.

Адмирал в задумчивости обошел его со всех сторон. «Вот ведь какие вещи умели делать хейминги!» – подумал он. Он слышал, что по скорости и дальности полета этот самолет, по расчетам, многократно превосходил обыкновенные винтовые самолеты, даже самые совершенные из них. И тут ему пришла в голову дикая, безумная мысль: что, если взять и улететь на этом самолете куда подальше и не видеть больше опостылевшей нищеты и ничтожества Ингрии?! Эта идея поразила его. Да, ведь это же гениально! Убежать из Ингрии! Тем более на такой машине!

Мерилода, понимая, что при таком освещении в ангаре сделать ничего нельзя, бросился к воротам и стал ощупывать стены. Скоро он в таком же углублении в стене, как и около первой двери, нашел выключатель, повернул его, и огромные ворота со скрежетом, громыхая, начали разъезжаться в стороны. Вместе с их створками отъехала куда-то назад и часть потолка, так что Мерилода с первого взгляда понял, что для взлета ему не придется даже выкатывать постамент наружу.

В ангаре стало светло, и Мерилода, забравшись первым делом в кабину и убедившись по показаниям приборов, что топливные баки пусты, начал лихорадочно шарить по стенам ангара в поисках заправочных шлангов.

Ему повезло, невероятно повезло: в одной из крошечных комнаток рядом с ангаром оказался заправочный пульт с шлангами, а топлива, как свидетельствовали стрелки приборов, было даже больше, чем необходимо. Он схватил шланги, подтащил их к самолету, подсоединил к патрубкам и, вернувшись к пульту, начал щелкать выключателями. Внизу глухо застучали насосы, в шлангах зашуршало – топливо начало поступать в самолет из цистерн, упрятанных под землей. Наконец на пульте зажглись

красные лампы – баки были наполнены. Мерилода быстро защелкал тумблерами, и стук насосов смолк.

Адмирал, дрожа от возбуждения, бросился в ангар, выдернул шланги из патрубков, взобрался по лесенке в кабину, бросил туда свой мешок, залез сам и захлопнул колпак. Потом огляделся.

Приборная доска была совершенно такой же, как и на обычных самолетах: часы, компас, горизонт, измерители топлива, скорости и прочее. Часы и компас, правда, бездействовали, но Мерилоду это не смутило. Он был слишком возбужден и слишком волновался, чтобы обратить на это внимание. Он пристегнулся, набрал в легкие воздуха, закрыл глаза и, вознеся мысленно молитву Юмале, надавил на кнопку «Пуск».

Сзади что-то грохнуло, взревело, и страшная тяжесть вжала его в кресло. Самолет, с воем рассекая воздух, мчался вперед и вверх. От страшной нагрузки стало тяжело дышать, сердце бешено застучало, стало давать перебои, и он вдруг провалился в какую-то жаркую удушливую тьму.

Сколько времени он был без сознания, он не знал. Очнулся он от бившего в глаза солнца, но, когда открыл глаза, увидел, что солнечные лучи бьют сзади и просто отражаются от стеклянных стенок колпака. Внизу стелились сплошные облака, через которые землю не было видно совсем. На небольшом черном экране в центре пульта зеленым цветом горели слова: «Автоматическое управление задействовано». Мерилода прочел их, подумал немного и решил ничего не трогать, предоставив все бортовой автоматике. Часы, естественно, стояли, компас, как ни стучал по нему Мерилода, упорно показывал на запад-северо-запад, а скорость самолета, согласно показаниям измерителя скорости, составляла двадцать шесть километров в час. Верить таким показаниям не стоило.

Внутри у адмирала было очень муторно. Сердце колотилось, печень невыносимо болела, желудок подкатывал к горлу. Мерилода попытался шевельнуться, но все у него после недавней страшной перегрузки так болело и такая им владела слабость, что он решил не повторять больше этих попыток, а просто откинулся на спинку кресла и впал в полузабытье.

В чувство его привел резкий писк зуммера. Он открыл глаза, и первое, что он увидел, был измеритель топлива. Топливо кончалось. Пора было идти на посадку.

Он взялся за штурвал, и в тот же момент зеленая надпись на экране погасла. Внизу по-прежнему стелились облака, и он, отклонив штурвал от себя, направил машину в эту белую непрозрачную пелену.

Некоторое время вокруг было темно, Мерилода не видел даже кончика носового обтекателя, но внезапно облака кончились, и внизу открылось море. Адмирал было испугался, ибо сесть на воду этот аппарат явно не мог, но увидев мелькнувший впереди сквозь дымку остров,

успокоился и лишь с некоторой тревогой поглядывал на стрелку торфиномера.

Остров меж тем приближался, Мерилода сбросил скорость до посадочной и стал выискивать, где бы сесть. Но остров был совсем не удобен для посадки, и Мерилоде пришлось дважды его облететь, прежде чем он выбрал небольшую гряду песчаных дюн в километре от берега и, не выпуская шасси, начал снижаться.

Посадка была ужасна. Самолет коснулся дюн, подняв тучи песка, со скрежетом промчался по ним, не слушаясь штурвала, и, наконец, едва не перевернувшись, врезался в склон одной из дюн и застыл.

Мерилода пришел в себя лишь минут через десять, и от смерти его спасли только ремни, которыми он пристегнулся к креслу перед взлетом. Он с трудом вылез из самолета, побродил вокруг в поисках хоть какого-нибудь топлива для костра, но, ничего не найдя, отправился, так как уже вечерело, спать в кабину.

Только на следующий день он оправился настолько, что инстинкт исследователя вновь проснулся в нем, и он отправился обследовать остров. Заходя на посадку, он заметил, что остров очень велик, намного больше Лавансаари. Прогулявшись до моря и побродив по покрытым лишь кое-где жалкими ерниками скалам, он понял, что от Ингерманландии улетел действительно далеко. Острова Онеги и Ладоги совсем не таковы, таких больших там просто нет. Это вряд ли Белое море: он помнил, что из ангара взлетал точно на восток, а Белое море было на северо-востоке, то есть совсем в другой стороне. Хорошо, но тогда куда же его занесло? Может быть, в эти полумифические ледяные моря? Или в совсем уже хеймингами придуманное Море-за-льдами? Никакого ответа на эти вопросы не было. Мерилода не то что долготу – широту определить не мог: солнце было скрыто тучами.

В тот же день он отыскал в покрытых странными растениями скалах пещерку, натаскал туда ерниковых веток и разжег-таки костер. На душе у него было тихо и спокойно, и даже точное местонахождение этого острова его не волновало.

Но недолго он пребывал в таком благостном расположении духа. На следующую ночь, едва он стал засыпать, на него вдруг снова обрушилась тоска. Она навалилась на него всей своей мертвенной тяжестью и рванула железными когтями по сердцу. Мерилода вскочил. «О боги! – едва не зарыдал он. – Неужели этот кошмар и здесь меня не оставит?!».

Он выполз из пещерки. Вокруг было тихо, а темноту рассеивал лишь слабый свет костра. Мерилода сел на камень и с тоской уставился в пустоту и тьму. «Ну что мне делать? Неужели это не кончится никогда?». И тут же

рассмеялся. «О боги! Опять бегу от себя! Какая наивность!». Его смех странно и пугающе прозвучал в темноте.

На следующий день его стали мучить боли в печени. Что-то там все-таки повредилось, и Мерилода иногда вынужден был садиться, скорчившись, на землю, и ждать, когда приступ пройдет. Пальцы рук и ног холодели и немели, в глазах темнело – из-за печени и сердце давало сбои. Третья ночь на острове была для него кошмаром. Никакие сравнения не способны были описать боли, которые он испытывал. Ни разу за эту страшную ночь он не сомкнул глаз. Адская боль, начавшись в печени, стала распространяться и дальше, заболели почки, желудок, потом легкие, сердце то замирало, то начинало колотиться бешено, словно пытаясь вырваться из груди. Мерилода без сил лежал на песчаном полу пещерки, не в состоянии ни подбросить веток в гаснущий костер, ни даже шевельнуться, и глухо стонал от боли. В горле щекотало и чесалось, хотелось кашлянуть, но кашель усиливал боль, и Мерилода изо всех сил его сдерживал.

Наконец наступило серое хмурое утро. Боли немного отступили, и адмирал выбрался из пещерки. К удивлению своему он увидел, что ночью выпал снег, и все вокруг было укутано белым холодным одеялом. «Снег в сентябре? Видимо, это все-таки север». Медленно, осторожно он стал взбираться на небольшой пригорок, с которого было видно море. Двигался он так, будто нес наполненную до краев чашу и боялся ее расплескать, и в каком-то смысле так оно и было – боль могла выплеснуться от любого толчка.

Наконец Мерилода взобрался на пригорок и уселся там на камне, с тоской глядя вокруг. Унылый пейзаж! Песчаные дюны, серые скалы с маленькими куртинками жалких хвойных кустарников, жмущихся к камням в поисках защиты от ледяных ветров, а дальше, впереди, за нагромождениями скал – черные волны моря. Оно так похоже на родной Suomenlahti! Но это не Финский Залив; скорее всего, это то самое Море-зальдами. Почему Мерилоде так думалось, он не знал. Он видел лишь тоскливый пейзаж – скалы, пески, море и серое, как в Ингрии, небо – и думал лишь о нем. И о запорошившем все вокруг снеге. И о металлических останках у дюны – о том, что еще недавно было самым совершенным в мире самолетом. Доносились откуда-то крики птиц, а в спину дул холодный ветер, завывая в вышине голодным волком.

Мерилода спустился с пригорка. Как ни болело все, а топлива надо было набрать. Взяв топорик, он нарубил небольшую охапку веток и стал подкармливать ими огонь. Они горели плохо, дымно, но тепло все же давали, хоть и немного. Есть Мерилоде не хотелось, он только ужасно мерз и чувствовал сковывающую все движения усталость. Несмотря на это, он все-таки нашел в себе силы закутаться во всю одежду, какая у него нашлась:

от холода его непрерывно сотрясал озноб. Холодно, вроде бы, не было – снег таял прямо на глазах, но дрожь все равно колотила его, и во время каждого ее приступа боль начинала рвать внутренности с удвоенной силой.

Так прошел день. За день ветер разогнал тучи, и когда к вечеру Мерилоде стало чуть легче и он вылез наружу, заходящее осеннее солнце прощально осветило его печальными оранжевыми лучами. Он нащупал на груди свой талисман – глиняную птичку – и долго смотрел на солнце, пока оно не скрылось за горизонтом.

Томимый безмерной и беспредметной тоской, он вернулся в пещеру. А ночью началась агония.

Неистовая боль рванула внутренности внезапно, как арфист ударяет по струнам, начиная играть бурную, как реки Каннаса, мелодию, и Мерилода, захрипев от боли, скорчился на песчаном полу. Боль грызла печень, врезалась, словно тысячей сверл, в почки, сдавила сердце, мешала дышать легким. Сознание медленно теряло ясность, адмирал яростно сопротивлялся этому, но вдруг совершенно внезапно провалился в бред. Как живые, предстали перед ним родители, обнимающие его, провожая в Койвисто; потом девушка-оркнейка, она обнимает его, целует, весело смеется, а Мерилода невыразимо страдает и никак не может понять – неужели она не замечает, как он мучается? Девушка, едва он это подумал, исчезла, и перед ним появилось лицо Аарне Виртанена, что-то с угрозой ему говорящего; это день перед нападением на Хеймсстадир. Потом сразу навалился ужас – Мерилода, запертый хеймингами в бухте Защитной, рвется из ловушки, а в голове гремит гром выстрелов и гудят колокола. Затем, обрывками – Каскола, поход в Сабрию и три года там, Фест, Дружная Горка, Салаярви, Кондиниеми. Затем сразу всплыла жуткая картина – битва за Соболец. Все болит, в голове дикая боль, звон и гром, мозг будто уголья жгут, а из рушащейся башни выпадает на плиты двора Ахола. Он, умирая, ползет к Мерилоде, что-то кричит, цепляется за его ноги и виснет на них, мешая двигаться. Желудок подкатывает к горлу, разливается тошнота и вдруг разражается страшной рвотой. Кислое зловоние, смешанное со сладковатым запахом крови, разливается вокруг и преследует, преследует адмирала. Он стряхивает с себя Ахолу, бежит куда-то, потом идет по лесу, но зловоние достигает и этих мест. Потом вдруг сразу – последние дни Хеймингии, гибель Хеймсстадира. Запах дыма, крови, рев, шум пламени, кровавый дождь с неба, земля горит…

Мерилода, глухо стеная, разбросав тлеющие угли костра, катался по пещере, потом стал затихать, хрипел, задыхался, замер. Всю ночь лежал в забытьи, и только к утру стал оживать. Взошло солнце. Сознание разом, внезапно вернулось к Мерилоде. От запредельной, все бытие наполнившей собой боли он стонал и всхлипывал, он едва осознавал, что вокруг

происходит, где явь, а где галлюцинация. Увидел стены и каменный свод пещеры. «О боги, как это давит!». Извиваясь ужом, он выполз из пещеры и пополз к оставшемуся после недавнего снегопада сугробу – безумно хотелось пить. И тут он увидел солнце. Оно прощально сверкало на чистом небе, и от его света слезы вдруг хлынули из глаз Мерилоды. Его охватили печаль и тоска такой силы, что перед ними померкли даже физические страдания. Он неподвижно лежал на камнях, и две узкие серебристые дорожки бежали от углов его глаз к вискам. Холодный камень казался уже мягким и теплым, ледяной, почти штормовой ветер – легким весенним дуновением. Мерилода последним усилием воли повернул голову, чтобы лучше видеть солнце, посмотрел, не мигая, на его золотой диск, и беззвучно, одними губами прошептал:

– О боги! Так странно… уходить сейчас…

Адмирал глубоко вздохнул. Безмерное изумление, чувство бесконечной странности всего происходящего охватило его. «Какой это странный мир!» – подумал он – в третий и последний раз в своей жизни. Потом слабо улыбнулся и долго-долго, пристально, не мигая, смотрел на солнце. А потом глаза его стала заливать черная вода.

Через несколько дней на лодках из моржовых шкур на остров приплыли люди, нашли тело и похоронили его по своему обычаю.

Эйно Мерилода и Роман Хеддер – два «столпа Ингрии». Никто другой не может сравниться с ними по значению, по важности роли в мировой истории. Они были противниками и умерли противниками, но именно они послужили теми полюсами исторической Вселенной, благодаря коим она вообще смогла возникнуть и существовать. Поистине, они были создателями истории. И недаром на могиле Хеддера в Оккервиле и на кенотафе Мерилоды на Исо-Койвисто высечены одни и те же слова – бессмертные строки великого Гао Ши:

ЕСТЬ ЛИ ПОД НАШИМ НЕБОМ ТАКОЙ,
КТО БЫ НЕ ЗНАЛ ТЕБЯ?

Ари Ярхо. «Жизнь Эйно Мерилоды».

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Глоссарий

Ахти – хозяин моря в финской мифологии.

Бальдр – в германской (скандинавской) мифологии божественный певец, любимец богов, погубленный богом огня *Локи*. В Скандинавии хеймингских времен зафиксирован культ Бальдра, напоминавший аналогичный древнегреческий культ Орфея и просуществовавший до эпохи Орегмы (подробнее см.: Гудмундссон О. «Скандинавские орфики: культ Бальдра в Свеаланде». Издательство Университета Врат Севера, LXXIX).

Бодхисаттва – высший класс живых существ в буддизме; существо, способное уже погрузиться в *нирвану*, но отказывающееся от нее, чтобы спасти из колеса *сансары* других (санскр. bodhisattva < bodhi – «Пробуждение» + sattva – «сущность»).

Бханте – традиционное обращение к буддийскому монаху.

Вальхалла – в скандинавской мифологии жилище Вотана, вместе с которым обитают погибшие в битвах герои.

Веден-эма – божество воды у прибалтийско-финских народов (Veden-ema – букв. кар. «Мать воды»).

Виталий Святой – легендарный основатель религиозного движения отшельников в Хейме. По преданию, был по рождению литовцем, приехал в Хейм в поисках счастья, но разочаровался и ушел в леса, отрекшись от мира. Жил сначала на реке Назия в центральной Ингрии, затем – на озере Ункаси в Загорье. Предание относит время его подвижничества к первому десятилетию Э. В. Х., хотя эта датировка современными историками подвергается сомнению.

Ворга – болотистая местность, заросшая кустарниками и мелколесьем (фин. orku, кар. orgo – «сырая низина»).

Вотан – верховный бог германского пантеона.

Вяйнямёйнен – в «*Калевале*» божественный певец, воплощение мудрости (фин. Väinämöinen).

Геронтократия – власть самых старших членов племени (греч. geras – «старец» + kratos – «власть, сила»).

Горма – кипрей, иван-чай (кар. horma, вепс. hormgit); также ткань, изготовленная из волокон кипрея и отличающаяся дешевизной и сравнительной прочностью.

Гуру – предводитель религиозной общины у кришнаитов (санскр. guru – «наставник, учитель»).

Дхарма – буддийское учение; одна из Трех Драгоценностей (Triratna), две другие – Будда и *Сангха*.

Илматар – божество финского пантеона, имевшее довольно неопределенные функции и связанное, по всей видимости, с небом и стихией воздуха (фин. ilma – «воздух»). Роль его в верованиях финских народов была невелика, среди хеймингов же богиня-дева Илматар пользовалась особым уважением. Известны несколько святилищ этого божества в Ингрии; самые почитаемые из дошедших до нашего времени находятся на мысу Наскали на острове Лавансаари и близ бывшего хеймингского города Систербек («Храм источника Девы цветов»). Возможно, Озерный Храм в Оккервиле также был изначально посвящен Деве Илматар и лишь затем стал центром культа духа пророка Фомы.

«*Калевала*» – собрание древних рун финнов, карел и хяме, созданное в 112 г. до Э. В. Х. койвистинцем, выходцем из Норланда Эйнаром Леннроттом.

Кантеле – струнный музыкальный инструмент, похожий на словенские гусли. Конструкция кантеле отличалась в разных регионах; в частности, вепсское кантеле, в отличие от финского и карельского, имело отверстия в резонаторе, что делало звук более насыщенным.

«*Книга перемен*» – древнекитайский гадательный текст (кит. «И цзин»).

Линнумаа – «Страна птиц» (фин. Linnumaa), мифический остров на дальнем юге, куда на лето улетают птицы и где люди живут, не зная страданий.

Локи – в скандинавской и хеймингской мифологии бог огня, непостоянный и коварный, доставляющий бедствия и богам, и смертным; «совет Локи» – плохой совет, следование которому приводит к несчастью.

Лоухи – в финской мифологии (см. «*Калевала*») хозяйка *Похъёлы*.

Манала – преисподняя, иной мир у финских народов (возможная этимология – от фин. maan alla – «под землей»). Также см. *Туонела*.

Мара – в буддизме царь демонов, искушавший Будду, стараясь отвлечь его с Пути Пробуждения (имя восходит к санскр. mara – «смерть»).

Миэликки – хозяйка леса у прибалтийско-финских народов.

Нирвана – высшая цель всех религиозных практик в буддизме, состояние полного и окончательного успокоения всех аффектов (санскр. nirvāṇa – букв. «угасание»).

Нойд – у прибалтийско-финских народов – жрец, колдун, шаман (фин. noita, кар. noida, водск., ижорск. nõid).

«*Оккервильская хроника*» – летопись штадта Оккервиль, охватывающая события CX – V гг. до Э. В. Х.; наиболее полный источник сведений об истории хеймингов.

Оркнейцы – старое, хеймингских времен название нынешних англосаксов. Название связано с тем, что первыми представителями англо-саксонского этноса, с которыми столкнулись хейминги, были люди из Оркнейского королевства, незадолго до возникновения Хейма (в 23 г. до Э. В. Х.) захваченного кельтами-шотландцами; все жители Оркнейских островов, которые не были кельтами по происхождению, были изгнаны со своей родины или проданы в рабство.

Охтега – заросли колючих сорных трав; чертополох, осот, хвощ (фин. ohdake, ohjake, кар. ohtahane – «чертополох»).

Похъёла – в «*Калевале*» страна вечного мрака, лежащая далеко на севере (фин. pohjola – «север»).

Пустые земли – в мифологической географии древних хеймингов и финнов Койвисто – земли за пределами обитаемого мира (мира людей), населенные чудовищами и нежитью.

Пять Родов – в хеймингской мифологии пять семей (Хонте, Гехра, Лунге и еще две, названия коих не сохранились), которые пришли на берега Невы вслед за своим предводителем – пророком Фомой, первым правителем хеймингов (согласно «*Оккервильской Хронике*»).

Рауни – богиня неба в финском пантеоне, супруга *Укко*.

Саамы – народ, во времена Хейма населявший Кольский полуостров и северную часть Скандинавии. Во времена Семи Государств сильно продвинулись на юг, сметя на своем пути шведские королевства и Данию и остановившись только в северной Германии (см.: Маттиассон Р. «Саамские королевства на Эльбе и Одере». Издательство Джаргалантского Университета, LXXIV). Самоназвания – sābme, samlinč, sapmelaś, samlä и др.; сопредельные народы, у которых они пользовались недоброй репутацией сильных и опасных колдунов, называли их lapp (шведы) или lappi, lappalaiset (финны и карелы). Современный *саамский язык* принадлежит к финно-угорской группе, но был, видимо, заимствован саамами от протофиннов во времена «финского нашествия» в V тысячелетии до Э. В. Х., когда пришельцы с Урала и Поволжья – предки современных прибалтийско-финских народов вторглись на территорию, до того населенную протосаамами (от Балтийского моря на север до Арктики, на юг до Оки, на восток до Северной Двины). Первоначальный же саамский язык, согласно гипотезе Марка Клавдия Сцевина и Эогана Мак-Конахи, не принадлежал не только к финно-угорской группе, но и вообще к урало-юкагирской семье. Гальфрид О'Ридан, ученик Мак-Конахи, предположил, что хейминги и саамы восходят к одному и тому же пранароду (см.: Ó Ríoghbhardáin G. «Sámi agus Heimingí». Emain-Macha: Editorium Mag Tuired, anno LXXXI): хейминги, по его мнению, – это остаток протосаамов, сумевших закрепиться на своей исконной земле, а то, что хеймингский язык

принадлежит к славянской группе, объясняется возможным длительным владычеством на территории восточной Прибалтики праславян, впоследствии вытесненных оттуда на юг. Впрочем, до сих пор эта гипотеза не получила ни серьезного подтверждения, ни убедительного опровержения: в пользу ее свидетельствуют некоторые фонетические сходства между реконструированным протосаамским языком и немногочисленными реконструированными словами протохеймингского, а против нее – данные антропологии (большие различия антропологических типов саамов и хеймингов).

Сангха – буддийская община.

Сансара – колесо перерождений, мир страданий в буддизме (санскр. sansāra – букв. «вращение»).

Сейд – священный камень (фин. seita, кар. seida), как правило, отличающийся необычным внешним видом, иногда – выемками, напоминающими следы человека или животных (отсюда иное название сейдов – «камни-следовики»). Культ сейдов поныне широко распространен среди прибалтийско-финских народов, особенно карел и вепсов. Наиболее почитаются сейды гор Нуорунен и Воттоваара и озера Паанаярви (центральная Карелия). В Ингрии самыми почитаемыми считаются сейды Ладва и Вителе (Олонецкий перешеек), Тиурула (центральный Каннас); во времена Хейма почитался также Валланлиннский сейд (остров Исо-Койвисто).

Сюэятар, Сюэтар – в мифологии прибалтийско-финских народов злая колдунья, создавшая змей, вредных насекомых, ядовитые растения и т. п. (фин. Syöjätar, кар. Süötar).

Тао Юаньмин – раннесредневековый китайский поэт (365 – 427 гг.).

Тапио – добрый хозяин леса в финской мифологии

Татхагата – один из эпитетов Будды (санскр. Tathāgata – букв. «Так Приходящий»).

Торвард Мореход – один из легендарных правителей хеймингов; считается основателем Торвардастейнура (букв. «Камень Торварда»). Точная датировка его жизни не представляется возможной ввиду отрывочности и противоречивости сведений о нем. «*Оккервильская Хроника*» называет его сыном пророка Фомы, а «Retusaaren Aikakirja» («Летопись Котлина», написанная на финском языке хеймингская хроника, охватывающая события от 79 г. до Э. В. Х. до изгнания Максимилиана Стейнгримссона) говорит, что Торвард был внуком Фомы. Согласно так называемому «Свидетельству Каскинена», был исландцем по происхождению, наместником Богемской империи в Ингрии; впрочем, нет никаких доказательств, что эта империя не только властвовала над Ингрией, но и вообще когда-либо существовала.

Туонела – царство мертвых в финской и карельской мифологии. Также см. *Манала*.

Туони – хозяин *Туонелы*.

Туури – бог грома, во многом близкий к *Укко*; давал победу в войне. В Койвисто перед началом войны в жертву Туури приносили медведя, череп которого несли в битве впереди войска.

Укко – бог грома, верховное божество финского и карельского пантеона (см. также *Юмала* и *Туури*).

Фенрир – в германской (скандинавской) мифологии демон, порождение бога огня *Локи* – волк, которого связали боги. В конце времен он вырвется и пожрет солнце; с этого момента начнется гибель богов.

Хейхенейкко – хозяйка перелетных птиц у карел и финнов; стаи птиц назывались «стадами Хейхенейкко».

Хель – в мифологии скандинавов и хеймингов царица подземного мира; часто так называется и сам подземный мир.

Хийси – в финской мифологии демон леса.

Штадт – независимое хеймингское поселение; некоторые историки сравнивают древнехеймингскую систему штадтов с древнегреческой системой полисов.

Юмала – верховное божество финского пантеона (фин. Jumala, кар. Jumo). Иногда (чаще у финнов Койвисто) роль верховного бога играл *Укко*.

II. Народы Ингерманландии

Хейминги. Государствообразующий этнос Хеймингии. Ареал расселения: западная часть Невской низменности (к западу от холмов Аро), северное побережье Финского Залива от Невы до района Сейвисто, остров Котлин, Архипелаг (острова Лавансаари, Малый, Сескар, Эскола, Гогланд). После Катастрофы рассеялись по Ингерманландии и сопредельным областям. Часть их (хейминги Оккервиля), слившись с ижорой, ингро-словенами и ассимилировав иммигрантов, прибывших в Ингрию во времена Золотой Оси, образовала этнос неоингрийцев. К настоящему времени хеймингский народ полностью растворился среди населения Ингрии, и его язык можно считать мертвым, хотя это мнение оспаривают такие авторитетные лингвисты и этнологи, как Ингрид Кайтман и Гай Энний Германик (подробнее см. их работу «Хейминги: ассимиляция или метаморфоза?». Издательство Селангорского Университета, CVI).

Хеймингский язык принадлежит к славянской группе индоевропейской языковой семьи и представляет собой, в сущности, диалект ингерманландского словенского (ингро-словенского) языка, включающий в себя, однако, множество слов финского и германского

происхождения, а также слова, происхождение которых не установлено и которые, возможно, являются остатками лексикона древнейшего хеймингского языка, видимо, не принадлежавшего ни к славянской группе, ни вообще к индоевропейской семье. Этот язык отличается от ингро-словенского также большей долей архаической славянской лексики, относящейся к периоду первоначального балто-славянского языкового единства, и значительно большей аналитичностью.

Происхождение хеймингов и время их появления в Ингрии остается предметом острых дискуссий. Несомненно, что этот народ в течение долгого времени находился под сильным влиянием славянских народов – настолько сильным, что перенял даже их язык. Очевидно, что достаточно сильное влияние они испытали также со стороны финноязычных народов, – это видно по распространенности финской лексики в хеймингском языке. Однако данные лингвистики показывают, что языковой субстрат, над которым надстраивался хеймингский язык времен Хеймингии, принадлежал к какой-то языковой общности, столь древней, что до нашего времени дошли только ее следы. Впрочем, выдвинутая еще Марком Валерием Илличем и Владиславом Свитовичем в XII г. Э. В. Х. гипотеза о прямом ностратическом происхождении хеймингского языка и поныне представляется многим лингвистам убедительной и имеет множество сторонников, несмотря на то, что решающих данных в ее пользу до сих пор нет и подтверждается она в основном лишь анализом имен собственных в хеймингских мифах и убедительно объясняет только происхождение названий Пяти Родов – точнее, тех трех названий, которые дошли до нашего времени (Хонте, Гехра, Лунге).

Финны. Самоназвание – suomi (мн. ч. suomalaiset). Время появления на территории Ингрии – середина V тысячелетия до Э. В. Х. В Ингрию протофинские народы пришли с востока (с Урала и верхнего течения Волги), вытеснив саамов – коренное население восточной Прибалтики. Ареал обитания во времена Хеймингии – северное побережье Финского Залива от Койвисто до Аландских островов и восточное побережье Ботнического залива. *Финский язык* относится к прибалтийско-финской ветви финно-угорской группы урало-юкагирской языковой семьи, от остальных прибалтийско-финских языков отличается особенностями фонетики (в частности, значительно меньшим распространением звонких согласных) и меньшим числом архаических грамматических форм.

Особой культурной группой среди финнов были финны Койвисто (koivistolaiset), дальше всех других финноязычных народов зашедшие по пути культурного, социального и технического прогресса. Выделению их в особую этническую группу способствовало возникновение сильной

самобытной государственности, начало которой положил в 123 г. до Э. В. Х. Отсо из рода Виртанен, окончательно уничтоживший уже отживавший свой век родовой строй, который господствовал на островах Койвисто, и установивший единоличную власть сначала над Исо-Койвисто, а затем и над остальными островами этой группы.

Словене. Народ, на территории Ингерманландии распространенный во времена Хеймингии практический повсеместно, но почти везде, кроме самого юга региона (Новгород, Гдов, верхняя Луга), остававшийся меньшинством среди преобладавших финноязычных народов; во времена Хейма постепенно продвигался на север. *Ингро-словенский язык* относится, как и хеймингский, к славянской группе индоевропейской языковой семьи; от общесловенского отличается большим числом германских и финских заимствований и некоторыми особенностями фонетики. Одно из распространенных самоназваний ингро-словен (хотя и не единственное) – рось, русь, русины – многими лингвистами и историками (например, Дитрихом Хергесхаймером и Владиславом Свитовичем) связывается с самоназванием одной из скандинавских этнических групп – hroth (ср. фин. Ruotsi – Швеция). Во времена Хеймингии ингрийские словене жили еще родовым строем, и только в Новгороде к началу Э. В. Х. уже сложилась достаточно сильная государственность (так называемая «Новгородская Республика»), конец которой, однако, был положен хеймингами при Хеддере (Форт-Сескарский договор, согласно которому Новгород вошел в состав Хейма на правах доминиона – колонии с внутренним самоуправлением).

Ижора. Самоназвание – ižori (мн. ч. – ižorilaized), inkeroine (inkeroized), inkerikko (inkerikod). Ареал расселения во времена Хеймингии – от озера Сувантоярви в Каннасе на севере до реки Луга на юге и от Волхова на востоке до Нарвы на западе. *Ижорский язык* относится, как и финский, к прибалтийско-финской ветви финно-угорской группы урало-юкагирской языковой семьи, близок к водскому и восточным диалектам эстонского; письменность получил во время правления Хеддера. Основными занятиями народа были земледелие и кустарное ремесленное производство. Государственность не сложилась, и во времена Хейма народ жил родовым строем.

С ижорой связано и само название страны – Ингрия или Ингерманландия. Первоначально Ингрией (Inkeri или Ingre) называлась восточная часть южного побережья Финского Залива, между морем и Ижорской возвышенностью, и лишь при Хеддере это название было

распространено хеймингскими географами на территорию от северного Приладожья до Новгорода и от Онежского озера до Нарвы и Кохтла-Ярве.

Водь. Самоназвание – vađđalain (vađđalaizõd), vađđakko (vađđakod); используется также слово maaväči – «народ земли» (ср. одно из самоназваний эстонцев – maarahvas). Ареал обитания (Страна водинов, Vađđamaa) во времена Хейма – южное побережье Финского Залива от Исходного Хейма до устья реки Нарва (в западной части – чересполосно с ижорой). *Водский язык* (vađđačeeli) относится к прибалтийско-финской ветви, близок ижорскому и северо-восточным диалектам эстонского, особенно к говору Ида-Виру; во времена Хейма был бесписьменным; современная водская письменность создана только в эпоху владычества вэрингов (так наз. «Охотничьи войны»).

Сабры. Самоназвание – sabrilain (sabrilaizõd). Ареал обитания во времена Хейма – район восточнее озера Сабриярв (словенское название – Саброзеро). Малочисленная этническая группа, по языку близкая води и ижоре, но испытавшая сильнейшее словенское влияние; сабрийский язык являлся, по сути, гибридом ижорского, водского и северных говоров ингро-словенского, и даже сам этнос сабров, согласно некоторым гипотезам (в частности, гипотезе хеймингского этнолога Хакона Магнуссона) возник в результате смешения водско-ижорско-эстонского пранарода и словенского этноса на границах ареалов. Язык бесписьменный; до нашего времени дошли лишь несколько текстов времен Мерилоды, по преимуществу бытового характера, написанных финским футарком. Материальная культура и тип хозяйства характеризовались, как и язык, наличием множества гибридных черт. Ко временам Катастрофы сабрийский этнос был полностью ассимилирован окружающими словенскими племенами и как самостоятельная этническая единица перестал существовать. До нашего времени сохранилась крепость Соомелидн (водск. Soomelidn < soome «финн» + lidn «крепость»), построенная на берегу Сабриярв воинами Мерилоды.

Зеленчане. Самоназвание (предположительно, по записям войска Мерилоды) – vihersuolaized. Крайне малочисленная и закрытая народность (или, скорее, племя), обитавшая на болотах Грюнемоор и уничтоженная армией адмирала Мерилоды. Происхождение неясно; высказывались предположения о вепсском происхождении зеленчан, однако остатки материальной культуры, известные нам по данным археологии, и немногочисленные слова зеленецкого языка свидетельствуют о большей близости этого этноса или племени к финнам-suomi, чем к вепсам.

Вепсы. Самоназвание – vepsläine (мн. ч. vepsläižed). Многочисленный народ в восточной части Ингерманландии. Ареал обитания во времена Хеймингии – к востоку от реки Волхов (в южной части ареала – чересполосно со словенами, в северной – с карелами); после карельского нашествия в XXXIV г. Э. В. Х. сместился южнее и западнее. *Вепсский язык* принадлежит к прибалтийско-финской ветви языков (к ее северной части); письменность создана перед карельским нашествием, по приказу князя Сегоярви Славомира Левина. Как и большинство прибалтийско-финских народов, жил родовым строем, который к моменту возникновения Хейма начал постепенно распадаться, уступая место государственному (карельско-вепсское княжество Ревсельга).

Карелы. Самоназвание – karjalane (karjalaized, karielaized). Этнос делится на три группы: собственно карелы (ареал обитания в Ингрии – северное и северо-западное Приладожье, северная часть Каннаса вплоть до Сувантоярви), ливвики (livgiläized, livviköit; восточное Приладожье, западная часть Олонецкого перешейка), людики (lüüdiläized, lüüdiköi; восточная часть Олонецкого перешейка до Онежского озера). Во времена Хейма народ жил родовым строем за исключением южных регионов (княжество Ревсельга; см. **вепсы**). *Карельские языки* относятся к прибалтийско-финским; во времена Хейма были бесписьменными и письменность (на основе хеймингского футарка) получили только в эпоху Семи Государств.

Хяме. Самоназвание – häme. Ареал обитания – к северу от финнов-suomi и западнее ареала карел. Этническая группа, по языку очень близкая финнам и карелам, но отличавшаяся от них, помимо замкнутости, наличием множества архаических черт как в языке, так и в специфике материальной культуры. Сохраняла самостоятельность вплоть до времен Золотой Оси и лишь с этого времени начала постепенно ассимилироваться (преимущественно финнами); к настоящему времени ассимилирована полностью и исчезла как самостоятельный этнос.

III. Легенда о создании народа хеймингов

(*Самый пространный из вариантов легенды. Из «Рукописей Озерного Храма в Оккервиле». Приблизительная датировка – середина I в. до Э. В. Х. Миф пересказан по изданию: Марк Валерий Иллич. Мифы о*

происхождении Хейма: факсимиле текстов и переводы. Издательство Хеймсстадирского Университета, XIV, стр. 54 – 79).

В одной стране далеко на юге жил царь по имени Гетигалпа, и правление его могло бы быть вполне благополучным – звери легко бежали в ловушки, рыба в могучих степных реках шла в сети, птицы падали в руки охотникам, – если бы не горе, обрушившееся на него и его народ: однажды в стране наступила ужасная засуха. Солнце, будто обезумев, палило так, что по всей степи, по всем лесам валом валил дым, застилая солнечный диск, и нельзя было пройти по когда-то полным жизни просторам из-за того, что на пути то здесь, то там вставал стеной жадный всепожирающий огонь, в котором гибли и птицы, и звери, и люди. И когда стена пожара подступала к границам селения, некому и нечем было тушить огонь – реки той страны были полноводны, но, увы, слишком далеко друг от друга протекали, а между ними простирались только обширные ковыльные и вересковые пространства, и большая часть жителей страны добывала воду из глубоких колодцев. Конечно, они не могли дать достаточно воды для того, чтобы потушить пожары, и несчастным жителям страны приходилось уходить куда глаза глядят, куда ноги идут, бросая все имущество, оставляя ненасытной засухе даже могилы предков, в надежде хоть где-нибудь найти спасение. Но где засуха – там голод, а где голод – там болезни и смерть. И нигде люди не могли найти убежища от царящей повсюду гибели, ибо встречали на своем пути только таких же измученных и изможденных людей с почерневшими лицами, запавшими от голода и страданий глазами и видневшимися из прорех в одежде телами, похожими на обтянутые больной серой кожей скелеты. И по всей стране все громче раздавался вопль людской к царю – люди требовали, чтобы Гетигалпа хоть что-нибудь сделал для вверенной ему богами страны. А другие люди – те и вовсе требовали казни царя как виновника обрушившихся на страну бедствий, как человека, не сумевшего удержать должное равновесие всех семи первоэлементов во Вселенной. И тогда царь, в отчаянии от несчастий, посланных богами на его страну и народ, обратился к шаманам, прося их обратиться к богам и выяснить, какое из божеств низвергло на людей свой гнев и чем он вызван. Но ни один светлый шаман не справился с этой задачей, и пришлось Гетигалпе обратиться к темному шаману, жившему в самом мрачном и отдаленном уголке страны. И лишь этот шаман сумел выполнить задание царя – он воззвал к темным существам, живущим глубоко под землей, у костей земной тверди, там, куда не досягал взор даже самого сильного и могущественного из светлых шаманов. Он воззвал к существам, сам вид которых был ужасен всему живому, запах был отвратительнее запаха тления, а звук голоса – смертелен. Одно из этих существ вошло в тело темного шамана, отчего облик того стал безмерно страшен и омерзителен, а

зловоние дыхания стало таково, что царь и его приближенные едва могли дышать, и в голове у них мутилось. И чудовище голосом шамана, тоже неузнаваемо исказившимся, голосом, от которого застыла кровь в жилах у царя и придворных и сердца их едва не окаменели, провещало царю:

– Все твои предки от самого сотворения человеческого рода приносили нам – мне и моим бесчисленным родичам – богатые жертвы. Твои предки никогда не скупились на пожертвования нам. А ты забыл о своем долге и перестал делать это. Но ты забыл, что истинная власть – та, источник которой таится в глубокой тьме и не виден живому. Да, боги неба царят над всей землей, и над всем, что на ней растет, и над всеми зверями полевыми, птицами небесными, рыбами и гадами речными. Но мы – мы царим над всеми небесными богами, а значит, и над всем, что живет на земле. Кто дает жизнь растениям? Боги подземелья. Кто дает жизнь рыбам и гадам речным? Боги подземелья. Кто дает силу рожать самкам животных и женщинам? Тоже боги подземелья, ибо мы – создатели всей животворящей силы, без которой не только род людей и зверей, но и род небесных богов прервется безвозвратно. Но ты, Гетигалпа, забыл о своем долге, и в наказание за это я наслал бедствие на твою страну и твой народ. Ты видишь теперь, что я властен не только над землей, но и над солнцем?

Гетигалпа в ужасе пал ниц и охрипшим, слабым голосом промолвил:

– Но что же мне делать? Неужели ты погубишь ни в чем не повинных людей и зверей только за то, что я нарушил долг предков? Ведь не люди виноваты в этом, а лишь я!

– Ни в чем не повинных не существует, – ответил подземный дух устами шамана. – Если виновен один – виновны все.

– Неужели ты уничтожишь все живое в моей стране? – с рыданием вопросил Гетигалпа. – Ведь тогда некому больше будет приносить жертвы богам и угощения духам! И что же тогда будет с тобой, могучий дух?

Страшная улыбка исказила лицо шамана, и с его почерневших уст сорвались слова:

– Я жесток, но милосерден, Гетигалпа! Прославь же мое милосердие и мою благодать, которую я изолью на тебя, если ты подчинишься мне! Я верну благоденствие твоей стране. Я позволю дождям вновь пролиться над сожженной землей. Я прикрою безумное солнце облаками. Я открою почву для весенних ростков и утробы женщин и самок для детей. Но за это ты должен выполнить мое требование.

– Какое же? – трепеща, спросил царь.

– Сначала поклянись мне душой своей, что исполнишь его. Только тогда я верну благоденствие стране.

– Но как же я поклянусь тебе, не зная даже, в чем клясться? – зарыдал Гетигалпа.

Слыша это, придворные и челядь в один голос воскликнули:

– Клянись, царь! Клянись, ибо мы умираем от жажды, голода и болезней! Клянись, ибо смерть уже стоит за нашими спинами и дышит нам в шею! Клянись, царь!

И Гетигалпа поклялся. Он сказал:

– Хорошо, подземный дух, я клянусь. Твое требование будет исполнено. Скажи теперь нам, в чем оно состоит?

– Скажи, дух! – взмолились придворные и царская челядь.

И дух ответил:

– Хорошо же. Слушайте. Я поселюсь среди вас, в вашей стране. Местом обитания своего я изберу гору в самом сердце твоей страны, Гетигалпа – возле твоей столицы, Гетигалпа! И я хочу, чтобы каждый лунный месяц мне в мою обитель в пещере доставляли самого сильного юношу твоей страны, самого красивого, самого умного, самого умелого, без единого изъяна, Гетигалпа! Ибо мне нужна свежая кровь, и свежее мясо, и твердые кости, о которые я буду точить зубы! И если хоть один месяц ты пропустишь, хоть один месяц я не получу жертвы, хоть один месяц не будет запаха крови в моей пещере, и криков боли в моей обители, – возрыдает тогда опять твой народ, о царь! Но милосердия моего вы тогда уже не ждите, ибо мое милосердие не бесконечно, гнев же мой – беспределен.

Стон боли и горя прокатился по толпе, собравшейся вокруг духа подземелий, стон горя и ужаса. И царь взмолился:

– О дух! Ты могуч, я это вижу. Ты всесилен и правишь солнцем, тучами небесными и водами подземными. Но смилуйся над нами! Непосильна для нас твоя просьба. Ведь если мы будем делать так, как ты велишь, то что же останется вскоре от моего народа? Кто продолжит род наш на земле? Кто вспашет землю? Кто убьет быстроногую серну, чтобы у детей наших было мясо? Кто прогонит прочь врагов? Смилуйся, о дух!

Но дух подземелий и недр тьмы сказал:

– Нет, Гетигалпа. Ты слышал мои слова. Ты дал клятву душой своей, что исполнишь все по моему слову. А от слова моего я не отступлюсь. Жить я буду перед городом твоим, перед окнами твоих покоев, и каждый день ты будешь приветствовать меня, и восславлять имя мое, и каждый месяц приводить мне намеченную жертву.

Молчал Гетигалпа. Молча орошал он слезами пыль пустыни и земной песок. Но ничего уже нельзя было сделать. И он спросил только:

– Как же звать тебя, о дух? Какое имя прославлять, чтобы слышали его земля и небо? С каким словом на устах будет входить в твою обитель намеченная жертва?

И дух сказал:

– Истинного имени моего никто не знает и никто никогда не узнает, ибо нет у меня истинного имени. Силы, которыми я правлю, безымянны. Но, чтобы тебе и твоим шаманам было что славить и было что возглашать по утрам, и днем, и на закате, я скажу тебе имя, которым вы будете называть меня. Имя мне будет среди вас Дигхакула.

И с этими словами дух вышел из тела шамана и выпустил душу его из своих когтей. И в тот же миг шаман, страшно вскрикнув, умер, а тело его почернело так, будто лежало уже несколько дней под жарким солнцем, распространяя зловоние, и из-под одежды шамана полетели мухи и полезли змеи.

Царь поднялся. Лицо его было покрыто грязью и залито слезами, взгляд безмерно мрачен, плечи опущены.

– Что же, – сказал он, – если мы хотим защитить страну, надо делать так, как велел дух. Отправьте гонцов во все подвластные мне земли, пусть наместники пришлют мне по сотне самых сильных и красивых юношей от каждой области.

Так началась новая жизнь в стране. Благоденствие вернулось к ее жителям, поля снова колосились тучной пшеницей, скот плодился, саранча не беспокоила, соседи не нападали – но дорогую цену пришлось заплатить за это стране! Каждый год двенадцать юношей – надежда и опора своих отцов, радость и утешение для глаз матерей – становились добычей подземных богов. Каждый год гибли во цвете лет лучшие представители народа, его сила и слава. Каждый год двенадцать лучших юношей входили в нору в склоне горы, обращенном к столице и смотрящем на самые окна царского дворца, и никто не видел этих юношей больше. Только самые смелые и отчаянные из жителей страны, отважившись подойти к норе после того, как в нее входила жертва, могли иногда услышать в самой дали, в темной глубине земных недр крики немыслимой боли и чуть слышные, низкие и хриплые звуки – такие, от которых цепенело сердце в груди и ноги сами, не повинуясь голове, несли человека подальше от этого места.

Тем временем у царя подрастал сын, именем Кенахоки. Это был умный и не по годам развитый мальчик, глядя на которого, отец с матерью не могли нарадоваться. Во всем он превосходил сверстников: в умении стрелять из лука и метать копье, в удачливости на охоте, в смелости в схватках с врагами и во всех прочих делах, которые полагалось знать наследнику трона, будущему царю. И когда он через несколько лет после вышеописанных событий вошел в возраст, случилось то, чего царь Гетигалпа боялся больше всего – ко дворцу пришел черный шаман, одержимый духом бездн и подземелий, и возвестил волю подземного бога:

– Я хочу, – сказал дух его устами, – чтобы ты, царь, принес мне в жертву сына твоего, Кенахоки. Если же ты откажешься, то я снова обрушу

на твою страну бедствия, еще горше прежних, и тогда ничем ты уже не сможешь умилостивить меня.

Царь упал на землю и разрыдался.

– Но как же, – ответил он сквозь слезы, – как же я сделаю это? Ведь я уже стар, а других наследников у меня нет. Кто же после меня будет править страной? Что будет с моим народом, когда я умру, а престол мой некому будет передать?

– Ты слышал мою волю, Гетигалпа, – сказал дух. – Мне нужен твой сын, Кенахоки. Он силен и крепок умом и телом, у него свежая, молодая кровь, и сладкое мясо, и твердые белые кости, о которые так удобно мне точить зубы. Отдай мне его. Так я хочу.

– Нет, о дух, не губи мой род! – взмолился царь. – Возьми лучше меня. Я стар, и мне не страшно умирать, а он пусть царствует вместо меня.

Но дух лишь повторил:

– Ты слышал мою волю, Гетигалпа. Что мне твоя старая кровь, застаивающаяся в жилах, как гнилая вода в болоте? Что мне твое темное жесткое мясо и кости, похожие на трухлявый ствол старой осины? Мне нужно свежее мясо, я хочу молодой крови. Дай мне их, и я не обрушу на тебя и страну свой гнев.

С этими словами дух вышел из тела шамана, и тот сразу же умер.

Несколько дней царь не ел и не пил, несколько ночей не смыкал глаз, несколько дней ни с кем не разговаривал и не принимал ни своих приближенных, ни просителей из народа, несколько ночей молился богам Неба, прося о помощи и умоляя ниспослать ему если не силы для борьбы, то хотя бы мудрость, чтобы знать, что ему теперь делать. Но Небо молчало и не желало – или не могло – ответить на его мольбы. И глаза царя не просыхали от слез.

Но ждать до бесконечности дух, конечно, не стал бы, и пришлось царю пойти к сыну и рассказать ему обо всем. И, поведав Кенахоки о новом требовании духа, Гетигалпа сказал:

– Решай сам, сын мой. Я не хочу, чтобы ты шел туда, и сам без колебаний пошел бы вместо тебя, но дух не хочет этого. Ему нужен ты. И если ты не пойдешь, он уничтожит нас и наш народ. Но вряд ли кто-то осудит тебя за это – ведь, наверное, каждый на твоем месте отказался бы идти на верную и страшную смерть.

Но Кенахоки ответил:

– Царь и отец мой! Я не хочу подвергать опасности тебя и весь народ. В чем обязанность царя, в чем высший его долг? В том, чтобы даровать благоденствие народу, защищать его от бедствий и поддерживать порядок в мире. Если я не пойду, то обреку народ на гибель. Будет ли это

поступок, достойный наследника престола? Думаю, нет. Поэтому я пойду к темному богу Дигхакуле, и будь что будет!

Но перед тем, как идти в логово подземного зверя, отправился царевич к старому шаману, жившему среди скал в дальнем конце страны, и спросил его:

– Скажи, старик, как мне быть?

– Трудное дело замыслил ты, царевич Кенахоки, – сказал шаман. – Но, может быть, то немногое, что я знаю, сможет помочь тебе. Возьми… [далее фрагмент текста утрачен].

На другой день утром Кенахоки уже поднимался по крутой каменистой тропке среди скал, ведущей к сердцу горы, в логово Дигхакулы. На нем было обычное ритуальное облачение, в котором всегда отправляли к духу земли намеченную жертву, но в душе его не было тех мыслей, которые обычно владели несчастными, обреченными на страшную гибель в недрах горы. Кенахоки не думал о том, что надо покориться судьбе, о том, что следует выполнить долг перед родными и народом, отдав себя на растерзание чудовищу – нет, он думал о том, как избавить от ненасытного духа свой народ и страну, ибо так рассудил он в сердце своем, услышав слова отца: «Что толку, если мы так и будем бросать наших юношей в пасть чудовища? Будет ли страна богаче? Нет. Будет ли народ сильнее? Нет. Тогда зачем же мне отдавать себя на съедение зловонным подземным духам, если я должен взойти на трон после моего отца? Нет, лучше я уничтожу духа или хотя бы заставлю его подчиниться мне и освободить страну от страшного бремени». Так думал Кенахоки, поднимаясь в гору по тропе, и, когда он дошел до норы чудовища, тьма подземелий сомкнулась вокруг него.

В подземельях было пусто и сыро, капала вдали вода, и свисали с потолка темные рваные полотнища подземной плесени, и чем дальше шел Кенахоки, тем больше сгущалась тьма и тем тяжелее становился воздух. Если бы сами стены не светились смутным, неясным светом, сын царя заблудился бы в этих сумрачных штольнях. Кенахоки шел все дальше и каждую минуту ждал, что вот-вот из-за поворота или из-за свисающего с потолка сталактита выскользнет покрытое зловонной слизью щупальце и схватит его, и судорожно сжимал в руке остро наточенный меч, а в другой руке – зеркальный щит из гладко отполированного металла и повторял про себя наставления, полученные накануне от старого шамана, одного из свиты отца: «Никогда не смотри прямо на демона. Кто взглянет на него хоть краем глаза – окаменеет».

Но вот нора стала немного шире, потолок, которого Кенахоки едва не касался головой, поднялся, и царевич увидел впереди огромные ворота с тяжелыми железными створками, прикрепленными к гранитному косяку заржавленными стальными петлями. Перед воротами стояли два стража, и

ужасен был их вид: у одного была длинная, до самого пола, борода из мха и подземной плесени и густые брови, которые, спускаясь на глаза, мешали ему видеть, и видом этот страж был бы похож на старый трухлявый пень, поросший мхом, если бы не огромные, чудовищные руки, на которых бугрились нелепые громадные мышцы, и не гигантские ступни ног, которыми он, наверное, не мог ступить и шагу; у другого же была огромная, похожая на высокую башню голова с единственным глазом во лбу, выпученным, иссеченным безобразными красными прожилками и горевшим неугасимым черным огнем. Оба сжимали в руках тяжелые каменные палицы.

Увидев царевича, страж с головой-башней поднялся и проревел:

– Стой! Кто пришел в логово Дигхакулы?

И другой страж, услышав его, неповоротливыми ручищами раздвинул лохматые брови и прорычал:

– Кто осмелился потревожить покой земли?

– Человек, – ответил Кенахоки, помня, чему научил его старый шаман, ведающий правила подземных сил.

– Не ты ли Кенахоки, которого мы ждем уж давно? – спросили стражи, и от их голосов посыпался песок с потолка и с писком взлетела испуганная стайка летучих мышей.

– Нет, – ответил царевич, помня наставления шамана, – мое имя Ахарата, и я хочу сказать великому духу о Кенахоки – куда тот отправился и где его искать, ибо он позорно бежал от царя, отца своего, и от великого духа подземелий, которому был назначен в жертву.

– Ну что же, – сказали стражи, – иди и скажи великому духу, если не боишься. Ибо ты должен знать, что каждый человек, осмелившийся взглянуть в глаза духу, окаменеет!

И в этот момент загрохотал ключ в старом, заржавленном замке, и ворота со страшным скрипом стали отворяться, и посыпались сверху камешки и подземная труха и гниль, ибо не отворялись эти ворота, наверное, с того самого момента, как были поставлены здесь, и на царевича пахнуло удушливым смрадом бездн. Он хотел было пойти дальше, но стражи остановили его.

– Стой! – сказали они. – Разве ты не знаешь, что каждый, кто спускается в обитель царя земли, должен оставить здесь свои украшения и свое оружие? Сними их и иди, если сможешь!

Тогда царевич снял с пояса меч и отдал его вместе со щитом стражникам, потом снял с рук своих золотые браслеты, и с ног – браслеты серебряные, и с пальцев – тонкой работы кольца с цветными камнями, и с шеи – золотой нагрудник, сработанный чужеземными мастерами в неведомых дальних странах, и отдал их стражникам. И тогда они впустили

его в недра горы, и тяжелые створки ворот с глухим стуком захлопнулись за его спиной.

Тьма перед его глазами, сначала казавшаяся совершенно непроницаемой, постепенно рассеивалась по мере того, как взор его привыкал к темноте, и вскоре он начал различать во мраке неясные очертания подземных чертогов. Высокие каменные стены, покрытые каплями воды, поднимались по сторонам, и потолок был едва заметен в тусклом красноватом свечении, которое исходило, казалось, от самого воздуха. В стенах слабо и неверно, как глаза волков, собравшихся вокруг костра и ждущих, когда можно будет напасть на жмущихся к огню людей, мерцали разноцветные камни, крупные и мелкие, гладкие и матовые, а между ними поблескивали золотые жилки и блестки серебра. Массивные колонны сталактитов высились вокруг в каком-то непостижимом порядке, и по ним, фосфоресцируя, бежали волны слабого, едва ощутимого мерцания.

Кенахоки пошел дальше, и звуки его шагов гулко отдавались в пустых и холодных залах, и эхо беспомощно металось меж колонн, отражаясь от пола и высокого черного полотка, так что царевичу все время чудилось, будто кто-то идет за ним, или рядом с ним, или впереди его – или не чудилось? Или действительно то был шорох тихих шагов, похожий больше на чуть слышный шелест степных трав под дуновениями сонного ночного ветра? И – странное дело – чем дальше он шел, тем светлее становилось в бесконечных штольнях и гигантских сумрачных залах. Вот только свет этот был не земной – подземный: багрово-красный, тусклый, создававший под сводами пещеры пронизанную призрачным сиянием мглу без теней. И чем дальше, тем яснее становился смутный шорох, странный топот, как будто множество мелких зверьков бегало по залам, по темным штольням и норам, сопровождая царевича в бездонное логово своего страшного хозяина, так что Кенахоки уже не сомневался – по пятам за ним, и впереди него, и рядом с ним – везде идут и бегут подземные духи, странные и нелепые создания, которые заботятся о корнях растений, и создают драгоценные самоцветы во тьме подземных недр, и посылают людям на земле источники, бьющие струями кристальной воды в скалах, и питают молоком детенышей степных и лесных зверей, роющих глубокие норы в бурой крошащейся почве.

И вот, наконец, царевич увидел впереди еще одни ворота. Они были в несколько раз выше человеческого роста, створки их крепились к массивным косякам из яркого зеленого малахита, светящегося собственным фосфоресцирующим светом, тяжелыми, украшенными самоцветами петлями, и в багрово-белесом мареве без теней, переливавшегося между стенами и среди колонн, тускло и таинственно поблескивали жемчужными отсветами – ворота были выкованы из чистого и ясного, как лунный свет,

серебра. Множество диковинных фигур было вырезано на створках – звери, как хорошо знакомые, так и никогда и никем не виданные в той стране, птицы, то огромные, то совсем маленькие, и разные растения. Косяки украшали рельефные изображения гигантских змей, засовы были сделаны в виде огромных ящериц, а петли – в виде оскаленных звериных морд.

Но Кенахоки некогда было разглядывать всю эту темную красоту: грубый и хриплый голос, ничем не напоминавший человеческий, окликнул его:

– Стой, путник! Кто пожаловал сюда, в царство подземного духа, владыки земли?

И перед царевичем выросли фигуры стражников. Они еще чем-то напоминали людей, но сходство было уже совсем слабым. У одного из них на огромном, тяжелом лице горели зеленым светом четыре глаза, и над ними скалилась зубастая пасть, похожая на пасть варана, а на голове торчали несоразмерно большие, грубые и толстые рога. Другой смотрел на царевича пустым, совсем без глаз, лицом, и зловонный воздух вырывался наружу из трех его оскаленных, одышливых ртов, из которых один был там же, что и у людей, другой – во лбу, а третий располагался вертикально, между ними, на месте носа.

– Кто тревожит покой земли? – грозно, голосом, почти не похожим на человеческий, проревел один из стражей.

– Человек, – ответил Кенахоки.

– Человек? – прорычали стражи. – Не ты ли тот самый Кенахоки, которого владыка ждет уже давно?

– Нет, – ответил царевич, – мое имя Ахарата, и я иду к владыке подземного царства, чтобы сообщить ему о Кенахоки, чтобы владыка знал, куда пошел Кенахоки и где его искать, ибо он позорно бежал от глаз царя, отца своего, бросив страну и народ, чтобы спастись от уготованной ему участи жертвы.

– Войди, – проревели стражи, – и расскажи владыке Дигхакуле, что ты знаешь.

Поддаваясь под нажимом сильных, с узловатыми мышцами, рук стражей, завизжали тяжелые засовы, заскрипели петли, и створки ворот, украшенные диковинными изображениями из серебра, стали подаваться. Кенахоки сделал было шаг вперед, намереваясь идти дальше, но тут стражи проревели:

– Стой! Разве ты не знаешь, что ни одно смертное существо не может войти во владения подземного царя в одежде? Сними ее и иди, если сможешь!

И тогда Кенахоки, вынужденный повиноваться стражам подземного мира, снял одежду из тонкого белого льна, и верхнюю накидку из овечьей

шерсти, украшенную узорами из золотых нитей, и сандалии из толстой свиной кожи, держащиеся на расшитых серебром ремешках, и отдал их стражам, и ворота отворились перед ним, и он, обнаженный и беззащитный, пошел дальше, во тьму.

Царевич шел и видел, как все ярче разгораются неведомым подземным огнем стены, как они светятся изнутри красным, синим, зеленым и всеми цветами, какие только есть на свете, как сверкают в них призрачным светом драгоценные камни, за каждый из которых не жалко было бы отдать целую страну. Шаги подземных существ стали слышны настолько явственно, что можно было уже не сомневаться – его сопровождает большая свита, множество странных, нелепого вида созданий, которых иногда, в лунные ночи, видят люди в пустынных местах, на склонах холмов и близ колодцев и расщелин в скалах. А издали, из недр горы, донеслась до ушей царевича странная и мрачная музыка, будто бы там, в подземных залах, ревели трубы, и рычали барабаны, и звенели струны арф.

И вот подземный ход стал еще шире, так что стены и потолок стали уже почти не видны в плавающем в подземельях мглистом сиянии, и перед царевичем засверкали третьи ворота. Они сияли нестерпимым, золотым горячим светом, отражая свет пылающих факелов, на которых вместо пакли были намотаны человеческие внутренности, а вместо смолы они были пропитаны кровью. Сами же ворота были выкованы целиком из золота, заперты огромным, тяжелым засовом из кроваво-алого прозрачного камня и привешены к косякам алмазными петлями в виде оскаленных звериных морд, а на створках ворот была изображена битва гигантских красноглазых птиц с многоголовыми змеями.

Но не это заставило царевича в ужасе отшатнуться и закрыть глаза ладонями, чтобы не видеть того, что предстало перед ним. Ворота охраняли стражи, и их было множество, и ни один из них не был даже отдаленно похож не только на человека, но и ни на одно из когда-либо живших на земле существ. Бесформенные тела с лиловыми щупальцами клубились перед царевичем, выпученные стеклянные глаза появлялись и исчезали на поверхности кипящей живой массы, как пузыри в луже во время дождя, мохнатые паукообразные тела нависали над головой и касались волос тонкими когтистыми лапками, зловонные зубастые пасти разевались в глыбообразных телах, и длинные черные языки хищно шарили по каменному полу, словно ища жертву. В лапах и щупальцах чудовища держали свои страшные факелы.

И над головой Кенахоки раздался звук, который не мог быть исторгнут из глотки живого существа, и царевич разобрал в нем слова:

– Кто тревожит покой земли?

– Человек, – замирая от ужаса, ответил Кенахоки.

– Человек? – прошипели зловонные пасти и лязгнули паучьи жвала. – Не ты ли тот Кенахоки, царевич, которого мы все ждем уже давно?

– Нет, – ответил Кенахоки, – мое имя Ахарата, и я пришел к правителю подземного мира, великому Дигхакуле, чтобы рассказать ему, где сейчас Кенахоки, ибо царевич бежал от лица царя, отца своего, и от уготованной участи жертвы.

– Войди, – прорычала подземная плоть, – и расскажи господину земли, Дигхакуле, что ты знаешь.

Загромыхали засовы, сверкнули блики на створках ворот, и тяжелые створки стали бесшумно отворяться. Кенахоки хотел уже идти дальше, но услышал утробный рев за спиной:

– Стой, человек! Разве ты не знаешь, что закрыт вход человеку в человеческом облике в подземные обители царя Дигхакулы? Возьми себе другой облик и иди, если можешь!

– Какой же облик я должен взять? – спросил Кенахоки.

– Какой хочешь, но только не человеческий, – ответили подземные силы.

– Хорошо, – сказал Кенахоки, – я возьму себе облик желтой мыши, ибо мышь мала и ходит осторожно своими путями, поэтому ее пути неведомы. У нее острые зубы, перед которыми не устоит самое твердое дерево, поэтому ее пути лежат везде. Она плодовита, поэтому род ее умножится. И цветом она подобна земле, поэтому земля хранит ее.

И с этими словами Кенахоки снял с себя облик человека и надел облик желтой мыши, и ворота пропустили его.

Вокруг него высились гигантские стены, сиявшие своим собственным, внутренним светом, и клубился дым, и слышались из чрева земли глухие и гулкие мерные удары, будто кто-то вдали, в самых темных глубинах, бил в огромный барабан. Кровавый, багровый свет разлился вокруг, заструился по каменным стенам, по потолку, с которого свисали столбы сталактитов, полотнища подземной плесени и бесформенные комья, чуть заметно шевелившиеся под легкими дуновениями воздуха земных недр. Сам же воздух становился все более зловонным, так что царевичу, даже в его нынешнем зверином облике, было трудно дышать, и Кенахоки задыхался, спеша навстречу царю подземных чертогов. Мимо царевича по стенам скользили тени – странные существа, уже не скрываясь от его взгляда, бежали вместе с ним, спешили, опережая его, туда же, куда шел и он, – к великому демону Дигхакуле, правителю подземного мира, существу, облика которого еще никто и никогда не видел – никто, кроме тех несчастных жертв, которых бросали во чрево земли по воле царя Гетигалпы. Удивительные это были существа – те, которые бежали по подземному ходу

вдаль, вдаль и вниз, к невидимому, но уже близящемуся источнику темного багрового сияния: огромные, как покрывала или конские попоны, уши на несоразмерно маленьких головах с крошечными красными глазками, длинные змеевидные хоботы жадно шарили по земле, шурша мелкими камешками; ползли и настоящие змеи – нелепые со своими бычьими головами, увенчанными тяжелыми оленьими рогами, но струившиеся по полу так стремительно, как нельзя было бы ожидать от столь странных созданий; шагали на негнущихся, толстых колоннообразных ногах с длинными когтями, скрежетавшими по камню пола, чудовища с клювами аистов и крыльями летучих мышей; широко разевали зловонные пасти с тысячами длинных саблевидных зубов существа со множеством коротеньких мохнатых ножек, перебиравших по земле с удивительной быстротой, и размахивали над собой громадными, сжимавшимися и разжимавшимися, как в конвульсиях, сине-фиолетовыми клешнями; ползли ярко-красные многоножки, суетливо шаря перед собой усиками толщиной в мужскую руку и длиной в два человеческих роста и оставляя за собой влажный, липкий след; развевались над огромным, похожим на стол панцирем длинные черные усы, хлеща во все стороны, как кнуты погонщиков быков, а под панцирем злобно скребли по земле ни на что не похожие когтистые конечности; щупальца влекли над собой мохнатое тело гигантской мухи, с ревом бившее крыльями по зловонному воздуху; под фасетчатыми глазами судорожно рвали багровую тьму поблескивающие сталью жвала; на громадных, от пола до потолка, тонких коленчатых ногах мчалось существо с телом размером едва ли в кулак ребенка, и только сверкали на этом теле, как бусины жемчуга, десятки гноящихся глаз; шагало несуразное сгорбленное нечто, похожее не то на высушенную ящерицу, не то на какую-то невиданную личинку, и огромными, несообразными на маленькой сухонькой мордочке глазами, подвижными, как ртуть, шарило вокруг и яростно молотило воздух костлявыми, похожими на веера из-за множества непомерно длинных многосуставчатых пальцев лапами, и желтоватая слизь крупными сгустками падала с его пасти; несся следом за ним, визжа и хрипя, влажно шлепая по полу и стенам, бесформенный ком, ежемгновенно менявший очертания, весь сплошь покрытый копошащимися в буро-лиловой плоти белесыми червями. И запах: зловоние, нестерпимое, ужасающее зловоние накатывало волнами, не давая дышать – то вонь испражнений, то гнилостный дух прокатится над головой, заставляя глаза слезиться, а легкие – останавливаться, то густой трупный запах ударит в ноздри, тягучий и удушливый смрад разлагающегося мяса, то еще какое-то уже совсем не поддающееся определению нечто, грязное и тухлое разольется в воздухе, или что-то сладко-приторное, но вместе с тем настолько невыносимо одуряющее, что и не знаешь, воздух ли это уже

вокруг тебя. И звуки: плач, рев, рык, клекот, скрежет, вой, хрип, визг, утробный мяв, сиплое бормотание, сухой треск, рыдающие стоны, злобное шипение – но над всем этим, покрывая и перекрывая весь этот нестройный гам, билось ритмичное, неумолимое сердце барабанного боя, катившегося из самых глубин и бездн земли.

И вот, наконец, отворилось перед царевичем чрево земли, и недра подземных царств открылись перед ним. Сколько хватал глаз, простиралось перед его взором наполненное багровым кипением дыма пространство, возносившееся ввысь к тяжелому потолку, с которого гирляндами свисали клочья тьмы, дрожащие, как листья осины на ветру, под порывами налетавшего на них серого сумрака, и судорожно, отчаянно цеплялись за выступы и неровности осклизлых каменных сводов и стен. Под ногами плескалась пузырящаяся вода, по которой бежали тяжелые, тягучие волны с барашками зеленовато-белесой, словно застоявшийся гной, пены, и били в каменные берега свои, разъедая их и заставляя осыпаться от малейшего движения, и скользили под маслянистой поверхностью вод серебристо светящиеся тела подводных тварей, которые – то одна, то другая – высовывали наружу свои уродливые морды с бессмысленными выпученными глазами, с полными зубов пастями, с роговыми выступами и шевелящейся жесткой щетиной, высовывали и смотрели на толпу невиданных, невообразимых существ, клубившуюся у края воды. А толпа кипела и бурлила, как вода под ногами у нее, странные существа в едином порыве то подкатывались к самой кромке воды, так что то и дело какого-нибудь неосторожного зверя выхватывали из живого бурления хищники водной бездны, и тот с писком или отчаянным ревом навсегда скрывался от глаз живых существ, а то откатывались к самым стенам, так что между толпой и водой оставалось пустое пространство, покрытое скользкой комковатой слизью и кучами зловонных бурых выделений. Здесь уже рык, вой и клекот были почти совсем не слышны, полностью заглушенные мерным боем барабанов, задававшим ритм неслыханной, варварской музыке, в которой было, тем не менее, что-то столь гипнотическое, завлекающее, затягивающее, как трясина, что Кенахоки даже в своем нынешнем зверином облике едва удерживался от того, чтобы присоединиться к толпе, совершавшей, подчиняясь тяжелому ритму, свой сложный размеренный танец. Но когда царевич, проворно пробравшись к воде между лап и ног движущейся в невиданном танце багровой, покрытой нарывами, изъеденной буро-лиловыми червивыми язвами плоти и увидел то, что находилось на том берегу, за мутным зеркалом воды, то такой холод пронзил душу его, какого не испытывало, наверное, еще ни одно живое существо со дня сотворения мира.

Над кипящими смрадными водами подземного озера, подернутыми зеленоватым паром, в кипении своем всплескивавшими серой пеной и брызгами гнилостных останков, поднималась скала – хмурый багрово-черный выступ с отвесными стенами, по которым стекали в серую воду мерзостные белесые потеки, и с иззубренным краем, напоминавшим челюсть с крошащимися гнилыми зубами, совершенно неприступный каменный клык над маслянистыми волнами. Но не потому он был неприступен, что высоко возвышался над водой – вовсе нет, он совсем не был высок. Он был неприступен, ибо на нем восседал сам царь земли, сам великий и безымянный бог, известный людям под ложным именем Дигхакула. Над камнями скалы и волнами водоема поднималось гигантское серо-черное тело змеи, изгибавшееся в том же диком ритме, что и страшные подданные великого демона, извивавшееся в непристойной пляске, то вытягиваясь так, что раздутый, как у рассерженной кобры, клобук едва не касался потолка, то опускаясь чуть ли не до самой воды, не останавливаясь ни на мгновение, то выпрямляясь, то свиваясь в кольца и прихотливые сплетения колец, и было в его движениях что-то, напоминавшее движения самки во время течки или женщины, охваченной бесстыдной похотью. Множество голов росли на сотнях шей чудовища, выраставших из склизкого тела, раздувавшегося и опадавшего в ритме страшного танца, разевались сотни пастей с длинными желтоватыми зубами и черно-фиолетовыми раздвоенными языками, с рогов, увенчивавших головы, с сухим треском сыпались разноцветные искры, вонзаясь в чешуйчатую экзематозную кожу, в зеленоватые наросты на головах, в потолок пещеры и в пустой дымный воздух. Со звонким шипением, от которого ломило уши, вырывалось дыхание из сотен глоток чудовища, громкостью своей перекрывавшее даже несшуюся невесть откуда грубую и злобную музыку.

Но, наконец, вдруг замер царь подземного мира, прекратив свой отвратительный танец, поднял одну из своих голов, самую страшную, со множеством глаз, как у паука, и с клыками, с которых капала ядовитая золотистая слизь, и взревел, и от рева его как листья на ветру задрожали его странные и ужасные подданные:

– Что же не идет Кенахоки, которого я назначил себе в жертву? Где же сын царя Гетигалпы, которого я хочу получить себе, чтобы точить зубы о его кости? Или заблудился он в моих чертогах и никак не найдет дороги? Найдите его и помогите ему найти дорогу сюда, ибо он – мой гость сегодня, и я хочу пригласить его к себе на пир!

И вслед за этим под сводами гигантского зала раздался рев и клекот, визг и рык – хохот подземных существ сотряс багровый сумрак, темный смех заставил гноящуюся плоть колыхаться в судорогах злорадного веселья.

Но тут на берег выползло одно из существ, стоявших как стражи у ворот чертогов Дигхакулы, и произнесло:

– Великий царь! Выслушай весть о Кенахоки, ибо есть среди нас тот, кто знает, где назначенная тебе жертва!

– Кто же это – тот, кто знает о жертве, которую я наметил для себя? – прорычал подземный царь.

– Юноша по имени Ахарата, который спустился сюда, чтобы рассказать тебе о Кенахоки, о намеченной жертве, – ответил страж. – Он пришел сюда и принял облик желтой мыши, чтобы предстать перед тобой, о царь, и передать тебе эту весть.

– Хорошо! – взревел царь Дигхакула. – Пусть выйдет к воде и скажет то, что он должен сказать.

И тогда толпа расступилась, и Кенахоки, дрожа вышел на середину пустого пространства, ступил к воде, едва не касаясь ее лапками, и сказал:

– Это я, о великий царь, владыка и повелитель подземного мира, это я – Ахарата, который знает о царевиче.

Но голос его был так тих, что его не услышал бы никто, даже если бы не грохотала под сводами зала ужасная музыка и не ревела толпа чудовищ, собравшихся вокруг.

– Подойди ближе, Ахарата, чтобы я мог слышать тебя, – сказал Дигхакула. – Пройди по спинам водных существ, чтобы я мог слышать тебя.

И по его повелению из вод поднялись хищные существа и образовали мост, по которому должен был Кенахоки перейти через реку, чтобы говорить с демоном – правителем подземелий. И Кенахоки перешел по этому мосту на скалу, на которой, как на троне, восседал царь подземного мира, и сказал, низко-низко склонившись, чтобы не видеть страшных глаз повелителя подземелий:

– Вот я, о царь подземного мира, имя мое Ахарата, и я пришел к тебе, чтобы сказать, где сейчас Кенахоки, царевич, сын правителя этой страны, и куда отправился он, чтобы бежать от лица твоей воли.

– Что же, – проревел великий змей, головы которого колыхались под самым потолком, – говори, ибо я хочу знать, где он!

– Да, о царь, я скажу, – трепеща, произнес Кенахоки, назвавшийся Ахаратой. – Но негоже мне стоять перед моим повелителем в таком виде. Вели, пусть мне принесут мои украшения, мои браслеты, серьги и кольца и оружие мое, мои меч и щит, ибо не должно говорить великому царю, не имея пристойного вида!

И по повелению Дигхакулы тотчас же принесены были браслеты, серьги и кольца, которые снял перед первыми воротами Кенахоки, и сложены у ног его, и царевич надел их, взял в руки меч и щит и сказал:

– Поистине, о великий царь, бежал, бежал Кенахоки от лица отца своего и от взоров матери своей, ибо болел за страну свою и за народ свой, ибо плач и стон достигли уже небес, и скрежет зубовный – высей небесных. И бежал, скрывшись, чтобы не видеть этого. Но вели царь, прежде, чем я продолжу, принести мне одежду мою, которую оставил я, ибо негоже говорить великому царю, не имея пристойного вида!

И по повелению Дигхакулы тотчас же были принесены одежды, которые оставил Кенахоки у стражей вторых ворот, и сложены у ног его. И царевич, надев одежды из тонкого льняного полотна, и накидку из овечьей шерсти, и сандалии из свиной кожи, украшенные золотыми накладками, продолжал:

– Поистине, о великий царь, бежал Кенахоки от взоров отца своего, и скрылся. Но не в дальние страны пошел он, и не по рекам поплыл к неведомым народам, ибо не скрыться на лице земли никому от власти подземного мира. О нет, он скрылся лучше, ибо он хитроумен, ведь недаром имя ему – Кенахоки. Он погрузился под землю, и ушел в недра земные, ибо там никто не догадался бы его искать. Но вели, царь, прежде, чем я продолжу, вернуться в свой собственный человеческий облик, ибо негоже говорить великому царю, не имея пристойного вида!

И по повелению Дигхакулы тотчас же вернулся он в свой человеческий облик, оставленный им у третьих ворот, надел одежду свою, препоясался мечом своим и сказал:

– Поистине, о великий царь, странно, что не понял ты, кто перед тобой! Ибо стон людской дошел до ушей моих, и вопль народа моего – до слуха моего, и слезы душили моего отца, когда он отправлял меня к тебе! Теперь же смотри – вот я перед тобой, и ты ничего не сможешь сделать, ибо ты губитель только в царстве, куда досягает свет колесницы солнца, но не здесь! И что же ты сделаешь?

Ужасно взревел Дигхакула, взметнулись вверх его головы, и желтая пена закапала с них в желтую воду, бившую ключами из дна бездны. И молвил царь:

– Поистине, не могу я убить гостя в собственном моем доме, и пришедшего ко мне – в жилище моем, ибо на этом стоит земля, и подземный мир, и само небо, и что же будет с миром, если падет этот закон? Ибо на законе стоит мироздание! Но и ты, о Кенахоки, поистине хитроумный Кенахоки, острие знания, ничего не сделаешь мне – ибо ты бессилен!

И тогда сказал Кенахоки:

– Нет, о царь, я ничего не сделаю, ибо я – в твоем доме и не нарушу закон. Но я уйду отсюда, и скажут тогда люди и боги: «Что же! Был гостем Кенахоки у великого Дигхакулы, и видел великий танец, и перешел через

желтую воду, и говорил с великим повелителем бездн, а ушел без даров, и пустым был пояс его, и заплечный мешок его был легок!». Что же скажут люди, и боги, и существа, живущие здесь, порождения бездны?!

И Дигхакула сказал:

– Поистине, Кенахоки, хитроумен ты, и знаешь ты, каковы должные действия. Чего же ты хочешь от меня, раз уж ты – гость на моем пиру? Говори, и, если это в моих силах, я исполню то, что ты скажешь, ибо ты прошел трое ворот, и трое стражей отнимали у тебя облик, и трижды просеян ты и выжат ты. Пусть же три слова твоих я услышу.

Кенахоки сказал:

– Страшны бедствия, которые постигли мою страну, и мой род, и семьи народа моего, над которым я буду властвовать. Хочу, о великий царь, повелитель бездны, чтобы ты перестал требовать жертв от людей, и пусть жертвуют тебе лишь раз в год, и только долей от скота своего.

Дигхакула сказал:

– Велика просьба твоя, и непочтительно ко мне желание твое! Но я исполню то, что ты просишь. Пусть будет так, и пусть лишь раз в году, когда скот приносит потомство, будут жертвы мне, и двадцать четвертая часть приплода скота мне. Что же еще хочешь ты, Кенахоки, хитроумный царевич?

Кенахоки сказал:

– Страшны бедствия, постигшие страну и людей, и страх отныне в их душах, страх от того, что боятся они новых пожаров, и безумия солнца, и саранчи, и иных бедствий, которые могут обрушиться. Пусть же, о великий царь, повелитель бездны, не будет более бедствий над землей, и пусть дает она плоды во благовремении, и приплод от скота, и потомство от женщин пусть будет, и пусть будет это без потери.

Дигхакула сказал:

– Велика просьба твоя, и непочтительно ко мне желание твое! Но я исполню то, что ты просишь. Пусть будет так, и пусть дает плоды земля, и приплод – скот, и потомство – женщины, и пусть не будет бедствий, покуда вы приносите мне назначенную жертву. Что же еще хочешь ты, Кенахоки, хитроумный царевич?

Кенахоки сказал:

– Страшны бедствия, постигшие страну и людей, и страх отныне в их душах. И боятся они одного – того, что придешь ты, и явятся слуги твои и воины твои и заберут душу человека, и останется она у тебя отныне без возврата, ибо ты – царь смерти, и смерть бежит за нами по пятам от самого рождения, и настигает, и хватает за спину, и исторгает душу. Поведай мне, о великий царь, повелитель бездны, есть ли путь отсюда на землю, и дорога из царства мертвых в царство жизни?

Дигхакула сказал:

– Велика просьба твоя, и непочтительно ко мне желание твое! Не могу исполнить я эту твою просьбу, Кенахоки, хитроумный царевич! Проси другого! Проси богатства себе, и коней, и колесниц, и красивых женщин, и власти над всей землей и всеми народами, но не проси у меня этой великой тайны, и этой величайшей и ужасной истины не выведывай у меня, Кенахоки! Проси другого, о царевич!

Кенахоки сказал:

– Нет, о великий царь, повелитель бездны, я хочу этого знания. Ведь и могущественнейшие из царей земных погружаются в твою обитель. И кто знает, кем были на земле эти странные существа, что толпятся сейчас на том берегу, за желтой водой? Даже боги не знают, есть ли выход из мира смерти, из царства подземной тьмы. Но ты, о Дигхакула – ты знаешь это.

Дигхакула сказал:

– О царевич! О мудрый Кенахоки! Выбери себе в дар что угодно другое – сыновей, внуков и правнуков, чтобы увидеть их, и играть с ними, и насладиться их победами, как будто своими собственными! Выбери себе сам срок жизни такой, какой пожелаешь, но не проси меня рассказывать тебе то, чего не вынесет освещенная солнцем земля!

Кенахоки сказал:

– О великий царь, повелитель бездны! Нет человеку покоя, если не знает он, что ждет его за тем порогом, за который влекут его время и порождения бездны. Нет человеку покоя, если знает он, что не взять ему в мир теней ничего, чем владел он при свете солнца, что красавицы состарятся, колесницы рассыплются, золото изотрется, сталь мечей сломается, а сыновья, внуки и правнуки станут добычей стервятников и пищей для могильных червей. Тщетны и преходящи эти радости, которые сулишь ты мне. Нет, о великий царь, повелитель бездны! Скажи мне, где же выход из царства теней. Именно этот дар, и не иной, выбираю я, о Дигхакула!

Дигхакула молвил:

– Ты должен тогда войти в меня, и стать мной, и быть мной, о Кенахоки! Лишь тогда ты сможешь знать, что лежит за пределом тьмы, ждущей всякого живого за кромкой могильной ямы, лишь тогда ты сможешь поистине знать, каков предел человеческой жизни и предел человеческой смерти.

И тогда Кенахоки сказал:

– Да, о великий царь, повелитель бездны, я согласен пройти испытание, предложенное тобой, и войти в тебя через твою пасть, и пройти тебя, и быть тобой, и выйти наружу через твои глаза. Я готов!

И тогда Дигхакула, великий царь, повелитель бездны, поглотил царевича Кенахоки, и тот погрузился в его пасть, и вошел в его чрево и в недра тела его, и оставался там. И по истечении времени вышел, как и было сказано, через глаза, и глаза великого Дигхакулы воссияли, когда царевич Кенахоки выходил через них, и сам царевич не был уже похож на человека, ибо лицо его сияло, и над головой его было сияние, и свет был в сердце его и в разуме его.

И сказал царевич Кенахоки:

– Поистине, правда была в словах твоих, и ныне я знаю тайну твою, о Дигхакула! И видел я горы и реки, и моря и степи и знаю тайну их и тайные слова их отныне ведаю, ибо прошел я красными дорогами, и дорогой песка прошел я и видел зверя, встающего из бездны, и тысяча рогов на голове его, и песок под ногами его и под чревом его, и был им, и знаю отныне, что пути человека… [далее фрагмент текста утрачен] …бессмертия. И кто так знает, не вкусит смерти.

И сказал Дигхакула:

– Ты, о царевич, прошел меня, и был мной, и вышел наружу через глаза твои, и остался человеком. И я принял тебя, и стал тобой, и впитал тебя, и пил тебя, как воду, и веселилось от этого сердце мое. И, так как пил я тебя, но остался ты собой, я снимаю с тебя твое старое имя, ибо оно более не соответствует тебе, и даю тебе новое. Да будет имя тебе Фома, ибо ты – вино, и кровь земли в тебе. А теперь взгляни в глаза мне, ибо я хочу видеть глаза твои, полные знания.

Но Кенахоки, Фома которому отныне имя было, ответил:

– Нет, о великий царь, повелитель бездны, я не сделаю этого, ибо знаю, что не может ничто живое смотреть в глаза тебе и остаться живым.

– Тогда сразись со мной, – взревел Дигхакула, – и бейся, и утверди свою власть над подземным миром.

– Нет, – ответил Кенахоки, Фома которому отныне имя было, – не буду я биться и утверждать свою власть над подземным миром, ибо не мне властвовать над подземельями и путями мрака.

Тогда взревел Дигхакула, и поднялись тела его, оскалились тысячи пастей и сотни тысяч зубов исторгли желтую пену, и поднялось воинство его на царевича, с хохотом и клекотом ринувшись на него. Но царевич поднял щит, и спала узорчатая крышка щита, и под ним открылась гладко отполированная сталь, сверкающая, как поверхность большого водоема в солнечный день, и в ней отразились желтые глаза великого царя, повелителя бездны. И в тот же миг умер Дигхакула, и тело его рассыпалось, и тысячи мелких червей вышли из него и заскользили к желтой воде. Но, умирая, он сказал:

– Ты победил меня, царевич Кенахоки, которому я дал новое имя. Что ж! Пусть не скажет никто, что ты ушел с моего пира голодным, и пусть не говорят люди, боги и духи, что жажда мучила тебя, когда ты уходил от меня. Вкуси того, что поднесут тебе мои слуги, раз уж ты – мой гость.

Но Фома лишь рассмеялся:

– Ты ли говоришь мне это, умирающий царь Дигхакула?! Тебя ли я слышу?! Разве не знаешь ты, что каждый, кто отведает яств твоих, навеки остается твоим слугой и жителем царств твоих, и становится таким, как эти несчастные, которые толпятся на том берегу и служат тебе, о царь? Ты думал так обмануть меня? Что же, смотри! Смотри, как я отведаю воды из источника твоего и выйду на землю, под свет солнца, ибо я был тобой и получил из рук твоих новое имя!

И с этими словами царевич наклонился, зачерпнул рукой желтой воды из источника и напился, и ничего в нем не изменилось, и не потерял он облика своего.

Дигхакула, умирая, прорычал, видя это:

– Что же, хитроумный Фома, пивший из источника, прошедший дорогу песка, ты и верно не стал моим! Но все же я оставлю тебе свой дар. Ты выйдешь к людям, и пойдешь к ним, и они не примут тебя, и прогонят тебя от лица своего, и не будет тебе покоя в твоей стране и в твоем народе. И к другим народам ты пойдешь, и не найдешь у них приюта, и ни один из народов, живущих ныне на земле, не примет тебя, и ни на какой земле, которая ныне есть в мире, не найти тебе будет пристанища.

– Пусть будет так, о Дигхакула! – сказал Фома Кенахоки. – Но и я тогда оставлю тебе предсмертный дар, чтобы тебе было с чем идти в твое царство мертвых, куда попадают мертвые боги. Так слушай: я создам новую землю, которой нет сейчас на свете, и укреплюсь там, и ты мертвыми зубами будешь глодать ее твердь, и я создам новый народ, который примет меня и пойдет за мной, и дам ему в обладание всю землю – ибо я знаю, как делать это!

И с этими словами он оставил великого царя Дигхакулу, и тот умер, а Фома Кенахоки перешел через желтую воду по телам водных чудовищ, подставлявших ему свои спины, и пошел к воротам.

Никто не задержал его в пути, и никого не встретил он, пока шел по переходам и штольням, по гигантским подземным залам и по чудесным пещерам, полным сокровищ, к выходу. Чудовища, окружавшие его в подземных чертогах, казалось, сгинули или попрятались по своим норам и ямам, в которых сидели теперь, боясь показаться ему на глаза после смерти их владыки, и только шорох его собственных шагов да плеск дальней воды слышались под гулкими сводами. Нескоро вышел он к свету солнца, и нескоро оно осветило его своими лучами, и оказалось, когда он вышел из

норы в земле, что легкая тучка, которая покрыла солнце, когда он входил, сейчас только медленно отползает с лика небесной колесницы. И, увидев это, Фома, имя которому было ранее Кенахоки, пошел ко дворцу своего отца, чтобы увидеть его и обнять его.

Отец и мать со слезами на глазах бросились к нему, увидев, что он жив и здоров, и народ, собравшийся вокруг, чтобы выразить царю свою скорбь от потери наследника престола, теперь предавался веселью и радостными кликами оглашал воздух. И Фома рассказал им все, как было: о том, как шел в подземное царство, и каких чудовищ видел по дороге, и как говорил с великим демоном Дигхакулой, и что узнал от него, и как его убил и поднялся на поверхность. Но народ, услышав, что великий змей убит и стал добычей тления, возроптал, и люди сказали себе в сердце своем: «Что же?! Нет теперь великого царя, повелителя бездны? И кто же теперь будет растить нам зерно, и разве не станут отныне неплодными утробы скота и чрева женщин? И не иссякнут ли источники, что бьют из земли?» И, возроптав, пошел к царю Гетигалпе и сказал:

– Вот, о царь, что сделал нам сын твой! Он погубил того, кто давал нам воду, и зерно, и скот, и детей. И что будет теперь с нами, и какими будут дни наши теперь? Да еще получил сын твой новое имя. И что за имя? Что оно значит? Ибо старое имя его было понятно, а новое – мы не понимаем, что означает оно и на каком языке звучит оно.

Услышав это, Фома, царевич Кенахоки, сказал:

– Люди, слушайте! И народ, которым я мог бы править, слушайте! Ложью было то, что говорил вам великий царь, повелитель бездны, ибо не он питал источники вод, и лоно земли, и утробы скота, и чрева женщин. Иные причины служат вам для всего этого! И я освободил вас от тягот дани, которую наложил на вас царь подземелий, владыка пустыни. Что же ропщете вы и о чем жалуетесь вы?

Но народ не слушал его и говорил царю Гетигалпе:

– Царь! Слышишь ли ты, что говорит он? Неужели ты не изгонишь нечестивца, покусившегося на то, что давало нам жизнь? Изгони его, и будем жить по-прежнему, и будем приносить жертвы… [далее фрагмент текста утрачен].

[…] к северу! Ибо не приветствуют меня здесь, и не хотят принять дар мой, что приготовил я людям. Правду говорил мертвый бог, царь, владевший источниками бездны: не примет меня народ мой, и другие народы не примут. Вот, ушел я от моего народа, в котором родился, ибо люди роптали, и не хотели видеть меня, и гнали меня, и отвернулись от меня. И здесь ныне я тоже нежеланный гость!

Так говорил сам себе пророк Фома в своем сердце. И сказал он себе:

– Пойду далее, искать то, чего не терял, жить в месте, которого нет, пить воду, которая еще не пролилась, есть зерно, которое еще не выросло.

Так сказал сам себе пророк Фома, прежнее имя которого было Кенахоки, и, встав с ложа своего, собрал заплечный мешок и вышел из шатра своего, чтобы спуститься с гор, на которые взошел, и идти далее.

[Фрагмент текста утрачен] …к морю, и оно плескалось у ног его, и в волнах его он… [далее текст испорчен]. И сказал пророк Фома:

– Поистине, здесь я сделаю место себе, чтобы жить, и обитель свою, чтобы было, где приклонить голову ночью! Я прошел тридцать земель, и тридцать народов отвернулись от меня. Значит, мне осталось сделать так, как я и сказал тогда, в подземелье, – создать собственный народ и собственную землю.

И тогда он, выйдя на берег моря, повелел волнам остановиться и пошел по ним, как по суше, и остановился посреди моря, указал рукой на то место, где стоял, и сказал:

– Вот здесь будет место земле моей, чтобы жить мне и людям, которых я создам!

И тотчас из вод морских поднялись камни, и скалы, и появились песчаные отмели и моренные гряды, и образовались в море острова, числом пять, и несколько мелких островков возле них.

– Вот, – сказал пророк Фома, – это и будет моя земля. Смотри, царь, повелитель бездны, как я навалил на тебя эти камни! И ты не сдвинешься с места и всегда будешь нести на себе эту тяжесть, пока я не освобожу тебя, и глодать мертвыми зубами живую твердь островов, пока я не сниму с тебя их вес.

И повелел он земле произрастить на себе деревья, и другие растения, и призвал птиц небесных, чтобы вили гнезда свои здесь и выводили птенцов, и призвал рыб и существ бездн морских, чтобы обитали в водах возле островов, и ходили косяками, и размножались, ибо надо было народу его иметь, чем питаться и чем поддерживать свои силы.

– Вот, – сказал пророк Фома, – создал я землю, на которой жить и над которой властвовать. Но кому же жить на ней и властвовать над ней? Создам народ, который поддержит меня, который населит эти камни и станет владыкой над ними, чтобы они не были пусты и необитаемы!

И простер руку свою, и взволновалось чрево земли, и лоно вод всколыхнулось, и взял пророк от воздуха и света небесного, и создались люди, числом пять сотен, и сказал им пророк Фома:

– Вы – создания мои, созданные мною благодаря моей силе творения, ибо я сотворил вас из воздуха. Вы населите эту землю, чтобы она рождала вам, и построите себе жилища на ней. И, так как вы таковы… [далее фрагмент текста утрачен] …обители под землей и ходить ночью, и

ночь будет временем [для жизни? Текст неясен]. Завещано вам также владеть той землей, что дала мне жизнь за морем, возле дельты великой реки, что впадает в это море.

Так сказал пророк Фома, и после того, сотворив народ свой, молвил он:

– Поистине, строителями дома своего будете вы, и каменщиками для жилищ своих, и та земля, на которой вы поселитесь, да будет домом вам. Поэтому я нарекаю вас народом Хейма и землю эту – Хеймом. Да будет таково имя этой стране!

И после того правил народом Хейма тысячу лет, до того, как взошел [? Здесь текст неясен]. И ведется счет лет с тех пор, как произошло это, и живет и поныне народ хеймингов на земле, завещанной ему пророком Фомой, чье прежнее имя было Кенахоки, и кто знает это и возглашает это повествование, да не будет тому никакого поражения, и да сохранятся его слова на тысячу лет и на десять тысяч лет от сего дня.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРОЛОГ 7
I. ЭЙНО МЕРИЛОДА, АДМИРАЛ 15
II. НАПАДЕНИЕ 36
III. В СТРАНЕ ВОДИНОВ 41
IV. СУДЬБА КОЙВИСТО РЕШЕНА 54
V. НАЧАЛО ПОХОДА 63
VI. В САБРИИ 74
VII. НОЙД 86
VIII. КОНЕЦ КОЙВИСТО 97
IX. В СВЯТИЛИЩЕ ДЕВЫ ИЛМАТАР 102
X. ЧЕРЕЗ ТРИ ГОДА 113
XI. НЕНАВИСТЬ 118
XII. ФЕСТ И ДРУЖНАЯ ГОРКА 128
XIII. НА ВОСТОК 142
XIV. НА БОЛОТАХ ГРЮНЕМООР 175
XV. СНОВА В ИЗГНАНИЕ 187
XVI. ПО ЛЕСАМ ВОСТОКА 204
XVII. У ФОРТА КОНДИНИЕМИ 213
XVIII. КОНЕЦ ВЕЛИКОГО СКИТАНИЯ 224
XIX. РОМАН КАРЛОВИЧ ХЕДДЕР, ВТОРОЙ МИНИСТР ХЕЙМИНГИИ 233
XX. ЦЕНТРОБЕЖНАЯ СИЛА 246
XXI. ЗАГОВОРЩИКИ 262
XXII. ИСКУШЕНИЕ 267
XXIII. В СТОЛИЦУ ВЕЛИКОГО ХЕЙМА 277
XXIV. В ХЕЙМССТАДИРЕ 288
XXV. МЯТЕЖ В СТОЛИЦЕ И ЕГО ОРГАНИЗАТОРЫ 300
XXVI. УУРАС 309

XXVII. НА ЛАДОГЕ 315
XXVIII. АХОЛА 331
XXIX. ВОЙНА ПРОДОЛЖАЕТСЯ 339
XXX. СОБОЛЕЦКИЙ КРИЗИС: НАЧАЛО 351
XXXI. СНОВА СОБОЛЕЦ 360
XXXII. В ОЖИДАНИИ БИТВЫ 367
XXXIII. БИТВА ЗА СОБОЛЕЦ 380
XXXIV. КУЛЬТ ХОЛОН 388
XXXV. КОРЕЛЬСКИЙ МЯТЕЖ 402
XXXVI. КОНЕЦ МЯТЕЖА 420
XXXVII. ОТ МИРА 435
XXXVIII. МОНАХ БОДХИРАТНА 444
XXXIX. КРИШНАИТЫ 460
XL. В ПОИСКАХ ВЫХОДА 468
XLI. АГРЕССИЯ 487
XLII. НА ОНЕЖСКОМ ОЗЕРЕ 497
XLIII. НАЧАЛО АГОНИИ 506
XLIV. КАТАСТРОФА 520
ЭПИЛОГ 535
ПРИЛОЖЕНИЯ 558
I. Глоссарий 558
II. Народы Ингерманландии 562
III. Легенда о создании народа хейминго в 566

Литературно-художественное издание

Бурмистров Сергей Леонидович

ХЕЙМ

Роман

Подписано в печать 05.06.2012.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,95
Издательство «Геликон Плюс»
ISBN 978-5-93682-798-3
Тираж 500 экз.